Абгар Рубенович ИОАННИСЯН

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
Москва: Наука. 1966

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009. Орфография оригинала сохранена. Расположение авторских ссылок изменено. Дополнительные материалы рекомендованы нами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие
Глава 1. ОТ ЭГАЛИТАРИЗМА К КОММУНИЗМУ
«Социальный кружок» — Бонвиль — Освальд — Доливье — Бабеф — Борье — Кольмар — Дюкрюи — Жирар
Глава 2. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ. ОБЩИННЫЙ КОММУНИЗМ II КООПЕРАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ
Проекты ассоциаций — Юпей — «Что такое конституция» — Колиньон — Шапюи — Сильвен Марешаль — Кооперативные проекты — Ланж
Глава 3. КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ РЕТИФА ДЕ ЛЯ БРЕТОНА
Глава 4. БУАССЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОММУНИЗМ
Глава 5. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ПЕРИОД РЕСПУБЛИКИ И ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ
Коммунистические идеи в петициях и обращениях к Конвенту — Дюфурни де Вилье — Греню — Сабаро — «Изыскание во имя счастья свободного народа» — Лежэ
Заключение
Указатель имен

Незабвенной памяти академика Вячеслава Петровича Волгина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коммунистические идеи эпохи Великой французской революции — важнейшая веха в развитии утопического коммунизма. «Современный социализм, — писал Энгельс в своей классической работе «Развитие социализма от утопии к науке», — по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой — царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века»[1].

В истории утопического социализма и коммунизма можно наметить два основных этапа. До конца XVIII в. утопический коммунизм представлял отвлеченную мечту, которая излагалась или в виде повествований об идеальных общественных порядках, царящих в некиих неведомых странах (вроде острова Утопии Мора), или в абстрактно-теоретических трактатах о наилучшем общественном строе. Правда, уже во время первых «буржуазных движений», особенно в эпоху английской революции XVII в., «вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»[2], движения, сопровождавшиеся коммунистическими лозунгами. Но эти выступления были еще облечены в основном в религиозную оболочку. Это относится не только к Томасу Мюнцеру и анабаптистам, но и к «истинным левеллерам», обосновывавшим свои требования ликвидации частной собственности «видением», «гласом божиим» и хилиастическими чаяниями. Поэтому и коммунизм периода английской революции, несмотря на первые попытки разработки практической коммунистической программы, не мог положить начало новому этапу в истории утопического коммунизма.

Это произошло лишь в эпоху крупнейшей из буржуазных революций — Великой французской революции, не только ликвидировавшей во Франции старый феодально-абсолютистский строй, но и подорвавшей корни феодализма во всей Европе и совпавшей по времени с промышленным переворотом в Англии, с переходом от мануфактурной стадии капитализма к промышленному капитализму. Именно в эпоху Французской революции имело место, пользуясь словами Энгельса, более последовательное развитие принципов, выдвинутых просветителями XVIII в., были сделаны последовательные выводы из провозглашенных революцией лозунгов свободы, равенства и братства и был поставлен вопрос о создании коммунистического общественного строя, единственно способного претворить эти лозунги в жизнь. Коммунизм впервые в истории стал лозунгом политической борьбы и программой политического движения.

Социализм и коммунизм конца XVIII в., как и первых десятилетий XIX столетия, оставался, разумеется, утопическим, поскольку общественные предпосылки для возникновения научного коммунизма окончательно сложились лишь к 40-м годам XIX в. «Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества»[3]. Но этот утопический социализм и коммунизм ставил уже, как актуальный и насущный, вопрос о преобразовании общества на новых основах, ставил в порядок дня ликвидацию общественного неравенства и эксплуатации человека человеком, создание нового, бесклассового общества. Именно порожденный Великой французской революцией, социализм и коммунизм конца XVIII — начала XIX в. выдвинул целый ряд идей и положений — о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса, о революционной диктатуре как необходимой предпосылке перехода к коммунизму, о плановом хозяйстве, о праве на труд, о ликвидации противоположности между физическим и умственным трудом, между городом и деревней, о ликвидации общественного паразитизма, о замене конкуренции соревнованием, об отмирании государства и многие другие — критически использованные Марксом и Энгельсом при разработке научной теории коммунизма.

Изучение коммунистических идей эпохи Великой французской революции представляет большой интерес не только с точки зрения генезиса научного коммунизма. В наши дни, когда сотни миллионов людей выступают под знаменем демократии и социализма, особенно поучительно видеть, как еще в эпоху крупнейшей буржуазной революции идеи последовательной, подлинной демократии, воодушевлявшие народные массы, неизбежно приводили к идеалам коммунизма.

Утопический коммунизм появился во Франции уже в конце XVII столетия. Кризис феодально-абсолютистского строя, рост капиталистической мануфактуры, развитие товарно-денежного хозяйства и капиталистических отношений, обусловленные этим новые социальные противоречия, настроения общественных низов, жестоко страдавших как от феодальной, гак и от капиталистической эксплуатации, — все это создавало предпосылки для перенесения на французскую почву зародившихся в Англии и в Италии еще в XVI в. идей утопического коммунизма. Их первым выражением был роман Вераса д'Алле «История севарамбов, изданный в 1675 г. на английском, а в 1677 г. на французском языке. В этой типичной утопии описывалось некое государство севарамбов, якобы существующее на австралийском континенте и организованное на коммунистических началах. Роман Вераса вызвал многочисленные подражания. В течение всего XVIII столетия во Франции нескончаемым потоком появлялись утопические романы, часть которых имела коммунистическую направленность. Но все они были не более чем вольными фантазиями, подчас даже весьма примитивными.

С середины XVIII столетия во Франции появляются уже и трактаты, посвященные изложению и теоретическому обоснованию принципов коммунизма. Опубликованный в 1755 г. «Кодекс природы» Морелли провозглашал коммунизм идеальным и единственно желательным строем и излагал основы коммунистического законодательства. В своих многочисленных работах Мабли также рассматривал коммунизм как идеальное общественное устройство. Однако и для Морелли, и для Мабли коммунизм — лишь теоретический идеал, обосновываемый чисто рационалистически как разумный и естественный общественный строй, соответствующий природе человека. В «Кодексе природы» абстрактная схема коммунистического общества излагается вне времени и пространства, в отрыве от реальной французской действительности, и обосновывается общими абстрактно-теоретическими рассуждениями и аргументами о преимуществах строя, основанного на общности имуществ. Что касается Мабли, то он не считал даже возможным установление коммунистических порядков в современных ему европейских государствах, мечтая лишь, подобно Руссо, об уравнении состояний, т.е. ограничиваясь на практике лишь эгалитарными идеалами.

Во французском утопическом коммунизме XVIII в. особняком стоит величественная фигура Жана Мелье, великого бунтаря, выразителя настроений деревенской бедноты, беспощадного обличителя всей гнусности современного ему политического и социального строя, призывавшего народы к восстанию против тирании и восхвалявшего тираноубийц. Но «Завещание» Мелье с его призывом к стихийному народному бунту не было и не могло быть конкретной политической программой. Да и самый коммунизм Мелье представлял себе еще крайне примитивно — как совокупность общин-приходов.

Такова была картина утопического коммунизма во Франции до Великой французской революции.

В годы революции идеи утопического коммунизма получают дальнейшее развитие и распространение. По мере обострения политической борьбы все более обнажались классовые противоречия между буржуазией и плебейскими массами. В области идеологии это находило свое выражение в различном понимании провозглашенных революцией лозунгов свободы, равенства, братства. Для плебейских масс города и деревни идеалы равенства и братства отожествлялись не только с равенством политическим, но и с равенством социальным. Это плебейское понимание равенства выражалось в основном в уравнительных устремлениях, в эгалитарных идеалах имущественного равенства. Но подчас оно находило свое выражение и в коммунистических идеях,

связывавших истинное социальное равенство и братство уже не с уравнением, а с полным упразднением частной собственности. После термидора, в условиях порожденного революцией нового буржуазного общества, создались еще более благоприятные предпосылки для распространения коммунистических идей.

Развитие коммунистических идей в годы Великой французской революции характеризуется следующими тремя основными моментами.

Во-первых, коммунистические идеи приобретают несравненно более конкретный характер. Они непосредственно связываются с грандиозной политической борьбой в стране, с практическими задачами революционного переустройства Франции, с основной проблемой — о целях революции и путях ее завершения. Коммунистические идеи излагаются теперь не в фантастических романах и даже не столько в теоретических трактатах, сколько в политических памфлетах, брошюрах, в периодической печати, в виде адресуемых законодательным органам конкретных планов и предложении.

Во-вторых, коммунистические идеи получают известное распространение. Их выдвигают не только литераторы, публицисты и политические деятели, а и рядовые граждане. При этом коммунистические идеи находят отклик не только в Париже, но и в провинции. После же термидора, в дни бабувистского движения, распространение коммунистических идей принимает такие размеры, что в Париже даже на улицах велись разговоры о тех благах, которых можно было бы добиться в случае установления общности имуществ.

В-третьих, именно в период Великой французской революции оформляется революционное крыло утопического коммунизма, возникает революционный коммунизм, ставивший целью осуществление коммунизма революционным путем, путем установления революционной диктатуры, в целях коммунистического переустройства общества. Идеология революционного коммунизма складывается еще в годы наивысшего подъема революции; после термидора революционный коммунизм выливается в политическое движение, вошедшее в историю под названием «заговора во имя равенства».

Несмотря на большое значение коммунистической мысли эпохи Великой французской революции как для истории самой революции, так и для истории коммунизма, она еще совершенно недостаточно изучена. Вернее, относительно изучено лишь бабувистское движение. Мы говорим относительно, так как, несмотря на обилие литературы, посвященной Бабефу и бабувизму, всесторонняя, исчерпывающая, научная история «заговора во имя равенства» до сих пор не написана. Коммунистическим идеям в период революции в целом посвящены фактически лишь две работы. Еще сто лет назад Амедэ ле Фор опубликовал книгу «Социализм во время Французской революции»[4]. Книга эта не носит научного характера. Под понятие «социализм» автор подводит решительно все — и любые уравнительные высказывания, и чуть ли не все мероприятия якобинской диктатуры. Рассмотрение собственно коммунистических идей сводится к цитированию бабувистской литературы. В 1898 г. А.Лиштанберже — автор ряда работ, посвященных утопическому социализму, — опубликовал монографию «Социализм и Французская революция»[5]. Исходя из методологии буржуазной исторической науки, Лиштанберже также трактует термин «социализм» весьма расширительно, не делая по существу различия между коммунизмом и эгалитаризмом. Но книга Лиштанберже имеет безусловно целый ряд несомненных достоинств. Хотя Лиштанберже тоже посвящает значительную часть своей монографии бабувизму, но он все же пытается дать общий обзор идей коммунизма в период Французской революции. Его самой большой заслугой является то, что он первый сделал попытку использовать архивные материалы для освещения этого вопроса. Но он ограничился лишь тем, что на двух страницах кратко перечислил некоторые проекты коммунистического характера без их подробного изложения, без всякой попытки их изучения и анализа, не постаравшись даже выяснить их датировку и личность авторов. Недостаточное внимание уделяет Лиштанберже и печатным источникам. Например, упоминая о Ретифе де ля Бретоне, он ограничивается лишь заявлением, что последний к началу революции отказался от своих коммунистических убеждений, а это, как легко сможет убедиться читатель, свидетельствует лишь о том, что он не дал себе труда познакомиться с произведениями Ретифа эпохи революции. Он кратко говорит о Буасселе как об авторе «Катехизиса человеческого рода», совершенно игнорируя его произведения периода революции и его богатейший архив, о котором он, видимо, не имел никаких сведений. Он вообще не упоминает о целом ряде представителей коммунистической мысли этих лет. При всем том монография Лиштанберже остается до настоящего времени единственной работой, специально посвященной интересующему нас вопросу. Вполне прав поэтому французский историк Альбер Собуль, указывающий в своей недавно опубликованной капитальной работе о парижских санкюлотах, что хотя книга Лиштанберже и может показаться временами поверхностной и устаревшей, но она до сих пор ничем не заменена[6]. Это не значит, конечно, что не было работ, посвященных отдельным представителям коммунистической мысли. Об этих работах мы упоминаем в соответствующих разделах нашей книги.

Выдающийся советский историк, крупнейший специалист по истории утопического коммунизма, академик В.П.Волгин в своих многочисленных научных трудах, в том числе и в монографиях «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» и «Французский утопический коммунизм»[7], дал блестящий марксистский анализ предреволюционного французского утопического коммунизма, а также идеологии бабувизма. Установленное им строгое научное разграничение коммунизма и эгалитаризма, коммунистической и уравнительной идеологии[8], создало предпосылки для изучения и правильного анализа общественной мысли как предреволюционных лет, так и эпохи Французской революции.

Над изучением отдельных представителей коммунистической мысли конца XVIII в. автор начал работать уже давно. Еще в 1931 г. была опубликована его первая статья, посвященная Ретифу де ля Бретону, а в 1935 г. появился его очерк о Ретифе в виде вступительной статьи к утопии «Южное открытие». Тому же Ретифу, а также проектам ассоциаций XVIII в. и Ланжу, уделено значительное место в его монографии «Генезис общественного идеала Фурье», вышедшей в свет в 1939 г. За последние годы автор опубликовал ряд статей, посвященных тому же кругу вопросов: «Из истории идей утопического коммунизма во Франции в период Директории» («Вопросы истории», 1957, № 6), «Джон Освальд и «Социальный кружок»» («Новая и новейшая история», 1962, № 3), ««Социальный план» Жана Клода Шапюи» («Новая и новейшая история», 1963, № 2), «Из истории коммунистических идей в 1792—1796 годах» («Французский ежегодник», 1962). «Об авторе «Предвестника изменения всего мира»» («Новая и новейшая история», 1964, № 4). Хотя эти статьи и основаны уже частично на материалах Национального архива и Национальной библиотеки в Париже, они были написаны, однако, до последующей работы автора в парижских архивах и книгохранилищах, которая дала ему возможность значительно дополнить собранный им материал. Поэтому соответствующие разделы книги отнюдь не являются дословным воспроизведением упомянутых выше статей. Большая же часть монографии состоит из разделов, нигде предварительно не публиковавшихся. Кроме печатных изданий, хранящихся в Национальной библиотеке, и материалов Национального архива, автором использованы также документы Архива Префектуры полиции, Департаментского архива Сены и Уазы, Отдела рукописей Национальной библиотеки.

Хронологически монография обнимает лишь период 1789—1794 гг., т.е. до термидорианского переворота. Она является, таким образом, как бы первой частью исследования, посвященного изучению коммунистической мысли эпохи революции. Автор нарушает эти хронологические рамки лишь в двух случаях. Он доводит до конца изучение тех представителей коммунистической мысли (вроде Буасселя, Ретифа де ля Бретона, Шапюи), основная деятельность и главные произведения которых относятся к дотермидорианскому периоду, поскольку было бы совершенно нецелесообразно обрывать изложение на июле 1794 г. и не дать законченного представления об их жизненном пути и идейном наследстве. Рассматриваются также два уравнительных проекта (Дюкрюи и Жирара) и один коммунистический (Лежэ), хотя и написанные уже после термидора, но органически связанные с аналогичными проектами предыдущих лет.

Первая глава посвящена радикальному эгалитаризму, идеи которого вплотную подводили к коммунистическим идеалам, в частности тем его представителям, которые в годы революции совершили переход от эгалитаризма к коммунизму. Во второй главе рассматриваются коммунистические идеи в первый период революции и, прежде всего, характерные для этого периода идеи общинного коммунизма, а также кооперативные проекты, которые тоже вели к планам общин — «фаланг». Коммунистическим идеям в период республики и якобинской диктатуры посвящена последняя, пятая глава. В этот период мы уже почти не встречаем идей общинною коммунизма; коммунистические проекты этих лет — проекты централистического коммунизма, преобразования Франции в коммунистическую республику с единым, централизованным хозяйством. Таким образом, в этой главе, с точки зрения тематической, рассматриваются идеи централистического коммунизма, непосредственно предшествующие аналогичным проектам бабувистов

Особые главы отведены Ретифу де ля Бретону и Буасселю. Обилие материала не давало возможности включить посвященные им страницы в другие разделы работы, тем более что их коммунистическая пропаганда относится в равной мере ко всем периодам революции. Что касается Буасселя, то он выступает до термидора не только как самый крупный коммунистический теоретик, но и как политический деятель, впервые связавший коммунизм с конкретной политической программой, как один из основоположников революционного коммунизма. Его политическая деятельность и коммунистическая пропаганда в годы революции требуют поэтому детального рассмотрения.

Автор меньше всего льстит себя надеждой, что ему удалось исчерпать весь материал, относящийся к теме его исследования. И в печатных изданиях, и в архивах можно будет еще найти много новых данных о коммунистических идеях эпохи революции. Он надеется, однако, что его работа восполнит некоторые пробелы в истории французского утопического социализма и будет тем самым содействовать дальнейшему изучению одного из главных источников научного

коммунизма.

Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

1 К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Издание второе, т.19, стр.189.
2 Там же, стр.191.
3 В.И.Ленин. Сочинения. 4-е издание, т.19, стр.7.
4 Amedee Le Faure. Le socialisme pendant la Revolution francaise. Paris, 1863.
5 A.Lichtenberger. Le socialisme et la Revolution francaise. Paris, 1898.
6 A.Soboul. Les sans-culottes parisiens de l'an II. Paris, 1958. p.1059.
7 В.П.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке (**http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf**). М., 1958; он же. Французский утопический коммунизм (**http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html**). М,. 1960. Обе работы можно скачать в нашей библиотеке, ссылки даны в круглых скобках.
8 См. его специальную работу «Социализм и эгалитаризм» («Очерки по истории социализма», изд. 4-е, дополненное, М.—Л., 1935).

1. ОТ ЭГАЛИТАРИЗМА К КОММУНИЗМУ

Общеизвестно, какое распространение получили в период Французской революции уравнительные идеи. Их пропагандировали не только плебейские, но и мелкобуржуазные идеологи и политические деятели. Идейным отцом уравнительной теории был Руссо, а известно, какое влияние оказал он на общественную мысль эпохи, какое распространение имел руссоизм в годы революции, особенно в период якобинской диктатуры.

Ортодоксальный руссоизм обосновывал, однако, лишь умеренный и ограниченный эгалитаризм. Несмотря на резкую критику общественного неравенства, практическая программа Руссо была программой лишь умеренных уравнительных мероприятий. Руссо полагал, что современные ему государства уже не могут вернуться к первоначальному полному равенству и считал возможным лишь известное смягчение общественных противоречий, известное ограничение неравенства путем налоговой политики, уравнительных законов о наследовании и других аналогичных мероприятий. Даже для таких маленьких и неразвитых стран, как Корсика, которые Руссо считал наиболее способными к совершенствованию общественного строя, он предусматривал не принудительный земельный передел, а лишь установление максимума земельной собственности.

Такого рода уравнительные идеи имели самое широкое хождение в годы революции. Под идейным знаменем учения Руссо выступали самые выдающиеся революционные деятели, вожди якобинцев — Марат, Робеспьер[9], Сен-Жюст и другие, высказывавшиеся за устранение крайнего общественного неравенства, хотя и считавшие полное равенство имуществ — неосуществимой химерой. С эгалитарными предложениями выступали и идеологи «бешеных». Но и они, требуя решительных мер для обуздания спекулянтов и богачей, высказывались, по существу, лишь за известное ограничение и перераспределение собственности. Все такого рода эгалитарные идеи периода революции представляют только косвенный интерес для истории коммунизма своей критикой общественного неравенства, общими рассуждениями об условном характере собственности и т.п. Их рассмотрение не входит поэтому в нашу задачу.

Наряду с подобными воззрениями, обосновывавшими необходимость известного смягчения общественного неравенства и ограничения собственности, в годы революции получают распространение и идеи радикального эгалитаризма, выступавшего за полное упразднение общественного неравенства и за полное уравнение собственности. Также исходя из основных положений Руссо радикальные эгалитаристы шли, однако, дальше него, делая дальнейшие логические выводы из его учения.

Представители радикального эгалитаризма выдвигали в первую очередь вопрос об уравнении земельной собственности, об уравнительном переделе земли, выступали как сторонники «аграрного закона» — лозунга, столь широко распространенного в годы революции. Однако было бы неправильным полагать, что «аграрный закон» во всех случаях отождествлялся с радикальным эгалитаризмом, что все сторонники «аграрного закона» являлись радикальными эгалитаристами, т.е. выступали против любых форм общественного неравенства.

Многие проекты «аграрного закона», пропагандировавшиеся как накануне, так и в начале революции, были, по существу, направлены лишь против феодального землевладения, против старых аграрных отношений. Объективно они отражали стремление крестьян получить землю, сосредоточенную в руках привилегированных сословий, отражали стремление самых широких общественных кругов к решительному искоренению феодализма, к ликвидации феодального землевладения.

Характерна в этом отношении сохранившаяся в Национальном архиве брошюра — «Необходимость и средства установить аграрный закон, обеспечить пропитание бедных, реформировать духовенство и военную организацию»[9a]. Автор заявляет, что «все люди в естественном состоянии имели равные права на плоды земли». Он считает, однако, что теперь невозможно уже установить первоначальное равенство. Необходимо поэтому хотя бы ограничить

размер земельных владений и увеличить число земельных собственников. В этой связи он и предлагает проект соответствующего закона.

Еще более ярким примером может служить книга аббата **Курнана** «О собственности или дело бедняка, защищенное в трибунале разума, справедливости и истины»[10]. Книга эта была издана в 1791 г., но, по свидетельству самого автора, написана в конце 1789 г., т.е. в первые месяцы революции. Курнан выступает против «неравенства», выражает свое сочувствие порабощенному народу, провозглашает себя сторонником «равенства» и «всеобщего счастья», считает «законом природы», чтобы все жили своим трудом, плодами засеянного ими поля, ограничивались лишь самым необходимым, одевались в одежды из грубой материи, сотканной ими самими. В этой связи, предвосхищая знаменитый тезис Сильвена Марешаля, он даже восклицает: «Пусть погибнут навек науки и искусства! Пусть погибнут все произведения ума и монументы гения, если необходимо их покупать ценой свободы и счастья хотя бы одного человека!»[11] Но все это лишь общие декларации, необходимые Курнану для обоснования своего проекта перераспределения земельной собственности. Практически его предложения сводились к следующему. Курнан толковал Декларацию прав, провозглашавшую собственность одним из естественных и незыблемых прав человека, в том смысле, что каждый гражданин должен иметь собственность, гарантированную законом. Исходя из этого, он обосновывал «необходимость раздела поровну всех земель королевства» и выдвигал соответствующий проект. По его расчетам, в случае подобного раздела на долю каждого жителя Франции пришлось бы в среднем по 7 арпанов. Курнан считал, однако, целесообразным оставить часть земли в распоряжении государства. Тогда на долю каждого приходилось бы всего по 4,5 арпана, но зато не было бы никаких податей. Расходы государства покрывались бы доходами от находящихся в его распоряжении земель, сдаваемых в аренду. Из этого государственного фонда и наделялись бы землей все новорожденные и в его распоряжение поступали бы земельные участки умерших граждан.

Автор не скрывает, против кого направлен его проект, чьи интересы он задевает. «Как, — восклицает он, приводя аргументы противников его предложения, — г.герцог, г.маркиз, г.шевалье будут ограничены 7 арпанами земли! Они будут сами обрабатывать свое поле, жить его плодами, проживать в деревне! Эта молодая графиня, столь нежная и красивая, будет кормить грудью, одевать и воспитывать своих детей!». В ответ на подобного рода возражения он требует, чтобы предварительно доказали, что «герцог, маркиз, шевалье представляют собой нечто большее, чем какой-либо другой человек»[12].

В то же время Курнан не только не выступает против крупной буржуазии, не ограничивает капиталистическое предпринимательство, а, наоборот, всячески его восхваляет и превозносит. Он специально подчеркивает, что раздел земель никак не затрагивает движимую собственность[13]. «Движимая собственность, — пишет он, — будет принадлежать каждому данному лицу, который сможет ее обменивать, продавать и располагать ею по своему усмотрению. Она будет переходить к его самому близкому наследнику, так как все, что человек приобретает сверх земельной собственности своим трудом и своей индустрией, принадлежит ему и не подотчетно никому». «Все, чем человек в настоящее время владеет в виде движимой собственности, будет за ним сохранено». Ликург был прав, осуществляя раздел земельных владений, но не был прав, стремясь разделить также движимость и деньги, так как равенство между людьми не должно препятствовать каждому из них развивать все свои способности и использовать все свои таланты, чтобы обеспечить себе все, что может сделать его счастливым[14]. Правда, в случае равного раздела земель, «предприниматели» (les entrepreneurs) не будут иметь возможности приобретать, как раньше, земельные владения, но это лишь побудит их больше «интересоваться славой и успехами своих предприятий (etablissemens), вкладывать в них все свои богатства и свою прибыль, оставляя своим детям, как самую ценную часть своего наследства, большие предприятия с большими средствами, чтобы их поддерживать и расширять»[15]. Поэтому после раздела земель «мануфактуры, полезные искусства и торговля» станут даже более процветающими. «Но тогда богатства станут вознаграждением таланта, достоинства и длительных услуг, оказанных обществу. Они будут увеличивать удовольствия того, кто будет ими обладать, не уменьшая утехи кого бы то ни было, так как капиталист не становится, подобно крупному собственнику (земельному. — *А.И.*), счастливым, благодаря лишениям и несчастью других. Тогда богач действительно будет распространять вокруг себя изобилие и жизнь. Науки, литература и все искусства — порождения богатства — будут продолжать пленять его досуг, украшать его жилище. Он сможет с помощью своего золота использовать все таланты... Тогда богач будет пользоваться своим достоянием без угрызения совести и не вызывая зависти, так как он будет обязан всем лишь себе самому и, создавая свое счастье, будет содействовать счастью бесконечного числа лиц, не имея возможности сделать кого-либо несчастным»[16]. Этим восторженным гимном капиталистическому предпринимательству, этой идеализацией богача-«капиталиста» и заканчивает Курнан свою работу.

На примере Курнана мы особенно ясно видим, как в первые годы революции «аграрный закон», пропагандировавшийся некоторыми политическими деятелями и писателями, был направлен своим острием лишь против феодального землевладения и привилегированных сословий, как требования равного раздела земли, несмотря на все декларации о «равенстве», на деле отнюдь не преследовали цель установления подлинного социального равенства, не стремились воспрепятствовать развитию капиталистических отношений, а даже, наоборот, поощряли и идеализировали капиталистическое предпринимательство.

Но уже с начала революции имелись и такие сторонники «аграрного закона», которые связывали его с установлением полного социального равенства. В последующие годы, по мере ликвидации феодального землевладения, как и всего сословного строя, лозунг «аграрного закона» все более наполняется новым содержанием. Продолжая выражать стремление к радикальной ликвидации всех остатков феодализма, он в то же время все больше приобретает и антибуржуазную направленность, начинает непосредственно затрагивать интересы нового, буржуазного землевладения, возникшего и укрепившегося в процессе революции. «Аграрный закон» становится одним из основных лозунгов радикального эгалитаризма, выступавшего против любого общественного неравенства.

Новая социальная сущность «аграрного закона», возникшая в процессе его развития в годы революции, и объясняет, несомненно, следующий интересный факт. В первый период революции «аграрный закон» пропагандировался во Франции совершенно открыто и легально. Конечно, реакционные круги и умеренные буржуазные деятели и тогда резко выступали против него. Но ни Учредительное собрание, ни Законодательное собрание не принимали никаких законодательных мер против пропаганды «черного передела». Однако весной 1793 г. Конвент принял специальный закон, каравший смертной казнью за пропаганду «аграрного закона». Почему же революционный Конвент сделал в самый разгар революции то, чего и не думало раньше делать даже буржуазно-консервативное Учредительное собрание, не скупившееся, вообще говоря, на различного рода антидемократические «чрезвычайные законы»? Объяснение, очевидно, заключается в том, что теперь «аграрный закон» угрожал уже самым непосредственным образом не только феодальной, но и буржуазной собственности, «священной и неприкосновенной» основе нового буржуазного общества.

Идеи радикального эгалитаризма носили, разумеется, столь же утопический характер, как и любая другая «уравнительность». Но идеи эти, получившие особое распространение в разгар революции, не вмещались уже в рамки нового, порожденного революцией, буржуазного общества, выходили за его пределы, были направлены против новых богачей, спекулянтов, скупщиков, ажиотеров и новых земельных собственников — приобретателей национальных имуществ, выражали стремление к новому социальному строю, основанному на подлинном социальном равенстве и социальной справедливости. Они выражали, объективно, социальные чаяния плебейства, прежде всего городской и сельской бедноты, классовая борьба которой получила такой размах в годы революции, особенно в период якобинской диктатуры.

Многие представители радикального эгалитаризма доводили идеи социального равенства до таких пределов, что вплотную подходили уже к коммунизму, который подчас открыто признавали идеальным общественным строем. Некоторые сторонники радикального эгалитаризма выступали уже против частной собственности на землю и требовали обобществления земельной собственности с тем, чтобы затем предоставить ее равными долями всем гражданам, но лишь в пожизненное пользование. Поскольку они не ставили еще вопрос об обобществлении всей собственности, а также потому, что они, в конечном счете, выступали за индивидуальные хозяйства и в области земледелия, подобных сторонников «аграрного закона» также следует считать уравнителями. Но поскольку они решительно отвергали частную собственность на землю, эти представители радикального эгалитаризма стояли, несомненно, ближе к коммунизму, чем уравнители, требовавшие лишь раздела земли и равной земельной собственности.

В.И.Ленин неоднократно указывал, что национализация земли как таковая не выходит еще за рамки буржуазно-демократических преобразований. Но в то же время он подчеркивал, что упразднение частной собственности на землю не может не нанести удара всей системе частной собственности. В своем докладе по аграрному вопросу на Апрельской конференции 1917 г. В.И.Ленин, обосновывая необходимость национализации земли «с точки зрения буржуазно-демократической», т.е. решения задач буржуазно-демократической революции, говорил: «Но она необходима и потому, что является гигантским ударом для частной собственности на средства производства. Думать, что после отмены частной собственности на землю в России все останется по-старому, это просто нелепость»[17].

Если так обстояло дело в XX столетии, то в конце XVIII в., когда Франция являлась аграрной страной и земля рассматривалась как основное средство производства, ликвидация частной собственности на землю нанесла бы удар самому принципу частной собственности. Именно так и полагали те сторонники «аграрного закона», которые требовали обобществления земли. Они видели в этом средство к полному преобразованию общества на основе социального равенства.

Поэтому такие сторонники «аграрного закона» находились уже как бы на полпути между «чистым» эгалитаризмом и коммунизмом. Их критика частной земельной собственности и обоснование общественной собственности на землю, безусловно, содействовали разработке коммунистической теории и распространению коммунистических воззрений. Им было гораздо легче совершить переход от эгалитаризма к коммунизму и, исходя из идеи общей собственности на землю, дойти до идеала общественного строя, основанного на обобществлении всех средств производства и общественном хозяйстве. И некоторые из них действительно совершили такой переход.

Знакомство с радикальным эгалитаризмом необходимо поэтому при изучении истории коммунистических идей в эпоху Французской революции. Мы, разумеется, не можем здесь рассматривать идеи и воззрения всех представителей радикального эгалитаризма этих лет, так как это специальная и очень обширная тема. Мы остановимся лишь на некоторых его представителях, наиболее последовательных и наиболее близких по своим представлениям и выводам к коммунистической теории, в частности, на тех, которые в процессе революции совершили переход от эгалитаризма к коммунизму.

II

Основным центром, в котором еще в первые годы революции зародились и развились идеи радикального эгалитаризма, был «Социальный кружок».

История «Социального кружка» до сих пор не написана. Серьезными и ценными работами являются статьи В.С.Алексеева-Попова[18]. Но они, разумеется, не исчерпывают всего комплекса вопросов, связанных с «Социальным кружком».

Историю «Социального кружка» нельзя сводить лишь к изучению воззрений и деятельности его руководителей — Фоше и Бонвиля — и ограничивать периодом 1790—1791 гг., хотя совершенно бесспорно, что Фоше и Бонвиль играли выдающуюся роль в «Социальном кружке», а 1790—1791 годы были периодом его расцвета.

Известно, что в январе 1790 г. довольно узкая группа лиц (точный состав которой нам неизвестен) основала «Социальный кружок», который, в свою очередь, несколько месяцев спустя создал более широкую организацию под названием «Всемирная федерация Друзей истины», проводившую с октября 1790 г. по июль 1791 г. в цирке Пале-Рояля публичные собрания. В тот же период издавался и орган кружка «La Bouche de fer» («Железные уста»). В июле 1791 г., после Варенненского кризиса, во время которого «Социальный кружок» развернул республиканскую агитацию, прекращаются собрания в цирке Пале-Рояля; одновременно перестает выходить и журнал «Железные уста». Означало ли это, однако, ликвидацию «Социального кружка», полное прекращение его деятельности?

Руководитель «Социального кружка» Бонвиль в своих произведениях, которые он публиковал в последующие годы, вновь и вновь обращался к «друзьям истины», к «Всемирной федерации друзей истины», продолжая рассматривать ее как существующую. В 1792 г. он напечатал второе издание своей работы «О духе религий». На титульном листе не только основного текста, но и дополнительного тома, помеченного 14 июля 1792 г., он указывал, что работа эта предназначается для «Всемирной федерации друзей истины»[19]. К «друзьям истины» обращался он неоднократно и в самом тексте. В изданном в 1793 г. сборнике своих поэтических произведений Бонвиль заявлял, что предназначает эту книгу для «друзей истины», которым рекомендовал одновременно ознакомиться и с рядом других произведений[20]. В брошюре **Атанаса Ожэ** «О правительствах вообще и в частности о том, которое нам подходит» помещено следующее «примечание секретаря Социального кружка», т.е. Бонвиля: «Эта речь должна была быть произнесена на федеративном собрании друзей истины, трибуну которых Социальный кружок закрыл, до того, пока, наконец, хорошо поймут, что невежество, забвение прав человека и пренебрежение ими являются причиной общественных несчастий и коррупции правительств...»[21] Таким образом, по утверждению Бонвиля, «Социальный кружок» продолжал существовать, но лишь временно, в силу политической обстановки, отказался от проведения публичных собраний.

Можно, конечно, задать вопрос, в какой мере эти заявления и обращения Бонвиля соответствовали реальной действительности. Но вот другой факт, мимо которого нельзя пройти. В 1792 г. Бонвиль опубликовал работу «Новый брачный кодекс». Призывая к широкому обсуждению разработанного им проекта, он писал: «Необходимо опускать, хотя бы тайно, все замечания в железные уста, открытые днем и ночью для рекламаций добрых граждан (Улица Французского театра № 4)»[22]. Следовательно, и в 1792 г. продолжали функционировать знаменитые «железные уста» — ящик для корреспонденции, положивший начало деятельности «Социального кружка» и ставший его эмблемой.

На улице Французского театра, в доме № 4, где находились «железные уста», помещались и бюро «Социального кружка», а также его типография, в которой были напечатаны названные работы Бонвиля и Ожэ. Издательство «Социального кружка» публиковало и многие другие книги и брошюры. Ознакомление с изданиями «Социального кружка», появившимися после 1791 г., показывает, что они отнюдь не носили случайного характера, а в своем большинстве принадлежали перу лиц, связанных с «Социальным кружком», и пропагандировали его

политические и социальные идеи. В феврале 1792 г. в обзоре, посвященном деятельности издательства «Социального кружка», специально подчеркивалось, что издательство это, связанное с «Всемирной федерацией друзей истины», отличается от обычных издательств и преследует иные цели; в этой связи говорилось о необходимости «распространять... среди малоимущих классов принципы социального счастья и общественного благосостояния»[23].

Издательство «Социального кружка» публиковало не только книги, но и периодические издания, являвшиеся органами «друзей истины». С ноября 1791 г., т.е. вскоре после того, как «Железные уста» прекратили свое существование, стал выходить журнал «Месячная хроника» («La Chronique du mois on les Cahiers patriotiques»). В исторической литературе этот печатный орган обычно характеризуется как жирондистский[24]. Журнал печатался, однако, издательством «Социального кружка». Его главным редактором был Бонвиль[25]. В одном из обращений редакции прямо говорилось, что новый журнал — преемник «Железных уст», что его успех был подготовлен успехом его предшественника[26]. С начала 1793 г. журнал официально принял название «La Chronique du mois ou les Cahiers patriotiques des amis de la verite» («Месячная хроника или Патриотические тетради друзей истины»). В журнале систематически рекламировались все издания «Социального кружка», печатались портреты Фоше, Атанаса Оже и других его руководителей, обращения, заметки, подписанные различными «друзьями истины».

Статьи и заметки, опубликованные в журнале, подтверждают, что продолжало функционировать бюро «Социального кружка». Так, в февральском номере 1792 г. было опубликовано обращение ко всем гражданам «о необходимости нового гражданского законодательства»; в связи с этим предлагалось представлять мемуары и наказы «в комитет корреспонденции якобинцев или непосредственно в бюро Социального кружка»[27]. В журнале публиковались материалы, поступившие в «железные уста», т.е. в ящик для корреспонденции.

«Месячная хроника» выходила регулярно до июля 1793 г. Одновременно с изданием этого журнала Бонвиль предпринял и издание газеты. В ноябре 1792 г. в «Месячной хронике» было опубликовано извещение о предстоящем издании «Бюллетеня друзей истины»[27a]. В извещении делалась ссылка на предыдущую деятельность «Социального кружка» и указывалось, что когда было подавлено в крови выступление против короля-клятвопреступника и упразднена свобода, оказалось необходимым изменить методы борьбы с лицемерами и тиранами, которым продолжало наносить чувствительные удары издательство «Социального кружка». Теперь «друзья истины» должны снова усилить свою деятельность. Правда, еще не время возобновить федеративные собрания, которыми могли бы попытаться завладеть какие-нибудь интриганы, но необходимо издавать ежедневный бюллетень, который освещал бы деятельность Национального Конвента, разоблачал злоупотребления и публиковал материалы, опущенные в «железные уста», функционирующие круглосуточно.

Действительно, вскоре Бонвилю удалось наладить издание «Бюллетеня друзей истины», который выходил с 31 декабря 1792 г. по 30 апреля 1793 г. В этом «Бюллетене», наряду со статьями, обзорами и другими материалами, публиковались и многочисленные письма и обращения к редакции, опущенные в «железные уста».

Все эти данные свидетельствуют о том, что и после июля 1791 г., вплоть до установления якобинской диктатуры, «Социальный кружок» во главе с Бонвилем в какой-то мере продолжал свою деятельность.

В эпоху Директории Бонвиль пытался вновь возродить «Социальный кружок». Он продолжал издательскую деятельность под маркой типографии «Социального кружка». В 1796—1797 гг. он издавал даже новый журнал под названием «Старый трибун и его Железные уста», с подзаголовком «Социальный кружок и его Железные уста; новые очерки друзей истины, чтобы восстановить и усовершенствовать старую школу социального созидания»[28]. Но это была уже безуспешная попытка возродить прежнюю, распавшуюся организацию «друзей истины», большинство которых, как горько сетовал сам Бонвиль, погибло в эпоху террора[29].

«Социальный кружок», включая «Всемирную федерацию друзей истины», не являлся клубом, как это специально подчеркивалось в его официальных документах и заявлениях. Именно поэтому многие приверженцы кружка были одновременно членами якобинского и других политических клубов. «Друзьями истины» считались все лица, которые принимали участие в деятельности «Всемирной федерации», в печатных органах «Социального кружка», в его изданиях. Приверженцами кружка являлись люди самых различных взглядов, чьи политические судьбы оказались в дальнейшем весьма различными. Среди них были и умеренные буржуазные деятели Гупиль де Префельн и Майи Шато-Реньо и будущие жирондисты Лантена, Мерсье и якобинец Камиль Демулен, избранный одним из секретарей «Всемирной федерации».

А. В. ИОФФИНОВА
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Сторонников «Социального кружка» — в своем подавляющем большинстве представителей передовой интеллигенции — объединяли лозунги политической демократии и братства народов. «Социальный кружок» выступал против цензовой конституции, за политическое равноправие, пропагандировал идею всемирной федерации свободных народов. Но часть сторонников «Социального кружка» во главе с его руководителями — Фоше и Бонвилем — связывала требование политического равенства с требованием равенства социального и, критикуя общественное неравенство, настаивала на ликвидации всех социальных привилегий, в том числе и привилегий богатства. Пропаганда идей социального равенства и привела к разногласиям внутри кружка и к отходу от него многих бывших его сторонников. К тому же, если некоторые деятели «Социального кружка» ограничивались умеренными уравнительными идеалами в духе ортодоксального руссоизма, то другие доходили уже до радикально-уравнительных идей и даже до полного отрицания собственности, как главной причины общественного неравенства.

Различные идейные течения внутри «Социального кружка» не являлись, конечно, лишь следствием субъективных воззрений отдельных его приверженцев. Объективно они отражали настроения различных социальных слоев, принимавших участие в революции. По мере углубления революции и нарастания противоречий между буржуазией и плебейскими массами усиливалась и дифференциация внутри интеллигенции. Большинство ее представителей не шло дальше требования буржуазной демократии; но часть демократической интеллигенции, все более проникавшаяся настроениями и чаяниями плебейства, выступала с обоснованием плебейского понимания равенства, как равенства социального. Историческое значение «Социального кружка» заключается в том, что в числе политических деятелей, писателей, журналистов самых различных политических направлений, вокруг него объединились и многие из тех, кто выступал против общественного неравенства. Поэтому Маркс и рассматривал «Социальный кружок» как первый этап того общественного движения, которое в дальнейшем привело к движению «бешеных», а затем к бабувизму[30].

III

Выдающимся представителем радикального эгалитаризма был основатель и один из руководителей «Социального кружка», **Николя Бонвиль**[*].

Бонвиль был плодовитым писателем и публицистом. Его перу принадлежат многие книги и брошюры; его статьи и выступления можно найти во всех печатных органах «друзей истины». Но в наиболее развернутом и последовательном виде его общественные воззрения и идеалы изложены в его основном теоретическом трактате — «О духе религий». Эта работа была опубликована Бонвилем весной 1791 г. В 1792 г. вышло второе издание этого произведения[31], к которому под заголовком «Приложение ко второму изданию Духа религий» был по существу добавлен целый новый том.

В этой своей программной работе Бонвиль подвергает самой резкой критике общественное неравенство. «До тех пор, — заявляет он, — пока будут существовать исключительные и наследственные привилегии, предоставляющие одному то, что принадлежит всем, формы тирании могут меняться сообразно обстоятельствам, но тирания всегда будет существовать»[32]. Бонвиль говорит о странах, где народ лишен всех своих прав, «где вознаграждение за целый день работы недостаточно для оплаты воды, необходимой, чтобы утолить жажду несчастной семьи гражданина». «Бедный народ, — восклицает он, — эти раззолоченные дворцы, где ваши враги губят себя изнеженностью, это вы их построили: вы им готовите натощак эти роскошные трапезы, которые пробуждают их сластолюбие»[33]. «Вы узнаете однажды, пожиратели достояния бедняка, сколь совершенны могут быть эти живые существа, сегодня настолько неразумные, что наиболее слабые из вас порабощают их тысячами...»[34] Бонвиль упоминает о «детях, рождающихся людьми, по природе равными в своих правах, с неотчуждаемыми правами на часть общего наследия, на жизнь, счастье, и которые умирают, как скоты, так и не живя»[35]. Революция не ликвидировала общественного неравенства. Наши законодатели, заявляет Бонвиль, провозгласили, что люди рождаются свободными и равными в правах, но они не приняли никаких эффективных мер, чтобы обеспечить осуществление этих прав[36]. Между тем свободные люди могут дать обязательство повиноваться законам, лишь имея целью вернуть постепенно законы к «первоначальному равенству»[37]. Основная задача — добиться «социального равенства».

Что, однако, понимает Бонвиль под термином «социальное равенство», который он многократно употребляет?[38] Его книга озаглавлена «О духе религий». Каков же, по его мнению, их истинный дух? «Равенство долей, — указывает он, — является истинным духом всех религий»[39]. «Святая свобода» «отнимет у великих мира сего их излишек, чтобы предоставить трудящемуся человеку то, что ему необходимо»[40]. «Пусть разразится всеобщая гроза... пусть она понизит все вершины (курсив автора. — *А.И.*), все превосходства, так, чтобы после этой благодетельной грозы люди на земле вновь бы обрели равенство»[41]. Прозвище «трибун народа» (присвоенное себе Бонвилем) показалось ему подходящим для его целей, так как оно напоминало о борьбе против

[*] Ссылки на материалы о Никола Бонвиле: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#nbnv**.

больших владений. И раньше некоторые считали благородным защищать слабого, однако не умели предусмотреть раздел земель[42]. Уравнение имуществ и, прежде всего, равный раздел земли — такова сущность «социального равенства».

Правомерность и законность уравнительного земельного передела Бонвиль, как и другие эгалитаристы, обосновывает историческими ссылками и примерами. «Вы постоянно утверждаете, — восклицает он, обращаясь к сторонникам общественного неравенства, — что ежегодный равный раздел земель в каждой общине является невозможным. Я отвечаю на это, что такой раздел производился, что таков был закон правления наших отцов и что этот счастливый и свободный народ, всегда суверенный народ братьев, ниспроверг народ-властелин, диктовавший миру произвольные приказы»[43]. Речь идет о франках, которые, по свидетельству Юлия Цезаря и Тацита, «каждый год делили землю»[44]. Равный раздел земель — такова цель, которую преследовали и первые законодатели. «Ликург установил в Спарте самую полную общность жен и раздел земель... Моисей установил юбилейный год, спасительный год, который каждые пятьдесят лет исправлял вред, нанесенный неопытностью и фортуной и восстанавливал равенство»[45]. В этой связи Бонвиль ссылался и на учение Иисуса, который стремился улучшить «этот священный закон евреев» «и убедить нации, что земля, как и воздух, не принадлежит никому на правах собственности (en propre) и что ее плоды предназначены для всех», и первые последователи которого проповедовали «общность имуществ»[46].

Следует сказать, что все эти ссылки и примеры мы находим и в более ранних произведениях Бонвиля. Еще в 1789 г. вышел первый том, частично переведенной, частично написанной им «Истории современной Европы»[47]. Мы находим там ту же характеристику общественного строя франков, что и в «Духе религий». Варвары, завоевавшие Римскую империю, первоначально жили в условиях «военной демократии». «Они рассматривали свои завоевания как общую собственность, в отношении которой они все имели право на раздел»[48]. Как видим, здесь говорится уже о наличии «общей собственности» на землю у франков и других «варваров».

В своих исторических ссылках Бонвиль был меньше всего оригинален. Подобная трактовка общественного строя франков была весьма распространенной во французской историографии XVIII в. Аналогичную характеристику законодательства Ликурга мы можем встретить и у Руссо и Гельвеция, и у д'Аржансона и Мерсье, и у Монтескье и Мабли, и в таких общеизвестных в XVIII в. исторических работах, как «Древняя история» Роллена. Столь же общепринятой была и трактовка первоначального христианства как учения, проповедовавшего «общность имуществ». Если, однако, коммунистические идеологи ссылались на христианское учение и на первобытный строй франков для обоснования своих коммунистических идеалов, то уравнители и даже более умеренные критики общественного неравенства ссылались на это учение (наряду с еврейским «юбилейным годом» — тоже распространенным в литературе XVIII столетия примером) для обоснования правомерности перераспределения собственности, придания собственности всеобщего характера, права всех на равную долю общественного достояния.

Что Бонвиль именно в этом смысле ссылался, наряду с другими историческими примерами, на «общность», признававшуюся первыми христианами, видно из следующего его заявления: «Если бы угнетенным и лишенным своего наследия (patrimoine) народам сказали бы, что колдуны являются истинными друзьями равенства, братства и стремятся установить путем последовательного дробления долей или наделов (sorts ou partages) великую общность (курсив автора. — *А.И.*) всех имуществ и всех надежд на земле, то колдунов не посмели бы сжигать»[49]. Как видим, под общностью Бонвиль понимал всеобщий характер собственности, полностью уравненной путем последовательных дроблений, наличие у каждого одинаковой доли общего достояния человеческого рода.

В этом смысле термин «общность имуществ» трактовал и использовал в своих произведениях и Руссо. Так, в «Новой Элоизе» Сен-Пре в одном из своих писем, осуждая царящее в Париже имущественное неравенство и рассказывая о любезности парижан, пишет: «Если бы все это было искренне и понято дословно, не было бы народа менее привязанного к собственности; общность имуществ была бы здесь почти установленной; более богатый, непрерывно предлагая, а более бедный всегда принимая, все поставили бы себя, естественно, на один уровень, и даже Спарта имела бы в свое время менее равные разделы, чем те, которые осуществлялись бы в Париже»[50]. Тот же Руссо не только отрицал извечный характер земельной собственности, но и категорически провозглашал в «Рассуждении о происхождении неравенства»: «Плоды земные принадлежат всем, а земля — никому»[51].

Слова Бонвиля о том, что земля, как и воздух, не принадлежит никому на правах собственности и что ее плоды предназначены для всех были лишь перефразировкой основного тезиса Руссо. Они отнюдь не свидетельствуют о его коммунистических идеалах, поскольку он использует этот широко признанный в XVIII в. тезис не для коммунистических выводов, а для обоснования правомерности земельного передела. При самом внимательном анализе нельзя найти в «Духе религий» никакого требования об упразднении собственности. Общность имуществ, из которой Бонвиль исходил в своих теоретических рассуждениях, отнюдь не являлась его

практической программой. Он столь же мало думал об установлении подлинной общности имуществ, как и об установлении общности жен, на которую он ссылался, говоря о законодательстве Моисея и Ликурга. Равный раздел земель — вот тот идеал, который он выдвигал и последовательно защищал в своем произведении.

Как же добиться осуществления этой цели? Этому вопросу Бонвиль посвящает в своей работе особый параграф (39-й), озаглавленный: «Об одном способе подготовить всеобщий раздел земель». «Национальное собрание, — заявляет он, — значительно продвинуло дело своими декретами о наследствах и об общинных землях, но этого совершенно недостаточно. Единственно возможное средство достигнуть великой социальной общности (communion) — делить земельное наследство на равные и определенные доли между детьми усопшего, а к разделу остального привлечь всех других родственников. Установите с сегодняшнего дня наследие для каждого ребенка и внука или внучки в размере от пяти до шести арпанов и пусть другие родственники делят между собою остаток наследства. Вы будете еще очень далеки от справедливости и от признанных вами равных и неотчуждаемых прав всех людей. Вы оставите еще на земле следы первородного греха, но лучшие законы вам не подходят»[52]. Первородный грех — «это роковые последствия тиранических и жестоких законов, осуждающих человека с момента его рождения сносить все обиды и все мучения, которые ожидают бедняка»[53]. Первородный грех, следовательно, — это общественное неравенство, деление общества на богатых и бедных. Закон о равном разделе земельной собственности среди всех возможных наследников еще не может, разумеется, полностью ликвидировать общественное неравенство, для этого необходим всеобщий уравнительный земельный передел. Но подобный закон является путем, ведущим к имущественному равенству, средством «подготовить всеобщий раздел земель».

В «Дополнении» ко второму изданию «Духа религии», написанному в 1792 г., Бонвиль развивает эти идеи. Указывая, что во время выборов в Конвент, когда была выдвинута его кандидатура в депутаты, его обвиняли в том, что «он хочет аграрный закон», Бонвиль решительно отвергает это обвинение. «Один священник, — заявляет он, — который хотел все ниспровергнуть, написал в 1789 г. «Железным устам», требуя гражданской войны, которую он называл аграрным законом. Я широко использовал его замыслы, но я тщательно позаботился обратить против него и ему подобных отравленные стрелы, которые он мне преподнес»[54]. Бонвиль признает, таким образом, что, разделяя самую идею уравнительного земельного передела, он еще с 1789 г. был против его насильственного, принудительного осуществления. Именно в этом смысле он и отвергает обвинение в проповеди «аграрного закона», который считает синонимом гражданской войны. Разъясняя свою позицию, он пишет: «Речь идет о том, чтобы требовать права человека без братоубийственного кровопролития, так как совершенно недостаточно сделать открытие, что равенство долей является истинным духом всех религий, необходимо еще найти последовательные средства, чтобы достичь всеобщей справедливости, религии, свободы, культа закона и стараться избежать этих ужасных грабежей, которых всегда называли аграрными законами... Нет, среди людей еще не было истинного аграрного закона... Нет ничего более легкого чем положить начало справедливости, так, чтобы в дальнейшем становиться все более справедливым: установите закон о земельном наследстве»[55]. Выступая против немедленного принудительного земельного передела, Бонвиль рассматривает законодательство о наследовании земельной собственности как действенное, верное средство для постепенного, безболезненного уравнительного раздела земли и ликвидации, тем самым, общественного неравенства.

Выдвигая вопрос о дроблении земельной собственности с помощью законов о наследовании, Бонвиль также не был оригинален. Он развивал лишь традиционные взгляды уравнительной школы. Руссо следующим образом формулировал эту мысль: «Законы, относящиеся к наследствам, должны все вести к тому, чтобы вернуть равенство, так, чтобы каждый имел что-либо и никто не имел бы слишком много»[56]. Аналогичные взгляды по вопросу о наследовании, в частности о дроблении земельной собственности, развивал и Мабли, на которого Бонвиль также ссылался. И соратник самого Бонвиля, **Фоше**[**], еще в 1789 г. защищал те же предложения в своей работе «О национальной религии». Считая, что «основной целью всякого хорошего законодательства является многочисленное дробление собственности», он наряду с законами о приобретении земель и о браках требовал и закона о наследовании, предусматривающего равный раздел отцовского и материнского наследства между всеми детьми[57].

В 1792 г., когда было опубликовано второе, расширенное издание «Духа религий», вышло и другое произведение Бонвиля — «Новый брачный кодекс». Работа эта, хотя и посвященная непосредственно проблемам семьи и брака, затрагивает значительно более широкий круг вопросов. Автор говорит об обязанностях каждого гражданина в отношении общества, государства и родины, которая, по его словам, имеет право требовать от него любых жертв, кроме отказа от свободы. Родина в свою очередь должна обеспечить гражданину «свободу, равенство, собственность, которая досталась на его долю (qui lui est echue en partage), пользование плодами

[**] Клод Фоше, см.: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#fauchet**.

своего промысла, сопротивление угнетению»[58]. Итак, Бонвиль не только не отвергает собственность как таковую, а, наоборот, считает необходимым, чтобы государство гарантировало гражданам собственность, доставшуюся на их долю. Что он под этим подразумевает, видно из его дальнейших рассуждений. Закон свободы, указывает он, «беспрестанно стремится охранять нравы и наивозможно больше делить наследства без насилия». «Закон предписывает, чтобы усыновление содействовало справедливости, гуманности и разделу больших наследств»[59]. С этой целью, с целью все большего дробления собственности, он предусматривает, чтобы все бездетные граждане в обязательном порядке брали бы приемных детей. И здесь Бонвиль защищает, как видим, тот же общественный идеал, что и в «Духе религий», — идеал уравнительной собственности, рассматривая дробление крупных наследств, как средство достижения социального равенства безболезненным, мирным путем.

О том же свидетельствуют и статьи Бонвиля в «Месячной хронике» и в «Бюллетене друзей истины». Статьи Бонвиля 1792—1793 гг. посвящены в основном текущим политическим событиям и представляют значительный интерес, особенно для истории идейно-политической борьбы между жирондистами и якобинцами. Однако в некоторых из них Бонвиль в той или иной связи упоминает и о своих общественных идеалах. В статье «О первых работах свободного народа» содержится призыв: «Нации, желающие быть свободными, идите все вместе к социальному совершенству, которое ведет к высшему счастью»[60]. В статье «О конституции» Бонвиль заявляет, что любовь к правде «ведет к справедливости, к равенству, к братству, к свободе, к дивному, общему, полному пользованию (aux jouissances delicieuses, communes, entieres)», что политическая конституция должна соответствовать естественной конституции, «конституции природы», что целью ее является «социальное равенство»[61].

В некрологе, посвященном Атанасу Ожэ, Бонвиль говорит о петиции Ожэ, представленной в октябре 1791 г. Законодательному собранию, и приводит ее полный текст. В этой петиции Ожэ провозглашал велением природы, «чтобы общая земля была равномерно разделена между всеми ее обитателями». Но если в большом государстве это и невозможно осуществить, то можно по крайней мере «исправить частично пороки нашего общества». Именно этому и должны служить законы о наследовании. Ссылаясь далее на европейский «юбилейный год» и законодательство Ликурга, Ожэ предлагал «разделить путем мудрых законов между наивозможно большим числом жителей плодородную территорию, которую узурпаторские законы всегда стремились сосредоточить в нескольких привилегированных руках». В конце Ожэ указывал, что идею этой петиции он почерпнул из «Духа религий» Бонвиля. Бонвиль в своей статье полностью солидаризировался с петицией Ожэ — «новым и справедливым законом, который тот считал необходимым, чтобы упрочить революцию, дабы превратить ее в дело большинства..., чтобы постепенно и без потрясений все более справедливые и ведущие к равенству законы завершили бы дело справедливости...»[62]. Если Ожэ ссылался на «Дух религий», то Бонвиль, в свою очередь, не только опубликовал петицию Ожэ в «Месячной хронике», но и перепечатал ее вместе со своими комментариями в вышедшем несколько месяцев спустя дополнительном томе своего трактата[63].

В январе 1793 г., в одном из первых номеров «Бюллетеня друзей истины», Бонвиль вновь призывал в целях достижения социального равенства осуществить предложения, изложенные в петиции Ожэ. В статье «Новый социальный порядок», ссылаясь на «святые законы истины, требующие, чтобы все люди рождались свободными и равными в правах», он писал: «Законодатели, не забывайте о петиции Атанаса Ожэ Законодательному собранию. Здраво поразмыслите над нею»[64].

Все это еще раз свидетельствует, что и в 1792—1793 гг. Бонвиль оставался типичным уравнителем. Да и вряд ли мог он идти вперед в своих социальных воззрениях; ведь, как раз в это время, по мере углубления революции, его политические настроения становились все более умеренными. Подобно Фоше и очень многим деятелям «Социального кружка» Бонвиль примкнул к жирондистам, проявляя все большую неприязнь к якобинцам.

Во второй половине 1792 г. в издании «Социального кружка» вышел третий том «Истории современной Европы». В обширном введении Бонвиль приветствовал падение монархии во Франции, но одновременно обрушивался на «диктаторов» и призывал не только ликвидировать королевскую власть, но и не допустить любую диктатуру. Предупреждая против опасности диктатуры, он ссылался на пример Англии, где Кромвель льстил народу, а потом сам стал тираном. Явно имея в виду якобинцев, Бонвиль писал: «Самые презренные льстецы народа говорят вам, правда, о священных правах представительного корпуса и о необходимости свободного национального Конвента, чтобы организовать правительство, но рассмотрите их поведение: они не хотят такого Конвента, они во всяком случае хотели бы встретить там лишь своих фаворитов, тех, которые им уже сейчас бесстыдно льстят, потому что их боятся»[65].

В 1793 г. издательством «Социального кружка» был опубликован сборник стихотворных произведений Бонвиля. В этот сборник вошли его поэмы и стихотворения, написанные в предыдущие годы. Там напечатаны, например, некоторые поэмы, опубликованные в свое время в «Железных устах» (например, «Гимн истине» и др.), посвященные «Социальному кружку». Но в сборнике мы находим и его новые поэтические произведения, опубликованные во второй половине 1792 и в первой половине 1793 г. в «Месячной хронике», которые дают яркое представление о его политической позиции в период ожесточенной борьбы между жирондистами и якобинцами. В стихотворении, озаглавленном «О ночах сентября», он с нескрываемой враждебностью отзывался о сентябрьских событиях 1792 г., о народной расправе над заключенными в тюрьмах контрреволюционерами и резко ее осуждал. «Это великий траур, траур для вселенной», — заявлял он и, обрушиваясь на якобинцев, восклицал: «Виновники стольких преступлений — вот ваши законодатели!»[66] В поэме «Поэт», состоящей из 16 песен, Бонвиль, говоря о «сентябрьских убийствах», описывал их в самых мрачных красках. «О небо, в какое положение ты повергнут, Париж! Каким образом народ-брат превратился в тигра?». Говоря с пеной у рта о якобинцах, он восклицал: «Есть ли еще преступление, которое они могут придумать, эти тигры, виновники кровожадных приказов»[67]. В послесловии, помеченном 12 июня 1793 г., т.е. написанном уже после установления якобинской диктатуры, Бонвиль сокрушался о временах олимпийских игр, когда «в присутствии всей Греции враг целовал своего врага». Он призывал последовать примеру древних, которые обновляли свои общественные органы, если те были осквернены присутствием «лицемерных честолюбцев», и выражал надежду, что французскому народу, являющемуся «сувереном лишь по имени, а на деле рабом», не придется долго стонать из-за внутренних раздоров[68]. Резкими нападками на якобинцев полны статьи Бонвиля в «Месячной хронике» и в «Бюллетене друзей истины», также не оставляющие ни малейшего сомнения относительно политической позиции их автора.

В ожесточенной политической борьбе 1792—1793 гг. Бонвиль занял место в рядах жирондистской контрреволюции. И недаром Марат, с его замечательным революционным чутьем, в своей листовке, опубликованной еще в начале сентября 1792 г., включил имя Бонвиля в список «недостойных лиц», кандидатуры которых были выставлены на выборах в Конвент, а в мае 1793 г. поддержал организованную якобинцами в Конвенте демонстрацию против появившегося там «прохвоста» и «аристократа» Бонвиля[69]. В период якобинской диктатуры Бонвиль был дважды арестован, и лишь девятое термидора спасло его от эшафота[70].

После термидорианского переворота Бонвиль возобновил свою литературную деятельность. В период Директории, в 1796—1797 гг., он, как уже говорилось выше, издавал журнал «Старый трибун и его железные уста». Мы не можем здесь подробно рассматривать содержание этого журнала. Скажем лишь следующее. Отожествляя «друзей истины» с жирондистами, Бонвиль не скрывал своего враждебного отношения к якобинской диктатуре. Отнюдь не благожелательно отзывался он и о Бабефе. Указывая, что прозвище «трибун народа» самовольно присвоил себе впоследствии Бабеф, он писал: «Это все, что я могу сказать в настоящее время, когда этот человек, который, возможно, является лишь жалким сумасшедшим, поддавшимся на козни нескольких ловких мошенников, целиком занят защитой своей жизни и, быть может, более того, своей невиновности»[71].

Эти политические настроения Бонвиля не означали, однако, что он считал совершенным общественно-политический строй, установившийся во Франции после революции, и что он полностью отрекся от своих общественных идеалов. Бонвиль возобновил издание журнала и пытался возродить движение «друзей истины» именно с целью пропаганды идеалов, выдвигавшихся в период революции руководителями «Социального кружка». Об этом свидетельствует все содержание «Старого трибуна», в котором он подчас печатал даже свои прежние статьи, например, упомянутую выше статью «О конституции», первоначально опубликованную в январе 1792 г. в «Месячной хронике». Следует сказать, однако, в своем новом печатном органе Бонвиль излагал свои идеи в гораздо более завуалированной и туманной форме.

В журнале опубликована утопическая повесть о путешествии в пятую часть света, в страну Мориа, обитателя другой планеты Frond'eabus (анаграмма). Описание страны Мориа (т.е. страны безумных) служит поводом для критики существующих общественных порядков. Фрондеабю решает выступить на собрании граждан этой страны по вопросу о «выборе образа правления, которое сделает народ счастливым». В следующем номере журнала продолжение, однако, опущено и указано лишь, что Фрондеабю выступил на собрании народа Мориа, но его не захотели слушать и он был объявлен подозрительным. После этого Фрондеабю приходит к философу Андрофилу (т.е. человеколюбу), под именем которого выведен сам Бонвиль. Фрондеабю хочет взять его с собой на другую планету, но тот отказывается, хотя «впавший в заблуждение, неистовый народ и растерзал его самых верных друзей». Несмотря на это, Андрофил выражает уверенность, что истина победит. «Люди станут лучшими; я думаю, что они более несчастны, чем злы... среди политических бурь здравая мораль всегда находится под запретом... Моя миссия на земле заключается в том, чтобы ожидать ее торжества, возвещать о ней себе подобным»[72].

«Друзья истины, — пишет Бонвиль в другом месте, обращаясь к своим бывшим соратникам, — не теряйте смелости; чистосердечные и великодушные люди, которые мало-помалу укореняют истину на земле, всюду понесут творческое слово, эту столь желанную конституцию, которая будет хорошей, так как она будет всеобщей, которая будет справедливой, так как будет подходящей для всех людей, которая будет нетленной, так как будет создана для народа, а народ не может никогда умереть»[73]. Бонвиль вновь провозглашал как основную цель «социальное равенство», «социальное единство»[74]. Основным вопросом, писал он, является следующий: «как достигнуть такого социального совершенства без раздоров или сильных потрясений». Невозможность реформы без потрясений является основной причиной злоупотреблений. Необходимо подготовить средства для осуществления «безболезненной реформы» и, постепенно рассеивая тьму, возложить упование на время[75]. Он выражал пожелание, чтобы вновь наступил золотой век, чтобы сквозь темную ночь пробился день, чтобы на развалинах старого мира был построен новый мир. Друзья истины, заявлял он, дают торжественное обещание продолжать борьбу с могущественными врагами социального счастья[76].

В журнале можно встретить и упоминание о способах осуществления подобной безболезненной реформы для постепенного достижения «социального счастья». Так, в одной из статей Бонвиль указывал, что, еще начиная с 1789 г., он требовал налога на большие наследства. Ведь республику защищает бедняк. «Бедняк, не имеющий ни права голоса, чтобы влиять на войну, ни собственности, чтобы ее поддерживать, даже жизнь которого не считается за собственность, должен по крайней мере полностью владеть своим промыслом (Industrie); все его средства существования должны быть свободны от прямых и косвенных налогов; будьте уверены, что тогда, и только тогда, начнется безболезненная и благодетельная революция, которая положит конец всем войнам, исправит огромные злоупотребления, распространит лучи света и счастья на эти низшие слои общества»[77]. «При современном положении вещей, — писал Бонвиль в другом месте, — я не знаю другого нужного налога, кроме налога на наследников огромных состояний»[78]. Налоги на большие наследства, как и другие аналогичные мероприятия, должны иметь своей конечной целью установление имущественного равенства. В «Мыслях» некоего анонима, будто бы переведенных с английского, мы читаем: «Невежество проистекает от бедности, а бедность — от слишком неравного распределения богатств. Вот решение этой проблемы. Сделайте так, чтобы каждый имел необходимое, чтобы никто не был лишен, трудясь, средств существования, чтобы не было ни огромных состояний, ни нищих. Не миритесь с бродягами в больших городах и заботьтесь о пропитании инвалидов в сельских местностях. Вместо того, чтобы иметь в виду лишь счастье крупных собственников и постоянно защищать владения богача, подумайте о людях, как о людях...»[79]

Все эти высказывания свидетельствуют, что и в послетермидорианский период Бонвиль продолжал мечтать о социальном равенстве и считать главной общественной задачей равномерное распределение имуществ, с тем чтобы не было ни богачей, ни нищих. С начала революции и до конца своей общественно-публицистической деятельности Бонвиль выступал как эгалитарист, как теоретик и пропагандист уравнительных идеалов.

Знакомство Бонвиля с коммунистической теорией и коммунистическими идеями не подлежит, конечно, никакому сомнению. Он читал Мабли, провозглашавшего коммунизм идеальным общественным строем. Одним из его ближайших знакомых в годы революции был Ретиф де ля Бретон, с которым, по собственному свидетельству, он общался «почти ежедневно» и с произведениями которого был хорошо знаком. А Ретиф упорно и последовательно защищал и обосновывал идеи коммунизма. Наконец, имя Бонвиля мы находим в списке подписчиков газеты «Трибун народа»[80].

Но столь же резко осуждая общественное неравенство, ссылаясь подчас для обоснования идеала социального равенства на те же аргументы и исторические примеры, что и коммунистические идеологи, Бонвиль так и не стал сам сторонником коммунизма, никогда не высказывался за установление коммунистического строя. Его практическая программа всегда ограничивалась идеалом уравнительного перераспределения собственности.

Бонвиль не был, однако, ортодоксальным учеником Руссо, считавшего возможным лишь известное ограничение общественного неравенства. Исходя из основных теоретических положений Руссо, он шел значительно дальше своего идейного учителя, намечал более радикальную программу общественного преобразования. Он был последовательным эгалитаристом, сторонником уравнительного перераспределения собственности и мечтал о полном «социальном равенстве» и «социальном счастье». То, что Руссо рассматривал как единственно практически осуществимую цель общественной реформы было для Бонвиля лишь средством, путем «к всеобщему разделу земель», к полной ликвидации общественного неравенства — «первородного греха», столь пагубного для общества.

Именно это отклонение от руссоистской догмы и «улучшение» учения Руссо не могли простить Бонвилю и некоторым другим руководителям «Социального кружка» ортодоксальные руссоисты. Характерна в этом отношении позиция **Луи-Себастиана Мерсье**[***], также являвшегося одним из видных деятелей «Социального кружка». Мерсье, наиболее яркий и талантливый представитель ортодоксального руссоизма, в своих произведениях тоже клеймил общественное неравенство и требовал мер для его смягчения. Но он решительно осуждал какое-либо перераспределение собственности. В опубликованной им в 1791 г. двухтомной работе «О Ж.Ж.Руссо, как одном из главных творцов революции», он выступал против «искажения» взглядов Руссо на общественное равенство, с негодованием отрицал, что тот стремился к «всеобщему ниспровержению собственности» и заявлял: «Иногда извращают принципы Руссо, желая их улучшить; будем остерегаться такого мнимого улучшения». Из приводимой им тут же ссылки видно, что, говоря это, он имел в виду руководителей «Социального кружка»[81].

Правда, Бонвиль выступал против насильственного перераспределения собственности, уповая на возможность постепенного, безболезненного достижения социального равенства и счастья. В этом, безусловно, сказалась его политическая позиция, позиция оторванного от революционных масс интеллигента, не понимавшего необходимости революционного насилия и боявшегося его, и поэтому (а не в силу своей приверженности классовым интересам крупной буржуазии) примкнувшего, подобно многим другим представителям интеллигенции, к жирондистам. Но социальная критика Бонвиля, его уравнительная программа, которую он пропагандировал вплоть до эпохи Директории, выражали глубокую неудовлетворенность ходом и результатами буржуазной революции.

Хотя Бонвиль и не выдвигал коммунистических целей, но его общественные воззрения, как и воззрения других представителей радикального эгалитаризма, безусловно содействовали формированию в годы революции коммунистической идеологии. Он теоретически исходил из представления об «общности имуществ» и необходимости «общего, полного пользования». Его резкая критика не упраздненного революцией общественного неравенства, противоречия между официально декларированным равенством всех граждан и реальной действительностью, провозглашение «социального равенства» и «социального счастья» конечной целью переустройства общества — все это, несомненно, помогало распространению идей и представлений, содействовавших формированию коммунистического мировоззрения.

IV

Тесно связан с «Социальным кружком» был и другой выдающийся представитель радикального эгалитаризма, шотландец по происхождению, **Джон Освальд**.

Мы не станем здесь подробно описывать жизнь, художественное творчество и политическую деятельность Освальда[82]. Скажем лишь следующее. Освальд родился (между 1755 и 1760 гг.) в Эдинбурге. Он сперва обучался ювелирному делу, затем купил патент на офицерский чин, поступил в 42-й пехотный полк, с которым отправился в Америку, где получил звание лейтенанта. В 1780 г. полк, в котором он служил; был переброшен в Индию, откуда Освальд вернулся в Англию в 1783 или 1784 г. Выйдя в отставку, он занялся литературной деятельностью. Не получив систематического образования, Освальд, однако, был человеком начитанным и владел многими языками — французским, итальянским, испанским, португальским, арабским, греческим, латинским. Среди его сочинений, опубликованных в 80-х годах XVIII столетия, были и политические памфлеты и стихотворные произведения. В 1784 г. вышел в свет первоначальный вариант его трактата «Обозрение конституции Великобритании», а в 1787 г. памфлет «Тревожный прогресс французской политики» — по поводу англо-французского торгового договора. Освальд издал анонимно или под псевдонимом три сборника поэм и стихов. Уже в своих ранних произведениях он выступал как демократ и атеист. Он приобрел некоторую известность, так что его имя мы находим в изданном в 1787 г. в Лондоне «Каталоге пятисот знаменитых писателей Великобритании, ныне живущих». Там, между прочим, указывалось, что перу Освальда принадлежат также очерки и статьи в журнале «Британский Меркурий» и что «в настоящее время он пишет историю Ост-Индии»[83].

Вскоре после начала Французской революции Освальд отправился в Париж, где и обосновался. Точная дата его переезда во Францию неизвестна. Во всяком случае он был уже там к весне 1790 г. По его словам, в мае 1790 г. он опубликовал статью в «английской газете, издающейся в Париже». Следовательно, к этому времени он уже был во Франции.

В годовщину революции Освальд напечатал в Париже оду «Триумф свободы»[84]. Ода, прославлявшая падение Бастилии как сокрушительный удар, нанесенный тирании и суеверию, была посвящена Национальному собранию Франции — «единственному Сенату на земле, перед которым разрешается предстать бедняку без страха быть униженным».

А.З. МАНФРЕД
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

[***] Ссылки на материалы о нем: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#mercier**.

Москва: Наука. 1966

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

На титульном листе «Триумфа свободы» Освальд назван «членом клуба якобинцев или общества друзей конституции». Членом Якобинского клуба он называл себя и в других своих произведениях, опубликованных в 1791—1792 гг. Что Освальд действительно примкнул к якобинцам, подтверждается и протоколами Якобинского клуба, в которых мы находим сведения о ряде его выступлений. 27 мая 1792 г. Освальд зачитал в клубе адрес «Общества конституционной информации», а 4 июня выступил с сообщением о преследовании, которым оно подвергается в Англии. Он настаивал, чтобы Якобинский клуб отправил этому обществу обращение и оказал тем самым моральную поддержку английским борцам за свободу[85]. 10 июня Освальд выступил с разоблачением одного авантюриста, которого принимали за англичанина[86]. На заседании от 22 августа он произнес большую речь. Сообщая о клеветнической кампании английских газет, стремящихся очернить Французскую революцию, он вновь настаивал на посылке адреса британской нации, «в котором была бы изложена история заговора изменника Людовика XVI и все оскорбления, вызвавшие святое восстание 10 августа». Он выражал уверенность, что в скором времени Англия, избавленная от своих тиранов, поможет французам «искоренить аристократию и королевскую власть» и завершить «революцию Европы, человеческого рода, всего человека в целом»[87]. 30 сентября Освальд выступил с сообщением о намерении английских патриотов послать во Францию оружие и о подписке, организованной ими в этих целях под руководством Горн-Тука, «истинного якобинца». Он вновь выражал надежду на грядущую революцию в Англии, которая «вернет нашим братьям права человека». Французы, указывал он, не могут жить спокойно, пока чудовище монархии царит у их соседей. Разве можно поверить, что король Англии — этот кровавый тиран, безжалостно осудивший на гибель тысячи своих подданных с целью поработить американцев, — может благожелательно взирать на Францию, «которая всюду сокрушит королей и опрокинет королевскую власть». В заключение Освальд разоблачал французского консула в Лондоне, связанного с эмигрантами и тайно совещающегося с Питтом, и вновь настаивал на посылке британской нации «братского адреса»[88].

Все эти выступления Освальда рисуют его как революционера-якобинца, убежденного республиканца, мечтавшего о низвержении монархии и победе революции в Англии и во всей Европе. Другие данные подтверждают эту характеристику Освальда как пламенного, несгибаемого революционера. В конце 1792 г. во Францию прибыл молодой англичанин Редхид Йорк (Redhead Yorke), проведший там несколько месяцев. В своих воспоминаниях он сообщает следующее. На одном собрании, на котором присутствовали депутаты Конвента, Освальд предложил, с целью предотвращения гражданской войны во Франции, казнить всех подозрительных лиц. На это Томас Пэн будто бы ответил: «Освальд, вы так долго жили не пробуя мяса[89], что теперь свирепо жаждете крови»[90]. Этому свидетельству нельзя, конечно, верить безоговорочно, поскольку Редхид Йорк был в неприязненных отношениях о Освальдом, обвинившим его в противодействии вторжению революционных войск в Англию[91]. Но несомненно, что в 1792—1793 гг. Освальд, в противоположность многим другим англичанам, находившимся в то время во Франции и близким к жирондистам, выступал как стойкий революционер-якобинец, сторонник самых решительных революционных мер.

Освальд принял, по-видимому, участие в основании «Британского клуба» в Париже. Во всяком случае в «Мониторе» было опубликовано сообщение, помеченное 5 января 1793 г., в котором говорилось, что «иностранцы, большей частью англичане, шотландцы и ирландцы, проживающие в Париже», явились в муниципалитет и заявили о своем намерении учредить общество друзей прав человека[92]. Упоминание о шотландцах делает весьма вероятным непосредственное участие Освальда в основании этого клуба.

Освальд, бывший лейтенант британской армии, считал долгом поставить свои военные знания на службу республики. В конце 1792 или в начале 1793 г. он опубликовал брошюру «Тактика народа»[93]. В предисловии он указывал, что, поступив на военную службу еще в ранней молодости, долго изучал тактику и разработал новую теорию, которую и предлагал французскому народу, с тем чтобы эта новая тактика стала «мощным средством сокрушить все деспотии и все аристократии на земле».

Вскоре Освальд вступил во французскую республиканскую армию, чтобы лично принять участие в защите революции. На титульном листе брошюры «Правление народа», опубликованной им в 1793 г., он именуется уже «командиром первого батальона копейщиков на службе Французской республики». Однако его дни были сочтены. Батальон, которым он командовал, был направлен в Вандею. В сентябре 1793 г. Освальд был убит в сражении у Пон де Сэ[94].

Созданная «Социальным кружком» «Всемирная федерация друзей истины» ставила своей задачей сплотить «друзей истины» не только в пределах Франции, но и всей Европы, поскольку ее конечной целью являлось освобождение всех народов от тиранов и создание всемирной федерации человеческого рода. Связь с прогрессивными демократическими течениями и организациями за рубежом, привлечение к деятельности «Всемирной федерации» сочувствующих ее идеям иностранцев с самого начала являлось одной из основных задач «Социального кружка». В первом же номере «Железных уст» было помещено извещение о том, что в федерацию

писателей, «которые образуют директорию Социального кружка», «будут допущены все писатели — англичане, немцы, французы, испанцы, русские»[95]. Почти в каждом номере «Железных уст» публиковались корреспонденции из самых различных европейских стран — Англии, Германии, Италии, Швейцарии, Голландии, Швеции, а также письма и статьи, присланные зарубежными «друзьями истины». Многие иностранцы выступали на «федеративных собраниях» в цирке Пале-Рояля. Иностранцы, разделявшие идеи «Всемирной федерации», называли себя франко-англичанами, франко-итальянцами, франко-шведами и т.п.

«Социальный кружок» вел переписку с радикально-демократическими организациями и деятелями Англии. Основной организацией, с которой «Социальный кружок» поддерживал контакт, было «Лондонское общество конституционной информации» (The London Society for Constitutionel Information), председателем которого являлся известный радикал Картрайт, а секретарем — Даниэль Адамс. Это общество, существовавшее еще в 80-х годах XVIII в., развернуло после начала революции во Франции довольно активную деятельность; оно распространяло радикально-демократическую литературу, в том числе «Права человека» и другие произведения Пэна[96]. Быть может, установлению контакта «Социального кружка» с «Обществом конституционной информации» содействовало прежнее знакомство Бонвиля с одним из основателей этого общества, Горн-Туком — выдающимся английским радикальным деятелем, снискавшим себе широкую известность своей активной борьбой за парламентскую реформу. В апреле 1791 г. в «Железных устах» была напечатана следующая корреспонденция из Лондона: «Вы с радостью узнаете, что наше общество истинных и неукротимых друзей истины с рвением продолжает спою работу. На заседании в среду 23 марта они постановили обратиться с благодарностью к Томасу Пэну за его прекрасный труд, озаглавленный «Права человека»...[****] Даниэль Адамс, секретарь общества, несомненно, направит вам безотлагательно сообщение о результатах наших обсуждений»[97].

Связи «Социального кружка» с английскими радикально-демократическими деятелями были, по-видимому, довольно широкими. В ноябре 1790 г. один «истинный франк» писал из Лондона, что он с радостью узнал об учреждении «Социального кружка» и готов содействовать распространению его идей в Англии[98]. На двенадцатом «федеративном собрании» было зачитано «письмо франко-шотландцев» антиклерикального содержания, «вполне совпадающее с намерениями Социального кружка»[99]. В январе 1791 г. в «Железных устах» была помещена «Выписка из письма франко-англичан Социальному кружку», в котором говорилось о сочувствии идеям «Социального кружка» в Англии[100]. В марте один из английских корреспондентов прислал вместе с письмом перевод на английский язык речи Фоше[101]. На двадцать шестом собрании «Всемирной федерации друзей истины», «председатель, — как сказано в протоколе, — объявил об учреждении (l'instalation) кружка друзей истины в Лондоне; братский план, им зачитанный, был встречен весьма благоприятно»[102]. Если только здесь нет какой-нибудь ошибки в формулировке, то следует полагать, что в данном случае речь шла о какой-то новой организации, возникшей в Лондоне весной 1791 г. и также вступившей в контакт с «Всемирной федерацией».

«Социальный кружок» и сам принимал меры, чтобы пропагандировать свои идеи в Англии и создать там свой филиал. На «федеративном собрании» 6 апреля 1791 г. было зачитано письмо Лантена, предлагавшего поручить Банкалю (находившемуся в то время в Лондоне) «учредить в Великобритании федерацию, аналогичную нашей». В протоколе заседания в этой связи говорилось, что в Лондоне имеется «неподкупный и весьма просвещенный член Социального кружка, который упорно занимается осуществлением наших патриотических намерений», хотя и встречает множество препятствий[103]. На заседании 6 мая было зачитано письмо Банкаля, следующим образом резюмированное в протоколе: «Н.Банкаль, (Дез Иссар), находящийся в настоящее время в Лондоне, приносит свою благодарность за почетную миссию, которая ему была поручена, и говорит о своих надеждах учредить в столице Англии трибуну, аналогичную нашей...»[104]

В ноябре 1790 г. в «Железных устах» сообщалось: «Кружок друзей истины в Англии, просящий о присоединении к «Социальному кружку», только что переслал нам ответ на зловещие декларации Эдмунда Бёрка против Национального собрания Франции...»[105] Вслед за этим на пятом «федеративном собрании» председательствующий также информировал присутствующих, что «кружок друзей истины в Англии переслал Социальному кружку очень важную работу, которая служит исчерпывающим ответом на словесные уловки, коварные инсинуации и шумные декламации всех хулителей Национального собрания Франции»[106]. В данном случае под «кружком друзей истины в Англии» подразумевалось, очевидно, «Общество конституционной информации». Вместе с оригиналом был прислан из Лондона и французский перевод этой работы, который был опубликован в «Железных устах» под названием «Уроки принцу Уэльскому о теперешнем предрасположении Европы к всеобщей революции» («Lecons au prince de Walles sur la disposition actuelle de l'Europe a une Revolution generale; traduis de l'anglois sur la seconde edition imprimes a

[****] О Томасе Пэйне: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#tomp**.

Londres chez M.D.Simmons, Peternasier How»).

Автор этого сочинения в журнале не назван. Это и понятно, так как и на английском языке оно было издано анонимно, хотя и выдержало за короткий срок семь изданий. Заглавие последнего издания гласит: «Уроки старого государственного деятеля молодому принцу о теперешнем предрасположении в Европе к всеобщей революции» («Lessons to a Young Prince by an Old Statesman on the Present Disposition in Europe to General Revolution. Seventh edition. To which is added a Lesson on the mode of studying and profiting by «Reflections on the French Revolution» by Edmund Burke». London, 1791). Дополнительный «урок», включенный в седьмое издание, также был напечатан в «Железных устах» в 1791 г., после того, как в конце 1790 г. был опубликован на ее страницах основной текст этого политического памфлета, переведенный со второго английского издания.

Автором этого анонимного произведения являлся Давид Уильямс[107]. Священник по профессии, Уильямс выступал как радикальный деятель и агитатор за парламентскую реформу еще в 80-х годах, когда (в 1782 г.) опубликовал, также анонимно, «Письма о политической свободе» (Letters on Political Liberty, adressed to a Member of the English House of Commons), переведенные на французский язык Бриссо. В дальнейшем, в 1792 г., он, по приглашению Ролана, приехал во Францию, где декретом Законодательного собрания от 24 августа 1792 г. вместе с Пэном, Клоотцем, Песталоцци, Вашингтоном, Костюшко, Шиллером и другими именитыми иностранцами ему было предоставлено французское гражданство. Будучи, однако, тесно связанным с жирондистами, он вернулся в Англию после казни Людовика XVI. Хотя в «Железных устах» «Уроки принцу Уэльскому» напечатаны анонимно, его имя упоминается в журнале; в № 36 был опубликован «перевод одного английского письма, адресованного друзьям истины», в постскриптуме которого восхвалялся «наш друг Уильямс»[108]. «Уроки принцу Уэльскому» получили самую высокую оценку на страницах «Железных уст». Составленные Уильямсом диаграммы — «конституционные круги»[109] были затем перепечатаны Бонвилем в его книге «О духе религий»[110].

В свете изложенных фактов нет ничего удивительного в том, что Освальд, очутившись во Франции, установил тесные связи с «Социальным кружком». В ноябре 1791 г. он принял самое непосредственное участие в создании журнала «Месячная хроника». Его имя в числе прочих основателей и авторов значится на титульном листе журнала[111]. На заглавном листе опубликованной им на английском языке (в своем переводе, сделанном, по его словам, по просьбе автора) брошюры Колло д'Эрбуа «Almanach du pere Gerard pour l'annee 1792»[112] указано, что эта брошюра продается в Лондоне книготорговлей Риджуей, а в Париже издательством «Социального кружка». Далее помещено следующее извещение: «Искреннее желание переводчика, как и его единственная цель, чтобы эта маленькая работа распространила и укрепила принципы свободы в королевствах Великобритании и Ирландии. Публика ставится в известность, что лишь те экземпляры являются подлинными, которые имеют на титульном листе печать Социального кружка (железные уста)»[113]. Действительно, на титульном листе имеется эта официальная печать «Социального кружка». Наконец, в конце брошюры мы находим следующий постскриптум: «Читатель, который хотел бы видеть тему о правительстве трактованной основательно, должен ознакомиться с Chronique du mois или Cahiers patriotiques Клавьера, Кондорсе, Мерсье, Ожэ, Освальда, Бонвиля, Бруссонэ, Ги-Керсена, Бриссо, Гаран де Кулона, Дюссо, Лантен*а* и Колло д'Эрбуа, периодическим изданием, в котором обсуждаются великие интересы человечества, а также с «Духом религий» Н.Бонвиля, трудом в котором искусно указаны средства установить почитание закона и сделать всеобщей Декларацию прав человека. Эти работы можно найти в издательстве Социального кружка в Париже»[114].

В 1792 г. «Социальный кружок» издал книгу самого Освальда «Обозрение конституции Великобритании». То было третье издание этого произведения, но переработанное и значительно расширенное[115]. Как указано на титульном листе, работа эта (напечатанная в парижской типографии, печатавшей книги на английском языке) продавалась «Социальным кружком». Титульный лист этой книги Освальда, кстати сказать, еще раз подтверждает, что в 1792 г. функционировала отнюдь не одна лишь типография «Социального кружка». Под маркой «Социального кружка» распространялись и книги, печатавшиеся подчас в других парижских типографиях.

В «Правлении народа», опубликованном несколько месяцев спустя, Освальд, ссылаясь на «Обозрение конституции Великобритании», также указывал, что оно издано в Париже «Социальным кружком» («publie a Paris, Cercle Social, rue du Theatre Francais»). В этом произведении он называл себя англо-франком (в английском тексте: By John Oswald, Anglo-franc; во французском тексте: de Jean Oswald, anglo-franc), т.е. так, как называли себя иностранные приверженцы «Всемирной федерации друзей истины».

Во втором, расширенном издании «О духе религий» Бонвиля мы в свою очередь находим прямую ссылку на «Обозрение конституции Великобритании». Бонвиль не только ссылается на эту опубликованную работу Освальда, но и приводит целый только характеристику «людей без собственности»[116].

Таким образом, тесные связи Освальда с «Социальным кружком» в конце 1791 и в 1792 г. не подлежат сомнению, то невольно возникает вопрос, нельзя ли найти в «Железных устах» какие-либо данные об участии Освальда во «Всемирной федерации друзей истины» в 1790—1791 гг.? Мы думаем, что такие данные имеются. Следует, однако, не упускать из вида, что в «Железных устах» упоминается, вообще говоря, мало имен. В протоколах «федеративных собраний» имена ораторов часто не называются, а говорится лишь о выступлениях «одного почтенного старца», «молодого человека», «одного друга истины», «одного из участников собрания» и т.п. Помещенные в журнале статьи, письма, корреспонденции тоже напечатаны большей частью анонимно. Имени Освальда в «Железных устах» мы не находим. Но в протоколе третьего «федеративного собрания», состоявшегося в ноябре 1790 г., мы читаем, что в связи с обсуждением «мемуара о войне», «один англичанин попросил предоставить ему честь перевести его на свой язык и заверил федеративное собрание друзей истины, что в Англии нет ни одного человека, который сегодня не был бы в душе истинным франком» [117]. К тому времени Освальд уже находился во Франции, и весьма вероятно, что этим «англичанином», выступившим на одном из первых собраний в цирке Пале-Рояля, был именно он, тем более что мы не знаем никакого другого «англичанина», проживавшего в 1790 г. во Франции и связанного с «Социальным кружком».

Среди различных материалов, опубликованных в «Железных устах», мы находим статью «Джон Горн-Тук» («Jean Horne-Took»)[118]. Статья, представляющая резкий выпад против английского государственного строя и восхваляющая «друга свободы» Горн-Тука, полностью совпадает с идеями, развитыми Освальдом в «Обозрении конституции Великобритании». В этой работе Освальд не только ссылается на Горн-Тука, но и излагает свои взгляды и форме ответа на обвинения, выдвинутые против последнего[119]. II в статье, и в памфлете Освальда говорится о парламентском деспотизме, представители парламентской олигархии провозглашаются «разбойниками», защищается идея непосредственного участия народа в законодательстве и в управлении, наконец, выдвигается требование созыва в Англии Национального собрания. Все это дает веские основания полагать, что автором статьи о Горн-Туке, опубликованной в «Железных устах», был не кто иной, как Освальд. В конце статьи мы читаем: «Старая Англия! — земля, вся дымящаяся кровью бардов, убитых тиранами, один бард снова взывает к тебе: смой свой позор; начинается самая прекрасная из революций; пусть она будет доведена до конца!» Кто же мог называть себя бардом, преемником английских бардов, пострадавших за дело свободы? Так мог, несомненно, называть себя поэт Джон Освальд.

Вскоре после этого в «Железных устах» (в номерах от 26 февраля и 3 марта 1791 г.) был помещен «Ответ одного франко-англичанина хулителям сената Франции перед лицом всех друзей истины»[120]. Это выступление приводится, в свою очередь, в «Ответе Социального кружка друзьям конституции в Ниме», где говорится, что «один из наших английских братьев-франков, возмущенный клеветой, распространяемой в Англии хулителями Национального собрания, только что обратился к друзьям истины этой страны с несколькими весьма важными замечаниями»[121]. Текст этого выступления также вполне совпадает с взглядами Освальда, изложенными как в «Обозрении конституции Великобритании», так и в «Правлении народа». Мы находим здесь не только критику английской парламентской системы, не только резкие выпады против Бёрка[*****] (с которым Освальд яростно полемизирует и в «Обозрении»), но и характерную для него идею прямого народоправства. Предвосхищая мысли, изложенные в этих двух работах Освальда, в «Ответе» указывается, что верховная власть народа является неотчуждаемой и не может быть передана какому-либо «сенату», что вся нация должна на периодических собраниях пересматривать конституционные законы, принимать новые, обсуждать деятельность администрации. В «Ответе», как и в «Обозрении», Национальное собрание Франции противопоставляется английскому парламенту, но в то же время резко критикуется за деление граждан на активных и пассивных. Автор «Ответа» выражает надежду, что прислушаются к голосу «Железных уст», опубликовавших «Уроки принцу Уэльскому», и высоко оценивает это произведение, как и «Письма о политической свободе» (того же Уильямса), указывая, что именно эти «Письма» заставили его впервые задуматься над проблемой политического строя. «Главной, первой, великой целью общества является защита слабого против сильного, бедного против богатого». При теперешней же конституции Франции «класс, наиболее нуждающийся и наиболее несчастный, лишен даже возможности выбирать себе хозяина». Эти настроения вполне совпадают со взглядами Освальда. Все это (и даже отдельные конкретные термины и выражения) дает основание полагать, что «Ответ», опубликованный в «Железных устах» от некоего «франка-англичанина», также принадлежал перу Освальда.

[*****] Эдмунд Берк, английский литератор и философ, один из противников Великой французской революции: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#berk**.

В «Месячной хронике» мы находим несколько упоминании об Освальде. Уже в первом номере, где говорилось о распределении функций среди сотрудников журнала, было сказано, что Освальд займется на его страницах разоблачением предубеждений, сеющих раздор между французской и английской нациями[122]. В февральском номере за 1792 г. мы находим отзыв на английское издание «Альманаха отца Жерара», в котором указывалось, что перевод сделан «Джоном Освальдом, молодым писателем большого таланта»[123]. В журнале был опубликован и хвалебный отзыв Бонвиля на «Обозрение конституции Великобритании»[124]. Другую ссылку на Освальда мы находим в статье Бонвиля «О развитии человеческого разума в направлении социального совершенства». Бонвиль указывал, что третий и четвертый параграфы этой статьи, озаглавленные «Сила и право едины» и «О тактике народа», взяты из обращения, представленного Освальдом в Комитет петиций Законодательного собрания; он обещал «вновь вернуться к Джону Освальду и предлагаемому им курсу народной тактики»[125]. Как видим, Освальд еще в рукописи познакомил Бонвиля со своей работой «Тактика народа», представленной первоначально в виде петиции Законодательному собранию.

Статей самого Освальда в «Месячной хронике» мы, однако, не находим. Объяснялось это, очевидно, тем, что вскоре он окончательно отошел от Бонвиля и его сторонников. Журнал все больше усиливал кампанию против якобинцев. Освальд, пламенный якобинец, не мог дольше сотрудничать с «друзьями истины».

* * *

Среди работ Освальда «Обозрение конституции Великобритании» занимает особое место. Первое ее издание было опубликовано в Англии в разгар политической борьбы по вопросу о парламентской реформе; работа эта была одним из радикальных памфлетов, столь многочисленных в английской политической литературе того времени. Третье издание, вышедшее в Париже в 1792 г., было не просто «значительно дополненным». Оно отражало уже новую политическую обстановку, сложившуюся в Европе в результате Французской революции, и учитывало опыт революции.

«Обозрение конституции Великобритании» одно из самых резких обличений английского политического строя XVIII столетия. Английская конституция, по определению Освальда, — «это олигархия, тирания, коррупция, анархия», это — «продажный парламент, развращенная аристократия, угнетенный народ». В Англии нет, по существу, законного правительства: ею правит ассоциация разбойников[126-127]. В молодости он сам был преисполнен веры в английскую конституцию; но вот однажды ему довелось присутствовать на заседании Палаты общин, где обсуждался вопрос об огораживании; тогда он понял все. «Достопочтенная Палата общин исчезла перед моим взором, и я увидел вместо нее притон воров», деливших добычу[128]. «Разве волки могут представлять овец? Разве монополисты земли, монополисты денег, монополисты торговли могут представлять народ, угнетенный, подавленный и даже доведенный до голода монополиями денег, торговли, земли?» Между тем «так называемое представительство в этой стране монополизировано пожирателями народа, которые, добавляя ферму к ферме, наследство к наследству и монополию к монополии, лишили своих собратьев общего им по природе права первородства». В результате, в Англии «богач или зависимые от богача лица выбирают в качестве представителей бедняков людей, еще более богатых, чем они»[129]. Говорят, что право голоса должны иметь лишь те, кто владеет собственностью. «Но разве ежедневная работа крестьянина или ремесленника (the mechanic) не является в такой же мере его собственностью», разве бедняк менее заинтересован в хорошем правлении? Ведь налог отнимает у бедняка его кусок хлеба, ведь объектом грабежа со стороны правительства являются бедные классы граждан. Бедняк платит также налог кровью, когда король, честолюбивые министры, хищная аристократия вовлекают нацию в войну. «Ради прибыли богача и бездельника пот трудящегося бедняка должен всегда течь из каждой поры; но теперь, чтобы удовлетворить жестокую жажду честолюбия, течет не только их пот, но сама их кровь». Когда же война кончается, бедняка отпускают без средств к существованию и если, вынужденный нуждой, он совершает воровство, его вешают. Положение английских трудящихся и ремесленников следует поэтому признать более тяжелым, чем даже положение народа в Турции[130].

С этим невыносимым положением нужно, наконец, покончить. Освальд, однако, не связывает свои надежды с реформой парламента. «Парламентская реформа, — указывает он, — может лишь на время развлечь народ... Но она никогда не может исправить недостатки или искоренить глубоко укоренившиеся пороки правительства»[131]. Путеводной звездой для Англии, как и всей Европы, должна служить Французская революция. «Славная революция во Франции показывает пример, которому, рано или поздно, последуют все нации в Европе». Подготавливается «великая революция в общей системе европейских правительств»[132]. Интересы народа всюду одинаковы. Англия также должна последовать примеру

Наша единственная надежда на обновление связана с Национальным собранием. Там будет услышан голос бедняка против его привилегированного угнетателя»[133]. Но, ссылаясь на пример Франции и требуя созыва в Англии Национального собрания, Освальд в то же время указывает,

что не следует повторять ошибку, совершенную во Франции, где Национальному собранию было предоставлено право не только предлагать законы, но и утверждать их. Утверждать законы должен непосредственно сам народ на своих общих собраниях[134].

Освальд не сомневается, что ликвидация существующего в Англии общественно-политического строя и созыв Национального собрания могут быть достигнуты лишь в результате революции. «Когда же, — восклицает он, — народ изгонит с помощью бича это нечистое стадо покупателей и продавцов, превративших святилище закона в воровской притон?»[135] Народ имеет право силой ниспровергнуть гнет, «так как только сила может отстоять права народа; сила — основа права или, вернее, право и сила едины». Но нужно, конечно, мстить угнетателям, так как месть погубила по одну революцию. «Общественных разбойников» можно даже амнистировать; «но если кто-либо осмелится воспротивиться исправлению злоупотреблений, то пусть метла разрушения снесет его с лица земли: будь проклят тот, кто испытывает сожаление к врагу на рода»[136].

Революцию политическую Освальд не мыслит в отрыве от революции социальной. «Мы всегда должны понимать, — заявляет он, — что свобода лишь другое название для равенства и что ни одна нация не заслуживает названия свободной, если общественное положение людей весьма неравно». Чтобы добиться истинной свободы и равенства, необходимо ликвидировать имущественное неравенство, прежде всего во владении землей. Всегда нужно помнить вечную истину, что «свобода никогда не может длительно существовать, если она прочно не закреплена в земле». Земля — не вотчина отдельных лиц, а общее наследие всего человеческого рода[137]. Собственники говорят, что земля принадлежит им, так как они ее купили. Но когда отцы за серебряную монету продали им свою землю, разве могли они продать навеки права своих детей? «Неужели не будет дня восстановления, неужели не будет объявлен счастливый день юбилея?» Ведь все мудрые законодатели прошлого всегда принимали меры, чтобы не допустить самую мучительную из всех узурпации — монополию земли. В этой связи Освальд ссылается на «предписания Моисея», а также на спартанцев, которые «согласились установить свою добродетель и свою свободу на самом лучшем из всех возможных фундаментов, на равном разделе земельной собственности»[138]. Чтобы постепенно возвратить народ «к этому счастливому состоянию независимости), необходимо осуществить целый ряд мероприятий, таких, в частности, как отмена майората и раздел общинных земель между бедняками[139].

Критика английского общественно-политического строя в «Обозрении конституции Великобритании», при всем блеске ее отдельных формулировок, не выходит за рамки тех положений, которые содержатся в английской радикально демократической литературе эпохи. Освальд сам подчеркивает свою связь с радикальным течением в Англии и его идеологами. Он активно защищает Горн-Тука от его реакционных критиков, ссылается также и на Прайса. Но Освальд, считая парламентскую реформу совершенно недостаточной, решительно высказывается за полную ликвидацию существующего социально-политического режима революционным путем, по примеру Франции. Интересно, что, ратуя за созыв Национального собрания, он мыслит его не как копию французского, а как собрание народных представителей, которое опиралось бы на коллективную волю народа, где громко звучал бы голос бедняков.

Хотя Освальд резко обрушивается не только на английскую аристократию, но и на всех богачей, не только на «монополистов земли», но и на «монополистов денег и торговли», хотя под угнетенными бедняками он подразумевает не только крестьян, но и трудящихся, занятых в промышленном производстве, однако для него, как и для других идеологов эпохи, основной вопрос — это вопрос земельной собственности. Не даром он ссылается и на известную книгу Огильви. Резко выступая против социального неравенства, страстно обличая мнимые «права» земельных собственников, Освальд провозглашает землю «общим достоянием человеческого рода». Однако он еще не делает из этого положения каких-либо коммунистических выводов, а использует его для обоснования уравнительных идеалов. «Равный раздел земельной собственности» — вот тот идеал, который он выдвигает, ссылаясь на традиционные для XVIII в. примеры — еврейский «юбилей», законодательство Ликурга. Этот общественный идеал полностью совпадал с идеями руководящих деятелей «Социального кружка» и, прежде всего, самого Бонвиля. Понятно поэтому, что побудило Бонвиля опубликовать под маркой «Социального кружка» работу Освальда.

В 1793 г. Освальд издал свое последнее произведение «Правление народа или план конституции для всеобщей республики». Оно вышло одновременно на английском и французском языках[140].

Упоминание в заглавии брошюры о «всеобщей республике» не случайно. Освальд высказывает убеждение, что заговор европейских монархов с целью потопить в крови рождающуюся свободу лишь приблизит, быть может, на полстолетие, гибель монархий Европы. Скоро всюду установятся республиканские порядки. Какова же должна быть конституция, обеспечивающая реальную, а не фиктивную власть народа?

Уже в «Обозрении конституции Великобритании» содержится мысль, что Национальное собрание может лишь предлагать законы, а утверждать их должен сам народ. В своей новой работе, развивая эту идею, Освальд решительно высказывается за непосредственное народоправство, за прямое законодательство народа. Чтобы нация была действительно свободной, указывает он, необходимо, чтобы она непосредственно обсуждала все вопросы и решала их. Освальд резко отвергает «систему представительства», под покровом которой процветают различные формы деспотизма, совершаются все политические мошенничества. При этой системе суверенитет народа сводится «к праву голосовать, чтобы выбрать себе хозяев». Ведь никто не может думать за других, любить за других, есть и пить за других. Между тем система представительства как раз и предполагает, что кто-то мыслит за других. Это вполне соответствует милосердному намерению господ представителей, которые хотят избавить народ от труда думать самому. Представительная система напоминает врачей одного индейского племени, которые против всех болезней предписывают танцы; если больной не может танцевать, они танцуют за него, считая, что результат будет тот же. Высмеивая «политических шарлатанов Англии» с их теорией разделения властей, Освальд сурово осуждает и французское Учредительное собрание. «Жонглеры Учредительного собрания позаимствовали жаргон своих старших английских собратьев»; они установили видимость правления от имени народа, хотя на самом деле народ не должен в нем участвовать; они с готовностью признали суверенитет народа, с тем, однако, чтобы осуществление этого суверенитета было доверено им; они охотно сказали бы народу: «Вы будете королем», но только добавив, подобно пьяному матросу из «Бури» Шекспира: «А я буду вице-королем - выше вас». В этой связи Освальд обращается с предупреждением к Конвенту — не следовать этому пагубному примеру: «Я осмелюсь предсказать, что если второе Учредительное собрание выработает конституцию, основанную на так называемых принципах представительства, то конституция эта просуществует еще меньше, чем первая».

Чтобы обеспечить подлинный суверенитет народа, дать народу возможность действительно проявлять свою волю, необходимо, чтобы граждане на первичных собраниях подробно обсуждали все законопроекты, высказывались бы по всем вопросам. Решение же должны приниматься на народных собраниях по дистриктам, объединяющим несколько кантонов. Законодательная власть должна, таким образом, находиться целиком в руках народа и не может быть передана или передоверена кому бы то ни было. Что касается исполнительной власти, то она должна находиться в руках лиц, непосредственно избранных народом. Первичные собрания избирают своих «администраторов»; каждый кантон избирает по два комиссара, которые вместе образуют муниципалитет дистрикта; из числа комиссаров первичные собрания выбирают депутатов Конвента, а из них «национальный исполнительный совет». Все административные органы избираются на короткие сроки — от трех до шести месяцев; Конвент переизбирается ежегодно. Конвент предлагает первичным собраниям на обсуждение различные вопросы и проекты декретов и законов, а затем проводит голосование по дистриктам. Конституция, основанная на этих принципах, и будет подлинным «правлением народа».

Брошюра Освальда, изданная в первой половине 1793 г., в период разработки Конвентом новой республиканской конституции, безусловно заслуживает внимания историка. Высказанная автором надежда на скорое крушение монархических режимов во всей Европе совпадает с идеями, пропагандировавшимися в то время Анахарсисом Клоотцом* и другими сторонниками «всеобщей республики». Еще больший интерес представляют изложенные в произведении Освальда идеи прямого народоправства.

Непосредственное осуществление народом своей верховной власти — одно из основных положений учения Руссо. Якобинцы, будучи учениками Руссо и выступая за демократическую конституцию, также отдавали дань распространенным в то время идеям. 13 августа 1792 г., сразу же после падения монархии, Якобинский клуб в своей петиции Законодательному собранию выдвинул требование, чтобы «самодержавный народ был наивозможно менее отчуждаем от своей верховной власти». Практически это сводилось к требованию всеобщего избирательного права, народных референдумов и права отзыва депутатов. Так, Якобинский клуб одобрил резолюцию парижского избирательного собрания от 9 сентября 1792 г., провозгласившего, что «неотъемлемая верховная власть народа предполагает за ним неотчуждаемое право отзывать своих представителей» и что «декреты Конвента будут иметь силу только после санкционирования их народом на первичных собраниях». Но в этом случае речь шла лишь об «учредительных декретах», т.е. основных конституционных законах. Аналогичные требования, наряду с предложениями о непрерывности первичных собраний, выдвигались и в последующие месяцы. Эти идеи нашли свое отражение в якобинской конституции 1793 г., отводившей значительную роль первичным собраниям и предоставлявшей им право отклонять проекты законов, рассматриваемых Законодательным собранием.

А. В. ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука, 1966

* Жан-Батист (Анахарсис) Клоотс: **http://vive-liberta.narod.ru/cef/cef1.htm#cloots**.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Идеи прямого народоправства, основанные на «Общественном договоре» Руссо, нашли, однако, в конституции 1793 г. лишь частичное выражение. В ее основе лежал принцип представительства, который не только жирондисты, но и якобинцы никогда не отвергали. Лица, высказывавшиеся за непосредственное народоправство, насчитывались единицами. Так, например, по словам Олара, ему удалось обнаружить лишь один случаи, когда было выдвинуто такое предложение, а именно — на избирательном собрании департамента Сены и Уазы, где один из ораторов настаивал, чтобы «народ осуществлял свою власть сам, а не через посредство делегатов»[141].

Освальд, опираясь на доктрину Руссо[142], выступал против самой «системы представительства». Правда, он не отвергал выборов различных исполнительных органов, вплоть до Конвента, но законодательные функции целиком возлагал на первичные собрания. Если, согласно якобинской конституции, первичные собрания могли лишь в течение 40 дней высказываться против тех или иных законопроектов, то Освальд считал необходимым, чтобы народные собрания голосовали любые декреты и проекты законов, утверждали или отвергали их, а также рассматривали все актуальные политические вопросы и контролировали деятельность административных властей. План республиканской конституции, изложенный Освальдом весной 1793 г., пропагандировал, таким образом, идеи прямого народоправства, последовательной демократизации всего политического строя.

Политическая программа Освальда интересна и тем, что она еще раз подтверждает его тесные связи с «Социальным кружком» и, прежде всего, с Бонвилем. Еще в 1791 г., когда «Социальный кружок» развернул агитацию за установление республики, Бонвиль пропагандировал в «Железных устах» идеи прямого народоправства, требовал утверждения основных законов нацией. Те же взгляды Бонвиль защищал и в «Духе религий». «Пусть каждый декрет, — писал он, — чтобы иметь силу конституционного закона... будет принят или отвергнут на ежегодных собраниях или всеобщих празднествах 12, 13 и 14 июля». В параграфе 71-м, озаглавленном «Организация суверенных собраний свободного народа», он приводил подробный регламент первичных собраний, на которых должны утверждаться законы[143]. Освальд, следовательно, развивал и обосновывал идеи, пропагандировавшиеся еще в 1791 г. «Социальным кружком».

Для Освальда, как и для Бонвиля, политическая демократия являлась, однако, лишь необходимой предпосылкой социального равенства. В «Обозрении конституции Великобритании» он выступал с уравнительным требованием равного раздела земли. В «Правлении народа» он делает дальнейший шаг вперед, высказываясь против частной собственности. Говоря о вопросах, которые Конвент может поставить на обсуждение первичных собраний, он в виде примера приводит такой вопрос. «Должна ли земля возделываться сообща или быть равно поделенной между всеми лицами, образующими нацию?»[144] Сам он определенно высказывается теперь за общность. «Будем надеяться, — пишет он в конце своей брошюры, — что в ходе дальнейшего развития революции коллективная мудрость людей сокрушит железное ярмо собственности и возвратит нашим детям счастье золотого века, общее наследие земли, неограниченную общность пользования. Эта отдаленная перспектива является единственным, что радует мое сердце среди коррупции общества; она одна наполняет мою грудь бальзамом утешения среди забот, меня пожирающих»[144a].

Так Освальд, выступавший до этого как эгалитарист, приходит в 1793 г. к идеям коммунизма. Правда, коммунизм он считал пока отдаленной перспективой», надеясь лишь, что следующее поколение познает «счастье золотого века». Но сокрушение «железного ярма собственности» являлось теперь тем общественным идеалом, который он мечтал видеть осуществленным в ходе последующего развития революции. В «Правлении народа» Освальд делал, конечно, лишь первые шаги от эгалитаризма к коммунизму. Преждевременная смерть на поле боя положила вскоре конец дальнейшему развитию его общественно политических идей.

Идейная эволюция Освальда представляет, однако, большой интерес; она показывает, как в ходе революции радикально уравнительные идеи перерастали подчас в коммунистические идеалы, как некоторые представители радикального эгалитаризма вплотную подходили уже к мысли о необходимости полного упразднения частной собственности, к идеалам «общности».

Очевидно, не случайно, что в последний год своей жизни Освальд примыкал к левым якобинцам. От эгалитаризма к коммунизму шли обычно те представители радикального эгалитаризма и, в частности, те приверженцы «Социального кружка», которые в разгар революции выступали как пламенные революционеры-якобинцы. Одним из таких людей и был Джон Освальд.

V

На очередном собрании «Всемирной федерации друзей истины» 10 июня 1791 г. один из секретарей зачитал письмо **Пьера Доливье**, кюре из Мошана, помеченное 3 июня. Обращаясь к своим «братьям и друзьям», Доливье сообщал, что он не принадлежит ни к какой секте, ни к какому клубу, так как имеет свои собственные убеждения. Но кем является изолированный человек? К чему могут привести его одиночные усилья? «Я не раз чувствовал, — писал он далее,

— тщетность этой позиции; я не раз желал объединиться; но с кем? Где найти безупречных друзей истины? Недавно я имел случаи присутствовать на одном из ваших заседаний! Я слушал, как вы дискутировали. И я пришел к твердому убеждению, что вы являетесь именно теми людьми, которых я ищу. Друзья истины, я прошу о приеме в ваше общество, чтобы вместе с вами способствовать наибольшему благу родины». Хотя он живет в 9 лье от Парижа, но часто берет палку и отправляется в столицу. Насколько эти маленькие путешествия станут для него более интересными, когда он будет иметь возможность слушать «друзей истины», а иногда и предлагать их вниманию свои размышления. Он просит предоставить ему слово на следующем заседании, 17 июня, обещая выполнить к тому времени все условия, необходимые для его приема. «Не дожидаясь, — писал в заключение Доливье, — пока мое имя будет вписано среди ваших имен, я уже ваш сердцем и духом. Ваш соучастник в поисках и любви к истинам, важным для общего счастья». Письмо Доливье было встречено аплодисментами, и этот «почтенный гражданин» был единодушно принят во «Всемирную федерацию друзей истины»[145].

Мы не имеем сведений, выступил Доливье или нет на «федеративном собрании» 17 июня. Дело в том, что отчет об этом собрании не был опубликован, так как бегство короля и вызванные этим политические события побудили «Железные уста» посвятить свои очередные номера более актуальным темам. В конце же июля орган «Социального кружка» прекратил свое существование. Во всяком случае не подлежит сомнению, что в июне 1791 г. Доливье официально примкнул к «Социальному кружку», выражая свою полную солидарность с «друзьями истины».

Было это, разумеется, не случайно. Уже первые выступления Доливье, его первые печатные брошюры 1788—1791 гг. свидетельствовали о критическом отношении к окружающей действительности, о радикальных общественно-политических взглядах, сближавших его с «Социальным кружком». Мы, однако, не станем рассматривать здесь его первые произведения, довольно хорошо известные[146] (в том числе его знаменитую петицию от имени жителей Этампа в связи с убийством мэра Симоно), в которых он не только излагал свои политические воззрения, но и выступал против дороговизны, неограниченной свободы торговли и требовал таксации цен в интересах бедняков.

Добавим лишь следующее. В Национальном архиве имеются два обращения Доливье — к Учредительному собранию и Конвенту, характерные для его политических настроений 1791—1793 гг. Первое из этих обращений[147], написанное из Мошана, не датировано, но, как видно из содержания, относится к концу 1790 — началу 1791 г., когда в стране развернулась ожесточенная борьба по вопросу о новой «гражданской конституции» духовенства. Письмо Доливье — протест против декларации, подписанной представителем духовенства дистрикта Этамп, декларации, направленной против осуществленной Учредительным собранием церковной реформы. Доливье, как кюре Мошана, резко возражал против этой декларации. «Сколь виновны, — писал он, — те из служителей религии, которые не боятся делать ее соучастницей человеческих страстей. Я тоже являюсь ее служителем и как таковой заявляю, что делать ее предметом распрей — это значит ей изменять; это значит ей изменять, если не показывать в этом случае великий пример бескорыстия и патриотизма... Такова декларация, которую я противопоставляю подписанной представителем духовенства Этампа, к которому я сам принадлежу. Делая это, я лишь повинуюсь порывам своей души и выполняю долг, возложенный на меня данной мной клятвой быть верным нации и всеми своими силами содействовать тому, что может обеспечить ей самое большое благо». Под этим обращением помещено заявление, подписанное мэром Мошана и двумя муниципальными чиновниками, в котором говорится, что декларация Доливье была зачитана на собрании прихожан, которые единодушно одобрили мнение своего кюре и присоединились к нему.

10 фримера II года (30 ноября 1793 г.) Доливье направил обращение Конвенту[148]. К тому времени он уже снял сан священника и проживал в Париже. Подпись под его обращением поэтому гласила: «Пьер Доливье, бывший кюре Мошана, в настоящее время простой и даже слишком простой санкюлот и бездомный (sans feu), но не безусердный в деле осуществления царства всеобщей справедливости». Доливье обратился к Конвенту по следующему поводу. 3 фримера комиссар Конвента в Этампе Кутюрье послал Конвенту заявление, в котором утверждал, что Доливье, выступивший до этого у решетки Конвента и преподнесший в дар 400 ливров[148a], преподнес деньги, которые ему не принадлежали, скрыв, что они находились вместе с церковным имуществом, уже предъявленным ему, Кутюрье, как комиссару. Доливье опровергал эти обвинения; он указывал, что никогда не видел Кутюрье и что тот говорит со слов его врагов — «господ мельников и хлебных торговцев Этампа», что он не был в Мошане уже более двух месяцев, что церковное имущество, о котором идет речь, находилось не под его охраной, а под охраной муниципалитета, что еще более двух лет назад он требовал упразднения «безнравственной религиозной роскоши», что, выступая в Конвенте, он хотел лишь, чтобы маленькая коммуна Мошана могла гордиться поступком, внушенным патриотизмом. В заключение своего обращения, имея в виду слова Кутюрье, что его выступление является примером того, как можно «мюскадинировать» трибуну Конвента, Доливье писал: «Какой прогресс совершили эти люди, лишь подавно приобщившиеся к гражданской доблести! Два с половиной года тому назад они

хотели повесить меня на фонаре, потому что я осмелился в связи с бегством Людовика последнего осуждать в их клубе королевскую власть и призывать к установлению республиканского правительства; восемь месяцев тому назад они хотели меня гильотинировать в связи с моей петицией, которой посчастливилось просветить общественное мнение в отношении Симоно, их мэра и их героя; теперь они хотят меня мюскадинировать, не знаю на каком основании, очевидно, потому, что это — слово, которого теперь опасаются».

Это обращение Доливье представляет большой интерес. В нем содержится не только много биографических данных; оно свидетельствует также о его политической позиции в период якобинской диктатуры. Как видим, и в эти дни его продолжали преследовать враги из числа богачей и спекулянтов, против которых он уже в течение ряда лет вел беспощадную борьбу; сам же он причислял себя к санкюлотам, борцам за торжество всеобщей справедливости.

К моменту выступления перед Конвентом Доливье уже опубликовал осенью 1793 г. свою основную работу, в которой излагал свои общественные воззрения и идеалы, — «Опыт о первоначальной справедливости»[149]. Доливье пытался наметить в нем основы такого социального порядка, который мог бы обеспечить людям все их права и все сродства для достижения счастья. Он в самых резких выражениях осуждал общественное неравенство, противопоставляя трудящегося бедняка праздному богачу. Как мы смеем, восклицал он, говорить о свободе и равенстве, когда нужда делает людей зависимыми, когда одни имеют все, а другие — ничего. Бедный сеет, а богатые пожинают плоды. Но бедные и богатые, которых имеет в виду Доливье, даже когда он противопоставляет «богатого собственника» «поденщику», не имеющему ничего, кроме рук, чтобы заработать себе на кусок хлеба, — это прежде всего сельские богачи и деревенская беднота. Продавали и продают национальное имущество, указывает он, но кто этим воспользовался или пользуется? Только богачи или те, кто имеет возможность ими стать; бедняки же не в состоянии ничего приобрести[150].

Исходя из этого, Доливье резко выступает против частной собственности на землю. Существует два рода собственности — естественная, право каждого человека распоряжаться собой и своими способностями, и гражданская. Все общественные несчастья проистекают от того, что гражданская собственность не была ограничена справедливыми рамками[152]. Право земельной собственности является «самым ложным, самым тираническим, самым пагубным из всех принципов, правом, которое неизменно приводит к ограблению массы для обогащения немногих, что неизбежно делает независимой от них»[153]. Земля — общее достояние всех людей. Истинными собственниками земли являются нации и их подразделения — коммуны[154]. Социальная справедливость основывается на двух нерушимых принципах: что земля принадлежит всем в целом и никому в частности, что каждый имеет исключительное право на продукт своего труда[155]. Лишь движимая собственность может быть собственностью, передаваемой по наследству. Что касается земли, то она должна быть разбита на участки, предоставляемые в пожизненное пользование отдельным лицам. Доливье высказывает убеждение, что в случае ликвидации права земельной собственности не будет больше «возмутительных контрастов между нуждой и богатством», хотя известные различия в зажиточности и будут продолжать существовать [156]. Он оговаривается, что отнюдь не проповедует «аграрный закон» [157] и не требует экспроприировать теперешних собственников, а хочет лишь создать условия, чтобы зло не было увековечено, предлагая в этой связи целый ряд мероприятий для постепенного достижения конечной цели.

Доливье, как видим, решительно высказывается за обобществление земельной собственности. Он отнюдь не является сторонником уравнения собственности и мелкого землевладения: равные участки земли, согласно его плану, предоставляются отдельным лицам лишь в пользование, собственником же земли являются коммуны. Но, требуя обобществления земли, он в то же время выступает за сохранение всех других видов частной собственности, будучи, правда, убежденным, что поскольку земельная собственность является основной причиной общественного неравенства, то ликвидация частного землевладения приведет к исчезновению резких социальных контрастов.

Антибуржуазный характер радикального эгалитаризма эпохи революции, быть может, наиболее ярко проявляется именно в брошюре Доливье, написанной в период якобинской диктатуры, когда проблема феодального землевладения была уже в основном решена. Частное землевладение, которое он так страстно осуждает, — это буржуазное землевладение; «богачи», пожинающие то, что сеют бедные, — это сельские богатей, новые, буржуазные земельные собственники, приобретатели национальных имуществ. «Поденщики», интересы которых он защищает, — это деревенские батраки, работающие на сельскую буржуазию и других буржуазных собственников земли.

Сразу же после выхода из печати своей брошюры, Доливье принялся за ее распространение. На заседании Генерального совета департамента Сены и Уазы 7 октября 1793 г. было доложено, что кюре Мошана гражданин Доливье преподнес администрации департамента свое патриотическое произведение «Опыт о первоначальной справедливости»[158]. Доливье не ограничился, однако, обращением к местным властям. В Национальном архиве сохранилось его

письмо от 10 октября 1793 г. на имя председателя Конвента. «Гражданин председатель, — говорилось в нем, — я пересылаю вам экземпляр «Опыта о первоначальной справедливости», незыблемой основы свободы, чтобы преподнести его Конвенту. Находясь, в силу своего положения, среди вечно возрождающихся несчастий народа, я постарался изучить их первоначальную причину и, смею думать, обнаружил ее. Да будет мой дар достоин того, чтобы его приняли, и да познакомит он со взглядами, полезными для нашего общего счастья»[159]. Этой первоначальной причиной всех несчастий народа являлась, по его убеждению, частная собственность на землю.

Известно, что работа Доливье была найдена у Бабефа в момент его ареста. Но Доливье, по-видимому, и сам впоследствии был связан с Бабефом и возглавленным им заговором. Уже Девилль обратил внимание, что в архивных материалах, относящихся к делу Бабефа, несколько раз упоминается имя Доливье[160]. Действительно, имя Доливье встречается как в документах следствия по делу «заговора равных», так и в бумагах Бабефа, конфискованных во время его ареста. К постановлению Директории об аресте основных участников заговора Бабефа приложен список лиц, подозреваемых в причастности к этому заговору. Среди них значится и Доливье[161]. В той же папке Национального архива хранятся ордера на арест различных лиц, подписанные Карно. Среди них имеется и ордер на арест Dolivier de Beauchamps (очевидно, описка: должно быть Mauchamps). В то же время имя Доливье мы находим и в бабувистских документах, в частности, в «списке демократов, включаемых в Национальный Конвент», т.е. тех лиц, которые должны были быть дополнительно введены в состав восстановленного Конвента. Среди них значится и Доливье, как будущий депутат от департамента Нижней Сены[162]. Все это свидетельствует о каких-то непосредственных связях Доливье с бабувистским движением. Связи эти были вполне понятны, если принять во внимание радикальные общественные воззрения Доливье, сформулированные им еще в эпоху якобинской диктатуры.

Свои демократические убеждения, свои общественные идеалы Доливье сохранил и после крушения заговора Бабефа. Накануне 18 брюмера он опубликовал новый политический памфлет «О средствах спасти республику от серьезных опасностей» [163]. Ярко описывая кризис, который переживала республика в 1799 г., Доливье в 17 параграфах формулировал демократическую программу спасения республики, предусматривавшую, в числе прочих мер, установление максимума дохода с конфискацией излишков в пользу государства. Он указывал при этом, что все это лишь такие средства, которые не могут отвергнуть как неприемлемые даже апологеты собственности. В этой связи он вновь подчеркивал свое отрицательное отношение к самому праву частной собственности. «Все, что носит имя собственности, помещается как бы в неприкасаемое святилище, от которого строго отстраняют малейшее подозрение, малейшее расследование, способное раскрыть преступление». Вместо истинного закона собственности царит вопиющая узурпация. «Но не будем больше развивать эту мысль: достаточно дать понять всем справедливым и здравомыслящим умам, что культ собственности является вообще ложным, идолопоклонническим культом и что те, кто так горячо его защищают, кто со столь чрезмерным усердием становятся его апологетами, кто при малейшем высказывании, их шокирующем, кричат об аграрном законе (l'agrairisme), о покушении на собственность, — являются не кем иным, как наибольшими врагами истинного права собственности, т.е. тон естественной справедливости, из которой оно проистекает»[164].

Этот последний политический памфлет Доливье свидетельствует не только о его демократической политической платформе накануне крушения республики, совпадавшей с политической платформой якобинцев и бабувистов, но и о его преданности своим общественным идеалам. Более того, весьма возможно, что он сделал в период Директории дальнейший шаг вперед в своих общественных воззрениях. Программа, изложенная им в 1793 г., была программой радикального эгалитаризма, в том его варианте, который предполагал обобществление земли. Решительное осуждение Доливье в его последней работе «культа собственности» в целом, как и его причастность к заговору Бабефа, дают некоторое основание полагать, что после термидора он дошел уже до идей коммунизма. Утверждать это на основании имеющихся у нас пока данных, конечно, трудно. Но несомненно, что Доливье шел именно по этому пути.

На позициях радикального эгалитаризма стоял в первые годы революции и будущий руководитель «заговора во имя равенства» — **Бабеф**. Литература о Бабефе огромна и широко известна. Общую оценку идейного наследия Бабефа дал в своих работах В.П.Волгин. Наиболее выдающимся исследованием, специально посвященным жизни и деятельности Бабефа в рассматриваемый нами период, является вышедшая недавно капитальная монография В.М.Далина[165]. В своей работе В.М.Далин использовал, наряду с печатными источниками, и личный архив Бабефа, хранящийся в настоящее время в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, впервые пустив в научный оборот многие материалы этого архива.

Мы не ставим здесь задачу детально изучить идейное развитие Бабефа, тем более что в аспекте истории коммунистических идей Бабеф выступает на авансцену лишь после термидора и рассмотрение его учения в целом — задача монографии, посвященной коммунистическим идеям в 1794—1796 гг. Мы хотим лишь кратко охарактеризовать идейную позицию Бабефа в годы революции и его путь к коммунизму.[******]

Известная переписка Бабефа в 1785—1788 гг. с секретарем Аррасской академии Дюбуа де Фоссе, впервые опубликованная Адвиеллем[166], а затем, в дополненном виде М.Рейнаром[167], дает возможность составить довольно полное представление о его общественно-политических взглядах накануне революции. Переписка эта с несомненностью свидетельствует, что Бабеф уже тогда был знаком с коммунистической теорией и сочувственно о ней отзывался. Это видно не только из того, что он одобрял и защищал коммунистический проект Колиньона, о чем нам придется еще говорить ниже. Это видно и из его письма от 21 марта 1787 г., в котором он, в ответ на запрос Дюбуа де Фоссе, выдвигал в числе трех тем конкурса для Аррасской академии также следующую: «При общем состоянии имеющихся в настоящее время знаний, каково было бы положение народа, общественные установления которого были бы такими, чтобы между всеми его индивидуальными членами царило самое совершенное равенство, чтобы земля, на которой он обитает, не была бы чьей-либо, а принадлежала бы всем; наконец, чтобы все было общим, вплоть до продуктов всех видов производства. Соответствовали бы подобные установления естественному закону? Возможно ли, чтобы подобное общество могло длительное время существовать и чтобы были практически осуществимы средства достижения абсолютного равенства в распределении?»[168]

Эта тема, предложенная Бабефом для конкурса, свидетельствует, насколько он уже тогда интересовался коммунистической теорией, но в то же время показывает, что он интересовался ею еще отвлечённо. Коммунистические идеалы трактовались им абстрактно-теоретически, в форме вопросов, подлежащих дальнейшему обсуждению. «Он интересуется коммунистическими идеями, — справедливо писал в этой связи В.П.Волгин, — но коммунизм представляется ему, по-видимому, чем-то далеким, возможность осуществления его весьма сомнительна»[169]. «Сочувствие принципам общественного равенства сказывается в переписке Бабефа с Дюбуа де Фоссе весьма ясно. Бесспорен также его интерес к коммунизму как к средству осуществления равенства. Однако столь же бесспорно, что четкого ответа на вопрос о возможности построения коммунизма мы у него здесь еще не находим»[170]. Более того, как выясняется теперь из его письма к Дюбуа де Фоссе от 1 июня 1786 г., Бабеф в то время считал коммунизм практически неосуществимым. Говоря о крупных собственниках, он задавал вопрос. «Но для общества и для них самих не было бы ли гораздо выгоднее, если бы они никогда ничего не имели и если бы каждый из нас появлялся на свет... в совершенно обновленном мире, где все было бы общим». И он тут же отвечал, что «так как этого нет, и социальное здание не может быть заново перестроено до основания, нужно стараться приспособить то, которое существует, улучшает его». Подобная установка вполне соответствовала воззрениям Руссо (на которого Бабеф в то время неоднократно ссылался), считавшего, как известно, невозможным радикальное обновление общественного строя и возврат к естественному равенству. Да и Мабли, с произведениями которого Бабеф в то время уже был знаком, теоретически обосновывая коммунизм, не считал возможным его осуществление.

Практически Бабеф (исходя из необходимости «приспособить» и «улучшить» существующее «социальное здание») выдвигал в предреволюционные годы лишь вопрос об организации сельскохозяйственных ассоциаций. Об этом свидетельствует это же письмо к Дюбуа де Фоссе от 1 июня 1786 г., впервые обнаруженное В.М.Далиным в архиве Бабефа[171]. В этом письме[172] Бабеф, резко критикуя концентрацию ферм и крупных фермеров, выдвигал проект создания «коллективных ферм». Мы считаем необходимым изложить этот проект более подробно.

Говоря о планах раздела ферм, Бабеф писал: «Все утверждали, и я тоже твердо верю в это, что в результате раздела будут упразднены нужда, преступления, которые она порождает, и нищенство. Если вы имели терпение прочесть мой мемуар, то вы могли, однако видеть, что я допускаю этот раздел ферм, лишь подчиняя его известным правилам, и что разделять — это не значит ломать... Раздел, такой, как я себе представляю, осуществляется в отношении урожая. Ферма продолжает оставаться единым целым, но больше не используется одним фермером. Этого последнего заменяет группа работников, пропорциональная значению фермы и объединенная одним и тем же контрактом, чтобы извлекать из нее доход (pour la faire valoir). Каждая ферма, чтобы принести все, что она способна принести, требует труда известного числа

[******] В нашей библиотеке литература о Бабефе: *М.Домманже*. Бабеф и заговор Равных, *П.Щеголев*. Заговор Бабефа, *П.Щеголев*. После Термидора, *И.Эренбург*. Заговор Равных, *Г.Кунов*. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции, *Г.Черткова*. Барнав, Бабеф: два взгляда на французскую революцию, *Г.Черткова*. От Бабефа к Буонаротти: движение во имя равенства или заговор равных?

А.Матьез. Термидорианская реакция (часть **1**, **2**)

лиц; это число и следует прежде всего определить; потом, когда это будет выяснено, определят с избытком все, что необходимо для этих лиц, чтобы им было обеспечено надлежащее питание, помещение, содержание. Исходя из десяти или пятнадцати предыдущих лет рассчитают, каков может быть в обычный год размер урожая. Из этого количества выделят: 1. все, что должно быть потреблено самими работниками или использовано для них, 2. семена и десятину. Излишек, предназначенный для продажи, пойдет на выплату возмещения собственнику земли, уплату аренды, настолько, однако, умеренной, чтобы в распоряжении работников оставалась денежная сумма, которую они будут делить между собой[173]. «С момента, когда я знаю, сколько необходимо рабочих рук, чтобы ферма приносила доход, и сколько она должна по справедливости приносить своему владельцу... я заменяю коллективной фермой ферму, которая имела одного нанимателя. 50, 40, 30, 20 человек будут жить как ассоциированные на этой ферме, вокруг которой, будучи изолированными, они раньше прозябали и погибали от нужды; они быстро перейдут к зажиточности (a l'aisance), выгодной для земельного собственника»[174]. Подобная коллективная ферма «сплачивала бы, если так можно выразиться, в одно зажиточное хозяйство несколько бедных хозяйств; она высвободила бы их из весьма непрочного положения, чтобы поместить в условия стабильности».

В другом месте Бабеф так описывает распределение урожая и управление в подобной коллективной ферме: «В первую очередь резервирование всего, что необходимо для посевов и потребления. Резервирование того, что связано с правами собственника, отчисление для уплаты налогов; затем продажа или обмен излишка и распределение между всеми заинтересованными. Ведение дел (la gestion) предоставляется по их выбору наиболее способному; то же самое и с другими функциями; никто не является слугой, имеются лишь ассоциированные»[176].

В такой братской общине все взаимно замещают друг друга и поэтому, если кто-нибудь болеет, никто не страдает от этого; все наблюдают друг за другом и существует взаимное соревнование; все работают с большим усердием и добиваются во всем улучшения; все делается вовремя, всегда есть нужное количество людей, чтобы выполнить любую работу; почва используется правильно: различные сельскохозяйственные культуры возделываются там, где это наиболее целесообразно. Не будет больше нищих старух и изголодавшихся матерей, продающих грудное молоко городским детям; члены подобных общин, как бы скрепленные единым обручем, будут больше помогать и меньше вредить друг другу, избавятся от множества предрассудков и опасных суеверий, станут более просвещенными. «Хижина не угрожает больше хижине, и замок может быть в полной безопасности; нет больше воров, нет больше поджигателей, нет больше виселиц, нет больше палачей» [177]. Подобные «коллективные фермы» не только не нанесут ущерба земельным собственникам, но, наоборот, будут им весьма выгодны. «Те, кто владеет, будут владеть и дальше». «Братские общины» не только будут, как и индивидуальные фермеры, выплачивать за землю арендную плату, но явятся более аккуратными, точными и надежными плательщиками. Арендные договоры должны быть, однако, более продолжительными, сроком не менее 20 лет.

Перед нами проект сельских ассоциаций, организуемых в условиях существующего общественного строя, своего рода сельскохозяйственных товариществ, ведущих хозяйство совместно, продающих излишек своей продукции на рынке и, после уплаты налогов и арендной платы за землю, распределяющих между собой прибыль. Это план объединения крестьянских хозяйств, преследующий цель предотвратить рост крупного фермерства, ликвидировать и деревне бедность и нищету и сделать всех крестьян зажиточными, план, как увидим ниже, для второй половины XVIII в. отнюдь не новый и навеянный примером овернских крестьянских общин, пользовавшихся в то время широкой известностью и подробно описанных в многочисленных книгах и журнальных статьях.

В своей известной статье в «Энциклопедии» Фегэ так описывал овернские общины: «Внутреннее управление во всех этих общинах почти одинаково: каждая из них выбирает себе главу, которого называют мэтр; ему поручен общий и детальный надзор за делами; он продаст, он покупает, и доверие, которое питают к его честности, избавляет его от необходимости подробно отчитываться в своем управлении... Мужчины все одинаково занимаются обычными работами. Есть, однако, такие, которым специально поручено — одним уход за скотом и пахота, другим виноградарство или луга, или содержание в порядке винных бочек». Женщины занимаются выпечкой хлеба, кухней, ткачеством и изготовлением одежды, распределяемой среди членов общины. «К тому же каждый из сотоварищей получает в восемь дней раз распределяемую среди них маленькую денежную сумму, которой он располагает по своему усмотрению»[178]. Все это, вплоть до выборного главы общины, руководящего всеми хозяйственными делами, аналогично предложениям Бабефа.

Нам предстоит еще ознакомиться с аналогичными проектами «сельской ассоциации» Борье и Ретиф де ля Бретона, опубликованными задолго до письма Бабефа. Интересно также отметить, что идею коллективных ферм мы находим в дальнейшем и у Курнана. В своей книге он предлагает, чтобы земли, остающиеся, согласно его проекту, в распоряжении государства,

сдавались бы в аренду в виде крупных ферм по 400 арпанов каждая. Такие крупные фермы должны эксплуатироваться совместно группой лиц, объединенных в «семьи» или «общества». «Предположим, — пишет он, — что общественная ферма требует труда и ухода со стороны 30 лиц, которые присоединяют свои личные наделы к земле, сдаваемой им в аренду государством и, обрабатывая все это сообща,[178] делят между собой выгоды и прибыли; тогда в королевстве, насчитывающем 50 тысяч общественных ферм, будет 1500000 человек, пользующихся благодаря одному только земледелию тем изобилием, тем истинным богатством, которое повседневно можно наблюдать в хорошо управляемой ферме размером в 500 арпанов»[179].

Бабеф, однако, не считал организацию таких «коллективных ферм», при всем их положительном значении, радикальным решением вопроса. Излагая свой проект, он в то же время писал: «Я не хотел ставить под вопрос законность крупной собственности и тем самым прийти к радикальному решению в отношении крупных ферм, самый принцип которых подвергся бы в этом случае нападению. Или слишком поздно, или слишком рано приступить к рассмотрению этой темы с точки зрения философа, исследующего происхождение всех вещей. Крупные собственники не были бы таковыми без случайности рождения; крупный собственник, обязанный своим состоянием собственному труду или труду своих отцов, является поразительной редкостью: его замечают и на него ссылаются; другие... обязаны своими значительными доменами своим предкам, которые при разделе земельной собственности имели ловкость поставить себя в более благоприятные условия в ущерб себе подобным, чтобы не только присвоить в свою пользу право, которое творец природы мудро даровал всем индивидам человеческого рода, право пользоваться равными долями (par egale portion) великим и общим наследием земного шара, но чтобы еще отнять у них свободу...»[180] Таким образом, Бабеф совершенно недвусмысленно высказывал свое резко отрицательное отношение к крупной земельной собственности, считая ее незаконной. Он считал естественным правом всех людей пользоваться равными долями земли, правом, нарушенным в древнейшие времена еще при первом разделе земельной собственности. Лишь подобный равный раздел земель и был бы радикальным решением вопроса; коллективные же фермы являлись лишь паллиативом для улучшения положения тружеников земли при существующих общественных порядках, в условиях крупной земельной собственности и общественного неравенства. Свой эгалитарный идеал Бабеф еще не решался, однако, открыто пропагандировать, считая, что для этого или слишком поздно, или слишком рано. Но разразившаяся вскоре революция дала ему эту возможность.

Осенью 1789 г. был опубликован «Постоянный кадастр» — произведение, над которым Бабеф работал в предыдущие годы, но окончательный вариант которого был закончен им уже в начале революции. Во «вступительной речи» к этому произведению Бабеф излагал свою общественную программу. Он резко критиковал общественное неравенство, общественный строй, при котором «некоторые не могут пользоваться излишком без того, чтобы другие не испытывали нужду в необходимом»[181]. Особое внимание он уделял тяжелому положению лиц, работающих по найму, говоря о человеке, испытывающем нужду: «Его посылают работать. Но где ему взять эту работу?»[182] Вывод, к которому Бабеф приходил, был следующий: «Предрассудки, порождение невежества, во все времена были причиной несчастий человеческого рода. Избавившись от них, все люди почувствовали бы свое взаимное достоинство, все увидели бы, что общество — лишь большая семья, в которой различные ее члены — при условии, если они все будут содействовать в соответствии со своими физическими и интеллектуальными способностями общей выгоде — должны иметь равные права. Земля, общая мать, могла бы быть разделенной лишь пожизненно, и каждый участок сделан неотчуждаемым, гак, чтобы индивидуальное достояние (patrimoine individuel) каждого гражданина было бы всегда обеспечено и никогда не могло бы быть потеряно. В такой стране, как Франция, где, согласно средним результатам различных подсчетов общего размера обрабатываемой площади, таковой имеется приблизительно 56 миллионов арпанов, какой бы прекрасной усадьбой мог пользоваться каждый глава семьи. Предполагая четыре человека на каждую семью и деля на эту цифру 25 миллионов жителей, число, каким определяют население французской империи, получается 6 миллионов семейств: следовательно, каждая усадьба была бы равна 11 арпанам. С таким, хорошо обрабатываемым, земельным фондом в каком честном достатке (mediocrite) жили бы эти семьи. Какое чистосердечье, какая простота нравов, какой неизменный порядок царили бы среди народа, принявшего такое поистине мудрое устройство, столь точно соответствующее общим законам, начертанным природой, которые посмел нарушить лишь наш человеческий род»[183].

В самом тексте «Постоянного кадастра» Бабеф полемизировал с теми людьми, которые «считают, что, в случае если бы у всех членов нации состояния были почти одинаковы, общество не могло бы существовать, поскольку никто не захотел бы ничего делать для других». «Так как невозможно, — указывал он, — чтобы каждый мог добыть себе все, что ему физически необходимо, всегда люди будут взаимно помогать друг другу; и подобное устройство не только не повредит общему счастью, а, наоборот, очевидно, что если все чрезмерные состояния в земельных имуществах... были бы распределены между всеми этими несчастными жителями, ка-

ково бы ни было их число, каждый из них жил бы в условиях приличного достатка»[183a].

Итак, если в предреволюционные годы Бабеф выдвигал лишь проект организации сельскохозяйственных товариществ в условиях существующей системы земельной собственности, то в первый же год революции он делает уже значительный шаг вперед, ставя вопрос о радикальном общественном переустройстве, о ликвидации частной собственности на землю, о предоставлении главам семейств в пожизненное пользование равных земельных наделов. Тем самым он выступает уже как один из идеологов радикального эгалитаризма, каковым остается в течение всего первого периода революции.

Общественные идеалы Бабефа того времени наиболее полно и ясно изложены в его письмах к кандидату в депутаты, а затем депутату Законодательного собрания аббату Купе, написанных в августе-сентябре 1791 г., в частности, в его письмах от 20 августа и 10 сентября. Сожалея, что сам он не может стать депутатом Законодательного собрания, Бабеф выражал надежду, что Купе будет с ним солидарен и согласится поддержать выдвигаемую им политическую программу. Он резко критиковал в этой связи Декларацию прав человека и гражданина, считая ее недостаточной и противоречивой, сводящей на нет провозглашаемые его же принципы свободы и равенства. Номинальное равенство не имеет никакой цены и народ не имеет никаких побудительных причин бороться за него. О бедняке до сих пор не думали, а между тем цель общества обеспечить всем своим членам наивозможно большую сумму счастья. К чему все законы, если, в конечном результате, они не извлекают из глубокой нужды огромную массу неимущих?[184] Подлинная цель революции — «равенство без лжи»; великая истина состоит в том, что усовершенствование законодательства зависит от восстановления первоначального равенства. Это истинное равенство может установить лишь аграрный закон: «аграрный закон — реальное равенство». Аграрный закон, которого опасаются богачи, «этот закон, который появляется на горизонте веков лишь при обстоятельствах, подобных тем, в которых мы находимся, т.е. тогда, когда крайности абсолютно соприкасаются, когда земельные владения, единственно истинное богатство, находятся лишь в немногих руках и когда общая невозможность утолить страшный голод побуждает большинство требовать великий домен мира, где создатель пожелал, чтобы каждое существо обладало необходимой площадью (le rayon de circonference), чтобы добывать себе пропитание, — этот закон, говорю я, — завершение всех законов». Тогда, вместо теперешних бесчисленных законов будет достаточен лишь один закон, состоящий из шести или семи статей.

В чем должен заключаться этот аграрный закон? Бабеф следующим образом излагает суть предлагаемого им общественного переустройства: «что земля не должна быть отчуждаемой, что, рождаясь, каждый человек должен получать достаточный надел (sa portion suffisante), как то обстоит с воздухом и водой; что, умирая, он должен делать наследниками не своих близких, а все общество в целом; ...что если бы земля была объявлена неотчуждаемой, — система, полностью опровергающая возражение о возможности восстановления неравенства после нового раздела путем перехода земли в другие руки,— то каждому человеку был бы всегда обеспечен его земельный надел (patrimoine) и нам не приходилось бы терзаться постоянными опасениями за участь наших детей; отсюда, вместо разложения общества, золотой век и социальное счастье; отсюда состояние душевного спокойствия за будущее, прочное, гарантированное от капризов судьбы, счастье, которое должны были бы предпочесть даже самые счастливые этого мира, если бы они хорошо понимали свои истинные интересы; что, наконец, неверно, что неизбежным результатом этого нового устройства явится исчезновение промыслов (arts), так как, наоборот, очевидно, что не все могут быть земледельцами, что каждый человек не сможет, так же как и в настоящее время, сам обеспечивать себя необходимыми машинами, что нам будет по-прежнему необходимо постоянно обмениваться между собой услугами и что, за исключением того, что каждый человек имел бы свои неотчуждаемый земельный надел, который во все времена и при всех обстоятельствах являлся бы для него фондом, неприкосновенным ресурсом против всех нужд, все, что связано с человеческой предприимчивостью (tout ce qui tient a l'industrie humaine), осталось бы таким же, как и сегодня»[186].

Бабеф рассматривает «аграрный закон» как конечную цель революции. Необходимо признать ту истину, пишет он, что «конец и увенчание хорошего законодательства — равенство земельных владений и что тайные намерения истинного защитника прав народа всегда должны быть направлены к достижению этой цели. Какими людьми мы больше всего восхищаемся и каких людей мы больше всего чтим, как самых больших благодетелей человечества? Апостолов агарных законов — Ликурга у греков, а в Риме Камилла, Гракхов, Кассия, Брута и т.д.» Итак, «аграрный закон» — это та цель, к достижению которой должны быть всегда направлены тайные намерения истинных защитников прав народа. Бабеф говорит о «тайных намерениях» не случайно; указывая, что предрассудки в сношении «аграрного закона» очень велики, что почти все его отвергают и что его сторонников до сих пор вешали, он предлагает Купе подготовить осуществление «аграрного закона» постепенно, в первое время даже маскируя свои намерения, так, чтобы «первоначальные предписания» «никак не казались направленными к заранее условленной цели»[187]. И далее Бабеф подробно излагает те политические требования, за которые

нужно непосредственно бороться в Законодательном собрании (полное политическое равенство всех граждан, право всех на занятие любых должностей, утверждение законов народом, публичный надзор за деятельностью Законодательного собрания, наделение последнего конституционными правами и т.д.), которые, в случае их последовательного осуществления, неизбежно приведут к «аграрному закону»[188].

Программа, изложенная Бабефом в письмах к Купе, развивала те же идеи, которые мы находим уже в «Постоянном кадастре». Бабеф вновь выступал против частной собственности на землю, требуя раздела земли на равные участки, предоставляемые отдельным гражданам в пожизненное пользование. В этом он видел залог установления подлинного равенства и всеобщего благосостояния. Теперь Бабеф открыто называл свою общественно-политическую программу «аграрным законом», пользуясь распространенным в то время термином. Но, подобно Доливье, Бабеф примыкал к тем сторонникам «аграрного закона», которые высказывались уже за общественную собственность на землю.

Относящиеся к этому же периоду, т.е. к 1789—1791 гг., новые материалы, обнаруженные В.М.Далиным в личном архиве Бабефа, не меняют наших представлений о социально-политической программе Бабефа. Среди них наиболее значительна его рукопись «Философский свет», относящаяся к 1790—1791 гг. и содержащая черновые материалы теоретической работы, которую намерен был написать Бабеф. Рукопись эта очень важна для изучения его философских, социологических и политических воззрений. В ней, например, содержится очень интересное рассуждение о роли силы в развитии общества, являющееся как бы зародышем разработанной им впоследствии теории революционной диктатуры. Но с точки зрения общественного идеала «Философский свет» не содержит ничего нового по сравнению с «Постоянным кадастром» и письмами к Купе. Бабеф рассматривает в своей рукописи вопрос о происхождении общества и собственности. Исходя из основного положения Руссо, на которого он неоднократно ссылается, что собственность является не естественным правом, а гражданским установлением, Бабеф, подобно всем руссоистам, осуждает злоупотребление собственностью. «Собственность является гражданским правом, и общества никогда не давали своим членам права злоупотреблять своей собственностью, потому что злоупотребления не могут не причинять ущерба тому, кто злоупотребляет. Общество должно оберегать их против их разнузданной воли, как оно оберегает лишившихся разума несовершеннолетних». В особенности это относится к земельной собственности. «Сейчас, когда все признают, что все происходит от земли, что в конечном счете она производит и оплачивает все, не кажется ли невероятным, что без всяких условий, без всяких ограничений защищают во всей полноте принцип неприкосновенности частной собственности на землю. Я понимаю, что можно защищать эту мнимую аксиому по отношению к другим видам собственности. Но распространять ее на земельную собственность, на собственность, которая все производит, все оплачивает, — это равносильно тому, чтобы объявить священными принцип и последствия самой смертоубийственной из всех монополий». «Несомненно, что собственность является самым надежным средством для обеспечения пропитания. Но крайне важно никогда не терять из вида, что число лиц, лишенных земельной собственности, несметно по сравнению с теми, кто ею обладает»[189]. Итак, Бабеф, исходя из учения Руссо, отрицает принцип неприкосновенности частной собственности, требует борьбы против злоупотребления собственностью, ее ограничения в интересах общества, специально подчеркивая при этом различие между земельной собственностью, которую надлежит регулировать в интересах общества, и «другими видами собственности». Иначе говоря, он и здесь выдвигает те же уравнительные идеалы, причем даже менее смело, чем в письмах к Купе, поскольку нигде не ставит прямо вопрос об обобществлении земельной собственности и ее равном разделе.

Для суждения о круге интересов Бабефа в первые годы революции, безусловно не случайны и следующие факты. Среди конфискованных у него при аресте печатных изданий, хранящихся в настоящее время в Национальном архиве, имеется и брошюра в четыре страницы, озаглавленная «Вопросы об аграрных законах, извлеченные частично из произведений истинных философов, друзей человечества». Эта анонимная брошюра имеет подпись «гражданин вселенной» и дату «Лондон, 1790», хотя автор, очевидно, француз, так как говорит о Франции, как о своей отчизне. Он обосновывает право каждого члена общества на собственность, обеспечивающую ему необходимый прожиточный минимум, и указывает, что если все обрабатывали бы землю, то во Франции не было бы больше голода. Осуждая общественное неравенство, автор пишет, что «несправедливость царит при неестественном неравенстве состояний и общественного положения; это неравенство порождается угнетением и его воспроизводит. Я не вижу поэтому ничего противоречащего, ничего препятствующего существованию аграрных законов»[190]. Возможно, что именно эта брошюра и побудила Бабефа использовать для своего проекта «черного передела» термин «аграрный закон», термин, который мы не находим еще в «Постоянном кадастре», но который появляется уже в его рукописях и в письмах к Купе. Во всяком случае в «Философском свете» Бабеф почти дословно воспроизводит одну мысль автора «Вопросов об аграрных законах». Указывая, что человек может быть счастлив, лишь имея твердую уверенность, что ему и в

настоящее время и в будущем обеспечено пропитание, последний задает вопрос: «А как без собственности надеяться на постоянное пропитание (line subsistence durable)». Это прямо перекликается со словами Бабефа, что «собственность является самым надежным средством для обеспечения пропитания».

Для характеристики общественных взглядов Бабефа в первый период революции существенный интерес представляют и его взаимоотношения с «Социальным кружком». Материалы его личного архива свидетельствуют, что Бабеф знал о существовании «Социального кружка» и «Всемирной федерации друзей истины». Более того, на протесте Бабефа директории департамента Соммы от 26 декабря 1790 г. стоит подпись: «Бабеф, из Всемирной федерации друзей истины», которая с непреложностью свидетельствует, что Бабеф считал себя в то время сторонником этой организации. Наконец, в его архиве сохранилось и письмо к Бонвилю от апреля 1793 г., в котором он называл последнего «писателем-философом», «апостолом святой доктрины человечества»[190a]. То обстоятельство, что Бабеф считал себя приверженцем «Всемирной федерации друзей истины» и видел в Бонвиле «апостола святой доктрины человечества», лишь подтверждает, что в первые годы революции он выступал как радикальный эгалитарист и считал «святой доктриной» равное землепользование.

Последовавшие в дальнейшем события — падение монархии, провозглашение республики, установление революционной якобинской диктатуры — не могли не оказать самого непосредственного влияния на идейное развитие Бабефа. К сожалению, именно от этого периода, совпавшего с преследованием Бабефа и его тюремным заключением в связи с так называемым делом о «подлоге», осталось очень мало документов, позволяющих судить о его социальных взглядах. Но и то, что сохранилось, дает возможность сделать вывод, что именно в эпоху якобинской диктатуры произошел переход Бабефа на коммунистические позиции. Бабеф, уже раньше знакомый с коммунистической теорией, пришел теперь к убеждению о возможности и желательности не только упразднения частной собственности на землю, но и установления нового строя, основанного на общности имуществ.

Об этом свидетельствует, прежде всего, его письмо из тюрьмы своему сыну Эмилю от 14 плювиоза II года (2 февраля 1794 г.). Общий тон письма, некоторые формулировки позволяют сделать заключение, что Бабеф к тому времени стоял уже на коммунистических позициях. «Не делай другим то, что ты не хотел бы, чтобы делали тебе. Это прекраснейшее из всех правил. Если бы люди точно следовали ему, они все были бы счастливы. Каждый говорил бы: я желаю пользоваться всем, что мне необходимо, но я должен также желать, чтобы все другие люди, мне подобные, в равной мере пользовались бы всем, что им необходимо; следовательно, я должен иметь только такую долю благ, которую возможно обеспечить каждому члену общества, при условии, чтобы каждый, в меру своих способностей, участвовал бы в работе на пользу общества. Тогда можно будет сказать, что царит равенство, что все люди являются братьями... Мой друг, это столь ценное равенство, возвышенный принцип которого так поразил тебя, это моя мораль, это религия твоего отца, это его конституция, его закон; это предмет всех его привязанностей, и он считает, что пока люди не примут этой системы, не будет существовать среди них ни мира, ни счастья, ни справедливости. Многие, недостаточно осознавшие всю исключительную справедливость этой системы и всю легкость ее осуществления, выдвигают возражения и против того, и против другого; но чрезвычайно легко убедить их, сколь неосновательны их рассуждения, и заставить их умолкнуть. Это я и надеюсь в дальнейшем тебе со всей очевидностью доказать, и в то же время показать, что французский народ, вполне вероятно, доведет свою революцию до счастливого конца, до установления этой системы совершенного равенства, которая обеспечит счастье, тем более восхитительное, что оно будет основано на положениях, которые сделают его неизменным; это та цель, с достижением которой только и могут завершиться усилия нашей республики»[191].

В архиве Бабефа имеется также очень интересная запись, относящаяся ко времени его пребывания в тюрьме Аббатства (т.е. к январю—марту 1794 г.): «Клуб равных и сторонников общности» [192]. Запись эта подтверждает, что Бабеф уже причислял себя к сторонникам общности и в этом смысле употреблял теперь слово «равные». Наконец, о сложившихся к тому времени коммунистических убеждениях Бабефа свидетельствует и его письмо Сильвену Марешалю от 28 февраля 1794 г., о котором нам еще придется говорить ниже.

Итак, в эпоху якобинской диктатуры Бабеф завершил переход от радикального эгалитаризма к коммунизму. Накануне революции, интересуясь коммунистической теорией, он не считал возможным практическое осуществление коммунизма. В первые годы революции, выдвигая вопрос об установлении новых общественных порядков, основанных на полном социальном равенстве, он считал, что «концом и увенчанием хорошего законодательства» должно быть равенство земельных владений при общественной собственности на землю. Теперь же, в дни якобинской диктатуры, под влиянием опыта революции, в особенности экономической политики, проводившейся революционным правительством, он стал видеть в коммунизме практически осуществимую конечную цель революции, хотя и не имел еще сколь-либо разработанных планов

коммунистического переустройства Франции. Окончательное формирование коммунистического учения Бабефа, в частности его наиболее ценного звена — программы революционного преобразования общества, происходит уже после термидора.

VII

Среди бесчисленных рядовых деятелей и писателей периода революции был и адвокат **Кольмар** (Colmar). В своих произведениях он именовал себя уроженцем Тионвиля, бывшим бальи Лимура, автором «Принципов хорошего правительства» и других произведений по политической экономии, добровольцем национальной гвардии.

Произведение Кольмара «Принципы хорошего правительства», написанное, очевидно, еще накануне революции, до нас не дошло. Во всяком случае его нет в Национальной библиотеке. Но там имеются другие его политические памфлеты и брошюры первых лет революции. В своем «Адресе к нации и к королю», опубликованном в 1790 г.[193], высказываясь положительно о проекте территориально-коммерческого банка, предложенном лионским негоциантом Ферьером, Кольмар подробно говорил о необходимости облегчить участь народа. Обращаясь к королю, он писал: «Никогда не забывайте, что самая многочисленная часть людей совершенно не была призвана к составлению законов, что, осужденные на тяжелый, постоянный труд, они не приобщаются к все распространяющемуся просвещению». Те, кто пользуется благами земли, требуют лишь свободы и справедливости; но те, кто ничего не имеет, нуждаются в политических законах, «которые умерили бы в отношении них силу собственности»[194]. В «Очень интересном предложении о финансах»[195] он вновь защищал план территориального банка, считая его важнейшим открытием, которое должно положить конец ажиотажу, дать возможность Национальному собранию «обойтись без капиталистов», слить личный интерес с общим, правильно использовать национальные имущества.

В опубликованном в том же, 1790 г. «Анализе доходов и расходов, сделанных первым министром финансов»[196], Кольмар в очень резкой форме нападал на Неккера, разоблачая его финансовые махинации. В этой связи он выдвигал и свои собственные предложения. «Необходимо, — писал он, — чтобы возникла самая большая конкуренция в продаже национальных имуществ, нужно поощрять их возможно больший раздел между возможно большим числом граждан, самых трудолюбивых, особенно тех, кто не имеет собственности». Он предлагал Комитету финансов Учредительного собрания представить целый ряд планов, в том числе «указать способы обеспечить изобилие съестных припасов первой необходимости, воспрепятствовать навсегда скупке и монополии на зерно и муку», а также разработать план общественных работ, чтобы «дать занятие бесконечному числу праздных рук, сильным и трудолюбивым людям, живущим в нужде, число которых в силу несчастных обстоятельств очень возросло».

Как видим, в своих работах первых лет революции Кольмар проявлял сочувствие к тяжелой участи народа, людей труда, и выдвигал предложения уравнительного характера, высказываясь, в частности, за раздробление земельной собственности. До нас дошла также брошюра Кольмара, опубликованная в 1792 г. и озаглавленная: «Ответ г.Кольмара, члена Генерального совета Коммуны на обвинения, выдвинутые против него на общем собрании секции Красного Креста 27 августа 1792 г. Ла Барром и его приверженцами»[197]. Из этой брошюры мы узнаем, что в ночь с

9 на 10 августа Кольмар был избран секцией Красного Креста членом новой Революционной коммуны. Вскоре, однако, на него был сделан анонимный донос, в результате которого он был отстранен секцией от выполнения своих обязанностей. 31 августа он представил общему собранию секции петицию с опровержением возведенных на него обвинений. Несмотря на это, его продолжали обвинять в том, что он добился освобождения из-под ареста Бомарше и что он представлял в секцию «поджигательные сочинения и проекты». В своем ответе он по этому поводу писал: «Я отвечу в нескольких словах на эти жалкие обвинения: первое сочинение, которое я представил секции Красного Креста в сентябре 1791 г., было посвящено продовольствию, скупке и преступным маневрам, осуществлявшимся в отношении зерна и муки правительством совместно с бывшими департаментскими властями и бывшим муниципалитетом Парижа. Моя секция была столь удовлетворена, что назначила меня комиссаром, поручив присоединиться от ее имени к секции Ломбардов, возглавившей атаку против виновных администраторов. Второе сочинение, представленное в январе 1792 г. и которому много аплодировали, было посвящено вопросу об упразднении ажиотажа, монополий, скупки путем замены бумажных денег (способ амортизации которых я предлагал) эффективной звонкой монетой».

Видимо, несмотря на его оправдания, выдвинутые против него обвинения продолжали над ним тяготеть, так как в период якобинской диктатуры он был арестован и, как свидетельствует сохранившееся среди дел Комитета общественной безопасности постановление, был освобожден лишь 19 термидора II года, т.е. после термидорианского переворота[198].

Находясь в заключении в тюрьме Сен-Лазар, Кольмар направил Комитету общественного спасения записку, которая 12 прериаля II года (31 мая 1794 г.) была переслана Комитету земледелия. Записка Кольмара была озаглавлена: «Анализ предложения к порядку дня, внесенному

Лекуантром из Версаля, и отсылки петиции жителей Свободного Гиня относительно Бернара Кубера Комитету по законодательству и Комиссии по делам эмигрантов»[199].

Речь шла о следующем. 27 флореаля II года (16 мая 1794 г.) Лекуантр выступил в Конвенте с сообщением, что жители коммуны Гинь (Guignes) дистрикта Мелен департамента Сены и Марны обратились с петицией, в которой заявляли, что они владеют лишь 25 арпанами земли, хотя население коммуны состоит из 500 человек; поэтому они просят вынести постановление о продаже земель, принадлежащих Бернару, бывшему графу Куберу, с тем, чтобы дать возможность всем гражданам коммуны приобрести землю. Этот Бернар сперва был внесен в список эмигрантов, затем, однако, вычеркнут из него, так как представил доказательства, что выехал из Франции на законном основании, по паспорту. В результате продажа его имуществ была приостановлена. Вывод Лекуантра сводился к тому, что Бернар Кубер все же должен быть признан эмигрантом, так как не вернулся своевременно во Францию. По его предложению петиция жителей Свободного Гиня была отослана в Комитет по законодательству и Комиссию по делам эмигрантов[200].

Вот этим, по существу, рядовым делом и воспользовался Кольмар, чтобы изложить Комитету общественного спасения свои взгляды и предложения по вопросу о земельной собственности. «Эта петиция жителей Гиня, — писал он в своей записке, — касается одного из наиболее важных вопросов политической экономии и законодательства. Она может стать основой земледельческих законов Франции. Она может сразу упразднить нищенство, нужду и лень, обеспечивая каждому французскому гражданину земельный участок, достаточный, чтобы сделать его хорошим республиканцем, свободным, независимым, и заставить его дорожить родиной... Лекуантр поставил в связи с этой петицией лишь простой вопрос права, между тем как жители Гиня указывают на неисчерпаемый, громадный фонд национальных доменов. В своем выступлении они также разоблачают одно из наибольших бедствий, порожденных господством феодализма, приведших к обнищанию этой коммуны, у которой осталось 20 арпанов земли, чтобы прокормить 500 человек, в то время как один человек владел в тысячу раз большим количеством земли, чем 500 жителей. Вот, бесспорно, момент, когда законодательная власть может и должна бросить возрождающий взгляд на всю землю Франции, декретируя, что каждый французский гражданин будет владеть, как неотчуждаемой собственностью, определенным количеством арпанов земли, исходя из общих данных, представленных Комитетами земледелия и законодательства».

Сделав из представленной Конвенту петиции жителей Гиня вывод о необходимости уравнительного перераспределения земли, Кольмар далее переходил к своему собственному предложению» о наилучшем решении этого вопроса. «Не нужно всегда следовать невыгодной и часто порочной рутине при продаже крупных владений. Мы, наоборот, предлагаем взять в виде примера то, что было установлено с незапамятных времен первым основателем Корсики. Это — мудрое учреждение общинных угодий (biens communaux) по кантонам. Это значит, что надо предоставить каждой коммуне или муниципалитету часть пахотной земли, достаточную, чтобы прокормить всех жителей и вырастить в короткий срок значительное количество скота — как шерстеносного, так и рогатого. Например, поскольку коммуна Гинь имеет 500 жителей и предполагая, что необходимо по 2 арпана земли, чтобы прокормить каждого из них, то необходимо было бы предоставить этой коммуне 1000 арпанов земли с тем, чтобы коммуна ежегодно распределяла ее равными долями между всеми лицами, дабы земля обрабатывалась и посевы чередовались сообразно общим правилам, в соответствии с местностью и климатом. Это должно явиться темой интересного доклада, который должен быть представлен Комитетом земледелия». Подобное устройство будет весьма выгодно для республики, поскольку оно навеки изгонит с земли свободы нужду и богатство и примирит личный интерес с общим интересом. «Этим способом гражданин, единственным имуществом которого являются его руки, может приобрести и заслужить больше доверия, чем тот, который является только богатым и чьи руки парализованы для республики».

Ссылаясь на петицию жителей Гиня, Кольмар, как видим, сперва говорит о предоставлении каждому гражданину в собственность определенного количества арпанов земли. Но, излагая далее свой собственный план, он считает предпочтительнее иное решение аграрного вопроса. Он предлагает превратить землю в общественную собственность, в собственность коммун, получающих от государства определенное количество земли сообразно числу жителей. Если бы Кольмар предусматривал далее закрепление коммунами земельных участков за отдельными лицами в пожизненное пользование, то его план совпадал бы с идеями Доливье и других. Но предложение Кольмара носит несколько иной характер. Оно предусматривает ежегодное распределение земли между жителями коммуны лишь для ее обработки — по общему плану и исходя из условий местности, с тем чтобы общинные угодья в целом могли прокормить всех жителей и обеспечить выращивание соответствующего количества скота. Другими словами, Кольмар предлагал превратить каждую коммуну в общину, все члены которой обязаны ежегодно обрабатывать определенное количество земли и вести другие сельскохозяйственные работы, не имея, однако, в личном владении никаких земельных участков. Именно поэтому он и говорит, что при этом устройстве будут пользоваться почетом граждане, единственным имуществом которых являются

являются их руки.

План Кольмара — интересное свидетельство перерастания радикального эгалитаризма в аграрный коммунизм. Общинная собственность на землю без пожизненного закрепления земельных участков неизбежно вела к идеалу аграрных коммунистических общин. План Кольмара, хотя и исходивший из эгалитарных предпосылок — идей о равном землепользовании, представлял уже, по существу, идеал таких общин.

VIII

Особое место среди радикальных эгалитаристов, стоявших на грани эгалитаризма и коммунизма, занимает **Гаспар Борье**[201].

Борье, родившийся задолго до революции,— в 1728 г.,— педагог и писатель, автор целого ряда произведений, в том числе и сочинении для юношества, впервые выступил на литературном поприще еще в 50-х годах XVIII в. В 1756 г. на страницах «Journal economique» он опубликовал свой проект сельскохозяйственной ассоциации[202]. Ссылаясь на статью в декабрьском номере журнала, посвященную овернским общинам, Борье писал, что был бы счастлив, если бы мог содействовать учреждению по этому примеру подобных «маленьких республик», весьма полезных для государства. Далее он излагал свой план, который, по его словам, разрабатывал ряд лет и который был более способен содействовать общественному благу, чем даже овернские общины. План этот предусматривал постройку в сельских местностях достаточно просторных, но простых и удобных домов, в которых могли бы поселиться вместе несколько семейств, совместно обрабатывающих землю и ведущих общее хозяйство. Благодаря совместному хозяйству хлеб обходился бы дешевле, чем обычно, ничего не пропадало бы даром, даже яйцо. Рациональное использование земли, образцовое земледелие и скотоводство обеспечивали бы превышение доходов над расходами, удовлетворение нужд членов ассоциации и их честные развлечения. Дети воспитывались бы совместно. Проект сельскохозяйственной ассоциации Борье — первый проект такого рода, написанный еще за 20 лет до аналогичного проекта Ретифа и за 30 лет до плана «коллективных ферм» Бабефа.

В 1766 г. Борье выступил как автор утопического романа «Ученик природы». Книга эта имела определенный успех и выдержала ряд изданий. В ней описывался некий «остров мира» и царящие там порядки. По словам автора, порядки эти «приблизительно те же, что и в Утопии, этой прекрасной и счастливой республике, измышленной Томасом Мором»[203]. Фактически, однако, «остров мира» — скорее не коммунистическое, а эгалитарное государство. Население там проживает в общих домах, построенных по особому плану. Имеются и различные общественные здания, в том числе и разного рода общественные мастерские. Все принимают участие в обязательном коллективном труде. Летом работают на полях, в остальное время или в случае непогоды — в домах и в мастерских. Граждане полностью обеспечены всем необходимым. Никто не богат и не беден. Все вместе отдыхают, развлекаются. Дети получают совместное воспитание в особых домах-школах. При всем том частная собственность продолжает существовать. По мнению автора, собственность, являющаяся, в случае злоупотребления ею, величайшим злом, превращается в случае ее правильного использования, в благо, в действенный стимул, заставляющий людей не предаваться лени. До 16 лет дети не имеют никакой собственности, но затем получают ту или иную мелкую собственность — корову, лошадь, участок земли и т.д. Если, однако, кто-либо использует свою личную собственность в ущерб другим или увлечется стяжательством, то собственность эта у него отбирается и передается другим лицам.

Борье — один из первых руссоистов, сделавший задолго до других самые крайние выводы из учения Руссо, на которого он[203] неоднократно ссылается. Мелкую, трудовую (и притом условную) собственность отдельных граждан он пытается сочетать с общественными мастерскими, с обязательным коллективным трудом, с домами-общежитиями, с совместным воспитанием молодежи. Это своеобразная попытка сочетать уравнительные идеалы Руссо с коммунистическими идеями Мора.

Борье восторженно приветствовал революцию. Проживая в революционные годы в Париже, он установил связи с некоторыми политическими деятелями, в том числе и с аббатом Грегуаром. Он, по-видимому, поддерживал в эти годы контакт и с Ретифом де ля Бретоном, поскольку в рукописном дневнике последнего мы встречаем его имя[204]. Престарелый писатель принялся теперь с жаром пропагандировать свои педагогические воззрения и проекты общественных реформ.

В архиве Комитета по народному образованию Законодательного собрания сохранились два его письма. В первом из них, помеченном 5 января 1792 г., он сообщал, что более тридцати лет назад опубликовал работу, в которой изложил принципы воспитания, способные вернуть людей к их естественному состоянию. Но тогда, в силу существовавших условий, принципы эти не могли быть приняты: их разделяла лишь маленькая группа истинно мудрых людей. Теперь он предлагает свой план и готов изложить его устно. Во втором письме он напоминал о двух мемуарах, пересланных им в январе, и просил Комитет назначить комиссаров, которым бы он изложил свой проект[205].

Все подобного рода обращения Борье оставались гласом вопиющего в пустыне. Его материальное положение все более ухудшалось. Об этом свидетельствует, в частности, его обращение от 26 вандемьера II года (17 октября 1794 г.) к Комитету по народному образованию Конвента с просьбой о вспомоществовании. В этом обращении он указывал, что ему уже 66 лет, из коих сорок он посвятил литературе, и что он автор общественно полезного произведения «Ученик природы»[206]. В крайней нужде, одинокий, он умер в октябре 1795 г. в госпитале для неимущих. Оставшиеся после его смерти бумаги были изъяты и попали затем в Национальный архив, где и находятся по настоящее время среди документов лиц, умерших в период революции без наследников.

Архив Борье[207] состоит из самых разнообразных материалов — черновиков различных сочинений и мемуаров, комментариев к басням Лафонтена, записок о воспитании и проектов по народному образованию, пьесы «Все добродетели или праздник декады», различных аллегорий и т.п.[208] Все эти материалы относятся главным образом к эпохе Конвента. Многие из них помечены II годом республики.

Во всех своих работах, набросках, обращениях Борье выступает как самый горячий сторонник революции и республики. Он мечет громы против тиранов, приветствует деятельность Конвента. Но в то же время он неоднократно высказывает мысль, что революцию пока нельзя считать завершенной, поскольку еще не ликвидировано общественное неравенство, существует бедность и богатство. Истинный Геркулес — «это свободный народ, возделывающий землю, занимающийся другим полезным трудом и уничтожающий диких зверей — всякого рода тиранов; ныне это французский народ. Он уже раздробил своей палицей несколько голов гидры; другие долго не продержатся». Ему остается одержать еще одну победу, победу, как будто более легкую, но на самом деле гораздо более трудную, — а именно упразднить роскошь и все связанные с нею пороки. Если спросить стороннего наблюдателя, считает ли он, что революция во Франции завершена, то он несомненно ответит так: «Нет, она еще не завершена... ибо вы имеете еще богатых и бедных; одни живут в роскоши, другие находятся в нужде; это неравенство возмутительно; ваши законы, являющиеся самыми прекрасными, самыми мудрыми, какие только может вообразить себе человеческий разум, возвещают, что вы будете иметь лучшее из всех правлений — демократию; но ваши развращенные нравы свидетельствуют, что вы ее еще не имеете». Еще есть люди, которым чужды республиканские принципы, которые приурочены к безделью, «т.е. к состоянию самому гнусному, самому прискорбному, самому преступному». «Свободным можно быть, лишь будучи республиканцем; но нельзя быть длительное время республиканцем, не обладая всеми добродетелями».

Нужно упрочить революцию, увековечить ее, отказавшись от всех пороков,— от роскоши, алчности, честолюбия. Перед революцией только два пути: либо идти далее вперед, либо погибнуть. «Перед нами нет выбора: или мы станем совершенно счастливыми, или среди гражданских распрей перережем друг другу горло». Богатство — это позор и даже преступление. Богатые — это все те, кто имеет больше необходимого. Национальный Конвент, поддающийся слабости, оставшейся в наследие от старого режима, допускает большие доходы и дает возможность свободно ими распоряжаться. Но «следующие законодатели» примут против этого меры, они примут меры, чтобы никто не мог пользоваться тем, что превышает необходимые потребности. Нельзя допустить нарушения равенства между республиканцами. Все граждане должны иметь все необходимое, они должны «жить в одинаковом достатке». В будущем «все будут пользоваться одинаковыми правами, будут иметь такое же помещение, такое же питание и такую же одежду, как и все остальные». Люди талантливые и добродетельные будут иметь лишь одно преимущество: их будут с почтением выслушивать на собраниях народа, они смогут заслужить уважение и общественную благодарность. «При новом порядке вещей, когда каждый человек будет хорошим, когда никто не будет ни богатым, ни бедным, ни большим, ни малым, не будет надобности восстанавливать равновесие, так как оно никогда не будет нарушено».

Бумаги Борье, погребенные в недрах архива, заслуживают безусловно большого внимания. В его работах, докладных записках, обращениях, письмах периода революции мы находим, быть может, в наиболее последовательном и радикальном виде, уравнительные идеалы, выдвигавшиеся в эпоху якобинской диктатуры крайне левыми политическими течениями. Проекты и планы Борье наглядно показывают пути перерастания эгалитарных идеалов в коммунистические. Требуя завершения революции путем полной ликвидации общественного неравенства, отождествляя республику и демократию с социальным равенством всех граждан, обязанных заниматься полезным трудом, живущих в совершенно одинаковых условиях, Борье вплотную подходит к грани, отделяющей эгалитарные идеалы от идеалов уравнительного коммунизма.

Две книги, опубликованные Борье в годы революции, подтверждают этот вывод. Это прежде всего изданное им во II году республики, т.е. в 1793—1794 гг., произведение Мабли «Entretiens de Phocion»[209]. Уже самый факт издания Борье работы Мабли является знаменательным, как свидетельство того, какие общественные теории он стремился пропагандировать в самый разгар революции. Своей вступительной статьей и примечаниями Борье ставил задачу, как сказано на титульном листе, «применить к нашему новому образцу правления принципы, изложенные в этой работе». «В истории, — заявлял он, - нет ничего более удивительного и более замечательного, чем паша революция». Но одновременно с революцией политической нужна и революция моральная. «Разве не ужасно..., что мы еще не отказываемся совсем от роскоши, от праздности, от спекуляций, которые увеличивают частные состояния в ущерб государственной казне»[210]. «Мы никогда не будем иметь истинной республики, если мы не сделаем ее основой добрые нравы, добродетели». Но добрые нравы могут существовать лишь при любви к умеренности, труду и спокойствию[211]. Деньги отнюдь не являются, как это полагают, двигательной силой государства. Государство должно убедиться в бесполезности и даже вредности богатств и торговли. Нужно изгнать алчность и роскошь. Нужно строгаться к прочному счастью. В момент, когда республика находится в тяжелом финансовом положении и переживает упадок торговли, надлежит не содействовать восстановлению торговли, а использовать этот упадок, чтобы подавить роскошь, заставить уважать бедность, или, по крайней мере научить обходиться без излишних богатств[212]. Следует надеяться, что пожелание Мабли о том, чтобы люди составили одну семью, наконец осуществится. Не нужны многочисленные законы, а нужен один закон, который подрезал бы в корне все злоупотребления[213]. Указывая, что французы обязаны своим новым существованием таким людям, как Руссо, Мабли, Лепелетье, Марат, Борье добавлял, что пока он намеренно не говорит о живых, так как нужно еще посмотреть, сумеют ли они противостоять совращению[214].

Год спустя, накануне смерти, Борье опубликовал новое издание своей утопии «Ученик природы». Вновь ссылаясь на «прекрасную и счастливую республику Томаса Мора», он прямо высказывался уже за общность имуществ. Он восхвалял «жителей Виргинии» за то, что они трудятся совместно и не имеют частных владений, и выражал сомнение в возможности осуществить в Европе хорошую систему общественного воспитания, «так как для этого необходимо было бы упразднить частную и исключительную собственность... т.е. одним ударом отсечь постоянно возрождающиеся головы роскоши»[215]. Итак, упразднение частной собственности — вот радикальное средство установить общественное равенство. Таков был вывод, к которому, в конечном счете, вполне закономерно пришел Борье.

В своих конкретных планах завершения революционного преобразования Франции Борье не говорит прямо о необходимости ликвидации частной собственности. Но абсолютно равная и к тому же чисто условная собственность граждан рисуемой им идеальной республики является лишь внешней оболочкой, упразднение которой превращает это идеальное общество в общество, построенное на уравнительных коммунистических принципах, характерные для коммунизма эпохи «заговора равных».

IX

Радикальный эгалитаризм имел своих представителей не только в революционные годы. И непосредственно после термидора выдвигались проекты, пытавшиеся сочетать идеи обобществления земли с уравнительными требованиями в целях установления подлинного социального равенства. Хотя рассмотрение послетермидорианского периода и не входит в нашу задачу, но мы хотим все же остановиться на двух уравнительных проектах, свидетельствующих, сколь живучи были эгалитарные идеалы даже в годы спада революции.

Характерна в этом отношении брошюра «гражданина Лиона» **Дюкрюи** (Ducruy) «Естественные и неотъемлемые права человека или права и счастье всех в условиях полного равенства», опубликованная в Лионе в IV году, т.е. в 1795—1796 гг.[216] Брошюры этой нет в Национальной библиотеке. Она сохранилась лишь в Национальном архиве[217], где оказалась, несомненно, потому, что была в свое время представлена автором правительству.

Дюкрюи исходит из «трех вечных истин», почерпнутых в великой книге природы и диктуемых разумом, которые он формулирует следующим образом: «Земля не принадлежит никому, она является неотчуждаемой. Плоды земли являются повседневными дарами природы, они принадлежат всем людям. Продукт труда — единственная собственность человека». Народ может быть свободным и счастливым лишь тогда, когда все законы основаны на этих трех принципах, на которых только и может зиждиться полное равенство. Человек, живущий в обществе, составляет часть целого, от которого получает все необходимое для поддержания своего существования. Но для этого он должен, в свою очередь, использовать все данные ему природой средства для благосостояния всего общества, т.е. должен трудиться. Поэтому продукт труда является естественной собственностью человека, на которую никто не может претендовать без его согласия. Что это так, показывает пример людей, живущих без правительств, тех, которых называют дикарями. У них нет никакой земельной собственности, но их жилища и то, что они добывают для удовлетворения своих потребностей, охотой или рыбной ловлей, не является

общей собственностью. **Поэтому нельзя выдвигать принцип: тот, у кого нет, имеет право взять у того, у кого есть, а нужно выдвинуть принцип: тот, кто выполняет свои обязанности перед обществом, никогда не должен испытывать недостатка в необходимом**. Должен существовать основной закон, обязывающий людей взаимно помогать друг другу во всех их нуждах, при несчастных случаях, во время болезни.

Всеобщее счастье столь же зависит от собственности на труд, как и от общей собственности на землю. Всякая земельная собственность должна быть упразднена, так как никто не имел и не имеет права захватывать землю или отчуждать ее. Все плоды земли на территории республики принадлежат всему обществу в целом. Земля должна быть разделена на участка, которые предоставляются семьям, посвятившим себя сельскохозяйственному труду. В первую очередь эти участки должны предоставляться теперешним собственникам земли, в то время как остальные граждане будут продолжать заниматься различными другими работами. В случае участия в заговоре против республики и суверенитета народа, а также в случае плохой обработки земли или пресечения рода по мужской линии, земельные участки передаются другим. За обработку земли должна выплачиваться заработная плата, размер которой ежегодно устанавливается правительством.

Вот истинные и надежные основы прав человека, прав, которые не должны ограничиваться одними неопределенными и обманчивыми декларациями, подобными тем, которые делались до настоящего времени. Что касается государственной власти, то она должна быть сосредоточена в руках трех народных советов — законодательного совета, исполнительного совета и совета по надзору. В задачи последнего входит охрана суверенитета и прав народа и созыв первичных собраний в случае малейшего нарушения этих прав со стороны двух других советов.

При такой социальной и политической системе партии и группировки не будут больше раздирать общество, как в настоящее время, когда в многолюдных законодательных собраниях царит дух партий и интересов, происходят скандальные и предосудительные дискуссии, беспорядки, осуществляются проскрипции. Не будет больше поводов для пролития крови, террора, тирании, грабежей, раздела имуществ. Таковы верные средства восстановить среди людей естественное равенство, учредить демократическое правление, подобающее великому народу, добиться того, чтобы не было больше ни крупных богачей, ни честолюбцев, стремящихся ими стать, чтобы все были счастливы и каждый заботился лишь о своих нуждах, о своем образовании, о выполнении своих обязанностей и о счастье всех в условиях благосостояния всего общества.

Законы развития материальной природы не подвластны человеку, но развитие общества зависит от него. Верховный разум сделал все для людей и позаботился обо всех их нуждах; он одарил их разумом, чтобы они руководствовались им. Следовательно, от людей зависит обеспечить себе счастье, основанное на полном равенстве.

Итак, Дюкрюи выступает за ликвидацию частной собственности на землю и обобществление всей сельскохозяйственной продукции. Он высказывается также за всеобщий обязательный груд, считая его первейшей обязанностью всех граждан перед обществом, которое взамен должно обеспечивать их всем необходимым. Хотя прочая собственность остается неприкосновенной, но в представлении Дюкрюи она должна носить трудовой характер, быть продуктом труда. В результате предлагаемой лм общественной реформы крупные состояния должны быть ликвидированы и обеспечено всеобщее равенство.

При ознакомлении с брошюрой Дюкрюи сразу бросается в глаза сходство его основных положений с основными тезисами брошюры Доливье «Опыт о первоначальной справедливости». Дюкрюи провозглашает три основных принципа, два из которых (земля не принадлежит никому, продукт труда — единственная собственность человека) полностью совпадают с двумя основными принципами социальной справедливости Доливье, а третий (плоды земли принадлежат всем людям), являющийся выводом: из первого, тоже вполне соответствует идеям Доливье. Выдвигая требование обобществления земельной собственности, Дюкрюи, подобно Доливье, предлагает разбить земли на равные участки, предоставляемые в пользование отдельным семьям, причем, развивая дальше эту мысль, намечает выплачивать гражданам, занятым сельскохозяйственным трудом, заработную плату, рассматривая их как простых тружеников, получающих за свой труд соответствующее вознаграждение. Считая землю основным средством производства и главным источником общественного богатства, а частое землевладение — основой общественного неравенства, Дюкрюи также связывает обобществление земли с ликвидацией этого неравенства, несмотря на сохранение других видов частной собственности. Он мечтает об установлении полного социального равенства.

X

В Национальном архиве, в делах Комитета по народному образованию Конвента, хранится рукопись, озаглавленная «Проект управления, мира и даже всеобщей морали, основанный на следующих десяти республиканских добродетелях: свобода, равенство, братство, справедливость, умеренность, способность, добросовестность, хорошие нравы, содействие, строгость —

гражданина **Жирара из Кемпера**»[218]. Препроводительная бумага, посланная Комиссией гражданской администрации, полиции и трибуналов Комитету общественного спасения (в свою очередь переславшему рукопись в Комитет по народному образованию), помечена 29 фримера III года. Следовательно, этот «гражданин Жирар» из Кемпера (главного города департамента Финистер) представил Конвенту свой проект в декабре 1794 г.

Проект Жирара, изложенный на 24 страницах, состоит из «Предварительных замечаний», «Введения» и семи параграфов. В «Предварительных замечаниях» автор рисует обстановку, сложившуюся во Франции после термидорианского переворота. Каждый хочет теперь или господствовать, или обогащаться, не различая своих сограждан от иностранцев. Честолюбие не имеет больше границ, алчность — удержу. Республиканцы, как и роялисты, злоупотребляют свободой и равенством. Монополия продавцов и перекупщиков угнетает горожан и армию. Неспособные и пьяницы занимают лучшие посты, а государственные служащие стонут от истощения. В этих условиях каждый хороший патриот, каждый просвещенный человек обязан довести до сведения Конвента свои планы реформ и разъяснить ему, что, когда люди посажены на хлеб и воду, они испытывают искушение или обворовывать своих сограждан, или грабить нацию спекуляциями, достойными спекуляций скупщиков. 23 вандемьера был разослан циркуляр, предлагающий дистриктам ответить на ряд вопросов относительно транспорта, каналов, перевозки грузов, почт, торговли, но среди них, как это ни удивительно, не было ни одного вопроса относительно последних усилий аристократии, которая, дабы заставить пожалеть о старом режиме, вздувает цены на продукты первой необходимости, даже имеющиеся в изобилии. Человек, выдающий себя за большого патриота, продает картошку по 9—10 ливров за квинтал и заявляет, что скоро она будет продаваться по 15 франков. Нужно поэтому положить предел этой убийственной алчности.

Необходимо обнаружить корень зла. Необходимо прежде всего удостовериться, является ли недостаток товаров реальным или искусственным. Если верить торговцам, им всего не хватает, и при этом одновременно. Но истина заключается в том, что есть лишь скупка товаров, а по их недостаток. В этом зле повинны санкюлотизм робеспьеристов и ненасытная жадность торговцев. Но откуда бы ни проистекало это зло, оно является вполне реальным и необходимо срочно его пресечь. Чем больше зло, тем больше нужно проявить энергии для его искоренения, чем больше стараются его оправдать, тем больше надлежит разоблачать его антисоциальные корни. Необходимо задать целый ряд вопросов. В чем причина внезапного увеличения числа перепродавцов? Лень ли и жадность побудили земледельцев покинуть свои хижины и из полезных производителей превратиться в перепродавцов? Жадность или лень побудили горожан забросить полезные занятия, чтобы стать кабатчиками, грабителями-булочниками или скупщиками всего продовольствия, перепродающими его втридорога? Аристократия или патриотизм побуждают всех этих объединившихся перепродавцов утверждать, что все должно быть свободным и каждый может покупать что хочет и сколько хочет и перепродавать столь дорого, как это ему хочется, что скупка — слово, лишенное значения, и что конкуренция всюду установит равновесие? Богатые или бедные говорят этим гнусным языком? Если нельзя сомневаться в жадности скупщиков и производителей, в коалиции перекупщиков, если все это является преступлением против общества и нации, то каково же должно быть наилучшее управление (police), которое могло бы их обуздать как в деревне, так и в городе? Каковы самые быстрые средства осуществить это управление повсеместно во Франции и побудить иностранцев также его принять? Не было бы это путем к установлению того мира и того всеобщего братства, отдалить которое стремятся лишь аристократы?

Далее автор переходит к изложению своего проекта общественного переустройства. Те же мотивы, которые побудили уничтожить феодальные богатства, должны в настоящее время помешать росту коммерческих состояний. Средний достаток (la mediocrite dans les fortunes) — одна из основ республики. Нужно положить конец зависимости лиц, имеющих мизерный и фиксированный доход, от земледельцев, булочников, мясников, перекупщиков и всех других грабителей, которые убеждены, что больше нет бога и законов, что суверенитет пребывает в их лавках, в их желудках и в их глотках. Необходимо установить повсюду добрые нравы, умеренность, здоровые условия жизни, равенство, братство, справедливость и навеки изгнать чревоугодие, пьянство, алчность, украшающие себя колпаком свободы и ежедневно втаптывающие его в грязь.

Конкретно предлагаемый Жираром план сводится к следующему. Поскольку Конвент ввел десятичную систему, вполне себя оправдавшую, то все общественное устройство должно быть основано на ней. Нужно также учитывать порядок, существующий в войсках, где, во избежание путаницы, все строго подразделено. Исходя из этого, в сельских местностях должна быть установлена следующая структура: каждый кантон должен подразделяться на десять тысячниц (millerie), каждая тысячница — на десять центурий (centurion), каждый центурий — на десять декурий (decurie). Каждая коммуна будет состоять из одного центурия. Самая большая декурия лишь в шесть раз больше самой маленькой. В особый реестр заносится имя главы хозяйства,

качество его собственности или фермы и число его детей. В конце каждого списка указываются все декурии, которые не могут больше оставаться в составе своих коммун, и дороги, связывающие их с другими коммунами, в состав которых их следует включить. Среди коммун, через каждые 100 туазов, будут размещены декурии, предназначенные раненым военным, а также прослужившим в армии наибольший срок. Под охраной этих декурий будут находиться дороги. Умения читать и писать и знания геометрии и черчения будет достаточно, чтобы стать центурионом. Более обширные знания требуются для тысячников. Каждый собственник — держатель (proprietaire, tenancier) декурий обязан насаждать деревья, необходимые для гражданского строительства и судостроения; он должен заранее намечать посадки, определять на основе изучения почвы лучшие места для возделывания зерновых, овощей, фруктов, иметь необходимое количество ульев. Каждый декурион получит корову со специальным заданием вырастить двух телят, обходясь первое время без молока. Если некоторые декурионы не смогут терпеть это лишение, то начальники декурионов будут продавать им по горшку молока в день или предоставлять его в долг или в обмен. В каждой тысячнице будут иметься каретники, ткачи, бондари, саботье (изготовители сабо) и механики, достаточно обученные, чтобы строить мельницы.

Все будут обязаны по-братски помогать друг другу как продуктами питания, так и в труде, работая заступом, когда нет плуга и вьючных животных, помогая всяким другим способом, когда имеется и то, и другое. Декурионы и центурионы устанавливают надзор за мельниками, которых наказывают как общественных воров, если они берут за свою работу в натуре или в деньгах сверх цен, установленных для каждого рода помола. Мельникам запрещается вести какую-либо торговлю зерном или мукой: они должны получать лишь оплату, соразмерно своему труду. Трактиры имеются только на дорогах и в кантональных центрах; они предназначены лишь для того, чтобы утолять жажду путешественников, которые не имеют права пить чрезмерно или покупать что-либо для перепродажи.

Поскольку первое время надо будет обходиться без телят и ягнят (чтобы увеличить поголовье скота), то потребуется найти дополнительные ресурсы питания. В этих целях необходимо удвоить число судов, занимающихся рыбной ловлей, увеличив соответственно производство холста, снастей, сетей, весел и всего необходимого для оснащения этих кораблей, а также число сушилен, мест засола, складов различного рода и т.п. Всем тем, кто захочет стать рыбаками, будет предоставлена лодка, хижина и маленький земельный участок. На коммуникациях, ведущих к прибрежным пунктам, где занимаются рыболовством, также будут расселены дорожные смотрители из числа бывших военных и моряков, которым будут предоставлены соответствующие земельные наделы.

Все декурий обязаны участвовать в создании и поддержании амбаров изобилия, ссыпая в эти амбары часть своего урожая пропорционально своей земельной площади. Наряду с этим они должны поставлять продовольствие на рынки. На месте может продаваться только рыба, и то лишь самими рыбаками. Все остальное продовольствие, после удовлетворения нужд местных потребителей, должно продаваться лишь на ярмарках и рынках. Дорожным смотрителям вменяется в обязанность поставлять одни раз в декаду на ярмарку или рынок домашнюю птицу или яйца, масло, молоко, коноплю, шерсть, фрукты, дичь, картошку, мед, воск. Все остальные земледельцы обязаны, кроме этого, хорошо снабжать рынки зерном. Ни один житель не может отправиться на рынок без свидетельства от своего тысячника, центуриона или декуриона, разрешающего продажу того или иного товара по установленной цене. В первые два часа на рынке имеют право делать закупки лишь те, кто ничего не продает. Продажа некоторых товаров в одни руки ограничивается; например рыбы отпускается не более чем по 5—6 фунтов каждому покупателю, с тем чтобы ее хватило всем. Строго ограничивается потребление спиртных напитков, потому что трезвость — одна из главных республиканских добродетелей. На городских рынках, куда они поставляют съестные припасы, сельские жители должны иметь возможность приобрести в свою очередь по очень умеренным ценам все им необходимое. Это единственное средство вернуть торговлю к ее первичной цели и к ее первоначальной простоте, т.е. к мене и обмену (autroc et a l’echange).

В городах вводится та же организация, что и в сельских местностях. Каждый город состоит из 10 кварталов. Квартал представляет собой одну тысячницу, состоящую из 10 центурий, а центурия — из 10 декурии. Декурию составляют 10 отцов семейств, каждый из которых имеет какую-нибудь профессию. До того, как все дома станут совершенно одинаковыми, за основу учета берутся, как правило, отдельные этажи существующих домов, занимаемые одной семьей. В реестры декурий включаются все лица, занимающиеся той или иной профессией; грузчики и дровоколы заносятся в особые списки. После опубликования нового закона каждый обязан будет в течение 10 дней представить муниципалитету декларацию о своей профессии и принести клятву в том, что он будет заниматься лишь этой профессией, будет умерен в своем заработке, не станет посягать на профессию своего соседа, не будет заниматься скупкой и перепродажей. Из числа наиболее воздержанных и прилежных граждан назначаются центурионы.

В каждом городском квартале будет лишь один булочник, один мясник и, как правило, по одному представителю каждой профессии с соответствующим числом учеников. Каждый торговец должен заниматься лишь торговлей одним предметом. Перекупщики полностью упраздняются. Таким путем обеспечивается все необходимое, без того, чтобы кто-либо грабил своих сограждан. Новая организация превращает каждого в надзирателя за своим соседом. Каждая декурия и каждая центурия ответственна за нарушение твердых цен на все предметы, за любой ущерб, нанесенный одной профессией другой. Нарушители подвергаются различным наказаниям — от штрафов до изгнания из города и принудительных работ.

Существующие города подлежат коренной перестройке. Опыт показывает вред большого скопления людей и больших строений без дворов и садов. Поэтому должны быть приняты меры, чтобы обеспечить каждый существующий дом садом. Будет запрещено ремонтировать городские дома, построенные 200 и более лет назад, которые вскоре станут непригодными для жилья. Ни один город, имеющий свыше 10 тысяч жителей, не должен расти. В таких городах дома, пришедшие в ветхость, не должны восстанавливаться. Территория этих разрушенных домов превращается в двор или сад соседних зданий. Так постепенно будут упразднены большие города — эти гражданские чудовища, называемые столицами мира. Новые здания будут строиться совершенно однотипными, и потому в будущем все городские здания будут абсолютно одинаковыми. При каждом из них будет сад с обширными общинными землями.

Наставники должны внушать детям и их родителям следующие принципы: что «общая собственность (la propriete commune) распространяется на все, что необходимо для жизни, что самое большое злодеяние — объединяться, чтобы грабить тех, кто нуждается в хлебе, напитках, мясе, овощах и всем том, что природа дала в изобилии, лишь с тем чтобы все пользовались ее благами; что не надо больше спекулировать на средствах существования своих сограждан и даже иностранцев и путешественников; что нужно быть беспощадным лишь в отношении тунеядцев-эгоистов, лишь в отношении того класса плохих граждан, которые, не умея пользоваться ни заступом, ни попом, хотят одурачивать производителей и превратить каждого потребителя в раба...»

Автор проекта уверен, что предлагаемые им общественные порядки будут установлены не только во Франции, но и во всей Европе. Французская революция, заявляет он, превратится в европейскую революцию. Именно повсеместное осуществление предлагаемого им регламента и приведет к всеобщему миру и всеобщему братству. Братские и равноправные нации Европы — во главе с французской — будут поддерживать друг с другом близкие связи и без посредства денег, на основе справедливого обмена, вести взаимовыгодную меновую торговлю. Ни одна нация не будет иметь больше 10 военных кораблей и 10 тысяч войск, за исключением французской, которая в целях поддержания всеобщего мира будет иметь 10 линейных кораблей и 10 фрегатов, а также 20-тысячную кавалерию и пехоту.

Проект Жирара — эгалитарная утопия. Проект этот написан в первые месяцы термидорианской реакции, когда уже вполне определились пагубные последствия термидорианского переворота. Хотя автор и осуждает «грубый санкюлотизм» и робеспьеризм, но огонь своей критики он направляет против спекулянтов и перекупщиков, против ажиотажа и свободной конкуренции. Он считает необходимым теперь, когда уничтожены феодальные богатства, предотвратить рост коммерческих состояний, добиться подлинного равенства и братства, путем обеспечения всем среднего достатка — основы истинной республики. Жирар провозглашает общей собственностью все необходимое для жизни и считает, что все в равной мере имеют право пользоваться дарами природы. Но, подобно другим эгалитаристам, он не делает из этого положения коммунистических выводов, а использует его лишь для обоснования своей эгалитарной утопии. Предлагаемый им новый общественный строй полностью упраздняет ажиотаж, скупку, спекуляцию, ликвидирует класс «плохих граждан», «тунеядцев-эгоистов», не пользующихся ни заступом, ни пером, т.е. не занимающихся ни физическим, ни умственным трудом и живущих за счет производителей и потребителей. Рисуемое им новое общество организовало по военному образцу: сельское и городское население объединено в декурии, центурии, тысячницы и занесено в соответствующие реестры. Все сельские жители должны заниматься сельским хозяйством. Размер земельных участков, обрабатываемых отдельными семьями, строго ограничен; если он и несколько различен, то это связано лишь с размером семьи. Интересно, что автор называет лиц, обрабатывающих эти земельные участки, иногда «собственниками» этих участков, иногда же их «держателями», подчеркивая тем самым условный характер их собственности. Обработка земли и другие сельскохозяйственные работы строго регламентированы. Все городские жители также должны заниматься той или иной профессией, причем в строго определенном порядке (по одному представителю каждой профессии на квартал). Денежное хозяйство сохраняется. Наряду с «амбарами изобилия», роль которых не совсем ясна, сельскохозяйственные продукты, как и ремесленные изделия, поступают и на рынки. Но цены на все товары строго фиксированы. Автор, таким образом, предлагает по существу придерживаться системы «максимума». Он идет, однако, дальше этого, ставя целью предотвратить любое обогащение, обеспечить всем членам общества,

независимо от их профессии, лишь «умеренный» заработок, необходимый для безбедного существования. Исходя из своих уравнительных идеалов, он мечтает даже о ликвидации существующих больших городов, о полной перестройке городов, о городах будущего, с совершенно однотипными домами, окруженными садами и общинными землями. Если прибавить к этому братскую взаимопомощь граждан рисуемой им республики, в частности их помощь друг другу в труде, то общественный идеал Жирара станет еще более ясным.

Проект Жирара интересен как попытка изложения эгалитарного идеала в виде плана общественного переустройства. Если другие, видные эгалитаристы теоретически обосновывали необходимость переустройства общества на уравнительных началах, то рядовой, безвестный гражданин Жирар из провинциального города Кемпера попытался представить Конвента конкретный план подобного переустройства, план, направленный: против порожденного революцией нового буржуазного общества, против новых «коммерческих состоянии», приходящих на смену феодальной собственности. И в этом несомненный интерес его проекта.

9 О политических и общественных взглядах Марата и Робеспьера см. А.З.Манфред. Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М., 1961, стр.9— 58, 108-188. См. также материалы о Марате (**http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat**) и Робеспьере (**http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR**) в электронных библиотеках, в т.ч. статью Е.Серебрянской «Об эволюции мировоззрения Робеспьера» (**http://vive-liberta.narod.ru/journal/serebr_rob.pdf**).

9а «Necessite et moyens d'etablir une loi agraire, d'assurer la subbistance des pauvres, de reformer Ie clerge et la constitution militaire». Par. C.C.M. de S. 1789. Нац.архив, AD I, 64. Лиштанберже знал о существовании этой брошюры, но заявлял, что не мог ее разыскать. Ее, действительно, нет в Национальной библиотеке. Она сохранилась лишь в Национальном архиве.

А. В. ИОАННИСЯН

10 «De la propriete, ou la cause du pauvre, plaidee au Tribunal de la Raison, de la Justice et de la Verite». A Paris, 1791.

11 Ibid., p.54.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ

12 Ibid., p.57—58.

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

13 Наряду с разделом земли Журнал предусматривает лишь национализацию всех городских жилых строений, переходящих в собственность государства.

Москва: Наука. 1966

14 «De la propriete, ou la cause du pauvre...», p.17—18, 33, 68.

15 Ibid, p.55-56.

16 Ibid., p.56—57,

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

17 В.И.Ленин. Сочинения, Т.24. стр.252.

18 См. В.С.Алексеев-Попов. История основания «Социального кружка». — Труды Одесского государственного университета имени И.И.Мечникова, т.144. Одесса, 1954; он же. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.). — «Из истории социально-политических идей». Сборник статей к семидесятилетию академика Вячеслава Петровича Волгина. М., 1960; он же. «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г. — «Из истории общественных движении и международных отношений». Сборник статей в память академика Е.В.Тарле. М., 1957.

19 «Appendice de la seconde edition de l'Esprit des religions, pour servir a l'entretien, a la propagation des bons principes et a la confederation des amis de la verite» 14 Juillet [1792]. A Paris. De l'imprimerie du Cercle Social, rue du Theatre-Francois, № 4. L'an 4 de la liberte (Нац.библ., D1 6124).

20 «Les poesies de Nicolas Bonneville». Paris, 1793. A l'imprimerie di Cercle Social. Appendice (без нумерации страниц) (Нац.библ., Ye 10259).

21 «Sur les gouvernements en general et en particulier sur celui qui nous convient». Par Athanase Auger. De l'imprimerie du Cercle Social s.d. (Прим.1).

22 «Le Nouveau Code conjugal, etablie sur les bases do la Constitution et d'apres les principes et les considerations de la loi deja faite ete sanctionnee, qui a prepare et ordonne ce nouveau Code». Par N.Bonneville. A Paris. Chez les Directeurs de l'imprimerie du Cercle Social. 1792, p.7 (Нац.библ., E3924).

23 «La Chronique du mois ou les Cahiers patriotiques», Fevrier 1792, p.107—109.

24 См., например, A.Mathiez. La Revolution et les etrangers. Paris, 1918. p.21.

25 См. «Извещение», подписанное «директором типографии Социального кружка», где говорилось о Бонвиле, как о редакторе журнала («La Chronique du mois», Octobre 1792, p.3).

26 «La Chronique du mois», Janvier 1793, p.73.

27 «La Chronique du mois», Fevrier 1792, p.105.

27а «La Chronique du mois», November 1792, p.78—85.

28 «Le Vieux Tribun et sa Bouche de fer». «Le Cercle Social et sa Bouche de fer; nouveaux essais des Amis de la Verite pour retablir et perfectionner l'ancienne ecole de la creation sociale». Paris, 1796—1797.

29 «Le Vieux Tribun et sa Bouche de fer», p.78, 482, 483 sqq.

30 См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.2, стр.132.

31 «De l'esprit des religions». Par Nicolas Bonneville. Ouvrage promis et necessaire a la confederation universelle des amis de la verite. Nouvelle edition. A Paris. A l'Imprimerie du Cercle Social, rue du Theatre Francais № 4, 1792 (Нац.библ., D» 6124).

32 Ibid., t.II, p.11.

33 Ibid.. t. II, p.12.

34 Ibid., t.II, p.83.

35 Ibid., t.II, p.133.

36 «Appendice de la seconde edition de l'Esprit des religions...», p.

37 «De l'esprit des religions», partie II, p.204.

38 «Appendice...», p.110.

39 Ibid., p.277.

40 Ibid., p.130.

41 «De l'esprit des religions», t.II, p.254.

42 Ibid., t.I, p.78.

43 Ibid., t.I, p.53-54.

44 «Do l'esprit des religions», t.I, p.32. 46 Ibid., t,I, p.56.

46 Ibid., t.I, p.65.

47 «История современной Европы», первые два тома которой были изданы в 1789 г., а третий том — в 1792 г., была частью задуманной Бонвилем большой работы в 8—10 томах из трех разделов: 1 — история современных европейских государств, 2 — история науки, искусства и прогресса цивилизации современной Европы, 3 — история человеческого духа в Европе («Histoire de l'Europe moderne, depuis l'irruption des peuples du nord dans l'empire remain, jusqu'a la paix de 1783», Par N.Bonneville. T.I.A.Genove, 1789, p.35—38. Нац.библ., G13117). Третий раздел должен был состоять из шести очерков, первый из которых — «О духе европейских религий» был издан в 1791 г. Бонвилем в виде самостоятельного трактата. Что касается первого раздела задуманного им труда — «История современной Европы». то она была доведена лишь до конца XIV столетия. Бонвиль издал эту работу под своим именем, хотя, по его собственному признанию, она в значительной мере являлась переводом с английского одноименной работы Росселя. Дело в том, что он не просто перевел работу Росселя, а значительно ее переработал и дополнил. Поэтому Кондорсе в своем отзыве о первых двух томах «Истории современной Европы» писал: «Он (Бонвиль. — *А.И.*) в своей работе использовал в качестве справочника одну историю, опубликованную в Англии несколько лет назад, но он часто отклоняется от своего справочника и черпает в оригинальных источниках интересные факты, поучительные детали, ускользнувшие от английского автора» («La Chronique des mois», Fevrier 1792, p.120).

48 «Histoire de l'Europe moderne» t.I, p.33.

49 «De l'esprit des religions», t.II, p.233—234.

50 Oeuvres completes de J.J.Rousseau, t.II. Paris, 1846, p.115.

51 Ibid, t.I, p.551.

52 «De l'esprit des religions», t.I, p.59.

53 Ibid., t.I, p.64.

54 «Appendice...», p.171, 288.

55 Ibid., p.277—278.

56 Oeuvres et correspondances inedites de J.J.Rousseau, publiees par G.Streckeisen-Moultou. Paris, 1861, p.119.

57 «De la religion nationale». Par M. l'Abbe Fauchet, Predicaleur, Ordinaire du Roi, Vicaire-General de Bourges, Abbe Commondataire de Monfut,. A Paris. 1789, p.237, 239—249.

58 «Le Nouveau Code conjugal...», p.14—15,

59 Ibid., p.25-26.

60 «La Chronique du mois», Fevrier 1793, p.4.

61 «La Chronique du mois». Janvier 1792, p.3—9.

62 Ibid., p.49.

63 «Appendice...», p.280—288.

64 «Bulletin deb amis do la verite», vendredi, 4 Janvier 1793. p.

65 «Histoire de l'Europe moderne», t.III, 1792. p.VIII.

66 «Les poesies de Nicolas Bonneville», p.179—180.

67 Ibid., p.205—248.

68 Ibid. Appendix (без нумерации страниц).

69 Жан Поль Марат. Избранные произведения, т.III. М., 1956, стр.126, 372.

70 Ph. Le Harivel. Nicolas de Bonneville. Pre-romantique et revolutionnaire. 1760—1828. Paris, 1923, p.10.

71 «Le Vieux Tribun et sa Bouche de fer». Paris, 1796—1797, p.78.

72 «Le Vieux Tribun et sa Bouche de fer», p.385, 479, 482—483 sqq.

73 Ibid., p.183-184.

74 Ibid., p.180, 238.

75 Ibid., p.183, 269.

76 Ibid., p.31, 108a.

77 Ibid.. p.512.

78 Ibid., p.177-178.

79 Ibid., p.208-209.

80 Нац.архив, W. 563, 42° Hasse. p.25. В списке подписчиков «Трибуна народа» Бонвиль значится под № 227. Bonneville. Boulevard Montmartre № 27.

81 «De J.J.Rousseau, considere comme l'un des premiers auteurs de la Revolution». Par m.Mercier, t.II. 1791, p.318—321.

82 Если не считать «Dictionary of National Biography» и других аналогичных биографических словарей, а также книг по истории английской поэзии, о Джоне Освальде имеются краткие упоминания в работах, посвященных участию англичан, и вообще иностранцев, во Французской революции. таких, как: Alger. Englishmen in the French Revolution. London, 1889, p.76—77; A.Mathiez. La Revolution et les etrangers. Cosmopolitisme et defense nationale. Paris, 1918, p.21, 46—47. Лиштанберже посвятил ему статью («John Oswald ecossais, jacobin et socialiste». — «La Revolution francaise», t.32, 1897, p.481—495), перепечатанную в его сборнике «Le socialisme utopique». Paris, 1898.

83 «Catalogue of Five Hundred Celebrated Authors of Great Britain now living». London, 1787. «Oswald, John» (без нумерации страниц).

84 «The Triumph of Freedom! An Ode to comemorate the Anniversery of the French Revolution». By John Oswald. Late Lieutnant in the 42-d (or Royal Highland) Regiment of Foot; Member of the Club des Jacobins, or Society of the Friends of the Constitution. Paris. Printed for the Author (Нац.библ., Yk5332).

85 «La Societe der Jacobins. Recueil des documents pour l'histoire du club des jacobins de Paris». Par F.A.Aulard. Paris, 1889—1895, t.III, p.618—623, 656.

86 Ibid., t.III, p.675.

87 Ibid.. t.IV, p.230—231.

88 Ibid., t.IV, p.345—350,

89 Освальд был вегетарианцем. В 1791 г. он даже опубликовал специальную брошюру, в которой защищал и обосновывал вегетарианство — см. «The Cry of Nature; or an Appeal to the Mercy and Justice on behalf of the persecuted Animals». By John Oswald, Member of the Club des iacobins. London, 1791 (Нац.библ., R 45546).

90 Bedhead Yorke. Letters from France, I, 162 (цит. по: «The Dictionary of National Biography», XIV, 1221).

91 J.M.Thompson. English Witnesses of the French Revolution. Oxford, 1938, p.108.

92 «Reimpression de l'ancien Moniteur», t.XV. Paris, 1854, p.58.

93 «La Tactique du peuple ou Nouveau principe pour les evolutions mili-taires, par lequel Ie peuple peut facilement apprendro a combattre par lui-meme et pour lui-meme, sans Ie secour dangeroux des troupes reglees». Par John Oswald, membre de la societe des Amis de la Constitution seante aux Jacobins. Premiere partie. A Paris (Нац.библ., V.48. 637).

94 Здесь необходимо сделать следующее пояснение. В одной статье (Lionel D. Woodward. Les projets de desconte en Irlande et les refugies iriandais et anglais en France sous la Convention. — «Annales historiques de la Revolution francaise», 1931, № 43, Janvier—Fevrier, p.5—9) приводятся на основе архивных материалов интересные сведения о иоездке «полковника Освальда» в качестве французского эмиссара в Шотландию и Ирландию. Последний выехал 20 февраля 1793 г. в Кале, но, не сумев получить через американское посольство гаспорт на въезд в Англию, отправился через Дюнкирхен в Норвегию, а уже оттуда в Шотландию. Посетив Эдинбург и Глазго, он поехал в Ирландию, пробыл в Дублине 15 дней и вернулся во Францию 1 июля. Но этот «полковник Освальд» явно не Джон Освальд. Джон Освальд был не полковником, а лейтенантом; он не был гражданином Соединенных Штатов, как «полковник Освальд», упоминаемый в документах; он был убит в Вандее в сентябре 1793 г., а Пэн писал 11 вандемьера II года (т.е. 2 октября 1793 г.), что «полковник Освальд» находится в Париже. Наконец, в письме посла Соединенных Штатов на имя полковника Освальда прямо сказано, что отказ в выдаче ему английского паспорта объясняется тем, что его спутали с Освальдом, «командующим батальоном копейщиков в Париже».

95 «La Bouche de fer», Octobre 1790, № 1, p.6—7.

96 О деятельности в этот период «Общества конституционной информации» см. Walter Phelps Hall. British Radicalism. New York, 1912, p.164—165;

S.Maccoby. English Radicalism 1786—1832. From Paine to Cobbett. London. 1955, p.50, 55, 59, 72—73, 76—77, 85—86.

97 «La Bouche de fer», 6 Avril 1791, № 39, p.49—50.

98 «La Bouche de fer», Noveinbre 1790, № 17, p.258—259.

99 «La Bouche de fer», 6 Janvier 1791, № 2, p.19.

100 «La Bouche de fer», 13 Janvier 1791, № 5, p.77—79.

101 «La Bouche de fer», 29 Mars 1791, № 36, p.577.

102 «La Bouche de fer», 23 Mars 1791, № 34, p.532.

103 «La Bouche de fer», 14 Avril 1791, № 42, p.102—103.

104 «La Bouche do ter», 11 Mai 1791, № 53, p.328.

105 «La Bouche de fer», Novembre 1790, № 18, p.274.

106 «La Bouche de fer», Octobre (опечатка: Decembre) 1790, N 21, p.321-322.

107 См. «Dictionary of Anonymous and Pseudonymous English Literature» (Samuel Halkett and John Laing). Edinburgh—London, 1926—1928, v.III, p.259.

108 «La Bouche de fer», De'cembre, 1790, № 36, p.556.

109 Напечатаны в «La Bouche de fpr», 13 Juin 1791, № 67.

110 «de l'esprit des religions», p.231—243, 321—326.

111 Полный титульный лист журнала в первый год его существования следующий: «La Chronique du mois ou les Cahiers patriotiques de E.Claviere, C.Condorcet, L.Mercier. A.Auger, J.Oswald, N.Bonneville, J.Bidermann, A. Broussonnet, A.Guy-Kersain, J.B.Brissot, J.Th.Garran de Coulon, J.Dussaulx, F.Lanthenas et Collot d'Herbois».

112 «The Spirit of the French Constitution or AImanach of Goodman Gerard for the Year 1792, being the Third Year of the Acra of Liberty, A Work crowned by the Society of the Friends of the Constitution, held at the Jacobines. Paris, by J.M.Collot-d'Herbois, Member of the Society. Translated, at the request of the Author, by John Oswald, Member of the Society and Author of a Bestow of the Constitulion of Great Britain». Sold by Bidgway Bookseller, London and at the Printing Office of the Social Cercle. Paris. 1791 (Нац.библ.. Lc22 37).

113 Ibid. (без нумерации страниц).

114 Ibid., p.11.

115 «Review of the Constitution of Great Britain». Third edition with considerable additions. By John Oswald. Palis. Printed by the English Press by Gillet and C° Rue Notre-Dame des Champs X° 1412: and sold at the Cercle Social, Rue du Theatre-Francois № 4, MDCCXCII (Нац.библ., Ng. 41).

116 «Appendice de la seconde edition de l'Esprit des religions...», p.346.

117 «La Bouche do fer», Novembre 1790, № 13, p.197.

118 «La Bouche de fer», 19 Fevrier 1791, № 20, p.318—319. В конце статьи указано: «Продолжение в другом номере», однако продолжения не последовало.

119 Напомним, что в своем выступлении в Якобинском клубе 30 сентября 1792 г. Освальд назвал Горн-Тука «истинным якобинцем».

120 «La Bouche de fer», 26 Fevrier, 3 Mars 1791, № 24, № 26, p.372—374, 401-409.

121 Ibid., p.371.

122 «La Chronique du mois», Novembre 1791, p.2—3.

123 «La Chronique du mois», Fevrier 1792, p.111—112.

124 «La Chronique du mois», Auguste 1792, p.79—80.

125 «La Chronique du mois», Mars 1792, p.6.

126-127 «Review of the Constitution of Great Britain...», p.25, 39. 60.

129 Ibid; p.15, 16, 18-19.

130 Ibid. p.5-7, 36.

131 Ibid. p.44.

132 Ibid. p.45.

133 «Review of the Constitution of Great Britain».

134 Ibid., p.53, sqq.

135 Ibid, p.24.

136 Ibid, p.52—53.

137 Ibid, p.16, 58, 59.

138 Ibid, p.36, 49—50.

139 Ibid, p.59.

140 «The Government of the People, or a Sketch of a Constitution for the Limeisal Commonwealth B. John Oswald, Anglohanc Commandant of the First Battalion of Pikes, in зчмсе oi the Republic et Fiance» Paris.

First year of the French Republic (Нац.библ. E 5618); «Le Gouvernement du peuple, ou plan de constitution pour la Republique universelle, traduis de l'anglais, de Jean Oswald, anglo-franc, commandant du premier bataihon de piquiers au service de la Republique francaise». A Paris, 1793 (Нац.библ., Yb41 2984).

141 А.Олар Политическая история французской революции. М., 1918, стр.176.

142 Что Освальд был знаком с учением Руссо, видно хотя бы из его ссылки на Руссо в «Обозрении конституции Великобритании» («Review...»)

143 «De l'esprit des ichglons», t.II, p.149,229-232

144 «The Government ot the People », p.10, «Le Governement du peuple», p.11.

145 Ibid. Англ.текст — 16, франц.текст — 19.

145а «La Bouche de fer», 13 Juin 1791, № 67, p.2—4. На это письмо Доливье впервые обратил внимание В.С.Алексеев-Попов в своей статье «Социальный кружок и республиканское движение 1791 г.». — «Из истории общественных движений и международных отношений», стр.182.

146 Имя Доливье широко известно. О нем писали многие, в том число и Жорес. В советской литературе специальную статью посвятил ему С.С.Сафронов — «Социальные воззрения Пьера Доливье». — «История социалистических учений». Сборник статей. М., 1962, стр.186—207.

147 Нац.архив, С, 123.

148 Нац.архив, С, 285. Это обращение Доливье напечатано в «Archives rarlementaires», t.80, p.437—438.

148а Это выступление Доливье от 26 брюмера (16 ноября) приведено в «Archives parlemcntaires», t.79, p.327.

149 «Essai sur la justice primitive, pour sorvir de principe generatcur an sou] ordre social qui pent assurer a l'homme tous ses droit et tons ses nioyens de bonheur». Par Pierre Dolivier, cure de Mauchamps. District d'Etampes.

150 22.

151 p.23. p.10—11.

152 p.24.

153 p.13.

154 p.17-18.

155 p.25.

157 Не забудем, что когда Доливье писал и публиковал свою брошюру, существовал уже принятый Конвентом закон, каравший смертной казнью за пропаганду «аграрного закона».

158 «Inventaire sommaire des archives departemeiitales posterieures a 1789. Seine-et-Oise. Archives de la Revolution. Serie L.» Versailles, 1911, p.257.

159 Нац.архив, D III. 280, dossier 21.

160 G.Deville. Thermidor ct Directoire (1794—1799). «Histoire socialiste. 1789—1900», t.V. Paris (s.d.), p.341, 548—549.

161 Нац.архив, F7, 4276.

162 Нац.архив, F7, 4277.

163 P.Dolivier. Sur les moyens d'arracher la Repnhlique a ses pres-sans dangers et d'ecarter les obstacles qui s'opposent a l'affermissement de ses destinees. Paris, An VIII.

164 P.Dolivier. Sur les moyens..., p.9—10.

165 В. М. Далин. Гракх Бабеф накануне н во время Великой французской революции (1785—1794). М., 1963,

166 V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme d'apres de nombreux documents inedits, t.II. Paris, 1884. (вторая часть, p.1—264).

167 «Conespondance do Babeuf avec l'Academie d'Arras (1785—1788) publiee sous la direction de Marcel Reinhard». Paris. 1961.

168 «Correspondance de Babeul...», p.7).

169 В.П.Волгин. История социалистических идей, ч.I, стр.249.

170 В.П.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М , 1958, стр.394.

171 См. статью В.М.Далина «Социальные идеи Бабефа накануне революции». — «Новая и новейшая история», 1961, XII, и его монографию «Гракх Бабеф», стр.97—101.

172 Центральный партийный архив при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд 223, д.12. В.М.Далин в своих работах указывает д.654 по прежней нумерации.

173 Там же, стр.3—4.

174 Там же, стр.5.

175 Там же, стр.1.

176 Там же, стр.39- 40.

177 Там же, стр.7.

178 «Encyclopedie, ou Dictiounaire raisonne des sciences, des arb et dos metiers, t.X. Neufchatel. 1765. p.705.

179 «De la propriete...». p.67.

180 Центральный партийный архив, фонд 223, д.12, стр.8.

181 «Cadastre perpetuel, ou Demonstration des precedes conenables de la formation de cet important Onvrage, pour assurer les principes de l'Assiette et de la Reparation justes et permanentos et de la Perception facile d'une Contribution unique tant sur les Possessions Territoriales, que sur les Revenus Personnels... Dedie a l'Asseniblee nationale». A Paris. L'an 1789. Et le premier de la Liberte francoise, p.XXIV.

182 Ibid., p.XXVIII—XXIX.

183 Ibid., p.XXXI-XXXIII.

183а Ibid., p.15—16.

184 «Pages choisies de Babeuf». Paris, 1935, p.108, 128.

185 p.124—125.

187 Ibid, p.124.

188 Ibid., p.125-127.

189 В.М.Далин. Гракх Бабеф..., стр.345—347.

190 «Questions sur les Loix agraires, extraits en partie des Ouvrages des vrais Philosophes, des Amis do l'humamte» (Нац.архив, W, 563, Liasse 78).

190а В.М.Далин. Гракх Бабеф..., стр.319—320.

А. Г. ИСАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

191 «Pages choisies de Babeuf», p.157—158.

192 В.М.Далин. Гракх Бабеф..., стр.

193 «Adresse a la nation et au roi». Par M.Colmar, citoyen natif de Thionville aux Trois-Eveches, Auteur des Principes d'un bon Gouvernement et d'autres productions en economie politique. 1790 (Нац.библ, Lb39 8405).

194 Ibid, p.7—8.

195 «Motion tros interessante sur les finances» (Нац.библ., Lb39 3088).

196 «Analyse des recettes et depenses faites par Ie premier Ministre de Finances». Par M.Colmar. Avocat, ancien Bailh de Limours, auleur de Pnncipes d'un bon Gouvernement et autres productions en economie politique et en economic rurale; Volontaire de la Gdi'de-Nationale du bataillon des Veterans. Pans. Septembre 1790.

197 «Reponse de M.Colmar, membre du Conseil general de la Commune aux inculpations portees (-oiitre lui a l'-Vssemblee generale de la Section de Ie Croix-Rouge Ie 27 Aout 1792, par M. la Barro et ses adherens» (Нац.библ., Lb39 10863»).

198 Нац.архив, F7 4651.

199 Нац.архив, F10 264, Дг 2098.

200 «Reimpretion de l'ancien Moniteur», t.XX, p.494-496.

201 О Борье имеется лишь маленький очерк Лиштанберже. См. A.Liehtenberger. Le socialisme utopique. Paris. 1898.

202 «Lettre de M.Beaurieu a l'Editeur du Journal economique». — «Journal oeconomique, on memoires, notes et avis sur l'Agriculture, les Arts, Ie Commerce et tous ce qui peut avoir rapport a la sante, ainsi qu'a la conservation et a l'augmentalion des Biens de Families etc.» Juillet 1756, p.85—90. Первоначально Борье изложил свои идеи в мартовском номере журнала в статье «Probleme economique».

203 «L'Eleve de la Nature». NouvelIe edition, augmentee d'un volume. t.II. Amsterdam, 1771, p.238 (Нац.библ., Y2 32082—32084).

204 См. записи от 28 августа 1790 г: «Борье — для коллекции», и 30 августа: «Устроил книги для Борье» (Нац.библ.. Отдел рукописей. N. a. f. 22772, л. 28).

205 Нац.архив, F17 1001, № 85, № 85 bis.

206 Нац.архив. D XXXVIII, 4.

207 Нац.архив, T 1261.

208 Среди них имеются и черновики его работы «L'Accord partail ou Frquilibre physique et moral»). В известном биографическом словаре Мишо работа эта упоминается среди печатных произведений Борье как книга, изданная в 1795 г. («Biographie universelle ancienne et moderne», t.III. Paris, 1811, p.653). Подобной книги нет, однако, в Национальной библиотеке в Париже. Поэтому трудно сказать, была ли эта работа действительно опубликована Борье накануне смерти.

209 «Entretiens de Phocion sur Ie rapport do la morale avec la politique. Par Mabli. Edition augumentee d'un Discouis ot fie notes par l'Auteur de l'Eleve de la Nature, ou sont appliques a noire nouveau Gouvernernent les principes exposes dans cet ouvrage», т.I—II. L'an II de la Republique.

210 «Entretiens dc Phocion...», t.I, p.24—25.

211 Ibid., t.I. p.34, 56.

212 Ibid., t.II, p.233-242.

2-3 Ibid., t.I, p.65, II, p.198-201.

214 Ibid., t.I, p.51.

215 «L'Eleve de la Nature. Par M.Beaurieu». Nouvelle edition. A Paris. L'an III de la Re'publique, t.I, p.3; t.III, p.133.

216 «Droits naturels et imprescriptibles de l'horame, ou les droits et le bonheur de tous dans la parfaite egalite». В конце брошюры: A Lyon. An IV.

217 Нац.архив, F 124, № 4263.

218 «Projet de police, de paix, et meme de Morale generale, base sur cos dix vertus republicaines: Hberte, egalite, fraternite, justice, sobriete, capacite,

bonne foi. bonnes moenrs, concuro, severite, par Ie citoyen Girard de Quimper» (Нац.архив. F17, 1010.

2. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ в ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ. ОБЩИННЫЙ КОММУНИЗМ и КООПЕРАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ

В 1789 г. среди огромного потока общественно политической литературы мы находим и переиздания коммунистических трактатов. Тогда же появилось новое издание собрания сочинений Мабли. Еще в 1780 г. некий **Т.Руссо** опубликовал новый перевод «Утопии» Мора. В 1789 г. он поспешил опубликовать второе издание этого произведения со своим обширным предисловием Т.Руссо отнюдь не скрывал, что он предпринял это издание в связи с революционными событиями во Франции, поставившими в порядок дня установление нового политического строя. «В настоящий момент, — писал он, — все люди, видимо, хотят двигаться вперед, по направлению к счастью... Во всяком случае общественная воля обусловливает необходимость установить лучший порядок вещей». Но в чем состоит этот лучший порядок? Какие нужны средства, чтобы восстановить настоящую гармонию между всеми частями общества, которые находятся во взаимном противоречии[1]. Оговариваясь, что он не разделяет всех принципов «знаменитого и

несчастного канцлера Англии», Т.Руссо заявляет, что он «тем не менее убежден, что большая часть великих идеи его Утопии носит печать справедливости и разума». «В этом не утопическом романе, — указывает он далее, — можно найти глубокие взгляды, мудро начертанные и солидно обоснованные планы относительно ряда важных отраслей управления; можно найти, наконец, истины, годные для всех времен и пригодные для всех народов. Исходя из этого убеждения, я и решил предпринять второе издание перевода этого глубокого произведения, перевода, сделанного мною десять лет назад». «Основой системы Мора является совершенное равенство между всеми гражданами одного государства». Если даже это равенство в настоящий момент и не осуществимо, то все же Утопия содержит «столько мудрых и счастливых идей, которые можно использовать для счастья людей», что все стоящие у власти должны знать это произведение наизусть; «они почерпнут там великие максимы, излагающие основы общественного счастья»[2].

Несмотря на свои оговорки, Т.Руссо, бывший, по его словам «человеком без имени, без титров и, к сожалению, без средств»,[2] видел в «системе Мора» идеальный общественный строй и именно поэтому предпринял новое издание его «Утопии». Он продолжал пропагандировать коммунистический трактат Мора и в последующие годы. Как видно из его обращения, сохранившегося в Национальном архиве, он даже официально представил Конвенту свой перевод «Утопии»[3]. В разгар революции Руссо пытался, таким образом, привлечь внимание Конвента к общественной системе изложенной в этом произведении.

Новое издание «Утопии» Мора, распространявшееся во Франции в годы революции, как и переиздание произведений Мабли, несомненно содействовало ознакомлению с коммунистической теорией и пропаганде идей коммунизма.*

С самого начала революции наряду с радикальными эгалитаристами были и отдельные лица, выступавшие с коммунистической программой и стремившиеся увязать ее с задачей переустройства общества на новых началах, стоявшей в то время во Франции в порядке дня. Примечательно, однако, что в первый период революции коммунистические идеалы были, в основном идеалами общинного коммунизма Большинство коммунистических идеологов выдвигало и защищало идеи общинного коммунизма, т.е. представляло себе коммунистическое общество не как единое целое в масштабе всей страны с единым централизованным хозяйством, а как сумму отдельных коммунистических общин.

Исторически это вполне понятно и объяснимо. Правда, в дореволюционной литературе имелись коммунистические трактаты, излагавшие проекты централистического коммунизма. Таков был «Кодекс природы» Морелли. Это абстрактно-теоретическое построение казалось столь далеким от реальной действительности, что не могло на первых порах вдохновлять тех, кто ставил вопрос о переустройстве общества на коммунистических началах. Лишь опыт революции, особенно опыт якобинской диктатуры, показавший реальную возможность регулирования хозяйства в масштабе всей страны, в частности, единой централизованной системы снабжения, внес радикальный перелом в коммунистическую идеологию, содействовав распространению нового представления о коммунизме, как о едином общественном хозяйстве республиканской Франции. В первые же годы во Франции преобладали идеи общинного коммунизма. Пример реально существовавших общин, общинного землевладения и общинных распорядков влиял на коммунистическую мысль еще начиная с Мелье. Общинные объединения казались наиболее практически осуществимым и доступным путем общественного переустройства, а общинная собственность наиболее легким и реальным средством упразднения частной собственности и связанных с ней общественных противоречий. Даже те представители общинного коммунизма, которые доходили до совершенно фантастических представлений о коммунистических фалангах и их дворцах-общежитиях, отталкивались от этих общинных традиций и примеров общинного хозяйства.

Генетически идеи общинного коммунизма были связаны с многочисленными проектами различного рода ассоциаций, которые мы находим в дореволюционной литературе. Во второй половине XVIII в. появляется целый ряд проектов общих ассоциаций. Развитие товарно-денежного хозяйства и капиталистических отношений в городе и деревне побуждало некоторых представителей демократической интеллигенции выдвигать еще накануне революции планы различного рода коллективных товариществ. Планы эти были обусловлены стремлением спасти от нужды и горестей лиц «малоимущих», людей «со скромными средствами», которые чувствовали себя «изолированными в толпе», которым приходилось опасаться «отсутствия занятий» и которые хотели в то же время избегнуть «зависимого положения».

А. Р. ИОАННИСЯН

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва: Наука. 1966

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* В нашей библиотеке см.: Мабли, «О правах и обязанностях граждан» (**http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/mably.htm**), «О законодательстве, или принципы законов» (**http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/mably.htm#lex**).

Впервые такой проект был опубликован в 1755 г. на страницах «Journal economique», а вскоре без существенных изменений воспроизведен в «Энциклопедии», в статье **Фегэ** о моравских братьях. В этой статье говорилось, что все те, кто жил сообща, находились в гораздо лучших условиях, чем те, кто вел хозяйство раздельно. Исходя из этого и предлагался план организации общин или ассоциации. Этот проект вызвал многочисленные подражания. Накануне революции выдвигалось много планов ассоциаций: или производительно-потребительских для совместного труда и совместной жизни, или только потребительских — для совместного ведения домашнего хозяйства. В литературе стали появляться и описания домов, в которых должны были проживать члены таких ассоциаций[4]. Мы видели уже, что с планами сельскохозяйственных ассоциаций выступали до революции и Борье, и Бабеф. С многочисленными ассоциативными проектами Ретифа де ля Бретона нам еще предстоит познакомиться.

Авторы подобных проектов обычно ссылались на пример французских крестьянских общин в Оверни, а также на общины «моравских братьев» — гернгутеров.

Средневековые крестьянские общины, носившие характер маленьких семейных союзов, встречались в XVIII столетии главным образом в провинции Овернь, в баронии Тьер. Общее их число аббат Розье в своей сельскохозяйственной энциклопедии определял в 2005. Из них наиболее знаменитыми были общины Arnaud, Pradel, Bonnemoy, Lournel, Anglade и особенно Guittard или Guitard Pinon. Общины эти вели совместное хозяйство. Их высшим органом правления являлось общее собрание всех членов, как мужчин, так и женщин, избиравшее главу общины — мэтра, руководящего всеми работами и заведовавшего всеми делами, а также мэтресс, стоявшую во главе домашнего хозяйства. Обработка земли и прочие хозяйственные работы велись совместно; существовало лишь определенное разделение труда. Проживали совместно в общем доме (maison commune) или в примыкавших друг к другу зданиях. Питались также вместе в большой и просторной кухне[6]. Общины эти не вели, однако, замкнутого натурального хозяйства. Они были тесно связаны с рынком, сбывая там свою продукцию. Вырученные деньги использовали не только на приобретение необходимых товаров и уплату налогов, но и на покупку новых земельных участков, которые подчас обрабатывали уже с помощью половников. Часть же денежных доходов распределялась между членами общины, которые располагали полученной ими суммой по своему усмотрению. Хотя имущества считались общими, но всякий выходящий из состава общины получал назад причитавшуюся ему долю или соответственную компенсацию. Таким образом, овернские общины были средневековыми крестьянскими общинами (с общей земельной собственностью, общим хозяйством, совместными трапезами), все более превращавшимися, однако, — в условиях развития товарно-денежного хозяйства — в своего рода сельскохозяйственные паевые товарищества.

Что касается моравских или, точнее, гернгутерских сектантских общин, то они имели не только общинные учреждения и предприятия (мельницы, табачные фабрики, мыловаренные заводы, лавки, аптеки и т.п.), но также и дома-общежития. Что представлял собой, например, дом «братьев» в самом Гернгуте, известно из описания современников. Это было обширное помещение с жилыми комнатами, галереями, общей столовой, различными мастерскими. Помимо пекарни и кухни, имелись бойня и прачечная. При доме находился маленький сад и огород[7]. Не удивительно, что как овернские, так и гернгутерские общины служили своего рода образцом при разработке планов ассоциаций.

Проекты ассоциаций второй половины XVIII в. сочетали в себе два начала и носили двойственный характер: с одной стороны, в их основе лежали старые общинно-коммунистические идеалы, с другой — они в большей или меньшей степени носили уже характер паевых товариществ. Авторы этих планов не случайно ссылались на моравские и овернские общины, независимо от того, насколько правильно они их изображали и оценивали. Последние являли собой на практике такой же пример трансформации старых общин в паевые товарищества, какой представляли, подчас в более развитом и разработанном виде, и теоретические построения авторов проектов и планов ассоциаций.

Идеи подобных ассоциаций могли поэтому вести с одной стороны к идеалам общинного коммунизма, а с другой — к кооперативным идеям, в свою очередь переросшим в идеалы «кооперативного» социализма. И оба эти направления общественной мысли мы находим в годы революции.

II

Среди авторов, выдвигавших накануне революции проекты ассоциаций, был и некий **Жозеф-Александр-Виктор Юпей**. В конце 70-х годов XVIII в. он опубликовал книгу, в которой излагал план «философской общины» — объединения 10 семейств для совместной жизни и совместного ведения хозяйства — и подробно описывал общий дом, который намечено было построить недалеко от Марселя. Община эта могла, по-видимому, использовать и наемный труд, так как в проекте специально предписывалось, чтобы с земледельцами домена и вообще всеми слугами обращались гуманно. Автор мечтал о распространении подобных ассоциаций и о вовлечении в них всех слоев населения, но предлагал осуществить подобные союзы отдельно для каждого

сословия.

Произведение это следует в настоящее время считать утерянным. Об этой книге Юпея мы имеем сведения лишь из письма автора, написанного в 1782 г. Ретифу де ля Бретону (пересланного вместе с рецензией из «Annonce litteraire et morale»[8]) и опубликованного последним, наряду с прочей перепиской, в приложении к одному из своих многотомных произведений[9]. Интересно отметить, что в этом письме Юпей называл себя «коммунистическим автором» (auteur communiste) и заявлял, что очень интересуется «книгами о воспитании и столько же книгами об общности». Из письма видно также, что он был знаком с одним из «ассоциативных» планов Ретифа и именно поэтому обращался к нему, считая, что все пишущие на эту тему должны поддерживать контакт друг с другом. Следует специально отметить, что слово «коммунист», употребляемое Юпеем в этом письме, — одно из первых использований этого термина в литературе.

В Национальной библиотеке имеются, однако, другие, более поздние произведения Юпея. Они свидетельствуют, что Юпей с самого начала революции стал усиленно пропагандировать, наряду со своими педагогическими идеями, свой план организации ассоциаций-общин. Он обращался к Вольнею, Бернарден де Сен-Пьеру, Мирабо, послал письмо Комитету по народному образованию Учредительного собрания. Предлагая в 1789 г. «регламент национального образования», предусматривавший одинаковое для всех детей образование, построенное на принципе трудового воспитания — совмещения образования с физическим трудом, — он выдвигал одновременно и свой проект ассоциаций, ссылаясь на опубликованный им план «философской общины». Указывая, что умножение подобных совместных домов как среди «простого класса» общества, так и «богатого класса» соответствовало бы политическому порядку и основным целям законодателей (поскольку «полное объединение людей является высшей целью законов»), он восклицал: «Спокойствие, Сладость, Удовольствие, Довольство! О Поп, о Мор, о Мабли, о Мирабо!» Намекая на те же овернские общины и общины моравских братьев, он заявлял, что предлагаемая им конституция аналогична той, «которая существует среди нас, несмотря на испорченность наших общественных нравов». Он воспроизводил «эмблему» своей «философской общины»: «Небо предлагает нашим сердцам изображение добродетелей, образец нравов. В этой республике единый дух руководит гражданами и их одушевляет. Все вместе в труде, все вместе на отдыхе»[10].

В 1790 г. Юпей опубликовал другую брошюру, в которой, вновь напоминая о своем проекте «философской общины», подробно описывал «патриархальный дом» в сельской местности, где он хотел, чтобы проживали и вели совместное хозяйство все его сыновья со своими семьями. В этой связи он делал и некоторые ссылки на свой план «философской общины». Так, он упоминал об «униформе» членов подобной общины — зеленой одежде с розовой отделкой. Говоря о гравюрах, изображающих «философскую общину», он перечислял следующие сюжеты: сельские работы, место гуляния общины (la grande promenade de la communaute), общая мастерская (le laboratoire commun), домашняя часовня, церемония свадеб детей общины. Юпей ссылался и на статью Фегэ в «Энциклопедии» и выражал пожелание, чтобы и другие установили ту же общность, которую он предлагал для своих детей, «с тем чтобы вечное объединение их состояний навеки воспрепятствовало разъединению их сердец[11].

В своей новой брошюре о «национальном образовании», изданной в 1792 г., Юпей приводил «каталог патриотической библиотеки», которую предлагал создать в каждой коммуне. В список книг этой библиотеки был включен и его «Проект философской общины»[12].

Эти брошюры свидетельствуют, что Юпей, обращавшийся даже к Учредительному собранию, не только пропагандировал в первые годы революции свой общинный план, но и связывал осуществление своих проектов с начавшейся революцией, мечтая именно теперь претворить в жизнь свои общинные идеалы.

Нам удалось обнаружить еще одно, более позднее, произведение Юпея, которое сохранилось в Национальном архиве среди печатных изданий периода Французской революции, а в Национальной библиотеке — среди анонимных брошюр. Произведение это носит название «Республиканский коран»[13]. Оно было опубликовано в III году, т.е. уже в период термидорианской реакции. В нем Юпей излагал не только свои педагогические идеи, свои взгляды на брак и религию, но и свои политические воззрения, которые мы здесь не станем подробно рассматривать. Скажем лишь, что Юпей выступал как убежденный республиканец и демократ, сторонник народного правления. Он высказывался за систему прямого народоправства — за прямое законодательство народа, объединенного в сельские и городские секции. Он вновь выдвигал в этой связи проект своих общин, указывая, что общность жизни соответствует социальному инстинкту людей, их нуждам, удовольствиям, талантам, добродетелям. «Я не говорю здесь, — писал он, — ни о жизненных преимуществах, обещанных божественной мудростью гуманному и братскому согласию..., ни о преимуществах для ума и гения в общинах, подобным образом организованных. Это было бы удесятерение человеческих ценностей всякого рода, не считая самого быстрого размножения человеческого рода». В подобных обществах личный интерес всегда совпадал бы с общим интересом. Юпей специально доказывал, что такие

такие общинные объединения не противоречат, а, наоборот, соответствуют республиканской конституции: «Ее намерением никогда не были запрещать любовь и общность жизни — высшую цель ее справедливых законов». Далее он задавал вопрос: «Быть может, согласно замечанию Платона относительно установления идеальной республики, мы слишком плохо воспитаны, чтобы составить общины, только что мною предложенные и которые я еще более некстати предлагал в 1777 г.?» Но он выражал надежду, что в настоящее время, в результате знаний, «приобретенных благодаря революции», окажется возможным организовать такие общины прежде всего из молодого поколения.

До революции Юпей, подобно другим авторам проектов ассоциаций, пропагандировал лишь создание отдельных общин в условиях существующего общественного строя. Он предусматривал организацию подобных ассоциаций раздельно для отдельных групп населения. В период революции Юпей, по-видимому, все больше мечтал о полной реорганизации общества на началах общинного коммунизма. Он теперь прямо ссылался на Мора, Мабли и Платона, связывая организацию общин с планом единого трудового воспитания всего подрастающего поколения. В «Республиканском коране» он рассматривал уже общинный строй как высшую цель республиканской демократической конституции и говорил о неисчислимых преимуществах этого строя для человеческого общества.

III

Среди политических брошюр, изданных во Франции в период Учредительного собрания, мы находим анонимную брошюру «Что такое конституция», опубликованную в 1791 г.[14] Брошюра эта была посвящена изложению проектов различных кодексов как основы конституции, обеспечивающей свободу, суверенитет народа и счастье монархов «в ожидании открытия закона совершенного равенства, который ищут в целях создания наилучшего закона для счастья как всех мужчин, так равно и всех женщин». Автор этой брошюры, скрывшийся под инициалами, нам неизвестен; с его слов можно лишь заключить, что он был уже довольно пожилым человеком. Мы не будем рассматривать первые 50 страниц этого произведения, на которых довольно сумбурно излагаются различные предложения автора по разработке текущего законодательства. Для нас представляют интерес последние 12 страниц, посвященные «краткому изложению проекта закона, которого ищут и которого желают», т.е. закона совершенного равенства. Этот раздел носит также подзаголовок: «Краткое изложение проспекта конституции, которую я ищу вот уже пятьдесят лет».

Автор заявляет, что одной из причин, побудивших его опубликовать этот проспект, было одобрение Якобинским клубом книги, в которой говорится, что социальное братство предполагает образ правления, основанный на природе и разуме и руководствующийся общим интересом, и что такое правление еще никогда не существовало ни у одного народа. В другой газете он прочел отчет о последнем заседании «Социального кружка» в цирке Пале-Рояля, на котором одна гражданка выступила в защиту женского равноправия. Все это, по его словам, еще раз подтверждает, что почти вся Франция требует свободы, что права человека и гражданина пробудили в Европе все умы, и что все, не только во Франции, но и в ряде иностранных государств, желают хорошего закона и ищут его. Но по воле судьбы именно он всю свою жизнь занимался поисками «наилучшего закона для совершенного равенства между людьми». Судьба хотела также, чтобы несчастья, которые постигли его в ранней юности, принудили его посетить большую часть европейских стран и ознакомиться с их законами и обычаями. Он размышлял и над произведениями, трактующими об этом вопросе. Это и побуждает его выйти теперь из состояния апатии и дать краткое изложение проспекта закона, которого в настоящее время все желают.

Ликург, бывший одним из величайших законодателей и человеком благородной души, создал, однако, законы лишь для города Спарты и сохранил рабство, предоставив ремесла, сельское хозяйство и почти весь труд рабам. Последующие же законодатели были не лучше, а хуже него. Установленные ими законы противоречили свободе всех людей и превращали большинство из них в рабов меньшинства.

Совершенно иное положение создаст та неведомая до настоящего времени конституция, разработку которой, как он надеется, ему удастся завершить. В условиях этой конституции не будет больше бедных. «Не будет также процессов из-за земельных участков, так как все земли будут принадлежать государству, и никто не будет иметь их в собственности; не будет также процессов из-за неуплаты налогов, так как не будет никаких налогов ни тяжб о наследстве, так как никто не будет иметь недвижимого имущества; население будет всегда приблизительно равным тому количеству жителей, которое сможет прокормить территория государства из расчета 700, 800 или 900 человек на квадратное лье, сообразно качеству почвы... Женщины наравне с мужчинами будут отправлять в равной мере все должности, что справедливо и естественно, так как они имеют те же способности, что и мужчины, и поэтому несправедливо, что их лишают этой возможности». Пример Орлеанской девственницы, Семирамиды, королевы Елизаветы, амазонок и многих других доказывает это. К тому же женщины будут получать то же образование и физическое воспитание, что и мужчины. С 6—8-летнего возраста всех детей должно содержать и воспитывать государство.

Таким образом, при этой новой конституции не будет больше бедных не потому, что их будут преследовать по закону и заключать в темницу, а потому, что в силу нового устройства их вообще не может быть. Люди будут совершенно равными, такими, как их создал господь и как это предусматривается в правах человека и гражданина. Все чины (grades) будут приобретаться лишь заслугами, искусством, ремеслами, ловкостью, силой, знанием, талантом, преданностью, хорошими нравами, доблестью, добродетелью. Гражданин может опасаться потерять свое положение лишь в случае совершения преступления.

«Я думаю, — пишет автор в заключение, — что таково краткое изложение проспекта закона, которого требует Якобинский клуб, как и все человечество. Сверх того, я нашел способ установить его даже в такой стране, как Франция, где земли и другие имущества неравномерно распределены, при этом соответственно и наиболее справедливо компенсируя знатных (grands), которые внесут больше фондов, чем бедные, в общую массу имуществ всей нации (a la masse commune de toute la nation), теми же чинами и преимуществами, которые они имели при старом законе. Там видно будет, возможно ли установить этот новый закон; это будет очень трудно, принимая во внимание, сколь трудно урезонить собственников недвижимых имуществ; но это будет возможно при непреклонном и умелом диктаторе, и это будет очень легко для завоевателя, имеющего в своем распоряжении легионы... Лагерь подобного завоевателя будет основан на этом законе и образует как бы государство в миниатюре; дело, следовательно, будет заключаться лишь в том, чтобы умножить армию настолько, насколько это потребует территория государства из расчета 700, 800 или 900 друзей обоего пола и всех возрастов на квадратное лье».

Ссылки автора на Якобинский клуб и «Социальный кружок» свидетельствуют, что он был человеком, живо интересовавшимся политической жизнью страны. Исходя из общедемократических принципов, провозглашавшихся с трибуны якобинцев и на собраниях «друзей истины», исходя из демократических лозунгов Декларации прав человека и гражданина, он, подобно ряду других своих современников, считал возможным осуществление этих принципов и лозунгов лишь в случае установления «совершенного равенства». Достижение этого совершенного равенства он связывал с ликвидацией частной собственности на землю и всю недвижимость, сосредоточением всего имущества в руках государства, с превращением его в «общую массу», общий фонд, принадлежащий всей нации. В этих условиях, указывал он, не будет больше бедных, все люди будут абсолютно равными, общественное положение будет зависеть исключительно от личных заслуг и талантов. Интересно, что автор брошюры особенно настаивал на полном равноправии обоих полов, предусматривая единое государственное воспитание молодого поколения. Структуру будущего общества он мыслил себе, очевидно, в форме отдельных общин, как об этом свидетельствует его двукратное упоминание о 700— 900 лицах, «друзей обоего пола и всех возрастов», проживающих на территории каждого квадратного лье.

Автор брошюры хорошо понимал сложность осуществления «совершенного равенства», специально подчеркивая, сколь трудно будет урезонить собственников. Частично он надеялся достигнуть этого, гарантировав им в виде возмещения за передачу своей собственности в общий фонд почетное положение в будущем обществе. Но главную надежду он возлагал на диктатора, даже на военного диктатора, который сумел бы принудительным путем осуществить преобразование общества. Именно такому человеку, способному установить новые общественные порядки, «уже родившемуся или еще не родившемуся», он намерен был посвятить открытый им «закон совершенного равенства».

IV

Из переписки Бабефа с Дюбуа де Фоссе, впервые опубликованной в 1884 г. Адвиеллем, уже давно известно о работе «Предвестник изменения всего мира», пропагандировавшей коммунистические идеи. Дюбуа до Фоссе впервые сообщил о ней Бабефу в своем письме от 26 октября 1786 г., приведя и ее полное название: «Предвестник изменения всего мира, благодаря достатку, хорошему воспитанию и всеобщему благосостоянию всех людей, или проспект патриотического мемуара о причинах существующей повсюду великой нужды и средствах ее полного искоренения»[15]. В дальнейшем Дюбуа де Фоссе в целом ряде писем (от 19 марта, 5 апреля, 8, 12, 16, 18 и 21 июня 1787 г.) изложил содержание этой работы.

Со слов Дюбуа мы знаем следующее. Автор «Предвестника» излагал план произведения, которое должно было состоять из восьми томов in 8° и шести частей. В первой части должна была быть дана подробная картина чрезмерной нужды, существующей ныне в человеческом обществе, всех злоупотреблений, беспорядков, бедствий, несправедливостей, банкротств, разбоя, воровства, преступлений. Во второй части речь шла о причинах всех этих несчастий. В третьей излагались общие принципы, а в четвертой — средства и способы обеспечить всем гражданам хорошее питание, одежду, помещение, хорошее образование, предоставить им возможность пользоваться — при условии честного труда, сообразно силам и способностям каждого — гораздо большим достатком, свободой, справедливостью, увеселениями и преимуществами, чем в настоящее время. В пятой части должны были быть указаны способы получить необходимые средства без обложения народа, а шестая должна была содержать ответы на все возражения. В

проспекте подробно описывались бесплатное питание граждан будущего общества, предоставляемые им в пользование дома я мебель, выдаваемая им повседневная и праздничная одежда, общественное воспитание молодого поколения. Автор предусматривал взамен существующих городов и деревень постройку во Франции (и соответственно в других странах) в течение 50 лет, по новому плану, 1000 городов, окружностью в 2 лье каждый, 100 коллежей для обучения искусствам и ремеслам, 16000 деревень и 330000 ферм. Он доказывал, что при новом общественном строе не будет ни преступлений, ни процессов, ни тюрем[16].

Дюбуа де Фоссе говорил об этом проспекте в иронически-пренебрежительном тоне, характеризуя изложенные в нем идеи как пустые мечты. Совершенно иначе отнесся к ним Бабеф. В своих письмах к Дюбуа он открыто солидаризировался с автором «Предвестника». В своем письме от 8 июля 1787 г. Бабеф восклицал: «Как мне нравится Всеобщий реформатор!.. Несомненно, что его план охватывает все, и после того, как предложенное им устройство будет осуществлено, я не предвижу, чтобы существовали другие преступления, требующие наказания, кроме неучастия в общем труде...»; «он считает, что все люди, будучи совершенно равными, не должны ничем владеть в отдельности, а пользоваться всем сообща, так, чтобы с момента рождения каждый человек не был бы ни менее, ни более богатым, ни менее уважаемым, чем любой из тех, кто его окружает». Руссо излагал те же взгляды, но он отсылал людей в чащу лесов, в то время как «наш реформатор предлагает нам питание четыре раза в день, очень изящно нас одевает и дает каждому из нас, отцов семейств, прекрасные дома в тысячу луи». Бабеф выражал готовность «стать одним из первых переселенцев, которые отправятся в эту новую республику»[17].

По изложению Дюбуа и письмам Бабефа трудно составить точное представление, как мыслил себе автор проспекта коммунистическое общество. Но, судя по косвенным данным, он пропагандировал скорее не общинный коммунизм, а коммунизм централистический, поскольку говорил не об однотипных поселениях-общинах, а о городах, деревнях, фермах, об общественном воспитании детей, начиная с четырехлетнего возраста, в особых коллежах, о принадлежности домов, предоставляемых отдельным семейным парам, всему обществу в целом.

До самого последнего времени об авторе «Предвестника» не было вообще ничего известно. Лишь в 1961 г. в опубликованном Рейнаром новом полном издании переписки Бабефа с Дюбуа де Фоссе, в специальном примечании были приведены (на основании архивных материалов, сохранившихся в замке Фоссе) следующие данные: проспект этот был переслан Дюбуа 19 октября 1786 г. постоянным секретарем Физического общества в Орлеане Юэ де Фробервиллем, с указанием, что его автором является адвокат Колиньон (Collignon), с которым Дюбуа вступил затем в переписку, направив ему между 21 мая 1787 г. и 5 ноября 1791 г. 16 писем. В архиве замка Фоссе сохранилось и письмо самого Колиньона от 23 июля 1787 г., в котором он извещал Дюбуа о посылке ему своего второго ответа на критику «Предвестника» и извинялся, что не мог переслать и самой книги, так как у него не осталось ни одного экземпляра. В указанном примечании высказывалось предположение, что этим Колиньоном являлся **Клод-Бонифас Колиньон**, упоминаемый во «Французском биографическом словаре»[18].

В этом словаре о Клоде-Бонифасе Колиньоне сказано, что в «Королевском альманахе» за 1817 г. он фигурирует как королевский прокурор в Альткирхе, что, по-видимому, он являлся председателем трибунала в Невшато, что в 1789 г. он был членом-корреспондентом Академии в Монтабане, входил в состав многих обществ и был автором ряда произведений[19]. В этой биографической справке отождествлены, однако, два различных Колиньона.

В Национальной библиотеке среди книг, значащихся в каталоге под именем Клода-Бонифаса Колиньона, имеется брошюра, помеченная 29 декабря 1819 г. и озаглавленная: «Несколько слов по поводу смерти г. Колиньона, бывшего королевского прокурора в Альткирхе»[20]. Брошюра эта принадлежит перу его брата, председателя трибунала в Невшато. Цель ее — доказать, что бывший королевский прокурор Колиньон не покончил с собой, как об этом думают, а был убит.

Этот королевский прокурор, не то покончивший жизнь самоубийством, не то убитый в 1819 г., не имеет, однако, никакого отношения к автору «Предвестника». Документы Национального архива с неопровержимостью свидетельствуют, что автором этого проспекта был адвокат Николя Колиньон.

В делах Комитета сельского хозяйства и торговли Учредительного собрания за март 1790 г. имеется петиция «Николя Колиньона, адвоката парламента и члена ряда академий, проживающего в Кастель близ Букерона в Лотарингии»[21]. К этой петиции приложены копии ряда документов. Среди них под № 7 значится: «Ходатайство просителя, представленное 26 октября 1786 г. вместе с экземплярами его Предвестника или его печатного Проспекта о причинах существующей повсюду великой нужды и средствах ее полного искоренения, приложенными к двум письмам — одно к его величеству, а другое, приведенное вслед за этим, к г.Калонну»[22]. Как видим, этот Николя Колиньон и был автором «Предвестника».

Из этой петиции и приложенных к ней документов мы также узнаем, что Николя Колиньон был автором и двух других произведений — о распашке невозделываемых земель и о единообразии весов и мер. В Национальной библиотеке имеются обе упоминаемые им книги, но они помещены в каталоге под именем Клода-Боннфаса Колиньона, хотя первая из них издана анонимно, а на второй автор обозначен просто «г. Колиньон».

Первое произведение Колиньона, написанное, как видно из его петиции, в 1773 г. и изданное в 1776 г., озаглавлено: «Опыт общественной пользы, или обоснованный мемуар, как устранить наверняка все препятствия, противодействующие распашке и осушению, извлечь простыми и выгодными для всех средствами пользу из всех земель и любых невозделанных земельных фондов и усовершенствовать искусство земледелия»[23]. Исходя из общераспространенного в то время учения физиократов о земледелии как источнике всех реальных ценностей, автор подробно говорит о значении освоения невозделываемых земель. Основное препятствие для распашки целины он видит в праве собственности на эти земли. Сколько раз, указывает он, «несчастные бедняки», предпринимавшие в поте лица распашку подобных земель, привлекались к суду «алчными и жестокими собственниками» и вынуждены были все бросать и лишаться плодов своего труда. Автор «мемуара» доказывает, что собственники, не обрабатывающие свои земли, теряют тем самым свое право собственности. В этой связи он предлагает проект закона о конфискации государством необрабатываемых земель и превращении их в государственную собственность. Земли эти затем будут сдаваться в аренду, причем арендаторы должны брать на себя обязательство распахать и осушить их в течение 4 лет. Фермеры-арендаторы в свою очередь передают их, разделив на участки по 8 арпанов, субарендаторам, для которых одновременно строятся хорошие дома. Но государственные земли могут сдаваться не только отдельным лицам, а и общинам, причем автор считает, что это предпочтительнее. «Придем же, — пишет он, — к заключению, что если будут предоставлять в аренду невозделанные земли, о которых идет речь, общине, в округе которой они расположены, или же близлежащим общинам, то следствием этого будет то, что их распашка и осушение произойдут более быстро, более надежно и с меньшими трудностями». Эта новая система позволит уменьшить налоги и улучшить положение народа, а ведь главное — это изыскание средств для обеспечения счастья людей.

Уже в этой первой работе Колиньона, написанной еще в 70-х годах XVIII в., ясно обнаруживается его недовольство существующими общественными условиями, его критическое отношение к частной собственности на землю. Интересно, что он выдвигает идею передачи конфискованной государством земли в аренду не только частным лицам, но, прежде всего, общинам для ее коллективной распашки.

Десять лет спустя, осенью 1786 г., Колиньон напечатал проспект нового задуманного им большого произведения, в котором ставил уже вопрос о коренном переустройстве общества на коммунистических началах. 26 октября, т.е. в тот самый день, когда Дюбуа до Фоссе впервые сообщил Бабефу об этой работе, Колиньон переслал своего «Предвестника» Людовику XVI и министру финансов Калонну вместе с препроводительными письмами.

В письме к королю он, однако, говорил исключительно о своем первом произведении. Дело в том, что, как явствует из документов, представленных им впоследствии Учредительному собранию, начиная с 1778 г. он безуспешно добивался вознаграждения за свой мемуар. В письме-прошении на имя короля «Николя Колиньон, адвокат парламента и член ряда академий»[24] вновь выдвигал этот вопрос, ставя себе в заслугу распашку целины во Франции за последние 12 лет, осуществленную будто бы под влиянием его трактата, представленного им правительству еще в рукописи. При этом, однако, он осуждал произведенный в различных провинциях раздел невозделываемых земель, которые король должен был бы, по его мнению, оставить в своем распоряжении, т.е. в распоряжении государства. Зато значительную часть своего письма Калонну он посвятил «Предвестнику».

«Монсиньор, — сообщал он генеральному контролеру финансов,— я написал важное произведение, цель которого показать монархам и администраторам государств имеющуюся у них возможность искоренить всю общественную нужду и указывающее надлежащие меры для достижения этого. Поскольку я напечатал краткое изложение моей работы, я подумал, что Вас, монсиньор, столь ревностно относящегося к общественному благу, подобная тема должна бесконечно заинтересовать. Поэтому я счел необходимым ознакомить Вас с этим кратким изложением. Я считаю своим долгом, монсиньор, представить Вам прилагаемые экземпляры, предназначенные как Вам, так я тем лицам, которые помогают Вам в управлении и которым Вы сочтете нужным их преподнести. Поскольку проспект, несомненно, слишком важен, чтобы не быть представленным на усмотрение короля, прилагаемый пакет, содержащий его экземпляры вместе с препроводительным письмом, предназначен его величеству. Осмеливаюсь Вас просить соизволить представить его и побудить его величество благосклонно его принять. Так как его величество не преминет сообщить Вам содержание проспекта, оно будет известно вам обоим и поэтому мне показалось излишним повторно изложить здесь его цели. Вы, быть может, обратите внимание, что в этом проспекте я говорю достаточно свободно о различных сословиях, не

исключая и финансистов, но я надеюсь, что Вы рассудите, что мне было совершенно необходимо назвать беспорядки и злоупотребления, чтобы ознакомить с ними, показать, что они известны, и объявить, что я принесу исцеление от них; эти злоупотребления никак не касаются честных людей и таких, которые, подобно Вам, должным образом и со всем усердием и бескорыстием выполняют свои функции и предписанные им обязанности. Если его величество согласится с условиями, изложенными в моем проспекте, и, в частности, определит, в чем будет состоять вознаграждение, предусмотренное в третьем из этих условий, так, чтобы я был удовлетворен, тогда я с радостью приступлю к опубликованию моего большого произведения; но без принятия этих условий я никогда не решусь его опубликовать. К тому же, если мне не дадут говорить свободно, моя работа не сможет достигнуть совершенства, выполнить намеченную цель, и я не буду иметь возможность подробно изложить необходимые средства и доказательства, которые, благодаря препятствиям, кои мне будут чинить, станут напрасными и излишними». Колиньон просил далее поддержать перед королем его ходатайство о вознаграждении за прежние услуги, оказанные им государству, указывая, что это послужит ему поощрением для опубликования его «большого произведения».

Итак, Колиньон, напечатав свой проспект, не только стал распространять его среди различных научных и литературных обществ, а и поспешил представить его правительству со свойственной столь многим утопистам наивной надеждой добиться осуществления своих планов с помощью власть имущих. К тому же его проспект (как видно и со слов Дюбуа де Фоссе) содержал и различные условия, на принятии которых он настаивал, чтобы иметь возможность опубликовать свое «большое произведение». Письмо к Калонну показывает, что это были не только материальные условия. Колиньон требовал также гарантировать ему полную свободу слова, дабы он мог без всяких опасений изложить в развернутом виде свои идеи об общественных невзгодах и о новом социальном строе. Из этого письма, как и из опубликованного в проспекте плана его трактата, можно сделать заключение, что это его «большое произведение» не было еще написано, а лишь проектировалось им на основе идей и принципов, изложенных в «Предвестнике».

После выхода из печати «Предвестника» Колиньон опубликовал в 1788 г. в Страсбурге еще одну работу, на которую он также постоянно ссылался в дальнейшем, — детально разработанный план единой системы мер и весов, на основе десятичной системы[25]. Разразившаяся вскоре революция преисполнила его новыми надеждами. Если 24 октября 1789 г. он послал на имя Учредительного собрания прошение специально по вопросу о своем проекте мер и весов[26], то уже 11 ноября он обратился с письмом на имя председателя Учредительного собрания, в котором сообщал о представленном им Национальному собранию «прошении вместе с приложенным проспектом, содержащим мои предложения и условия Национальному собранию относительно большого произведения, посредством которого я имею честь предложить ему план новой Конституции, которая будет предусматривать такой порядок вещей и будет разработана до такой степени совершенства, что результатом ее осуществления явится искоренение всей общественной нужды во Франции»[27]. Таким образом, уже в самом начале революции Колиньон поспешил вновь выдвинуть вопрос о коренном переустройство общества на коммунистических началам, изложенный в его «Предвестнике», предлагая вниманию Учредительного собрания свой «план новой Конституции»[28].

19 марта 1790 г. Комитету сельского хозяйства и торговли Учредительного собрания была доложена его новая петиция, о которой мы уже упоминали выше. Вновь пересылая Учредительному собранию свою книгу о распашке невозделываемых земель, Колиньон указывал в своем обращении на общественную пользу, которую принесла его работа. Он вновь утверждал, что освоение целинных земель во Франции в предыдущие годы было сделано под влиянием его произведения. При этом, однако, он указывал, что его план был осуществлен с поправками и изменениями, которые привели к отрицательным результатам. Стали делить невозделываемые земли, что, неизбежно, вызвало много споров, ссор и процессов и создало много препятствий для распашки этих земель, препятствий, на которые он своевременно указывал и которые необходимо было избежать. В Бретани послали даже войска против жителей и пролили кровь граждан. Именно раздел общинных земель, «которые не следовало делить», и привел ко всем этим печальным результатам. Таким образом, Колиньон вновь обосновывал в своем обращении к Учредительному собранию основной тезис своего мемуара — о предоставлении необрабатываемых земель коммунам. Далее он указывал на необычайную дороговизну хлеба, сделавшую его недоступным для большей части граждан, что уже привело к пагубным последствиям и может привести к еще более гибельным. Он высказывал убеждение, что эта дороговизна — результат не недостатка зерна и продовольствия, а имеет совершенно другие причины. Он предлагал поэтому Национальному собранию составить мемуар о причинах теперешней дороговизны зерна и средствах снизить цену на хлеб, а также просил поручить ему разработать проекты законов о борьбе с дороговизной хлеба и о распашке земель, и, если они будут приняты, назначить его начальником бюро по их осуществлению. Он просил дать ему пенсию за его книгу об освоении невозделываемых земель, а также, в случае осуществления всех его проектов (в том числе и единой системы мер и весов), предоставить ему 2% с доходов, которые в результате этого получит государство.

Это обращение Колиньона не дало, как и следовало ожидать, никаких результатов. Комитет сельского хозяйства и торговли постановил вообще не рассматривать его мемуар, поскольку Национальное собрание как раз собиралось принять решение об осушке и распашке земель, а просьба о назначении пенсии Комитета не касалась[29].

Но Колиньон не хотел мириться с этим. 29 июня 1790 г. он снова обратился к Комитету сельского хозяйства и торговли. Ссылаясь на представленные от имени этого комитета доклады по вопросу о единстве мер и весов, об осушении болот и о распашке невозделываемых земель, он напоминал, что уже до этого критиковал их. «Не хочу скрывать, — писал он, — что мне бы хотелось, чтобы лучше оценили мои работы, которые я имел честь представить Национальному собранию». Если есть возражения против его предложений, почему Комитет их не формулирует?[30]

Эти четыре петиции Колиньона отнюдь не были его единственными обращениями к Учредительному собранию. Летом 1791 г. в связи с предстоящими выборами в Законодательное собрание он опубликовал в Страсбурге «Адрес к публике и в особенности к избирателям департамента Нижний Рейн». В нем он упоминал о тринадцати петициях, представленных им Учредительному собранию[31].

О том, что установление новых коммунистических порядков, описанных в «Предвестнике», оставалось, в представлении Колиньона, главной и основной задачей всех общественных реформ, видно и из этого «Адреса». Приближались выборы в новое Законодательное собрание, и Колиньон, проживавший к тому времени снова в Страсбурге[32], задумал ни более ни менее, как выдвинуть свою кандидатуру в депутаты. В своем «Адресе» он обращал внимание избирателей, сколь важно выбрать в «будущую легислатуру» людей способных, соединяющих просвещенность с признанной честностью, с тем чтобы создать хорошие и справедливые законы, которые могли бы обеспечить их свободу и счастье. В этой связи он откровенно писал, что был бы польщен, если бы был избран одним из депутатов от департамента, заявляя, что этого хочет и общественное мнение, поскольку честные и просвещенные люди по достоинству оценили его произведения и его патриотизм. Правда, родившись в департаменте Мерт и имея лишь маленькое достояние (patrimoine) в департаменте Мозель, он не является лицом богатым и не пользуется в Страсбурге правами активного гражданина. Но прежде всего следует сказать, что среди заблуждений Национального собрания одним из самых больших было именно это — требование золота там, где нужны лишь честность и просвещенность; ведь в силу этого не могли бы быть избраны даже Руссо и многие другие благодетели человечества, оставшиеся в условиях железного века незажиточными. Далее, если при выборах в Генеральные штаты аббат Сиейс и Мирабо могли быть избраны в депутаты от третьего сословия и не по месту жительства, то почему же не могут выбрать его? Ведь народ является носителем всей власти и имеет право избрать всякого, даже человека небогатого, но достойного его доверия и способного защищать его интересы. Про него распространили слух, что он аристократ; но он никогда не принадлежал к бывшим сословиям духовенства и дворянства и является не аристократом, а разумным демократом. Могут также возразить, что он почти глухой, не сведущ в интригах и плохой оратор. Однако он не считает, что все это препятствует его избранию: лучше правильно мыслить и ясно писать, чем с красноречием высказывать посредственные мысли и парадоксы. В своей глухоте он не виноват, она придала его жизни много горечи, но она вполне совместима с честностью, честью и знанием, а этого вполне достаточно. Он мог бы в Национальном собрании редактировать адреса и быть докладчиком главных комитетов, таких, как комитеты конституции, сельского хозяйства и торговли, по делам нищенства, воспитания, финансов и др. Его доклады, основанные на ясных и справедливых доводах, его проекты декретов, предусматривающие простые, естественные и легко осуществимые средства, смогли бы удержать Национальное собрание от многих заблуждений и ликвидировать источник волнений, недовольства и беспорядков. Для этого необходимо, однако, чтобы его доклады публиковались за несколько месяцев до их обсуждения и доводились до сведения всех 83 департаментов, а он имел бы возможность отвечать на сделанные возражения. Ведь недостаточно, чтобы Национальное собрание было убеждено в необходимости «великой перемены», нужно, чтобы вожди народа были достаточно зрелыми для принятия провозглашенного Национальным собранием закона и чтобы их предрассудки были рассеяны.

Революция, которую он предсказывал еще 15 лет назад, наконец разразилась. Были провозглашены права человека, суверенитет народа, равенство и индивидуальная свобода. Но в то же время Национальное собрание допустило множество заблуждений и ошибок, которые он уже критиковал и гибельные следствия которых правильно предсказывал. Представители народа, как и сам народ, стремились установить лучший порядок вещей и обеспечить справедливость, мир, благосостояние и счастье. Но разве достигли они этой благой цели? Ошибочные законы, установленные одной легислатурой, могут быть изменены и усовершенствованы другой, если ее состав будет более удачно подобран. «Надежда, сладкая надежда на лучшую участь, не должна погаснуть, она может светиться во всех сердцах».

Колиньон подробно излагал в своем «Адресе» четыре основные задачи, которым он намерен был посвятить себя как депутат. Первая касалась установления единой системы мор и весов, вторая — единой денежной системы, третья — распашки необрабатываемых земель. Однако основной задачей, которую необходимо было осуществить, он считал четвертую. «Но главной целью, — писал он, — самой существенной и самой значительной из всех, является неоспоримо проведение мной новых законов, чтоб упразднить во Франции всю общественную нужду. Вы знакомы или Вы слышали о моем печатном Проспекте на эту тему. Имев честь представить Национальному собранию экземпляр с сопровождающим его прошением уже 11 ноября 1789 г., я получил официальное извещение, что один комитет, которому переслали это дело, представит ему (Национальному собранию. — *А.И.*) отчет. Я с тех пор ничего не слышал об этом, и решение еще должно быть принято. Предварительное принятие Национальным собранием моего большого произведения в 10 томах in 8° с более чем 50 картами и планами на предложенных мною условиях... принесет несомненно самую большую пользу не только этому департаменту, но и Франции и всему человечеству, особенно в то время, когда нужда изо дня в день все возрастает, так как вот уже более 20 лет не видно было столько нищих, как в настоящее время». «Я хочу, — писал он в заключение, обращаясь к избирателям, — иметь возможность избавить вас от постоянной неуверенности, в которой вы находитесь относительно вашего положения, вашей участи, вашего спокойствия, вашей жизни, и освободить вас от множества волнений, беспорядков и побоищ, которые, едва усмиренные и закончившиеся в одном месте королевства, возникают в двадцати других. Я хотел бы иметь возможность примирить аристократию с демократией, что, быть может, не столь уж невозможно, как об этом думают, и предохранить вас от гражданской войны и войны внешней, которая грозит вас настигнуть и опустошить это прекрасное королевство, начиная с этой провинции». Однако если, исходя из пустых предрассудков, откажутся от его предложения, то пусть пеняют на себя, что упустили единственною врача, способного принести немедленное спасительное и желательное исцеление от бед, которые в противном случае будут со дня на день возрастать.

Как видим, Колиньон пытался выставить свою кандидатуру в Законодательное собрание с совершенно определенной программок. Установление коммунистических порядков, согласно плану, изложенному в «Предвестнике», являлось основной задачей, которую он считал необходимой осуществить. Он искренне надеялся, что это приведет к устранению всех социальных противоречии, которые, как он прекрасно видел, не только не были ликвидированы революцией, а еще более обострились и углубились. Подобно многим другим утопистам, он имел гипертрофированное представление о себе и своих трудах, считая себя единственным врачом, способным исцелить общество от его недугов и обеспечить счастье не только своим соотечественникам, но и всему человечеству

Все это не могло, разумеется, не вызывать насмешек по его адресу, насмешек, которым столь часто подвергались и другие, подобные ему мечтатели. 30 августа 1790 г. он обратился с протестом к редактору газеты «Страсбургская хроника» в связи с тем, что его имя было упомянуто в анонимном пасквиле, направленном против страсбургского муниципалитета. Его письмо было опубликовано вместе с издевательским ответом[33], в котором у него просили извинения за недоразумение, так как в памфлете речь шла о другом Колиньоне. В этом анонимном ответе его насмешливо величали «литератором академик, бродячим адвокатом по департаментам Рейна, безвозмездным покровителем мер и весов и заранее намеченным членом второй легислатуры». «Мы знаем, — говорилось там, — ... что вашим урокам относительно населения следуют в гарнизонах от Нуайона до Тулона и от Пон де Муссон до Авиньона; что ваши консультации о возрождении (regeneration) преисполняют восхищением собрание представителей нации; что ваши проекты конституции приняты с почтением в новом законодательстве; что уже имеется решение, обеспечивающее вам пенсию, декретированную без возражения»[34].

Этот анонимный пасквиль свидетельствует, что Колиньон широко пропагандировал в Страсбурге свои планы «возрождения» и свои проекты конституции. Он продолжал пропагандировать их и в дальнейшем, посылая свои обращения Законодательному собранию и Конвенту, как до этого посылал их Учредительному. В делах Комитета докладов имеется петиция Конвенту «Николя Колиньона, юриста из Кастеля, в департаменте Мозель» от 15 ноября 1792 г.[30] В ней указывалось, что это его 17-е прошение. До этого он представил 16 петиций как Учредительному, так и Законодательному собранию, но не получил на них никакого ответа, «не зная даже, не утаили ли их от Национального собрания злонамеренные и развращенные люди, с тем чтобы скрыть истины, наиболее интересные и наиболее полезные для блага родины». В своей новой петиции Колиньон предлагал представить «план, излагающий средства пресечь в их источнике волнения и беспорядки, которые сокрушают Францию в связи с церковными и религиозными делами». Он вновь говорил о причитающемся ему вознаграждении за его книги и проекты, а также просит, чтобы все его предыдущие 16 петиций были зачитаны в Конвенте.

А. Р. ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Биография Колиньона и его деятельность подлежат еще дальнейшему изучению. Во всяком случае несомненно одно. Колиньон являлся не только автором опубликованного в 1786 г. «Проспекта», излагавшего план коммунистического общества. Он и в дальнейшем активно пропагандировал свои общественные идеалы и пытался в эпоху революции поставить в порядок дня вопрос об осуществлении этой «великой перемены» с целью ликвидировать все общественные бедствия и обеспечить всеобщее счастье. Типичный утопист, далекий от революционных идей и настроений, глухой и неприспособленный к жизни человек, с чертами чудака-оригинала, он не мог, разумеется, сыграть какую-либо роль на политическом поприще даже в местных масштабах. Но его имя безусловно заслуживает внимания при изучении истории коммунистических идей в период Французской революции.

V

Среди лиц, выступавших уже в 1789 г. с коммунистической программой и защищавших ее и в последующие годы революции, особое место занимает **Жан-Клод Шапюи** (Jean-Claude Chappuis). Его основное произведение «Социальный план», а также другие статьи и наброски, не были в то время опубликованы и сохранились лишь в рукописном виде. Рукописи Шапюи, как и рукописи Борье, оказались в Национальном архиве в фонде Т. среди бумаг и документов лиц, умерших без наследников в период революции[36]. Впервые Шапюи заинтересовался Лиштанберже, посвятивший ему специальный очерк[37]. В 1942 г. была опубликована небольшая диссертационная работа о Шапюи Ж.Тюо[38]. Сама работа написана на невысоком уровне и сводится, в основном, к простому пересказу идей и проектов Шапюи с весьма произвольными и поверхностными аналогиями и сравнениями. Но в приложении к ней опубликованы некоторые (хотя отнюдь не все) документы из архива Шапюи, в том числе и его «Социальный план»).

Бумаги Шапюи, его переписка и другие материалы его архива содержат достаточно биографических данных, чтобы воссоздать, хотя бы в основных чертах, историю жизни этой интересной личности.

Жан-Клод Шапюи родился, по-видимому, в 1749 г. в провинции Франш-Конте, в городе Салене (Salins), в семье нотариуса. Рано потеряв отца, он находился на попечении матери, которая женила его в возрасте 19 лет. Однако уже на следующий год он бросил семью и уехал в Париж искать счастья. Характерно, что с молодых лет Шапюи увлекался различного рода проектами, в частности техническими новшествами. В Париже он заключил соглашение с двумя коммерсантами о создании новой машины под названием «полиграф, или искусный переписчик», по не сумел получить у матери нужные для осуществления этой идеи средства. В последующие годы он то возвращался в Сален, где одно время служил в городском архиве, то вновь уезжал в Париж, куда окончательно переселился в 1774 г. Два года он занимал должность уполномоченного города Салена при парижском парламенте. После ликвидации в 1776 г. этой должности Шапюи оказался в очень тяжелом материальном положении. Кое-как перебиваясь случайными заработками, он продолжал, однако, разрабатывать самые различные проекты, начиная с планов погашения государственного долга и кончая вопросом использования торфа. Со своими предложениями он обращался неоднократно, но безуспешно, к различным высокопоставленным лицам. Лишь однажды ему удалось через посредство одной знакомой заинтересовать военного министра Монвареня, поручившего ему представить проект реорганизации военных госпиталей. Для составления этого проекта Шапюи истратил остаток своих сбережений, но новый военный министр, граф Сегюр, отказался выплатить ему вознаграждение за представленный мемуар. В последующие годы Шапюи тщетно домогался возмещения за выполненную работу и понесенные издержки.

Революция, которую он радостно приветствовал, не изменила его общественного положения. Шапюи продолжал жить в очень стесненных материальных условиях, посвящая все свободное время пропаганде своих проектов общественных реформ, в частности разработанного им «Социального плана». Особенно печальной оказалась его участь после термидорианского переворота. Он вскоре рассорился со своими двоюродными братьями, Шодуэ и Ферру, людьми влиятельными, оказывавшими ему некоторую поддержку, и лишился также места в бюро продовольствия, которое давало ему возможность кое-как поддерживать свое существование. Шапюи умер в полной нищете, по-видимому, в 1800 г., так как последние документы, сохранившиеся в его архиве, относятся к февралю этого года.

Из биографических данных, которые можно почерпнуть и бумагах Шапюи, крайне интересен следующий факт. Начиная со второй половины 90-х годов он жил в Париже на улице Бюшери в доме № 27[39], где и умер[40]. Но ведь именно на улице Бюшери в доме № 27 жил в это время и Ретиф де ля Бретон[41]. Таким образом, эти оба утописта, активно пропагандировавшие в годы революции коммунистические идеалы, жили в одном и том же доме[42] п. очевидно, были знакомы друг с другом.

* * *

Идея «Социального плана» возникла, по-видимому, у Шапюи как раз накануне революции. По его словам[43], с декабря 1788 г. он оставил все свои занятия, «чтобы письменно изложить свои открытия относительно социального плана». К весне 1789 г. им был уже разработан первый вариант «Социального плана», о котором он с тех пор неоднократно упоминает и на который постоянно ссылается. Этот «Социальный план» вместо с рядом рукописных набросков, в том числе экскурсом, озаглавленным «Собственность» («La propriete»), дает возможность составить полное представление об общественных идеалах Шапюи.

«Социальный план» начинается с заявления автора, что он, бывший муниципальный служащий, «спешит объявить о наиболее ценном для человеческого рода открытии, а именно о верных и убедительных средствах, чтобы покончить с войной, голодом и всеми бедами, пороками и бедствиями, которые угнетают нации и, в частности, Францию». Творец природы не мог создать человеческий род для того, чтобы сделать три четверти людей несчастными, так как это противоречило бы его справедливости и благодетельности. Если бы философы и ученые задумались над этим, то они, изучая природу, являющуюся орудием божества, давно открыли бы, что человек рождается, чтобы жить счастливо. Необходимо поэтому прочесть в природе все, что сделал творец для человека, дабы привести его к счастью, ему предназначенному.

Земля и все се творения, в том числе и животные, даны людям для совместного пользования. Творец в целях укрепления общности, равенства и союза между людьми создал их такими, чтобы они ради самосохранения и счастья вынуждены были объединять свои индивидуальные способности и средства. Из этого со всей очевидностью вытекает, что человек должен жить в условиях ассоциации и общности. Ассоциация эта должна обеспечивать каждому равенство и самое счастливое существование.

Люди, однако, отклонились от истинных принципов, предписанных им творцом и природой. Вместо этой естественной ассоциации они создали на совершенно иных началах национальные ассоциации, в которых лишь одна тридцатая ассоциированных живот более или менее сносно, где все испытывают беспокойство и неуверенность, где никто по-настоящему не счастлив. Все существующие национальные ассоциации как бы скопированы с мира животных, где звери истребляют друг друга. Подобно этому и в современном обществе существует состояние войны.

Все зло проистекает из ложных принципов, положенных в основу общества, а именно: собственности, раздела, наследования, разделения земель. Эти противоестественные принципы являются бичом человеческого рода, поскольку они неизбежно порождают неравенство, личный интерес и соперничество. Как бы ни был равен первоначальный раздел, он неизбежно должен был привести к неравенству вследствие различной силы, неодинакового здоровья и разных способностей отдельных людей. Наиболее сильные стали богатыми, заурядные — людьми среднего достатка, а слабые — бедными. В дальнейшем, в результате роста населения и раздела наследств, число богатых значительно сократилось, люди среднего достатка стали бедными, а бедные впали в самую крайнюю нужду. Усилению общественного неравенства содействовало и создание денег по инициативе богатых, которые взяли в свои руки бразды правления. Бедные и нуждающиеся могли теперь продавать свои наделы богачам и становились их поденщиками, попадая в прямую от них зависимость. Наиболее богатые вскоре присвоили себе различные почетные титулы. Так возникла знать, властвующая над бедным, невежественным, закрепощенным и легковерным народом. Духовенство, со своей стороны, чтобы закрепить все узурпации, сделанные за счет народа, чтобы заставить его платить налоги и сносить гнет, чтобы мошеннически завладеть большим имуществом, стало ловко запугивать народ адом и чистилищем, сулить ему за зло, испытываемое на земле, воздаяние на небе.

Так, богачи захватили власть в обществе и поработили народ, хотя и преобладающий по численности, но слабый вследствие разобщенности. Недаром богачи находятся постоянно в состоянии тревоги; они знают, что народ имеет неоспоримое право и силу поставить их на колени и что он использует свою силу, как только познает ее. Ведь, действительно, если бы народ осознал свою силу и свое право, разве поденщики, рабочие, ремесленники, мастера («артисты»), земледельцы уступали бы плоды своего труда так называемым собственникам? Разве столь многочисленные слуги удовлетворялись бы тем малым, что, как бы из милости, оставляют им хозяева, с перспективой попасть, в случае болезни и старости, в общественные богадельни? Разве солдаты подвергали бы опасности свою жизнь и свое здоровье, чтобы обеспечить знатным и богатым пользование роскошью?

В современном обществе ни один класс по-настоящему не счастлив. Самый многочисленный класс, наиболее важный и, следовательно, наиболее достойный уважения, это класс мастеров, земледельцев, ремесленников, рабочих, поденщиков, слуг, а также солдат — защитников родины. Этот класс, составляющий две трети нации и поставляющий в изобилии другой трети нишу, одежду и все прочие блага, лишен даже самого необходимого. Особенно тяжело положение поденщиков (journaliers), которые в случае болезни своей или кого-либо из членов семьи, при малейшем несчастье, при первой же потере работы оказываются в полной нищете. Таким

образом, две трети современного третьего сословия словно для того лишь рождаются, чтобы влачить мучительное и необеспеченное существование в условиях нужды, голода, изнурительного труда, унижения, порабощения, бесчестия, болезней, отчаяния.

Знатные и буржуа — люди бесполезные для нации. Но и они, при существующих общественных условиях, лишены подлинного счастья. Коммерсанты вынуждены постоянно обманывать и мошенничать, подвергать себя опасностям на дорогах и на морях, сносить надменность и оскорбления со стороны всех тех, кто может им вредить. Судейские и буржуа живут в постоянном страхе за свои владения и прерогативы, из-за презрения и пренебрежения к ним со стороны высшего духовенства и дворянства. Две трети духовенства и дворянства также терпят унижения и испытывают зависть, будучи в то же время лишены естественных наслаждений и возможности заниматься плодотворной деятельностью. Даже высшая знать находится в постоянной тревоге за сохранность своих владений, привилегий и за безопасность своей жизни, страдает от чувства зависти и постоянного соперничества из-за титулов, званий, должностей, милостей. Незавидна и участь королей и их министров, скованных этикетом, окруженных льстецами, завистниками, предателями и изменниками, осмеиваемых и проклинаемых несчастными, которыми они управляют.

Люди должны поэтому отказаться от своих заблуждений, от чудовищных принципов, на которых построены существующие национальные ассоциации, и создать естественную ассоциацию, предписанную верховным существом и природой, ассоциацию, в которой царит равенство. Для достижения счастья абсолютно необходимо, чтобы люди жили в ассоциации без собственности, без раздела между ассоциированными.

Как же достичь этого? Шапюи дает на этот вопрос двойственный ответ. С одной стороны, он указывает, что частная собственность тягостна для самих же собственников и поэтому они в не меньшей мере, чем несобственники, заинтересованы в создании нового строя, обеспечивающего им еще лучшую жизнь и твердую гарантию от потерь, воровства, тяжб, вероломства, убийств и воин. Именно в этих целях Шапюи перечисляет довольно подробно то жизненные невзгоды, которые выпадают на долю дворянства и буржуазии, и выражает надежду, что собственники, ознакомившись с преимуществами естественной ассоциации, сами неизбежно признают, что в их же интересах отказаться от существующих общественных порядков.

В то же время у Шапюи проскальзывает явное сомнение, что имущие классы добровольно пойдут на это. Он заявляет, что собственники и эгоисты, не предоставляющие в распоряжение общества все свои индивидуальные возможности,— враги рода человеческого и с ними следует поступать, как с таковыми. Нельзя откладывать счастье нации. Творец, лишив всякого спокойствия и всякой безопасности угнетателя, тем самым допускает, чтобы угнетенные уничтожили этого чудовищного врага человечества. Но и его нужно принять в ассоциацию, если он добровольно откажется от угнетения себе равных, тем более что угнетенные не менее виновны, чем угнетатели, поскольку в свое время они также приняли ложные принципы раздела собственности и наследования. Поэтому угнетатели должны считаться виновными лишь в том случае, если они осмелятся умышленно сопротивляться закону творца, с тем чтобы увековечить бедствия себе равных. Но и тогда не будет необходимости употребить силу, чтобы заставить угнетателей выполнить свой долг, ибо они вынуждены будут присоединиться к нации, как только им перестанут служить. Кроме того, исходя из общепринятых законов о возмещении собственности, отчуждаемой в общественных интересах, можно выкупить владения, необходимые ассоциации.

Каков же новый социальный порядок, который надлежит установить, дабы обеспечить счастье людей? Изложению новой общественной системы и посвящены два раздела «Социального плана». По расчетам Шапюи, Франция имеет 39600 квадратных лье, и на каждое квадратное лье приходится в среднем 505 жителей. Необходимо разделить территорию страны на квадраты по 2000 туазов. В каждом из них нужно возвести здание, рассчитанное на 1050 жителей, хотя в дальнейшем на хороших землях число обитателей может составлять 3, 4 и даже 6 тысяч человек. Территория каждого участка, окаймленная со всех сторон удобными общественными дорогами и зелеными насаждениями, будет состоять из каштановых рощ, фруктовых садов, прудов для разведения рыб, картофельных полей, пастбищ и огородов. В середине будут расположены центральное здание и различные пристройки — стойла для крупного рогатого скота, овчарни, птичники для кур, индюшек, гусей, куропаток и т.д.

Центральное здание имеет обширные сводчатые погреба. На нижнем этаже (rez-de-chaussee) размещаются прессы для винограда, мастерские, две большие кухни, кладовые для провизии, хранилище для плодов, бойня, столовая, склады для дров, мебели и различных материалов. Находящиеся на кухне печи служат зимой и для отопления — они подогревают в двух больших котлах воду, которая затем по трубам расходится по всему зданию. На первом этаже расположены больница на 200 коек, а также помещения для детей, в том числе отдельные палаты для грудных детей, для детей в возрасте от 18 месяцев до 5 лот, от 5 до 9 лет, от 9 до 12 лет и от 12 до 15 лет, с двумястами коек в каждой. Палата служит не только спальней, но и столовой и комнатой отдыха для детей соответствующего возраста. На том же этаже находятся залы для обучения детей, две

ванные комнаты, прачечная, склады одежды и доспехов, уборные. Второй этаж занимают дортуары, разделенные на 477 комнат с двойными кроватями и соответствующей обстановкой, в том числе шкафами с пронумерованными отделениями, в которых обитатели дортуара хранят свою одежду. На третьем этаже находятся мастерские, которые не требуют тяжелого оборудования и могут быть расположены наверху. Там же находятся библиотека, типография, зал заседаний Совета, ведающего всеми делами, зал для игр и развлечений.

Труд в условиях естественной ассоциации не является обременительным, так как больше не занимаются теми сельскохозяйственными культурами и теми мануфактурным производством, которые связаны с тяжелой и изнурительной работой. Именно поэтому зерновые культуры, которые требуют большого труда и подвержены различным случайностям природы, не возделываются. Нет и текстильных мануфактур, поскольку полотняные и иные ткани с успехом могут быть заменены кожаными изделиями. В результате на долю каждого приходится в сутки всего по полчаса физического труда; остальное время посвящается изящным искусствам и умственным занятиям. С 70-летнего возраста полностью освобождаются от каких-либо обязанностей. Домашние работы выполняются поочередно 12 мужчинами и 12 женщинами. Но и этот труд не является обременительным, так как им помогают дети в возрасте от 9 до 16 лет, склонные по природе к самой активной деятельности, которые в виде развлечения занимаются также сбором фруктов и картофеля. Дети, кроме того, ощипывают птицу и стирают грязное белье. Одежда всех детей и взрослых совершенно одинакова. Все взрослые (дети, как сказано выше, питаются в своих помещениях) получают в столовой обед, состоящий из каштанов и картофеля (вместо хлеба), мяса, птицы, рыбы, фруктов, яиц и новых превосходных и питательных напитков, приготовленных из различных соков. Каждый имеет также право приготовить для себя те или иные блюда по своему усмотрению; кроме того, в кладовой всегда имеются вареное мясо, каштаны, картофель и различные напитки.

В естественной ассоциации не существует каких-либо семейных уз. Рождающиеся дети заносятся под соответствующим номером в особый реестр. В целях равномерного распределения населения, в частности, поддержания в каждом поселении (habitation) одинакового количества мужчин и женщин, излишние дети могут передаваться в другие поселения. Детей обучают не только точным наукам (математике, механике, химии, астрономии и др.), но и архитектуре, живописи, музыке, танцам, военному делу, <а также истинным принципам ассоциации, противопоставляя их ложным принципам прежнего общественного строя.

Обитатели каждого поселения могут в определенном количестве и на определенный срок посещать другие поселения, а также двор. Дело в том, что король и королева со своим двором получают для жительства территорию в 8000 квадратных туазов. Двор продолжает жить с внешними признаками роскоши, по и на него распространяются новые общественные порядки: все едят за общим столом, спят в общих дортуарах и т.д. Королевская власть лишена каких-либо реальных прав; король фактически лишь представляет страну перед иностранцами. Кстати, иностранцы, посещающие Францию, должны выплачивать определенные суммы, используемые для приобретения за границей нужных стране металлов к других необходимых предметов.

В целях защиты от внешних врагов на границах Франции строятся на определенном расстоянии друг от друга крепости и редуты. Для комплектования их гарнизонов каждое поселение выделяет ежегодно по 5 мужчин и 5 женщин. Поскольку общее количество поселений равняется 40000, то страна всегда будет иметь и своем распоряжении постоянную армию в 400000 человек, которая в случае военной угрозы может возрасти до нескольких миллионов. Новый общественный строй создаст неисчерпаемые ресурсы и пробудит истинный патриотизм, так что даже самые враждебные державы должны будут отказаться от мысли напасть на Францию. Впрочем, Шапюи уверен, что необходимость сохранения армии в целях обороны страны — явление лишь временное, поскольку он не сомневается, что не только соседние нации, что и более отдаленные страны вскоре последуют примеру Франции и установят у себя естественную ассоциацию, которая сплотит все народы.

* * *

«Социальный план» Шапюи, хотя в свое время не опубликованный, представляет, несомненно, значительный интерес для истории коммунистических идей.

Обосновывая свои общественные идеалы, Шапюи уделяет большое внимание критике существующего социального строя. При этом он не ограничивается общими фразами, а пытается детально проанализировать структуру общества и вскрыть ее порочные основы.

Поскольку «Социальный план» был составлен в начале 1789 г., еще до победы революции, в нем нашла свое отражение дореволюционная сословная структура французского общества. Поэтому Шапюи и уделяет значительное внимание не только буржуазии, но и знати. Однако для него дворянство и буржуазия, при всех противоречиях между ними, — единый класс собственников-богачей, одинаково бесполезных для общества.

Шапюи пытается доказать пагубность современного социального строя для всех общественных слоев, включая самых богатых буржуа и высшую знать. Но он прекрасно понимает, что существующие общественные порядки, основанные на собственности, пагубны прежде всего для тех, кто добывает пропитание своим трудом. Шапюи не просто противопоставляет богачам бедняков, но и довольно детально характеризует этот «самый многочисленный класс», создающий все жизненные блага. «Класс» этот состоит, по его определению, из мастеров, земледельцев, ремесленников, рабочих, поденщиков, слуг и солдат, т.е. (за исключением солдат) из трудящихся. Именно их Шапюи и противопоставляет «собственникам», которым они вынуждены уступать плоды своего труда. При этом он специально останавливается на лицах наемного труда, характеризуя их положение в обществе как наиболее тяжелое. Таким образом, хотя термин «класс» носит у него довольно общий и неопределенный характер и далек, разумеется, от его научного понимания, следует признать, что Шапюи все же сумел увидеть основную линию общественного водораздела, противопоставляя трудящиеся слои паразитической верхушке общества. В этом отношении Шапюи значительно прозорливее многих своих современников, даже из числа социальных критиков, деливших обычно общество на многочисленные «классы» по сословно-профессиональным признакам.

Основной причиной общественного зла Шапюи считает частную собственность, неизбежно порождающую неравенство, личные интересы и соперничество. При этом он совершенно определенно высказывается против уравнительного раздела собственности, указывая, что, каким бы равным ни был раздел, он неизбежно должен привести к неравенству. Исходя, подобно подавляющему большинству утопистов XVIII столетия, из естественно-правовой теории, Шапюи противопоставляет современным ему государствам, основанным на общественном неравенство, «естественную ассоциацию». Именно такую «естественную ассоциацию», основанную на общности имуществ, он и призывал осуществить.

Достигнуть этой цели Шапюи рассчитывал мирными средствами, убедив всех, в том числе и власть имущих, в преимуществах нового общественного строя и намекая в то же время на возможность выкупа частных владении. Но он отнюдь не исключал и возможности ниспровержения существующих общественных порядков против воли собственников и призывал даже угнетенных раз и навсегда покончить с угнетателями, отказавшись им служить и рассматривая их, в случае сопротивления, как врагов человеческого рода.

Новый общественный строй, описываемый Шапюи в его проекте,— коммунизм, но не централизованное коммунистическое общество, а коммунизм общинный. Можно даже сказать, что проект Шапюи — один из наиболее характерных и последовательных примеров общинного коммунизма. Его «Социальный план» предусматривал создание коммунистических общин, объединяющих по 1050 жителей. Каждая подобная община — самостоятельная хозяйственная единица, занимающаяся как сельскохозяйственным, так и ремесленным производством. Шапюи столь последовательно проводит эту мысль, что не упоминает даже о каком-либо обмене сельскохозяйственными продуктами или промышленными изделиями между отдельными общинами, обмене, который обычно предусматривали в своих планах другие представители общинного коммунизма. Единственная связь между общинами, кроме взаимных посещений, — совместное участие в обороне страны.

Шапюи весьма детально описывает проектируемую им общину — ячейку нового коммунистического общества: занимаемую ею территорию, ее хозяйство и т.д. Особенно подробно описывает он центральное здание общины с его жилыми помещениями, столовыми, залами, мастерскими, вплоть до системы центрального отопления — идеи, для его времени совершенно новой, осуществленной на практике лишь в XIX в. и свидетельствующей, наряду с другими его проектами, об увлечении Шапюи техническими новшествами. В то же время община Шапюи — быть может, наиболее последовательное выражение идеала грубой уравнительности, характерной для коммунистической мысли XVIII в. Все члены общины живут в совершенно одинаковых условиях. Все регламентировано самым строгим образом, вплоть до одежды. Шапюи доводит эту мысль до абсурда, до требования регистрации детей под определенными номерами, до попытки на уравнительных началах регулировать половые отношения. Следует сказать, что в смысле грубой уравнительности проект Шапюи идет несравненно дальше, чем другие коммунистические построения этой эпохи.

Генезис идеала «естественной ассоциации» Шапюи, его общин, установить нетрудно. Его следует, безусловно, искать в тех же проектах ассоциаций, которые мы встречаем во французской литературе предреволюционных лет. Именно исходя из планов подобных ассоциаций, Ретиф де ля Бретон еще до революции дошел до идеала коммунистического общества. В период революции именно в этом направлении развивалась и мысль Юпея. Шапюи, выступивший в 1789 г. со своим «Социальным планом», тоже исходил из идеала общин, располагающих земельным участком и зданием-общежитием, рассматривая их как ячейки нового, коммунистического общества, основанного на общности имуществ.

Как уже сказано выше, проекты ассоциаций второй половины XVIII столетия носили двойственный характер. Они вели не только к идеалам общинного коммунизма, но и к идеалу акционерно-паевых производительно-потребительских товариществ, к идеалу фаланг Фурье.

Именно этим и объясняются некоторые внешние черты сходства между «поселениями» Шапюи и фалангами Фурье. По своему внутреннему содержанию общественные идеалы Шапюи и Фурье коренным образом отличны друг от друга. Шапюи — сторонник уравнительного коммунизма, Фурье — решительный его противник. «Естественная ассоциация» Шапюи—совокупность коммунистических общин, с абсолютной нивелировкой всех членов общества, со строгой регламентацией их жизни, труда и быта, с общинно-коммунистической организацией потребления. «Гармоническое» общество Фурье — совокупность производительно-потребительских товариществ-фаланг, основанных на акционерно-паевых началах, с распределением между их членами доходов от совместного производства, с выплатой дивидентов владельцам акций, с различным уровнем жизни отдельных лиц, в зависимости от их индивидуальных доходов, с различными жилыми помещениями в фаланстерах и разными категориями питания, сообразно средствам каждого. Но поскольку и Шапюи, и Фурье исходят не из идеала единого, централизованного хозяйства, а представляют себе будущее общество как совокупность отдельных хозяйственно самостоятельных ассоциаций, объединяющих 1050 (Шапюи) или 1620 (Фурье) лиц, то не удивительно наличие известного внешнего сходства между их проектами.

Во французской литературе второй половины XVIII в. можно уже найти описания «общих домов». Но лишь Шапюи впервые развивает в полном смысле этого слова идею фаланстеров — обширных благоустроенных зданий, в которых должны проживать и работать граждане будущего общества. Это первое детальное описание не обычных жилых домов, а монументальных здании, объединяющих в единый комплекс жилые помещения, места общего пользования, производственные мастерские, зданий, весьма напоминающих фаланстеры Фурье.

Для «поселений» Шапюи, как и для фаланг Фурье, характерно отсутствие семьи. В обоих случаях дети получают общественное воспитание, причем принимают участие и в труде. Интересно, что как Шапюи, так и Фурье считает возможным поручать имение детям (в силу их природных склонностей) грязные работы, неприятные для взрослых. Интересно также, что они оба высказываются против зерновых культур и считают необходимым заменить хлеб другими питательными продуктами. Наконец, бросается в глаза и стремление обоих утопистов «математически» обосновать свои проекты, приводя соответствующие «расчеты», представить свои общественные идеалы как «открытие», имеющее решающее значение для судеб человеческого рода, «открытие», сделанное на основе изучения природы, позволяющей познать предначертания божества.

Следует полагать, что Фурье не мог быть знаком с рукописным проектом Шапюи. Но это означает лишь, что проекты переустройства общества на основе объединения отдельных групп лиц в производительно-потребительские ассоциации вели, независимо от конкретного характера подобных ассоциаций, к некоторым аналогичным идеям, вроде идеи фаланстера. В этом отношении «Социальный план» Шапюи не только интересный памятник коммунистической мысли эпохи Французской революции; некоторыми своими внешними чертами он, несомненно, предвосхищает проекты и построения Фурье.

Разработав «Социальный план», Шапюи энергично принялся за его пропаганду. Следует отметить одно интересное обстоятельство. Подобно Фурье, он больше всего боялся, что у него похитят его «открытие»; в этом он подозревал всех, даже своих кузенов. В феврале 1789 г. он предпринял поэтому поездку в свой родной город Сален с целью оставить там в верном месте экземпляр своего проекта.

По возвращении в Париж, 16 апреля, он отправил письмо Неккеру. «Размышления о Генеральных штатах,— писал он,— привели меня к открытию истин, наиболее важных для человеческого рода. Творец не создал человека из небытия, не предназначив ему совершенного счастья (bonheur parfait)... И в самом деле, я ясно вижу верные средства, данные нам, чтобы обеспечить общее счастье... Я считаю своим патриотическим долгом уведомить вас о них... Я удостоверяю их истинность, достоверность и справедливость и ручаюсь за них французам своей головой». Далее он приводил сведения о себе и намекал, что ему следовало бы дать вознаграждение за его труд, тут же заявляя, однако, что он вовсе не настаивает на этом, заботясь лишь об общем благе и мечтая разделить с монархом и его министром величайшую и бессмертную славу «дать законы и пример счастья всем нациям вселенной, упразднив навеки во Франции раздоры, голод, тяготы, окопы, темницы, пытки, все преступления и все беды и заменив эти бедствия всеми удовольствиями изобилия, всеми наслаждениями жизни и совершенством всех искусств».

На копии этого письма, сохранившейся среди его бумаг, Шапюи сделал длинную приписку, из которой мы узнаем о дальнейших шагах, предпринятых им для пропаганды «Социального плана». В том же апреле 1789 г. он обратился к одному члену парламента и одному придворному, с тем чтобы первый представил его обращение парламенту, а второй — королевской семье, но те не

ответили ему, так же, как и Неккер. В июне Шапюи отправился в Версаль. Он прежде всего обратился к нескольким депутатам Генеральных штатов от его родной провинции Франш-Конте, предложив ознакомить их с деталями своего плана. Но его принял лишь один из этих депутатов, которому он сообщил о своем намерении изложить свой план Учредительному собранию. Ему удалось добиться свидания и с Мирабо, которому он вручил «рукописный проспект» вместе с копией письма к Неккеру. Мирабо обещал ему ответить через несколько дней, но потом, под разными предлогами, отказался его вновь принять. Шапюи обратился также к одному депутату-кюре, проживавшему в Версале в одном доме с ним, рассчитывая найти через него кого-нибудь, кто согласился бы представить его Учредительному собранию, чтобы он мог изложить свой план.

После взятия Бастилии Шапюи отправился в Париж с целью «успокоить умы» путем распространения своих «рукописных проспектов». Он понес эти проспекты в Сент-Антуанское предместье, оставив их там в ряде караульных помещений национальной гвардии и попросив часть экземпляров передать в секции предместья с предложением изложить все подробности своего плана на общем собрании граждан. Намереваясь вернуться в Версаль, он вновь отправился в Сент-Антуанское предместье, но узнал, что одно из караульных помещений, где он оставил свои проспекты, было закрыто, а в другом не было больше прежнего командира, обещавшего вручить их секциям. Он думал предпринять новые шаги, когда группа жителей этого предместья предложила ему отправиться на общее собрание, которое как раз в это время происходило в приходской церкви св. Маргариты. Его ввели внутрь здания, где заседали руководители собрания, которые, покончив с обсуждаемым вопросом, решили, что не их дело заслушивать подробности его плана, и предложили обратиться с этим в ратушу.

В дальнейшем, убедившись, по его словам, что он со всех сторон окружен людьми, предавшими себя вождям партий и стремившимся нанести удар народу мошеннической конституцией, он вынужден был купить типографский шрифт, напечатать и расклеить свой проспект в Париже. 11 апреля 1790 г. он переслал 76 экземпляров этого печатного проспекта мэру Парижа с тем, чтобы тот вручил их Национальному собранию, королю, муниципалитету и 60 дистриктам города. Но, несмотря на все его старания, муниципалитет и дистрикты никак не откликнулись на его предложения.

Эта любопытная запись свидетельствует о той активной деятельности, которую развил Шапюи в первый год революции для претворения в жизнь своего «Социального плана». Он не только стремился заручиться поддержкой депутатов, включая и влиятельного Мирабо, но и упорно добивался выступления в Учредительном собрании с изложением своего проекта, не разочаровывать своими непрерывными неудачами, подчас наивно веря в обещания, которые ему давали, и не замечая на первых порах, как псе, к кому он обращался, стремились, под тем или иным предлогом, поскорее от него отделаться. Очень интересно, что, вернувшись из Версаля, в Париж, он стал распространять свой проспект в рабочем Сент-Антуанском предместье, где пытался даже выступить публично с изложением своих идей.

Весной 1790 г. Шапюи отпечатал свой проспект, расклеил его в Париже и переслал муниципалитету и дистриктам. Этот печатный проспект Шапюи, к сожалению, не сохранился. Возможно, однако, что текстом этого проспекта является находящаяся в его архиве рукопись под названием «Патриотический дар». Эта рукопись не только излагает его общественные идеалы, популяризирует и пропагандирует его «Социальный план», но, наряду с другой его запиской, озаглавленной «Бесконечно важные замечания, предложение и представление» («Observations, notion et soumission infiniment importanles») дает возможность судить о его политических взглядах в начале революции.

Упомянутая записка, как можно заключить из ее текста, также составлена в первые месяцы 1790 г., так как в ней, с одной стороны, упоминается об избирательном цензе, установленном Учредительным собранием осенью 1789 г., а с другой стороны, говорится о дистриктах Парижа, упраздненных, как известно в мае—июне 1790 г. В этом документе Шапюи резко обрушивался на принцип представительства, на избрание должностных лиц путем выборов. Самое основное право гражданина, указывал он, — но право непосредственного участия в управлении, выполнения тех или иных функций. Система же представительства лишает тысячи граждан их прав в пользу одного, не говоря уже о том, что больше половины граждан, принадлежащих к наиболее несчастным классам общества, вообще не допускаются к выборам. Система выборов — это, по сути дела, мошенничество, так как дает возможность аристократии с помощью денег и различных интриг проводить нужных ей кандидатов; она антиобщественна, так как отнимает у граждан их права, и опасна, так как, наделяя на длительный срок теми или иными функциями отдельных лиц, дает им возможность изменять родине и угнетать своих сограждан. Система выборов противоречит поэтому социальной свободе и открывает простор аристократическо-деспотическим заговорам. Необходимо при этом отметить, что под аристократией Шапюи понимал отнюдь не одно дворянство: аристократия, по его определению, это знать, высшее духовенство, богатые собственники и финансисты.

Шапюи выступал, таким образом, не только против цензовых выборов, но и против выборной системы вообще. Он противопоставлял ей непосредственное участие всех граждан в управлении путем поочередного выполнения тех или иных функций. В первую очередь он имел в виду судебные власти. Все граждане, указывал он, должны поочередно выполнять роль судей. Тот же порядок должен существовать и в войсках, охраняющих порядок в Париже. В них не должно быть ни капралов, ни сержантов, ни капитанов, ни высших офицеров с их пышными мундирами, а все военные должны поочередно выполнять функции командиров.

Эти же идеи Шапюи развивал и в своей рукописи «Патриотический дар». Он выдвигал здесь предложение составить как в Париже, так и во всех других городах и коммунах Франции реестр всех жителей, с тем чтобы каждый гражданин, достигший зрелого возраста и умеющий читать, писать и считать, выполнял бы поочередно (один или два раза в неделю) те или иные административные функции. До тех пор, пока просвещение не станет всеобщим, необходимо учредить в Париже и в других местах комитеты из просвещенных граждан; эти комитеты должны иметь совещательные функции и давать заключения и рекомендации по всем вопросам, подлежащим рассмотрению муниципалитетами. Обосновывая это предложение, Шапюи вновь резко нападал на систему выборов — неисчерпаемый источник подкупов, козней, несправедливостей, плутней, систему, служащую произвольной власти и политическим маневрам аристократии, преследующую цель внушить легковерным гражданам доверчивую покорность, заставить их подчиняться порабощению. Ведь при современном общественном строе, когда граждане находятся в состоянии войны Друг с другом, когда их интересы противоположны, лишь глупцы могут доверить свои права другим гражданам, предоставить им ведение общих дел, так как те всегда будут действовать в своих личных интересах и сообразно намерениям и целям главарей избирательного мошенничества.

Эти выступления Шапюи рисуют его как последовательного демократа, решительного сторонника прямого народоправства в духе учения Руссо. Следует принять во внимание, что они относятся к начальному периоду революции, к весне 1790 г., когда даже наиболее радикальные деятели вели борьбу лишь против установленного Учредительным собранием имущественного ценза, за всеобщее избирательное право. Пропаганда идея прямого народоправства «Социальным кружком», а затем частью якобинцев, относится к более позднему периоду, к 1791—1792 гг. При этом, как мы уже указывали в предыдущей главе, пропаганда эта сводилась в основном к требованию непосредственного участия народа в законодательстве путем одобрения всеобщим голосованием проектов законов, а не к требованию упразднения выборной исполнительной власти, требованию, которого не выдвигал даже такой решительный сторонник прямого народоправства, как Освальд. Шапюи же доказывал, что в условиях общественного строя, основанного на неравенстве, любая избирательная система всегда будет служить интересам господствующего класса, аристократии знати и богатства, всегда будет способом держать в порабощении народные массы. Эти высказывания Шапюи были по существу резкой критикой Учредительного собрания, буржуазных муниципалитетов и всей буржуазной административной системы, установленной во Франции после падения абсолютистско-феодальных порядков, разоблачением ее классового характера.

Шапюи предлагал далее «доказать французской нации, либо перед лицом ее представителей, либо с их согласия на собрании жителей всех классов одного из дистриктов Парижа», что человеческому роду предназначен социальный режим, который обеспечит Франции, а затем и всей вселенной: 1) полное упразднение всех бедствий, за исключением смерти и некоторых болезней, 2) всеобщую осведомленность о средствах совершенствования полезных и приятных искусств, 3) для двора — своего рода волшебные замки, 4) для духовенства и дворянства — несравненно лучшую участь, 5) всем французам без исключения — самое полное счастье, 6) уменьшение необходимого труда до нескольких часов, а в дальнейшем менее чем до одного часа в день, 7) увеличение населения Франции в четыре раза, 8) приумножение силы и здоровья, счастливую и продолжительную старость, 9) бессмертную славу для короля и французских Штатов, возродивших человеческий род и обеспечивших реальное счастье родине и всем нациям вселенной. Французы должны понять, что их теперешняя ассоциация является ложной, фиктивной, что соперничество, конкуренция, противоречие интересов и уголовные законы ни в коем случае не характерны для братства и ассоциации, что родина — общая мать, о которой им постоянно твердят, меньше всего является тем лже-общественным устройством, которое осуждает на войны, тяжелые работы и бедность неассоциированных. Он знает, конечно, что предлагаемый им новый режим истинно счастливой ассоциации может вызвать у многих те или иные сомнения. Но он готов рассеять их и представить соответствующие доказательства. Доказательств этих боится лишь «аристократическая лига», а добрые граждане не могут не принять его предложения. Лишь новый социальный режим на деле превратит империю французов в подлинно общую мать и счастливую родину, какой считают ее добрые, но слишком доверчивые граждане.

В других своих рукописных работах и набросках, относящихся к первым годам революции, к периоду Учредительного собрания, Шапюи вновь излагал и обосновывал как свои общественные идеалы, так и свои политические взгляды.

В этих рукописях и черновиках[44] Шапюи подвергает суровой критике как Неккера, так и Учредительное собрание. Его выпады против Неккера по своей резкости напоминают известные выступления Марата. Шапюи обвиняет его в грубом обмане народа. Давая народу иллюзорные обещания, этот «иностранный министр», путем скрытых операций по скупке, вызвал удорожание хлеба, приносившее 2—3 миллиона в день правительству и близким к нему людям, и в то же время понизившее на 1/3 заработок народа, который и до этого не имел возможности существовать на плоды своего труда. Это удорожание было новым чрезмерным и принудительным налогом, тем более несправедливым и опасным, что налог этот ложился несравнимо большим бременем на народ, чем на богатых. Эта скупка должна была посредством голода заставить народ подчиниться законам рабства, которые хотели бы ему предписать его теперешние поработители. Неккер, притворяясь человеком, заботящимся о благе народа, на деле исключил народ из Национального собрания, сделал так, чтобы народ был вынужден избрать депутатов из числа адвокатов, судейских и должностных лиц, «в то время как главным было то, чтобы депутаты третьего сословия не были ни привилегированными гражданами, ни склонными примкнуть к двум сословиям угнетателей народа и родины». Именно поэтому Национальное собрание не заботится о народных нуждах. Действительно, разве мыслимо, чтобы депутаты, считающие себя представителями 20 миллионов неимущих, голодных и несчастных граждан, не восстановили сразу же более низкие цены на хлеб, разрешив конфискацию всего зерна и муки, накопленного в складах и не вывозимого на рынок. Разве не удивительно, что Собрание, которое должно установить свободу и которое знает, что вся власть принадлежит нации, говорит о каком-то вето, не совместимом со свободой, как не совместима с ней и исполнительная власть, поскольку законодательная власть, отделенная от исполнительной, была бы иллюзорной. Нельзя поэтому доверять словам. При сложившихся обстоятельствах необходима осторожность; народ всегда должен быть начеку с тем, чтобы побуждать депутатов не уступать силе угнетателей и заставить удалить и заменить изменников из числа депутатов Национального собрания. В этих целях и была сформирована гражданская милиция. Но чтобы играть эту роль, она должна состоять из всех граждан, которые поочередно будут занимать в ней командные посты. «Если же рабочие, поденщики, солдаты, слуги и неимущие будут отстранены от этой службы, то из этого следует, что их безопасность но будет обеспечена, и тогда, вместо того чтобы отдать оружие, как их к тому призывают, они должны, наоборот, добыть наивозможно большее количество оружия с тем, чтобы учредить из своей среды милицию безопасности». В настоящее время оружие необходимо гражданам «как для того, чтобы обезопасить себя от кровавых козней и покушения со стороны их угнетателей, так и для того, чтобы не допустить других граждан третьего сословия претендовать на какие-либо права над народом».

В другом рукописном наброске, относящемся, как видно из текста, к 1790 г., Шапюи столь же резко критикует конституцию, разрабатывавшуюся Учредительным собранием, разоблачая депутатов, которые «под маской братства» хотят лишить 3/4: наиболее угнетенных членов общества их естественных и неотъемлемых прав, стремятся увековечить войну внутри нации, нужду, тяготы и бедствия, хотят удержать в рабстве слуг, рабочих, поденщиков, мелких торговцев. Нельзя поэтому складывать оружие до тех пор, пока не будут обеспечены изобилие и мир для всех без исключения. Общая воля требует изобилия, безопасности, доброго согласия, внутреннего и внешнего мира. Французы, продолжающие испытывать лишения и тяготы, еще не знают истины. Эта истина изложена в его афише от 20 марта 1790 г., истина, которой опасаются заговорщики аристократии и от которой, начиная с апреля 1789 г., они хотят отвлечь внимание народа.

Наиболее интересным среди черновиков Шапюи является, безусловно, обширная рукопись, посвященная анализу Декларации прав человека и гражданина. Это обстоятельный разбор Декларации прав с коммунистических позиций. Критикуя отдельные положения Декларации, в частности в вопросе о собственности, Шапюи в то же время стремится доказать, что ее общие принципы, при правильном их понимании и последовательном осуществлении, ведут к коммунистическому равенству, могут быть полностью реализованы — не формально, а по существу — лишь в коммунистическом обществе, при коммунистическом общественном строе. Шапюи одним из первых сделал эти радикальные выводы из Декларации прав, выводы, которые в дальнейшем, и в эпоху Французской революции, и в XIX столетии, многократно делали представители коммунистической мысли.

«Докажем, — пишет он, — необходимость ускорить величественное дело всеобщего изобилия, продолжая разбор Декларации прав». Далее он рассматривает эту декларацию по пунктам. Первая статья Декларации гласит: «Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе». Это — истина, заявляет Шапюи. Но как только «всеобщее изобилие» неизбежно приведет к полному исчезновению всех неурядиц, существовавших в тот период, когда нарушали естественные законы, и сделает бесполезным всякое насилие, чтобы обеспечить

выполнение законов, то с этой поры не будет больше никакой пользы в социальных различиях. Вторая статья гласит, что целью всякой политической ассоциации является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека. До сих пор правительства попирали естественные права граждан. Эти права могут быть обеспечены лишь в условиях «совершенного счастья». В той же статье к числу естественных прав отнесены свобода, безопасность и сопротивление угнетению. Свобода означает право делать все, что согласуется с естественными правами равенства. Эти естественные права равенства и свободы обеспечивают каждому человеку неотъемлемое равное право пользоваться, наряду с каждым другим французом, всеми продуктами земли Франции и всеми преимуществами, какие только могут существовать в обществе. Нельзя добиться счастья, нарушая закон равенства и стремясь стать счастливым не с помощью друг друга, а за счет других. Безопасность также может быть достигнута лишь в условиях общества, способного обеспечить каждому как пропитание, так и необходимую помощь в случае болезни. В подобном обществе не будет больше и угнетения.

Осуществление закона естественного равенства, предоставляющего всем равную возможность участвовать в общественной работе (operation social) и пользоваться социальными преимуществами, сделает абсолютно невозможным угнетение хотя бы одного человека, гарантируя каждому члену общества исполнение любого его разумного желания.

Шестая статья Декларации провозглашает, что закон является выражением общей воли. Следовательно, если будет доказано, что существующие законы противоречат общей воле, то от них следует отказаться. «Всеобщее изобилие, или неисчерпаемое снабжение каждого ассоциированного любого возраста всеми необходимыми, полезными и приятными предметами, включая все, что относится к питанию, одежде, жилищу, освещению, отоплению, чистоте, отдыху, здоровью, удовольствиям, образованию и искусствам,— а это, без ущерба и тягот для кого бы то ни было, является наилучшим социальным союзом, спокойствием для души и тела, внутренним и внешним миром, необходимым для совершенного счастья каждого ассоциированного, — вот что общая воля может несомненно установить как вечный закон, без того, чтобы когда-либо были предъявлены обратные требования. Поскольку общая воля, которой до сих пор так пренебрегали, более не может вызывать сомнения в отношении всех этих принципов, почему откладывать превращение их в закон?» В таком аспекте Шапюи рассматривает и другие статьи Декларации прав.

Совершенно понятно, что большое внимание Шапюи уделяет вопросу о собственности, отнесенной во второй статье Декларации к числу естественных прав. Под этим правом, заявляет он, следует понимать лишь право каждого располагать своей личностью, согласно законам свободы и равенства, и пользоваться, не нанося ущерба другим, всеми естественными и социальными продуктами, т.е. право на удовлетворение своих потребностей. Что касается земельной собственности, то она является не естественным установлением, а жалкой условностью, установленной в века варварства и сохранившейся до настоящего времени в результате заговора аристократических правительств. Эта пагубная собственность совершенно не совместима с социальными законами, так как эти законы запрещают вредить кому-либо из ассоциированных и предоставляют каждому равное право пользоваться как всеми продуктами земли, так и всеми социальными преимуществами. Эта собственность тиранически угнетает в пользу аристократии неисчислимое количество ассоциированных, лишая их права пользоваться с первого до последнего момента жизни с наивозможным изобилием воем необходимым, а только это и может обеспечить совершенное счастье. Собственность, следовательно, является под-линным воровством, мошеннически замаскированным.

Исходя из этих положений, Шапюи вновь развивает уже известную нам критику строя, основанного на частной собственности и деньгах. Критикуя этот аристократическо-политическо-старикашеский порядок (aristocrati-politi-barbonique), он рассматривает его теперь в свете положения, создавшегося после революции, осуждая законодательство Учредительного собрания. Он указывает, что лишение политических прав большей части населения, в том числе женщин, молодежи, ремесленников, мастеров, поденщиков, военных, слуг, преследует лишь цель увековечить этот пагубный строй. Этим аристократы хотят принудить к наемному труду (a des occupations salaries), труду утомительному, опасному, нездоровому, нищенскому, бесконечное количество граждан обоего пола. Они хотят с помощью нужды, утомительного труда, наказаний, домов призрения или пламени войны принести в жертву такое количество граждан, какое им заблагорассудится. Но эти граждане должны быть уж чересчур одурачены, если они будут медлить и не используют своих прав, чтобы избавить общество от этого ига. Всеобщее и обеспеченное изобилие может легко быть установлено «генеральной ассамблеей всех рабов аристократии, т.е. всех женщин, детей, достигших 16-летнего возраста, всех рабочих, слуг и неимущих», которая введет закон об отправлении всех должностей в порядке очереди, а затем примет другие необходимые меры для установления изобилия, доброго согласия и мира. Даже собственники, которые большей частью повинны в общественных бедствиях, в конечном счете выиграют от установления новых общественных порядков. Речь не может идти о наказании кого

бы то ни было за прошлое. Но собственники не будут иметь больше никакого оправдания, если они будут стараться еще дольше продлить свое исключительное пользование — причину несчастий себе равных, если они, под коварным покровом мошеннической конституции, будут лишать своих братьев их прав, если они будут предлагать им деньги, притом в недостаточном количестве, в виде эквивалента за продукты земли, которой они завладели, или в виде компенсации за их муки, за утрату ими своего отдыха, здоровья, безопасности, своих рук и ног и даже самой жизни.

Рассмотренные рукописи Шапюи делают еще более ясной его политическую позицию в первые годы революции. Решительный противник буржуазного законодательства Учредительного собрания, разрабатываемой им цензовой «мошеннической» конституции, и его экономической политики, выгодной скупщикам и спекулянтам, Шапюи видел во всех этих антидемократических мероприятиях лишь способ сохранить прежний общественный строй. Подлинное осуществление демократических лозунгов, провозглашенных революцией, он считал возможным только в случае ликвидации этого строя, основанного на частной собственности, в условиях коммунистического равенства. Разоблачая аристократических заговорщиков, стремившихся увековечить порабощение народа, он призывал народ сбросить их иго, призывал граждан вооружаться, чтобы пресечь козни как старых поработителей, так и новых, из среды третьего сословия, провести чистку Учредительного собрания, сформировать из рабочих, поденщиков, солдат, слуг и неимущих милицию безопасности. Он выдвигал, наконец, идею созыва генеральной ассамблеи всех угнетенных для введения прямого народоправства и осуществления мероприятий, необходимых для установления нового, коммунистического строя. Продолжая доказывать предпочтительность для самих собственников новых общественных порядков и обещая не наказывать их за прошлое, он в то же время предупреждал их о плохих последствиях, если они будут пытаться сохранить прежний общественный строй. Теперь Шапюи называл собственность «подлинным воровством, мошеннически замаскированным», предвосхищая, подобно Бриссо, известную формулировку Прудона. Особенно интересно, что он все больше уделял внимания наемным труженикам. В его рукописях 1790—1791 гг. нет уже никакого упоминания о крестьянах. Зато он многократно говорит о «рабочих», «поденщиках», «слугах», т.е. о наемных тружениках города и деревни, считая именно наемный труд основным бичом современного общество, той формой порабощения, которую хотели бы сохранить и увековечить собственники и сторонники старого порядка вещей.

У нас нет, к сожалению, материалов, которые позволили бы судить о политических взглядах Шапюи в последующие годы революции. Но зато мы имеем данные, относящиеся уже к послетермидорианскому периоду, которые свидетельствуют, что и в дальнейшем он не изменил своих убеждений. Шапюи оставался горячим сторонником коммунистических идеалов и продолжал их пропагандировать, излагая свои воззрения даже в публичных местах. Об этом свидетельствует следующий эпизод, относящийся к 1795 г., о котором мы имеем сведения как с его собственных слов, так и из других архивных документов.

В специальном мемуаре, написанном для разоблачения мнимых козней против него его кузенов Шодуэ и Ферру[45], Шапюи, между прочим, рассказывает о случившемся с ним происшествии, которое, по его мнению, доказывает, насколько Шодуэ и его «роялистская партия» стремились его погубить. «Он (Шапюи говорит о себе в третьем лице. — *А.И.*) заметил между двумя караульными помещениями на мосту Пон-Неф людей, очень внимательно читавших поджигательную афишу, имевшую целью возбудить народ. Одна набранная курсивом строчка, гласившая: Народ не давал Конвенту полномочий превратить его в раба или его истребить (egorger), побудила Шапюи сразу же заметить, что плохо подстрекать народ к движениям, которые приведут лишь к гражданской войне, и если даже предположить, что народу удастся ниспровергнуть все существующее, то на завтра возникнут другие западин, расставленные новыми интриганами, западни, которые будут беспрестанно возрождаться до тех пор, пока эти писатели, имеющие, по словам, столь благие намерения, не дадут наставления (instruction), много раз обещанного и от которого всегда уклоняются, без которого, однако, народ не мог бы сделать ничего хорошего ни для себя, ни для общества в целом — наставления, которое пишущий (т.е. сам Шапюи. — *А.И.*) не переставал делать как устно, так и путем вывешенного в Париже проспекта, адресованного даже мэру этой коммуны, с тем, чтобы проспект этот был сообщен секциями, с обязательством отправиться на то публичное собрание, которое будет ему указано, чтобы доказать устно и письменно, что народ... имеет возможность установить на своей территории, вопреки всем вступившим в коалицию державам, и в интересах поучения всех народов, социальный режим, всегда справедливый, всегда благодетельный, всегда избавляющий от тягот и лишений, наконец, всегда способный обеспечить для всего общества полное удовлетворение каждой потребности и каждого индивидуального желания, а также полностью гарантировать от всех бед, преступлений и беспорядков... Чтобы отвратить от этих взглядов... способных внести успокоение в умы читателей (упомянутой выше афиши. — *А.И.*) и собеседников, несколько молодых людей с мюскаденской внешностью, делая вид, что считают Шапюи якобинцем из-за его ровно остриженных волос, набросились на него, не зная, кто он, и не выслушав его, и потащили

без сопротивления с его стороны в одно из двух караульных помещений Пон-Нефа: после чего... повели его в сопровождении стражи и шпиков (mouchards), вечных врагов просвещения и спокойствия народа, в один революционный комитет поблизости. После того, как его выслушали, Шапюи был отпущен, несмотря на то, что его замечания по поводу поджигательной афиши и тех, кто ее поддерживал, в общем не понравились, хотя они должны были бы понравиться, тем более что Шапюи хорошо известен в квартале Пале-Рояля благодаря афише с его примирительным проспектом».

На следующий день Шапюи рассказал на службе (он служил тогда в бюро продовольствия) о приключившемся с ним. Он узнал при этом, что Шодуэ ответил комиссарам революционного комитета, пришедшим в бюро навести о нем справки, что он является сумасшедшим. Дело, однако, на этом не кончилось. «По приказу Комитета общественной безопасности Шапюи забрали у него на дому и отвели в Плесси», причем сам он был убежден, что это было делом рук сообщников Шодуэ. «Как бы то ни было, когда Шапюи, отправляясь в Плесси, сказал в присутствии конвойных своей экономке, чтобы она приносила ему каждый день крутые яйца... то на следующий день в газетах было объявлено о мнимом заговоре, построенном на красных и белых яйцах, доставляемых в Плесси сообщниками заключенных, так что Шапюи оказался руководящим участником этого знаменитого смехотворного заговора и в результате в первые 8—10 дней его лишили возможности видеть особу, доставлявшую ему питание и белье». Лишь с большим трудом ему удалось получить копию выдвинутых против него обвинений, и он начал писать возражение на жалобы, «изложенные роялистскими шпиками против его известных принципов гуманности, согласия и республиканизма». Шодуэ отказался его видеть, по другой его кузен, находившийся в то время в Париже, предпринял по его просьбе соответствующие шаги. «Комитет общественной безопасности, после информации, полученной от Комитета надзора секции, где проживал Шапюи, отдал распоряжение о его освобождении и о снятии печатей, наложенных у него на дому, и на четвертый день после предъявленного им протеста... он вышел из Плесси».

Этот рассказ Шапюи подтверждается и уточняется документами, хранящимися в Национальном архиве и в Архиве префектуры полиции. В фондах Комитета общественной безопасности имеется дело об аресте Шапюи[46], состоящее из двух документов. Первый из них — донесение «национального агента» при Парижском департаменте от 23 жерминаля III года (12 апреля 1795 г.), в котором приводится следующее сообщение Комитета надзора 11 округа: «Он (Комитет надзора. — *А.И.*) посылает также протокол, в котором нижеименованный Шапюи, проживающий на улице Нуайе № 42[47], обвиняется в том, что он говорил среди собравшихся на мосту Пон-Нотр-дам, что «неправильно поступили, вновь открыв церкви, и что лучше бы сделали, если бы вновь открыли народные общества; что все декреты, принятые после 9 термидора, не были благоприятны народу и что если бы даже издали декрет с целью обречь народ на рабство, то он и тогда имел бы глупость согласиться с этим; что секции состоят лишь из аристократов и что только народные общества могут спасти народ». Комитет, посылающий этот донос, признает, что обвиняемый, видимо, не совсем в своем уме. Достаточно бросить взгляд на прилагаемое печатное произведение (imprime), автором которого он является, чтобы убедиться в этом. Обвиняемого отослали домой и ожидают решения Комитета (т.е. Комитета общественной безопасности. — *А.И.*)».

Далее в этом деле имеется постановление Комитета общественной безопасности от 24 жерминаля (13 апреля), в котором сказано: «Комитет постановляет, чтобы гражданин Шапюи, проживающий на улице Нуайе № 42, был арестован и доставлен в тюрьму Плесси, а его бумаги и вещи опечатаны; поручает выполнение настоящего постановления революционному комитету 12-го округа[48]».

В Архиве префектуры полиции, кроме этого приказа об аресте Шапюи, имеется и другое постановление Комитета общественной безопасности, от 17 флореаля III года (6 мая 1795 г.). В нем говорится: «Принимая во внимание благоприятные сведения, полученные от революционного комитета 12-го округа о поведении и цивизме гражданина Шапюи, арестованного в связи с его высказываниями среди группы граждан, Комитет общественной безопасности постановляет, чтобы он был освобожден и чтобы всюду, где это необходимо, были сняты наложенные печати»[49].

Шапюи, как видим, был арестован в апреле 1795 г., т.е. непосредственно после жерминальских событий и накануне прериальского восстания. Положение в Париже было очень напряженным. Не удивительно, что и на мосту Пон-Неф была расклеена одна из афиш, направленных против термидорианского Конвента. Именно здесь[50] Шапюи стал громогласно излагать свои взгляды, что, очевидно, он делал не в первый раз. Естественно, что полицейские шпики обратили прежде всего внимание на его политические заявления. Из полицейского донесения явствует, что Шапюи осуждал термидорианский переворот и всю политику термидорианского Конвента, как направленную против интересов народа. Он высмеивал пассивность народа, готового согласиться даже с тем, чтобы его обратили в рабство, и утверждал, что секции состоят из аристократов и что только народные общества могут спасти народ, Но с его собственных слов мы знаем, что он говорил не только это; он излагал и свои коммунистические

убеждения и указывал на коммунизм, как на единственный выход из создавшегося положения, считая, что в противном случае народ, если даже и ниспровергнет существующий режим, то на завтра окажется в том же положении и станет жертвой новых интриганов. Другими словами, Шапюи не только критиковал термидорианскую реакцию, но и публично пропагандировал коммунистические идеи. Это подтверждается и донесением Комитета надзора 11-го округа, где имеется ссылка на его «печатное произведение», свидетельствовавшее, по мнению Комитета, о его ненормальности. Речь идет несомненно о его печатном проспекте с изложением «социального плана», о котором он упоминает и в своем рассказе, говоря даже, что он был хорошо известен в квартале Пале-Рояля благодаря этой «афише». Была это какая-нибудь новая афиша или его с гарая афиша 1790 г., мы в точности не знаем. Но во всяком случае он пытался ее распространять и теперь, весной 1795 г., так как иначе она не была бы доставлена в Комитет надзора после его арест на мосту Пон-Неф. Задержанный, а затем отпущенный на свободу, Шапюи через день был вновь арестован по приказу Комитета общественной безопасности и препровожден в тюрьму Плесси. В этой тюрьме Шапюи провел 24 дня (с 12 апреля по 6 мая 1795 г.), когда в результате вмешательства своих влиятельных родственников и благоприятного отзыва революционного комитета его округа был окончательно освобожден.

Это только один известный нам эпизод из жизни Шапюи в период термидорианской реакции. Но и он с непреложностью свидетельствует, что и в эти годы Шапюи оставался убежденным демократом и ревностным поборником и пропагандистом идеи коммунизма.

Общинный коммунизм Шапюи, с его «фаланстерами», был, конечно, очень далек от революционной действительности и носил гораздо менее реалистический характер, чем большинство других коммунистических учений и проектов эпохи революции. Но Шапюи не только страстно и последовательно защищал принципы коммунизма, одним из первых сделав коммунистические выводы из Декларации прав и демократических лозунгов революции. В его обстоятельной, подчас очень прозорливой общественной критике гораздо явственное, чем у многих других коммунистических идеологов этих лет, обнаруживаются социальные корни современной ему коммунистической идеологии, как идеологии предпролетариата, наемных тружеников, тех самых «рабочих», «поденщиков», «слуг», на которых он неоднократно ссылался, видя именно в наемном труде основное орудие их порабощения. Мечтая, как типичный утопист, о примирении всех социальных противоречий, доказывая преимущества коммунизма даже для собственников, Шапюи, в то же время, по мере развития революции, все более резко выступал против буржуазных политиков, начиная с заправил Учредительного собрания и кончая термидорианцами, все более настойчиво призывал народные массы взять судьбу в свои руки, свергнуть тяготеющее над ними иго и установить новые общественные порядки, обеспечивающие «совершенное счастье».

VI

Известно, что еще до революции **Сильвен Марешаль**[**], поэт и литератор, будущий участник заговора Бабефа[51], выступал как один из критиков социального неравенства. Уже в его раннем произведении «Le Temple de l'Hymen», изданном в 1771 г., содержатся выпады против богатых, осуждение нищеты народа и угнетения крестьян, восхваление золотого века, века свободы и невинности. В 1781 г. в «Livre de tons les agen» Марешаль дает более развернутую критику общественного неравенства, провозглашая труд первейшей обязанностью всех людей, и считает, что между людьми не должно быть других различий, кроме различий возраста, пола, ума и добродетели. В своей известной антирелигиозной поэме «Fragmens d'un poeme moral sur Dieu» он иронически провозглашает богом золото, которое повелевает в человеческом обществе, которому все доступно, которому служат с наибольшей охотой, и призывает людей, отнюдь не рожденных рабами, разбить свои цепи. В книге «L'age d'or», посвященной золотому веку, Марешаль описывает «невинный народ», занимающийся сельским хозяйством, не знающий торговли и искусств, живущий в согласии и руководствующийся «патриархальным кодексом», продиктованным природой. В 1784 г. выходит одно из главных произведений Марешаля предреволюционного периода, «Le livre echappe au deluge». Здесь он резко осуждает войны, королевскую власть, привилегии богатства, заявляет, что люди не были созданы для того, чтобы служить или быть обслуживаемыми, призывает их вернуться к природе, к своему первоначальному состоянию, когда они подчинялись лишь отцовской власти.

По мере приближения революции общественный идеал Марешаля становится все более определенным. В многотомном произведении «Tableaux de la fable», изданном в 1785—1788 гг. при его участии, имеются принадлежащие его перу страницы, в которых он уже прямо говорит об общности имуществ, как о своей заветной цели. Он вновь восхваляет золотой век, «во время которого все принадлежало всем», мечтает о тех «счастливых днях, когда люди, все равные, все братья, сядут за один стол, как дети одной семьи», заявляет о своем стремлении восстановить

[**] Пьер Сильвен Марешаль, его произведения и работы о нем: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech**.

«равенство положений и общность имуществ — эти два закона, столь же древние, как и природа».

В начале 1789 г., т.е. накануне выборов в Генеральные штаты, вышло в свет произведение Марешаля «Apologues modernes a l'usage du Dauphin; premieres lecons du fils aine d'un roi». В форме уроков дофину Марешаль излагал в ном не только свои радикальные республиканские взгляды, но и подвергал беспощадной критике современное ему общество, основанное на неравенстве, которое сравнивал с рынком рабов, где маленькие люди продают себя знатным, бедные — богатым, а знатные и богатые — еще более знатным и еще более богатым, где 3/4 являются рабами, а остальные хозяевами. Он призывал слуг, составляющих подавляющее большинство, отказаться работать на хозяев, напоминал о том времени, когда «все люди ели с одного блюда и каждый сообразно своим потребностям», и следующим образом формулировал свои социальные требования: «Сделаем землю общей для всех ее обитателей. Если среди вас есть кто-либо, имеющий два рта и четыре руки, определим ему двойную порцию. Но если мы все сделаны по одному образцу, поделим пирог поровну. Но одновременно пусть все приложат руки к тесту. Пусть каждый вернется в свою семью, пусть он служит своим родителям, пусть он приказывает своим детям и пусть все люди с одного конца света до другого протянут друг другу руки»[52].

С самого начала революции, которую он восторженно приветствовал, Марешаль развернул широкую публицистическую деятельность. Он писал политические стихотворения, издавал в начале 1790 г. антиклерикальную газету «Le Tonneau de Diogene», с октября этого года, после смерти Лустало, фактически редактировал газету «Revolutions de Paris», печатал различные брошюры. В своих статьях и памфлетах Марешаль наносил меткие удары по королевской власти, духовенству, церкви, одним из первых пропагандировал республиканские идеи. Хотя и увлеченный текущей политической борьбой, он и в начальный период революции отнюдь не предавал забвению свои общественные идеалы.

В феврале 1791 г. в «Парижских революциях» была напечатана анонимно (как и прочие его статьи в этой газете) статья Марешаля «О бедных и богатых»[53]. Она начиналась с заявления, что революцию сделали бедные, но они не извлекли из нее пользы, так как и после 14 июля 1789 г. они являются почти тем же, чем были до этого. Настоящий же друг людей воспользовался бы этой революцией, чтобы постепенно разрушить железную стену, отделяющую бедного от богатого. «Все вы, кто имеет сверх необходимого, поделитесь с теми, кто не имеет достаточно... Богатые, согласитесь по доброй воле на аграрный закон. Пусть новый кадастр, предусматривающий маленькие равные доли, осуществит эту торжественную конституцию, которая провозглашает всех людей равными»[54]. Этого нельзя, однако, достичь сразу. Бедные не должны прибегать к насилию. Богатые должны продолжать пользоваться своими теперешними владениями. Необходимо еще некоторое время терпеть этот беспорядок, чтобы избежать еще большего. Посредничество между богатыми и бедными должны взять те, кто имеет не слишком много и не слишком мало, те граждане среднего достатка, которые являются носителями просвещенного разума и которые подготовили революцию. Часть из них должна обратиться к богатым и убедить их, что в их же интересах осуществить аграрный закон, так как бедняки осознали свои права и не будут больше удовлетворяться благотворительностью; поэтому пусть каждый богатый предоставит часть своих владений неимущим и превратит их в собственников. Другие должны обратиться к беднякам, призывая их настаивать на своих правах, но не прибегая к насилию, объясняя им, что они напрасно добились свободы, если вновь не станут собственниками, что революция является недействительной, если 3/4 населения Франции не владеет даже четвертью земельной собственности, что они имеют право требовать для каждого отца семейства из неимущего класса маленькое поле и хижину. Так постепенно уменьшится число бедняков и богачей и установится средний достаток, братское равенство, без которого нет настоящей свободы и длительного мира. «Вы все,— заявлял в заключение автор, обращаясь к беднякам,— должны стать в один прекрасный день собственниками; но чтобы стать ими, вам необходимо приобрести познания, которых вы не имеете»[55].

В мае Марешаль опубликовал в «Парижских революциях» новую статью[56] в ответ на выступление Лагарпа в «Меркурии» с резкой критикой статьи «О бедных и богатых». Лагарп, указывал Марешаль, объявляет сумасшедшими сторонников аграрного закона. Но в таком случае сумасшедшими являются Моисей, Минос, Ликург, Платон, Руссо, «так как они базировали свои конституции на общности или равном распределении имуществ». На заявление Лагарпа, что если он предложит аграрный закон в Национальном собрании, в секциях или департаментах, то увидит, как будет там принят, Марешаль отвечал, что если бы он хотел предложить аграрный закон, то, разумеется, не предложил бы его ни Национальному собранию, ни департаментам и секциям. «Там мы можем найти лишь собственников, активных граждан, подобных вам, которые, как и вы, выпустили бы в нас залп софизмов и брани». «Кроме того, — писал далее в своем ответе Марешаль, — вы не видите, что французская революция... является настоящим аграрным законом, осуществляемым народом. Народ вступил вновь в свои права. Еще шаг вперед, и он вступит вновь во владение своим имуществом»[57].

В этих статьях Марешаль выступал как эгалитарист, сторонник равного раздела собственности, причем предлагал осуществить этот «аграрный закон» не путем принудительного перераспределения земли, а мирно и постепенно.

Однако в том же, 1791 г. Марешаль опубликовал анонимную брошюру «Госпожа природа у решетки Национального собрания»[58], свидетельствующую о его верности идеалу коммунизма. Мысль о том, что революция не завершена, поскольку она еще не ликвидировала социального неравенства, мысль, которую мы находим уже в статье «О бедных и богатых», получает в этой брошюре свое дальнейшее развитие. Революция, заявляет автор, провозгласила людей равными и свободными, но порядок вещей, хотя и в иных формах, остался прежним. «Еще возвышается железная стена между теми, кто имеет чересчур много, и теми, кто не имеет достаточно». Свобода является лишь прекрасной и бесплодной фикцией закона. Люди скованы нуждой. Голодный человек не может быть свободным. «Лохмотья нужды, так же, как и ливреи порока, отталкивают свободу». Всюду существуют «золотые цепи социальной зависимости». Упразднено дворянство, но продолжают существовать бедные и богатые, хозяева и слуги. Революция еще не совершена. Для этого нужно упразднить все «социальные гнусности». В своей брошюре Марешаль также не призывает еще к новой насильственной революции. Он высказывает убеждение, что достаточен отказ бедных служить богатым, чтобы последние осознали свою полную зависимость от бедных и согласились «на новый, более равный раздел». Но, говоря об этом «равном разделе», Марешаль имеет в виду уже не уравнительный раздел земельной собственности между всеми гражданами, а ее обобществление с последующим ее распределением между отдельными общинами. Таким образом, если в статье «О бедных и богатых», преследовавшей ближайшие практические цели, Марешаль выступал за постепенное уравнение имущественных различий путем перераспределения земельной собственности и превращения всех граждан в собственников, то в своей брошюре, излагавшей его самые сокровенные идеалы, он определенно высказывался за обобществление имуществ, за то, чтобы «вновь сделать общим все, что подверглось разделам чудовищного неравенства».

Марешаль был одним из представителей демократической интеллигенции, тесно связанных с «Социальным кружком». Принимал ли он участие в «Социальном кружке» с самого момента его основания? Это один из тех вопросов, на которые трудно дать ответ. Но что Марешаль был связан с «друзьями истины» и рассматривался ими как единомышленник, мы знаем со слов Фоше. В номере 22 «Железных уст» от 22 февраля 1791 г. приводится выступление «генерального прокурора», т.е. Фоше, в котором он говорил о работах выдающихся художников, посвятивших свою кисть увековечению прекрасных поступков своих сограждан. «Одним из этих артистов, — указывал он, — является Н.Марешаль (брат Сильвена. — *А.И.*), художник, пишущий картины на исторические сюжеты, посвятивший свою кисть славе отчизны, как его великодушный брат посвятил ей свои песнопения и свое перо»[59]. Как видно из этого отчета, не кто иной, как сам Фоше, в своем выступлении на федеративном собрании «друзей истины» дал столь лестную характеристику Сильвену Марешалю и его литературным трудам[60].

Марешаль был хорошо знаком с Бонвилем. Говоря о взаимоотношениях Бонвиля и Марешаля, М.Домманже заявляет: «К сожалению, ничего не известно об их отношениях в течение 1792 года»[61]. Это не совсем так. Уже в конце 1792 г. мы находим упоминание о Марешале на страницах «Месячной хроники». В декабрьском номере журнала, в информации о публикуемых книгах, упоминаются «Поправка к революции Сильвена Марешаля, Альманах республиканцев того же автора»[62]. Предварительное рекламирование этих двух произведений Марешаля не было случайным, так как обе книги печатались издательством «Социального кружка». Работы эти были сданы в печать уже во второй половине 1792 г. Следовательно, в течение этого года Бонвиль и Марешаль продолжали поддерживать близкие отношения. «Альманах республиканцев» вышел в свет (хотя и с датой 1793 г.) в конце 1792 г. Это видно из того, что уже 3 января 1793 г. в «Бюллетене друзей истины» Бонвиль опубликовал хвалебный отзыв об этой работе Марешаля[63], а на следующий день, 4 января, она была представлена Конвенту. Что касается находившейся еще в печати «Поправки к революции», то она продолжала рекламироваться Бонвилем как на страницах «Месячной хроники», так и в «Бюллетене друзей истины». Извещение о предстоящем выходе в свет этого нового произведения Марешаля мы находим в февральском номере «Месячной хроники»[64], в № 49 «Бюллетеня» от 17 февраля 1793 г.[65] и в ряде последующих номеров. В майском номере «Месячной хроники» было объявлено уже о выходе из печати этой книги[66].

Марешаль не только издал два своих произведения под маркой «Социального кружка», но и стал одним из деятельных сотрудников «Бюллетеня друзей истины». В том же четвертом номере «Бюллетеня», в котором опубликован отзыв об «Альманахе республиканцев», было перепечатано из другой работы Марешаля четверостишие, посвященное Бонвилю, в котором Марешаль восхвалял последнего как предвестника святой свободы и трибуна народа. Начиная с 24 января и по 15 апреля 1793 г. Марешаль опубликовал на страницах «Бюллетеня» — и под своим собственным именем и под псевдонимами-анаграммами — многочисленные статьи, заметки,

стихи, свидетельствующие о его самом активном участии в этом последнем печатном органе «друзей истины». На страницах «Бюллетеня» Марешаль вновь резко осуждал социальное неравенство и деятелей революции, не решивших стоявших перед ними задач. Следует при этом указать (на что не обратил внимания Домманже), что некоторые материалы, опубликованные Марешалем в «Бюллетене друзей истины», являлись лишь параграфами его новой печатавшейся в то время книги «Поправка к революции». Приведем в виде примера социальной критики Марешаля его притчу о руках в номере «Бюллетеня» от 13 апреля 1793 г., включенную в «Поправку к революции» в виде 35-го параграфа. В притче этой говорится о раздорах между правой и левой рукой, с тех пор как человек упразднил полное равенство, которое прежде царило между ними. <Счастливы люди, — заключает автор, — если они не ведут себя в отношении друг друга так, как они поступают со своими руками»[67].

Еще накануне революции Марешаль опубликовал свой знаменитый антирелигиозный «Альманах честных людей», сожженный по приговору парижского парламента рукою палача и послуживший поводом к аресту автора. «Альманах республиканцев»[68], вышедший в конце 1792 г. в издании «Социального кружка», — это тоже календарь, в котором дни посвящены не святым и религиозным датам, а знаменитым людям, философам, ученым, просвещавшим человечество, различным знаменательным событиям из истории борьбы народов за свободу, памятным датам Французской революции. Понятно, что это произведение, преследовавшее прежде всего антиклерикальные цели, не давало Марешалю возможности в сколько-нибудь систематической форме излагать свои общественные воззрения. Но и в этом календаре, посвященном борцам за свободу и счастье человечества, выявляются социальные устремления и идеалы автора.

День 6 марта Марешаль посвящает Анахарсису и в этой связи пишет: «У скифов, как почти всюду, законы не обрушивались на знатных и богатых; они наносили удар лишь по маленьким людям и бедным; Анахарсис проповедует своим соотечественникам равенство прав...»[69] 9 июня посвящается Клеомену: «Неравенство состояний,— указывает автор,— достигло такой степени, что аристократия богатств угрожала общественной свободе. Клеомен поставил предел слишком большим владениям»[70]. По поводу 28 июня — дня Руссо — Марешаль восклицает: «Народ, он посвятил тебе свое пламенное красноречье; его перо отомстило за тебя богатым и знатным»[71]. День 6 июля посвящен Томасу Мору, что является прямым свидетельством знакомства Марешаля с жизнью и деятельностью основоположника утопического коммунизма и уважения, с каким он к нему относился. Среди других ссылок интересно упоминание о Шамуссэ, который характеризуется как «превосходный гражданин»[72]. Шамуссэ был автором проекта, озаглавленного «План дома-ассоциации, в котором каждый ассоциированный, за весьма умеренную сумму, обеспечит себе в случае болезни все виды помощи, которые может пожелать». План Шамуссэ, являвшийся проектом своего рода страхового товарищества, имел целью организацию на паевых началах больницы, в которой каждый из ассоциированных находил бы в случае болезни уход и лечение[73]. Предлагаемая Шамуссэ ассоциация носила узкий и ограниченный характер, но все же включение Марешалем этого автора в свой календарь весьма знаменательно как свидетельство его интереса к различного рода «ассоциативным» проектам.

В этой связи заслуживает особого внимания следующее. День 9 декабря Марешаль посвящает «Бюше, сапожнику», обосновывая эта так: «Он убедил своих сотоварищей работать вместе и сделать общим продукт своего труда, чтобы использовать его для облегчения участи больных и неимущих; и это братское учреждение существует до настоящего времени»[74]. Речь идет об Анри-Мишеле Бюше, учредившем в 1645 г. общество «братьев-сапожников», а в 1647 г. общество «братьев-портных» — объединения ремесленников, работавших совместно и выделявших часть своего заработка на помощь бедным[75]. Об этих «братьях-сапожниках» Марешаль весьма благожелательно упоминал в одном из своих дореволюционных произведений. «Современники, — писал он там,— не обратили также внимания на почтенную общину, организованную в 1645 г. под названием «братьев-сапожников». Члены этого безвестного, но достойного уважения общества делают общим все, что приносит их труд; после вычета хозяйственных расходов остаток распределяется среди бедных...»[76] Интересно отметить, что Марешаль ссылался при этом на три таких объединения ремесленников в Париже. Действительно, в 80—90-х годах XVIII столетия в Париже было несколько такого рода ремесленных ассоциаций, о которых Мерсье писал в эпоху Директории: «В Париже существует несколько обществ ремесленников, которые, добровольно объединенные любовью к труду и благочестием, являют собой чистый образец той праведной жизни, которую с давних пор понапрасну искали в монастырях. Между ними особо следует отметить общество «братьев-портных» на улице Гранд-Трюандери. Эти честные и трудолюбивые ремесленники образовали из доходов от своего общего труда капитал в 156 650 ливров, помещение коего обеспечивало им зажиточность и давало возможность заниматься благотворительностью»[77]. В данном случае не имеет особого значения истинная суть подобного рода ремесленных объединении, носивших характер религиозных братств, и постепенно, по мере развития капитализма, превращавшихся в кооперативно-паевые товарищества. Важно и существенно, что Марешаль отводит их основателю место в своем

календаре и видит в них поучительный пример коллективных товариществ.

Подробному изложению общественных воззрений и идеалов Марешаля посвящена другая его книга, опубликованная издательством «Социального кружка» весной 1793 г., — «Поправка к революции», являющаяся безусловно его основным теоретическим произведением.

«Поправка к революции»[78] — теоретический трактат, носящий, однако, несколько своеобразную форму. Он не делится на главы или какие-либо разделы, а состоит из 163 параграфов. При этом параграфы эти отнюдь не расположены в систематическом порядке. Нет не только стройности в изложении, но и какой-либо логической последовательности. Каждый параграф представляет как бы самостоятельное целое и не связан обычно с предыдущими и последующими параграфами, которые можно поэтому легко переставлять, не нанося ущерба всему произведению в целом. Одну и ту же мысль Марешаль излагает в той или иной форме или в том или ином варианте в самых различных местах своей книги. Очень запутанна и его терминология. Некоторые употребляемые им термины не имеют общепринятого значения, а используются автором для обозначения совсем иных понятий. Все это чрезвычайно затрудняет анализ этого произведения Марешаля, раскрытие истинной сущности его воззрений. Этим, очевидно, и объясняется, что трактат Марешаля не только не получил сколь-либо широкого отклика в момент своего опубликования, но и в дальнейшем не был оценен по достоинству и не занял подобающего ему места в истории общественной мысли.

Основная идея произведения Марешаля — отрицание гражданского общества, как противоестественной и пагубной для человека формы общежития, и противопоставление ему семьи, как единственно естественной и необходимой людям общественной ячейки. Марешаль полагает, что абсолютно изолированных индивидуумов никогда не существовало. С самого начала человеческого рода были семьи. Человек родился не в обществе, а в семье (4—5). Первоначально люди жили под сенью естественных законов счастливыми и мирными семьями (3). Это и был золотой век (285), о котором сохранилось воспоминание у человечества. То был период «патриархального правления», когда семья подчинялась старшему в роде (2). Человек все имел в семье, ему не было надобности учреждать более крупную ассоциацию (5). Однако люди совершили роковую ошибку и образовали гражданское общество. Появились обширные государства с сотнями тысяч и миллионами жителей, не связанных с друг с другом кровным родством, чуждых и враждебных друг другу. Если раньше семьи добровольно подчинялись своему главе, что было естественно и разумно, то теперь появилась королевская власть с ее произволом (6). Все было потеряно, как только человек согласился подчиняться другим людям, кроме своего отца (10). «Человек не был рожден для гражданского общества и не предназначен жить в нем, потому что гражданское общество не является творением природы» (14).

Именно гражданское общество и создало общественное неравенство между людьми. «Умственное и физическое неравенство людей было уже более чем достаточно, чтобы связывать людей друг с другом цепью взаимных нужд. Все было потеряно, когда люди выдумали неравенство состояний и общественного положения» (22). Люди «предпочли семейным узам социальные цепи» (24). В обществе люди находятся в том же положении, как и при рукопашной схватке: каждый стоит сам за себя. Царит всеобщий эгоизм. Руководствуются принципом: спасайся, кто может (41). Обычным состоянием общества, даже во время мира, «является состояние внутренней и скрытой войны, более опасной, чем открытая вражда» (169). «Гражданин всегда пользуется глупостью своего соседа. Скупой накопляет за счет расточительного. Банкротство негоцианта обогащает несколько других коммерческих домов. Врач обязан своей дородностью судьбе своих больных и т. д.» (170). Богатые могут быть богатыми лишь за счет других (153). Благами общества, о которых так много любят говорить, пользуется лишь 1/10 его членов (36—37). Цивилизация, конечно, имеет благие последствия, но на миллион людей, объединенных в обществе, лишь сотня пользуется ее плодами; на долю остальных приходятся лишь шипы (87).

Особенно остро проявляются общественные противоречия в городах — этих громадных скоплениях людей. Города, творения рук человеческих, внешне представляют собой внушительное зрелище. Но сколь дорого платит за это человек. «Его города являются для него позолоченными тюрьмами. Сколько стонов под этими богатыми украшениями! Сколько несчастных обитает в этих процветающих городах!» (35). «Не нужно судить о процветании больших городов и о привлекательности общества по местам гуляний и публичным спектаклям... Нужно наблюдать народ больших городов на рынках или в предместьях; в грязных логовах многочисленного класса неимущих нужно собирать сведения о преимуществах объединения людей в общество; выходя из будуара танцовщицы, из садов какого-либо гистриона, необходимо посетить остальную часть горожан, распростертых на трухлявых убогих ложах, агонизирующих в госпиталях, вырывающих друг у друга кусок хлеба, выброшенный лакеями, гибнущих под тяжкой ношей и оспаривающих у вьючных животных самые низкие и самые тяжелые работы» (35—36). Разве есть большая разница между дикими племенами и чернью Лондона, Парижа и других городов — «то же огрубение, те же эксцессы, та же нужда». Народ прекрасен по природе, но он необразован, да и не может быть

образован, так как не имеет ни одной свободной минуты (265-267).

Гражданское общество состоит из людей, которые служат и которым служат, из людей, превращающих себе подобных в своих вьючных животных, и тех, которые ими становятся (75—76).[150]

«Гражданское общество — не что иное, как ассоциация наемных рабочих (manoeuvres salaries), посвящающих свое тяжелое существование благосостоянию горстки сибаритов-деспотов» (234). Как же может быть хорош порядок, при котором богатый всегда является более сильным и может обходиться без добродетели, а бедный всегда терпит поражение и не извлекает никакой пользы из своих добродетелей (77)? Разве хорош порядок, при котором благосостояние одного основано на лишениях другого? (256). Отсутствие гармонии в гражданском обществе и все связанные с этим беды проистекают из неравного распределения труда между его членами. Одни делают все; другие — ничего. Чрезмерность труда отупляет одних; чрезмерность безделья развращает других (301—302). В этих условиях не может быть хороших нравов. Человек не рождается злым, но его делает злым общество. «Неравенство общественного положения и состояний — основа гражданского общества — является причиной злобы, которую приобретают цивилизованные люди: богатство и надменность делают черствыми сердце и осушают душу; бедность и презрение ожесточают дух» (219). Религия, однако, освящает неравенство и всячески стремится оправдать и поддержать существующее положение.

Бедствия гражданского общества коренятся в нем самом и не связаны с формой правления. Существует три рода деспотизма: одного человека, нескольких и всех. Ни в одном из этих случаев нет подлинной свободы (1). Все формы правления — монархическая, республиканская и смешанная — не вытекают из естественного права, а являются творением развращенного человека (32). «Все правительства мира являются дефектными»; нужно столь же опасаться республики, как и монархии (68).

Марешаль подвергает самой резкой критике не только прежние, монархические, но и новые, республиканские порядки, установленные во Франции в результате революции. Он заявляет, что напрасно меняли форму правления, меняли монархию на республику: «Народы переходили во власть других хозяев и продолжали оставаться рабами» (94). Во Франции, наконец, освободились от королей; но выйдя из одной бездны, следует опасаться попасть в другую (90). «Мы расправились с одной бандой врагов, будем же опасаться, чтобы другая шайка разбойников не поджидала нас на другом конце леса» (96). «Французская революция уничтожила личную зависимость, но она совершенно не затронула прислужничество (domesticite) ... Народ почти повсюду находится в нужде» (76). «Больше нет крепостных, вассалов; но еще есть богатые и бедные, хозяева и слуги; а мы, как нам говорят, все — равны, все братья» (172). Вот уже три или четыре года во Франции обходятся без священников и принцев, и от этого французы не чувствуют себя хуже. Однако осталась «аристократия богатых», сохранились роскошь, сластолюбие, испорченность нравов (284— 285). Не изменился, по существу, и сам народ, столь же невежественный, как и прежде. «Сегодня, когда сказали народу, что все люди являются свободными и рождаются равными в правах, народ (опять-таки из-за отсутствия образования) сразу же перешел из одной крайности в другую: он был низким, он стал дерзким» (303-304).

Марешаль резко критикует всю систему республиканского правления, начиная с «первичных собраний» и кончая «национальными собраниями», находящимися на поводу у горстки депутатов (189—190). «Разве, — восклицает он, — места в республике не предоставлены уже тем, кто больше всего производит шума, интригует с наибольшим бесстыдством, тем, кто кричит о пожаре, который они сами зажгли, чтобы иметь возможность воспользоваться беспорядком?» (277). Относясь резко критически к новой республике, Марешаль отрицает столь распространенные в то время понятия «гражданских добродетелей», даже такие, как любовь к родине, патриотизм (21). «Природа не хотела сделать из нас граждан, патриотов», — заявляет он (132). Понятие родины является абстрактной идеей, политическим призраком (296).

Общий вывод Марешаля в оценке Французской революции сводится к следующему: «Мы бросили в огонь скипетр королевской власти, ферулу духовенства, грамоты дворянства. Очень хорошо. Но революция заключается пока что в словах, она еще вся в теории. Ее еще нет на деле. Свобода человека, равенство — предмет чаяния всех патриотов — права человека, обязанности гражданина — мы хорошо знаем все это, мы знаем это наизусть и даже грудной ребенок уже лепечет первые слоги. Но пользуются ли ими в действительности взрослые люди и практикуют ли они их исправно? Являемся ли мы более счастливыми? Увы, нет... Пока будут существовать слуги и хозяева, бедные и богатые, пока люди будут составлять народ, не будет свободы, не будет равенства! Революция еще совсем не совершена» (306—307).

А. Р. ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Итак, Французская революция, упразднившая монархию и установившая республиканские порядки, ничего не изменила по существу, не ликвидировала общественного неравенства, не обеспечила людям подлинной свободы, подлинного равенства, подлинного счастья. Следовательно, настоящей, истинной революции еще не было. Ее еще предстоит совершить. «Без общего преобразования, без всеобщей реформы не следует надеяться очистить гражданское общество от всех злоупотреблений, которыми оно кишит» (93). Подлинно великая и прекрасная революция, которую должны были осуществить избранники народа, заключалась бы в том, чтобы вернуть человечество к первоначальной свободе и разбить пружины гражданского общества, вместо того чтобы их вновь натянуть (89). Создавая людей, природа отнюдь не имела намерения сделать из них богатых и бедных, хозяев и слуг, граждан и солдат, представителен и представляемых (89--90). «Гражданское и политическое общество отнюдь не является постоянным состоянием человеческого рода. Это, быть может, лишь известная модификация, через которую он должен был пройти, чтобы достичь предела совершенства» (70). Таким совершенством является «патриархальное правление», «патриархальный режим». Быть может, и было нужно, чтобы роковой опыт заставил людей понять несовершенство созданного ими гражданского общества. «Необходимо было, чтобы люди накопили достаточно знании, дабы вернуться по собственному выбору к первоначальному состоянию, в котором они пребывали вначале и от которого они отклонились...» (49). «Человек исчерпал все возможные формы правления. Наступило время, чтобы он вернулся к исходному пункту» (12).

Природа не создала человека для общества, более обширного и сложного, чем семья, чем общество его близких. Это единственно естественное установление (15—16). Домашнее хозяйство, отцовская власть, сыновнее подчинение — естественное право (32). Свобода избегает больших скоплений людей; она охотно пребывает в лоне изолированной семьи, управляемой старшим (1—2). Частные добродетели являются единственно реальными добродетелями. «Вернуть людей к домашней жизни, значит вернуть их к состоянию совершенства» (21). Необходимо, следовательно, отказаться «от мании больших ассоциаций, дабы быть счастливыми, будучи собранными в малом числе» (14). «Счастье нельзя найти ни в одиночестве, ни в толпе» (290). «Не только сама природа вещей, но и теперешнее состояние гражданского общества... делают необходимым разделение людей на бесчисленное число маленьких ассоциаций» (154). Необходим не «социальный пакт», а «семейный пакт» (65). Гражданин, достигший совершеннолетия, должен иметь право отказаться от гражданских законов своей страны. «Должны быть пустопорожние земли, готовые принять семьи, которые, обходясь собственными средствами, не считали бы нужным придерживаться общественного договора...» (108). Конечно, это внушительное зрелище — вид 1000 или 1200 законодателей, собравшихся, чтобы покончить с предрассудками двенадцати веков. Но еще предпочтительней было бы зрелище 1200 отцов семейств, живущих поблизости друг от друга, мирно практикующих естественные законы и показывающих пример остальным 25 миллионам людей (87—88). «Разделимся же по-дружески на маленькие группы. Человек не должен подчиняться человеку; только его отец имеет право им командовать. Король или представители, гражданский кодекс, политическая конституция — все это, быть может, и является прекрасным, но все это совершенно бесполезно для человека в семье, предпочитающего домашний мир эфемерному и гибельному блеску цивилизации» (88—89).

Итак, Марешаль видит истинную задачу революции не в замене монархической формы правления республиканской, а в ликвидации гражданского общества и политической власти и в разделении людей на отдельные семьи. Достичь этого он считает возможным путем постепенного выделения из общества отдельных «семейств», поселяющихся на свободных землях, пока все общество не распадется окончательно на такие семейные группы. Основной вопрос, решающий для правильного понимания общественного идеала Марешаля, несомненно следующий: что же понимает он под «семьей», под семейной организацией, к которой призывает вернуться. Многочисленные высказывания и рассуждения в «Поправке к революции» дают, при внимательном ознакомлении с этим произведением, ясный и недвусмысленный ответ на этот вопрос.

Марешаль называет «семью», которую он имеет в виду, «маленькой ассоциацией», или «обществом». «Семья является обществом», — заявляет он (127). Семья — это «небольшое число индивидуумов, объединенных кровными узами» (93). «Человеку естественно жить в обществе своих родственников и своих друзей» (31). Итак, «семья», в понимании Марешаля,— это объединение всех родственников в самом широком смысле слова. Марешаль даже вполне точно определяет численность проектируемой им семейной ассоциации. «Семья, состоящая из ста индивидуумов, могла бы обойтись без остальных людей, даже не лишаясь сладостей и благ жизни» (143). Люди должны были бы «всегда держаться своих семейств и никогда не жить вместе больше ста человек» (229). «Нет ничего более слабого на свете, чем одинокий человек; нет ничего более сильного, чем сотня разумных и вполне согласных между собой людей, объединенных узами крови и интереса» (255). Естественный закон достаточен «для сотни людей, объединенных узами крови» (288). «Для человеческого рода и для земли, на которой он обитает, более выгодно

видеть рассеянными на всей земной поверхности 40 000 семейств, каждое из 100 человек, чем видеть собранными в нескольких пунктах земного шара 4000 городов по 10000 человек» (288).

Сомнения невозможны. Под термином «семья» Марешаль понимает не семью в обычном смысле слова, а обширные семейные союзы. Предлагаемые им «маленькие ассоциации» — это общины из ста лиц, связанных кровными узами. Власть отца, о которой он неоднократно говорит как о единственно законной власти, — это власть старшего в роде.

Для обоснования своего общественного идеала Марешаль ссылается на целый ряд примеров. Он прежде всего стремится доказать, что существовали и существуют не только крупные государства, но и маленькие общества. Конкретно он указывает на маленькие республики древней Греции (273—274), на республику Сан-Марино, существующую 1300 лет, имеющую территорию диаметром в 2 лье и всего 5 тысяч жителей, и на Швейцарию, где имеются вольные города с населением 1200—1500 человек (221). В одном месте он заявляет даже, что «необходимо было бы рассеяться и не образовывать государств, более значительных, чем маленькая республика Сан-Марино» (116). Марешаль не ограничивается, однако, ссылками на мелкие республики и города-коммуны. Он ссылается и на родовые союзы индейских племен в Америке, где члены одной семьи живут совместно в условиях «патриархального правления» (134), на «мелкие племена», занимающиеся сельским хозяйством, живущие патриархально, семьями (64). Наконец, он ссылается и на традиционный для защитников общинных идеалов пример французских крестьянских общин. «Разделение человеческого рода на изолированные семьи, не зависимые друг от друга, и счастливые последствия этой революции — все это вовсе не платоническая мечта. Поскольку все это было осуществлено, нет ничего более возможного, чем осуществить это снова; то, что имело место несколько раз, может иметь место бесчисленное число раз. Хотят примеры? Пусть вспомнят о семье Пиньу и Пенсон, проживающей вот уже три или четыре столетия в пол-лье от Тьера в Оверни... и семью Флерью, проживающую в течение долгих лет в Вальдажу в полутора лье от Пломбьера, в той части Вогезов, которая соприкасается с Франш-Конте» (286— 287). Французские крестьянские общины в Оверни и Франш-Конте действительно вели свое происхождение от старых семейных союзов и именно поэтому назывались по своим родовым именам, в том числе и община Quitard Pinon (а не Pignou, как неправильно пишет Марешаль). Эти общины он и приводит как образец «семейств», на которые должно распасться современное гражданское общество. Именно такого рода семейные общины и являлись его общественным идеалом.

Овернские и другие крестьянские общины трактовались современниками как коммунистические общины с общностью имуществ и совместным трудом. Тот факт, что Марешаль ссылается на пример этих общин и призывает им подражать, уже сам по себе свидетельствует, что предлагаемые им «маленькие ассоциации», семейные союзы из ста лиц — это общины, основанные на коммунистических началах. Правда, некоторые фразы и положения Марешаля, вырванные из контекста, могут создать впечатление, что он сторонник равной собственности отдельных, не зависимых друг от друга лиц. Так, он заявляет, например, что человек не будет счастлив и добр до тех пор, пока не будет обладать достаточным промыслом, чтобы самому удовлетворять свои потребности (105). Он указывает, что люди могут жить, и не работая совместно, и что даже два человека могут жить и удовлетворять свои потребности, не прибегая к помощи других (84). Он, наконец, говорит о том, что природа предписала людям разделить землю на равные части, с тем чтобы никто не имел большую долю, чем другие (157—158) и что «один-единственный индивидуум, лишенный своего поля, является оскорбленном, нанесенным всему человеческому роду, несправедливостью, за которую весь человеческий род солидарно ответствен» (184). Означает ли это, что Марешаль предлагал, чтобы каждый человек обладал равной земельной собственностью, работал непосредственно на себя и сам удовлетворял свои потребности? Но ведь это, с его точки зрения, было бы явным абсурдом. Ведь Марешаль принципиально не признает государства и гражданского общества. В таком случае, если бы люди вели отдельное хозяйство и сами бы удовлетворяли свои потребности, к чему были бы и «маленькие ассоциации», на необходимости которых он так настаивает. Это противоречило бы и его категорическому утверждению, что человек никогда не жил изолированно, что одинокий человек — это самое слабое существо на свете, а самое лучшее — это прочный союз ста лиц. Но такого противоречия в книге Марешаля нет. Все указанные выше заявления преследуют другую, чисто полемическую цель. Критикуя гражданское общество, доказывая, что оно вовсе не нужно людям, полемизируя с темп, кто превозносит блага общества, Марешаль хочет подобными утверждениями подчеркнуть, что даже отдельно взятый человек или одна супружеская пара может сама обеспечить себе существование без помощи других людей, что каждый имеет одинаковое право на равный земельный надел, как и на все природные блага. На деле же он решительно выступает за родовую общину с общей собственностью и совместным хозяйством.

Что Марешаль именно так представлял себе свои «семьи»[79], видно из целого ряда его вполне определенных высказывании. Доказывая возможность и осуществимость предлагаемой им реформы, он ссылается и на Ликурга, который сумел заставить спартанцев отказаться от собственности (230—231). Он признает, что призывает «снова сделать землю общей» (remettre la terre en commun), чтобы затем произвести равный раздел с тем, чтобы каждый удалился в лоно своей семьи. «Почему, — задает он вопрос, — невозможно, почему следует считать безнадежным увидеть однажды людей, разделенных на семьи, увидеть однажды землю, разделенную между племенами (peuplades), каждое из ста человек...» (231). Выше мы видели, что, говоря о способах осуществления предлагаемой им реформы, Марешаль предлагает предоставить пустопорожние земли отдельным семьям, выразившим желание выделиться из общества. Что он имеет в виду предоставление земельных наделов отдельным семьям в целом, видно и из его произведения «Госпожа природа...». В нем он также заявляет, что, сделав все общим, необходимо затем произвести «распределение пропорционально числу индивидуумов, составляющих каждую семью», и провозглашает принцип: «Человек в изолированной семье, владеющей полем, достаточно обширным, чтобы прокормить сотню индивидуумов одной крови»[80].

Марешаль указывает вполне определенно, что при патриархальном строе каждая «семья» будет вести общее хозяйство, что каждый будет работать не лично на себя, а на всю «семью». «Пусть каждая семья работает на себя» (137). «Пусть каждый член семьи работает для нее, а не для других, тогда все будет хорошо и пойдет само собой» (259). Каждый в таком случае сможет сказать: «Все, что мне необходимо, — это моя работа или же работа моих детей и моих близких» (129). Что Марешаль был сторонником совместного труда и общего ведения хозяйства в «маленьких ассоциациях», видно и из его положительного отношения к ремесленным товариществам, в которых он, наряду с крестьянскими общинами, также видел пример, достойный подражания.

Одна из причин деградации человеческого рода в современном обществе, по мнению Марешаля, — это то, что человек вынужден в течение всей жизни заниматься одной и той же профессией. В условиях новой, «семейной» организации человек будет заниматься, как этого требует природа, разными профессиями (187— 188). В деревнях, в противоположность городам, люди становятся полезными с момента рождения: с пяти лет пасут стада и т.д. То же будет и при патриархальном строе (234). Совместно трудясь, члены «семьи» обеспечиваются и всем необходимым, по потребностям. «В хорошо налаженной семье для всех есть чем жить; мудрая экономия распределяет пищу по потребностям, а не по рангу дли по занимаемому месту» (294). Семьи должны пребывать в условиях среднего достатка (douce mediocrite).

Таким образом, при новом, патриархальном режиме, «не должно быть других различий между людьми, кроме различий по полу, возрасту и семье» (311). При патриархальном строе будет парить здоровая мораль. Дети будут получать домашнее воспитание (156). Отец семейства (т.е. старший в роде) станет «верховным жрецом» нравов, одновременно выполняя функции судьи или, вернее сказать, посредника. Не будет больше профессиональных солдат (129). Падение патриархальных нравов привело в свое время к потере женщиной своего права на равенство (56). Теперь женщина вновь обретет равноправие с мужчиной. При патриархальном строе люди станут жить в два раза дольше — не менее ста лет (198—199). Правда, отказ от гражданского общества приведет к тому, что не будет больше Фидиев. «Ну и что же? Будет меньше статуй и больше людей» (305).

Общественный идеал, проповедуемый Марешалем в «Поправке к революции», — это общинный коммунизм. Воззрениям Марешаля безусловно присущи при этом анархические черты. Он полностью отрицает государство и любые формы правления[81]. Другие представители общинного коммунизма предусматривали ту или иную связь между отдельными общинами, которые рассматривались ими как ячейки единого коммунистического общества. Даже Шапюи, последовательно проводивший мысль о полной хозяйственной автаркии отдельных общин, все же считал их составной частью единого государства и предусматривал между ними определенное общение и совместное ведение общегосударственных дел. Марешаль же всячески подчеркивает мысль о полной изолированности отдельных «семейств», совершенно независимых друг от Друга.

В «Поправке к революции» Марешаль подверг резкой критике социальные результаты буржуазной революции, провозгласившей равенство лишь на словах, а на деле полностью сохранившей общественное неравенство. Мысль о том, что «революция еще не совершена», что настоящая, окончательная революция в целях установления подлинного равенства еще впереди, мысль, развитая после термидора бабувистами, нашла свое яркое выражение уже в 1793 г. в работе Марешаля. «Поправка к революции» позволяет уже видеть в ее авторе будущего участника заговора Бабефа, автора «Манифеста равных», некоторые формулировки которого (об устранении общественных различий между людьми) почти дословно взяты Марешалем из своего теоретического трактата.

В «Поправке к революции» мы находим и те элементы мировоззрения Марешаля, которые вызвали в дальнейшем разногласия между ним и бабувистской «тайной директорией». Анархическое отрицание государства и любых форм правления, разделение людей на «представителей» и «представляемых», нашло свое выражение в «Манифесте равных» в требовании упразднения различия между управляющими и управляемыми, что не было одобрено «тайной директорией». В «Поправке к революции» мы находим и мысль о том, что следует пожертвовать искусством, «фидиями» и «статуями» во имя равенства, мысль, выраженную в знаменитой формулировке «Манифеста равных»: «Пусть погибнут, если нужно, все искусства, лишь бы нам осталось действительное равенство» — формулировке, также отвергнутой «тайной директорией».

Бабеф и его сторонники выдвигали идеал единого коммунистического общества в рамках Французской республики. Марешаль же являлся идеологом общинного коммунизма в условиях безгосударственности. Мы не говорим уже о том, что Марешаль с его анархическим отрицанием государства и власти был далек от разработанного Бабефом учения о революционной диктатуре как пути к установлению коммунистического строя. Трудно сказать, отказался ли Марешаль от своих воззрений в период заговора Бабефа. Скорее всего, нет. Его объединяло с бабувистами стремление положить конец социальному неравенству путем ликвидации частной собственности и установления общности имуществ, т.е. общие коммунистические цели, а не конкретный план коммунистического преобразования общества. Во всяком случае в своих последующих произведениях, в частности в «Путешествии Пифагора», Марешаль вновь излагал и защищал идеи общинного коммунизма — отдельных «семейств»-общин, живущих в условиях общности.

Выдвигавшийся Марешалем идеал аграрных коммунистических общин, генетически связанный с идеализацией сохранившихся во Франции средневековых крестьянских общин, несомненно был значительно примитивнее и утопичнее разработанного в период революции рядом других коммунистических идеологов, а затем Бабефом плана преобразования республиканской Франции в коммунистическое государство. Он был примитивнее даже планов других теоретиков общинного коммунизма, вроде того же Шапюи, представлявшего себе общины будущего коммунистического общества как высокоразвитые ассоциации, проживающие в благоустроенных «фаланстерах», пользующиеся всеми благами цивилизации, науки и техники, в то время как Марешаль призывал вернуться к самым первобытным условиям. Но несомненной заслугой Марешаля является то, что он еще задолго до термидора понял ограниченный буржуазный характер Французской революции и поставил вопрос о необходимости новой, подлинной революции для установления истинного равенства.

Критическая оценка Французской революции сложилась у Марешаля вполне самостоятельно и независимо от Бабефа, с которым он впервые познакомился весной 1793 г., в момент опубликования «Поправки к революции». К тому же Бабефу были известны работы Марешаля до того, как он лично познакомился с ним. Уже из первого письма Бабефа к Марешалю от 26 марта 1793 г. видно, что он был знаком с работами последнего и знал, что тот сочувствует несчастиям своих ближних. В письме от 28 февраля 1794 г., написанном из тюрьмы, Бабеф с восторгом отзывался о присланном Марешалем сборнике своих антирелигиозных стихотворений «Dieu et les pretres» и в этой связи сообщал, что он вскоре сам пошлет ему свою прозаическую работу, в которой развивал те же мысли. «Впрочем,— писал Бабеф,— ты, может быть, сочтешь слишком дерзким, если я предамся рассуждениям о тех разделах твоей работы, которые касаются идей наилучшего обеспечения счастья людей... мне кажется, что истина, которую ты в этой связи постиг гораздо ближе, чем кто-либо, кого я знаю, еще не постигнута тобой вся полностью»[82]. Как видим, Бабеф, стоявший уже к тому времени на коммунистических позициях, считал, что Марешаль наиболее близко подошел к истине в социальных вопросах, хотя еще полностью ее не постиг. Это и понятно, так как представление Бабефа о коммунистическом обществе отличалось от представлений Марешаля. Но в данном случае существенно его признание, что Марешаль независимо от него и ближе всех подошел к социальной истине.

VII

Идеи кооперативно-паевых товариществ мы находим накануне революции лишь в форме различного рода проектов ассоциаций, в которых, однако, они сочетались еще в той или иной степени с общинными началами. В период революции, особенно в 1792— 1793 гг., в условиях экономического кризиса и хозяйственной разрухи, кооперативные идеи выступают уже в их чистом виде. Кооперация выдвигается как средство борьбы с дороговизной, с ажиотажем и спекуляцией, как способ обеспечить всех граждан продовольствием и предметами первой необходимости. Кооперативные идеи тоже могли вести и вели к осуждению всего общественного строя, основанного на частной собственности, и к планам радикального общественного переустройства. Поэтому ознакомление с этими идеями также необходимо при изучении развития социальной мысли в годы революции.

4 мая 1789 г. некий **Дени** (Denis), ниточник (filletier) из Сен-Омера, послал обращение депутатам третьего сословия, в котором развивал следующие мысли: «До нынешнего дня личный интерес подрывал благосостояние королевства»; «крайне важно установить общий интерес и сделать его преобладающим»; «было бы выгодно, если бы торговля королевства стала общей для всех путем создания Компаний во всех городах и местечках королевства»; «все лавки и магазины принадлежали бы Компании, их превратили бы в конторы и на всех лиц был бы возложен сбыт»[83]. Итак, Дени уже ставил вопрос о ликвидации частной торговли и создании во всех городских центрах с участием всех граждан компаний, которым принадлежали бы все лавки и магазины.

Эта мысль не заглохла, а, наоборот, в процессе революции, по мере углубления социально-экономического кризиса, приобретала новых сторонников. Об этом свидетельствует, в частности, интересная брошюра, опубликованная в Париже и озаглавленная: «Проект национальных магазинов, или средство избежать голода в городах» [84]. Поскольку в ней упоминается о парижских дистриктах, то, следовательно, брошюра эта была написана и опубликована до мая 1790 г. «О, вы, живущие в городах, — говорилось в ней, — которые всегда были жертвами компаний, занимающихся скупкой, как и богатых фермеров, впредь не ждите больше, пока эта кучка пиратов опустошит сельские местности». «Чтобы предотвратить подобные неудобства, нельзя ли было бы во всех городах учредить магазины? Например, в Париже, который разделен на 60 дистриктов, учредить в каждом из этих дистриктов один магазин, присмотр за которым был бы поручен гражданам». «Чтобы снабжать эти магазины... было бы необходимо принудить фермеров доставлять свой урожай в города, дабы продавать его по надлежащей цене в указанных магазинах. Пусть тогда учредят в каждом из них кассу; нет гражданина, который не поспешил бы поместить в эти кассы свои деньги, потому что в таком случае были бы одновременно обеспечены и его фонды, и его собственное пропитание». Земледельцы, не сдающие свои излишки в магазины, должны подвергаться в первый раз штрафу, а затем и тюремному заключению. «Вот, я думаю, средство предотвратить злоупотребления скупки и обеспечить продовольствием города, которые могли бы, в свою очередь, доставлять его деревням; это также средство сделать цену на хлеб доступной и поденщикам».

Хотя проект этот называется проектом национальных магазинов, но в нем также речь идет по существу не о государственных, а о кооперативных магазинах. Магазины эти, сосредоточивающие в своих руках всю торговлю продовольствием, должны были быть учреждены на фонды, составленные из взносов отдельных граждан. Интересно, что автор проекта видит его преимущество прежде всего в том, что он может обеспечить дешевым хлебом «поденщиков», т.е. лиц наемного труда.

В 1793—1794 гг., когда экономические трудности молодой республики достигли своего апогея, когда неудержимый рост цен, ажиотаж и спекуляция ставили под угрозу самое ее существование, подобные кооперативные планы становились еще более актуальными. Именно к этому времени относится очень интересный проект, сохранившийся в архивных фондах и носящий название: «Проект братской ассоциации граждан Парижа, чтобы снабжать самих себя и уничтожить скупку»[85]. Автор проекта — некий Вирт (Wirt) — «республиканский гражданин секции Хлебного рынка», проживавший по улице Виарм № 9. Рукопись датирована 21 нивоза II года (10 января 1794 г.). «Снижение цен на съестные припасы, — писал Вирт, — всегда должно стоять в порядке дня. Ни один хороший гражданин не может в настоящий момент не принять с энтузиазмом план, способный покончить со скупкой, что столь желательно для всех. Именно к этой цели и нужно стремиться; питаться и одеваться — первые жизненные потребности; чтобы жизнь была счастливой, необходимо иметь возможность легко их удовлетворять. Богачи-эгоисты во все времена рассчитывали на нужду бедняка, всегда жирели благодаря его поту, потому что во все времена апатичная беспечность народа в отношении наиболее важных вещей оказывала услугу жадности скупщиков и всех общественных вампиров, держащих нас в нужде и порабощении. Объединимся же мы все, особенно обездоленные граждане, чтобы составить из наших сбережений денежный фонд, который благодаря числу тех, кто будет в нем участвовать, дал бы нам возможность снабжать самих себя и выйти из зависимости от торговцев».

Конкретно план Вирта состоял в следующем. Граждане, объединившиеся в ассоциацию, вносят в ее фонд 5, 10, 20, 50 ливров и больше в зависимости от своих средств. Если предположить, что в ассоциацию вступит 210000 граждан и что 50000 из них внесут по 5 ливров, 30000 — по 10 ливров, 25000 — по 20 ливров и т.д., вплоть до 150 ливров, то образуется фонд в 8950000 ливров. Если, узнав все выгоды предлагаемой ассоциации, они удвоят свои взносы, а кроме того, найдутся еще 10 000 граждан, обладающих средствами, которые согласятся сделать взносы до 5000 ливров, то общий фонд составит 37900000 ливров. Но поскольку «нужно меньше рассчитывать на богатых, чем на санкюлотов», то следует исходить из первоначальной суммы в 8950000 ливров. Однако и в таком случае проектируемое общество будет иметь возможность, пустив эту сумму в оборот, заготовить необходимое продовольствие, сорвать планы скупщиков и избавиться от монополистов. Каждый гражданин, вступивший в ассоциацию, получит непосредственную выгоду, так как будет обеспечен предметами потребления по крайне умеренной

цене. Кроме того, вкладчики будут также получать доход от сделанных ими взносов в фонд ассоциации. Если найдутся крупные вкладчики, которые внесут по 200 ливров и выше, то они будут лично получать 5% годовых. Для тех же членов ассоциации, которые сделают взносы на меньшую сумму, эта ежегодная 5-процентная прибыль будет разыгрываться в лотерею. Выигрыш будет равняться 100 ливрам. Лотерейные билеты будут шести видов: полный билет, половина билета, четверть, 1/5, 1/10, 1/20. Каждый ассоциированный получит тот или иной билет в зависимости от сделанного им взноса. Когда будет собран необходимый денежный фонд (взносы принимаются тремя специально уполномоченными на это гражданами из числа инициаторов ассоциации), то должно быть созвано общее собрание всех членов ассоциации, на котором избираются администраторы, уполномоченные вести все дела. Ассоциация будет иметь в Париже магазины, а в других местах, в том числе во всех портах, — своих уполномоченных для заготовки прежде всего предметов первой необходимости. Ассоциация будет не только снабжать своих членов, но и продавать товары розничным торговцам, для которых это будет очень выгодно, поскольку они будут обходиться им на 50% дешевле, чем товары, закупленные у скупщиков. Так возникнет конкуренция, гибельная для монополистов. «Лишь таким путем поставят непреодолимую плотину, которая уничтожит скупщиков, капиталистов и всех врагов общественного блага». «Этот план,— писал автор в заключение,— не является ни химерическим, ни неисполнимым, и его осуществление крайне необходимо для всех хороших граждан, которым нужно лишь размышление, объединение и упорство во всех своих предприятиях, чтобы сорвать планы жестоких врагов человечества».

Перед нами довольно детально разработанный план потребительской кооперации. Автор проектирует широкую ассоциацию с сотнями тысяч членов. Задача этого паевого товарищества — снабжение своих членов по дешевым ценам необходимыми товарами, в первую очередь продовольствием. Наряду с продажей в собственных магазинах, общество ведет и другие торговые операции, снабжая, в частности, товарами розничных торговцев. Прибыль от всех операций ежегодно распределяется между пайщиками в зависимости от размера их пая. Автор, противопоставляющий обездоленных граждан, санкюлотов, богачам-эгоистам, жиреющим на поте бедняков, не скрывает своего намерения покончить таким путем со всеми общественными вампирами, которые держат народ в нужде и порабощении.

Уже этот проект свидетельствует, что авторы кооперативных планов эпохи революции связывали идеи кооперирования населения с задачей освобождения народных масс от порабощения и эксплуатации со стороны торговцев, скупщиков, спекулянтов, богачей-капиталистов. Но в годы революции на общественной арене выступал и деятель, непосредственно связывавший идею кооперации с задачей ликвидации общественного неравенства, всего строя, основанного на частной собственности. То был **Франсуа-Жозеф Ланж**.

Еще в 1844 г. лионский историк Гонон в своей библиографии произведений, относящихся к истории Лиона в период революции, выступил с заявлением, что теория Ланжа не что иное, как теория Фурье[86]. Вслед за Гононом Мишле также сделал аналогичное указание о Ланже, как о предшественнике Фурье. «Там (в Лионе), — писал он, — появились первые социалисты — Ланж и его преемник Фурье. Первый в 1793 г. набросал фаланстер и всю ту доктрину ассоциаций, которой второй завладел со всей силой гения»[87]. Жорес в своей «Истории Французской революции» посвятил Ланжу целый экскурс, приводя обширные выдержки из его брошюр, и также пришел к заключению, что Ланж «намечает целую систему ассоциации, которая является очевидным зародышем фурьеризма»[88]. Большое внимание уделил Ланжу и Ж.Гомон в своей истории кооперативного движения во Франции[89].

В лионских архивах Гомону удалось найти ряд интересных материалов о Ланже, которые дают возможность, по документальным данным, восстановить основные вехи его жизненного пути. Архивные материалы опровергают прежде всего предположение Жореса о его немецком происхождении. Ланж был, по-видимому, эльзасцем, и Мюнстер, в котором он воспитывался, был не городом Мюнстером в Вестфалии, а большим поселком Мюнстером около Кольмара или одноименной маленькой деревни в другом районе Эльзаса. Четырнадцати лет Ланж попал в Париж, а затем переселился в Лион. Жизнь его до революции неизвестна, за исключением того, что в 1785—1786 гг. им были опубликованы брошюры, в которых, под влиянием опытов Монгольфье, он развивал фантастические планы создания воздушной армии. В 1790 г. он был избран в Лионе асессором мирового суда кантона Федерации, а в декабре 1791 г. стал членом Генерального совета коммуны. Лионские архивы содержат довольно обильные материалы о его деятельности как должностного лица лионского муниципалитета. В конце 1792 г. Ланж не переизбирается в состав Генерального совета, но зато становится мировым судьей того же кантона Федерации, в каковой должности и остается до момента своего ареста 14 октября 1793 г. после взятия Лиона республиканскими войсками. Обнаруженные Гомоном материалы делают вполне ясными причины его ареста и последовавшего за этим смертного приговора. Еще в августе 1792 г. Ланж опубликовал брошюру-воззвание, направленную против Шалье и его приверженцев. В рукописи, относящейся к концу 1792 — началу 1793 г. и написанной, по всей вероятности, рукой

самого Шалье, он причислялся к группе «подозрительных» и «аристократов». Как видно из судебных протоколов, во время контрреволюционного восстания он не только продолжал выполнять функции мирового судьи, но и сочувствовал восставшим. Осужденный 14 ноября, он был казнен на следующий же день.

На формирование мировоззрения Ланжа самое непосредственное влияние оказала социально-экономическая обстановка в Лионе, в городе, в котором он провел всю свою сознательную жизнь. Предреволюционный и революционный Лион был уже крупным промышленным и рабочим центром, где богатство и роскошь господствующей буржуазии непосредственно выступали как оборотная сторона нужды и нищеты трудящихся масс. Лионская шелкоткацкая промышленность, ее знаменитая «большая фабрика» представляла типичный образец капиталистической рассеянной мануфактуры. Положение лионских ткачей, как наемных подмастерьев, так и самих ткачей-мастеров, нещадно эксплуатируемых скупщиками-капиталистами, было поистине ужасно[90].

Лион вступил в революционный период в условиях жесточайшего хозяйственно-экономического кризиса, вызванного англофранцузским торговым договором 1786 г., массовой безработицы, усиления нужды трудящихся масс и резкого обострения всех социальных антагонизмов. Уже в первые годы революции продовольственный кризис и дороговизна приняли в Лионе угрожающие размеры. В 1792 г., с обострением общего политического положения в стране, войной, разрухой, потерей внешних рынков, начинается новое катастрофическое свертывание шелкоткацкой промышленности. «Фабрика почти уничтожена, множество рабочих без работы; непомерная дороговизна съестных припасов первой необходимости, трудность снабжения продовольствием, особенно хлебом,— все это заставляет опасаться, что город окажется предстоящей зимой подверженным ужасающим бедствиям»,— так характеризовал положение Лиона в конце 1792 г. муниципалитет в своем письме к министру внутренних дел Ролану[91].

В этих тяжелых условиях все усиливались боевые выступления лионских трудящихся, что привело вскоре к ожесточенной борьбе между местными якобинцами во главе с «бешеным» Шалье и жирондистами, засевшими в муниципалитете. В то же время сложившаяся обстановка побуждала рабочее население города к объединению для борьбы с нехваткой и дороговизной предметов первой необходимости, для избавления от торговцев и спекулянтов. В.И.Ленин указывал, что одной из многих сторон рабочего движения «неизбежно являются потребительские общества»[92]. Идея ассоциации потребителей, потребительской кооперации носилась в воздухе в рабочем городе Лионе в бурные годы революции. Получали все большее распространение стихийные объединения потребителей в целях совместной закупки тех или иных дефицитных товаров. Об одном таком объединении мы находим, например, интересные сведения в протоколе Генерального совета коммуны от 7 ноября 1792 г. «Была зачитана, — говорится там, — петиция большого числа граждан секции улицы Тюпен, сообщающая, что они объединились для закупки каменного угля, дабы этим путем (поскольку это касается их) освободить потребителей Лиона от помех, которые чинят снабжению города вторые руки, завладевшие этим горючим. Они просят предоставить им, чтобы облегчить их предприятие, помещение в бывшем монастыре Кордельеров под склад для их закупок, а также чтобы находящиеся в Лионе и не используемые артиллерийские лошади были бы им предоставлены для перевозки их запасов угля от Живора до Лиона»[93].

На заседании Генерального совета коммуны, на котором рассматривалась эта петиция, присутствовал и член муниципалитета Ланж. Подобные требования не могли не быть ему близкими и понятными, так как сам он уже давно пропагандировал план всеобщей ассоциации потребителей.

До настоящего времени считалось, что Ланж впервые выступил с изложением своего плана в 1792 г. Именно так полагали, исходя из его печатных брошюр, все, писавшие о Ланже, связывавшие возникновение его проектов непосредственно с хозяйственным кризисом, который переживала Французская республика в 1792—1793 гг. Мнение это, однако, не соответствует действительности. На самом деле взгляды Ланжа оформились уже в самом начале революции, в 1789 г. Мы знаем, что уже в первый год революции Лион наряду с кризисом шелкоткацкой промышленности и безработицей переживал, как и вся страна, острые продовольственные затруднения, и проблема нехватки продовольствия и дороговизны была уже весьма актуальной. Это несомненно способствовало тому, что именно осенью 1789 г. Ланж впервые изложил в письменном виде свои идеи.

10 ноября 1789 г. Ланж направил из Лиона обращение на имя председателя Учредительного собрания, пересланное в Комитет по расследованию (Comite des recherches), в делах которого оно и хранится по сегодняшний день[94]. «Чтобы, наконец, эффективно и навсегда предотвратить по всей Франции недостаток продовольствия,— писал Ланж, — не уместно ли было бы обязать каждые сто семейств, живущих по соседству, иметь под своим присмотром амбар изобилия? Не выгодно ли было бы для нации учредить Национальную компанию общественных поставщиков, состоящую из стольких же постоянных членов (membres titulaires), сколько будет иметься в королевстве амбаров изобилия? Их число достигнет 30 тысяч и больше. Не было бы благотворно

для народа, чтобы цена хлеба могла изменяться лишь раз в 25 лет, если этого потребует изменение курса денег? Чтобы в течение этого промежутка времени Компания была бы обязана неизменно поставлять хлеб по средним ценам за последние 25 лет? К этой цене будут прибавлять налог для помощи бедным; в результате Компания будет выдавать бедным весь необходимый им хлеб; что касается рабочих с маленьким заработком, для которых этот налог был бы слишком обременительным, Компания ежегодно возвращала бы им мерку муки, эквивалентную сумме этого налога, которую они выплатили, приобретая хлеб для своего потребления; в эту категорию рабочих были бы включены поденщики, женатые ремесленники, не имеющие подмастерьев, а также ремесленники, имеющие больше детей, чем подмастерьев. После каждого урожая заготовка осуществлялась бы в обязательном порядке и таким способом, чтобы к установленному сроку в каждом амбаре было бы достаточное количество зерна, дабы прокормить приблизительно 1500 человек, имея запас на год вперед. Этот пункт будет, однако, применяться со всей строгостью лишь начиная с третьего урожая. Земледельцы, выращивающие зерно и овощи, должны будут выплачивать налог в натуре общественным поставщикам, которые будут передавать его администрации в денежном виде. Экспорт будет разрешен лишь тогда, когда все амбары будут наполнены и это будет должным образом установлено. Надзор над действиями поставщиков будет поручен сотникам (centeniers) или избранным начальникам ста семейств. Сотники представляли бы доклады своим конгрессам, конгрессы — национальным советам, а советы — королю; этот порядок намечен в плане конституции, который я имел честь представить депутации Лиона в апреле этого года; и так как при этом порядке вещей избиратели, естественно, наблюдали бы за своими избранниками, а также за поставщиками, то всякое злоупотребление было бы чрезвычайно затруднено и сразу наказывалось бы. Таким образом это установление почти не имело бы неудобств, между тем как его выгоды были бы более значительны, чем какого-либо другого. Во всякое время каждый гражданин был бы уверен в том, что его продовольствие находится у него под рукой, даже еще до покупки. Никому не пришлось бы больше терять времени для хождения на рынок, куда всегда идут с заботой и откуда часто возвращаются с сетованиями. Земледельцы, никогда не уверенные в хорошем сбыте, могли бы избавить себя от расходов по перевозке и риска, с ней связанного, вступив в соглашение с Компанией, и найти в ней большие ресурсы, так как, будучи заинтересованной в потреблении, она была бы обязательно заинтересована также в прогрессе сельского хозяйства и, следовательно, в прогрессе населения. Чтобы уравновесить такие большие выгоды и побудить негоциантов обеспечить эти выгоды публике, Компании, которую они составят, будет разрешено договариваться по взаимному соглашению со всеми, кто хотел бы застраховать свое имущество против града, наводнений и пожаров; обеспечение заключалось бы в самих амбарах. 80 акции по 1000 ливров составили бы фонд каждого амбара, а это, по необходимости, привело бы к постоянной циркуляции более чем 2000000000 ливров. Доверие было бы тем большим, что амбар изобилия каждых ста семейств, живущих по соседству, примыкал бы к жилищу одного общественного поставщика или его исполнителя поручений (propose); Компания, будучи солидарно ответственной, имела бы благодаря этому всюду глаза и проявляла бы всюду и тотчас большую заботу, чтобы предотвратить жалобы и происшествия, которые можно предотвратить. Постройка по единому плану амбаров, включая и квартиры, лежала бы на обязанности всей нации, как наиболее заинтересованной, чтобы эта организация была создана. Компания могла бы предоставить авансы. Кроме величайших прибылей, которые этот проект предоставляет, а спекуляция обещает всем членам Компании, последние будут пользоваться также общественным уважением и, не нуждаясь в исключительных привилегиях, заработают на торговле хлебом по меньшей мере столько, сколько зарабатывают теперь, за исключением ненависти народов».

Это обращение к Учредительному собранию является первым письменным изложением проекта Ланжа. В 1790 г. Ланж опубликовал в Лионе брошюру под названием: «Жалобы и представления гражданина, объявленного пассивным, гражданам, объявленным активными»[95]. Памфлет Ланжа — резкий протест против деления граждан на активных и пассивных. Брошюра эта очень ценна для суждения не только о политических взглядах Ланжа, но и о его общественных симпатиях. Уже в своем обращении к Учредительному собранию Ланж говорил не только о бедных, которым, согласно его плану, хлеб должен был выдаваться бесплатно, но и о «рабочих с маленьким заработком», об облегчении участи которых он специально заботился и в категорию которых он включал, с одной стороны, поденщиков, а с другой — незажиточных ремесленников, не имеющих подмастерьев или имеющих их: в количестве, меньшем, чем членов семьи. Другими словами, он имел прежде всего в виду лионских трудящихся — работников шелкоткацкой промышленности, как наемных подмастерьев и учеников, так и ткачей-мастеров, по существу низведенных скупщиками-предпринимателями до положения сдельных рабочих. В своей брошюре Ланж также недвусмысленно выступает от имени трудовых слоев населения. «Мы, мастера, ремесленники и рабочие (manoevre)», — заявляет он, говоря от имени пассивных граждан[96]. Он упоминает о бедном человеке, который «жертвует собой, чтобы добывать излишек для богатого ценой своего тела»[97]. Но в этой связи он критикует теперь уже всю систему собственности и весь

основанный на ней эксплуататорский общественный строй. «При современной несправедливой системе собственности, — восклицает он, — богатые имеют слишком много легких средств, чтобы нас разъединять»[98]. «Наконец-то, истина, которая нас просвещает, разрывает нелепое покрывало, которым с бесстыдной спесью праздности обволакивают себя наши враги. Золото, которым они кичатся, является полезным и благотворным лишь в наших трудолюбивых руках; оно становится вредоносным, когда накапливается в сундуках капиталистов, которые для политического тела то же, что язвы для тела физического... Бездельники, называющие себя собственниками, лишь пожинают излишек наших средств существования. Это доказывает по меньшей мере наше право на совладение. Но если мы являемся совладельцами и единственным источником всего дохода, то право ограничивать наши средства существования и лишать нас излишков — разбойничье право»[99].

Среди других брошюр Ланжа, особый интерес представляет опубликованная в 1792 г. в Лионе брошюра «Простые и легкие средства добиться изобилия и справедливой цены на хлеб»[100]. В этом печатном обращении к членам Генерального совета коммуны Лиона, помеченном 9 июня 1792 г., Ланж излагал в развернутом виде свой план, впервые изложенный им в своем обращении к Учредительному собранию в 1789 г. Колебание цен на продовольствие и плохое качество хлеба, писал он, всегда были наибольшим общественным злом. Дороговизна хлеба особенно чувствительна для рабочих (manouvriers). Никакие меры борьбы с дороговизной и нехваткой продовольствия до сих пор не помогали. Торговцы всегда заинтересованы лишь побольше заработать. «Но самое тревожное и опасное следствие, проистекающее из теперешней свободной циркуляции съестных припасов, это то, что она дает аристократии верные и жестокие средства мучить народ и его порабощать» [101]. Между тем, «никто не может быть собственником настолько, чтобы иметь возможность злоупотреблять своею собственностью в ущерб народа»[102]. Выдвигая этот принцип, он не хочет внушить тревогу жадности собственников. Наоборот, предлагаемый им план, решая продовольственный вопрос, соответствует также интересам земледельцев и торговцев, обеспечивая им постоянный и гарантированный доход. Выдвигаемый им проект обеспечит всех хорошим хлебом по неизменной цене, понизив цены на постное масло, вино, шерсть, кожу, коноплю, лен, шелк, дрова, уголь, железо, одним словом, на все предметы торговли, увеличит потребление (за исключением хлеба), фиксирует заработную плату, сделает достаток столь общим, что ни один бедняк не будет больше вынужден нищенствовать. Для этого нужно лишь перестать рассчитывать на средства и волю частных лиц. Необходимо создать ассоциацию людей, способных установить изобилие всюду, вплоть до самой маленькой хижины, создать единую большую Компанию, слитую с нацией.

Далее Ланж излагает свои план создания такой Компании с выпуском акций и организацией «амбаров изобилия» на каждые сто семейств, план, изложенный им уже в 1789 г., причем он подчас воспроизводит дословно текст своего обращения к Учредительному собранию. В то же время он вносит в него некоторые изменения и дополнения. Он допускает возможность подразделения каждой акции в 1000 ливров[103] на мелкие части с тем, чтобы увеличить число акционеров и дать возможность менее зажиточным лицам стать акционерами, приобретая хотя бы часть акции. Поэтому он даже полагает, что акционеры и служащие Компании составят около половины всей нации. Он расширяет страховые и кредитные функции Компании, которая должна страховать урожаи, строения и движимое имущество не только от града, наводнений и пожаров, но и от воров, и предоставлять земледельцам «все авансы, все средства, в которых они нуждаются». Каждый «амбар изобилия» будет одновременно как бы конторой (comptoir), содействующей обмену и циркуляции денег[104].

Ланж предвидит теперь самые благие следствия предлагаемого им плана, выходящие далеко за пределы непосредственной задачи снабжения дешевым продовольствием. Не только понизятся цены на все прочие товары и будет ликвидировано нищенство. Мануфактуры не будут больше отнимать у земледельца драгоценные руки, пустынные сельские местности будут заселены и бесплодные земли станут плодородными. Дороги будут прекрасными, реки и каналы — всегда судоходными, болота будут вскоре осушены, засушливые земли — орошены, даже воды потоков будут плавно течь по новым лугам; «одним словом не сегодня-завтра мы увидим, как Франция станет земным раем»[105].

26 августа того же, 1792 г. Ланж опубликовал новую брошюру: «Ответ на возражения, которые были сделаны в отношении средств добиться изобилия и справедливой цены на хлеб»[106]. В своем предисловии — обращении к Генеральному совету коммуны Лиона — Ланж отмечал, что его проект до сих пор не был представлен Национальному собранию. Между тем положение Франции быстро ухудшается: отечество в опасности, значительная часть народа страдает, ее мучает и дезориентирует голод, торговля съестными припасами превратилась в тиранию, в настоящую внутреннюю войну, наиболее опасную из всех. Ланж призывал членов Генерального совета покончить с этой внутренней войной, предоставив Законодательному корпусу средства для достижения этой цели, которые через его посредство указывает им небо. Ссылаясь на все ухудшающееся положение Лиона, он призывал их подумать о том, что в условиях абсолютной

свободы торговли спекулянты всегда имели возможность организовать голод. Неверно приписывать создавшееся положение отстранению от власти короля. «Чтобы спасти родину, обеспечить суверенитет народа, благо народа, народ нуждается не в короле, а в хлебе и в свободном осуществлении своего права вето путем индивидуального права голоса»[107].

Далее Ланж отвечал на двенадцать возражений, выдвинутых против его проекта. Он доказывал возможность его осуществления даже в условиях падения курса ассигнатов и заявлял, что против его плана могут выступать лишь скупщики и «плохие торговцы», а все земледельцы и честные люди, живущие на ренту или заработную плату, будут его горячими сторонниками. Предлагаемая им Компания — это «подлинно национальная компания, сращенная с французской нацией в 30 тысячах примыкающих друг к другу пунктах, которая распространяется на всю территорию государства и на все семьи»[108]. Он указывал, что Компания будет наниматься и внешнеторговыми операциями, кредитуя внешнюю торговлю страны. Имея фонды во всех торговых центрах других стран, она будет оплачивать почти все торговые сделки с Францией по векселям французских негоциантов, которые будут возмещать Компании свой долг в ассигнатах. Соглашаясь с тем, что богачи могут и не захотеть вкладывать свои деньги в акции Компании, Ланж утверждал, однако, что деньги «плохих богачей» вовсе не являются необходимыми. Найдется более 900 тысяч граждан, которые смогут, не стесняя себя, приобрести по 2 акции. Более того, Ланж теперь не только не рассчитывал на средства богачей, не только стремился умножить число акционеров Компании за счет мелких держателей, но и ограничивал даже количество акций в руках отдельных лиц, указывая, что по уставу Компании будет запрещено кому-либо приобретать более 3000 акций. Он отмечал, что для обслуживания «амбаров изобилия» потребуется от 30000 до 50000 заведующих амбарами, от 180000 до 240000 грузчиков, возчиков, мельников, булочников и другого персонала (по 6 человек на каждый амбар), т.е. значительно меньшее количество лиц этих профессий, чем в настоящее время.

Обосновывая преимущества своего проекта, Ланж выдвигал и следующее дополнительное предложение: «Будет очень легко присоединить к каждому «амбару изобилия» зал и кабинеты, чтобы собирать сто проживающих по-соседству семейств на общие собрания. Пусть при входе в эти священные храмы родины кредитор закроет глаза на своего должника, неимущий — на своего благодетеля, наемный работник — на нанимателя; пусть соперники принудят умолкнуть свои страсти; пусть любая непримиримая ненависть наложит на себя узду, переступая порог... Пусть в этих священных храмах родины непреодолимая склонность к собраниям, которой до настоящего времени пренебрегали, которую не признавали политики и подавляли тираны, будет впредь верным способом направлена на благо народа. Пусть развлеченья, законные удовольствия, обаяние дружбы, которых ищут в ложах франк-масонов, на балах, в кружках, клубах, будут найдены в этих салонах, в этих очищенных клубах, облагороженных самым великодушным, самым поучительным патриотизмом, т.е. здравым смыслом в его самом полном проявлении»[109]. На этих собраниях будут читать преданные истине газеты, знакомиться с дебатами Национального собрания; здесь будут зачитываться новые законы и постановления конституционных властей, которые, таким образом, будут действительно доводиться до сведения всего народа, большая часть которого, пригвожденная в течение дня работой к мастерским, и неграмотная, не имеет теперь возможности читать их в газетах или на афишах. Общественное мнение получит благодаря этому правильное направление. «В основе общественного мнения будет лежать справедливость, которая не может входить в сделку ни с каким доводом ложной политики; оно будет иметь целью совершенствование общественного договора, совершенную республику, т.е. истинную монархию..., отвергающую всякий закон различия, основанного на богатстве или происхождении, требующую совершенного единства правительства, истинную монархию, которая может существовать лишь в условиях совершенного равенства прав, тесной сплоченности, тождества народа и его главы»[110]. Если будет осуществлено его предложение, если будут созданы «амбары изобилия» с примыкающими к ним залами для общественных собраний, то повсюду народ будет жить в добром соседстве и оказывать друг другу взаимную помощь, так как между общающимися друг с другом соседями рождается доверие.

В «Ответе на возражения» Ланж упоминал, между прочим, о том, что им подготовлен к опубликованию проект договора Компании с нацией, который должен быть одобрен не только Национальным собранием, но и самим народом, то есть санкционирован всенародным голосованием[111]. Ланж не смог, по-видимому, напечатать текст этого договора. Но в начале 1793 г. он опубликовал еще одну брошюру, в которой его проект был изложен в наиболее законченном виде. Брошюры этой нет в настоящее время ни в одной библиотеке Парижа и Лиона. Ее видел, однако, в 40-х годах XIX в. вышеупомянутый лионский историк Гонон. В его библиографии под № 1098 значится эта брошюра Ланжа, озаглавленная «Лекарство от всего, или неуязвимая Конституция общественного счастья, проект, изложенный много раз в различных видах»[112]. В своей аннотации на эту брошюру Гонон писал: «Более чем вероятно, что работа Ланжа стала известна Фурье во время его длительного пребывания в Лионе, так как его группы в фаланстеры уже предложены его предшественником в виде подразделений и объединений по сто семейств

или по центуриям. Ланж предусматривал также для каждого объединения «амбар изобилия», школу, больницу, построенные по единому плану. «Нужно совершенно абстрагироваться (abstraction absolute sera faite) от размера и границ всех индивидуальных владений; демаркационные линии собственности будут невидимы на земле, они будут такими же, как линии градусов на географической карте, и т.д.» Фурье, однако, пренебрег небесной армией, предусмотренной основоположником его теории, в результате создания которой «можно будет с тысячью воздушных шаров уничтожить армию в 100 тысяч рабов без малейшей царапины хотя бы для одного француза». Это очень легко осуществить; автор выставляет 12 тысяч воздухоплавателей под названием пиронавтов. Нашего изобретателя отнюдь не смущает вопрос о том, как управлять, этими 1000 эолами, или воздушными шарами, составляющими его воздушную армию: «Создать пустоту вокруг аэростата в плоскости направления (dans le plan de direction) — вот весь секрет. Французский народ станет без усилий хозяином мира и спасителем всех народов, если он первым выставит на горизонте восходящий флот и т.д.»[113].

Таковы имеющиеся в нашем распоряжении данные о плане Ланжа. Что же представлял собой этот план, который он впервые выдвинул еще в 1789 г. и развил в 1792—1793 гг.? Это кооперативный проект, проект потребительской, страховой и кредитной кооперации. Для борьбы со скупкой и спекуляцией продовольствием, взвинчиванием цен на хлеб и другие съестные припасы, всеми бедственными для народа следствиями частной свободной торговли, Ланж предлагал создать на паевых началах «национальную компанию» по снабжению хлебом всего населения страны, что, по его убеждению, должно было привести к снижению цен на все продовольственные и иные товары. Интересно, что, по мере разработки своего проекта, он все больше расширял число пайщиков, допуская дробление акций и предусматривая, что большая часть населения страны превратится в акционеров и служащих Компании. Пайщики Компании получают доход от ее операций в зависимости от размера своего пая. Компания скупает у земледельцев зерно и продает хлеб населению по твердым ценам. В этих целях она учреждает по всей стране 30000 «амбаров изобилия» по одному на каждые сто семейств. Компания выполняет, однако, функции не только потребительской, но и страховой и кредитной кооперации. Она страхует урожай и собственность земледельцев от стихийных бедствий и несчастных случаев, предоставляет им необходимые кредиты и одновременно финансирует внешнюю торговлю.

Проект Ланжа совершенно не затрагивает производства. «Амбары изобилия» как таковые не объединяют обслуживаемые ими сто семейств ни в области производства, ни даже в области потребления, так как каждая семья продолжает вести индивидуальное хозяйство, забирая лишь из амбара, как из кооперативного магазина, необходимые припасы. Поэтому совершенно произвольным является сравнение «амбаров изобилия» Ланжа с фалангами Фурье, которые представляют собой прежде всего производительно-потребительские ассоциации. Но план Ланжа весьма напоминает одну из «полуассоциативных» организаций, предусматриваемых Фурье для периода, переходного от строя «цивилизации» к строю «гармонии» — а именно торговую систему Entrepot с ее «коммунальными магазинами» на 1500 человек, располагающими амбарами, погребами и т.п. Как и Компания Ланжа, Entrepot — это кооперативная организация, основываемая государством на акционерных началах и управляемая советами пайщиков, созываемых на регулярные общие собрания. Первоочередной задачей Entrepot, также является борьба с огромными барышами торговли и справедливая и единообразная фиксация цен. Как и Компания Ланжа, Entrepot специально заботится о сельском хозяйстве, открывая крестьянам кредит и обеспечивая сбыт их урожая[114].

Система Entrepot является одним из самых первоначальных проектов Фурье, излагаемых уже в самых ранних его рукописях 1803—1806 гг. По его собственному признанию, до идеи «редуктивной конкуренции», связанной с его проектами переходного периода, он дошел еще в 90-х годах XVIII в., «до расчета общей ассоциации»[115]. Но от подобного рода проектов потребительской и кредитной кооперации (названных им впоследствии «полуассоциативными») Фурье вскоре пришел к идее полной, всесторонней «ассоциации», к идее производительно-потребительских товариществ — фаланг. Его же предшественник Ланж остановился на полпути. Возможно, что в этом повинна его преждевременная смерть. По что он шел в том же направлении, не вызывает никакого сомнения. «Амбарам изобилия», имевшим своей первоначальной основной целью снабжение хлебом населения, Ланж придавал с течением времени все новые функции, предусматривая все более тесное объединение обслуживаемых ими ста семейств—1500 человек. Эти амбары включали теперь, кроме магазина по снабжению, не только квартиры для обслуживающего персонала, но и залы и другие помещения для общих собрании ста семейств, для их постоянного повседневного контакта, для обсуждения политических новостей и текущих вопросов, чтения газет и журналов, совместных развлечений. А судя по аннотации Гонона, в своей последней работе Ланж предусматривал уже при каждом «амбаре изобилия» школу и больницу. Эти объединения по сто семейств, эти «центурии» все более превращались, таким образом, в настоящие ассоциации.

Планы производительно-потребительских ассоциаций привели Фурье к идеям социализма. Он мечтал о преодолении в подобных товариществах социальных противоречии, о постепенном слиянии всех классов, о ликвидации нужды, системы наемного труда, эксплуатации, о превращении их в ячейки нового «гармонического» общественного строя. Несомненно, что и мысль Ланжа, формировавшаяся, как и мысль Фурье, под непосредственным воздействием лионской действительности, тяжелой участи работников лионской шелкоткацкой промышленности, также развивалась в этом направлении. Еще его памфлет 1790 г. «Жалобы и представления гражданина» свидетельствует о резко отрицательном отношении к «современной несправедливой системе собственности» и к эксплуатации тружеников «бездельниками, называющими себя собственниками». Предусматривая в своем проекте особью помещения для повседневного общения ста объединенных семейств, для их совместного времяпрепровождения и совместных развлечений, он также утопически мечтал, что это приведет их к доброму согласию и взаимопомощи, к ликвидации вражды и противоречий между кредиторами и должниками, неимущими и зажиточными, наемными работниками и нанимателями. Он не скрывал и конечной цели подобных объединений; этой целью являлось «совершенствование общественного договора», создание общественно-политического строя, упраздняющего «всякий закон различия, основанный на богатстве или происхождении», достижение «совершенного равенства прав». Очень интересна цитата, которую приводит Гонон из последней брошюры Ланжа: она свидетельствует, что в 1793 г. Ланж говорил уже о фактическом слиянии собственности внутри центурии, об упразднении всех меж, разделяющих индивидуальные владения, о превращении «демаркационных линий собственности» в такие же условные обозначения, как градусы на географической карте. Отсюда характерные для Ланжа, как впоследствии и для Фурье, мечтания о благодетельных последствиях осуществления его плана — полной ликвидации нужды, всеобщем изобилии, освоении бесплодных и засушливых земель, осушении болот, превращении Франции в земной рай и т.п., вплоть до создания всемогущего воздушного флота.

Фурье был представителем того течения в утопическом социализме, который Ленин в своей статье «О кооперации» называл «кооперативным» социализмом. «В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? — писал Ленин, характеризуя этот «кооперативный» социализм. — В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. II поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир)»[116].

В период Великой французской революции можно найти зародыш всех течений утопического социализма и коммунизма XIX в. В годы революции выдвигались не только различного рода кооперативные планы: в лице Ланжа мы видим уже, как планы эти перерастали в идеи «кооперативного» социализма, нашедшего вскоре, в первые годы нового столетия, свое законченное выражение в системе одного из великих социалистов-утопистов — Шарля Фурье.

1 «Du meilleur gouvernement possible, ou la nouvelle isle d'Utopie de Thomas More». Traduction nouvelle Seconde edition. Avec des Notes par M.Rousseau. Paris, 1789.

2 «Du meilleur gouvernement». P.VII-IX, XXII.

3 Нац.архив. F17, 1355—1356.

4 Подробно об этих проектах ассоциаций второй половины XVIII столетия см. А.Р.Иоаннисян. Генезис общественного идеала Фурье. М.— Л., 1939, стр.144—164.

5 Rozier. Cours complet d'Agriculture theorique, pratique, economique et de Medecine rural ol veterinaire. t.VII. Paris, 1786, p.709.

6 Legrand. Voyage fait on 1787 ot 1788 dans la ci-devant Haute et Basse Auvergnc, aujourd'hui deparlements de Puy-de-Dome, du Cantal et partie de celui de la Haute Loire. Paris. L'an III de la Republique. Lettre XXIX. Communautes etablies pres de Thiers. Celle de Guittard-Pinon. Gouvernement de cette sorte de ropiihlique; des bions, ses inoeurs, etc. См. также: Rozier. Op.cit. и упомянутую статью «Моравы» Фогэ в «Энциклопедии».

7 David Krantz. Alte und neue Bruder-Historie. Barby, 1772; August-Gottleb Spagenberg. Leben des Herrn Nicolau. Ludwig Graien und Ilerrn von Zinzendorf und Pottendorf. 1773; Frohberger. Briefe liber Herrnllut fifi

und die evangelische Briidergemeine. Budissin, 1797; O.Uttendorfer. Alt-Hernhutt. Wirtschaftsgeschichte und Religionsoziologie Herrnhuts wahrend seiner ersten zwanzig Jahre (1722—1742). Herrnhut, 1925; idem. Wirtschaftsgeist und Wirtschaftsorganisation Herrnhuts und der Rriidergemeine von 1743 bis zum Ende des Jahrhunderts. Herrnhut, 1926.

8 Согласно этой рецензии, полное название книги Юпея было следующее: «Projet de communaute filosofe, fonde sur la Vie du Bon La-Fontaine, les sentiments des meilleurs Auteurs, les principes des Etablissements des Peuples les plus sages du Nouveau Monde et sur une Analyse du Systeme economique de la Nouvelle-Heloise; avec un Plan-geometral dii sejour cham-petre de cette Societe, propose par souscription a Marseille». Par J.A.V. d.II.

8 1790 г. Юпей опубликовал другую брошюру, в которой, вновь напоминая о своем проекте «философской общины», подробно описывал «патриархальный дом» в сельской местности, где он хотел, чтобы проживали и вели совместное хозяйство все его

9 «Les Contemporaines». Seconde edition, t. XIX. Leipsick, 1785 (Приложение. Письмо № 69).

10 Joseph-Alexandre-Victor D'Hupay. Reglement d'education nationale mis sous les auspices de M.Bernardin de St.-Pierre, auteur des Etudes de la Nature. A Generalif, 1789, p.VII—XVIII, 1—16 и др. (Нац.библ., 8°, R, 13710 (1)).

11 «Generalif. Maison patriarchale ot champetre. Par l'auteur du Regie-ment de l'Education Nationale et Generale». A Aix, 1790, p. 7—12, 16, 17, 19, 22-23, 26-27. (Нац.библ., 8°, R, 13710 (2)).

12 «Effet du reglement d'education nationale, mis a la portee des meres». A Generalif, 1792, p.38 (Нац.библ., 8°, R, 5879). В Национальной библиотеке имеется еще одна брошюра Юпея, опубликованная уже в наполеоновскую эпоху, в 1807 г., и также посвященная вопросам образования. Joseph-Alexandre-Victor D'Hupay. Details de la methode mecanique d'education nationale, domestique et populairc. A Aix, le 15 Juin 1807 (Нац.библ., 8°R, 3966).

13 «Alcoran republicain ou institutions fondamentales du Gouvernement Populaire ou legitime pour l'Administration, l'Education, le Mariage et la Religion. Par l'Auteur de la Communaute Philosophe, du Reglement d'Education Nationale et de Generalif». A Generalif. Maison Patriarchale et Champetre. An III (Нац.архив, AD I, 85).

14 «Ce que c'est que Constitution et suite des Elections et de la reparti-tion des Pouvoirs, decrites aux reflexions constilutionnelles, qui, avec l'Etab-lissement des Codes sur les Troupes, Finances, Affaires etrangeres, Marine etc. feront une Constitution reelle pour etablir la liberte et la souverainete des Peuples et le bonheur des Monarques; les details des Beglements des vingt et trente codes resteront a faire, pour completer cette Loi la plus facile a etablir en Europe; en attendans les decouvertes sur la Loi d'Egalitc parfaite, recKerchee pour la construction do la meillcure Loi possible au bonheur de tous les hommes et de toutes les femmes egalement». Par M.G.F.A* C.D.C. Paris 1791 (Нац.библ., 8°E. 856).

15 «L'Avant-coureur du changement du monde entier par l'aisance, la bonne education et la prosperite generale de tous les homines ou prospectus d'un memoire patriotique sur les causes de la grande misere qui existe par-tout et sur les moyens de l'extirper radicalement».

16 «Correspondance de Babeuf...», p.22, 69—70, 74—75, 94, 95—96, 98, 99-100, 101.

17 «Correspondance de Babeuf...», p.110—111.

18 Ibid., p.23 (прим.4).

19 «Dictionnaire de Biographic francaise», t.IX. Paris, 1961, p.279.

20 «Un mot sur la mort de m.Collignon exprocureur du roi a Altkircli» (Нац. бпбт., Ln27 4592).

21 «Nicolas Collignon, avocat en Parlement et membre de plusieurs academies, residant a Castel pres Bouquerom en Lorraine».

22 «Requete du supliant, presentee le 26 S13 1786, avec des exemplaires do son Auant-coureur, ou de son Prospectus imprime sur les causes de la grande misere qui existe partout et sur les moyens de Vextirper radicalement, lesquels accompagnoient deux lettres l'une a Sa Majeste et l'autre qui se trou-ve c y apres a m. de Calonne» (Нац.архив, F10, 320).

23 «Essai de Lien public on memoire raisonne pour lever a coup sur tous les obstacles qui s'opposent a l'cxecution des defrichemcnts et do«bechenients; fait mettre on valeur, par des moyens simples et avantageux tout le monde, toutes les Terres et Fonds incultes quelconques; et pour perfectionner l'art de l'Agriculture». Neufchatel, MDCCLXXVI (Нац.библ., S.15172).

24 «Nicolas Collignon avocat en Parlement et membre de plusieurs academies».

25 «Decouverte d'etalons justes, naturels, invariables et universels pour la reduction a une parfaite uniformite de tous les poids et mesures partout, par les moyens simples, avantageux a tout le monde et facile a executer. Par M.Collignon, Avocat en Parlement et membre des Academies de sciences, arts et belle lettres de Naples, de Lisbonne et de Munich; admis a celle de Montauban; des societes Royale patriotique de Suede, Economique de Baviere, pt d'autres», 1788 (На обороте титульного листа: A Strasbourg, chez l'auteur, rue de la Madelaine 9 bis, au 2eme) (Нац.библ., V. 193).

26 Нац.архив, C.99.

27 «Une requete avec un Prospectus joint contenant mes offres et conditions a l'Atsemblee Nationale d'un grand ouvrage par lequel j'ai l'honneur de Lui proposer le plan d'une nouvelle Constitution, laquello contiendra un tel ordre de choses et sera travaillee dans un tel degre de perfection, qua l'effet de son execution sera tfetemdre toute la miseie publiqae en France» (Нац.архив, DIV, 12).

28 К сожалению, в деле DIV, 12, где хранится письмо Колиньона от 11 ноября 1789 г., нет этого прошения и приложенного к нему «Проспекта».

29 Нац.архив, F10, 330.

30 Нац.архив, D XIII, I, № 10.

31 «Adresse au public, particulierement aux electeurs du departement du Bas-Rhin. Par M. Collignon, membre de plusicurs academies», p.5, 6. 12 (Нац.библ., Yb39 4957).

32 Уже его обращение к Комитету сельского хозяйства и торговли от 29 июня 1790 г. помечено Страсбургом.

33 «Leiire adrosse au Redacteur do la Chronique do Strasbourg par M.Collignon. Ie 30 Aout 1790. Avec la reponse du londemnin» (Нац.библ., Ln37 50503).

34 Что в этой брошюре речь идет об авторе «Предвестника», совершенно бесспорно. Следует сказать, однако, что здесь он назван Клод-Бонифасом Колиньоном. Очевидно, в этом пасквиле его имя перепутано с именем другого Колиньона, о котором там идет речь. Во всяком случае во всех собственноручных документах автор «Предвестника» называет себя Николя Котильоном.

35 «Nicolas Collignon, homme de Loi, a Castel, departement de la Mozelle»

36 Нац.архив, T 1161.

37 A.Litenberger. Le socialisme utopique, p.161—218.

38 J.Tuot. Le plan social do Jean-Claude Chappuis. Paris, 1942.

39 См. во второй связке его бумаг расписки о внесении платы за квартиру, а также адрес на многих присланных на его имя письмах (Нац.архив, T. 1961).

40 См. «Inventaire de papicrs de Claude Chapuis ecrhain, decode saiis heritiers connue rue de Id Bucherie N 27». (Нац. архив. T., 1614).

41 «Lettres iriedites de Restif de la Bretonne pour faire suite a la collection de ses oeuvres». Nantes, 1883, p.3.

42 Это полностью подтверждается сохранившимся в архиве Шапюи письмом некоего Рюбена «главного съемщика» дома № 27 по улице Бюшеры, от 7 вантоза JX года и приложенным к нему актом, в котором в числе жильцов этого дома значатся как Шапюи, так и Ретиф.— «Varlet, Chapuis, Renaud, V. Fraze, Dechamps, Ovier, Retif, Richard, Cordieu, Brousse et tous autres sous-locataires dii di Rubin en lad. maibon» (Нац.архив, T.1161).

43 В письме Неккеру, о котором см. ниже.

44 Как его обращение к Неккеру и многие другие документы, они до сих пор нигде не опубликованы и находятся среди прочих бумаг Шапюи в том же фонде Национатьного архива — T.1161.

45 «Note sur la conduite et Ie personnel de Chaudouel et Ferrouv ainsi que do mes trois cousins germains» (Нац.архив, T.1161).

46 Нац.архив, F7 4639.

47 Как видно из его бумаг, Шапюи в то время, до переезда на улицу Бюшери, действительно проживал на улице Нуайе в доме № 42.

48 Текст постановления об аресте Шапюи от 24 жерминаля воспроизведен и в регистрационной книге записей об арестах Комитета общественной безопасности. В рубрике «Мотив ареста» приведена выдержка из донесения Комитета надзора 11 округа. (Нац.архив, AF, II*, 229).

49 Архив префектуры полиции Aa/44, л.95.

50 В донесении Комитета надзора 11 округа упоминается не Пон-Неф, а другой, находящийся невдалеке мост Пон-Нотр-дам. Следует полагать, что при снятии выписки с этого донесения (а в нашем распоряжении имеется лишь эта выписка) были перепутаны названия мостов и что речь идет именно о Пон-Неф, так как вряд ли сам Шапюи спутал бы мост, на котором с ним произошла эта неприятная история, тем более что именно Пон-Неф служил в то время центром подобного рода сборищ, расклейки афиш и т.п.

51 Сильвену Марешалю посвящена большая литература. Наиболее обстоятельной капитальной монографией, основанной на тщательном изучении всего его литературного наследства, является работа Домманже (M.Dommanget. Sylvaiii Marechal. L'egalitaire. «L'homme sans Dieu». Sa vie — son oeuvre (1750—1803). Paris, 1950). В советской литературе с.гедует отметить статьи Х.Н.Момджяна. «Сильвен Марешаль».— «Известия АН Армянской ССР», 1944, № 1—2, и Г.С.Кучеренко. «Социально-политические взгляды Сильвена Марешаля». - «История социалистических учений», М.. 1962. В нашей библиотеке: *Ю.Попов.* Публицисты Великой Французской революции, *С.Киясов*. Сильвен Марешаль , *К.Добролюбский*. Термидор, *Г.Черткова*. От Бабефа к Буонаротти: движение во имя равенства или заговор равных? *А.Матьез*. Термидорианская реакция (часть 1, 2), *М.Домманже*. Бабеф и заговор Равных, *П.Щеголев*. Заговор Бабефа, *П.Щеголев*. После Термидора, *И.Эренбург*. Заговор Равных, *Г.Кунов*. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции, *Д.Туган-Барановский*. Наполеон и Республиканцы, *Х.Момджян*. О философских и политических взглядах С.Марешаля, Литература Революции (обзорная словарная статья в энциклопедии), СТРАШНЫЙ СУД НАД КОРОЛЯМИ (пьеса, 1793 г.), Статьи в «Парижских революциях», *С.Великовский*. Поэты французских революций 1789-1848 гг., *А.Олар.* Христианство и Великая французская революция, Культ Разума и культ Верховного существа во время Великой французской революции

52 M.Dommanget. Op.cit, p.24, 56—58, 87—88, 98, 105—106, 112-113. 143—146; A.Lichtenberger. Le socialiime au XVIII siecle. Paris, 1895, p.440—442.

53 «.Revolutions de Paris», № 82, du 29 Janvier au 5 Fevrier 1791, p.169—175.

54 «Revolutions de Paris», № 82, du 29 Janvior au 5 Fevrier 1791, p.170.

55 Ibid., p.175.

56 «Revolutions de Paris», № 96, du 7 au 14 Mai 1791, p.242—250.

57 «Revolutions de Paris», № 96, du 7 au 14 Mai 1791, p. 247.

58 «Dame Nature a la barre de l'Assemblpe nationale». A Paris, chez tons les marchauds de nouveautes, 1791. Брошюры этой нет ни в одной библиотеке. Ее разыскал и приобрел Домманже, по изложению которого мы и знакомы с ее содержанием. См. M.Dommanget. Op.cit., p.184—187.

59 «La Bouche de fer». № 22, 22 Fevrier 1791, p.340.

60 На эту ссылку впервые обратил внимание М.Домманже (M.Dommanget. Op.cit., p.233). Ее отметил затем и В.С.Алексеев-Попов в своей статье о «Социальном кружке». — «Из истории социально-политических: идей», стр.336 (прим.3). В.С.Алексеев-Попов ссылается также на то, что в личной библиотеке Марешаля имелось и второе издание «Духа религии; Бонвиля. Следует сказать, что в библиотеке Марешаля была но только эта книга, но и изданная Бонвилем аптологпя «Choix des romans». См. «Catalogue des livres de feu M.P.Sylvain Marechal». An XI, N 22, 177.

61 M.Dommanget. Op.cit., p.234.

62 «La Chronique du mois». Decembre 1792, p. 72.

63 «Bulletin des amis de la verite». № 4, 3 Janvier 1793.

64 «La Chronique du mois». Fevrier 1793 (без нумерации страниц).

65 «Bulletin des amis de la verite», 17 Fevrier 1793, p.1.

66 «La Chronique du mois», Mai 1793 (без нумерации страниц).

67 «Bulletin des amis de la verite», samedi, 13 Avril 1793, p.2.

68 «Almanach des republicains, pour servir a l'mstruction publiquo; Recligc par P. Sylvain Marechal, auteur de l'Almanach des Honnetes Gens». A Paris
Chez les Directeurs de l'Imprimerie du Cercle social, rue du Theatre-Francois № 4, 1793.

69 Ibid., p.34.

70 Ibid., p.67.

71 Ibid., p.73.

72 Ibid., p.51.

73 См. А.Р.Иоаннисян. Генезис общественного идеала Фурье, стр.151-152.

74 «Almanach des republicaius», p.126.

75 Деятельность Бюше описана в изданной в 1670 г. книге «L'Artisan chretien, ou l'ame du bon Henri» (см. M.Michaud. Biographic anciciine et moderne, t.VI, p. 94).

76 «Les Antiquites d'Herculanum avoc leurs explications», t.III. Paris, 1780, p.131.

77 Mercier. Le Nouveau Paris, t.III. Brunswick, 1800, p.151—152.

78 «Correctif a la Revolution». A Paris. Chez les Directeurs de l'Imperie du. Cercle Social, rue du Theatre-francais 1793, l'an II do la Republique (далее ссылки на страницы даются в тексте).

79 Не должно ввести в заблуждение и следующее обстоятельство. Марешаль подчас противопоставляет семье — «communaute». Но во всех случаях под этим термином он понимает не общину, а гражданское общество.

80 «Dame Nature...», p.27—28, 40 (цит. по M.Dommanget. Op.cit., p.187, 242J.

81 Именно эти анархические идеи Марешаля отмечал и превозносил в начале 40-х годов XTX столетия коммунистический журнал «L'Humani-taire», сам проявлявший анархические тенденции (см. В.П.Волгин. Французский утопический коммунизм, стр.176—177 - **http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html**).

82 «Pages choisies de Babeuf», p.159—160.

83 Нац.архив, DXXIX, 92.

84 «Projet de magazius nationaux ou moyens d'eviter la disette des ville.». Paris, s. d. (Нац.библ., Lb39 7873).

88 Нац.архив, F10, 235.

86 P.M.Gougon. Bibliographic historiquo de la ville de Lyon pendant la Revolution francaise, contenant la nomenclature par ordre chronologique des ouvragcs publics France au a l'etrangor et reratifs a l'liistoire do cette ville de 1789 au XI nivosc an XIV de la Republiquo francaise». Lyon, 1844, p. 206.

87 J.Michelet. Histoire de la Revolution francaise, 3 ed., t.V Paris, l'869, p.226.

88 J.Jaures. Histoire socialiste de la Revolution francaise. Edition revue par A.Mathiez, t.VI. Paris, 1923, p.128—151.

89 Jean Goduinont. Histoire generale de la cooperation en France, t. I. Precurseurs et Premices. Paris. 1924, p.35—83; см. также: E.Duhem. Francois-Joseph L'Ange. 1743—1793. — «Annales historiques de la Revolution francaise», 1951, N 121.

90 Подробное описание социально-экономической обстановки в Лионе накануне и в период революции дано нами в работе «Генезис общественного идеала Фурье», стр.32—44.

91 J.Michelet. Histoire de Lyon depuis la revolution de 1789, t.II. Paris— Lyon, 1847, p.192.

92 В.И.Ленин. Сочинения, т.9, стр.341.

93 «Proces-verbaux des seances des corps municipaux de la ville de Lyon. Publies par la Municipalite d'dpres les manuscripts originaux. 1787—An VIII», t.III. Administration municipale de 1792. Lyon, 1902, p.356—357.

94 Нац.архив, DXXIX^{bis} 8 26, 1. 257, № 25. Письмо Лапжа помечено: «A Lyon, place de la Charite, maisou Vincent le 10 9re 1789». В комитете по расследованию письмо Ланжа было зарегистрировано 16 ноября.

А. Р. ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

95 «Plainte, et representations d'un citoyen decrete passif, aux citovens decrotes actifs». Par. M L'Ange. Lyon, MDCCLXXXX (Нац.библ. Lb39 43").

96 Ibid., p.24.

97 Ibid., p.6.

98 Ibid., p.23.

99 Ibid., p.25.

lw «Moyens simples et facilcs de fixer l'abondance el le juste prix dn pain. Presentes a Messieurs du Conseil General de la Commune de Lyon Par F.J.L'Ange, Officier Municipal». A Lyon. 1792 (Нац.библ, Lb39 6133).

101 «Moyens simples et facilos...», p.6.

102 Ibid., p.7.

103 Количество акций, приходящихся на каждый «амбар изобилия», Ланж определяет теперь в 60 вместо 80; но общее количество «амбаров изобилия» (30000) остается прежним.

104 Следует, однако, отметить, чю в брошюре Ланжа, в отличие от его обращения к Учредительному собранию, ничего не говорится о предоставлении Компанией бесплатного хлеба бедным и соответствующей компенсации рабочих с малым заработком.

105 «Moyens simples et faciles...», p.15.

105 «Reponses aux objections qu'on a faites sur les Moyons do fixer l'abon-dance et le juste prix du pain. Par l'Autcur do ces Moyens». A Lyon 1792 (Нац.библ., LbGL).

107 Ibid., p.V-VI.

108 «Beponses aux objections...», p.22.

109 Ibid., p.25-26.

110 Ibid., p.26-27.

111 Ibid., p.14, 25.

112 «Remede a tout, ou Constitution invulnerable de felicite publique, projet donne maintes fois, sous differentcs formes, par F.J.L'Ange (ne a Lyon), juge de paix du canton do la Federation, ci-devant Bellecour», Epigraphe Fiat lux. Lyon, L. Cutty, 1793, in 8°, de 38 p.

113 P.M.Gonon. Bibliographic historique de la ville de Lyon pendant la Revolution francaise, p.206—207.

114 Подробный анализ проблемы Ланж—Фурье см. в нашей работе «Генезис общественного идеала Фурье», стр.134—139.

115 «Oeuvres completes de Charles Fourier», t.II. Paris. 18-43, p.209— 211.

116 В.И.Ленин. Сочинения, т.33, стр.433—434.

3. КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ РЕТИФА ДЕ ЛЯ БРЕТОНА [*]

Среди современных ему писателей Ретиф де ля Бретон по своему социальному происхождению являлся редким исключением. Выходец из деревни (он родился в 1734 г. в бургундской деревне Саси), Ретиф по своей профессии был типографским рабочим и многие годы проработал наборщиком. Занявшись с конца 60-х годов XVIII в. литературной деятельностью, он приобрел вскоре (особенно после выхода в 1775 г. его романа «Развращенный крестьянин») некоторую известность. Хотя он стал вхож в литературные салоны и приобрел знакомства в буржуазной и аристократической среде, но вращался главным образом среди демократической интеллигенции. К числу его ближайших друзей принадлежали такие лица, как Мерсье, Бонвиль, а также Сильвен Марешаль[1].

Проведя в деревне детство и молодость, и впоследствии долгие годы не порывая связи с родным селом, Ретиф лично наблюдал и сеньоральный гнет (в условиях характерной для второй половины XVIII в. «феодальной реакции»), и развитие новых, капиталистических отношений, менявших облик деревни.

Разложение старой, патриархальной деревни в обстановке развивавшегося капитализма Ретиф ярко описал в своих произведениях. Особенно интересным является в этом отношении изданное им в 1776 г. дидактическое произведение «Школа отцов», в котором под инициалами S и N он изобразил свою родную деревню Саси и соседнюю деревню Нитри, родину своего отца[2].

В этом произведении старик крестьянин, живущий со своей семьей старым, патриархальным укладом, рассказывает о судьбах родной деревни. Он сравнивает предыдущую эпоху с современной. Как все изменилось за последнее десятилетие в его родном селе по сравнению с днями его молодости! В этом повинна торговля, которой занялись жители, забросив обработку земли. Торговля не только испортила нравы, но и обобрала жителей. В их области выгодна аренда. Сеньоры давали обычно землю в аренду лишь состоятельным жителям. Вследствие повышения цен на хлеб фермеры наживались. На накопленные деньги они стремились приобретать земельные участки. Раньше они помещали свои сбережения в земельные фонды в окрестных местностях, но за последние 40 лот начали скупать земли своих односельчан. В

[*] Подборка материалов о Ретифе де ла Бретонне: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#restif**.

результате земли, принадлежавшие с незапамятных времен крестьянским семьям, попали по низкой цене в руки этих богачей. Приобретая эти земли, фермер стал отказываться сам от аренды или по крайней мере делать своих детей прокурорами или адвокатами в городах, оставляя каждому из них в наследство хорошее имение, составленное из участков 30 семейств, наследники коих принуждены были, чтобы существовать, брать в аренду те самые земли, которыми их предки владели на правах собственности. «Так, пять или шесть фермеров приобрели половину нашего округа и населили Н. половниками вместо жителей. Мы несем теперь плоды наших земель буржуа соседних городов — детям, зятьям и племянникам фермеров». Теперь две трети деревни состоят из жалких лачуг. Раньше же можно было видеть цветущие дома. Они были куплены фермерами вместе с землей, но так как новые владельцы в них не нуждались, а половники, которым была сдана земля, имели свои жилища, то дома эти были оставлены на произвол судьбы. «Дети тех, которые в них обитали, без имущества, без пристанища покинули местность и сделались или слугами в городах, или нищими, или, быть может, чем-либо еще хуже». Разбогатевшие же фермеры, бывшие раньше такими же крестьянами, стали гордыми, надменными. Для их детей уже нет больше достойных жен и мужей в родной деревне. Они не хотят даже, чтобы их родственники выполняли простые сельские работы; им подчинена вся деревня, от них зависят все, даже школьные учителя. Такова печальная судьба деревни Нитри, таковы постигшие ее за последние 40 лет несчастья.

Конечно, было бы неправильно считать развитие капитализма и капиталистических отношений во французской деревне конца старого режима явлением, в одинаковой форме и с одинаковой интенсивностью наблюдающимся во всех частях страны. Жизненный опыт познакомил, однако, Ретифа с сельскими районами, в которых проникновение капитализма в сельское хозяйство было довольно значительным. Его собственный рассказ подтверждается и наказами окзерского бальяжа, в состав которого входили Саси и Нитри; в пик высказываются жалобы на развившееся за полвека безземелье, на зависимость некоторых сельских общин от буржуа соседних городов, на превращение большинства жителей целых деревень в батраков[3]. Проведя в деревнях этого бальяжа свое детство и молодость, Ретиф был свидетелем этих новых социальных сдвигов в деревне, оказавших самое непосредственное влияние на формирование его мировоззрения.

Впечатления, вынесенные Ретифом из деревни, еще более усилились, когда он очутился в городе, сперва как типографский ученик в Окзере, а затем в Париже, где он в течение 13 лет работал в различных типографиях, как «простой рабочий».

В силу специфических условий (относительно сложные и дорогие орудия производства) типографская промышленность, уже начиная с XVI столетия переживает процесс быстрого капиталистического развития, процесс перехода от кустарных предприятий к крупным предприятиям капиталистического типа, процесс, связанный с развитием новых взаимоотношений между хозяевами в подмастерьями. С середины XVII в. происходит концентрация типографской промышленности Парижа, где число владельцев типографий сокращается с 270 до 60 и на каждую типографию приходится уже в среднем около 20 рабочих. В XVIII столетии даже в маленьких французских провинциальных городах мы находим крупные типографии. Таким образом, накануне революции типографская промышленность была одной из капиталистически наиболее развитых отраслей французской промышленности, хотя, как и другие самые передовые отрасли производства, она продолжала базироваться на ручном труде. Неудивительно поэтому, что именно в типографской промышленности мы наблюдаем обострение классовых противоречий и упорную борьбу между рабочими и предпринимателями. Хотя заработная плата типографских «подмастерьев» в XVIII в. была относительно более высокой, чем заработок других категорий рабочих, но условия труда были не менее тяжелыми: 14—18-часовой рабочий день, работа очень интенсивная и напряженная. Ужасным бичом для типографщиков являлась хроническая безработица[4].

Ретиф в течение долгих лет работал в крупных типографиях. Уже свою школу ученичества он прошел в одной из крупнейших провинциальных типографий — типографии Фурнье. В Париже ему довелось работать не в одной, а в ряде больших типографии столицы[5], в том числе и в государственной. Неудивительно, что он был хорошо знаком с тягостями и горестями своей профессии, о чем свидетельствует его автобиография, являющаяся ценнейшим историческим документом при изучении жизненных условий типографских рабочих XVIII столетия. В ней он приводит данные об их мизерной заработной плате, об изнурительной работе и беззастенчивой эксплуатации со стороны хозяев. Даже в старости он не мог без возмущения и негодования описывать, как, например, грабил и эксплуатировал рабочих директор королевской типографии, наживший, таким образом, миллионное состояние, как он клал в свой карман стоимость кусков, в которых рабочие принуждены были себе отказывать, и как его сын превратил впоследствии эту типографию «в тюрьму, где заперты все рабочие, чтобы, как презренные звери, быть выпущенными в часы еды». «Я содрогаюсь от бешенства, — восклицал он, — когда думаю о подобных чудовищах»[6]. На собственном жизненном опыте познакомился Ретиф и с неизбежным

спутником наемного рабочего — безработицей, доводившей его подчас до грани нищеты. «Достаточно, — писал он в этой связи в одном из своих произведений, — болезни или отсутствия работы в течение нескольких недель, чтобы довести до последней крайности рабочих, даже тех, которые кажутся зажиточными. Они имеют доход только от своих рук, и поэтому, когда у них нет работы даже в течение самого короткого времени, они лишаются средств к существованию»[7].

Став писателем, Ретиф не забросил свою профессию и не порвал с рабочей средой. Он продолжал обычно сам набирать свои произведения (часто без всякой рукописи), а впоследствии обзавелся маленькой домашней типографией. Поэтому даже накануне революции он заявлял, что в противоположность другим он «живет с рабочими, знает их до глубины души»[8]. «Все наши остроумные писатели, все наши галантные артисты, раз попав в высший свет, знают впредь только его. Я же, и только я, на следующий день после обеда с герцогом, пэром и ужина с красавицей маркизой и полной ума и таланта графиней, снова нахожусь, одетый в грубую одежду и в грубые сапоги, среди самых обыкновенных рабочих, не изображая при этом покровителя, птиметра, и не разглагольствуя высокопарно, но работая с ними и как они, читая в глубине их души и в результате видя причины и следствия»[9].

Таков был личный жизненный опыт Ретифа, под влиянием которого складывалось его мировоззрение. Этот жизненный опыт уже с ранних лет настраивал его не только против сеньоральных порядков и абсолютистско-феодального строя. Развитие капитализма в городе и деревне, очевидцем которого он являлся и с последствиями которого был хорошо знаком, побуждало его относиться резко отрицательно не только к феодальной, но и к капиталистической эксплуатации, не только к дворянству, но и к буржуазии, не только к сословным, но и к имущественным привилегиям, к общественному неравенству б целом.

Читая много, хотя и бессистемно, Ретиф ознакомился и с передовыми идеями века Просвещения. Наибольшее влияние на него оказал, безусловно, властитель дум того времени — Жан Жак Руссо, общественные воззрения и социальная критика которого особенно глубоко воздействовали на представителей демократической интеллигенции. Ретиф никогда не был таким ортодоксальным и последовательным руссоистом, как его друг Мерсье. Наиболее сильно было влияние Руссо на Ретифа в первый период литературной деятельности, в 70-х годах XVIII в., когда он восторженно отзывался о нем и в своем художественном творчестве следовал примеру «Новой Элоизы» — этого классического образца французского сентиментализма. Впоследствии в своей автобиографии он сам признавался, что в своих первых романах повторял лишь то, что говорил Руссо, почитателем которого в то время был[10]. Но уже в 80-х годах Ретиф как писатель окончательно порывает с сентиментализмом. Одновременно он начинает все более критически относиться и к общественному учению Руссо, отзываясь подчас весьма сдержанно о самом Жан Жаке.

Ретиф был хорошо знаком и с произведениями Мабли[11], которые он характеризовал как «превосходные», заявляя, что они «возвращают нам всю мудрость Греции и древнего Рима». Теория Мабли также, несомненно, оказала на него определенное идейное влияние. Ретифу было известно и классическое произведение коммунистической литературы — «Утопия» Мора[12].

Нельзя, однако, преувеличивать значение литературных влияний на формирование общественных взглядов Ретифа. Теории Руссо и Мабли содействовали, несомненно, оформлению его общественных воззрении; их отдельные положения и формулировки были им восприняты и нашли свое отражение в его произведениях. Но сложившееся у Ретифа резко отрицательное отношение к социальному неравенству и его общественные идеалы были самым непосредственным образом связаны с его личным жизненным опытом. По собственным словам, он писал в своих произведениях о том, что «видел и переживал», и именно это виденное им и перечувствованное и находило свое выражение как в его социальной критике, так и в его мечтах о будущем.

II

Общественная критика пронизывает все дореволюционные произведения Ретифа, в том числе и все его художественное творчество. «Мы дошли, — писал он, — до крайней степени неравенства: царит богатство, несоразмерность состояний громадна»[13]. Общественное неравенство — страшная болезнь общества[14]. повсюду — лишь огромные состояния и крайняя бедность[15]. «Главным двигателем всего» являются деньги. Не трудящийся, а бездельник является хозяином и властелином. Раньше существовали рабы, теперь рабов формально нет, но существует такое же крайнее неравенство. Все богатства сосредоточены в руках трети людей, от милости которых зависят другие две трети. Государство, закон — все на стороне богатых[16]. Одни развлекаются и днем и ночью. Другие всю жизнь вынуждены заниматься тяжелым, отупляющим трудом[17], В современном обществе руководствуются правилом: все — одним, ничего — другим; одни пользуются с избытком всем, другие не имеют и самого необходимого. Ничего не делающий и живущий в роскоши богач «отрывает от земледелия тысячи людей, погребает их в рудниках, посылает гибнуть на море, собирает их в мастерских, где они чахнут от плохого воздуха». Богач скупает земли и превращает их в большие фермы, а бедняк погибает от нужды после

изнурительной жизни[18]. «Когда я вижу хорошо мощенный город... кареты с их упитанными лошадьми и великолепными лакеями, торговцев драгоценностями и шелковыми материями, актеров, певцов, музыкантов, художников, скульпторов, поэтов, прекрасные здания, дворцы, обширные сады, пышных шлюх, храмы, толпу священников, разжиревших прокуроров, адвокатов, врачей, я не восклицаю: О, богатая нация! я говорю... насколько здесь бедный народ должен быть несчастным, сколько он должен работать!»[19] Говорят о французской нации, но нации существуют теперь лишь среди дикарей. Французы — это не единая нация, а горсточка наглых богачей и тысячи несчастных, кое-как прозябающих и не заинтересованных поэтому в благосостоянии своего государства.

Между тем не паразиты-богачи, а труженики являются полезными членами общества. Говорят о «порядочных» людях, перед которыми власти заставляют гнуть сипну полезных ремесленников, искусных мастеров, благородных земледельцев, трудолюбивых виноградарей. Но почему эти люди считаются «порядочными»? Потому что они живут за счет сотен семейств в праздности и безделье? Истинно порядочными людьми являются люди полезные и 1рудолюбивые; порядочный человек — это земледелец, портной, строитель, плотник, столяр, кузнец, слесарь. «Каковы твои права, хорошо одетый человек? Может быть, природа поставила тебя выше меня? Или это сделали твои нравы, твоя добродетель, твои познания? Нет. Я являюсь таким же человеком, как и ты. Мои нравы лучше твоих, я имею больше добродетелей и познаний, чем ты... Ты спекулируешь, я работаю, ты играешь, я работаю. Почему же, хорошо одетый человек, ты должен быть больше, чем я?»[20] Люди, строящие дома, обрабатывающие сады, носящие грузы, более ценны для общества, чем лукавые купцы, нахальные приказчики, бесполезные лакеи и даже самые просвещенные авторы[21]. И сапожник, и кузнец, и бочар, к которым относятся с таким презрением, являются уважаемыми людьми. Почему же они не должны быть таковыми? Потому что они не рождены для того, чтобы влачить жизнь в безделье? Потому что они не имеют ни несправедливо приобретенных земель, ни вассалов для притеснения? Потому что они не распоряжаются нечестно государственными средствами? Потому что они не приносят в жертву тысячи людей в интересах своего обогащения?[22]

Подобного рода высказываний у Ретифа великое множество. Мы привели здесь лишь некоторые примеры того, с какой резкостью осуждает он общественное неравенство, все время противопоставляя паразитов-богачей трудящимся, причем, в первую очередь, людям физического труда — крестьянам, ремесленникам, рабочим. Исходя из принятого в XVIII в. деления общества на богатых и бедных, он вкладывал в это понятие весьма конкретное классовое содержание.

Ретиф уже в своих ранних произведениях не только описывал и осуждал вопиющее социальное неравенство, но и указывал на состояние кризиса, в каком в результате этого неравенства находится общество. Констатируя наличие глубоких социальных противоречий, он заявлял, что «государство имеет в своих недрах столько же врагов, сколько имеется бедняков». В настоящее время «социальные узы совершенно ослаблены; каждый живет лишь для себя и хвастает этим; бесстыдный эгоизм шествует с высоко поднятой головой; в своем высокомерном шествии он подавляет всякую добродетель. Это состояние кризиса не может долго длиться, так как громадные состояния, которые умножились настолько, что готовы все поглотить, приводят к тому, что скоро множество ограбленных будет заинтересовано все ниспровергнуть»[23].

По море приближения революции Ретиф все более настойчиво предсказывал грандиозный социальный переворот, который должен покончить с общественным неравенством, низвергнуть паразитов и сделать хозяевами общества людей труда. Уже в 1781 г. он писал: «Она придет, быть может (и я желаю ее, несмотря на бедствия, которые будут ее сопровождать), она придет, быть может, эта страшная революция, когда полезный человек почувствует свое значение..., когда земледелец скажет сеньору: «Я кормлю тебя, я представляю собой больше, чем ты, богатый, бесполезный человек; подчинись мне, или умирай с голоду», когда сапожник будет смеяться в лицо птиметру, умоляющему обуть его, и заставит его говорить себе: «Монсиньор сапожник, умоляю вас, сделайте мне башмаки, и я вам хорошо заплачу». «Нет, ходи босой: я работаю теперь лишь на того, кто может доставить мне хлеб, одежду, материю, вино и прочее»»[24]. В том же году в другом произведении Ретиф обращался к беднякам с призывом: «Бедняки! О, безумцы, заслуживающие своей участи, поднимите, поднимите руку на своих тиранов! Соберитесь вместе, поддержите друг друга ...Я думаю, — добавлял он, — что это не преминет случиться в один прекрасный день, так как злоупотребления, которые я вижу, кажутся мне столь невыносимыми, что невозможно, чтобы одаренные разумом существа сносили их вечно»[25]. В 1786 г. Ретиф призывал богачей добровольно отказаться хотя бы от части своих богатств, от своих земель и денег, так как иначе, писал он, обращаясь к богатым, «вы лишь ускорите гибельную для вас революцию». «Опасайтесь! Опасайтесь, как бы новый Иосиф не осуществил всеобщую, желательную для всех, реформу. И я вам предсказываю: зло достигло своего предела; необходимы крайние средства. Каждый раз, когда зло невыносимо, оно близится к своему концу. Оно является таким среди вас, о богатые! Ваша наглость, ваша роскошь, ваше преступное злоупотребление своими богатствами, преступления, которые они вам облегчают, — все это стало невыносимым, и я вижу Время,

которое приближается с косой в руках, чтобы срезать с корнем, болезненно для вас, все злоупотребления»[26]. В 1788 г. Ретиф предсказывал, что вскоре все может перевернуться, и голова теперешнего общества окажется внизу, а ноги наверху. Он прямо угрожал общественным верхам войною жаков: «Помните ли вы о войне жаков? Она была ужасной... Вспомните о ней!»[27]

Конечно, предсказывая этот грядущий социальный переворот. Ретиф мечтал прежде всего о грандиозной аграрной революции, которая с корнем вырвала бы столь ненавистный ему феодализм. Угрожая богатым, он часто подразумевал под ними феодальных землевладельцев. Призывая бедняков поднять руку на своих тиранов, он рекомендовал нм захватывать «плоды садов», «урожай полей». Но мечта об этой антифеодальной аграрной революции сливалась у него с мечтой о полной ликвидации общественного неравенства и торжестве социальной справедливости, об упразднении всех богачей-паразитов и тех, кто владеет землей, и тех, кто владеет деньгами, о грядущем обществе, в котором хозяевами были бы не только крестьяне, но и все люди труда, где сапожники значили бы больше, чем бесполезные франты.

III

Уже в своих ранних произведениях, написанных в 70-х годах XVIII столетия. Ретиф пропагандировал уравнительные идеалы, связанные, прежде всего, с уравнительным перераспределением земли, с «черным переделом». В романе «Развращенный крестьянин», говоря от имени одного из своих героев о необходимости общественных преобразований, чтобы обеспечить счастье на земле, он писал: «Мы сделаем собственниками всех тех, кто обрабатывает землю для себя, и этим осчастливим народы... Мы будем стремиться уменьшить все огромные состояния и увеличить состояния крестьян, превращая их постепенно в собственников... Мы установим значительный налог на все, что является роскошью»[28]. В «Школе отцов» старик крестьянин, рассказывая о судьбе Нитри, приходит к следующему выводу: «Было бы весьма желательно, чтобы ввели в действие, хотя бы для наших сельских местностей закон евреев, который каждые пятьдесят лот аннулировал все приобретения и возвращал семьям их наследственные земли»[29]. В «Новом Абеляре» мы находим аналогичные мысли: «Истинный интерес государства (и даже монарха) заключается в том, чтобы имущества были распределены так, чтобы каждый человек был заинтересован в существовании государства, чтобы все были гражданами и чтобы общество не имело в своих недрах врагов, желающих его разложения». Для этого необходимо не только ликвидировать злоупотребления, являющиеся следствием феодализма, но и предотвратить образование больших состояний, вернуть часть богатств самым низшим классам, а также равномерно распределить труд[30].

Уравнительные идеи и требования «черного передела» Ретиф неоднократно выдвигал и в последующие годы. В «Ночах Парижа», опубликованных накануне революции, он вновь и вновь высказывался за немедленное всеобщее уравнительное перераспределение земли. Требуя упразднения громадных земельных наделов богачей, часто состоящих из необрабатываемой земли, бесполезных парков и угодий, он обращался с призывом увеличить число мелких собственников, дать народу маленькую собственность и «разделить равномерно земли»[31]. Описывая, какой будет Франция сто лет спустя, в 1888 г., он рисовал следующую картину: все крестьяне являются собственниками и каждый гражданин обязан давать отчет о средствах своего существования; нет больше бездельников и нищих — все работают[32].

Жорес, знакомый из произведений Ретифа лишь с «Развращенным крестьянином», ссылаясь в своей «Истории Великой французской революции» на высказанные там мысли о превращении всех крестьян в собственников, писал в этой связи, что до революции «аграрный закон отстаивался сколько-нибудь энергично и живо одним лишь Ретифом де ля Бретоном»[33]. Утверждение это, конечно, неверно. Накануне революции, особенно в 80-х годах, идеи «черного передела» пропагандировались отнюдь не одним Ретифом. К тому же сам Ретиф вовсе не ограничивался общими высказываниями о необходимости перераспределения земельной собственности, а разработал и детальный, аргументированный проект «черного передела».

Проект этот, названный им «Тесмографом», был закончен в 1788 г.[34] Индивидуальная собственность, писал Ретиф, обосновывая свой план, является причиной всех несчастий и всех пороков, обременяющих человечество, — судебных процессов, преступлений, воровства, убийств, тюрем, оков, виселиц, колесовании, постоянных распрей. Но, поскольку индивидуальная собственность допущена, поскольку люди не желают от нее отказаться, то необходимо хотя бы уменьшить неудобства этой собственности. Для этого необходимо ограничить ее в соответствии со здравым смыслом, разумом и добрыми нравами. Правительство должно стремиться, чтобы владения были разделены и раздроблены, насколько это только возможно, с тем чтобы всеобщность собственности сделала отсутствие общности почти неощутимой. Необходимо сделать всех частных лиц собственниками, так как это привяжет их к родине и превратит в граждан, а также увеличит производительность земли, поскольку мелкий землевладелец с большей тщательностью и большей пользой обрабатывает землю и получает со своего участка на треть больше, чем крупный собственник[35].

Основное мероприятие, предусматриваемое в этом проекте, — новый раздел земли. Все разночинцы (roturier) получают земельные наделы и становятся собственниками. Размер наделов определяется пропорционально величине семьи, но не может превышать 18 арпанов в местностях с хорошей землей, 36 арпанов земли среднего качества и 72 — плохой. Поскольку, очевидно, не все должны заниматься сельским хозяйством, граждане имеют право продавать свои земельные наделы, но лишь с обязательством употреблять с пользой вырученную сумму, чтобы заняться каким-нибудь ремеслом, искусством или торговлей. Церковное землевладение полностью ликвидируется — вся церковная собственность разделяется между гражданами. Что же касается дворянского землевладения, то оно сохраняется, но сильно ограничивается. Отдельные категории дворян остаются сюзеренами территорий определенного размера, владея на правах частной собственности лишь от 100 до 800 арпанов.

Фактическое владение, даже условное, приравнивается к собственности, если собственник не будет в течение 20 лет предъявлять своих прав, после чего он может домогаться лишь половины своей прежней собственности. Право собственности теряется также, если оно противоречит общественным интересам. Собственник обязан, за некоторыми исключениями, подчиняться установленным в данной местности правилам севооборота, не имеет права отгораживать свою землю после урожая, оставлять землю необработанной или же отводить свои земли под лес. Особенно легко утрачивается в случае небрежности и необработки земли право собственности, приобретенное покупкой. Одновременно ограничивается свобода завещаний, причем наследниками объявляются все дети как законные, так и незаконные. Поскольку с течением времени, в связи с продажей земельных участков, может фактически свестись на нет земельный передел, в проекте предусматривается восстановление еврейского «юбилейного года». Через каждые 50 лет должен производиться новый земельный передел, восстанавливающий первоначальное положение, причем граждане, продавшие свои участки, вновь получают свои наделы, если только по состоянию своих дел не предпочитают плату за них деньгами. При этом, естественно, возникает вопрос об избыточном населении. Проект разрешает этот вопрос в смысле эмиграции молодежи в колонии.

Еще за два года до «Тесмографа», в 1787 г.. появился в свет известный проект Госселена[36], в котором автор подробно развивал план уравнения земельных наделов путем распределения пустопорожних и заброшенных земель, земель духовенства и королевских доменов, а также путем выкупа и равного раздела владений частных лиц. «Тесмограф» является одним из подобного рода предреволюционных проектов, выдвигавших план уравнительного раздела земли. Проект этот — одно из выражений крестьянских чаяний «черного передела»[37]. Недаром Ретиф, подобно Госселену (тоже ссылавшемуся на свое крестьянское происхождение), указывал, что он выдвигает свое предложение на основе личного жизненного опыта, что он видел то, чего не видели другие литераторы,— поля. Изложенная в «Тесмографе» идея земельного передела вместе с такими предложениями, как направленное против феодальной реакции второй половины XVIII столетия требование приравнения фактического, неоспариваемого ранее владения, хотя бы условного, к безусловной собственности, как требования принудительной сдачи в аренду и обработки пустопорожних земель, запрещения отведения земель под лес, запрещения огораживания,— непосредственно выражала настроения и чаяния французского крестьянства, с положением которого Ретиф был так хорошо знаком и горести и невзгоды которого так глубоко чувствовал и переживал. Именно как выражение революционных настроений крестьянства, стремившегося покончить с сеньоральными порядками и феодальным землевладением, борьбы крестьян за землю и ценны предложения и проекты Ретифа об уравнительном перераспределении земельной собственности, которые мы находим в его предреволюционных произведениях.

IV

Антифеодальный по своей сути «черный передел» отнюдь не являлся, однако, для Ретифа коночным общественным идеалом. Сам он в «Тесмографе» недвусмысленно указывал, что проект этот представляет лишь план частичного преобразования, в условиях индивидуальной собственности, если люди не пожелают от нее полностью отказаться. И тут же он подчеркивал, что именно индивидуальная собственность является основной причиной всех общественных зол. Придя к такому убеждению еще за много лет до этого, Ретиф уже накануне революции упорно и последовательно выдвигал как общественный идеал, как конечную цель преобразования общества, полную ликвидацию частной собственности и установление общественного строя, основанного на общности имуществ.

А. Р. ИОАННИСЯН

Коммунистические идеалы окончательно складываются у Ретифа уже к началу 80-х годов XVIII в. В 1781 г. он публикует роман «Южное открытие», в котором в форме утопии, следуя традиции, установленной во Франции Верасом д'Илле, описывает коммунизм как идеальный общественный строй.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

В этом произведении[38] мы находим очень резкую критику современного ему общества с царящим в нем неравенством, с его законами, предрассудками, религией, семейными отношениями, с его воинами и угнетением одних рас и народов другими. Общий вывод автора сводится к тому, что первопричиной всех несчастий человечества является частная собственность. «На самом деле, рассуждая здраво..., не было бы более просто для всеобщего счастья, чтобы все было общим? Если бы вы видели, дорогие братья, сколько душевных и телесных мук, жестокости и крови стоит собственность человеческому роду, вы бы ужаснулись. Люди изнуряют себя работой; их гложут и пожирают заботы; они выслеживают друг Друга и убивают, другие выслеживают этих убийц и приводят их скованными в города, где им ломают руки и ноги; они воюют друг с другом, режут, жгут, насилуют, они судятся и теряют, судясь, больше, чем то, за что они спорят, — словом, закон собственности, безумный, варварский, глупый, злой закон... является источником всех несчастий человека»[39].

Одновременно в романе довольно подробно описываются идеальные общественные порядки, существующие у мегапатагонцев — народа, обитающего в южном полушарии. У мегапатагонцев существует лишь один закон, основные пункты которого следующие: «Все должно быть общим между равными. Каждый должен работать на общее благо. Все должны принимать одинаковое участие в работе». В стране мегапатагонцев вместо частной собственности существуют общность имуществ и одинаковая трудовая повинность для всех граждан. День делится на две равные части, 12 часов покоя и 12 часов деятельности. Первые 12 часов мегапатагонцы проводят в кругу своей семьи. «Другие 12 часов принадлежат обществу: они начинаются с 6 часов утра вместе с началом дня и закапчиваются вместе с ним в 6 часов вечера. Работа распределяется между всеми гражданами, соответственно силе и способности каждого, старшиной каждой четверти жилища. В каждом жилище проживает сто семейств... Когда каждый получил от старшины свое задание, то его тщательно, не торопясь, выполняют, вкладывая в дело все свое знание. Работа длится 4 часа. Вслед за этим собираются в общий для всего жилища зал на обед, который был изготовлен согражданами, чье занятие состояло в этом в течение 4 часов работы. После обеда отдыхают, что необходимо в этом жарком климате. Сои длится полтора часа; вслед за этим предаются различным увеселениям до ужина, по окончании которого каждый удаляется в свой апартамент со своей женой и со своими детьми. Граждан не принуждают брать всегда одну и ту же работу, наоборот, те, которые желают переменить род занятий, не встречают ни малейшего сопротивления со стороны старшин: граждан, наоборот, побуждают поступать так, и лишь те, которые категорически того просят, делают всегда одно и то же. На долю мужчин приходятся все работы вне дома и все тяжелые работы; на долю женщин — все домашние работы, за исключением работ, требующих силы, при которых нужно иметь дело с металлами, медью, платиной или камнем и деревом»[40]. «Когда все работают, работа является лишь удовольствием, потому что та часть работы, которая приходится на долю каждого человека, никогда не доводит до усталости: она лишь развивает и делает более гибкими члены, скорее содействует, чем вредит, развитию ума»[41]. Умственные работники не освобождены от физической работы: «Они, как и другие, выполняют ежедневную 4-часовую работу, и еще никто из них не пытался уклониться от нее; наоборот, они являются самыми усердными и самыми лучшими гражданами»[42].

После отнятия от груди дети передаются общественным воспитателям, которые выбираются как среди мужчин, так и среди женщин из числа наиболее достойных этой самой почетной должности в стране. В часы занятий дети обучаются чтению, письму, грамматике, языкам соседей, морали, истории и физике. В часы отдыха их путем игр постоянно приучают к физическому труду.

Мораль мегапатагонцев состоит лишь в стремлении быть счастливыми. Она едина и обща для всех. Во взаимоотношениях между гражданами царит доброта и честность. Правда считается столь священной, что граждане не разрешают себе даже самое безобидное ее нарушение. «Равенство подрывает корни всех пороков: нет больше ни воров, ни убийц, ни бездельников, ни совратителей». Вследствие этого у мегапатагонцев нет ни процессов, ни судей, ни уголовных законов, ни преступлений. Все это — результат равенства: «упраздните этот божественный дар природы, отвергнутый северными народами, и все пороки возродятся в скором времени».

Итак, в своей утопии Ретиф описывает коммунистическое общество, основанное на общности имуществ и всеобщем труде. Социальный строй мегапатагонцев — это общинный коммунизм. Каждые сто семейств образуют коммунистическую общину, проживающую в едином обширном здании, в котором находятся как жилые помещения для отдельных семейств, так и общие залы. Безусловно интересной является мысль о необходимости частой перемены работы, чтобы превратить труд в удовольствие, мысль, столь детально развитая впоследствии Фурье.

Ретиф не ограничивается, однако, тем, что рисует коммунистическое общество мегапатагонцев. В своей утопии — и в этом ее основное отличие от других аналогичных утопий XVIII столетия — он описывает также и несколько менее совершенный социальный строй, являющийся как бы первым этапом на пути к идеальным общественным порядкам мегапатагонцев. Строй этот устанавливается на соседнем Острове Кристины, король которого Викторин узнает от своего внука Германтина о стране мегапатагонцев. Считая, что невозможно сразу же ввести все их обычаи, Викторин публикует новый кодекс законов, совершенствующий существующие на острове общественные порядки. Следует сказать, что уже до этого там царил эгалитаризм, — не было бедных и богатых, существовало полное равенство имуществ, не было праздных. Теперь же, согласно новым законам, на Острове Кристины также устанавливается общность имуществ и всем гражданам вменяется в обязанность работать по 6 часов в день. Но семьи продолжают жить отдельно в своих домах, которые остаются в их пользовании. Каждый гражданин, продолжая заниматься своей работой, сдает продукт своего труда общине, получая за это определенное количество денежных знаков, на которые приобретает из общественных складов необходимые ему и его семье предметы потребления. Вследствие этого на Острове Кристины между гражданами сохраняется известное различие в положении, продолжает существовать различие между простым рабочим (ouvrier) и квалифицированным мастером (artiste). Поэтому и одежда отдельных лиц продолжает оставаться различной, как различны сами их занятия, «до тех пор, пока различия не исчезнут совершенно, как у мегапатагонцев».

Утопия Ретифа особенно интересна именно тем, что в ней дано описание отдельных фаз развития совершенного общественного строя. Все это преподносится автором в виде абстрактных рассуждений и фантастических описаний, вне какой-либо конкретной связи с реальной действительностью. Но при всем том «Южное открытие» — наглядное свидетельство того факта, что еще за 8 лет до революции Ретиф рассматривал эгалитаризм, уравнительное перераспределение собственности не как конечную цель общественного развития, а лишь как первый шаг к осуществлению «совершенного равенства» — коммунистического общественного строя. Его общественным идеалом являлся уже коммунизм.

V

Ретиф, еще до революции, не только провозглашал коммунизм общественным идеалом, но и пытался наметить пути ликвидации общественного неравенства и упразднения частной собственности.

Он, так же, как и многие другие представители коммунистической мысли, исходил из примера общин и выступал как один из авторов проектов ассоциаций.

Еще в 1775 г., в приложении к своему роману «Развращенный крестьянин», Ретиф опубликовал проект сельской общины в целях предохранения навеки сельских жителей «от неизбежной заразы городов, а также от нужды, которую слишком часто испытывают в деревне»[44].

Статут этой «общины» или «ассоциации» состоит из 10 разделов и 45 параграфов. Ассоциация основана на общности имуществ. Каждый член общины имеет в собственности лишь свою мебель, свое белье и свои платья, которые одинаковы для всех; предоставляется лишь выбор цвета и фасона. Каждый член общины получает для обработки часть пахотной земли, виноградника и луга и, кроме того, имеет право выпаса (после покоса) на всех общинных лугах. Домашние животные принадлежат всей общине, но распределены для пользования среди отдельных членов.

Все члены общины одновременно и в равной мере трудятся — занимаются земледелием, виноградарством, в дождливые дни чинят сельскохозяйственные орудия, изготовляют жерди для лоз, зимой молотят зерно. Ленивые унижаются и наказываются, а трудолюбивые и искусные отличаются и награждаются. Всякий член общины, плохо обработавший отведенный ему участок, подвергается общественному порицанию и, наоборот, прилежнее других работавшие и собравшие хороший урожай, получают общественные почести. День жителей общины строго регламентирован. Они одновременно встают, в определенные часы работают и одновременно ложатся спать. Питаются члены общины все вместе. Женщины и девушки по очереди готовят пищу. Жители проводят вместе свободное время, совместно развлекаются.

Посреди деревни находится обширное здание. В нем помещается общинная пекарня, рядом большой зал на 1000 человек — общинная столовая. С противоположной стороны — комната для правосудия. К столовой примыкает общинная рига, куда свозится зерно после уборки урожая. Наверху, над столовой и ригой, находятся амбары для пшеницы, ржи, ячменя, овса, гороха и чечевицы. Что же касается сена и соломы, то они на месте распределяются после покоса, за исключением части, выделяемой для нужд всей общины.

Кроме общественного фонда, делающего всех жителей равными, каждый имеет свой личный доход (pecule), состоящий как из наград, так и из тех денежных сумм, которые образуются в результате продажи хлеба и других продуктов — после вычета государственных налогов и общинных расходов. Эти суммы разделяются поровну между всеми членами общины, если только кто-нибудь не лишается своей доли полностью или частично в результате того или иного

проступка. Этот свой личный доход члены общины используют на покупку книг, мебели и других необходимых им вещей, а также земельной собственности вне предела общины. Они могут также вкладывать его в торговлю.

Во главе общины стоит старший в роде, власть которого после его смерти переходит к его старшему сыну. Два синдика следят за сельскими работами, за трапезой, за распределением личных доходов и выполняют полицейские функции. У них имеются помощники, следящие за домашними работами, за чистотой улиц и дорог и ведающие общественными развлечениями. Кроме того, общую инспекцию осуществляют все старики, не имеющие, однако, административных прав. Большую роль играют священник и учитель, избираемые населенном. Они председательствуют в общинном суде, разбирающем все проступки членов общины, в том числе нерадивое отношение к работе. В случае же совершения преступления, преступник выдается королевскому правосудию.

Община рассчитана на сто семейств. Новые семейства, возникающие в результате роста населения, не остаются в составе общины, а выделяются из нее и организуют поблизости новые аналогичные общины, основанные на тех же началах.

Автор считал необходимым повсеместную организацию подобных общин, сулящих сельскому населению благосостояние и довольство. «Было бы желательно, — указывал он, — чтобы чтение этого плана побудило подражать Уденской общине[45], более совершенной, чем общины овернские и окрестностей Орлеана». Как видим, пропагандируя идею сельских ассоциаций, Ретиф ссылался на известные уже нам овернские общины. А в «Школе отцов» мы находим и описание этих общин. В этой связи Ретиф заявлял: «Это не фикции, эти товарищества французских крестьян существуют в наше время: было бы прекрасно умножить эти ассоциации и превратить каждое селение в одну семью»[46].

Сведения об овернских общинах, почерпнутые Ретифом из современной ему литературы[47], были, конечно, использованы им при разработке своего плана сельской ассоциации. Несомненно, однако, что, выдвигая свой проект, Ретиф опирался в первую очередь на собственный жизненный опыт. Мы имеем в виду сохранившиеся в его родной деревне Саси общинные распорядки, с которыми он был хорошо знаком еще с детских лет и которые подробно описывал[48]. Действительно, при ознакомлении с проектом Ретифа нетрудно убедиться, что в его основе лежат общинные начала, сохранившиеся во французской деревне эпохи старого режима. Его проект сельской общины — это проект закрепления в расширенном и идеализированном виде общинного землевладения и старых общинных начал. Отсюда предусматриваемые проектом общинные распорядки в отношении обработки земли, сроке сельскохозяйственных работ и т.п., а в конечном счете и последовательная общинная регламентация труда и быта и даже общинно-коммунистическая организация потребления (общие трапезы). Стремясь избавить крестьянство от нужды, предотвратить его дифференциацию и предохранить деревню от роковых последствий развивающихся капиталистических отношений, Ретиф думал достигнуть этого путем превращения деревни «в одну семью», путем распространения и закрепления общинного землевладения.

Но выдвигая свой план организации сельских общин, он отнюдь не имел намерения замкнуть их в рамки натурально-потребительского хозяйства. Наблюдая разложение и размывание деревни под влиянием развития «торговли», Ретиф стремился пресечь этот процесс путем укрепления общинных начал, используя, однако, эту же «торговлю» в целях материального благосостояния и преуспевания объединенных крестьянских хозяйств. Поэтому его сельская община (которую он недаром именует также ассоциацией) носит уже во многих отношениях характер сельскохозяйственного паевого товарищества. Такой характер придает его проекту производство на рынок с распределением между членами ассоциации чистой прибыли, личные доходы членов товарищества от совместного сбыта на рынке сельскохозяйственной продукции, доходы, которыми они могут располагать по своему усмотрению. Проект сельской ассоциации Ретифа носил, таким образом, как и другие проекты ассоциаций этой эпохи, двойственный характер, представляя своеобразное переплетение, амальгаму старых общинных идеалов и новых кооперативных идей. Подобный двойственный характер проекта Ретифа неизбежно вел к целому ряду внутренних противоречий, в частности, к противоречию между общинно-уравнительными идеалами, общинно-коммунистической организацией потребления и системой личных доходов членов товарищества.

Ретиф не ограничился, однако, проектом сельской ассоциации. Вскоре он разработал проекты ассоциаций и для городских жителей. Такие проекты мы находим в его произведениях «Новый Абеляр», «Современницы», «Ночи Парижа»[49]. Все эти три проекта схожи друг с другом и построены на одинаковых принципах. Группа городских жителей объединяется, делая общим свое имущество и поселяясь вместе. Члены ассоциации продолжают индивидуально заниматься своей профессией, будь то торговля, ремесло или умственный труд, доходы же вносят в общий фонд для ведения совместного домашнего хозяйства. Эти ассоциации являются, следовательно, только потребительскими товариществами. Если и упоминается об общем руководстве делами, то под этим подразумевается лишь обязанность каждого члена товарищества предоставить отчет о состоянии своих дел.

Проекты городских ассоциаций Ретифа преследовали цель облегчить существование отдельных групп городских жителей в условиях, усиливающейся конкуренции и всеобщей войны всех против всех, когда «каждый живет лишь для себя» и когда господствует «бесстыдный эгоизм». Особенно наглядно эта социальная цель выявлена в проекте, опубликованном в «Современницах», предусматривающем объединение ремесленников, мелких торговцев и лиц умственною труда. Она ясно указана самим автором, отмечающим, что цель ассоциации — предохранение ее членов путем взаимной поддержки от жизненных превратностей, обусловленных общественным устройством. Проект «Ночей Парижа» тоже провозглашает целью объединение против жизненных зол.

Эти городские проекты ассоциаций Ретифа также носят двойственный характер. Являясь типичным идеалом потребительских общин, они предусматривают общинно-коммунистическую организацию потребления, вплоть до самой строгой регламентации еды, одежды и т.д. Но в то же время некоторые из них наделяются уже чертами паевого товарищества. Если в проекте «Современниц», наиболее близком к старым общинно-коммунистическим идеалам, торжественно провозглашается нерасторжимость ассоциации, то в проекте «Нового Абеляра» прямо указывается, что члены ассоциации имеют право выйти из нее, получив обратно свой пай, за исключением одной трети, которая, однако, также возвращается в дальнейшем их детям вместе с процентами.

В проекте, опубликованном в «Современницах», Ретиф прямо ссылался на общины гернгутеров, как на образец, с которого скопирована предлагаемая им ассоциация. На «моравов» он ссылался и в других своих произведениях. Ссылки эти были, разумеется, не случайными. Не один Ретиф приводил, как мы знаем, наряду с овернскими общинами, и пример моравских общин, как образец, достойный подражания.

Проект сельской ассоциации Ретифа и его проекты городских ассоциации предусматривали, таким образом, создание отдельных производственно-потребительских или даже просто потребительских общин в условиях существующего общественного строя. Но эти проекты послужили для Ретифа исходным пунктом при разработке общего плана переустройства общества на новых началах. Придя вскоре к коммунистическим идеалам, мечтая об осуществлении коммунизма, он именно в производительно-потребительских товариществах стал видеть путь к коммунистическому переустройству общества.

VI

В 1782 г., через год после опубликования утопии «Южное открытие», вышел в свет отдельной книгой проект Ретифа «Андрограф, или идеи честного человека о проекте регламента, предлагаемого всем нациям Европы, чтобы осуществить всеобщую реформу нравов, а посредством нее обеспечить счастье человеческого рода»[50].

Автор исходит из того положения, что идеалом явилось бы установление общественного строя, основанного на общности имуществ. В параграфе, озаглавленном «Общность имуществ», он пишет: «Было бы уместно установить при новом режиме общность имуществ и средств — источник всех добродетелей, общность, которую вменил в долг законодатель христианства». Это и было бы совершенным равенством. Однако проект предусматривает непосредственно осуществление лишь «рода равенства», если не между всеми гражданами, то хотя бы между различными классами.

В этих целях все население страны объединяется в общины-корпорации. В деревнях организуются сельские общины с общинной собственностью на землю; в городах в отдельные общины-корпорации объединяются ремесленники, торговцы, негоцианты и лица умственного труда — литераторы, работники искусств, врачи, адвокаты, а также дворянство и духовенство. Каждая такая ассоциация объединяет своих членов как в отношении их дел и занятий, так и в отношении потребления, заботясь одновременно о больных и неработоспособных. Поэтому подавляющее большинство этих ассоциаций (за исключением ассоциаций торговцев, дворянства и духовенства) являются производительно-потребительскими товариществами. Если земля становится собственностью сельских общин, то в городских корпорациях орудия производства принадлежат всей корпорации и лишь распределяются для пользования между ее членами.

Во главе каждой общины-корпорации стоит бюро, состоящее исключительно из пожилых лиц. Члены отдельных корпораций сносятся друг с другом не непосредственно, а через свои корпорации. Так, например, заказы даются не отдельным ремесленникам, а бюро их корпорации, причем заказчиками тоже являются не отдельные граждане, а другие общины. Точно так же требования на товары направляются не отдельным торговцам, а их бюро. Каждая корпорация снабжает путем обмена другие и, в свою очередь, снабжается ими всем необходимым, в том числе и орудиями производства. Путем этого обмена регулярно четыре раза в год все население получает одежду. Особые общественные надзиратели следят за расчетными балансами отдельных общин-корпораций с том, чтобы баланс поставок и поступлений каждой из них оказался уравновешенным, если не за год, то хотя бы за несколько лет. Исключение делается только в отношении сельских общин. Крестьяне снабжают государство продовольствием по твердым нор-

мам. В среднем они обязаны сдавать в общественные склады из своего чистого производства. На основе этих поставок организуется общественное питание всего населения.

У каждой сельской общины, а в городе у каждой корпорации имеется специальное помещение, состоящее из столовой, где организуются общие трапезы, кухни, погреба и амбаров. Первое время, однако, общественное питание не является одинаковым для всех граждан, а различно для отдельных классов. Если, например, обед крестьян и ремесленников состоит из супа с мясом, сыра, фруктов и вина, то обед буржуа и лиц высших профессий состоит из двух блюд, десерта, дорогого вина, фруктов и различных деликатесов. Но уже через поколение общественное питание всех граждан уравнивается. То же относится и к жилищным условиям. Все граждане через посредство своих общин обеспечиваются помещениями, но жилищные условия отдельных классов остаются в первое время различными, до того как старые дома постепенно будут заменены новыми, одинаково удобными.

Таким образом, в результате реформы все граждане обеспечиваются общественным питанием, одеждой, жилищем. Помимо этого они имеют еще личные доходы. В распоряжении отдельных общин-корпораций имеется известный товарный фонд, состоящий или из сельскохозяйственных продуктов, или из изделий всякого рода, или из произведений умственного труда, фонд, реализуемый за наличный расчет. В проекте несколько неясно, кому продают корпорации имеющиеся в их распоряжении товары. Упоминается лишь, что речь идет об «общественных продажах» и что книги, в противоположность другим товарам, продаются непосредственно отдельным гражданам. Очевидно, за исключением произведений умственного труда, товары продаются оптом корпорациям торговцев, в свою очередь перепродающих их, ибо иначе остается совершенно непонятным существование торговых корпораций, не играющих никакой посреднической роли в безналичных поставках производственных ассоциаций. Вырученные от продажи товаров деньги, за вычетом общих расходов и страховой суммы, распределяются между членами общин-корпораций, но не равными долями, а сообразно заслугам каждого. Точно так же в виде личного дохода распределяется и выручка корпораций торговцев и крупных негоциантов, ведущих внешнюю торговлю. Каждый гражданин является полным хозяином своего личного дохода и может им распоряжаться по своему усмотрению. Он может приобретать на свои деньги все, что можно было приобрести за деньги и до реформы, — не только предметы обихода, книги, но и предметы роскоши, вплоть до драгоценностей, — а также вкладывать их во внутренние или внешние займы, причем, правда, размер процента не может быть выше трех.

Итак, непосредственно осуществляемая, согласно проекту «Андрографа», общественная реформа не устанавливает совершенного равенства, не ликвидирует еще классовые различия. Каждый класс объединяется в различного рода общины-корпорации, но классы, как таковые, остаются. Поскольку же сохраняются нетрудовые классы, остаются и нетрудовые доходы, какими являются, например, доходы от внутренней и внешней торговли.

В чем же в таком случае состоит сущность предлагаемой автором реформы, в чем он видит преимущества устанавливаемого ею строя? Первое преимущество — ликвидация нищеты, всегда сопровождаемой «тремя фуриями» — голодом, завистью и низостью. Если в современном обществе каждый гражданин предоставлен самому себе, то в случае осуществления реформы всем гражданам гарантируются средства к существованию. В результате объединения в общины все граждане обеспечиваются питанием, одеждой и жилищем и, таким образом, даже самые неимущие не обречены больше не произвол судьбы, а обеспечиваются прожиточным минимумом. Вследствие этого при новом строе не будет больше людей порочных и преступных, так как источником всех пороков и преступлений является нищета.

Объединенные в общины, люди не будут больше изолированными и враждующими друг с другом. Изменится сама движущая сила людских поступков. В настоящее время этой движущей силой является противоречие интересов. В результате в каком грустном положении находится теперь человечество! В мирное время, при полной обеспеченности от нападения внешних врагов, в безопасности от врагов внутренних, люди иссушены скорбью и заботами. Нет добродетели, добрых нравов, чистосердечности, честности, добросовестности. Каждый человек смотрит на другого недовольным взглядом, взором недоверия, ненависти, зависти. Причина этого — эгоизм, роковой принцип жить для себя. Больше друг друга не убивают и не режут, как во время гражданских войн, но каждый получает от себе подобных тысячу мелких ран. Больше не врываются в дома, чтобы грабить и насиловать, но разоряют банкротствами и бесчестными поступками и свободно соблазняют жен и дочерей. Эгоизм отравляет, таким образом, все источники счастья — любовь, дружбу, отцовскую нежность, упраздняет взаимное доверие, изолирует социального человека, лишает его поддержки ему подобных, превращая их в неприятелей, и обрекает его на полное одиночество. В случае же осуществления реформы все интересы сольются в один, все станут стремиться к одной и топ же цели, каждый человек, вместо того чтобы встречать противодействие со стороны себе подобных в своем стремлении к спокойствию, изобилию, честным удовольствиям, общественному уважению, будет получать содействие во всех своих усилиях и благодаря этому с большей легкостью достигать своей цели.

В условиях ассоциативного строя стремление к общественной пользе, к лучшему выполнению той или иной общественно полезной Функции будет гармонировать с личными интересами отдельных лиц.

Реформа, устраняя все пороки современного общества, не ведет к подавлению дарований и искусств и не наносит никакого ущерба соревнованию. Хотя еще останутся общественные различия, но интересы богатых и бедных не будут больше противоречить друг другу, так как обеспеченным прожиточным минимумом незажиточным гражданам не будут больше свойственны характерные современным беднякам зависть и низость, а с другой стороны, богатые не смогут заставлять их все делать и все терпеть. Богатый не сможет больше покупать честь бедного, а бедный не будет вынужден себя продавать.

Осуществляемый на основе ассоциации, объединения всех классов общества в общины, «род равенства» при всех его преимуществах по сравнению с существующим общественным строем, не будет, однако, существовать вечно. С течением времени этот, установленный реформой, «род равенства» неизбежно приведет к «совершенному равенству», к полному исчезновению всех классовых различий, к ликвидации всех бесполезных, паразитических элементов.

На первых порах организуются особые корпорации дворянства и духовенства, поскольку нет надежды, что дворяне сразу же добровольно откажутся от своих «столь стеснительных отличий». Но дворянство и духовенство в результате реформы лишаются своей материальной базы — вся земля переходит в распоряжение крестьянских общин. Дворяне не только немедленно лишаются всякой власти «над так называемыми низшими классами»: их всячески побуждают отказаться и от своего звания. Дворяне, как и представители духовенства, допускаются одновременно в состав других корпораций, с тем чтобы они превратились в полезных граждан. Таким образом, дворянство как особое сословие будет постепенно ликвидировано. Спустя некоторое время не будет больше особых корпораций дворянства и духовенства.

С течением времени, в условиях ассоциативного строя, исчезнут все общественные различия между богатыми и бедными. Выше мы видели уже, что через поколение полностью уравняются жилищные условия и общественное питание членов всех общин. Единой станет и одежда, которая впредь будет отличаться лишь по возрасту, личным заслугам и занимаемым общественным должностям. Слиянию высших и низших классов будет содействовать и ряд других мероприятий — постоянный контакт различных слоев общества (на общественных празднествах, путем взаимных приглашений на трапезы и т.д.), общественное воспитание детей (с обязательным обучением труду), смешанные браки. Наконец, к полной ликвидации общественного неравенства неизбежно должно привести и ограничение права наследования. Дети богачей-негоциантов могут наследовать личные доходы своих родителей в размере, не превышающем более чем в два раза личные доходы других граждан; все же остальное становится общественным достоянием. Помимо этого, «граждан коммерсантов» всячески поощряют добровольно отказаться, хотя бы в старости, от излишков своего состояния, вознаграждая их за это соответствующими почестями. Так постепенно исчезнут все классовые различия. В будущем, указывает автор, различия по личным заслугам станут единственными различиями среди людей.

Как видим, общественная реформа, изложенная в проекте «Андрографа», является лишь средством для достижения полного коммунистического равенства. Объединение всех слоев населения в общины, с общинной собственностью на землю и орудия производства, должно в конечном счете привести к ликвидации классов и установлению коммунистического общественного строя, основанного на общности имуществ. Общность имуществ — такова основная цель этого проекта, как на это недвусмысленно указывает сам автор. Поэтому в предисловии он и ссылается на республику Платона и утопию Томаса Мора. Говоря о своем проекте полной реформы, он пишет в «Тесмографе»: «Можно было бы и даже должно было бы упразднить частную собственность, чтобы придерживаться общей собственности, которая предотвращает все внутренние неудобства. Это и есть весьма обширный, очень ясно изложенный план «Андрографа»»[51].

При ознакомлении с «Андрографом» прежде всего бросается в глаза антифеодальная направленность этого проекта. Он предусматривает полную, радикальную, безоговорочную ликвидацию сеньоральной системы и феодального землевладения, передачу всей земли крестьянам, упразднение дворянства как особого сословия. Подчеркивая эту цель своего проекта, Ретиф писал во время революции одному из своих корреспондентов: «Я стремился, начиная с 1782 г., искусными средствами уничтожить дворянство (смотрите мой «Андрограф»)»[52] В этом отношении «Андрограф» выражал всю ненависть автора к феодализму.

Но проект этот носил не только антифеодальный, но и антикапиталистический характер. Он преследовал цель покончить с царящим в обществе противоречием интересов, с войной всех против всех, с всеобщим эгоизмом; он ставил своей задачей положить конец нищете не только в деревне, но и в городе, а в конечном счете и всему общественному неравенству путем переустройства всего общества на началах ассоциации.

Не представляет труда выяснить генезис системы «Андрографа». Его, несомненно, следует искать в проектах ассоциаций Ретифа, прежде всего в проекте сельской ассоциации[53]. В «Андрографе» мы видим такое же объединение крестьян в ассоциации-общины с общинной собственностью на землю, с такими же общими трапезами и с такой же системой личных доходов. В этом проекте, однако, предусматривается объединить в аналогичные производительно-потребительские товарищества также и городских жителей по роду занятий. Так, исходя из идей отдельных ассоциаций, организуемых у условиях существующего общественного строя, Ретиф приходит к идее переустройства всего общества путем объединения как сельских, так и городских жителей в производительно-потребительские товарищества. Если сельские ассоциации Ретифа сочетали общинные начала с идеями сельскохозяйственной кооперации, то и общины «Андрографа», наряду с общинной собственностью на землю и орудия производства и общими трапезами, также носят характер кооперативных объединений, распределяющих между своими членами полученную прибыль. Если сельские и городские ассоциации преследовали цель уберечь своих членов от нужды и жизненных превратностей, то проект «Андрографа» ставил своей непосредственной целью путем объединения всего населения в общины-корпорации полностью искоренить нищету, обеспечить всех прожиточным минимумом, ликвидировать общественные противоречия, с тем чтобы затем постепенно, на базе общей собственности, достичь полного коммунистического равенства. Ретиф пытался, таким образом, наметить конкретный путь к коммунизму, переустроив общество на началах ассоциации, превратив его из суммы отдельных лиц в сумму отдельных ассоциаций, отдельных производительно-потребительских товариществ. Проект «Андрографа» занимает поэтому особое, оригинальное место в истории общественной мысли XVIII в., предвосхищая многие идеи и построения утопического социализма и коммунизма XIX столетня[54].

Проект «Андрографа» наглядно показывает корни коммунизма Ретифа. Когда жизненный опыт, опыт крестьянина и типографского рабочего, привел его к резко отрицательному отношению к общественному неравенству и социальным несправедливостям, когда он стал искать основы нового справедливого общественного строя, то он, подобно многим своим современникам, взял за образец единственно доступный ему в ту эпоху пример — пример сельской общины. Именно поэтому коммунизм Ретифа и носил в те годы общинный характер. Предполагая на первых порах объединить отдельные группы населения в общины-ассоциации по профессионально-классовому признаку, он мечтал о том времени, когда общество будет состоять из однородных коммунистических общин по сто семейств каждая.

Рисуя эти радужные перспективы, открывающиеся перед человечеством, Ретиф не видел в то время реальных общественных сил, способных осуществить его мечту. В предисловии к «Андрографу» он задавал вопрос, почему никогда не пытались осуществить столь выгодное для человеческою рода общественное устройство, предложенное такими великими людьми, как Платой, Томас Мор и аббат Сен-Пьер. Отвечая на это, он указывал, что народные низы — рабочие (manoeuvres), ремесленники, вплоть до низших слоев буржуазии — это людская масса, которой внушают все, что хотят, которая подчиняется воле других, которую можно убедить, что полдень — это ночь, а ночь — это полдень, которая простерта ниц перед своими угнетателями и способна разорвать своего благодетеля, жертвующего своим временем, здоровьем, состоянием, чтобы ее просветить и сделать се участь менее несчастной. Зажиточные слои, в чьих руках сосредоточены богатства и власть, не имеют никакого интереса улучшить положение общества. Их личная участь настолько счастлива, насколько они этого желают, и хотя реформа сделала бы их еще более счастливыми, они этому не верят и считают, что лишь потеряют от нее. Что касается средних слоев, то они в своем большинстве тоже состоят из ограниченных людей, безразличных к общественному благу, заинтересованных в сохранении злоупотреблений. Лишь просвещенные люди из средних слоев желают социальной реформы, установления благодетельного общественного режима, который сделал бы человеческий род счастливым. Кто мог бы в этих условиях осуществить всеобщее благо? Даже король вряд ли мог бы это сделать. Какое значение могут иметь бессильные пожелания шестой части общего числа граждан, составляющих среднее сословие?[55]

Итак, Ретиф, в противоположность многим утопистам, не строил иллюзий в отношении господствующих классов и не верил в возможность осуществить переустройство общества с их согласия и с их помощью. В то же время он проявлял пессимизм и в отношении народа, в частности, рабочих и ремесленников, считая их слишком отсталыми и порабощенными, чтобы активно бороться за радикальное общественное переустройство. В этих условиях коммунизм представлялся ему общественным идеалом, который могли воспринять лишь просвещенные люди среднего сословия, т.е. представители интеллигенции.

Опубликование «Андрографа», казалось, подтвердило самые пессимистические прогнозы Ретифа. Оно прошло совершенно незамеченным. Книга не получила никакого отклика. В единственном отзыве, опубликованном в феврале 1783 г. в журнале «Esprits des Journaux», «Андрограф» зло высмеивался, причем автор рецензии заявлял о своем намерении не читать

больше ни одного произведения Ретифа, за исключением «Морографа, или реформированного сумасшедшего», в котором тот изложил бы собственную историю[56]. Во всей переписке Ретифа этого периода мы находим только одно письмо, в котором упоминается об «Андрографе», а именно письмо либерально настроенного виконта Тустен-Ришебура, лично с ним знакомого[57]. Этот виконт отзывался положительно о проекте «Андрографа»; он хвалил Ретифа за то, что тот не подражает тем демагогам, которые нападают лишь на дворянство, лежа в то же время навзничь перед богатыми, и указывал, что если, не устанавливая общности или почти полного равенства имуществ, упразднить лишь прерогативы дворянства, то это означало бы отдать все на произвол богатства. Виконт, как видим, был доволен главным образом тем, что Ретиф не выступал, подобно другим, только против сословных привилегий дворянства, а хотел подорвать социальное могущество также и буржуазии, стремившейся вытеснить дворянство и занять господствующее положение в обществе.

В своем ответном письме Тустен-Ришебуру Ретиф называл «Андрограф» своим лучшим и наиболее важным произведением. В «Общем ответе бесчестным людям, клевещущим на произведение Н.Э.Ретифа де ла Бретона» он также писал, что «Андрограф» «наиболее прекрасный кодекс, который могли бы принять люди»[58]. Несмотря на заговор молчания, каким был встречен его проект, он продолжал упорно его пропагандировать. В обзоре своих произведений, опубликованном в 1784 г., отмечая, что журналисты до сих пор совершенно не говорили об этом проекте, он подчеркивал, что по важности темы проект этот гораздо выше предыдущих[59]. Он характеризовал «Андрограф» как уникальное произведение, произведение глубокой философии, предусматривающее радикальную реформу, и выражал удивление, что развращенный век допустил, чтобы эта работа увидела свет[60]. Ссылался Ретиф на «Андрограф» и в «Ночах Парижа», призывая министров, должностных лиц, граждан всех трех сословий обратить внимание на этот проект[61].

Одновременно Ретиф настойчиво продолжал в своих последующих произведениях провозглашать коммунизм совершенным общественным строем. Он вновь ссылался на традиционные для XVIII в. примеры — законодательство Ликурга, общественный строй Крита, первоначальное христианство, общественные порядки американских дикарей — как на образцы, достойные подражания. «Среди отомаков, добродетельного племени Америки, живущего на берегу Ориноко,— писал он,— все без исключения отдыхают и развлекаются после полудня, потому что все без исключения работают утром на общем земельном участке»[62]. «Были и могут быть общества (как в Спарте, как среди отомаков в Америке, и т.д.), где, поскольку нет собственности, не может быть и воровства[63]». «Труд никогда не является утомительным, когда он выполняется всеми; он отнимает лишь половину времени, оставляя другую половину для отдыха и развлечений... Не нужно принимать полумер в отношении зла, нужно его искоренить, а это может быть достигнуто лишь установлением совершенного равенства (parfaite egalite); частичное равенство вскоре вернуло бы вещи к тому положению, в каком они находятся в настоящее время»[64]. Люди могут быть счастливы лишь тогда, когда будут равномерно делить между собой и работу и пользование[65]. «Никто в обществе не является исключительным собственником своих имуществ, своего таланта, добродетелей, красоты, силы, знания. Общественным договором он все это сделал общим: все несчастья, злоупотребления, пороки проистекают из плохо продуманной идеи людей, что, живя в обществе, они являются собственниками чего бы то ни было». Даже животные живут в общности. Человек, обладающий разумом, должен в этом отношении брать с них пример, «Все зло, которое существует в мире, проистекает от собственности. Совершенно неправильно ее считают полезной, полагая, будто она придает людям энергию; имеются другие средства, менее опасные, способные ее заменить». Ведь собственность «изолировала людей, породила честолюбие надменность, скупость, воровство, убийства, совращение жен и дочерей бедных; другими словами, она все погубила»[66]. «Проклятый закон собственности» является «источником всех несчастий человека». «А между тем во Франции имеются безумцы, которые ссылаются на него и богохульствуют, называя его священным»[67]. «Как вы не уяснили себе, что было бы лучше упразднить собственность, сделать для молодежи труд делом чести с надеждой ил отдых в старости, чем установить как основу общества обычаи, который создает состояние войны, разделяет всех граждан, восстанавливая их друг против друга, постоянно сталкивая личный интерес с общественным»[68].

Выше мы видели, что, даже разрабатывая в 1788 г. проект «Тесмографа», проект уравнительного земельного передела, он не только не отрекался от своего конечного общественного идеала, а, наоборот, пользуясь случаем, вновь резко осуждал индивидуальную собственность и противопоставлял ей общую собственность как основную, конечную цель, к которой надлежит стремиться.

Таковы были общественные воззрения Ретифа в момент, когда во Франции разразилась, наконец, революция, неизбежность которой он уже давно и настойчиво предсказывал.

VII

Накануне созыва Генеральных штатов Ретиф опубликовал политический памфлет, помеченный 26 февраля 1789 г., — «Самый сильный из памфлетов. Сословие крестьян — Генеральным штатам»[69]. Памфлет этот был опубликован им под псевдонимом некоего Noillac, «бывшего солдата испанских колоний... а в настоящее время земледельца». Принадлежность этого памфлета Ретифу не вызывает, однако, никакого сомнения[70].

В своем памфлете Ретиф требовал, чтобы голосование в Генеральных штатах производилось бы не посословно, а подсчитывались бы голоса всех депутатов в целом; чтобы после окончания работы Генеральных штатов было бы создано постоянное, ежегодно переизбираемое представительное учреждение, наподобие английской Палаты общин. Одновременно Ретиф выдвигал целую программу общественно-политических реформ. Духовенство не должно быть отдельным сословием, его доходы должны поступать в распоряжение государства. Дворян нужно лишить их сеньоральных прав — «сословие дворян не должно быть вечным». В то же время необходимо учитывать, что к «пожирающей глотке» общества принадлежат не только знать, а и все крупные собственники, все богачи, все те, кто имеет деньги. До сих пор не удавалось сотворить благо за счет знатных и богачей, так как их голос принимали за голос всего общества, их слушались, потому что всегда слушаются тех. кто имеет золото и власть. Народ теперь должен поднять свой голос, объявить, что богачи лгут, когда говорят от имени народа, потребовать, чтобы богачей обложили справедливыми налогами, чтобы у спекулянтов отобрали в пользу национальной казны все их состояние, вплоть до последнего су. Необходимо, наконец, осуществить принципы христианской религии: чтобы первые стали последними, а последние — первыми. Нужно ввести прогрессивный подоходный налог, обложить крупного собственника для облегчения мелкого, установить гербовый сбор — налог, который взимался бы со спекулянтов и торговцев и который рассматривается как одиозный «лишь достойными наказания капиталистами». Необходимо издать законы против роскоши, чтобы значительно ее ограничить. Нужно стремиться всячески дробить крупные состояния. «Вместо того, чтобы сохранять в целости состояния, делите их, делая наследниками всех детей». Процветание государства зиждется на «полезном труде». Каждый гражданин должен поэтому быть обязан «указать на свои законные средства к существованию и повседневные занятия, полезные для общества и гарантирующие его от безделья».

Итак, Ретиф выдвигал программу, предусматривавшую не только ликвидацию сословных привилегий дворянства и духовенства, сеньорального строя, по и уравнительные мероприятия в целях смягчения существующего общественного неравенства. Осуждая крупных собственников и богачей, настаивая на разделе крупных состояний, он требовал, чтобы все граждане занимались общественно полезным трудом. Но он не предлагал рассматривать эту уравнительную программу как конечную цель. Говоря о стоящей перед Генеральными штатами задаче разработать конституцию, он писал: «Ах, какую бы прекрасную (конституцию. — *А.И.*) можно было бы вам предложить! А именно, конституцию всеобщего братства, какую предписывает святая религия, которую вы исповедуете, или такую, какую набросал один мечтатель в духе Сен-Пьера в безвестной работе, озаглавленной «Антропограф»[71]. Он вновь ссылался на пример индейского племени отомаков: «Именно среди этого счастливого племени все работают сообща (encommun) по утрам, либо сея маис, либо занимаясь охотой, а после полудня все вместе развлекаются»[72]. Трактуя христианскую религию в коммунистическом духе, характеризуя се как «закон согласия и братства, значительно превосходящий все наши слабые проекты реформ», он выражал пожелание, чтобы она соблюдалась во всей своей «первоначальной чистоте»[73]. Он мечтал о том времени, когда будут существовать общие трапезы. И обращаясь к обществу, именуемому им Великим целым, он восклицал: «Если бы вы достигли этого счастья! Если бы все имущества были бы общими! Если бы самым большим отличием героя был венец из дубовых листьев, а самой прекрасной и самой благородной девушки — венец из роз... Скажи Великое целое: да будет так»[74]. Общность имуществ — вот тот общественный идеал, который выдвигал Ретиф в своем памфлете, вот та идеальная конституция, которую он предлагал вниманию Генеральных штатов.

Вскоре (видимо, уже после открытия Генеральных штатов) Ретиф перепечатал свой памфлет под другим названием[75]. На первых двух страницах он обращался от имени народа к представителям нации, призывая их поскорее покончить с гнетом аристократии. Далее следовал тот же текст, что и в предыдущем памфлете, и снова содержался призыв к установлению общности имуществ.

Эти два памфлета Ретифа занимают, несомненно, особое место в потоке политических памфлетов, опубликованных во Франции весной 1789 г. Наряду с «Катехизисом человеческого рода» Буасселя — это единственно известное нам обращение к Генеральным штатам, в котором не просто критикуется общественное неравенство, а и ставится вопрос об установлении общности имуществ.

А. Р. ИОАННИСЯН

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва: Наука. 1966

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Революционные события Ретиф встретил с двояким чувством. Вышедшая в 1790 г. 15-я часть «Ночей Парижа»[76], в которой содержится хроника событий с апреля 1789 г. по май 1790 г., дает возможность составить представление о политических настроениях Ретифа в первый год революции. С одной стороны, он проявлял неподдельную бурную радость в связи с крушением ненавистного ему «феодализма» и восторженно приветствовал революцию[77]; с другой — не скрывал чувства страха перед пролитой кровью, перед совершаемыми насилиями. Эти противоречивые настроения Ретиф пытался своеобразно примирить, приписывая эти насилия провокациям аристократов и агентов старого режима. Это давало ему возможность радоваться успехам и достижениям революции и одновременно осуждать «эксцессы», выгодные лишь аристократии и ее приспешникам. При этом в понятие «аристократов» он включал не только министров, интендантов, прокуроров, знатных, епископов, монахов, но и рантье, спекулянтов и «почти всех богатых»[78]. В то же время он резко обрушивался на «чернь» и на профессиональных нищих. Это они, утверждал он, во время «народных мятежей» смешиваются в городах с «чернью» и совершают те преступления, «которые приписывают народу». Между тем это совершенно другие люди и никогда «среди нищих не было трудящихся»[79]. Как видим, Ретиф противопоставлял народ (peuple), состоящий из трудящихся (travailleurs), «черни» (populace). Все эти революционные «эксцессы» в Париже он приписывал черни, защищая народ от обвинений в грабежах и убийствах.

Начавшуюся революцию Ретиф рассматривал не просто как революцию политическую, а как революцию социальную, которая должна покончить не только с политическим гнетом, по и с общественным неравенством. Наступают времена возрождения, писал он. Приверженцы старого не должны поэтому противиться, так как противиться — значит ухудшить свою участь. «Вопрос решен! Необходимо, чтобы осуществились химеры моего детства! Необходимо, чтобы был развит основной принцип христианства, который привел бы к равенству как к своему естественному следствию».

Сколь искренни были его мечты, видно из того, что в каждом ничтожном факте ему мерещилось грядущее осуществление его чаяний. Так, в братании граждан, происходившем в апреле 1790 г. во время празднества конфедерации в Нанси, он видел предвестье ликвидации классовых различий и наступления «золотого века»: «Какое восхитительное зрелище представляет этот счастливый город! Он составляет одну семью и воспроизводит одновременно золотой век и прекрасные дни Спарты. Все столы — общие, и к ним допускают бедняка, бедняка, более чуждого своим соотечественникам, чем готтентоты. Вот что называется пользоваться свободой!»[81]

О социальных чаяниях и надеждах Ретифа в начале революции, о его планах радикального переустройства общества дает наглядное представление и «Тесмограф», вышедший в свет в конце 1789 г. Известный под этим названием проект уравнительного земельного передела, рассмотренный нами выше, был разработан Ретифом еще до революции. Но книга, в которой был опубликован этот проект, была начата печатанием в ноябре 1788 г., а закончена лишь в ноябре 1789 г.[82] В процессе печатания книга эта непрерывно росла. Достаточно сказать, что сам проект занимает лишь ее первую часть, всего 156 страниц. Вторая же, значительно более обширная часть (страницы 157—587) состоит из различного рода приложении, вставок, экскурсов и т.д. Большая часть этих материалов была написана, вернее непосредственно набрана Ретифом, уже в процессе печатания книги в 1789 г. Последние вставки помечены 3 и 28 ноября этого года. Во второй части «Тесмографа» мы находим многочисленные ссылки на Генеральные штаты, на политические события 1789 года, рассуждения на актуальные общественно-политические темы, различные проекты, предложения, рекомендации, прогнозы на будущее. Поэтому эта книга знакомит нас с мыслями, чувствами, надеждами Ретифа, возникшими под влиянием начавшейся революции.

Приступив к печатанию «Тесмографа», Ретиф сразу же решил посвятить свое новое произведение Генеральным штатам, указ о созыве которых был опубликован еще в августе 1788 г. Он предпослал поэтому «Тесмографу» специальное предисловие — обращение к Генеральным штатам. В нем оп предлагал вниманию своих «благородных, справедливых и почтенных сограждан» как этот проект, так и проект «Андрографа». В своем предисловии он, однако, упоминал об «Андрографе» лишь вскользь и не решался даже настаивать на немедленном осуществлении «черного передела», предусматриваемого в самом «Тесмографе». Он предлагал непосредственно провести только судебную реформу, чтобы упразднить злоупотребления в этой области, а также включить в состав Генеральных штатов четвертое сословие — сословие крестьян, дабы в нем была должным образом представлена значительная часть нации. «Что касается предлагаемой мной реформы законов и мудрого распределения недвижимых имуществ, то это иное дело, дело столь большого значения, что я не думаю, что можно было бы предпринять попытку осуществить это в первую очередь... необходимо мало-помалу подвести к этому нацию путем частичных реформ, которые сделали бы перемену незаметной»[83].

Но вот начинаются революционные события, и продолжая набирать свое новое произведение, Ретиф все более настойчиво ссылается на «Андрограф». «О, мои уважаемые сограждане! — восклицает он. — Почему вы не можете осуществить мою мечту «Андрографа»! Какое счастье вы установили бы на земле»[84]. И заканчивая печатание своей книги осенью 1789 г., Ретиф на последних страницах вновь обращается к депутатам Национального собрания, которых призывает продолжать великое дело обновления. Теперь он преисполнен таких надежд, что не только считает возможным немедленно осуществить «черный передел», но рассматривает эту частичную реформу как недостаточную и настаивает на установлении совершенно нового общественного строя по проекту «Андрографа». ««Андрограф» является планом полной реформы, который я осмеливаюсь, именитые и неприкосновенные граждане, рекомендовать вам прочесть. Я никогда не мог бы надеяться на счастье увидеть его осуществленным, если не в эти времена возрождения. Ах, если б его осуществить. Сколько было бы упразднено мук, какое счастливое братство было бы сразу установлено среди людей... О, законодатели, я повторяю, соблаговолите прочесть «Андрограф». Мы написали «Тесмограф» в 1788 г., по окончании «Ночей Парижа», потому, что мы не имели еще надежды, которую, наконец, имеем; нашей целью было дать лишь план частичной реформы, вместо реформы всеобщей»[85].

Во второй части «Тесмографа» среди приложений помещен «диалог» между годами 1788, 1789 и 1888. Год 1788 упрекает год 1789 в том, что он не оправдал надежд наций, связанных с созывом Генеральных штатов; он взбунтовал провинции, затем вовлек в свой водоворот население столицы, ниспроверг всякую субординацию. Год 1789 возражает на это: «Злоупотребления в мое время были столь велики, что в самый разгар кризиса, в момент самых больших страданий, самых больших беспорядков, самой большой распущенности, самого большого голода я говорил себе: я предпочитаю это порядку, полиции, субординации, изобилию, правосудию былых времен». Год 1888 также горячо выступает на защиту года 1789. Год 1789, заявляет он, не был виновен. Правда, его вторая половина была бурной. Но это был грозный кризис родов. Год 1789 стал зарей прекрасного дня. Он был подобен животворной туче, несущей не опустошение, а изобилие, несмотря на сверкающие молнии и угрожающие раскаты грома. Именно 1789 год положил начало тому благу, которым пользуются теперь, сто лет спустя. За это время было ликвидировано общественное зло, заключавшееся в крупной собственности, в большом количестве земель у богатых собственников, в поглощении наличных денег государственными займами, ажиотажем, торговлей, в отсутствии средств у земледельцев, терзаемых ростовщиками. «В настоящее время, говорит год 1888, все это упразднено. Были исправлены все злоупотребления во владении землями, а также домами; все французы были превращены в граждан; благодаря упразднению личной собственности было реформировано правосудие, была реформирована религия; теперь гражданские законы вполне согласуются с ней». «В настоящее время все являются владельцами и никто не является собственником»[86].

Среди приложений «Тесмографа» помещена также пьеса «Год 2000»[87], которую Ретиф в 1790 г. вновь опубликовал в сборнике своих драматических произведений[88]. Действие в этой пьесе происходит, как видно из заглавия, двести лет спустя, в 2000 г. Правда, в ней трактуются в основном моральные проблемы; описываются нравы, царящие в обществе будущего, когда в условиях полного равенства всегда торжествует добродетель, когда ценятся лишь благородные поступки и личные заслуги, которые только и дают преимущество юношам, вступающим в брак, перед своими соперниками. Но в этой связи мы узнаем и о том новом общественном строе, который утвердился во Франции после революции 1789 года. В пьесе упоминается о тех несчастных временах, когда царило неравенство. Тогда каждый отдельный человек был изолирован, руководствовался эгоизмом и должен был полагаться лишь на самого себя. Люди имели раздельные интересы; каждый заботился, как мог, о своем существовании и благополучии. Некоторые трудились, другие занимались торговлей, стремясь всех обмануть. Были собственники и были мошенники, стремившиеся завладеть их имуществом, а судьи и адвокаты, пользуясь тяжбами, наживались и разоряли обе стороны. Имелись палачи, чтобы казнить воров, которые в большинстве являлись неимущими бедняками, нарушавшими законы общества, потому что оно было им мачехой. Имелись военные, осужденные всю жизнь оставаться холостяками, как и монахи. Брак строился на низком материальном расчете. Многие не имели возможности жениться, многие не хотели иметь детей. Но вот в 1789 г. Генеральные штаты приняли проект «Андрографа», ввели в действие этот новый кодекс и тем самым осуществили коренную общественную реформу. За эту новую общественную конституцию пришлось, однако, вести упорную борьбу. Еще в 1900 г. продолжалась борьба за укрепление этой бесценной конституции. Но теперь, в 2000 г., она уже утвердилась навеки. Все различия в рангах были ликвидированы. Все теперь равны, совместно несут тяготы жизни и совместно делят ее радости. Детям обеспечены нежные заботы; подростки обучаются наукам; молодежь работает; люди зрелого возраста руководят работами; пожилые люди управляют, люди преклонного возраста пользуются почетом и отдыхают. Все питаются вместе в залах для совместных трапез. Так было восстановлено естественное право и человеческое рабство заменено братской привязанностью. Так, в результате

результате осуществления Генеральными штатами проекта «Андрографа» во Франции с течением времени утвердился новый, коммунистический общественный строй. Впрочем, новые общественные порядки воцарились не только во Франции. Французы изгнали тиранов соседних стран, и двадцать наций стали их союзниками и объединились вокруг них.

Коренная реформа общества, ликвидация не только феодально-сословного строя, но и общественного неравенства, осуществление «черного передела» и других уравнительных мероприятий, а как конечная цель установление коммунизма — таков идеал, который Ретиф выдвигал уже в первые месяцы революции.

Ретиф, однако, не связывал надежды на осуществление своих идеалов только с Учредительным собранием, к которому неоднократно обращался. В обстановке развертывавшейся вокруг политической борьбы и социальных конфликтов перед его умственным взором начинала все более упорно маячить идея грандиозного социального переворота, о котором он мечтал еще до революции. Эти настроения Ретифа особенно ярко выражены в специальном экскурсе, озаглавленном «Речь к публике», также напечатанном в приложениях к «Тесмографу».

«Граждане, — читаем мы там, — находятся в состоянии войны; все интересы разделены. Поощряются только страсти. Упорно стремятся искать счастье в роскоши, в неравенстве, в несправедливости; не хотят достатка, общего для всех. Любовь и уважение к ближнему подменили презрением и ненавистью. Заслугой считается быть богатым. Там, «где царит неравенство имуществ, все подданные являются рабами». Нищие, роющиеся в помойках, существуют рядом с самой изысканной роскошью. «Александру и Цезарю стоило меньшего труда покорить государства и народы, чем иному французу добыть честными средствами 5 су в стране, где прожорливые люди поглощают по тысяче франков в день». Между тем именно неимущие создают роскошь и блеск власть имущих. «Жестокие правительства, не покрывайте же позором нашу бедность, которая является делом ваших рук! Вы каждый день ведете учет вашему беззаконию. Подлые и развращенные люди, которых вы подвергаете наказаниям, являются лучшими учениками ваших установлений». «Богатство и бедность, роскошь и нищета являются обильным источником болезней и пороков. Без равенства нет ни добрых нравов, ни здоровья». Разве польза граждан состоит в том, что им мешают жить, подобно братьям, что их превращают в рабов и врагов друг друга, что возбуждают в них скупость, честолюбие, стремление властвовать, что им предписывают лишь одну добродетель: терпение и покорность?[89]. «Для того, чтобы признать предрассудки и заблуждения, необходимо размышлять; но когда народ угнетен, все его способности прикованы к земле; еле-еле у него хватает присутствия духа, чтобы каждодневно обеспечивать себе существование, полное горечи; души иссушены, народ, одним словом, не размышляет». Такое приниженное, забитое состояние народа не должно, однако, успокаивать «тиранов человеческого рода». «Народ не думает; но среди народа есть люди, знающие себя и знающие, что вы собой представляете... они принадлежат к народу по своей бедности и наготе... это по отношению к ним вам нужно быть начеку. Задушите не только нравственность, но и науки, если вы хотите сохранить вашу недостойную власть! Однако вы напрасно будете наказывать и убивать: всегда избегнет вашей ярости какая-нибудь гордая душа, которая обвинит вас во имя человечества, какой-нибудь независимый человек — энтузиаст, который воспламенит дух народа. Мы все поднимаемся по его зову; мы встряхнемся, разобьем наши цепи, освободимся, пошатнем ваши тропы и неудержимым порывом сбросим огромную тяжесть, нас подавляющую»[90]. Избыток зла — есть благо. Народ пассивен, он соглашается не жить, а прозябать. Но когда он видит близкую смерть, он уничтожает своих палачей. Убийство тирана не является выходом, «потому что это средство, всегда слишком поспешное, является смелым подвигом лишь одного человека, и потому что оно предотвращает всеобщее восстание (le soulevement general)»[91].

Улучшение участи народа — дело самого народа, так как нельзя рассчитывать на добрую волю власть имущих. «Долгий опыт доказывает ложность принципов наших правительств в сравнении с общественным счастьем». Мораль Христа и разума предписывает, чтобы люди были равными и любили друг друга, как братья. Мораль правительств заключается в том, что люди должны пользоваться почетом и. уважением, быть обслуживаемыми пли, наоборот, быть презираемыми и подвергаться унижению в зависимости от того, являются ли они богатыми или бедными. Народ угнетен, народ страдает. Он может стать счастливым лишь в том случае, если осознает свое положение и поймет, в чем заключается его счастье[92]. «В то время как народ погружен в море заблуждений и бед, имеются лица, которые в бездне страданий и порабощения глубоко размышляли и воспламенили свою душу, которые по своему духу неукротимы. Это их предназначает природа, чтобы снастя от потопа тирании права человека. Нужны лишь власть или великодушие, чтобы извлечь из их наблюдений самые ценные результаты, чтобы реформировать конституции народов, чтобы возвратить людей к их естественному предназначению, чтобы закрепить это положение санкцией законов, поскольку всякое другое состояние является адом. Я говорю, что эта счастливая перемена требует или власти, или великодушия, т.е. что она должна быть осуществлена или восстанием народа (par la revolte du peuple), или отречением от несправедливой власти со стороны его хозяев. Мне неизвестен ни один пример последнего рода,

так как я говорю не о простом и обычном отречении, а об общественном благодеянии, о замене старой власти хорошим правлением. Следовательно, дело заинтересованной стороны, народа, улучшить свою участь: весьма желанная эпоха, но которая заставляет себя слишком долго ждать»[93].

Эта народная революция, приводящая общество к его естественному предназначению и восстанавливающая попранные права человека, является не только политической революцией, направленной против деспотов и тиранов, но и революцией социальной. Свобода и равенство — «два блага, принадлежащие человеку по естественному праву». «Одно из самых вредных заблуждений, которое распространили среди народа, — это то, что бог хочет, чтобы существовали бедные и богатые... Человек не заслуживает несчастья быть бедным или богатым. Мы рождаемся, чтобы жить. Прежде, чем говорить нам о законах, дайте нам собственность. Прежде, чем говорить нам об обязанностях, не лишайте нас того, что нам причитается»[94].

Непосредственной задачей общественного переворота должно быть, следовательно, установление фактического равенства, упразднение бедности и богатства, превращение всех граждан в собственников, обеспечение достатка, общего для всех. Однако этот уравнительный передел опять-таки не являлся конечной целью, о которой мечтал Ретиф.

В другом приложении к «Тесмографу» описываются государственный строй и законы, существующие у разных народов земного шара. Повсеместному угнетенному состоянию народа Ретиф вновь противопоставляет идеал коммунистического общества. В древней Спарте, утверждает он, «существовало в течение более 800 лет государственное устройство, предусматриваемое в «Андрографе». Спарта в свою очередь восприняла законы Крита, основанные на общности имуществ, без «роковой собственности»[95]. и он предлагает вернуться к этому золотому веку. «Возвратите золотой век, о, вожди людей! Это зависит только от вас! Примите мою систему, или систему персов, или критян, которые я вам изложу, объедините всю нацию в общины (meltez toule la nation en communautes), по 25—50 хозяйств, и вы увидите, какие счастливые результаты вы получите! Но покуда вы будете иметь, с одной стороны, чудовищную систему собственности... покуда вы будете заниматься лишь унизительным и частным милосердием, покуда вы будете иметь ростовщиков, монополистов, лотереи, ломбарды, более опасные, чем места разврата, вы будете несчастны; жизнь, вместо того чтобы быть непрестанным наслаждением, как она была некогда на Крите, будет для вас беспрерывным страданием! О, мои братья, если это надо, поднимите всеобщее восстание, разделяйте (faites une insurreclion generale, partagez); запретите вашим государям вести войны; объединитесь и будьте все солдатами: если на вас нападут, обрушьтесь на неприятеля; щадите народ, но идите прямо на несправедливого тирана, свергните его с трона, заклеймите его и дайте его владения вашему главе, чтобы он их сделал такими же счастливыми»[96].

В этом страстном обращении вновь звучит призыв к всеобщему восстанию народа. Ретиф снова призывает народ восстать и «разделять», т.е. призывает к насильственному уравнительному переделу собственности. Но в то же время в этом обращении он выдвигает как основную цель восстановление золотого век?», т.е. коммунистических порядков, упразднение «чудовищной системы собственности», объединение всего общества в общины-коммуны). Этот общинный коммунизм и был той конечной целью общественного переустройства, которую Ретиф призывал осуществить.

VIII

Призывы к немедленному насильственному «разделу», которые, наряду с пропагандой общинного коммунизма как конечной цели революции, мы находим в «Тесмографе», — одно из наиболее ранних и интересных свидетельств пропаганды «аграрного закона» в начальный период Французской революции. Ретиф, еще в своих дореволюционных произведениях мечтавший об аграрной революции, теперь, в обстановке революционного кризиса, выражал это чаяние крестьянства все более открыто и настойчиво. В то же время он выдвигал как одну из непосредственных задач осуществление проекта совсем иного рода.

В приложениях к «Тесмографу» Ретиф опубликовал очень интересный экскурс о «нищенстве», посвященный положению наемных рабочих. Экскурс этот не принадлежал его перу. Автором его был **Шарль-Антуан Леклерк де Монлино**. Аббат, доктор теологии и медицины, одно время проживавший в Лилле, затем в Париже, Монлино возглавлял накануне революции дом призрения нищих в Суассоне. Он участвовал в работах Комитета по нищенству Учредительного собрания. Еще в 1779 г. Монлино опубликовал работу, посвященную вопросу о нищенстве[97]. Заявляя, что он пишет для бедняка, что он защищает права неимущего человека, Монлино решительно осуждал общественное неравенство, указывая, что «неравенство состояний разделило всех людей в Европе на два класса — класс, имеющий слишком много, и класс, ничего не имеющий», что «чрезмерное богатство одного класса неизбежно влечет за собой чрезвычайную нужду другого». Все политические принципы сводятся фактически лишь к искусству «использовать людей за недорогую плату на службе у богатых». Законы стремятся лишь соорудить тройную ограду вокруг собственности богатого, оставляя неимущего голым и безоружным. Все, что при-

думали до сих пор для неимущих, — это смрадные логова, называемые госпиталями. Требуя их ликвидации, высказываясь против подаяний и благотворительности, Монлино заявлял, что «целью хорошего законодательства должно быть не только облегчение участи неимущих, но и предотвращение нужды». Практически он предлагал своего рода систему социального страхования. Нуждающиеся должны получать помощь от коммун. Особые «инспектора бедных», по одному на каждый квартал города, должны заботиться о рабочих и поденщиках, посещать их на дому, выплачивать им субсидии, особенно в случае безработицы. Монлино считал также необходимым учредить в городах особые учебные заведения для обучения различным профессиям детей бедных родителей,

В другой своей брошюре, опубликованной, уже после начала революции, в 1790 г.[98], Монлинэ писал, что для бедняка равенство является лишь пустым словом, а свобода — западней. Народу много обещали, но ничего не сделали, чтобы ликвидировать причину его бед. Милостыня не помогает и не может помочь. Монлино вновь настаивал на государственной помощи бедным, на содержании покинутых детей коммунами и других аналогичных предприятиях.

За год до этого, в 1789 г., Монлино опубликовал брошюру[94], в первой части которой подробно рассматривал вопрос о нищенстве. Именно этот «Очерк о нищенстве» и был перепечатан Ретифом в «Тесмографе». Ретиф, как видно из его дневника, свел знакомство с Монлино еще до революции[100]. В первые годы революции, когда Монлино находился в Париже, Ретиф часто встречался с ним[101]. Поддерживая с Монлино близкие отношения, он был, конечно, в курсе всех его работ. В приложениях к «Тесмографу» он опубликовал, без указания автора, всю брошюру Монлино, разделив ее на две части. Первую, основную часть он органически включил в свой текст — диалог между 1788, 1789 и 1888 г.[102] Тем самым Ретиф полностью солидаризировался с высказываниями Монлино и использовал их для обоснования и подтверждения своих собственных взглядов.

В «Очерке о нищенстве» описывалась наряду с безвыходным положением батраков и тяжелая судьба рабочих. Нищенство, говорилось там, не является само по себе ни преступлением, ни проступком. Кто посмеет клеймить человека, изношенного тяжелым и убийственным трудом? Все мастерства пожирают меньше, чем за 30 лет, живые машины, которыми они завладевают и которые прозябают на жалованье. Во всех профессиях, где необходим зоркий глаз, начиная со шлифовальщиков и кончая булавочниками, выбрасывают рабочих, у которых ослабло зрение. «Ни один каменолом, каменщик, плотник не обходился без того, чтобы не быть раненым. Все обрабатывающие кожу имеют свинцовый цвет лица; обрабатывающие металлы становятся калеками с ранних лет». Общество потребляет бедного как съестные припасы. Его упрекают, что в расцвете сил он был недостаточно предусмотрителен. Но какие сбережения может сделать рабочий, которому за использование всех своих способностей даруется лишь незначительная заработная плата? В лотерее человеческой жизни его может ожидать лишь один выигрыш — несчастье. Недостаток работы, болезнь, несчастные случаи — все угрожает ему; даже воспроизведение собственного рода, самое большое утешение живых существ, превращается в тяжесть, его подавляющую. Поэтому, когда он перестает продавать свои руки, когда у него бывает отнято это его единственное достояние, ему остается выбирать лишь между смертью и нищенством, «так как не существует никакого закона, который обязывал бы хозяина кормить слугу, сломавшего ногу на его службе, так как никакой закон не обязует фабриканта держать состарившихся рабочих, которые его обогатили». Нищих наказывают за то, что они не хотят работать, «но существует ли закон, обязующий собственников, владельцев мануфактур, ремесленников давать работу тем, кто ее просит»?[103] Вся история законодательства о нищих есть история заговора собственников против людей без собственности. Безвестный человек без земельной или промышленной собственности, если он не способен к работе, не принадлежит больше к числу граждан, находящихся под защитой администрации.

Естественно, что, разделяя подобные взгляды на положение рабочего класса, положение, знакомое ему и по личному жизненному опыту, Ретиф не мог не стремиться отыскать средства для облегчения участи рабочих. Еще за год до этого мы находим в «Ночах Парижа» проект общественных реформ, где содержится требование страхования рабочих на случай болезни и старости. Согласно этому проекту, хозяева, использующие наемных рабочих, обязаны откладывать еженедельно сумму в размере 1/6 части выплачиваемой ими заработной платы, каковая сумма вписывается в особый реестр и вручается по воскресеньям «отцам рабочих» каждой профессии. То же относится и к рабочим, занятым на общественных работах. Эти суммы поступают к генеральному казначею, который пускает их в рост путем вложения в государственные процентные бумаги и по требованию «отцов рабочих» отпускает необходимые средства для оказания помощи старикам и больным. «Отцами рабочих» являются рабочие наилучшего поведения, покинувшие работу по нетрудоспособности. Под их руководством находятся «братья рабочих», которые посещают больных и относят пожилым и нетрудоспособным их еженедельную пенсию[104]. Интересно, что предусматриваемое этим проектом страхование от болезни и старости осуществляется за счет хозяев (а также, очевидно, и государства в отношении рабочих, занятых

на общественных работах), в то время как распределение и использование страховых сумм находится исключительно в руках представителей рабочих[105].

Но Ретиф не ограничивался подобными предложениями. На последних страницах «Тесмографа» (набранных осенью 1789 г.) он опубликовал разработанный им проект производственной ассоциации типографских рабочих. Проект этот[106] изложен в форме письма к сотоварищам автора — типографщикам, которому предшествует письмо к парижскому мэру Бальи. В письме к «господину мэру Парижа» Ретиф указывал, что он в совершенстве знаком с типографским делом, и поэтому решил оказать услугу государству в этой области. Он составил план превратить в граждан около 4 тысяч рабочих этой полезной профессии. Источник национального благосостояния заключается в мелкой собственности, а основа чести — в гражданской добродетели. Одни лишь типографщики-подмастерья прозябают в обществе, как негры-рабы. Поэтому души большинства этих несчастных иссушены отчаянием и унынием. Им на помощь он и хочет прийти. Далее следует «Письмо об учреждении типографии рабочих, предназначенной наделить типографщиков-подмастерьев собственностью, которая превратила бы их в граждан и была бы способна как помочь им во время недугов, так и дать честное обеспечение в старости».

Устав этой типографии, состоящий из 24 статей, предусматривает следующее. Сумма, необходимая для организации типографии, выручается путем продажи акций. Каждый типографский подмастерье имеет право приобрести акцию стоимостью в 300 ливров. Он может также приобрести несколько акций, если останутся непроданные, и, наоборот, подписаться на одну акцию вместе с компаньонами (croupiers), т.е. приобрести лишь часть акции. Стоимость акций может быть выплачена в одни или несколько приемов (вплоть до взносов в размере 24 су в педелю) деньгами или работой. Первые взносы предназначаются для найма помещения и приобретения печатных станков, шрифтов и других необходимых материалов. После приобретения необходимого оборудования - уплаты всей его стоимости и расчета по всем обязательствам (общая стоимость типографии оценивается автором в 50 тысяч экю) типография приступает к функционированию. К работе в типографии допускаются исключительно рабочие, подписавшиеся на акции, при этом в первую очередь наиболее старые подписчики. Все рабочие с момента начала работы в типографии получают заработную плату с еженедельными вычетами в счет погашения стоимости приобретенных ими акций, в случае если они не уплатили наличными. В течение первых шести лет прибыль вкладывается в предприятие. В дальнейшем прибыль распределяется между акционерами[107], причем часть прибыли отчисляется на поддержку больных и стариков. Больные рабочие получают вспомоществование в размере 24 ливров в неделю, а состарившиеся еженедельною пенсию в 12 ливров. Управление типографией сосредоточено в руках директора, фактора, нескольких доверенных лиц и комитета в составе 10 членов. Каждые шесть месяцев, в ближайшие после 21 июня и 21 декабря воскресенья, созываются общие собрания акционеров, на которых комитет десяти дает отчет о состоянии дел и вносит предложения, однако лишь с информационной целью, так как решение зависит от директора, доверенных лиц и самого комитета. На каждом подобном собрании переизбираются 3 членов комитета. Касса находится в ведении комитета и проверяется раз в месяц по требованию ста акционеров. Владеющий несколькими акциями пользуется и соответствующим количеством голосов.

Проект производственной ассоциации типографских рабочих, выдвинутый Ретифом осенью 1789 г., представляет, безусловно, исключительный интерес. Проект этот не преследовал цель коренного переустройства общества, не являлся выражением конечного общественного идеала Ретифа. Этот план ставил своей задачей улучшить при существующих общественных условиях положение типографских рабочих, освободить их от эксплуатации со стороны хозяев путем организации кооперативной типографии.

Наряду с подпиской на типографские акции проект предусматривает также подписку рабочих на печатающиеся в типографии книги с обеспеченным сбытом, что делает рабочих вдвойне заинтересованными в деле.

Социальные цели этого проекта — превращение рабочих в собственников путем совместного владения предприятием на правах акционеров, — носят, безусловно, мелкобуржуазный характер. Это неудивительно, так как рабочие того времени видели обычно выход из своего тяжелого, подневольного положения в том, чтобы самим стать собственниками. Отражая через призму личного жизненного опыта чувства и настроения формирующегося пролетариата. Проект Ретифа, при всех своих мелкобуржуазных тенденциях, свойственных даже самым передовым отрядам рабочего класса топ эпохи, являлся, однако, не памятником старых отживших общественных отношений, а провозвестником новых социально-экономических проблем, новой социальной борьбы. Проект этот носит единичный характер в литературе XVIII в., в которой в области положительных требовании, касающихся рабочих, мы встречаем в основном лишь предложения об организации общественных мастерских. Лишь с 30-х годов XIX столетия, в условиях расцвета капитализма и развивающегося рабочего движения, во Франции распространяются, в связи с пропагандой Бюше, идеи производственных рабочих ассоциаций. Тем ценней и интересней для

нас проект Ретифа, выступившего в самом начале революции с планом подобной ассоциации.

Опубликование проекта Ретифа совпало с подъемом борьбы типографщиков. Революция, развязавшая все социальные противоречия, выявила антагонизм труда и капитала и в этой отрасли промышленности. Типографские рабочие не только участвовали в стачечном движении апреля—июня 1791 г., но и основали в Париже профессиональную организацию нового типа, так называемый «Типографский и филантропический клуб», просуществовавший до закона Шапелье. Клуб этот, издававший собственный орган, видел свою задачу не только в благотворительности и взаимопомощи; он возглавлял и профессиональную борьбу рабочих, за что подвергался нападкам предпринимателей, доносивших муниципальным властям на его «противную свободе» деятельность. Подобные клубы возникли в первые годы революции и во многих провинциальных городах [108]. Как явствует из одного документа, хранящегося в Британском музее, уже в 1790 г., т.е. до основания «Типографского клуба», в Париже существовало некое «Типографское собрание», разработавшее в июне этого года «Общий регламент для типографской корпорации», принятый «общим собранием представителей рабочих» и предусматривавший, между прочим, организацию взаимопомощи на случай болезни и старости[109].

Невольно возникает вопрос, не имел ли Ретиф, бывший типографский рабочий, никогда не порывавший связи со своей профессией, какого-либо отношения к новым объединениям типографщиков, в частности, к «Типографскому клубу»? На страницах печатного органа этого клуба — «Club Typographique et philantropique» мы находим одно упоминание, которое дает нам право ответить на этот вопрос утвердительно. На страницах этого органа печатались «анонсы» — не объявления в настоящем смысле этого слова, а своего рода извещения лиц, связанных с «Типографским клубом». В № 30 от 24 мая 1791 г. мы находим среди этих извещений следующее: «Одно лицо желало бы купить маленький печатный станок, вмещающий шрифты cicero, petit-romain и другие; может быть заплачено до 2000 ливров. Обращаться к г-ну Ретифу, улица Бюшери № 11»[110]. Извещение это показывает, что Ретиф не только знал о существовании «Типографского клуба», по и, желая приобрести новый станок для своей домашней типографии, в которой набирал свои произведения, использовал страницы его печатного органа. Принимая во внимание, что это могли делать лишь лица, так или иначе связанные с этой организацией, есть все основания предполагать, что и Ретиф не стоял от нее в стороне.

В этой связи особый интерес приобретает следующее сообщение, которое мы находим в отчете о заседании «Типографского клуба» 22 марта 1791 г. На этом заседании рассматривался, между прочим, вопрос о просьбе ряда местных типографских обществ и присоединении к клубу. По этому поводу в отчете сказано: «Некто, кого мы хорошо знаем, сказал, что это предложение похоже на предложение о 1200 ассоциированных, которые должны были учредить типографию»[111]. Кто был этот человек, которого члены «Типографского клуба» хорошо знали? Что это было за предложение об учреждении типографии «1200 ассоциированных»? Обо всем этом протокол умалчивает. Но читая эти строки, невольно приходит на ум проект Ретифа. Ведь Ретиф был единственным, который еще осенью 1789 г. выдвинул проект ассоциации типографских рабочих, организации кооперативной типографии. Не был ли именно этот проект доведен им до сведения «Типографского клуба»?*

IX

Годы революции оказались для Ретифа очень трудными. Он лишился доходов от своих произведений, потерял свои сбережения в результате падения ассигнатов и оказался в очень тяжелых материальных условиях. Старость и болезни усугубляли его бедственное положение. Но он не прекратил своей литературной деятельности и продолжал публиковать одно многотомное произведение за другим. Он имел поэтому основание писать в августе-1792 г.: «Я являюсь единственным писателем, занимающимся литературой в эти тревожные времена» [112].

Ретиф неоднократно заявлял, что в эти бурные годы не примыкал ни к какому политическому течению. «Я никогда не вмешивался в дела, не принадлежал ни к какому клубу, ни к какому обществу», - писал он в 1793 г.[113] В 1797 г. в своей автобиографии он также настойчиво подчеркивал, что в период революции не принадлежал ни к какому клубу, ни к какой партии[114]. Но это отнюдь не значит, что он не интересовался развертывавшимися вокруг него бурными политическими событиями, не принимал никакого участия в общественно-политической жизни. В той же автобиографии он признавался, что после начала революции политика захватила его, как и всех других[115]. Он усердно посещал политические собрания и митинги, слушал речи Демулена и других ораторов. Он принимал активное участие в первичных собраниях своей секции и выступал на них, бывал на заседаниях Конвента[116]. Ретиф общался с самыми различными политическими и общественными деятелями, начиная с Мирабо и кончая Мерсье, Бонвилем, Фабр д'Эглантином. Колло д'Эрбуа. Ежедневно он посещал парижские кафе, прежде всего кафе Манури[117], где принимал живое участие в обсуждении текущих политических событий и в дискуссиях на

* См. о «Типографском клубе» в книге К.Раткевич «Французские рабочие в годы Великой революции» (**http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ratk_lab.pdf**).

политические темы.

Некоторые из этих бесед Ретиф изложил в форме диалогов в пятом томе своего произведения «Драма жизни», опубликованного в 1793 г. Диалоги эти дают представление о политических дискуссиях, в которых принимал участие Ретиф. но о его собственных политических настроениях. Вот, например, его беседа в ноябре 1789 г. на обеде у Сенака де Мейлан с рядом аристократов и политических деятелей, в том числе с Талейраном и аббатом Сиейсом, о которой он упоминает и в своей автобиографии[118]. Собеседники Ретифа (которых он не знал и принимал за простых людей) усердно расспрашивали его, «что думает народ». Ретиф отвечал, что народ видит в революции торжество разума и гуманности. Он защищал мероприятия Учредительного собрания в отношении дворянства и духовенства и утверждал, что нация имеет право, исходя из общего интереса, отнимать у отдельных лиц их имущество. Его собеседники неоднократно качали головой и высказывали неодобрение его «принципам»[119]. А вот одна из дискуссий в кафе Манури, относящаяся к более позднему времени. Ретиф резко осуждал поведение Лафайета. Один из присутствующих заявив, что он говорит, «как поджигатель и убийца». Завязалась ссора, чуть не приведшая к столкновению[120]. В знаменательный день 10 августа 1792 г., Ретиф имел разговор с Фабр д'Эглантином, во время которого Фабр, говоря о происходящих событиях, доказывал, что это — завершение революции, которая была сделана только наполовину[121]. 3 сентября они вновь беседовали, на этот раз по поводу народной расправы с заключенными в тюрьмах коп рреволюционерами. Фабр и некий доктор Дюкло оправдывали ее, считая, что во время сражения нация «может убивать врагов без формальностей». Ретиф, сперва выражавший опасения, в конце концов с ними согласился[122]. Очень интересны записанные Ретифом беседы с Колло д'Эрбуа. В одной из них Колло уговаривал его стать, как и он, якобинцем. Ретиф отвечал, что этому препятствует состояние его здоровья. Колло выражал намерение примкнуть к Робеспьеру, заявляя, что это великий человек. Ретиф соглашался, что Робеспьер — человек, не изменяющий своим принципам[123].[**]

В приложениях к пятому тому «Драмы жизни» Ретиф опубликовал и свою переписку с Гримо де ля Рейньером, представляющую большой интерес для оценки его политических настроений в годы революции. Сын генерального откупщика Гримо де ля Рейньер, увлекавшийся литературой, прославился накануне революции своими «философскими завтраками», на которых вместе с Мерсье[***] бывал и Ретиф. Вскоре между ним и этим богачом-меценатом установились довольно близкие дружеские отношения. Положение, однако, резко изменилось после начала революции. Представитель реакционно настроенной верхушки финансовой буржуазии. Грилю де ля Рейньер со злобой и ненавистью относился к революционной ломке старого общества. На этой почве и произошел его разрыв с Ретифом, политическая позиция которого была подлостью противоположной. 27 августа 1790 г., ознакомившись с только что вышедшей в печати пятнадцатой частью «Ночей Парижа», Рейньер с явной неприязнью писал Ретифу: «Я с глубокой болью увидел, что вы являетесь горячим сторонником нашей отвратительной революции, революции, которая уничтожает религию, собственность, славу этою государства, литературу, науки, искусства». В последующих письмах он все более резко осуждал Ретифа, заявляя, что революцию могут защищать только негодяи, что он никогда не согласится иметь своим другом демократа, в которого, по-видимому, превратился Ретиф. 7 июня 1791 г. Рейньер писал, что последние произведения Ретифа лишили его в Лионе и других провинциях, где он, Рейньер, побывал за последние 9 месяцев, уважения честных людей, которые чувствуют к нему теперь лишь презрение. «Ваше имя связывается в их представлении с именами ненавистного Мерсье, отвратительного Кара, гнусного Демулена и других приспешников народного деспотизма». Год спустя, 28 сентября, он написал новое письмо, в котором с еще большим ожесточением обливал грязью революцию и всех со приверженцев[124].

Ретиф, сперва пытавшийся урезонить Рейньера, а затем вообще переставший ему отвечать, написал теперь длинное письмо, помеченное 12 октября 1792 г., чтобы раз и навсегда порвать с ним всякие отношения. В ответ на обвинения Рейньера он прежде всего указывал, что изменился не он, а изменился сам Рейньер, как и некоторые другие его знакомые, которые до революции разделяли передовые взгляды, а теперь смотрят на все происходящее под углом зрения аристократов. Ведь «каждый видит лишь глазами своего общества: аристократ видит всю Францию аристократической». Сам он всегда был патриотом. «Я — прирожденный патриот; ребенком я обожал греков и римлян — добродетельных и вследствие этого республиканцев; став

[**] О персонах, упомянутых в этом абзаце: Шарль Морис Талейран (**http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#Tlr**), Эммануэль Жозеф Сийес (**http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#si**), Франсуа Филипп Назар Фабр д'Эглантин (**http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#FE**), Жан-Мари Колло д'Эрбуа (**http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#CHrb**), Максимильен Робеспьер (**http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR**).

[***] Луи-Себастьен Мерсье: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#mercier**. С Гримо Рейньером можно познакомиться по публикации В.Мильчиной (**http://vive-liberta.livejournal.com/21525.html**).

взрослым, я дышал лишь свободой... И я не должен ненавидеть старый режим? Да будет проклят он и все те, кто о нем сожалеет!» «Почему вы хотите, чтобы я теперь изменился? В пользу кого должен я отречься от моих прежних идей, осуществление которых я теперь вижу?» Проходя мимо Тюильри, он не жалеет короля. «Пусть короли жалеют королей; я не имею ничего общего с этими людьми, это не мои ближние». «Став республиканцем, я имею храбрость им быть. Я марширую с пикой на смотрах; я несу караул, когда мои недуги мне позволяют; я сажусь в моей секции рядом с запыленным рабочим (manoeuvre poudreux) и я обсуждаю с ним наши общие интересы. На мне бедная одежда синего цвета, сшитая в 1773 г., вся заплатанная; но как она подходит там и на карауле». Ретиф оправдывал и защищал восстание 10 августа, когда «подлые дворяне» первыми открыли огонь по народу, а также сентябрьские события, вызванные необходимостью, так как в тот момент Франция была продана изменниками, подверглась нашествию «подлых эмигрантов», раздиралась изнутри неприсягнувшими священниками и другими аристократами. «Новый порядок вещей — пожелание нации; тот, кто ему противится, виновен в преступлении, заслуживающем смерти... В заключение Ретиф осуждал нападки Рейньера на других лиц. «Вы черните, — писал он, — честного и кроткого Мерсье, которого можно скорее обвинить в мягкости, чем в избытке энергии». Он призывал Рейньера вернуться к «мудрым принципам». «Подумайте о том, что будущие поколения, всегда справедливые, будут глумиться над контрреволюционерами, подумайте о том, что в будущем только сторонники свободы станут героями истории, на которых будут ссылаться с восхищением».

Это письмо к Рейньеру также свидетельствует, что в первые годы революции Ретиф выступал как решительный сторонник «нового порядка вещей», приветствовал падение монархии и провозглашение республики, причислял себя к патриотам и республиканцам. Интересно отметить его довольно ясное понимание классового характера происходившей политической борьбы. Считая, что каждый смотрит на окружающую действительность глазами своего общественного круга, он сам причислял себя к тем, кто стоял в одном ряду с простыми рабочими и имел с ними общие интересы.

Не так легко, однако, составить себе правильное представление о позиции Ретифа в период якобинской диктатуры. На первый взгляд дело обстоит довольно просто. В 1794 г. Ретиф опубликовал шестнадцатую часть «Ночей Парижа», в конце которой поместил «Политическое кредо автора». В этом кредо сказано: «Я верю, что истинным национальным представительством является Гора; что якобинцы и патриотические клубы, а также те, кто думает, как они, являются истинными патриотами; что петионы и другие, которых год назад хвалили, являются изменниками; что Марат, Робеспьер и другие спасли республику...» и так далее в том же духе. Книга заканчивалась лозунгом: «Да здравствует Республика и Гора»[125]. Дело, однако, заключается в том, что, по его собственному свидетельству, все подобного рода декларации и заявления в «Ночах Парижа» были вынужденными. В своей автобиографии он сам впоследствии утверждал, что в шестнадцатой части «Ночей Парижа», опубликованной в разгар террора, он не говорил того, что хотел[127]. В той же автобиографии он откровенно писал, что во время террора испытывал постоянный страх, представлял себе суд в Революционном трибунале и свою казнь»[128]. Одно признание, которое вскользь делает в этой связи Ретиф, объясняет многое и дает, в частности, возможность составить себе более правильное представление о его политических настроениях того времени. «Я выступал с нашей трибуны Пантеона (т.е. на собраниях секции Пантеона. — *А.И.*), я вступился за министра Ролана, которого суверенный народ-санкюлот лишил своего доверия. Я боялся, что об этом вспомнят, и тогда я бы погиб». Поэтому, когда в разгар террора к нему однажды явился мировой судья, чтобы описать его домашнюю утварь в связи с иском о разводе, предъявленным его женой, он думал, что пришли его арестовать, и считал счастьем, что судья, прочитавший письма, находившиеся в одном выдвижном шкафу, не нашел «последний ответ министра Ролана, спрятанный в глубине»[129]. Как видим, Ретиф поддерживал связи с Роланом и даже выступил в его защиту на собрании своей секции[130]. Другими словами, накануне установления якобинской диктатуры его политические симпатии были явно на стороне жирондистов. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить его многолетнюю близость с такими горячими сторонниками жирондистов, как Мерсье, Бонвиль и многие другие.

Учитывая этот факт, нам легче разобраться в подлинных политических настроениях Ретифа в период якобинской диктатуры. Его произведения, опубликованные в эти годы, в том числе та же шестнадцатая часть «Ночей Парижа» и соответствующие тома сборника новелл «L'Annee des dames nationales» свидетельствуют, несмотря на его лояльные декларации и заявления, о его явной неприязни к революционной диктатуре и террору. Плебейские методы расправы с врагами революции, в том числе и с жирондистами и другими близкими ему людьми, явно пугали его, хотя он подчас готов был признать их необходимость. «Я не из тех, кто привыкает к ужасам, даже необходимым», — признавался он[131]: «О, свобода, — восклицал он в другом месте, — как ты обходишься дорого нации, которая покупает тебя ценой преступлений!»[132] Он вновь пытался противопоставить чернь — патриотам и подлинному народу[133]. В новеллах о женщинах в «L'Annee des dames nationales» он с величайшим сочувствием и сожалением говорил о Люсиль Демулен и

жене Дантона и даже, несмотря на оговорки, фактически идеализировал Шарлотту Кордэ[134].[****]

При всем том Ретиф вполне искренне осуждал контрреволюцию и иностранную интервенцию и был глубоко убежден, что дело революции непобедимо. «Да, что бы ни случилось, — писал он, — дворяне и аристократы всех классов навсегда погибли не только во Франции, но и во всей Европе; если это не произойдет в тысяча семисотых годах, то произойдет в тысяча восьмисотых. Толчок дан; новый порядок вещей вновь возникнет, если даже французы будут уничтожены»[135]. «Восстановление старого невозможно» Если бы даже это случилось, то спустя некоторое время деспотизм был бы вновь свергнут, «но более страшным способом, чем в предыдущий раз»[136]. Враги революции должны понять, что им не помогут ни эмигранты, ни иностранцы. Интересно, что, говоря о врагах революции, Ретиф причислял к ним не только дворян и священников, но и крупную буржуазию (и поэтому говорил об «аристократии всех классов»), а также связанных с ними лиц. Он относил к ним оставшихся в стране дворян, финансистов и крупных торговцев[137]. «Поэтому, — писал он в другом месте, — все сословие торговцев, портных, парикмахеров, книготорговцев и, особенно, бывших книгоиздателей, все те, кто продавал богачам, и продавал лишь им, являются сегодня аристократами...»[138] Резко осуждал он представителей духовенства, разжигавших гражданскую войну, считая их самыми жестокими врагами»[139]. Робеспьеристы были правы, писал он впоследствии в своей автобиографии, когда высылали кюре: это был единственный способ искоренить предрассудки[140]. В «Рассуждениях республиканца Мизерофиля об уничтожении христианства и его эры», опубликованных в 1794 г. в «L'Annee des dames nationales»[141], он требовал полного упразднения христианской религии как бесполезной и даже вредной[142]. Он оправдывал поэтому репрессивные меры против духовенства, как и против других врагов революции. Эмигранты и священники, восставшие против нации, кричат о несправедливости, о варварстве, когда их наказывают смертью, но они сами себя поставили вне закона[143]. Ретиф готов был даже признать, что вообще недопустимо и преступно идти против воли нации, какова бы она ни была. «Я утверждаю, — заявлял он, — что когда нация принимает какое-нибудь решение, будь оно даже плохое, необходимо, чтобы все ее члены действовали единодушно; все непокорные заслуживают смерти, так как они причина самого большого зла — раскола»[144].

Излагая свои думы о будущем, Ретиф писал: «Мне казалось, что я вижу, как вся Европа приняла новый образ правления; я также видел на страницах истории ужасные потрясения, которые она испытала», но эти потрясения были необходимы[145]. Таким неизбежным потрясением он и считал Французскую революцию, которая навсегда должна была покончить с «аристократией всех классов». Тот новый образ правления, о котором он мечтал, был новый общественный строп, основанный на социальном равенстве. В течение всей революции, в том числе и в годы якобинский диктатуры, общественным идеалом Ретифа продолжал оставаться коммунизм.

Ретиф продолжал и после 1789 г. противопоставлять существующим общественным условиям свой идеал «совершенного равенства». В 1790 г. в связи с праздником федерации он опубликовал специальную брошюру, предназначенную для федератов — делегатов департаментов, съезжавшихся в Париж[146], в которой описывал достопримечательности столицы, рекомендуя ознакомиться с ними и предупреждая одновременно об опасностях, поджидающих приезжих. В этой связи он указывал на неравенство состояний, считая его неизбежным при существующих общественных условиях. «Нужно, — писал он, — или совершенное равенство, такое, какое я описал в моем «Антропографе», или неравенство как оно существует».

Записи в его дневнике свидетельствуют, что Ретиф продолжал пропагандировать и распространять «Андрограф», мы находим там, например, следующую запись от 11 февраля 1791 г.: «Кафе Манури: видел объявление об «Андрографе»»[147]. Очевидно, в кафе Манури, которое он усердно посещал, Ретиф вывесил даже какое-то объявление, рекламировавшее «Андрограф». Видимо, в целях распространения своего произведения он стремился дополнительно приобрести его экземпляры, как об этом свидетельствует следующая запись от 29 сентября 1792 г.: «Обменял 25 Ж. («Женограф» — другое его произведение. — *А.И.*) против 25 Андр. («Андрографа». — *А.И.*)»[148].

А. Р. ИОАННИСЯН

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва: Наука. 1966

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

[****] См. в нашей библиотеке раздел «Революция – женского рода!» О Л.Демулен: **http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#Luc**. Об А.-М.Ш.Корде: **http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#ChC**.

В разгар движения «бешеных» Ретиф совершенно четко и недвусмысленно противопоставлял требованиям раздела имуществ идеал коммунизма. В связи с разгромом лавок в Париже в феврале 1793 г. он писал: «Для стран, где господствует народ, я знаю только одно лекарство: это не равный раздел состояний, который невозможен и который приходилось бы ежедневно проделывать заново, а общность, такая, какую я предлагал в 1782 г. в моем «Антропографе». Лишь этот проект, мудро осуществленный и усовершенствованный, мог бы все примирить. Если же отказываются от этого, то необходимо употребить принуждение против народа, и тогда не будет больше равенства: так как никогда народ не поймет, что при теперешней системе, когда вся собственность отчуждена, необходимы богатые..., что при теперешней системе нужно охранять собственность и препятствовать образованию слишком больших состояний лишь в отношении земельной собственности... Если бы кто-нибудь другой написал «Антропограф», я превозносил бы его на всех перекрестках и представил бы его Национальному Конвенту, но я не люблю себя выставлять»[149].

Впрочем, Ретиф готов был, в случае возможности, и сам представить Конвенту свои проекты общественных реформ. В письме к Рейньеру от 12 октября 1792 г. мы находим следующее его заявление: «Департамент Эндр хотел выбрать меня депутатом Конвента. Одному из моих врагов было поручено написать мне. Он этого не сделал, и я не ответил на несуществующее письмо. Только благодаря моему врагу я не был избран; так как вопреки моей воле я бы согласился: гражданин никогда не должен отказать в услуге»[150]. В «Ночах Парижа» мы также находим (под датой 2—4 апреля 1793 г.) рассказ о том, как во время выборов в Конвент он, Ретиф, чуть было не был избран депутатом. По его словам, дело обстояло так. Некий врач Монэ, очень им восторгавшийся, принял все меры в Фонтенэ-ле-Конт (департамент Эндр), чтобы добиться выдвижения его кандидатуры в депутаты. Решено было предварительно написать ему письмо, чтобы получить его согласие. Через восемь дней было доставлено написанное от его имени поддельное письмо с отказом, и, таким образом, выдвижение его кандидатуры было сорвано[151]. Вся эта история, повторно излагаемая Ретифом, вряд ли в какой-либо мере соответствовала действительности и являлась, видимо, мистификацией, которую он сам принял за чистую монету[152]. Важно, однако, не это. Интересен комментарий самого Ретифа. «Коварный и злой враг, который сыграл со мной эту штуку, думал нанести мне вред. Мне лично он оказал услугу, но он, возможно, нанес ущерб нации, так как я имею план всеобщей общности (un plan de communaute general), который, быть может, я побудил бы принять...»[153] Это заявление еще раз свидетельствует, что и в 1793 г. Ретиф видел заветную цель в коммунистическом переустройстве общества.

Публикуя в 1794 г. один из очередных томов «L'Annee des dames nationales», Ретиф, перечисляя в приложении свои сочинения, писал об «Андрографе»: «В этом произведении можно найти очень полезные взгляды, особенно при теперешних обстоятельствах. Это проект реального равенства, совершенной общности, которая гарантировала бы людей от неудобств, проистекающих от изолированности, не нанося ущерба прогрессу искусств, индустрии, соревнованию. Нужно прочесть это произведение, написанное и опубликованное в 1782 г. В нем можно найти светлые мысли о неуместности собственности, источника всех пороков и всех зол общества. Говорили об аграрном законе. Этот закон является опасным, недостаточным. Закон же равенства, предложенный в «Антропографе», соединяет, наоборот, все преимущества и ведет ко всем добродетелям. Человек не будет больше иметь возможность приобретать богатство; но он будет иметь возможность накоплять другие бесценные преимущества: гражданские венки, почести, законные отличия... Однако самое ценное преимущество заключается в том, что человек будет защищен от всех неудобств, связанных с общественным состоянием, — от воровства, лукавства, надувательства, от затруднений в ведении своих дел, от забот о личном пропитании, от недоверия к другим, от унижений бедности и от проистекающих от этого соблазнов для него, его жены, дочерей и сыновей, от всякого рода процессов, любого угнетения, порабощения, ненависти, зависти, ревности и всех тягостных страстей. Осуществление этого плана является легким и не представляет неудобств; в частности, он не лишает людей энергии и активности, что предотвращает все возражения и поражает всех узнающих об этом, сколь бы они ни были настроены против: после чтения этого плана они полностью убеждаются, что он имеет лишь преимущества и удобства, что существует лишь это средство предотвратить все пороки, все несчастья и все невзгоды. Эта работа является самой важной из всех книг. Обдумайте ее, сограждане, и представьте вашим законодателям...»[154]

Ретиф, раньше сам выдвигавший проекты «черного передела», теперь, в разгар революции, решительно высказывался против «аграрного закона», как совершенно недостаточного. Единственный выход, чтобы покончить с общественным злом, он видел лишь в полной ликвидации частной собственности, в установлении «общности». Таким образом, в период якобинской диктатуры Ретиф выдвигал уже коммунизм не только как конечный идеал, но и как непосредственную цель, как единственную альтернативу существующим социальным условиям. Он не связывал, однако, установление «всеобщей общности» с дальнейшим развитием революции, с развертывавшейся революционной борьбой народных масс. Напуганный размахом

этой борьбы и бурными революционными событиями, он, наоборот, видел в коммунизме средство для устранения всех социальных противоречий, общественный строй, способный «все примирить».

X

Термидорианский переворот не мог не оказать решающего влияния на умонастроения Ретифа, как и многих других представителей демократической интеллигенции. В период термидорианской реакции и в первые годы Директории материальное положение Ретифа стало поистине катастрофическим. Инфляция окончательно разорила его. Он не имел никаких средств к существованию и находился на грани нищеты. Личные материальные невзгоды делали его еще более восприимчивым к окружавшей его действительности, к резким социальным контрастам нового послетермидорианского буржуазного общества, к оргиям наживы и спекуляций нуворишей на фоне страданий и лишений широких масс. Все это побуждало его к пересмотру прежних взглядов на революционные события, своего прежнего отношения к якобинской диктатуре и революционному террору.

Именно в эти годы Ретиф завершил новое произведение, посвященное изложению его общественно-политических воззрений. Произведение это составляет четырнадцатую и пятнадцатую части его многотомной автобиографии «Monsieur Nicolas». Разделы эти были закопчены Ретифом в 1796 г. «Если бы только я мог иметь смелость и средства, чтобы их опубликовать», — писал он в то время[153]. Печатание этих двух томов было завершено им в середине 1797 г. Эти тома, представляющие собой по существу особую работу, трактуют о «морали» и «политике»[156]. Ретиф сам набрал их в своей маленькой домашней типографии и сумел отпечатать их в количестве 200 экземпляров на бумаге самого низшего качества. Его новое произведение не получило никакого распространения; о его выходе не было объявлено ни в одном журнале, и почти все экземпляры оставались нераспроданными в доме его дочери. В 1806 г., после его смерти они были проданы на вес бумаги[157]. В XIX в., когда произведения Ретифа вновь привлекли к себе внимание, была переиздана в 1883 г. и его автобиография, однако без упомянутых теоретических частей, представляющих в настоящее время библиографическую редкость.

«Мораль» и «Политика» Ретифа — отнюдь не стройные трактаты, а бессистемное нагромождение отдельных очерков, экскурсов, воспоминаний, теоретических положении, идей. Мы встречаем здесь и описание исторических событий периода революции, и изложение отдельных эпизодов личного характера, и рассуждения на самые различные темы. Повествование ведется то от имени автора, то от имени других лиц. Более того. В этих двух книгах можно найти подчас и противоречивые высказывания по различным вопросам. В известной мере это объясняется тем, что отдельные части «Морали» и «Политики» были первоначально написаны еще в 1790 г. Однако в целом работа Ретифа, предназначенная, по заявлению автора, «для всего земного шара»,— это обвинительный акт против порожденного революцией нового буржуазного общества и яркая, пламенная защита коммунизма.

Излагая общий ход Французской революции, Ретиф писал, что с самого начала революции народные массы хотя и действовали стихийно, но всегда были правы. Даже совершенные во время революционных событий убийства и эксцессы в конечном счете оправдали себя, так как очистили Париж от аристократов (XV, 4312—4314). Нельзя считать несправедливой смерть всех тех, кто был гильотинирован террористами. Большая часть погибших были преступниками, а не жертвами; они были врагами своего правительства и своей страны, и их уничтожение являлось общественным благом (XV, 4364-4365).

Так Ретиф приходит теперь к оправданию якобинской диктатуры и террора. «Несмотря на все упреки, которые можно столь справедливо сделать якобинизму, — заявляет он, — именно его пылкий дух спас Францию от унижения быть побежденной и разделенной врагами» (XV, 4498). Все, что делали Робеспьер и его сообщники, отнюдь не было плохим (XV, 4367). Робеспьер пал жертвой людей, многие из которых не были его достойны (XV, 4373). Нужно поэтому относиться с недоверием к людям, которые поносят якобинцев; это роялисты, которые нападают на патриотов (XV, 4393-4394)[158].

После термидора новые правители стали делать все обратное тому, что делали их предшественники, и этим навлекли на страну неисчислимые бедствия (XV, 4367). Их так называемая «система кротости» лишь развязала руки спекулянтам (XV, 4373—4374). В результате падения ассигнатов положение народа стало невыносимым. Считавшие себя гуманными члены Конвента не видели несчастных, которые, возвращаясь с работы, не находили дома куска хлеба. Когда же их стали проклинать, они направили против парижан войска (XV, 4368—4369),

Много надежд возлагали на новую конституцию. Однако после ее провозглашения голод и нужда еще более усилились (XV, 4369—4370). Замена ассигнатов мандатами не дала должных результатов, так как новое правительство, вместо того чтобы бороться против ажиотажа, оказалось на поводу у банкиров, спекулянтов, «лионцев» и питтистов разного рода. Оно открыто поощряло воровство и умышленно разоряло простых, честных людей в пользу спекулянтов, интриганов,

негодяев (XV, 4379—4380). Говорят, что конституция препятствует принятию мер против спекулянтов; но зачем же сделали конституцию такой порочной? (XV, 4491).

Столь резко нападая на термидорианцев, на конституцию III года и характеризуя Директорию как режим, защищающий интересы спекулянтов и нуворишей, автор страстно разоблачает и гневно клеймит всю буржуазную действительность пореволюционной Франции. «Никогда, ни у какого народа, ни в какое время не существовало подобного эгоизма, подобной аморальности», — восклицает он (XV, 4489). Эта «аморальность современного поколения» проявляется всюду, в самых различных областях, начиная с аморальности денег и торговли и кончая аморальностью прессы и брака[159]. После 1794 г., когда были опущены поводья, сдерживавшие порочных людей, и после принятия новой конституции, все социальные связи распались. Каждый человек превратился в гнусного эгоиста, думающего только о самом себе. В результате французы, за исключением группы мошенников, пребывают теперь в несчастном и жалком состоянии (XV, 4491—4492).

Свобода, на которой настаивали собственники, и невмешательство правительства привели не к установлению разумных цен, а, наоборот, к их невероятному росту (XV, 4425). Негоциант стремится вырвать у земледельца наибольшее количество съестных припасов в обмен на товары, которые он дает изготовить за возможно более низкую цену; земледелец, в свою очередь, выжимает соки у несчастных ремесленников; розничные торговцы бессердечно отказывают во всем рабочему, чтобы заработать лишний экю (XIV, 3980-398!; XV. 4287).

«Несчастный, сумасшедший меркантильный дух овладел всеми слоями общества» (XV, 4532), — так характеризует автор новую буржуазную экономику. Безостановочно, неограниченно размножаются торговцы — эти паразиты, которые живут, не трудясь, за счет общества. «Самые обыденные съестные припасы... являются объектом торговли бесполезных розничных торговцев, что я говорю бесполезных — вдвойне вредных: ведь это множество паразитов, уклоняющихся от необходимого труда, живет за счет продаваемых ими съестных припасов, которые должны были бы быть самыми дешевыми, дабы соответствовать средствам бедняков» (XV, 4533—4534). Всюду между производителями и потребителями внедряются паразиты — посредники. Так, «бесполезные существа потребляют средства существования рабочих многих мануфактур». Так, нация «кормит эти бесполезные рты вместо мануфактуристов» (XV. 4536). Торговцы — это люди без всяких принципов, без всякой морали. «Молодой человек, предназначающий себя по склонности к этой профессии, является неизбежно бесчестным, коварным эгоистом. Его цель — обманывать и надувать всех других людей, насколько это только возможно» (XV, 4506—4507).

Грабежом являются доходы не только торговцев, но и крупных негоциантов. Доходы «миллионера-негоцианта, жертвой скупости которого являются тысячи людей», как и доходы злостных банкротов, автор относит к числу десяти видов воровства, причем считает их более преступными, чем грабеж на большой дороге (XIV, 4002-4006).

Новыми хозяевами общества являются «гнусные банкиры», спекулянты, скупщики (XIV. 4001). Это они грабят тружеников, «спекулируют их жизнью» и наживают огромные состояния на фоне всеобщего голода и нужды (XV, 4368—4369, 4372—4373, 4488—4490, 4811—4818). Это они заводят теперь пышные кареты и тратят бешеные деньги среди всеобщего разорения. Снова возвращается гнусная роскошь во всем своем беспутстве (XV, 4088).

Французскому народу грозит порабощение новым феодализмом. Упоминая об индийских кастах, автор восклицает: «Французские земледельцы, каменщики, сапожники, пекари, — вот участь, которая вас ожидает! Вы будете кастрированы, унижены, порабощены новым феодализмом, еще худшим, чем прежний» (XV, 4506).[*****]

Что же нужно сделать, чтобы устранить существующие общественные бедствия? Необходимо прежде всего отказаться от ложного принципа, провозглашенного «экономистами» и собственниками, что «правительство не должно ни во что вмешиваться, что оно должно предоставлять все делать земледельцам, торговцам, мастерам, ремесленникам» (XV, 4423). Необходимо создать твердое, наделенное диктаторскими полномочиями правительство, которое держало бы в узде земледельцев и торговцев, твердой рукой подавляло бы спекуляцию и беспощадно, путем террора, ^расправлялось бы со скупщиками, спекулянтами, банкирами (XV, 4366, 4374-4375, 4380-4381, 4405-4411, 4510; XVI, 4812-4813). Необходимо ввести твердые цены на все товары, следить за поставкой съестных припасов и ежедекадно определять заработную плату наемных рабочих (XV, 4415—4422).

А. В. ИОФФИСОВ
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

[*****] О послетермидорианской экономической и политической ситуации см, например: *П.Щеголев*. После Термидора, *П.Щеголев*. Заговор Бабефа, *М.Доманже*. Бабеф и заговор Равных, *С.Моносов*. Очерки по истории Якобинского клуба, *А.Матьез*. Термидорианская реакция (часть 1, часть 2)

Как видим, Ретиф предлагал по существу восстановить «максимум» и вернуться к экономической политике якобинской диктатуры. Все это, но его мнению, было бы благом по сравнению с существующим положением. Однако подобного рода мероприятия он рассматривает лишь как паллиативы, которые неспособны устранить самые корни общественного зла.

Основной причиной всех социальных бедствий является общественный строй, основанный на частной собственности. Люди искали происхождение зла; оно заключается в гнусной, отвратительной собственности (XV, 4385). Богачи, особенно нувориши, а также бывшие дворяне утверждают, что люди образовали общество, чтобы обеспечить свою собственность. На самом же деле люди первоначально не были собственниками, и в первое время общество было основано на республиканских и коммунистических началах, общность уничтожили короли, которые создали знать и ввели собственность, приведшую к неравенству, угнетению и порабощению. Следовательно, сторонники собственности не могут быть настоящими республиканцами, а являются в душе роялист пят (XV, 4387-4389).

Собственность противоестественна; она нарушает законы природы (XIV, 3980). Между тем существующее законодательство бесстыдно покровительствует собственности со всеми ее злоупотреблениями (XIV, 4090). Именно собственность привела к богатству и крайней нужде (XIV, 4002). Она изолировала людей, превратила их во врагов. В результате каждый стремится строить свое благополучие за счет благополучия других людей (XIV, 3058). Личные интересы отдельных лип противоречат интересам всего общества. В современном обществе происходит «постоянная борьба личного интереса с общим интересом» (XIV, 4067—4068).

Индивидуальная собственность является причиной всех пороков, существующих в обществе. Если не было бы собственности, то не было бы и пороков, хотя продолжали бы существовать страсти. Но страсти сами по себе, без алчности, никогда не порождают порока (XV, 4325—4326). Чтобы устранить все общественное зло, необходимо поэтому ликвидировать частную собственность.

Существует восемь видов общественно-политического строя, а именно: деспотизм, монархизм, республико-монархизм, республиканизм, теократизм, сенатизм, патриархализм и коммунизм (communisme). Деспотизм, распространенный среди магометанских народов, а также в европейских странах и существовавший во Франции до революции, обычно является наихудшим правлением. Монархизм, существующий в Англии, имеет некоторые преимущества лишь для средних слоев, народ же всегда остается в меньшинстве и вся власть сосредоточивается в руках таких деспотов как Питт. Республико-монархизм, существовавший в Польше, представлял собой бессмысленное и ложное правительство. Столь же отрицательную характеристику автор дает и теократизму, а также сенатизму и патриархализму (XV, 4233—4250).

Довольно детально останавливается он на «республиканизме». Хотя в виде примера этого строя он указывает лишь на Соединенные Штаты, однако, резко критикуя «республиканизм», он фактически подвергает критике современный ему республиканский строй во Франции. Республиканизм по существу ничем не отличается от монархизма. Если при монархии члены общества должны слепо подчиняться королю, то при республике они вынуждены столь же слепо повиноваться своим избранным представителям и должностным лицам, которых всегда ничтожное меньшинство. Поэтому для народа различие между монархией и республикой является лишь воображаемым, а не реальным. При республике люди равны лишь номинально. К тому же республиканский строй всегда превращается в олигархию и, в конечном итоге, приводит к деспотизму (XV, 4241—4243, 4297- 4298).

Совершенным общественным строем, лучшим из всех правлений, единственно достойным разумных людей, является коммунизм. Однако этот строй существует в настоящее время лишь среди некоторых индейских племен в Америке, а также практикуется в таких общинах, как общины Пинонов и моравских братьев, гернгутеров (XV, 4250—4251).

Ретиф специально подчеркивает, что речь идет не об «аграрном законе», а об «абсолютной общности» (XV, 4383). «Моральное и политическое равенство, раздел имуществ, аграрное распределение — это пустые идеи, которые не приводят к цели» (XIV, 3962). Равенство, столь превозносимое «сумасшедшим Руссо», является химерой, «разрушительным абсурдом»; оно противоречит природе, оно низвело бы людей до положения готтентотов и других дикарей (XV, 4437—4438). Если бы, следуя так называемой «прекрасной системе равенства», удалось бы все уравнять, то тем самым уничтожили бы науки и искусства (XIV, 4075—4076). Между тем, вопреки мнению христиан и якобинцев, обществу необходимы не только «полезные искусства», но и «искусства роскоши», к числу которых относятся как профессии, связанные с изготовлением предметов роскоши, так и литература, изящные искусства и все отрасли науки (XV. 4471).

«Но вы хотите установить общность. Разве это не равенство?» — «Нет», — отвечает автор. Коммунизм гарантирует от нужды и дает возможность каждому, независимо от его происхождения, посвятить себя той или иной профессии и занять общественное положение сообразно своим способностям и своему прилежанию, но он не уравнивает всех людей. Коммунизм «оставляет поэтому достаточно стимулов для соревнования» (XV, 4140). Ликвидация индивидуальной собственности отнюдь не приведет, как то утверждают глупцы, выступающие в роли политиков, к упразднению всякого соревнования, всякой энергии. Наоборот, «уверенность в удовлетворении своих нужд придаст несказанную энергию трудящимся» (XV, 4425—4427). При коммунизме «соревнование, энергия, основанные на личном интересе, не понесут никакого ущерба; они, наоборот, приобретут больше силы и активности» (XV, 4385).

Вместо тысячи уголовных и гражданских законов при коммунизме будет существовать лишь один основной закон, обязывающий каждого к определенному труду сообразно его способностям. Некоторые могут возразить, что в таком случае люди станут рабами и лишатся свободы. А разве люди свободны теперь, «при царстве нужды»? (XV, 4429).

Людей побуждают к труду, кроме нужды, одиннадцать других стимулов, в том числе активность, честолюбие, властолюбие, слава и т.д. Однако при различных формах общества те же самые стимулы приводят к различным результатам. Так, например, в современных условиях свойственная людям активность часто делает их ворами, спекулянтами, интриганами; но она же в условиях коммунизма побуждает людей к труду и делает активных мужчин и женщин необычайно ценными для общества (XV, 4462—4468). «Физика похожа на мораль: в физике все делается лишь посредством стимула солей; в морали также все делается лишь посредством стимула страстей...» (XV, 4469). При коммунизме возможно будет правильно, на пользу обществу, использовать страсти человека.

Упразднение частной собственности, изолирующей людей и разделяющей их интересы, является единственным средством заставить личные интересы отдельных лиц служить общественному благу (XIV, 3960). Коммунизм лучшее, наиболее действенное средство привязать людей к родине. Если теперь, при «несовершенной республике» французские солдаты вызывают восхищение всей Европы, то каковы же будут непобедимые армии при коммунизме? Когда народы увидят счастье французов, они добровольно объединятся с ними (XV, 4442—4444).

О коммунизме и его преимуществах Ретиф говорит в самых различных частях своего произведения. Он посвящает этому вопросу особый раздел: «В чем состоит строй, основанный на собственности, в чем состоял бы коммунизм?» («En quoi consiste l'etat proprietaire? En quoi consisterait le communisme?» (XV, 4324 и сл.); он говорит об этом в специальном параграфе, озаглавленном «Превосходные последствия коммунизма» («Excellens effets du communisme») (XV, 4385). Но Ретиф не ограничивается лишь общей характеристикой коммунистического строя. На 22 страницах он приводит специальный «Регламент, предлагаемый всей Европе и другим странам, жители коих являются европейцами», в котором излагаются принципы организации коммунистического общества (XV, 4328-4346).

Регламент этот состоит из 29 статей. Его основные положения следующие. Вся частная собственность превращается в общественную, использование которой предоставляется отдельным семьям в зависимости от количества трудоспособных. Все граждане обязаны трудиться. Непосредственно после реформы земледельцы, ремесленники, литераторы, ученые, люди искусства продолжают заниматься своей профессией. Однако их дети вовсе не обязаны следовать профессии своего отца, а выбирают таковую сообразно своим способностям. Во главе каждой профессии в каждом городе и в каждой деревне стоят выборные начальники работ из числа самых способных граждан. Науку же и литературу возглавляет Академия или Национальный институт. В начале года каждый гражданин должен делать устно или письменно декларацию о той работе, которую он обязуется выполнить в течение года. Эти декларации регистрируются, а обязательства, взятые на себя представителями творческих профессии — художниками, писателями и др., публикуются в газетах. Особые трибуналы привлекают к ответственности за нерадивость и невыполнение своих обязательств, что считается самым преступным и низким проступком. Граждане, но оправдавшие себя по своей специальности, могут переводиться на другую работу. Это относится прежде всего к представителям умственного труда. В противоположность лицам физического труда они не обязаны давать в течение года строго определенного количества продукции. Однако если в течение ряда лет они ничего не создают или обнаруживают полное отсутствие таланта, то их обязывают заняться другой профессией. Тяжелые и грязные работы выполняют в принудительном порядке осужденные преступники.

Общество берет на себя заботу о всех нуждах граждан. Питание носит общественный характер. Существуют «общие столы» — каждый на 60 лиц мужского и 60 лиц женского пола. Одежда строго регламентирована в зависимости от возраста и заслуг. Дети воспитываются вместе под руководством общественных воспитателей и получают общее и профессиональное образование.

Гражданам не полагается денежного вознаграждения за их труд. Однако должны существовать различного рода монеты, начиная с бриллиантовых, золотых и кончая деревянными. Монеты эти отдельные лица получают за различного рода заслуги. На эти монеты они могут приобретать общественные почести. Они могут также уступать их другим лицам за оказанные им услуги. Таким образом, эти монеты будут поддерживать среди людей ту же энергию, что и деньги при строе собственности, не имея их пагубных последствий, так как в условиях коммунизма они не могут привести к той коррупции, связанной с неравенством, которая характерна для общества, основанного на частной собственности.

Эта система вознаграждения в зависимости от заслуг и исключает ту всеобщую уравнительность, против которой столь резко возражает автор. При коммунизме, указывает он, выдающиеся люди смогут получать знаки отличия и даже богатства, которые, однако, не будут передаваться по наследству. Следовательно, при коммунизме «все люди будут равны в правах; отличия будут связаны лишь с личными заслугами» (XIV, 4076—4079).

Обосновывая коммунизм как идеальный общественный строи и восхваляя его преимущества, Ретиф обращается к правителям республики и ко всей французской нации с горячим призывом осуществить его на практике. Лишь коммунизм является истинным, совершенным республиканизмом. Не нужно ограничиваться полу-республикой и полузавоеванием. Нужно изгнать эгоистов и собственников. Французы должны обеспечить счастье человеческого рода (XV, 4383, 4411, 4444).

XI

В других своих произведениях, написанных в эти годы, Ретиф вновь и вновь излагал свои коммунистические воззрения и пропагандировал коммунизм как идеальный общественный строй.

В 1796 г., еще за год до выхода в свет его «Морали» и «Политики», он опубликовал трехтомное произведение «Philosophie de monsieur Nicolas», посвященное изложению его натурфилософских взглядов. Произведение это было напечатано Бонвилем в типографии «Социального кружка». В нем Ретиф также указывал, что люди объединились в общество ради своего счастья. «Тот, кто, живя в обществе, стремится, как все современные люди, учитывать лишь свой интерес, работать лишь на себя (таковы наши гнусные спекулянты 1796 г.), является нечестным и виновным существом, украдкой берущим обратно возможно больше из того, что он сделал общим; это настоящий вор, который тем самым заслуживает смертной казни»[160]. «Взаимность является социальной связью людей. Общность была бы их естественным состоянием: собственность — вовсе не причина возникновения общества, а его яд; она результат тирании. Люди соединились, чтобы жить сообща; злые, негодяи установили собственность, основанную не на труде, а на грабеже. Лишь вор хочет обогащаться, трудолюбивый хочет лишь мирно жить. Порочный хочет собственности; богатства — источник всех пороков. Всякий сторонник собственности, по склонности или из принципа, обязательно имеет порочное сердце и лживый ум»[161]. «Не существует естественного права собственности; все принадлежит всем; пусть общество руководствуется этим правилом и заставит всех работать... Лишь посредством универсальной общности (communaute universelle), по меньшей мере для одной нации, можно предотвратить все пороки, конфликт всех страстей, злоупотребление всеми бедами»[162]. Для человеческого рода нет счастья «без этой общности, устроенной так, чтобы она, подобно общности, предложенной в «Андрографе», могла бы предотвратить утрату предприимчивости и соревнования». Христианство в своих заповедях установило общность, но менее разумную, чем в «Андрографе», который отнюдь не стремится восстановить христианскую общину. «Когда увижу я, — восклицает автор, — установленным на всей поверхности земного шара, вместо всякого иного правления, план общности, изложенный в «Андрографе»...»[163]

Интересно, что Ретиф отнюдь не считал себя единственным представителем коммунизма во Франции. «Мы патриоты—республиканцы—коммунисты» («Nous seuls Patriotes—Republiquains—Communistes», — говорит он о себе и своих единомышленниках[164], подчеркивая тем самым наличие во Франции целой группы сторонников коммунизма. В этой связи обращает особое внимание следующий его рассказ, относящийся к осени 1795 г., когда в парижских секциях рассматривалась и утверждалась конституция III года. «В секции Пантеона одни гражданин требовал отвержения конституции и установления коммунизма. Однако сперва он так плохо излагал свои мысли, что даже я сам был против него. Сторонники предрассудков возмутились... его хотели избить, столь могущественной была уже тогда аристократия! Мы этому воспротивились — председатель Делавинь и я. Мы узнали впоследствии, что этот человек был секретарем Робеспьера. Мы заключили из этого, что Робеспьер занимался аналогичным проектом. Вскоре я не имел никаких сомнений на этот счет. Но я больше ничего не скажу»[165].

Известно, что протоколы парижских секций погибли в 1871 г. Полного протокола собрания секции Пантеона, о котором упоминает Ретиф, поэтому не имеется. В Национальном архиве сохранились лишь выписки из протоколов первичных собраний парижских секций, посвященных рассмотрению и голосованию конституции 1795 г. Среди них две выписки из протоколов «первичного собрания секции Французского Пантеона» от 22 и 29 фруктидора III года. Из них мы

узнаем, что первичное собрание секции, отвергнув, после долгой дискуссии, декреты Конвента об избрании 2/3 состава будущих законодательных органов из числа депутатов Конвента, «обсудило затем на нескольких заседаниях проект конституции, представленный французскому народу его представителями», и 29 фруктидора провело голосование, во время которого 14 человек выступили с различными предложениями и поправками. Эти обе выписки подписаны председателем собрания Делавп-нем[166]. Подпись эта подтверждает правдивость рассказа Ретифа, который упоминает об этом Делавине как о лице, председательствовавшем на заседании секции. Отсутствие полного протокола не даст нам, к сожалению, возможности установить, кто именно выступил на этих заседаниях секции Пантеона с требованием установления коммунизма и как он был поддержан Ретифом. Но рассказ Ретифа не только обогащает наши сведения о коммунистической агитации в Париже осенью 1795 г. Мы видим, что и сам Ретиф продолжал принимать активное участие в собраниях своей секции и выступал на них с изложением своих взглядов, как он это делал также в кафе Манури и других общественных местах. В 1795—1796 гг., в разгар бабувистского движения и широкой коммунистической агитации в Париже, он неизбежно сталкивался с людьми, так же, как и он, выступавшими как сторонники коммунизма. Именно поэтому он и говорит во множественном числе о «патриотах — республиканцах — коммунистах».

Учитывая старость Ретифа, его настойчивое стремление стоять в стороне от политической борьбы, трудно предположить, что он принимал какое-либо участие и бабувистском движении. Это не значит, однако, что он не был знаком с бабувистской литературой и не общался с отдельными бабувистами. Вполне возможно и даже вероятно знакомство Ретифа с бабувистскими изданиями и прежде всего с легальной газетой Бабефа «Трибун народа»)[167]. Несомненны и его близкие связи с таким видным участником заговора Бабефа, как Сильвен Марешаль. Его знакомство с Марешалем относится еще к дореволюционному периоду. В дневнике Ретифа второй половины 80-х годов имеются многочисленные упоминания о встречах с Марешалем, об их посещениях друг друга[168]. Дружба между Марешалем и Ретифом продолжалась и в революционные годы. В дневнике Ретифа периода революции мы также находим записи, свидетельствующие об этом [169]. Марешаль в своих работах ссылался на Ретифа, отсылал читателей к его произведениям[170]. Он в свое время переслал матери Люсиль Дюплесси (будущей жены Камилла Демулена) одну из книг Ретифа[171].

Как бы то ни было, несомненно, что активная пропаганда Ретифом коммунистических идей в 1796 г. совпадает по времени с бабувистским движением. Общие настроения, выраженные в его философско-политических трактатах, также аналогичны настроениям, характерным для представителей демократической интеллигенции, группировавшейся вокруг Бабефа. Мы видим у него то же оправдание террора и якобинской диктатуры (вплоть до идеализации Робеспьера, как тайного сторонника коммунизма), то же отрицательное отношение к термидорианскому перевороту и к конституции III года, закрепившей власть за спекулянтами и нуворишами, и, наконец, тот же призыв не ограничиваться полуреспубликой, а установить настоящий республиканизм, каким может быть не «аграрный закон», а только коммунизм, устраняющий частную собственность и все общественные бедствия.

Но удивительно поэтому, что крушение заговора Бабефа помогло не произвести на Ретифа самого потрясающего впечатления. Об этом наглядно свидетельствуют последние строки его «Политики». Давая обзор событий к моменту выхода из печати его книги, он писал: «Безрассудные гренеллисты были расстреляны; Бабеф и Дарте казнены в Вандоме...» (XV, 4414). Этими словами и этим знаменательным многоточием и закапчивает Ретиф свою работу. «Контрреволюция все продвигается вперед». Все патриоты с некоторых пор подвергаются преследованиям, писал Ретиф в том же году в одном из своих писем, заявляя одновременно, что сам он всецело на стороне патриотов[172].

Публикуя в 1797 г. свое произведение, посвященное обоснованию коммунизма, Ретиф чувствовал себя в условиях торжествующей реакции и гибели своих единомышленников последним могиканом. Этим и объясняются его пессимистические настроения и чувство отчаяния и безнадежности, которые подчас прорываются у него, наряду с настойчивыми призывами к установлению коммунизма. Еще за год до этого, в «Philosophie de Monsieur Nicolas», он подчеркивал, что установлению коммунизма неизбежно будут противиться все имущие, заинтересованные в сохранении существующих общественных порядков. «Никогда, — писал он, — этот план общности не понравится людям богатым или даже просто зажиточным, так как они предпочитают эгоистическую и варварскую зажиточность, которую им обеспечивает неравенство, реальному, солидному, несказанному счастью, которое обеспечило бы им равенство, счастье, о котором они не имеют никакого представления»[173]. Теперь, после крушения заговора Бабефа, он считал это противодействие собственников почти непреодолимым. Хотя, указывал он, коммунизм является требованием природы и разума, но ему противятся антисоциальные страсти многих людей. Коммунизму воспротивятся все те, кто является собственниками, все мошенники и негодяи, которые составляют, однако, 3/4 человеческого рода. «Я знаю, — восклицал он, — что бесполезно проповедовать людям коммунизм... Заправилы человеческого рода, эгоисты, богачи, все порочные люди слишком заинтересованы помешать его осуществлению, чтобы он смог быть

когда-нибудь осуществлен»[174].

Но эти вспышки отчаяния не мешали Ретифу проповедовать идеалы коммунизма до конца своих дней. Еще в 1796 г. он закончил новое произведение — «Посмертные письма», которые, однако, опубликовал в доработанном виде лишь в 1802 г. в четырех маленьких томах. Книга эта была сразу же конфискована наполеоновскими властями, и немногие сохранившиеся экземпляры являются теперь уникальными. В этой работе, носящей крайне сумбурный характер, трактующей о самых различных сюжетах и заполненной натурфилософскими фантазиями, Ретиф вновь провозглашал коммунизм идеальным общественным строем.

Описывая различные планеты, он изображал царящие на Венгре порядки как коммунистические. Многочисленные стеснительные законы, заявлял он, существуют лишь там, где хотят покровительствовать мошенникам и поддерживать неравенство. На Венере же есть только шесть основных законов. Все имущество является общим так же, как и труд. Все обитатели равны. Почет приобретается лишь прекрасными поступками, хорошими изобретениями, полезными работами. Поскольку все заняты только производительным трудом, труд не обременителен. Раньше на Венере, как и в настоящее время на Земле, одни постоянно отдыхали и ничего не делали, в то время как другие были перегружены чрезмерной работой и осуждены на вечную нужду. «Теперь на Венере нет больше подобных злоупотреблений; скоро их не будет и на Земле». Венера — это будущее Земли. Те порядки, которые там существуют, неизбежно воцарятся и на Земле»[175]. В другом месте говорится по поводу новых законов, которые намерен установить герой романа, чтобы вернуть на землю «золотой век». «Я исхожу из того, что нет других законов, которые могли бы обеспечить всеобщее счастье, кроме Общности». Необходим новый кодекс, и этим кодексом является тот, который изложен в «Андрографе»[176].

Упоминание о коммунизме носит в этой книге, как видим, общин характер и переплетается с натурфилософскими фантазиями автора. Но все же знаменательно, что и в 1802 г., после установления диктатуры Наполеона, Ретиф пытался вновь напомнить о коммунистических идеалах и выражал уверенность в неизбежности ликвидации общественного паразитизма и установлении строя, основанного на общности имуществ.

В последние годы жизни Ретиф написал и другое фантастическое произведение, «L'Enclos et les Oiseaux», так и оставшееся неопубликованным. Рукопись этой работы была впоследствии утеряна. До сих пор найдена и опубликована всего одна страница этого романа[177]. О содержании этого произведения мы знаем лишь из краткого резюме, помещенного Ретифом в приложениях к «Посмертным письмам»[178]. В романе описывалось создание неким Дюлисом (под которым Ретиф выводил обычно самого себя) новых поселений и городов, совершенно нового общества, о жителях которого сказано, что «коммунизм поддерживал среди них равенство»[179]. Таким образом, и в этом своем последнем неопубликованном произведении Ретиф вновь выдвигал идеал коммунизма, которому оставался верен, несмотря на свою старость, болезни и невзгоды, до последних дней своей жизни.

Коммунизм Ретифа возник из общинных идеалов и первоначально являлся типичным образцом общинного коммунизма. Начав с проекта сельской общины, Ретиф еще до революции пришел к идеалу коммунистического общества, но общество это он представлял себе как совокупность отдельных общин. Именно таковым и было общество «Андрографа», предусматривавшее объединение всех граждан в общины, первоначально по профессиональному признаку. Даже в своей утопии «Южное открытие», посвященной описанию идеального коммунистического общественного строя, Ретиф предусматривал коммунистические общины по сто семейств, проживающих совместно в одном обширном здании. Идеалы общинного коммунизма Ретиф выдвигал и в первый год революции, мечтая о создании общин, объединяющих от 25 до 50 хозяйств.

Революция оказала огромное влияние на все мировоззрение Ретифа. Под влиянием опыта революции меняются и его представления о коммунистическом обществе, хотя он все время продолжает ссылаться на «Андрограф» как на проект «всеобщей общности». То коммунистическое общество, которое он описывает в своих произведениях в 1796—1797 гг., — это уже не общинный коммунизм. Правда, и здесь мы находим еще отдельные реминисценции общинных идеалов, например, общинно-коммунистическую организацию потребления, общие трапезы на 120 человек. Но в целом Ретиф описывает коммунистическое государство, где труд граждан регламентируется в общегосударственном масштабе, где науку и литературу возглавляет единый Национальный институт, где осуществляется единое общественное воспитание молодого поколения. Ретиф сам сознавал это отличие его нового регламента «универсальной общности по меньшей мере для одной нации» от его предыдущих общественных проектов, в тон числе и «Андрографа»: он указывал, что этот регламент мог бы быть дополнен теми статьями проекта «Андрографа», «которые подойдут к предлагаемому режиму»[180], признавая тем самым известное отличие этого «режима» от плана «Андрографа».

Теперь Ретиф характеризовал коммунизм следующим образом: «В чем состояли бы коммунизм или общность (le communisme ou la communaute)? В том, чтобы сделать общей в каждом государстве всю поверхность земли, дабы она обрабатывалась теми, ты которых возложена эта работа; сделать общей продукцию как всех полей, виноградников, лугов, скота, так и продукцию всех ремесел, искусств и наук, так, чтобы... каждый пользовался трудом всех, а все — трудом каждого; сделать также общими дома, с тем чтобы каждый имел помещение и мебель сообразно своей профессии (son etat exerce)»[181]. Это представление о коммунизме, как о едином общественном хозяйстве в масштабах всей страны, совпадало уже с представлением о коммунизме Бабефа и его единомышленников.

Очень интересно отметить, что к этому времени меняется и терминология Ретифа. До этого Ретиф, как и другие коммунистические идеологи той эпохи, употреблял термин «общность» (communaute). Теперь наряду с этим он употребляет уже и термин «коммунизм» (communisme) и называет сторонников этого нового общественного строя коммунистами (communistes). Это заслуживает тем большего внимания, что даже в бабувистских документах того времени мы не встречаем еще этих терминов, ибо и в них говорится лишь об «общности», о сторонниках «общности» и «равенства». Ретиф выступает; таким образом, как один из первых авторов, введших в употребление современные термины «коммунизм» и «коммунисты», получившие широкое распространение лишь в XIX столетии.

Коммунизм Ретифа носил, конечно, черты ограниченности и примитивности, свойственные вообще коммунизму конца XVIII столетия. Подобно бабувистам, Ретиф предусматривал обобществление всей собственности и всей сельскохозяйственной и промышленной продукции при индивидуальном труде каждого в той или иной отрасли сельского хозяйства и ремесленного производства, но труде обязательном, регулируемом и контролируемом государством[182]. Характерны для коммунизма XVIII в. и такие черты коммунизма Ретифа, как мелочная регламентация всей общественной жизни вплоть до одежды граждан, строгое соблюдение возрастной иерархии, совместные трапезы и т.п. Столь же традиционный для XVIII столетия рационалистический характер носит у Ретифа и обоснование коммунизма как разумного и естественного общественного строя.

Хотя в начале революции Ретиф проявлял подчас бунтарские настроения, а после термидора оправдывал революционный террор, он, однако, не связывал непосредственно коммунизм с революционной борьбой масс. Наоборот, он видел в коммунизме средство примирить все социальные противоречия, покончить с ожесточенной политической борьбой, установить всеобщую гармонию. Даже убедившись, что собственники и богачи всегда будут ожесточенно сопротивляться коммунизму, он делал из этого не вывод о необходимости революционной борьбы против сильных мира сего, а пессимистический вывод о невозможности осуществления коммунизма. Он был далек от бабувистских идей о революционной диктатуре, как необходимой предпосылки построения коммунистического общества.

В то же время в последних произведениях Ретифа мы находим уже очень интересную критику буржуазной действительности пореволюционной Франции, критику нового буржуазного общества с его царством «меркантильного духа», с господством банкиров и спекулянтов, с оргиями наживы на фоне голода, разорения и нищеты.

Энгельс, говоря о предпосылках возникновения утопического социализма XIX в., связывает его, как известно, с горьким разочарованием в результатах Французской революции, когда предвещенное просветителями царство разума оказалось не чем иным, как царством буржуазии, когда противоположность между богатством и бедностью еще более обострилась, когда чистоган стал единственным связывающим элементом нового общества, когда «торговля все более и более превращалась в мошенничество», а «братство, провозглашенное в революционном девизе, нашло свое осуществление в плутнях и в зависти, порождаемых конкурентной борьбой»[183].Одним из наиболее ранних проявлении этого горького разочарования буржуазным обществом, возникшим на развалинах феодализма, и являются «Мораль» и «Политика» Ретифа, опубликованные в 1797 г. Неудивительно, что мы находим там чисто «префурьеристскую» критику нового буржуазного общества. Это относится прежде всего к разоблачению торгового паразитизма, разоблачению, которое занимает центральное место и в общественной критике Фурье. Общественная критика Ретифа так совпадает по духу с общественной критикой Фурье, что мы находим у него даже столь характерное для Фурье выражение, как «меркантильный дух» (esprit mercantile). Если Ретиф считает меркантильный дух характерной чертой нового пореволюционного общества, то и у Фурье именно «меркантильный дух» является характерной чертой третьей фазы цивилизации.

Для коммунистических теорий XVIII в. характерно требование равенства как основного признака коммунистического общества. Уравнительные тенденции коммунизма XVIII в. проявляются, как указано выше, и в произведениях Ретифа, особенно в ранний период. Но в то же время в своих последних работах он не только не идеализирует равенство, но, наоборот, резко возражает против него, высмеивает «прекрасную систему равенства» и прямо заявляет, что коммунизм не есть равенство. В этом отношении Ретиф опять-таки ближе к социалистам-

-утопистам XIX в., в частности, к тому же Фурье, который также в самых резких выражениях осуждал уравнительные идеалы XVIII в.[184]

В своем проекте коммунистического общества, общества, в котором находят должное применение страсти и способности людей, Ретиф не только сохраняет предметы роскоши, не только отводит самое почетное место науке, литературе, искусству, но и предусматривает систему вознаграждения, исключающую уравнительность. При этом он не замечает того явного противоречия, которое возникает в результате его попытки сочетать общинно-коммунистическую организацию потребления с принципом вознаграждения по прилежанию и личным заслугам.

Произведения Ретифа, написанные в послетермидорианский период, носят, таким образом, двойственный характер. С одной стороны, они являются одним из последних памятников коммунистической литературы XVIII столетия, с другой стороны, мы находим в них критику нового буржуазного общества и идеи, предвосхищающие социальную критику и некоторые основные положения социалистов-утопистов XIX в. Ретиф выступает в них не только как эпигон коммунизма XVIII в., но и как предшественник утопического социализма XIX столетия.

1 О жизни и литературной деятельности Ретифа см. А.Р.Иоаннисян. Ретиф де ля Бретон. Вступительная статья к книге: Ретиф де ля Бретон. Южное открытие. М.. 1936. О Ретифе как писателе см. А.Р.Иоаннисян. Ретиф де ля Бретон и французский реализм XIX века — «Литературный критик», 1936. № 7.

2 L'Ecole des Peres par N.E.Restif de la Bretone», t.I. MDCCLXXVi p.308—376.

3 М.Ковалевский. Происхождение современной демократии, т.I. СПб., 1912, стр.64—65, 304. См. наказ деревни Саси в «Bulletin des sciences historiques et naturelles de l'Yonne», v.39. Auxerre, 1885, p.45—48.

4 О положении типографских рабочих в XVIII в. см. L.Morin. Essai sur la police des compagnons imprimeurs sous l'ancien regime. Lyon, 1898.

6 В типографии Кийо, например, где он одно время работал, было 66 рабочих.

6 «Monsieur Nicolas, ou le coour humain devoile». Paris, 1883, t. VII, p.72; t.IX, p.132, 136.

7 «Le Nouvel Abeilard, ou Lettres de deux amanis, qui ne se sont jamais vus», t.III. Neulchatel, MDCCLXXV, p.243.

8 «Les Nuits de Paris, ou le Spectateur nocturne», t.VI. Londres. 1783, p.2621.

9 Ibid., t.VI, p.2661—2662.

13 «Monsieur Nicolas», t.IX, p.240.

14 См. например, ссылку на «политические труды аббата Мабли» в «Le Nouvel Abeilard», t.Ill, p 397. О Маблп Ретиф упоминает и в других произведениях (см. «Los Francaises», t.III. Nciifchatel 1786, p.85).

12 «L'Andrographe...». La Itaie, 1782, p.11.

13 «Le Pornographe ou Idees d'un honnele-homme sur en projet de reglemenli pour les prostituee». Londres — La Hair, MDCCLXXIX. p.131.

14 «L'Ecole des Peres», t.II, p.92.

13 «La Mimographe». A Amsterdam. A La lldie, MDCCLXX, p. 403.

16 «Le Paysan perverli, ou les Dangers de la ville; histoire recente, mise au jour d'apres ler veritable, lettrib des personnages», t.III. A La Haie. 1776, p.169, 267, 275—276.

17 «L'Ecole des Peres», t.1. p.478—480

18 «Les Nuits de Paris». t VI. p.2733-2734.

19 Ibid., t.II, p.854.

20 «Le Paysan et la Paysanne pervortis ou les Dangers de la ville». Par N.E.Retif de la Bretonne, t.II. A Ja Haie. 1787, p.453- 455.

21 «Le Pornographe», p.123.

22 «La Mimographe», p.403.

23 «Le Nouvel Abeiiard», t.I, p. 82.

24 «Les Contemporaines». t.II. Leipsick, 1781. p.391—392.

25 «La Decouverle auslrale par un Homme-volani ou le Dodale francais», t.III. Leipsick, 1781, p.66.

26 «Les Francaises, ou XXXIV excmples choisies dans les moeur; actuelles», t.II. A Neutchatel, 1786, p.139—140.

27 «Les Nuils de Paris», t.VII, p.2908—2909.

se «Le Paysan perverti», t.III. p.273—276.

29 «L'Ecole des Peres», t.1, p.341.

30 «Les Nouvel Abeilare», t.1, p.75, 81—86.

31 «Les Nuits de Paris», t.I, p.20; t.V. p.2045; t.VII, p.2939.

32 Ibid., t.V, p.2203—2209.

33 Ж.Жорес. История Великой французской революции, т.III, 1920, стр.250—251.

34 «Le Thesmographe, ou d'lin homiete-homme sur un Projet de Beglemeni, propose a toiites les Nations dc l'Enrope, pour operor une Reforme generale des Loix; avec des Notes historiques». A La Haie. 1789.

А. Р. ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва. Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

35 Этот довод о лучшей обработке мелких участков по сравнению с крупными владениями взят Ретифом непосредственно у Мабли. Ср. Mably. De la legislation, ou principes des lojx. Premiere partic. A Amsterdam, 1776, p.159—162.

36 «Reflexions d'un citoyen adresses aux notables sur la question pro-posee par un grand roi: En quoi consiste le bonhour des penples et quols sont les nioyens de le procurer? ou sur cette autre; D'ou \iont la mii-ere et quels bont tos moyens d'y remedier». Paris, 1787.

37 Тот факт, что в «Тесмографе», по тактическим соображениям, предусматривается наделение дворян несколько большими, но тоже строго ограниченными земельными наделами, не меняет, конечно, основной сутн этого проекта — всеобщего уравнительного распределения земельной собственности с повторными регулярными перераспределениями через каждые 50 лет.

38 «La Decouverte auslrale par un Homme-volant em le Dedale fransais. Nomelle tres philosophique. Suivi de la Lettre d'un Singe, etc», t.I—III. Leipick (et se trouve a Paris), 1781.

39 Ibid.. t.III, p.48—49.

40 Ibid., t.lll, p.499—501.

41 Ibid., t.lll, p.497.

42 Ibid., t.III, p.515.

43 Ibid.. t.III. p.503, 506-507.

44 «Le Paysan porverti», t.IV, p.193--211.

45 Статут сельской общины излагается Ретифом как статут общины, организованной будто бы жителями его родной деревни Саси на территории соседней фермы Уден.

41 «L'Ecole des Peres», t.I. p.474.

47 Насколько сведения об этих общинах, приводимые Ретифом, носили характер прямого литературного заимствования, видно при внимательном сравнении соответствующих страниц «Школы отцов» со статьей «Моравы» в «Энциклопедии». Ретиф в своем произведении не только заимствовал из «Энциклопедии» содержавшиеся там сведения о моравских братьях и оверн-скнх общинах, по и прямо списал соответствующие места статьи Фегэ с некоторыми сокращениями, вставками и стилистическими исправлениями. Ср. «L'Ecole de Peres», t.I, p.469—474 и «Encyclopedic...», t.X, p.705—706.

48 См. об общинном землевладении и общинных распорядках в Саси в «La Vie de mon Pere», Sec. partie, p.53—55.

49 «Le Nouvel Abeilard», t.lll, p.283—407; «Les Contemporaines», t.II, p.389—455; «Les Nuits de Paris», t.lll, p.966—968.

50 «L'Andrographe, ou Idees d'un Honnele homme sur un Projefc do Reglement, propose a toutes les Nations de l’Europe. pour operer une Reformo ge-nerale des moeurs et par elle, le bonheur du Genre-humain». Recueillies par N.E.Betif-de-la-Bretonne, editeur de l’ouvrage. A La Haie, MDCCLXXXII.

51 «Le Thesmographe», p.113.

52 «Le Drame do la vie». Cmquieme partie. Paris 1793, p.1336.

53 Именно поэтому в «Андрографе» Ретиф вновь ссылается, наряду с общинами гернгутеров, на овернские крестьянские общины («L'Androgrdphe», p.472).

54 Проблема идейной близости Ретифа и Фурье, выдвинутая более ста лет назад Пьером Леру, подробно рассмотрена в пашей монографии «Генезис общественного идеала Фурье», стр.91—124, 184—215.

55 «L'Andrographe». P.11—13.

56 Эта рецензия перепечатана Ротифом в приложениях к одному из томов «Современниц» (см. «Les Contemporaines», t.XXXI, Leipsick, 1783, приложения, без нумерации страниц).

57 Письмо это, помеченное 25 августа 1782 г., сохранилось среди бумаг Ретифа (Нац.библ., Отдел рукописей, N.a.f. 3300, пл.59—64). Оно также напечатано Ретифом среди приложений к т.31 «Современниц».

58 «Les Contemporaines», t.XXIV (приложение, без нумерации страниц).

59 «Les Dangers de la Ville, ou histoire effrayante et morale d'Ursule, dite la Paysanne pervertie», t.IV. A La Haie, 1784, p.CCXLIII.

60 «Les Francaise», t.IV, p.115.

61 «Les Nuits de Paris», t.I, p.197 (примечание); t.VII, p.3202.

62 Ibid., t.II, p.854.

63 «Le Paysan et la Paysanne perverlis», t.IV, p.501—502.

64 «Les Nuits de Paris», t.1, p.194—195.

65 Ibid . t. VI, p.2734.

66 Ibid.. t. II, p.500-503.

67 «Les Nuits de Paris», t.VII, p.2963.

68 Ibid, t.VII, p.2904-2905.

69 «Le plus fort des pamphlets. L'ordre des paysans aux Etat-geueraux». Noillac. 26 Fevrier 1789 (Нац.библ., Lb 39 1235).

70 Основное политическое требование, которое в нем выдвихается: чтобы в Генеральных штатах было представлено и четвертое сословие — крестьян, полностью совпадает с требованием, выдвшаемым и аналогичным образом обосновываемым Ретифом в «Тесмографе», также со ссылкой на шведскую конституцию. В памфлете, как и в «Тесмографе», ставится вопрос о возможном представительстве и от

«пятого сословия» — сословия женщин или матерей, хотя автор и не настаивает на этом предложении. Принадлежность этою памфлета Ретифу признает и ученый библиограф Лакруа (Жакоб). См. P.L.Jacob. Bibliographic et icoiiographie de tom les ouvra-ges de Reslit de la Bretonne. Paris, 1875.

71 «Le plus fort des pamphlets», p.8. «Андрограф» Ретиф называл иногда «Антропограф».

72 Ibid., p.13.

73 «Le plus fort des pamphlets», p.49.

74 Ibid, p.51.

75 «Le Coup de Grace. Querimonies aux Etats-Generaux». 1789 (Нац.библ., Lb).

76 «La Semaine nocturne». Paris, 1790.

77 Ротпф написал даже пьесу, действие которой происходит 14 июля 1789 г. По ходу действия сообщается об осаде народом Бастилии и о ее па-цении. «Угнетенный народ, — говорит один из героев пьесы, — поднимается. подобно страшному извержению Везувия или Этны». «Да погибнет деспотизм». «Благословляйте революцию», — такими возгласами полна вся пьеса, заканчивающаяся появлением освобожденного из Бастилии старца («Theatre do N.E.Restif de la Bretonne», t.Ill ou V. Neufchatel, 1790. p.101 sqq.).

78 «La Semaine nocturne», p.5.

79 «Le Thesmographe», p.427—428.

80 «La Semaine nocturne», p.168.

81 Ibid., p.161.

82 «Le Thesmographe», p.207.

83 «Le Thesmographe», p.6—8.

84 Ibid., p.377.

85 Ibid., p.586—587.

86 Ibid.. p.455—456, 477—481.

87 Ibid., p.515—556.

88 См. «Theatre de N.E.Restif de la Bretonne», t.Ill ou V, p.1—56.

89 «Le Thesmographe», p.409—410, 412—417,

90«Le Thesmographe», p.408—409.

91 Ibid. p.423.

92 Ibid . p 388, 399, 405, 418.

93 Ibid . p.420—421.

94 Ibid.. p.410, 414—415.

95 Ibid., p.268—269.

96 Ibid., p.201—202.

97 «Discours qui a remporte lo prix a la Societe royalo d'agriculture de Soissons en l’annee 1779, sur cette question propose par la'meme Societe royale les moyens de detruire la niendicite, do reinire]еч Pauvres valides utilps, et de leg secourir dans la ville de Soisons». Par Mr.l’abbee de Montlinot. lille, 1779. (Нац.библ., 4336).

98 «Observations sur Ins enfaiUs-.trouves do la generalite de Soissons». P,n M. de Montlinot. Paris, MDCCXC (Нац.библ., Rp. 585).

99 «Etat actuel du depot de Soissons, precede d'un Essai sur la meudicile», V Compte. Annee 1786. Soissons MDCCLXXXIX (Нац.библ.. R.8047).

100 «Mes inscripcions. Journal intime de Restif de la Bretonne (1780-1787)». Paris. 1889, p.85, 87. 105, 112 sqq.

101 В его рукописном дневнике периода революции мы встречаем многочисленные записи вроде следующих. 27 августа 1790 г.: «Видел Монлино»; 28 августа: «Обедал у Монлино»; 29 сентября: «Ужинал у Монлино»; 5 октября: «Монлино»; 21 июня 1791 г.: «Видел Монлино»; 22 июня: «Монлино» и т.д. См. Отдел рукописей Национальной библиотеки. N. a. Г. 22772, лл. 28. 29 об., 36 и др.

102 «Le Thesmographe», p.557—580. Он, впрочем, не хотел присвоить себе работу Монлино. В своей автобиографии, перечисляя свои работы, он укалывал, что в «Тесмографе» в числе прочих материалов им был помещен и «Мемуар о нищенстве» Монлино. См. «Monsieur Nicolas», t.XIV, p.124.

103 Читая эти строки, невольно вспоминаешь известные слова Бабефа в изданном в том же 1789 г. «Постоянном кадастре» о нуждающемся, которого зажиточные посылают работать: «Его посылают работать, но где ему взять эту работу?»

104 «Les Niiits de Paris», t.IV, p.1526—1527.

105 Следует сказать, что в тех же «Ночах Парижа» мы находим одновременно и резкие выпады против «чрезмерной» заработной платы рабочие, делающей их будто бы заносчивыми и приучающей их к безделью и пьянству. Подобные заявления Ретифа, на первый взгляд, странно противоречат его сочувственному отношению к страданиям и горестям рабочих, к числу которых он сам себя неоднократно прячистял. Это объясняется, очевидно, его боязнью накануне революции, что «дух неподчинения», распространяющийся среди рабочих, может привести к кровавым событиям.

106 «Le Thesmographe», p.510—514.

108 См. Е.В.Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. — Сочинения, т.II. М., 1957. стр.111—114.

109 См. Grace M.Jafre. Le mouvement ouvrier a Paris pendant, la Revolution francaise. 1789—1791. Paris, 1924. p.103. Этот регламент недавно полностью опубликован в книге: P.Chauvet. Les ouv'riers du livre on France. Paris, 1956.

110 «Club typographique et philantropique. Feuille hebdomadaire, dedie a M.M. les contribuablos», № XXX. Du mardi, 24 Mai 1791, p.240 (Нац. библ, Lc 2 2438).

111 «Club typographique et philantropique». JV» XXI, Du mardi 22 Mars 1791, p.167.

112 «Theatre de N. E. Restif de la Bretonne». Paris, 1793. Nouvel avis, y 2.

113 «Les Nuits de Paris», t.XVI, p.429.

114 «Monsieur Nicolas», t.XI, p.170.

115 Ibidem.

116 Ср. запись от 12 нюня 1793 г. в его дневнике (Нац.библ., Отдел рукописей N.a.f. 22772, л.45). О посещениях Конвента он упоминает и в «Ночах Парижа». «Les Nuits de Paris», t.XVI, p.531.

117 См. «Les Nuits de Paris», t.XVI, p. 279, 281. 292, 302, 332, 350, 372, 416, 471, 509, 522, 537, 544, 546 и др. См. также ежедневные записи и рукописном дневнике Ретифа. Кафе Манури было одним из центров, где собирались литераторы и ученые. См. об этом кафе: F.Tosea. Histoire des cafes de Paris. Paris. 1934, p.45 sqq. См. также: *Г.Кунов*. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции.

118 «Monsieur Nicolas», t.XI, p.154.

119 «Le Drame de la vie, contenant un homme tout-entier». Cinquieme partie. Imprire a Paris, a la maison, 1793, p.1181—1186 (Нац.библ., Hes. Y2 3376).

120 Ibid., p.1241—1242.

121 Ibid., p.1242—43.

122 Ibid.. p.1243—124.

123 Ibid . p.1234—1235.

124 Ibid., p.1275—1326.

125 Ibid., p.1327—1396. Начиная со стр.1341 сразу перескакивает на стр.1394.

126 «Les Nuits de Paris, ou Ie Spectateur nocturne». Tome huitieme. Seizieme partie. Paris, 1794, p.555—556, 564.

127 «Monsieur Nicolas». t.XIV, p.168—169.

128 Ibid., t.XI, p.188.

129 Ibid., t.XI, p.187-188.

130 Возможно, об этом его выступлении в защиту Ролана и идет речь в записи от 26 декабря 1792 г. в «Ночах Парижа»: «В остальную часть дня не случилось для меня ничего примечательного, если не считать, что я выступил в моей секции в защиту хорошего гражданина, на которого подло нападали клеветники». — «Les Nulls de Paris», t.XVI, p.413.

131 Ibid., p. 345.

А. Р. ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

132 «L'Annee des dames nationales», Juin. Paris, 1794, p.1647.

133 Ibid., p. 1909; «Les Nuits de Paris», t.XVI. p.492.

134 «L'Annee des dames nationales, Decembre. Paris, 1794, p.2827—2862.

135 «Les Nuits do Paris», t.XVI, p.297.

136 Ibid., p.480.

137 Ibid., p.284.

138 Ibid., p.329.

139 Ibid., p.377, 385.

140 «Monsieur Nicolas», t.IX, p.45.

141 «L'Annee des dames nationales», Novembre. Paris, 1794, p.3510—3522.

142 Это отрицательное отношение к христианской религии и духовенству Ретиф сохранил до конца своих дней. В 1798 г. в рецензии на книгу Сен-Ламбера «Всеобщий катехизис» он писал: «Католическое христианство менее всего подходит как основа морали. Эта религия имеет тот большой недостаток, не говоря о других, что спустя 1800 лет она превратилась в диаметрально противоположное тому, чем была в момент своего установления... Любовь к богатству и сами богатства заменили рекомендованную бедность; деспотизм, неравенство, суверенитет заменили основополагающее равенство» («Le Bien Informe», № 436. 7 Frimaire, An VII, p.3).

143 «Les Nuits de Paris», t. XVI, p. 447—448

144 Ibid, p. 360.

145 Ibid, p.424.

146 «Avis aux confederes des LXXXIII departements. Sur les avanlages et les dangers du sejour a Paris» (Нац.библ. Lb 39 9104).

147 Нац.библ., Отдел рукописей. N. a. f. 22772, л. 31.

148 Ibid., p. 42.

149 «Les Nuits de Paris», t. XVI, p. 460—461. r:1 «Le Drame de la vie», Cinquieme partie. p. 1335.

151 «Les Nuits de Paris», t. XVI, p. 490—491.

152 Один из биографов Ретифа, заинтересовавшись лтим сообщением, запросил но этому поводу департаментский архив Эндра и получил ответ от местного архивариуса с извещением, что в архиве нет никакого упоминания о Ретифе и связи с выборами в Конвент (A.Tabarant. Le vrai visage do Restif de la Bretonne. Paris, 1936, p.398).

153 «Les Nuits do Paris», t.XVI, p.491.

154 «L'Annee dcs dames nationals», Juillet. Paris, 1794 (Приложение, без нумерации страниц).

155 «Monsieur Nicolas», t.XI, p.115.

156 «Monsieur Nicolas, ou le Coeur-humain devoile». Quatorzienie-Dixseptieme partie. Quinzieme-Dixhuitieme partie. Imprime a la inaison et se trouve a Paris, MDCCXCVII (далее ссылки на части и страницы даются в тексте).

157 P.L.Jacob. Bibliographic et iconographie de tous les ouvrages de Restif de la Bretonne, p.401—403.

158 Национальная библиотека приобрела недавно экземпляр автобиографии Ретифа, где в конце последнего тома имеется приложение под названием «Мое завещание», помеченное 6 вандемьера VI года. т.е. 26 сентября 1797 г. В нем Ретиф писал: «Я страстно любил революцию... но я ненавижу гнусных террористов, однако гораздо меньше террористов Конвента, чем теперешних подлых убийц, представителей гнусного аристократизма... Сторонники знаменитого Комитета общественного спасения не были анархистами, как их любят называть реакционеры..., а настоящими анархистами являются ати негодяи «порядочные люди»... Вот кто являются общественными врагами» («Monsieur Nicolas ou la Coeur-humain devoues. Tome Huitieme. Seizieme-Dixneuvieme partie. MDCCXCVII, p.4.841—4843.—Нац.библ., Bes.Y2 2369 (8)).

159 Каждой из этих «аморальностей» автор посвящает даже особый очерк.

160 «Philosophic de Monsieur Nicolas. Par l'anteur du Coour-lmmain devoi-le». A Paris. De l'Imprimerie du Cercle Social. 1796. L'an V de la Republique Francaise, t.lll, p.264—265.

161 Ibid., t.lll, p.212.

162 Ibid., t.III. p.214—215.

163 Ibid, t.ll, p.97—99.

164 «Monsieur Nicolas», XIV, 3969.

165 «Monsieur Nicolas», XV, 4370.

166 Нац.архив, B II, 61, № 44. Имеются и две более краткие выписки из тех же протоколов, также подписанные Делавинем.

167 Лакруа в своей библиографии произведений Ретифа прямо заявляет, что Ретиф стал приверженцем Бабефа, читая его газету «Трибун народа» (P.Jacob. Op.cit, p.296). Он, однако, ничем не подкрепляет свое утверждение.

168 «Mes inscripcions», p.81, 123, 305, 309 и др.

169 См. запись от 9 февраля 1792 г. (Нац.библ., Отдел рукописей. N.a. T.22772, л.38 об. и др.).

170 «Les Antiquites d'Herculanum», t.VII. Paris, 1780, p.96 (прим.).

171 M.Dommanget. Op.cit., p.135.

172 «Lettres inedites de Restif de la Bretonne pour faire suite a la collection do ses oeuvres». Nantes, 1883, p.23, 29, 58.

173 «Philosophie de Monsieur Nicolas», t.II, p.96—97.

174 «Monsieur Nicolas», XIV, 3960, 3974; XV, 4386.

175 «Les Posthumes. Lettres recues dpres la mort du Mari par sa Femme, qui le croit a Florences. Par feu Cazotte. Imprime a Paris a la maison. 1802, t.lll, p.302—307, 315 sqq.

176 Ibid, t.II, p.353, 355.

177 См. Pierre Louve. Un roman inedit de Reslif. — «Revue des livres anciens», t.I, fasc.1, 1913, p.87-94.

178 В опубликованном недавно одним парижским антикварным магазином ката тоге произведении Ретифа значится его письмо от 22 вандемьера IX года, адресованное некоему «гражданину и другу», в котором содержится изложение этого произведения («Retif et son oeuvre». Paris (2°) Rousseau—Girard. Libraire-expert, 7 Rue de la Bourse, p.38—40). Мы не знаем, приобретено ли кем-либо это письмо, оцененное в 8500 новых франков.

179 «Mais le Communisme les retenait dans l'egalite».— «Les Posthumeo», t.IV, p.314.

180 «Monsieur Nicolas», XV, 4346.

181 Ibid., 4326—4327.

182 Интересно, кстати, отметить, чго предусматриваемая Ретифом система выборных начальников работ, стоящих во главе каждой профессии, полностью совпадает с проектами бабувистов. В проекте «экономического декрета» мы читаем: «Граждане каждой общины делятся на классы. Существует столько классов, сколько полезных промыслов... У каждого класса имеются должностные лица, назначаемые лицами, которые этот класс составляют. Эти должностные лица руководят работами, следят за тем, чтобы они были равномерно распределены...» (Ф.Буонарроти. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа, т.II. М.— Л., 1949, стр.310—311). **http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon1.pdf.**

183 К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинение, т.19, стр 193.

184 См., например: Ch.Fourier. Oeuvres completes, t.lll, p.181 и др.

4. БУАССЕЛЬ и РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОММУНИЗМ

Имя **Франсуа Буасселя** известно в исторической литературе как имя автора коммунистического трактата «Катехизис человеческого рода». Впервые, в 1891 г., ему посвятил статью известный исследователь социальных учений Карл Грюнберг[1]. Вслед за тем содержание «Катехизиса» было приведено Лиштанберже в его работах «Социализм в XVIII веке» и «Социализм и французская революция»[2]. Подробное изложение «Катехизиса» с обширными выдержками дал Жорес в своей истории Французской революции[3]. В советской исторической литературе научный анализ «Катехизиса» мы находим в работах В.П.Волгина[4], опубликовавшего отрывки из трактата Буасселя в сборнике «Предшественники современного социализма»[5]. Социальным воззрениям Буасселя посвятил статью и С.С.Сафронов[6].

Несмотря на относительную известность «Катехизиса человеческого рода», опубликованного в 1789 г., дальнейшее развитие общественно-политических идей Буасселя в период Французской революции оставалось неизученным. О его деятельности в годы революции было известно, в основном, лишь то, что привел еще в своей статье Грюнберг на основании нескольких печатных источников и тех материалов, которые опубликовал сам Буассель во втором издании «Катехизиса» в 1792 г. Было известно лишь, что вопрос о «Катехизисе человеческого рода» рассматривался на заседании Учредительного собрания в ноябре 1789 г., что Буассель был членом Якобинского клуба, что в апреле 1793 г. он выступил там с декларацией прав санкюлотов, что одно время он был исключен из клуба, а затем еще несколько раз выступал там. Не были даже использованы все опубликованные до настоящего времени источники (все протоколы Якобинского клуба, протоколы заседаний законодательных органов, полицейские донесения, протоколы избирательных собраний и др.), где имеются сведения о Буасселе. Не были изучены его печатные произведения и политические памфлеты эпохи революции. И, самое главное, совершенно не были известны архивные материалы, проливающие яркий свет и на политическую деятельность Буасселя, и на его общественно-политические взгляды в годы революции. Насколько мало знали о Буасселе и его революционно-политической деятельности, свидетельствует хотя бы то, что не был известен даже факт его ареста в 1795 г. и длительного тюремного заключения, не говоря уже о связанных с этим обстоятельствах. Между тем в Национальном архиве имеются в самых различных фондах обращения и письма Буасселя и другие относящиеся к нему документы; там хранится и его обширный архив — его бумаги, переписка, рукописи и черновики, конфискованные во время ареста. Материалы его личного архива вместе с прочими архивными документами и его печатными произведениями, дают возможность воссоздать картину политической деятельности и общественно-политических взглядов Буасселя в период Французской революции.

К началу революции Буассель был уже пожилым человеком: ему шел 62-й год. В его печатном мемуаре на имя короля (написанном, судя по тексту и опубликованным там документам, в конце 1788 или в начале 1789 г.) содержатся следующие автобиографические данные. Буассель родился в Жуаез в Виварэ в апреле 1728 г.; воспитывался сперва у ораторианцев, затем у иезуитов, после этого в семинарии в Вивье; был принят в сословие адвокатов Парижа в начале 1753 г., а в мае того же года отправился в Сан-Доминго, где находился его брат; обосновавшись там, он вскоре стал адвокатом и прокурором при верховном совете Кап-Франсэ (главного города французской колонии Сан-Доминго), но 15 декабря 1767 г. был лишен своей должности «совершенно невероятными актами неистовства и притеснения со стороны этого самого совета за то, что он, выполняя основной долг своей профессии, встал на защиту доверенных ему интересов и тем самым, не подозревая этого, имел несчастье вызвать неудовольствие некоторых членов этого суда»[7].

В архиве Буасселя имеется много материалов, относящихся к этому делу, на котором мы здесь, разумеется, останавливаться не можем. Скажем лишь, что эти материалы подтверждают слова Буасселя, заявившего впоследствии комитету Якобинского клуба, что он пострадал тогда «лишь за то, что встал на защиту вдовы и сироты». Однако, несмотря на проследования, которым он подвергся в Сан-Доминго, он, по-видимому, не сразу вернулся во Францию. Одна из рукописей, хранящихся в его архиве, озаглавлена: «Философский и политический взгляд на колониальные дела после двадцатичетырехлетнего пребывания там». Отсюда следует, что Буассель вернулся во Францию лишь в 1777 г., где и прожил последние 12 лет перед революцией, тщетно добиваясь восстановления своих прав и доброго имени и выплаты компенсации за нанесенный ему ущерб. Но ему, видимо, все же удалось кое-что приобрести за время своего пребывания в Сан-Доминго. Из его документов, относящихся к эпохе революции, явствует, что у него была пожизненная рента в 4500 ливров, которая, как он сам писал, была приобретена им своим трудом в молодые годы в Сан-Доминго. Эта пожизненная рента и дала ему, очевидно, возможность вернуться во Францию и обосноваться в Париже.

Мировоззрение Буасселя — человека широко образованного и начитанного — окончательно сложилось под влиянием предреволюционной обстановки во Франции. Первую свою книгу он опубликовал в 1786 г. в возрасте 58 лет. Называлась она «Речь против общественной кабалы»[8]. Работа эта была посвящена, в основном, вопросам строительства и санитарного состояния Парижа. Но в ней уже высказывалось критическое отношение ко всему общественному строю, основанному на частной собственности. Первоначально, указывал автор, все было предназначено для общего блага, но в настоящее время все служит лишь цели удовлетворения пашей скупости и нашего личного корыстолюбия. «Когда мы положили конец естественной общности путем раздела земель, то каждый из участников этого раздела стал строить на своем участке, как ему вздумалось». Отсюда Буассель и делал заключение, что правительство имеет право заставить собственников подчиняться интересам общественной безопасности, общественного здравия и удобства[9].

Вскоре после опубликования этой книги Буассель приступил к изложению своих общественных воззрений. Первоначальный вариант изложен в рукописи, озаглавленной «Добавление к речи против общественной кабалы, содержащее результат всех возможных размышлений о прошлом, теперешнем и будущем состоянии человеческих дел»[10]. Рукопись эта сохранилась в его архиве»[11].

Мы не станем здесь подробно ее рассматривать, поскольку она представляет интерес лишь как первый вариант идей, изложенных вскоре Буасселем в стройном и законченном виде в «Катехизисе человеческого рода». Скажем только, что уже в этой работе он указывал на частную собственность, как на основную причину всех общественных бед. «Человеческие институты, — писал он, — были установлены не для несчастья, а для счастья людей. Из этого следует, что право собственности могло бы быть священным, лишь поскольку оно служило бы в прошлом и в настоящее время счастью людей. Между тем, опыт всех известных нам эпох учит нас, что оно служило и еще теперь служит у самых просвещенных народов лишь несчастью и взаимному истреблению людей». Царящий в обществе эгоизм, стремление каждого обеспечить право собственности лишь за собой, в ущерб всей массе народа, привели к тому, что право собственности превратилось в самое пагубное из всех человеческих установлений. Буассель писал о новом порядке вещей в человеческом обществе, основанном на естественных правах человека, когда будет обеспечено «всеобщее счастье» («bonheur commun»), когда люди не будут больше вредить друг другу, а будут работать друг на друга, для своего взаимного счастья, когда отец семейства не будет больше опасаться своего честолюбивого сына, а брат — брата, когда никто не будет больше заинтересован воровать или убивать.

Вслед за этим предварительным изложением своих воззрений Буассель приступил к теоретическому трактату, в котором его общественные идеалы должны были быть подробно развиты и обоснованы. Этот трактат был назван им «Катехизис человеческого рода». Произведение это было закончено весной 1789 г., т.е. как раз накануне революции. В дальнейшем он сам указывал, что эта работа была сдана в печать за три месяца до взятия Бастилии, т.е. в апреле этого года. Хотя, как увидим ниже, книга Буасселя фактически начала печататься несколько позже, но это его заявление свидетельствует, что уже в апреле 1789 г. его трактат был готов для печати.

Поскольку содержание «Катехизиса человеческого рода» общеизвестно, напомним лишь его основные положения. Общественный строй, существовавший в течение всех веков в человеческом обществе, Буассель характеризует как продажный, человекоубийственный, антисоциальный порядок. Строй этот возник как следствие эгоизма и себялюбия людей, которые не были знакомы с истинными общественными принципами, основанными на законах природы. Основой существующего строя являются собственность, брак и религия. В результате раздела земель возникло право собственности, которое затем было распространено на все остальное. Собственность — причина всех бед человеческого общества. Она дала возможность собственникам поработить несобственников, превратить их в своих рабов. Право собственности было распространено и на женщин, и отсюда возникла современная форма брака. Религии также были призваны закрепить и освятить существующий продажный, человекоубийственный и антисоциальный строй. Чтобы добиться счастья человеческого рода, необходимо этот строй упразднить. Природа хотя и создала людей различными по своим физическим и умственным свойствам, но дала им равное право на существование. Право собственности, как противоестественное, должно быть отменено — никакие паллиативы вроде «аграрного закона», не затрагивающие корень зла, тут не помогут. В обществе не должно быть исключительной собственности и все должны трудиться для взаимного блага. Такое общество и будет истинным обществом, основанным на естественных правах человека. Только тогда люди добьются подлинного счастья. Золотой век находится не позади нас, а впереди.

Анализируя «Катехизис человеческого рода», В.П.Волгин справедливо указывал, что главный интерес этого произведения заключается в том, что Буассель выдвинул в нем идею некоего промежуточного порядка между существующим строем и строем, основанным на общности[12].

Действительно, Буассель не считал возможным немедленный переход к коммунизму. Для этого, писал он, нужно прежде всего перевоспитать людей, с тем чтобы подавить в них эгоизм, развить нужные социальные чувства и ознакомить с истинными общественными принципами. Для воспитания молодого поколения он предлагал повсеместно организовать общественные школы и мастерские. Наряду с этим он считал необходимым карать злоупотребления собственностью, вплоть до ее конфискации, и облагать собственников крупным налогом, чтобы получить средства для финансирования общественного воспитания. Все эти мероприятия должны были привести в конечном итоге к установлению новых коммунистических порядков. Если теперешнее поколение и будет еще жить в условиях существующего строя, то следующее поколение будет уже жить в условиях коммунизма.

Буассель выступает в «Катехизисе человеческого рода» как типичный представитель века Просвещения, как деист по своим философским воззрениям и как рационалист. Он исходит из учения о естественном праве, рассматривая существующий продажный, человекоубийственный и антисоциальный строй как противоестественный, а коммунизм — как строй, соответствующий естественному порядку. Возникновение строя, основанного на собственности, он связывает с эгоизмом и невежеством людей, а его ликвидацию — с их перевоспитанием и просвещением. В своем обосновании коммунизма Буассель следует тем же идейным установкам, что Морелли и Мабли, хотя он их и не упоминает. Впоследствии в одной из своих рукописей он даже утверждал, что ни один писатель, кроме Платона, не занимался вопросом о том, каким должно быть совершенное государство. В самом «Катехизисе» и в своих рукописях, доказывая, что собственность является не естественным правом, а гражданским установлением, он ссылался на авторитет Руссо, но одновременно решительно отмежевывался от его общественных воззрений, осуждая его за то, что он не мыслит общества без частной собственности и не стремится устранить коренных пороков существующего общественного строя.

Хотя Буассель и пытался наметить пути постепенного перехода к коммунизму, но все же его «Катехизис» являлся лишь теоретическим трактатом. Не только критика существующего антисоциального строя, основанного на собственности, не только обоснование коммунизма как идеального общественного строя, но и его положения о путях перехода к коммунизму были лишь общими теоретическими рассуждениями. Характерно, что в своем трактате Буассель почти не касается конкретной общественно-политической обстановки во Франции и говорит в общем и целом о человеческом обществе и всех существовавших и существующих государствах. Отсюда и самое название его трактата — «Катехизис человеческого рода».

Итак, Буассель пришел к революции с уже вполне оформленным коммунистическим мировоззрением. Это мировоззрение сложилось у него, конечно, под влиянием окружавшей его действительности — в обстановке предреволюционного кризиса, обострения классовых противоречий, усиления брожения среди той массы народа, которую он рассматривал в своей рукописи как жертву существующих общественных порядков, среди тех несобственников, о которых он с такой горечью говорил в своем «Катехизисе». Однако накануне революции он выступил лишь с теоретическим трактатом, в котором пытался обосновать новые общественные идеалы. Он не имел еще конкретной политической программы и не связывал еще своих идеалов с установлением нового политического строя, способного обеспечить построение коммунистического общества. Разразившаяся революция, сразу же вовлекшая Буасселя в свой водоворот, превратила его коммунистические убеждения в политическое знамя, которое он отважно пронес через все революционные бури и которому остался непоколебимо верен до самой своей смерти.

II

В мае 1789 г. Буассель напечатал обращение «К Генеральным штатам Франции, собравшимся в Версале»[13]. В обращении этом он писал: «Я столь глубоко убежден, что продажный, человекоубийственный и антисоциальный порядок... является побудительной причиной разделения, деградации, несчастий и взаимного истребления людей, а также всех противодействий, препятствий и трудностей, которые вы испытали и которые вам придется еще преодолеть, прежде чем объединиться и быть согласными в отношении способов осуществления общего счастья... что я счел своим долгом заниматься день и ночь поисками истинного морального порядка, изложенного мной в работе, которая будет называться «Изобличительным мемуаром («Memoire en denonciation») Генеральным штатам Франции, собравшимся в Версале, и всем нациям просвещенной Европы». Я счел также необходимым немедленно после этого «Мемуара» заняться социальным воспитанием, которое я изложил во второй работе, которая будет называться «Катехизис человеческого рода»». Буассель далее сообщал, что так как эти две работы противоречат существующему устройству общества и царящим мнениям, то в Париже не нашлось ни одного цензора и ни одного издателя, который согласился бы их опубликовать. Принимая во внимание теперешнее положение Франции и миссию, лежащую на Генеральных штатах, «к которой эти две работы имеют бесконечно более непосредственное отношение, чем какие-либо из тех, которые до сих пор были опубликованы», он обращался с просьбой разрешить ему напечатать их за свой счет, чтобы преподнести весь тираж Генеральным штатам.

Буассель, как видим, говорил в своем обращении о двух своих работах, причем первой из них, написанной еще до «Катехизиса человеческого рода», считал ту, которую намерен был теперь назвать «Изобличительным мемуаром». Возможно, что он имел в виду рассмотренную выше рукопись «Добавление к речи против общественной кабалы», в которой впервые изложил и обосновал свои коммунистические идеалы. Во всяком случае в его архиве не сохранилось какой-либо другой рукописи, написанной до «Катехизиса» и посвященной критике существующего общественного строя и «новому моральному порядку».

31 мая Буассель обратился с письмом «к г.Тьерри, первому камердинеру короля», с которым, как видно из текста письма, он уже до этого состоял в переписке. Пересылая два экземпляра своего обращения к Генеральным штатам,— один для самого Тьерри, другой для вручения королю,— он заявлял, что никогда трон короля не будет более крепок и король — более счастлив, чем в том случае, если будет осуществлен предложенный им порядок. Это не значит, конечно, что нет надобности в паллиативах, чтобы бороться с существующим злом до того, как полностью будет задушено породившее их чудовище — ненасытный эгоизм высшего духовенства и высшей знати. Далее Буассель решительно осуждал стремление представителей дворянства и духовенства добиться посословного голосования в Генеральных штатах и высказывался за полную свободу печати. «Из столкновения мнений родится свет, как из столкновения интересов — необходимость установить единый интерес, общий для всех». В постскриптуме Буассель сообщал о своем намерении отправиться на следующий день в Версаль, чтобы вручить там свой адрес Генеральным штатам.

Из обращения к Генеральным штатам и этого письма видно, что печатание «Катехизиса человеческого рода», готового к опубликованию уже в апреле, не было начато еще и в мае. Этот трактат Буасселя[14] вышел в свет, очевидно, лишь в июле, так как только с начала августа Буассель занялся его распространением[15]. В его архиве сохранилась копия его письма от 18 августа 1789 г. неизвестному адресату. Из этого письма мы узнаем, что Буассель представил 3 августа экземпляр «Катехизиса» Национальному собранию, что два дня спустя он роздал еще 30 экземпляров тридцати бюро Национального собрания. Буассель выражал изумление, что, несмотря на это, депутаты, играющие наиболее видную роль, заявили ему, что они не имеют никаких сведений о его работе. «Вчера вечером, — писал он далее, — я побежал к г.Мирабо, который сделал мне то же заявление; вручив ему экземпляр «Катехизиса», я настоятельно просил его осведомиться по своем возвращении в Версаль, как использовали в каждом бюро полученные экземпляры... и написать мне словечко об этом. Весь тираж в количестве 1000 экземпляров находится еще у меня. Я считаю, что эту работу не следует вручать торговцам, особенно в то время, когда публика занята лишь удовлетворением своей любознательности относительно того, что происходит в Национальном собрании». Между тем, как показывают различные проекты, относящиеся к правам человека, Национальное собрание еще недостаточно просвещено. Необходимо, «чтобы наибольшая выгода для каждого индивидуума или члена общества являлась бы необходимым и непреложным результатом социальных институтов или социального порядка, целью которого должно быть упразднение всех понятий, всех правил, всех устройств (arrangements), которые до настоящего времени порождали лишь заинтересованность в зле, и приведение в действие всех мнений, всех правил и всех устройств, которые могут создать лишь заинтересованность в добре. Если будут следовать по другому пути, то, смею вам заявить, только собьются с дороги».

Еще более резкая критика Декларации прав, уже принятой к тому времени Учредительным собранием, содержалась в письме Буасселя неизвестному адресату от 3 сентября 1789 г. «Я прошу вас, — писал он, — довести до сведения Национального собрания, что Декларация прав человека и гражданина, которую оно приняло как основу для Конституции, представляет в глазах лиц без образования, составляющих большинство, лишь нечто непонятное, а в глазах лиц просвещенных — лишь видоизменение средств, с помощью которых самые сильные и самые хитрые первоначально присвоили себе привилегии в ущерб более слабым и более легковерным, что и явилось причиной всех несчастий людей. Если же за основу Конституции, которой занимаются представители нации, взяли бы Декларацию потребностей человека и средств их обеспечения, то самые невежественные, как и самые просвещенные, гораздо лучше поняли бы, о чем идет речь, и прониклись бы безграничным доверием в надежде, что непреложным и несомненным результатом Конституции будет обеспечение средств существования и индивидуальных потребностей».

Эти высказывания Буасселя — первая критика Декларации прав человека и гражданина с коммунистических позиций. Уже в те самые дни, когда она была принята Учредительным собранием, вызывая бурный энтузиазм и всеобщее ликование, Буассель ясно видел, что эта Декларация отнюдь не упраздняет строй, основанный на общественном неравенстве, а лишь видоизменяет средства, с помощью которых оно поддерживается. Этой буржуазной Декларации он противопоставлял коммунистические принципы обеспечения обществом потребностей всех его членов, создание нового социального порядка, упраздняющего все общественное зло.

В том же письме от 3 сентября Буассель высказывался и по текущим политическим вопросам. Он решительно осуждал предложение о предоставлении королю права вето. Король, как первый гражданин государства, «может иметь лишь то же влияние, те же средства, те же права, что и остальные представители нации». Лишь нация должна обладать правом вето в отношении законов, принятых Национальным собранием.

10 сентября Буассель послал новое обращение Учредительному собранию [16]. Он извещал о том, что выслал 400 экземпляров своего «Катехизиса человеческого рода» и 800 экземпляров «Письма» к Генеральным штатам для распределения среди депутатов. Ознакомившись с его произведением, депутаты лично убедятся, что Национальное собрание не сможет сделать ни шага, не опираясь на этот трактат, «ни чтобы уяснить себе основы солидной и прочной Конституции, ни чтобы установить правила и средства для воспитания детей в познании, практике, любви и привычке к истинному моральному порядку», никому дотоль неведомому. «Поэтому, — писал Буассель в заключение, — я прошу вас, господа, разрешить мне в интересах человеческого рода и особенно моей нации выразить протест против всего того, что было сделано или будет сделано и решено в вашем собрании без предварительного постановления об истинах и принципах «Катехизиса человеческого рода» и ему в ущерб».

Буассель не ограничился представлением своего трактата Учредительному собранию. В одном из своих более поздних писем он сообщал, что экземпляр «Катехизиса» «был вручен королю г.Неккером, как следует из его благодарственного ответа»). Другими словами, он переслал Неккеру два экземпляра своего произведения с просьбой вручить один из них Людовику XVI. Мы знаем также из письма, сохранившегося в его архиве, что он переслал «Катехизис» «Обществу французских колонистов»[17], как, очевидно, и многим другим обществам, организациям и частным лицам.

Широкое распространение Буасселем своего трактата вынудило его вскоре (во всяком случае до ноября 1789 г.) напечатать дополнительный тираж «Катехизиса»[18], поместив в приложении небольшое стихотворное произведение — «Извлечение из секретных записей Ватикана»[19]. Этот стихотворный памфлет, в котором в качестве действующих лиц выступают бог-отец, бог-сын и святой дух, носил резко антирелигиозный характер. Его основная мысль заключалась в том, что религия повинна в неравенстве среди людей, в возникновении собственности и в порочных социальных институтах. Автор предсказывал, что наступит время, когда каждый поймет необходимость подавить хищнический эгоизм, «чтобы жить социально, работая не на себя, а на своего брата, пользуясь сообща всем необходимым для своего здоровья, своих нужд и своего отдыха».

Дополнительный тираж «Катехизиса» дал Буасселю возможность посылать свое произведение (и притом в большом количестве экземпляров) все новым и новым влиятельным лицам. Среди его бумаг сохранился черновик, относящийся к концу 1789 г., из которого мы узнаем, например, следующее. Воодушевленный предложением епископа Отенского, т.е. Талейрана, о конфискации земель духовенства (несомненно, он воспринял это как первый шаг к полному упразднению земельной собственности), оп поспешил отправить в Епископство «около 600 экземпляров» (!, если только это не описка) «Катехизиса» вместе с препроводительным письмом[20].

Усиленное распространение Буасселем своего трактата не замедлило, однако, привести к совершенно неожиданному для него результату. В той же рукописи он рассказывает, что 3 ноября он получил письмо от имени трех неизвестных лиц, побывавших у него на дому, чтобы взять экземпляры «Катехизиса». В этом письме, полном ругательств, говорилось, что, не отойдя и десяти шагов от его дома, они уже поняли истинную суть его «гнусного, мерзкого и безбожного произведения», которое они поспешили сжечь. Они, три гражданина, любящие свою религию, свою родину и своего короля, никогда бы не пришли к нему, если бы знали содержание его работы. Автору можно лишь пожелать, чтобы он вновь обрел рассудок.

Эти ожесточенные нападки на коммунистический трактат Буасселя со стороны частных лиц лишь предшествовали более опасному для него «доносу» на его произведение в самом Учредительном собрании. На следующий день, 4 ноября 1789 г., на заседании Национального собрания взял слово епископ Клермонский (де Боннель, председатель Комитета по церковным делам), который обрушился на «Катехизис человеческого рода», как на произведение «полное богохульств против религии». Он процитировал высказывания автора о религии и браке и заявил, что тот домогается раздела земель и общности женщин, а в стихотворном произведении «Извлечение из секретных записей Ватикана», которым заканчивается книга, издевается над святой троицей[21]. Епископ потребовал, чтобы эта книга была передана Комитету по расследованию для выяснения личности автора и издателя и чтобы королевский прокурор выполнил бы в этой связи то, что предписывает ему его долг. Но взявший затем слово Шапелье возразил против этого предложения. Он заявил, что указанная книга недостаточно хорошо известна Национальному собранию, чтобы немедленно принять решение в связи со сделанным на нее «доносом», и предложил переслать ее Комитету по докладам. Предложение Шапелье и было принято[22].

Во втором издании «Катехизиса человеческого рода» Буассель опубликовал впоследствии три документа, имеющие отношение к этому инциденту. 6 ноября Рабо де Сент-Этьен* обратился к нему с письмом, в котором сообщал о «доносе» на его «Катехизис в Национальном собрании. Рабо указывал, что сам он не читал этой книги, хотя Буассель и переслал ему экземпляр. В благодарность за это он считает, однако, нужным предупредить его о том, что происходит. В ответном письме от 7 ноября Буассель указывал, что нация избрала своих представителей, дабы осуществить «великое дело спасительного возрождения» и что представители нации сочли необходимым предоставить каждому французу возможность свободно высказывать свои мысли. Он имел поэтому право поставить вопрос о религиозных культах, о собственности на землю, о кабале брака, о необходимости нового порядка вещей и о воспитании, без которого невозможны истинные законы. Он согласен, что его работа доступна не всем, и отнюдь не удивлен, что класс лип, смотрящих на все сквозь призму предрассудков и заблуждений, присущих старому порядку вещей, был скандализирован. В заключение он просил Рабо взять на себя его защиту перед Комитетом по докладам и вручить Комитету письмо, текст которого не приведен, однако, во втором издании «Катехизиса». Но там опубликовано второе письмо Буасселя Комитету по докладам от 12 ноября 1789 г. в дополнение к его первому обращению, пересланному через Рабо де Сент-Этьена. В нем Буассель напоминал, что еще 3 августа он сам представил «Катехизис» Национальному собранию и всячески добивался, чтобы эта работа была рассмотрена. Вместе с письмом оп переслал печатный проспект подписки для нового издания «Катехизиса», а также для опубликования «Изобличительного мемуара», выражая надежду, что Комитет «будет способствовать осуществлению социального воспитания, единственно способного обеспечить навеки мир и всеобщее счастье»[23].

Инцидент с «разоблачением» «Катехизиса» в Национальном собрании, по-видимому, на этом и закончился. Учредительное собрание больше не возвращалось к этому вопросу и нет также никаких данных, что им занимался Комитет по докладам. Дело было, таким образом, положено под сукно. О нем упоминал в дальнейшем лишь сам Буассель, неоднократно ссылавшийся на «донос», сделанный епископом Клермонским, чтобы подчеркнуть значение своего «Катехизиса» как произведения, направленного против «старого порядка вещей».

III

Наступивший вскоре 1790 год явился для Буасселя годом интенсивной деятельности. Несмотря на инцидент, происшедший в Учредительном собрании, он продолжал усиленно пропагандировать свои идеи, все еще надеясь, что Национальное собрание, призванное обновить общественно-политический строй Франции, станет на правильный путь.

В делах Конституционного комитета Учредительного собрания сохранилось его обращение от 26 февраля 1790 г.[24] В препроводительном письме Буассель указывал, что «некоторое время тому назад» он уже отправил Комитету аналогичный адрес. Поскольку, однако, ему не удалось узнать в секретариате Комитета о судьбе пересланного им пакета, то он вновь представляет свой адрес в исправленном виде, с учетом новых обстоятельств. В этом адресе Буассель писал: «Сколько бед протерпели все народы из-за неизбежных следствий порядка, первоначально основанного на глупости, жесткости, обмане, предрассудках, химерах, порабощений, скольких бед они должны еще опасаться со стороны врагов революции и французской свободы, со стороны этого класса известные разбойников, завладевших всеми видами власти, владения и пользования..., для того чтобы низвести большую часть себе подобных, называемых ими простонародьем, до нищеты, которой те мо; ли избежать лишь путем кабалы и обязанности изготовлять, поставлять и оплачивать цепи, которыми их сковывают, розги, которыми их секут, лошадей и кареты, которые их давят, и оружие, которым они друг друга истребляют... Этот класс и все, кто с ним связан, вменили себе в закон не делать ничего полезного, но тем не менее наряжаться, кичиться, жиреть и обогащаться за счет всех видов труда, предприимчивости, таланта и услуг народа, получающего в виде вознаграждения лишь презрение и угнетение». Теперь они вопят об анархии и обвиняют народ в убийствах и поджогах. Между тем никогда никакая революция не проливала меньше крови, а то, в чем обвиняют народ, — результат интриг и маневров его врагов в целях осуществления контрреволюции.

Далее, Буассель переходил к изложению своих политических взглядов. Национальное собрание должно быть единым центром, выражающим волю народа, а король — лишь первый гражданин государства; не должно быть никаких министров, никаких советов или других промежуточных властей. Необходимо также упразднить право войны; нужно только защищать родину от внешних и внутренних врагов. Такой политический порядок должен существовать до тех пор, пока слепой и ненасытный эгоизм (который в настоящее время можно лишь обуздать) не будет полностью подавлен путем установления истинного морального порядка, согласно плану, изложенному в «Катехизисе человеческого рода». В этой работе с математической точностью доказано, что человек должен быть воспитан обществом для общества, должен работать для

* Рабо де Сент-Этьен: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb_set**.

счастья себе подобных, чтобы каждый не имел против себя всех остальных, а, наоборот, имел их на своей стороне. Члены Комитета должны ознакомиться с этой работой. Чем больше они будут ее читать и размышлять над ней, тем больше они убедятся, что без установления истинного морального порядка невозможно обеспечить существование и счастье будущих поколений на незыблемых основах.

Вскоре Буассель напечатал это обращение в виде нового адреса Учредительному собранию, в котором он обращался уже не к членам Конституционного комитета, а ко всем депутатам[25]. Адрес этот он также стал широко распространять. Об этом свидетельствует, например, протокол заседания Парижской коммуны от 1 апреля 1790 г., в котором мы читаем: «Г-н председатель открывает заседание оглашением письма автора «Катехизиса человеческого рода», который просит собрание принять 60 экземпляров адреса, представленного им Национальному собранию, вместе с проектом подписки для облегчения издания его трудов»[26].

В архиве Буасселя имеется четыре варианта его нового адреса или обращения к Национальному собранию, в которых выдвигаются следующие основные положения. В течение всех прошедших веков люди жили в условиях продажного, человекоубийственного и антисоциального строя. Французский народ — не первый народ, воссевший на трон свободы. Однако до настоящего времени ни один народ на нем не удержался. Причиной этого было то, что эти народы оставляли прежний общественный строй и не устраняли истинные причины своего угнетения. Французской нации не суждена лучшая участь, если ее представители не сумеют упразднить эти причины. Ими являются собственность, брак и предрассудки фанатизма. Законы предоставляют собственникам возможность заставлять умирать от голода, жажды и холода тех, кто не имеет собственности, если только они не становятся их рабами. На праве собственности основан и брак, имеющий целью обеспечить передачу по наследству приобретенного имущества. Деньги, содействовавшие накоплению богатств и роскоши, еще более укрепили антисоциальный строй, возникший первоначально в результате раздела земель. В свое время Ликург пытался упразднить золото. Но Ликург, как и Солон, применял лишь паллиативы; они оба пытались лишь предотвратить пагубные последствия антисоциального строя, оставляя его, однако, в неприкосновенности.

В результате их государства испытали ту же участь, что и все другие. Строй этот — причина несчастий всех наций просвещенной Европы — привел и Францию на край бездны, от которой ее должна спасти революция. Национальное собрание, уполномоченное разработать новую французскую конституцию, должно учесть опыт веков и заблуждения самых знаменитых законодателей; оно должно искать и открыть наилучший порядок вещей, если и не для счастья теперешнего поколения, слишком приученною к продажному, человекоубийственному и антисоциальному строю, то хотя бы для счастья будущих поколений, путем установления строя, порождающего интерес к добру, и путем всеобщего воспитания, внушающего любовь и привычку к наилучшему порядку вещей. Без этого — нет свободы, нет конституции, нет истинного и солидного счастья.

В настоящее время надлежит поэтому исходить из следующего: «1. Нужно вооружиться большим терпеньем и благоразумием в отношении всего, чем может нас неприятно поражать тот самый многочисленный и самый полезный класс общества (или французской нации), который является неотесанным, грубым, жалким и свирепым лишь в результате того, что, к несчастью, он был первоначально весьма несправедливо лишен возможности просветить себя, вести себя и жить, как мы, которые не лучше него (в другом варианте: «которые, если мы хотим отдать себе справедливость, хотим еще меньше, чем он»). 2. Нужно установить паллиативы, способные наиболее эффективно бороться в течение теперешнего поколения против пороков, проистекающих от продажного, человекоубийственного и антисоциального строя...» Декреты Национального собрания должны поэтому рассматриваться с точки зрения того, насколько они противодействуют пагубным порокам старого режима, в какой мере — большей или меньшей — они отклоняются от основных принципов социального порядка.

При теперешних обстоятельствах наиболее срочным является изыскание паллиатива, чтобы положить конец причинам, приведшим к исчезновению металлических денег, что грозит большими опасностями со стороны «класса граждан, которые не имеют других возможностей обеспечить себе средства существования, кроме своего труда и своего промысла». «Конечно, для нации важно, чтобы те, кто ее грабил и угнетал, потеряли бы все свои надежды и весь свои кредит в результате продажи церковных имуществ и упразднения многих злоупотреблений, заблуждений и лжи; но еще более важно умиротворить наиболее трудолюбивый, наиболее полезный и наиболее многочисленный класс народа. Для этого класса неважно, будут ли в настоящее время выплачивать подлежащие к истребованию долги, если только он перестанет от них страдать; ему важно, если и не быть полностью компенсированным за прошлое зло (хотя подобная мера была бы вполне справедливой), то хотя бы быть освобожденным от бремени процентов с этого зла и не умирать больше от голода, жажды и холода из-за отсутствия металлических или бумажных денег, предоставляя свой труд, свои услуги, свои промысел, чтобы приобрести право на существование.

Без этого паллиатива может случиться, что класс богачей и спекулянтов (в другом варианте: «крупных собственников и спекулянтов, особенно в больших городах») подвергнется со стороны класса бедных тому же обращению, какому подверглись в прошлом году скупщики хлеба и муки». Может также случиться, что «самый многочисленный класс народа, как и регулярная армия и недовольные, введенные в заблуждение, обманутые и совращённые деньгами, ласками и интригами врагов революции, присоединятся к ним, чтобы потопить в нашей крови нашу конституцию и нашу рождающуюся свободу». В этих условиях необходимы следующие мероприятия: 1. «В течение нынешнего поколения форма денег — ассигнатов должна быть такой, чтобы путем их циркуляции все потребности самых низших классов народа были бы столь же хорошо обеспечены, как и металлическими деньгами». 2. Чтобы способ уплаты государственного долга в наибольшей мере способствовал облегчению участи народа. 3. Чтобы проценты с этого долга не насчитывались больше, начиная с 1 января 1791 г. и чтобы способ налогового обложения был наиболее благоприятным для неимущего народа. 4. Чтобы вся национальная власть была сосредоточена в руках Национального собрания. 5. Чтобы все граждане, выполняющие общественные должности, были подотчетны и отвечали за свои действия. 6. Чтобы вся администрация велась публично и была поставлена под контроль общественного мнения через печать, свобода которой должна быть неограниченной.

Эти экономические и политические требования Буассель подробно излагал и развивал в других своих мемуарах и обращениях. Два года спустя Буассель писал по этому поводу: «Он (Буассель. — *А.И.*) вручил депутату Дандрэ[27]... рукопись, излагавшую самое справедливое и самое спасительное средство для уплаты государственного долга, которое устранило бы всякую мысль и всякую необходимость слишком рискованного выпуска ассигнатов и предотвратило бы утечку наших металлических денег; он послал в это же самое время Комитету финансов извлечение из этой рукописи, которую депутат Дандрэ оставил у себя, так ничего и не сообщив о ней».

В архиве Буасселя, действительно, имеется черновик мемуара о государственном долге, очевидно, того самого, который он передал Дандрэ и отправил Комитету финансов. Мы находим там и фрагмент рукописи, озаглавленной «О налоге». Исходя из установок, содержащихся уже в «Катехизисе человеческого рода», Буассель резко осуждал всю существующую налоговую систему. «Если бы, — писал он, — этот термин был известен в обществе, основанном на неотчуждаемых правах человека, он мог бы означать лишь индивидуальный вклад всех физических и моральных способностей каждого члена для общего блага всего обществам. Но в современных условиях налог означает лишь кабалу и обязательство участвовать в расходах по поддержанию антисоциального строя, является лишь средством порабощения народа. Рукопись эта, к сожалению, не закончена, и мы не знаем, какие конкретные меры предлагал Буассель для реформы налогового обложения, чтобы оно, как он писал в своем адресе Учредительному собранию, было бы наиболее благоприятным для неимущих слоев.

Своп политические взгляды Буассель специально изложил в двух «Мемуарах», в особом обращении (по-видимому, на имя председателя Учредительного собрания), в написанных в форме вопросов и ответов «Заметках о новой французской конституции)/. Вер эти документы обосновывают одни и те же тезисы, и поэтому нет надобности рассматривать их отдельно. Общая их суть сводится к следующему. Буассель самым решительным образом выступает против принципа разделения властей, положенного Учредительным собранием в основу политического устройства Франции. Нельзя отделять законодательную власть от власти исполнительной, как нельзя отделять душу от тела, и нельзя вручать исполнительную власть одному человеку. Национальная власть едина, и ее носителем является сам народ. Поскольку народ в силу своей многочисленности не может непосредственно осуществлять эту власть, он выбирает своих уполномоченных из числа граждан наиболее просвещенных, опытных, способных и преданных общему благу. Национальное собрание является поэтому единственным и единым органом власти как законодательной, так и исполнительной. Король — первый гражданин государства, его символ, от имени которого публикуются все государственные акты и который представляет нацию внутри и вне страны. Король не должен противостоять Национальному собранию как глава исполнительной власти — власти законодательной. Не должно быть поэтому никаких министров или других представителей исполнительной власти, зависимых от короля, который не может назначать никаких должностных лиц; все должностные лица должны выбираться нацией. В этой связи Буассель резко критикует декреты Учредительного собрания о провозглашении короля главой исполнительной власти, о предоставлении королю права вето, права назначать министров, т.е., по существу, подвергает критике все основные положения разрабатывавшейся в то время Учредительным собранием конституции. Исполнительная власть короля и его министров — это пресс, который будет подавлять огромное большинство народа до тех пор, пока народ не будет окончательно сломлен или пока он этот пресс не разрушит. Эта власть — причина всех интриг и всей коррупции, все больше влияющая на деятельность Национального собрания и несовместимая со средствами, которые нужны, чтобы быть гарантированными от внутреннего и внешнего деспотизма в течение всего времени, необходимого для упразднения антисоциального

строя. Поэтому все, что осуществило Национальное собрание после провозглашения прав человека и гражданина, может свестись к тому, что новый режим явится лишь видоизменением старого.

Среди бумаг Буасселя имеется и ряд документов (обращений, писем), посвященных вопросу о судопроизводстве — вопросу, близкому ему и хорошо знакомому как бывшему адвокату. Буассель выступал решительным сторонником суда присяжных и резко протестовал против затягивания Учредительным собранием рассмотрения этого вопроса и против декрета о гражданских трибуналах. Он резко возражал тем, кто считал широкие народные массы неподготовленными к выполнению функции присяжных. Введение института присяжных он связывал с радикальной реформой всего судопроизводства, вплоть до распространения принципа выборности на прокуроров, адвокатов, судей нотариусов. Более того, он требовал даже ликвидации особых судебных учреждений и рассмотрения всех дел выборными комитетами при муниципалитетах. Всю эту новую систему судопроизводства он опять-таки связывал с общей демократизацией всего социально-политического строя, как необходимой предпосылкой установления новых, коммунистических порядков. В письме от 23 июля 1790 г., посвященном этому вопросу, он писал, что введение института присяжных и другие судебные реформы необходимы «до того времени, как с установлением нового порядка вещей все причины процессов будут окончательно упразднены... не сможет больше совершаться преступлений и покушений на общественную и личную безопасность».

В большой рукописи, посвященной судебной реформе, Буассель указывал, что главная задача — найти причины царящего в обществе антисоциального и человекоубийственного интереса, с тем чтобы его упразднить, «без чего новая гражданская конституция, так же как и новый судебный порядок для ее поддержания, были бы лишь видоизменением старого режима». В этой связи он подробно излагал свою коммунистическую программу. Законы существовали до сих пор лишь для поддержания институтов собственности, религии, брака и представляли собой как бы цитадель, «всегда готовую открыть огонь против народа, чтобы держать его в угнетении, нужде, рабстве». «Как же возродить и поддерживать права человека, столь торжественно признанные, пока существуют эти институты и законы, их упразднившие; как установить и поддерживать права общественного человека, пока будут допускать существование этих институтов, устанавливающих лишь антисоциальный и человекоубийственный интерес присваивать себе все то, что должно присваиваться только обществом в целом, с тем чтобы быть разделенным и распределенным, согласно потребностям каждого из его членов... Как же установить судебный порядок для поддержания справедливости, пока существуют эти несправедливые институты, устанавливающие лишь несправедливый интерес...» Человеку ничего не может принадлежать. При естественном порядке он может лишь пользоваться природными благами для удовлетворения своих потребностей. В общественных же условиях общество должно обеспечивать все его потребности, а он обязан принимать непосредственное участие в создании необходимых ресурсов. Люди должны стремиться к общему счастью. Необходимо поэтому теперь же сделать так, чтобы институты собственности и брака «были направлены на удовлетворение всех общественных и индивидуальных потребностей до того, как они будут полностью упразднены ради нерушимого счастья будущих поколений». «В чем же опасность, господа, просветить народ относительно необходимости установления такого порядка и такого устройства, при котором вся собственность или все территориальные владения, как и все виды таланта, индустрии и услуг, могли бы быть направлены лишь к наибольшему общему и индивидуальному благу и к общественному воспитанию молодежи, которую старый режим не сумел еще совратить; просветить народ о необходимости учредить общественные мастерские для всех работ различного рода, для того чтобы ни один гражданин, не имеющий другие средств к существованию, кроме своего труда, не был бы его лишен и мог бы обеспечить себе право на существование». Все преимущества богатства, таланта и воспитания — результат старого режима, лишавшего народные массы всех благ. «Если бы наши крестьяне были воспитаны, как придворные, то они умели бы столь же хорошо танцевать и делать реверансы». «Каков же разумный вывод из этого? Вывод заключается в том, что новый режим, для того чтобы быть действительно хорошим и сообразным правам человека и гражданина, должен иметь своей главной основой и своей целью использование всех преимуществ природного таланта, воспитания и богатства для нужд тех наших братьев, которых природа или порочность старого режима лишили этих преимуществ, каких бы усилий и каких бы жертв это ни стоило нашему слепому и глупому эгоизму, нашим привычкам, нашим мнениям, нашим институтам, установившим интерес зла, в ожидании того времени, когда с установлением нового режима... каждый человек будет уверен, что он получит свою долю и будет полностью удовлетворен и доволен».

Все эти многочисленные адреса, мемуары, обращения, письма свидетельствуют, сколь активное участие принимал Буассель с начала революции в политической жизни страны, сколь настойчиво пропагандировал он свои общественно-политические идеи, излагая свою коммунистическую программу и свои конкретные политические предложения Учредительному

собранию, его различным комитетам, отдельным лицам. Однако вскоре он обрел и более широкую арену для своей деятельности. То был Якобинский клуб.

Когда Буассель вступил в Якобинский клуб, мы точно не знаем, но в 1790 г. он уже был его членом[28]. В архиве Буасселя имеется очень интересный документ — черновик его письма от 11 августа 1790 г. на имя председателя Якобинского клуба, т.е. Барнава, избранного на эту должность в июне. Буассель писал в этом обращении: «Не дух справедливости и не дух друзей конституции заставил меня позавчера спуститься с трибуны, потому что меня не захотели выслушать. Не в первый раз я замечаю подобное неодобрение, которое свидетельствует скорее не об истинном патриотизме, а о недоброжелательности ко мне. Я его не заслужил; моя совесть не ставит мне в упрек ни одного факта. Я набросал утром того же дня несколько идей, согласно основополагающим принципам прав человека и гражданина, декретированных Национальным собранием, чтобы доказать, что в дальнейшем это собрание отклонилось от этих самых принципов и стало возводить в стороне от них, на базе старого режима, цитадель, всегда готовую открыть огонь по основам нашей конституции и нашей свободы». Далее, Буассель подробно излагал содержание своего предполагавшегося выступления, сводившегося к изложению его политических взглядов о недопустимости предоставления королю исполнительной власти. «В заключение, — указывал он, — я хочу заметить вам, господин председатель, что мои принципы не отклонялись от порядка дня и что они дают возможность разрешить не только вопрос, касающийся общественных обвинителей, но и все вопросы, относящиеся к конституции и свободе», В постскриптуме он просил зачитать его письмо с трибуны. Подпись гласила: «Друг Конституции Буассель».

Из письма Буасселя следует, что он еще до этого выступал в Якобинском клубе, но к его выступлениям относились там неодобрительно. 9 августа 1790 г. он пытался выступить с изложением своих политических идей и критикой деятельности Учредительного собрания, но ему не дали говорить под предлогом, что эта тема не имела отношения к обсуждавшемуся вопросу, и он вынужден был покинуть трибуну. Но дело на этом не кончилось. Как мы узнаем из двух других его писем — к неизвестному адресату от 30 ноября и Александру Ламету от 1 декабря 1790 г., 26 ноября он вновь пытался взять слово, но его снова не допустили на трибуну; он пишет даже, что по распоряжению Ламета он находился под специальным наблюдением и когда пытался вновь взойти на трибуну, к нему были применены «акты насилия».

Подобное недоброжелательное отношение к Буасселю в Якобинском клубе того времени было вполне понятно. Ведь в 1790 г. в Якобинском клубе руководящую роль играли еще деятели типа Барнава и Ламета, буржуазные конституционалисты[**], которые не могли относиться положительно к политическим взглядам Буасселя и его резкой критике основ новой буржуазной конституции.

IV

Буассель считал, что настало время изложить свою политическую программу в систематическом виде, в форме проекта новой конституции'. В одной из своих рукописей он специально указывал, что, поскольку «Катехизис человеческого рода» был написан до начала революции, то он нуждается в дополнении. В то время, писал он, «автор не счел нужным высказаться... о монархическом образе правления и считал необходимым представить этот образ правления лишь в аспекте того же старого режима... чтобы не слишком открыто шокировать общее мнение в момент, когда было еще благоразумно его щадить».

В том же 1790 г. Буассель опубликовал новую работу под названием: «Гражданский кодекс Франции или факел свободы» [29]. Произведение это было посвящено «французской федерации», т.е. празднику федерации 14 июля 1790 г. Отсюда можно заключить, что оно было закончено не ранее июня этого года, поскольку решение о праздновании федерации было принято лишь 5 июня. Книга эта вышла в свет, очевидно, в октябре, так как Буассель стал распространять ее только с начала ноября.

На титульном листе этой маленькой книжки (41 стр.) помещен следующий эпиграф: «Человеческие общества не будут по-настоящему свободны до тех пор, пока все члены не будут воспитаны так, чтобы знать, практиковать, любить и быть приученными к средствам, способным обеспечить счастье одних с помощью других, согласно плану, изложенному в «Катехизисе человеческого рода»».

«Гражданский кодекс» состоит из «предварительных замечаний», заключения и восьми, разбитых на параграфы, разделов:

«Об общественном положении людей и их правах», «О правительстве», «О выборах», «О гражданской и военной субординации», «Об общем управлении (polise) королевства», «О реформе старых законов и организации новой судебной системы», «О личных, территориальных и денежных налогах», «О национальном воспитании».

А. Р. ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966

** Антуан Барнав: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#AB**. Александр Ламет: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#lameth**. О конституционных монархистах см., например: А.Тырсенко, «Фельяны» (**http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tyrs.htm**).

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

В «предварительных замечаниях» Буассель пытался теоретически обосновать свой план нового социально-политического устройства Франции. Общественные институты, законы и мнения, указывал он, которые в течение веков управляли людьми, не были декретированы Национальными собраниями; они проистекали из эгоизма наиболее сильных. Математически доказано приобретенными знаниями и вековым опытом, что эти институты, законы и мнения противоестественны и могут поэтому иметь лишь противоестественные последствия; что они породили у отдельных лиц, семейств и народов гибельный интерес, побуждающий их отделяться друг от друга, взаимно обманывать друг друга, унижать, ябедничать, обворовывать, убивать, отравлять, вести войны и истреблять друг друга. Во Франции положение не лучше, а даже хуже, чем в других странах. Вряд ли есть на земном шаре образ правления, «при котором люди таланта, рабочие (ouvriers), земледельцы, словом, наиболее ценный класс был бы более несчастным, чем во Франции, а класс бездельников более уважаемым и более угнетающим». Теперь представители французской нации собрались, чтобы осуществить ее возрождение, и должны поэтому осудить все причины ослепления и угнетения человеческого рода. Однако неудивительно, что свойственный людям эгоизм, вместе с привычкой к противоестественным институтам, законам и мнениям, переходившим из поколения в поколение, заставляет большинство из них рассматривать эти институты, законы и мнения как наследство, к которому не дозволено прикасаться без риска совершить преступление против бога и людей. Правда, Национальное собрание преодолело значительный барьер и сделало значительный шаг вперед, передав нации владения духовенства, лишив дворянство узурпированной им власти, поставив предел бесконечному эгоизму придворных, упразднив некоторые губительные для сельского хозяйства поборы, провозгласив права человека, введя гражданское равенство и веротерпимость. Но, раздавив головы гидры, нужно ли дать время этому чудовищу отрастить себе новые? Можно ли не укреплять права человека-гражданина и не совершенствовать их под тем предлогом, что большая часть французского народа еще недостаточно просвещена и слишком приучена к испорченности старого режима, чтобы воспринять совершенство нового? Если, для того чтобы довести до совершенства права человека-гражданина, необходимо полностью упразднить старый режим и установить совершенно новую конституцию, то всякое промедление в осуществлении счастья человеческого рода является нарушением самых священных обязанностей представителей французской нации. Если верно, что отсутствие знаний или воспитания — самый зловещий порок, присущий старому режиму, — делает большую часть народа неспособной познать совершенство своих прав, то не является ли неотложной необходимостью осведомить ее о причинах стольких бед и о средствах их упразднения?

Математически доказано, что раздел или собственность на землю, канонический брак или собственность на женщин разделили и вооружили друг против друга отдельных лиц, семьи и народы, что законы, поддерживающие эти пагубные институты, преследуют лишь цель держать народы в угнетении, нужде и рабстве. Разве люди не рождаются все с одинаковыми обязанностями и правами? Разве их не освещает одно и то же солнце? Разве земля не является в отношении всех ее обитателей тем, чем является праздничный стол для гостей: что сказал бы хозяин, если бы некоторые гости, вооружившись кинжалами или украсив себя крестом, завладели бы всеми местами и всеми яствами, хотя этих яств было бы вполне достаточно, чтобы насытить всех? Поэтому разве было бы опасно или несправедливо принудить тех, кто до настоящего времени присваивал себе всю власть, все владения и все пользование, отдать должное тем, кого они обобрали, или их потомкам? Институты старого режима, сделавшие движущей силой человеческих поступков низкий интерес, основанный на привлекательности вознаграждения или боязни наказания, породили лишь рабов или наемников. Между тем истинным принципом является принцип делать добро только из любви к добру, избегать зла из отвращения к злу, добиваться счастья совместно, с помощью друг друга.

Отсюда возникает вопрос: как возродить и поддерживать права человека-гражданина, пока будут еще существовать эти институты, как установить новый порядок для поддержания справедливости до тех пор, пока эти институты и эти законы не будут разрушены до основания, подобно Бастилии? В этом и заключается задача новой конституции.

Следующие за этими «предварительными замечаниями» разделы и содержат проект этой новой конституции. Политическим строем Франции, согласно этому проекту, остается монархия, но король рассматривается лишь как представитель французской нации. Вся законодательная и исполнительная власть сосредоточена в руках единого Национального собрания. В период каникул исполнительную власть осуществляют особо уполномоченные на это депутаты, по одному от каждого департамента. Ничто интересующее нацию не должно держаться в секрете; все должно выноситься на обсуждение ее представителей и предлагаться на рассмотрение общественного мнения. Все декреты Национального собрания публикуются и рассылаются во все муниципалитеты. В случае если тот или иной декрет вызовет общественное порицание, то Национальное собрание должно вновь его рассмотреть.

Право войны навек упраздняется; признается лишь естественное право на защиту в случае нападения на французские владения, после того как будут исчерпаны все средства мирного урегулирования[30]. Французы должны защищать права человека-гражданина как внутри, так и вне страны. Внешние сношения должны преследовать цель распространять просвещение и содействовать миру и счастью всех наций.

Все французы, достигшие 18 лет, получают гражданские права и становятся гражданами Франции. Активными гражданами становятся все лица, достигшие 25-летнего возраста и обязанные своим личным трудом и своим достоянием содействовать общему благу. Ни одна должность и ни одна работа не должна давать никаких прерогатив и служить поводом для тщеславия или унижения. Все должности, как гражданские, так и военные, являются выборными. Граждане обязаны подчиняться избранным должностным лицам, которые, однако, устраняются со своих постов в случае интриг, лихоимства или неспособности. Судьи также выбираются, и правосудие отправляется бесплатно. Все старые законы пересматриваются. Во Франции устанавливается новое единое законодательство и единообразное гражданское и уголовное судопроизводство, как и единая система мер и весов.

Ни один французский гражданин не может претендовать, чтобы ему было обеспечено право на существование без полезного труда на благо своих сограждан и без соответствующего вклада своего достояния. Общество берет на себя заботу обо всех бедных гражданах, не способных к труду. На всей территории страны, по усмотрению муниципалитетов, организуются различные общественные мастерские, где бедные граждане получают возможность трудом зарабатывать себе на жизнь. Одновременно на средства муниципалитетов организуются и дома призрения для тех, кто не способен работать.

При каждом муниципалитете создается «бюро надзора», в обязанность которого входит наблюдение за всеми гражданами и всеми землями. Каждый год производится перепись всех лиц, проживающих на территории данного муниципалитета, с указанием их общественного положения, характера и природных дарований; производится также перепись всех земель с указанием их качества и наиболее подходящей для них сельскохозяйственной культуры. Перепись эта должна доводиться до сведения кантонов, дистриктов, департаментов и Национального собрания. Муниципалитеты, кантоны, дистрикты и департаменты должны поддерживать непрерывную связь и оказывать друг другу необходимую помощь. Ни один гражданин не может перемещаться из одного кантона, дистрикта и департамента в другой без паспорта, выданного муниципалитетом. Иностранцы также не могут въезжать во Францию и путешествовать по стране без соответствующих паспортов.

Граждане обязаны делать на благо всего общества взносы (contributions) трех родов: личные, территориальные и денежные. Личные взносы — это любая работа в области администрации, умственного труда или производства, преследующая цель обеспечить существование, воспитание, безопасность, нужды и развлечения всех членов общества. Территориальные взносы — это взносы, которые обязаны делать собственники за свои земли и свой скот, пока они еще сохраняют свою земельную собственность и, следовательно, сохраняют привилегию продавать сельскохозяйственные продукты. Денежные взносы тоже сохраняются, пока продолжают существовать деньги, введенные в свое время, к величайшему несчастью людей.

Поскольку в условиях новой конституции все лица, проживающие во Франции, должны быть подчинены закону, то и все их владения и вся их собственность, будь то земельная, будь то денежная, должна быть в равной мере подчинена закону, который будет регулировать ее обложение и распределение, с тем чтобы при теперешнем поколении все плоды земли, а также деньги, использовались бы лишь для возмещения ущерба, нанесенного собственностью незыблемым правам человека[31], несовместимым с какой-либо исключительной собственностью или каким-либо исключительным пользованием. Национальное собрание уже признало это в отношении владений духовенства, но это относится в равной мере и к владениям светских лиц. Поэтому все территориальные и денежные взносы должны использоваться только для вознаграждения за личные взносы, т.е. за труд в области сельского хозяйства и промышленности, за выполнение различных общественных функций, за гражданскую и военную службу. Они должны, кроме того, идти на финансирование всех работ, связанных с полной перестройкой существующих городов и других населенных пунктов, чтобы обеспечить всем гражданам необходимые удобства и благоприятные для здоровья условия жизни.

Одной из основных задач новой конституции является «социальное или национальное воспитание», единое для всех французов. Необходимость этого воспитания обусловливается тем, что люди не рождаются со знанием истинных общественных законов; следовательно, эти законы никогда не смогут быть установлены без соответствующего воспитания, цель которого дать возможность молодому поколению познать и полюбить эти законы, применять их и привыкнуть к ним. Человек, живущий в общественных условиях, должен воспитываться и совершенствоваться самим обществом к наибольшей выгоде для общества. В целях осуществления национального воспитания на всей территории страны должны быть созданы общественные школы для детей

обоего пола, а также общественные мастерские для всякого рода занятий, сельскохозяйственных работ, промыслов, с целью совершенствования душевных и физических способностей подрастающего поколения, развития природных склонностей каждого[32]. До постройки новых зданий под общественные школы и мастерские отводятся церкви и монастыри. В школах должен преподаваться катехизис, излагающий основы истинного счастья людей и способы его осуществления.

Таков проект новой конституции, изложенный Буасселем в 1790 г. в «Гражданском кодексе Франции». Проект этот вместе с рассмотренными выше обращениями, мемуарами, записками, дает возможность составить надлежащее представление о его политической позиции и общественно-политической программе в начале революции, в момент, когда Учредительное собрание стремилось заложить основы цензовой буржуазной конституционной монархии.

Программа Буасселя отличалась прежде всего своим демократизмом. Буассель решительно осуждал любой ценз, предусматривая наделение всех французов совершенно одинаковыми политическими правами и введение всеобщего избирательного права. Буассель употреблял термин «активные граждане» не в цензовом смысле, а связывал его лишь с возрастом: все французы получают гражданские права начиная с 18-летнего возраста, но становятся «активными гражданами», т.е. получают право избирать и быть избранными, лишь достигнув 25 лет. Сохраняя монархическую форму правления и превращая короля в первого гражданина Франции, Буассель предусматривал сосредоточение в руках единого Национального собрания не только законодательной, но и всей исполнительной власти, выступая против основы основ буржуазных конституционных теорий — учения о разделении властей. Он последовательно проводил принцип сосредоточения всей власти в руках представителей народа, предусматривая выборность всех гражданских и военных должностей. Демократизм разработанной им конституции находил свое выражение и в требовании представления всех декретов Национального собрания на обсуждение граждан, с обязательным пересмотром этих декретов в случае общественного порицания. Так, уже в 1790 г. Буассель формулирует идею демократического, народного государства, резко противоречившую конституционным идеалам буржуазных деятелей Учредительного собрания.

Новый политический строй мыслился, однако, Буасселем в тесной связи с коренным общественным переустройством Франции. Конечная цель этого переустройства ясно и недвусмысленно изложена им и в «Гражданском кодексе» и в его рукописных документах: ликвидация старого общественного строя и установление коммунизма. Под «старым режимом» Буассель подразумевал отнюдь не только абсолютистско-феодальные порядки, а весь веками существовавший социальный строй, основанный на частной собственности и общественном неравенстве. Упразднение этого «старого режима» и представлялось ему основной целью революции. Причину того, что все предыдущие революции оканчивались поражением, что другие народы, завоевавшие в прошлом свободу, не могли ее удержать, он видел в сохранении общественного строя, основанного на собственности. Французской революции суждена та же участь, если она не добьется упразднения этого строя. Такова должна быть поэтому ее главная, основная цель. Задача новой конституции — обеспечить достижение этой цели.

Исходя из этого, в конституционном проекте Буасселя предусматривается осуществление целого ряда мероприятий: провозглашается обязанность всех граждан заниматься каким-либо полезным для общества трудом; государство берет на себя заботу о нетрудоспособных; создаются общественные мастерские и дома призрения; «бюро надзора» муниципалитетов устанавливают контроль за правильным использованием земель и деятельностью всех граждан. Собственники не только обязаны подчиняться регулированию собственности со стороны государства, но и выплачивать все налоги: они должны делать территориальные и денежные взносы, т.е. предоставлять в распоряжение государства соответствующую часть своей сельскохозяйственной продукции и своих денежных доходов. Средства эти используются для вознаграждения за физический и умственный труд, для перестройки городов и деревень и других аналогичных целей, т.е. для улучшения условий существования граждан-несобственников, живущих своим трудом. Все эти мероприятия преследуют цель подготовить полную ликвидацию старого режима и его основы — частной собственности. Для этого вводится также всеобщее единое национальное воспитание, задача которого — воспитать молодое поколение в духе идей коммунизма. В результате, с течением времени продажный, человекоубийственный и антисоциальный строй будет полностью упразднен, и новое поколение будет жить уже в условиях коммунизма.

«Гражданский кодекс» основан на идеях, изложенных Буасселем в его теоретическом трактате «Катехизис человеческого рода». Но идеи эти конкретизированы здесь в виде практического плана социально-политического переустройства Франции. Это план завершения начавшейся революции путем создания демократического политического строя как необходимой предпосылки для последующего установления коммунистических порядков. Национальное воспитание, играющее в «Катехизисе» решающую роль, выступает в его конституционном проекте не как абстрактное просветительство, а как установление, тесно связанное с новым политическим

строем; оно мыслится, вместе с рядом других социально-экономических мероприятий, как одно из орудий нового демократического, народного государства в деле переустройства общества на коммунистических началах. Если раньше, судя по «Катехизису», Буассель считал возможным осуществление своего общественного идеала в условиях любого политического режима, то теперь он совершенно определенно связывал возможность перехода к коммунизму с демократическим государственным строем, за установление которого он столь активно боролся. Именно поэтому в своих обращениях и других документах он резко критиковал деятельность Учредительного собрания, недвусмысленно заявляя, что устанавливаемый им образ правления несовместим с задачей ликвидации существующего антисоциального строя и приведет к сохранению старого режима, лишь в несколько видоизмененном виде.

И в своих обращениях, мемуарах и рукописях, и в «Гражданском кодексе», Буассель не скрывал своих симпатий к обездоленным народным массам. Если раньше, говоря об угнетении народа, он прежде всего клеймил «ненасытный эгоизм высшего духовенства и высшей знати», то теперь, приветствуя конфискацию земель духовенства и упразднение сословных привилегий, он уже по-иному характеризовал господствующую верхушку общества. Он говорил о «классе богачей и спекулянтов», «классе крупных собственников и спекулянтов, особенно в больших городах», жиреющих и обогащающихся за счет всех видов труда и таланта. Этому «классу бездельников» он противопоставлял наиболее трудолюбивый, полезный и многочисленный класс общества, «класс бедных», «класс граждан, обеспечивающих себе средства существования своим трудом и своим промыслом», «наиболее ценный класс», который составляют «люди таланта, рабочие, земледельцы». Буассель решительно защищал народные массы от обвинений в анархии, убийствах и поджогах, разоблачая козни их врагов. Он призывал проявлять терпение и благоразумие даже в случае эксцессов со стороны народных масс и считал первоочередной необходимостью удовлетворить их насущные нужды, обеспечить им возможность жить своим трудом. В противном случае он считал вполне правомерной их расправу с крупными собственниками и спекулянтами. Он требовал немедленно положить конец денежной спекуляции, прекратить выплату процентов по государственному долгу, установить способ обложения, наиболее благоприятный для неимущего народа. Именно в интересах этого самого многочисленного класса общества Буассель выдвигал свой план демократического, народного государства, облагающего собственников в пользу людей труда, исправляющего ущерб, нанесенный собственностью, и способного подготовить окончательное упразднение строя, основанного на общественном неравенстве.

V

6 ноября 1790 г. Буассель обратился с письмом на имя председателя Национального собрания, в котором просил принять 700 экземпляров его работы «Гражданский кодекс». В награду за свое рвение он просил Национальное собрание издать декрет, который, согласно принципам, изложенным в приложенном к письму адресе, предоставил бы главе свободной нации лишь то, что можно предоставить, упразднил бы все, что может подорвать основы свободы.

Адрес, упомянутый в этом письме, не сохранился в архиве Буасселя. Он имеется, однако, в делах Конституционного комитета Учредительного собрания[33]. В нем Буассель вновь подробно излагал свои политические взгляды о Национальном собрании, как едином органе власти. «Напрасно будут говорить, — писал он, — что Национальное собрание может стать деспотом, если оно объединит в своих руках оба вида власти — законодательную и исполнительную, так как Национальное собрание, будучи не чем иным, как представительством нации, наиболее заинтересовано в уничтожении деспотизма и оно может его уничтожить, лишь объединив эти две власти, которые будут беспрестанно бороться между собою, пока они останутся разделенными...» На адресе этом имеется пометка: «Протокол 9 ноября 1790 вечер». Действительно, обращение Буасселя было зачитано в Учредительном собрании 9 ноября на вечернем заседании[33].

Как видим, Буассель представил Учредительному собранию семьсот экземпляров своей новой работы, с тем чтобы она была роздана наивозможно большему числу депутатов. Одновременно он отправил ее и отдельным лицам. В его архиве сохранилось, например, обстоятельное письмо к неизвестному адресату. Поскольку в тексте упоминается декрет от 27 ноября 1790 г. о присяге духовенства, о котором говорится как о «декрете 27-го числа предыдущего месяца», то, следовательно, оно было написано в декабре 1790 г. В письме этом Буассель просил своего адресата принять экземпляр «Гражданского кодекса». Он указывал, что современное поколение «слишком погрязло в зле, чтобы можно было надеяться излечить его радикально». До этого нужно перевоспитать людей. «В ожидании этого вот, сударь, план, который... я не переставал рекомендовать Конституционному комитету и наиболее просвещенным членам Национального собрания, чтобы мы минимально страдали друг от друга и наилучшим образом предохранили себя от пагубных предрассудков и человекоубийственных институтов». Французы освободились с помощью декретов Национального собрания от ига небесных сил, но они еще не сбросили полностью иго сил земных. Далее Буассель излагал свои идеи о новом политическом устройстве Франции. При этом он указывал, что Декларация прав человека является паллиативом, наиболее пригодным для борьбы против пагубных помех старого режима,

поскольку она отдаляется от природы лишь настолько, насколько это требует современное положение человеческих дел.

22 февраля 1791 г. Буассель обратился к Конституционному комитету Учредительного собрания с новым письмом, которое также сохранилось в делах этого Комитета[34]. В нем он вновь излагал свою коммунистическую программу. Он указывал, что до сих пор все авторы исходили из существующих общественных институтов и различали образы правления, принимая во внимание лишь политический режим. В «Катехизисе человеческого рода» и в «Гражданском кодексе» он доказал, что все институты, законы и религии, существовавшие и существующие еще на земле, противны природе, что нужно их упразднить и заменить новыми, сообразными природе. «Однако, — писал он далее, — поскольку люди по глупой и роковой силе привычки как бы отожествили себя с этими противоестественными институтами, законами и религиями, мудрость и осторожность требуют атаковать и упразднять лишь те установления, которые в тягость большинству, и привлечь на свою сторону (de se concilier) дух и сердце народа, в котором заключена самая большая сила, с тем чтобы успешно бороться против меньшинства, которое одно лишь в течение всех веков извлекало пользу из этих чудовищных и пагубных установлений, до тех пор, пока путем национального воспитания мы не дадим возможности усвоить знание, применение и привычку верных правил нашим молодым ученикам, которые передадут их потомству для нерушимого счастья будущих поколений, согласно плану, намеченному мной в «Катехизисе человеческого рода» и в «Гражданском кодексе»».

Это новое письмо Буасселя интересно не только как еще одно свидетельство, с какой настойчивостью он пропагандировал свои коммунистические идеалы, но и своими высказываниями о ближайших политических задачах. Он считал необходимым немедленное осуществление мероприятий, выгодных для большинства, чтобы, опираясь на народ, успешно бороться против привилегированного меньшинства и обеспечить тем самым построение в будущем нового, коммунистического общества. Письмо это еще раз подтверждает, что он рассматривал борьбу за установление новых демократических порядков и дальнейшее переустройство общества, как борьбу против класса богатых собственников, заинтересованных в сохранении старого общественного строя, борьбу, которую можно успешно вести лишь при поддержке широких масс народа.

Новые обращения посылал Буассель весной 1791 г. и непосредственно Учредительному собранию[35]. 7 марта он писал, что в случае предоставления королю права назначать всех должностных лиц, начиная с первого министра и кончая самым жалким агентом или шпионом, то нация будет суверенна только номинально, «а фактически король будет сувереном, а французы — рабами». 3 мая он снова писал о «конституционном рабстве», худшем рабстве, чем при старом режиме.

В письме, помеченном 12 марта 1791 г. (кому оно было адресовано, сказать трудно), Буассель тоже выступал против исполнительной власти короля и ставил вопрос о создании особого исполнительного органа, стоящего во главе администрации и подотчетного Учредительному собранию.

В обращении к членам Якобинского клуба Буассель вновь резко осуждал все законодательство Учредительного собрания. «Да, господа, — восклицал он, — я считаю, что при теперешнем положении вещей контрреволюция полностью декретирована». Он приводил свой разговор с «одним членом Конституционного комитета». Как видно из зачеркнутого в черновике имени; им был не кто иной, как Шапелье. «Один член Конституционного комитета сказал мне однажды по этому поводу, что он не хотел бы, чтобы народ имел возможность давать ему пощечины. Я ответил ему, что народ никогда не прибегнет к этому, если он проявит себя его искренним другом, но что народ можно будет извинить, если он проявит себя его врагом; что низший класс народа можно простить за его заблуждения, потому что этот низший класс имел несчастье не быть воспитанным, просвещенным и баловнем судьбы, подобно ему самому; быть может, в крайнем случае было бы несравненно лучше терпеть акты грубости со стороны народа, который до сих пор нес груз нашего существования, нашей бесполезности, нашего презрения..., чем видеть восстановление степ Бастилии, а каждого из нас вынужденным ползать перед министрами-деспотами и их гнусными приспешниками».

Вариант этого обращения Буассель 6 июня 1791 г. послал и на имя Военного комитета Учредительного собрания, излагая в нем также свои мысли о необходимости коренной перестройки армии на демократических основах: он предлагал обновить весь офицерский корпус, преобразовать всю армию в национальную гвардию, преисполненную любви к родине и свободе, обязать всех национальных гвардейцев присягнуть в том, что они никогда, ни под каким предлогом не повернут своего оружия против своих сограждан, товарищей и братьев, превратить субординацию из рабского подчинения отдельным людям в подчинение законной воинской дисциплине.

Буассель продолжал выступать с изложением своей политической программы и с трибуны Якобинского клуба. Однако его выступления там встречали такое же враждебное отношение, как и в предыдущем году. Мы можем судить об этом по отчету о заседании Якобинского клуба 29 марта 1791 г., опубликованному в газете «Le lendemain»[36]. Шли прения по вопросу о назначении министров королем, в которых выступил и Буассель. «Г-н Буассель, — читаем мы в упомянутом отчете, — который поистине является скрытым светилом, счел по-якобински плохим то, что г.Барнав вздумал резюмировать с легкостью и методичностью. Он взялся за это столь удачно, что вновь запутал все дело. Правда, его освистали; правда, он спустился с трибуны среди самого невообразимого шума; но г.Шепи, возмущенный презрением, проявленным к г.Буасселю, объявил себя его Дон-Кихотом».

Эта злобно-издевательская «информация» свидетельствует о тех бурных сценах, которые произошли в этот день в Якобинском клубе в связи с выступлением Буасселя. К счастью, до нас дошел полный текст этого выступления, и мы знаем, о чем он говорил с трибуны клуба. В его архиве имеется обширная рукопись (19 страниц большого формата), озаглавленная «Речь об избрании и устройстве (organisation) главных агентов исполнительной власти, известных до сих пор под названием министров короля». Это и есть текст речи, с которой он выступил 29 марта 1791 г. в Якобинском клубе.

Речь Буасселя непосредственно посвящена вопросу о предоставлении королю права назначать министров — «главных агентов исполнительной власти». Но Буассель использовал эту тему, чтобы связать ее с общим вопросом о новом общественно-политическом строе Франции, о наилучшем общественном устройстве, к коему надлежит стремиться.

В начале своего выступления Буассель указывал, что для правильного решения всех важнейших вопросов, стоящих в порядке дня, необходимо глубоко продумать и уяснить происхождение, причины и следствия общественных институтов. Если творец природы предусмотрел все для сохранения человеческого рода в естественных условиях, то это значит, что он наложил на людей обязательство обеспечить и при социальном строе существование каждого индивидуума. Следовательно, человеческие общества созданы лишь для наибольшего преимущества всех ассоциированных, правительства — для наибольшего счастья народов, власть, сила — для обеспечения безопасности наиболее слабого от наиболее сильного. Эти принципы были положены французским народом в основу его возрождения, в основу его новой конституции, несмотря на пушки и штыки, выставленные против него агентами исполнительной власти. Но если создатель увенчал успехом их усилия, то лишь для того, чтобы открыть перед ними перспективу «бессмертной эпохи блага и счастья человеческого рода», творцами которой они должны быть. Однако после первых успехов события стали развиваться в обратном направлении. Королю были предоставлены право вето и цивильный лист, принят декрет о праве войны и мира, пролита кровь народа в Ниме, Нанси, Монтобане и других местах. Венцом этого ретроградного движения явилось бы предоставление королю права назначать министров и других должностных лиц.

Конечно, в настоящее время, когда люди еще слишком привязаны к чудовищным установлениям старого режима, можно осуществлять лишь паллиативы, более или менее приближающиеся к естественным институтам. Необходимо, однако, уже сейчас обнаружить эти институты и «обеспечить их торжество среди стольких врагов, страстей, заблуждений». Лишь тогда «вместе со строем, при котором люди будут обеспечивать счастье друг друга», воцарится истинная свобода. Такова должна быть единственная цель нашего возрождения, нашей новой конституции. Всякий закон, всякая система, всякое установление, противоречащие этой цели, должны быть отвергнуты. Исходя из этой основной установки, и должен быть решен вопрос о главных агентах исполнительной власти нации.

Далее Буассель подробно рассматривал эту тему и доказывал, что предоставление королю права назначать министров означало бы восстановление деспотизма, лишение нации ее суверенитета, народа — его свободы. В этой связи он обосновывал и свои взгляды на монархический режим и функции короля, изложенные уже в «Гражданском кодексе». При этом он оговаривался, что «даже самые свободные монархические правительства никогда не давали народу пользоваться своими правами, и народ будет пользоваться ими во Франции лишь тогда, когда путем национального воспитания его ознакомят с этими правами и научат каждого человека не злоупотреблять ими, а пользоваться лишь для счастья себе подобных. Тогда начнется Эпоха Счастья, о которой я возвестил в начале своей речи».

Исходя из своих основных положений, Буассель считал необходимым избрание «главных агентов исполнительной власти» самим народом, подобно всем другим должностным лицам. Конкретно он предлагал следующее. Подобно тому, как, согласно декретам Национального собрания, половина департаментов выдвигает по одному члену в состав Высшего кассационного трибунала, другая половина департаментов должна выдвигать по одному члену в состав Национального совета, стоящего во главе всей исполнительной власти и подотчетного Национальному собранию. Вместо министерств должны быть организованы более многочисленные секции, начальники

которых должны получать жалованье, равное жалованью членов Кассационного трибунала. Один из начальников секций должен в течение 15 дней, максимум месяца, выполнять функции председателя, созывающего заседания всех начальников секций для публичного обсуждения текущих дел или передачи их на рассмотрение Национального собрания.

В конце своей речи, отвечая Барнаву и другим выступавшим и указывая, что один человек не нуждается в 25-миллионной ренте (т.е. в цивильном листе), Буассель вновь провозглашал коммунистический принцип равенства. «Здоровье, мир и необходимое — вот все, что нужно человеку; в противном случае он умирает или от истощения, или от пресыщения; избежим этих двух крайностей, и мы будем иметь Счастье». В заключение Буассель требовал создать комиссию для рассмотрения его речи, включив в нее ряд лиц, в том числе Дантона и Робеспьера.

Так, с трибуны Якобинского клуба Буассель открыто возвещал «Эпоху Счастья» и провозглашал коммунизм конечной целью революции. Политические события и законодательные акты Учредительного собрания он рассматривал с точки зрения их соответствия или несоответствия этой цели. Борясь за отмену прерогатив короля, за избрание представителен исполнительной власти народом, он видел в этом необходимую предпосылку торжества «нового порядка вещей».

VI

Общеизвестно, какое потрясающее впечатление произвел Варенński кризис на современников и какое влияние оказал он на общественно-политическую жизнь Франции, вызвав мощный подъем республиканского движения. Среди лиц, открыто перешедших в эти дни на республиканские позиции, был и Буассель.

Уже 30 июня 1791 г. он написал обширный мемуар, озаглавленный «Мнение о королевской власти». Документ этот носит подпись: «Буассель, друг конституции». Это дает основание предполагать, что этот мемуар предназначался для Якобинского клуба. «Все наши публицисты, — указывал Буассель, — как древние, так и современные, писали о правительствах, исходя из форм, существовавших и существующих еще сегодня, но никому из них, если не считать Платона, не пришло в голову ни писать, ни заниматься формами правления, которые должны существовать, чтобы сделать правительство совершенным, прочным и нерушимым». Далее Буассель вновь подробно излагал свои коммунистические убеждения о пагубности существующих общественных институтов и необходимости заменить их новыми, обеспечивающими счастье всех людей. Переходя к политическому строю, установившемуся во Франции после революции, он подвергал резкой критике монархический режим. Он указывал, что в течение двух лет не переставал взывать к Национальному собранию и его Конституционному комитету, требуя, чтобы враги революции были удалены от власти. Национальное собрание осуществило большое дело, упразднив сословия и привилегии. Но предоставление исполнительной власти королю нанесло удар свободе и суверенитету французского народа. «Французы, откройте глаза. Ваш король разорвал все связи, соединявшие его с вашей империей: он предал вас. Вы ему больше ничем не обязаны. Верните себе все свои права, не допускайте, чтобы им был нанесен малейший ущерб. Заблуждения и интриги сбили с пути представителей нации». Национальное собрание теперь свободно от принятых на себя обязательств признавать бывшего короля, этого вождя аристократов и самого опасного врага нации, главой исполнительной власти. «Новый строй несовместим с королевской властью. Разве не странно устройство, которое предоставляет 25 миллионов в распоряжение одного человека, с тем чтобы он мог со своими министрами строить козни против свободы народа. Народ является сувереном, он один является монархом. Единственно подходящее для него устройство — чтобы закон провозглашался от его имени, был санкционирован от его имени, выполнялся от его имени всеми должностными лицами или уполномоченными, которых он будет избирать из своей среды...»

6 июля Буассель отправил новое письмо, адресованное членам Якобинского клуба. «Я надеюсь, — писал он, — сделать подарок, достойный вашего патриотизма, преподнеся Обществу несколько экземпляров Векового гимна отца Дюшена (Cantique seculaire du pere Duchesne), за которым следует романс, написанный в ответ на романс аристократов, начинающийся словами: «Бедный народ, когда ты имел лишь одного короля, ты не чувствовал своей нужды»». «Провидение допустило бегство Людовика XVI, чтобы открыть глаза на институт, являвшийся лишь источником несчастий, и дабы обязать представителей свободной нации навеки освободить ее от этого института. Истинным сувереном является французский народ; он нуждается для руководства своими делами лишь в едином и неделимом центре — Национальном собрании, состоящем из его представителей и осуществляющем его волю. Нельзя ставить ни одного ассоциированного в положение более высокое или более тягостное, чем все другие. Этот принцип несовместим с королевской властью, особенно той, которая была декретирована Национальным собранием, установившим зависимость всего общества от одного гражданина под химерическим именем короля французов».

Упомянутые в этом письме «Вековой гимн отца Дюшена» и романс, написанный в ответ на романс аристократов, были напечатаны Буасселем несколько месяцев спустя во втором издании «Катехизиса человеческого рода»[37]. В «Гимне» автор обращался к народу со следующим предупреждением: «Не доверяйте, жителя Парижа, всем этим проклятым депутатам, продавшимся правительству, которые, чтобы ему понравиться, предают... народ дьявольской власти». Следующая легислатура должна установить лучшие законы. Нельзя отделять исполнительную власть от законодательной и передавать ее в руки антиреволюционного правительства. Благодаря этому «контрреволюция, уже более чем достаточно проявившая себя, полностью декретирована». Народ имеет право расправиться с исполнительной властью. Он снисходителен и не требует обязательно крови, но его враги должны знать, что он хочет жить свободным или умереть. В романсе Буассель противопоставлял трудящийся народ порабощавшим его до этого бездельникам. «Бедный народ, фавориты короля погрузили тебя в нищету. Но теперь твоя свобода, твой закон обеспечат тебе счастье на земле. Они упивались плодами твоего труда, а ты ползал в пыли... Счастливый закон, который делает их равными тебе, приводит их в замешательство и отчаяние: как, говорят они, мы должны пасти стада, мы, которые ели, ничего не делая!»

В другом обращении к Якобинскому клубу (или варианте обращения от 6 июля, потому что оно начинается аналогичной ссылкой на «Вековой гимн отца Дюшена») Буассель резко протестовал против запрещения высказываться с трибуны клуба «относительно формы правления, наиболее подходящей для поддержания свободы и для счастья человечества». Теперешняя легислатура очень плоха. Почему же нельзя ее осуждать? Короли обязаны своей властью лишь насилию и обману. Институт королевской власти всегда порождал и может порождать в мире лишь несчастья.

Буассель обращался в эти дни не только к Якобинскому клубу, где в конце июня — начале июля лишь меньшинство выступало за низложение короля[38]. Из трех различных документов, написанных им в последующие годы, мы узнаем также следующее. «Я называл, — пишет он в одном из них, — депутатов Учредительного собрания предателями, аристократами, клятвопреступниками в печатном уведомлении (avis), которое я там роздал 16 июля 1791 г.; и в тот же день в «Вековом гимне отца Дюшена» я поставил Учредительному собранию в упрек, что оно декретировало контрреволюцию, поскольку дало тирану все полномочия, которые он никогда бы не использовал против своих братьев эмигрантов, против европейских деспотов, против своих служащих, против священников, дворян, парламентов, финансистов — самой твердой опоры тирании и угнетения». В другом документе говорится: «В день, когда судили короля после его возвращения из Варенна, он (Буассель. — *А.И.*) роздал на утреннем заседании печатное уведомление, обращенное к Национальному собранию, вместе с «Вековым гимном отца Дюшена», в которых упрекал это собрание в том, что оно продало Францию, предало ее деспотам Европы и декретировало контрреволюцию». Наконец, в третьем документе, в списке печатных работ, представленных им комитету Якобинского клуба, под четвертым номером значится: «Один экземпляр печатной работы, озаглавленной «Уведомление Национальному собранию» и врученной этому собранию в тот самый день, когда судили бывшего короля после его бегства в Варенн».

Таким образом, в эти критические дни, когда Учредительное собрание рассматривало представленный 13 июля доклад комиссии об обстоятельствах бегства короля, приняв затем 15 июля известное постановление, фактически реабилитировавшее Людовика XVI, Буассель напечатал особое «Уведомление», которое вместе с «Вековым гимном отца Дюшена» распространил среди депутатов. Текст этого стихотворного «Уведомления» (черновой вариант которого сохранился в его архиве) он опубликовал и в приложениях ко второму изданию «Катехизиса человеческого рода»[39]. В нем Буассель резко осуждал королевскую власть. Народ, писал он, является вашим отцом, вашим сувереном; закон — это его воля, могущество — его руки. Королевская власть всегда была лишь лживой и отвратительной химерой. Он призывал депутатов воспользоваться случаем и устранить, наконец, касту тиранов. «Пусть все граждане впредь будут равными и не боготворят больше дьявольскую власть. Не продлевайте больше этой легислатуры: она является аристократической; она повинна в предательстве и клятвопреступлении». Буассель, как видим, не только выступал против монархии; он в самых резких выражениях осуждал и Учредительное собрание, требуя избрать новое национальное представительство.

После раскола Якобинского клуба 16 июля, после того как из него удалились умеренные, в том числе почти все депутаты Учредительного собрания, Буассель остался, разумеется, в «Обществе друзей конституции», принявшем теперь значительно более однородный, демократический характер. 8 августа он обратился с длинным посланием на имя председателя, которое просил довести до сведения членов клуба. Буассель давал свою интерпретацию понятий «конституция» и «образ правления», интерпретацию, которую приводил уже в своих предыдущих выступлениях и которую развивал и в дальнейшем. Он указывал, что под политической конституцией следует понимать лишь форму политического существования народа. В этом смысле

новой политической конституцией французского народа является самый принцип единого, постоянного и периодически обновляемого народного представительства. Эта конституция сама по себе является превосходной. Следует, однако, отличать конституцию от образа правления и законодательства. Конституция может быть превосходной, а образ правления — очень плохим и пагубным для конституции, точно так же, как человек может обладать крепким телосложением, но ослаблять и разрушать его плохим режимом. Столь пагубным и является образ правления, установленный теперешними представителями французского народа. Правда, как основа нового законодательства была принята Декларация прав человека и гражданина, но затем Национальное собрание само нарушило эти принципы, «так что в настоящее время права человека и гражданина упразднены и французский народ лишен на деле суверенитета». Это не покажется странным, если учесть состав Национального собрания, большинство членов которого свыклось с пороками старого режима. Поэтому его законодательство является постыдной сделкой с тиранами и аристократами Европы к величайшему ущербу нерушимым и неотчуждаемым правам нации. Сохранение королевской власти — результат пагубной привычки к старым предрассудкам; опыт веков свидетельствует, что подлинным королем может быть лишь сам народ. Только это соответствует правам человека и гражданина. Только это может побудить другие народы сорганизоваться подобным же образом. Он предлагает поэтому открыть дискуссию относительно нового образа правления. Он предлагает, чтобы все выступающие против прав человека и гражданина были изобличены перед избирателями и упомянуты в наказах депутатам, дабы следующая легислатура приняла против них необходимые меры.

О том, какое значение придавал Буассель предстоящим выборам в Законодательное собрание, свидетельствует и его записка избирательному собранию Парижского департамента, начавшему свою работу в конце августа 1791 г. В ней он указывал, что «благо не только Французской империи, но и всей Европы зависит от будущей легислатуры», и требовал, «чтобы никто но мог быть включенным в список кандидатов, не доказав самым недвусмысленным образом своего цивизма и своих талантов». Он предлагал с этой целью объявить конкурс, чтобы правильно подобрать кандидатов в депутаты. Буассель считал необходимым, чтобы в состав этой новой легислатуры были избраны люди, преданные революции и суверенитету народа, не связанные со старым режимом, подобно депутатам бывших Генеральных штатов. Именно поэтому он предпринял попытку выставить и свою собственную кандидатуру.

29 августа Буассель обратился с письмом на имя председателя избирательного собрания Парижского департамента и выборщиков, принимавших в нем участие[40]. Текст его заявления гласил: «Франсуа Буассель, бывший адвокат Парижского парламента, гражданин секции Пале-Рояля, имеющий право быть избранным, в возрасте 63 лет, просит включить его в список кандидатов в следующую легислатуру. Его право на это обусловливается, во-первых, тем, что в течение всей своей жизни он проявлял самую горячую любовь к общественному делу, желая жить и умереть за него: во-вторых, тем, что он представил: 1. В 1786 г. правительству речь против общественной кабалы... 2. «Катехизис человеческого рода»..., представленный 3 августа 1789 г. Национальному собранию и упомянутый в его протоколе от того же дня. 3. «Гражданский кодекс», розданный в Национальном собрании и упомянутый в одном из его протоколов. 4. Печатный Адрес Национальному собранию об основах новой конституции и средствах осуществить нерушимым образом единение, мир и всеобщее счастье... Поскольку, обращаясь с этой просьбой, г-н Буассель не имеет другого желания и другой цели как способствовать действенным образом осуществлению средств, необходимых для достижения единения, мира и Всеобщего счастья, он будет более рад своему устранению, чем допуску, если ваш выбор падет на граждан, более способных достигнуть этой цели». В постскриптуме Буассель писал, что у него не осталось больше экземпляров «Катехизиса человеческого рода» и очень мало экземпляров других его работ, которые он просит однако принять.

Письмо Буасселя было официально доложено избирательному собранию Парижского департамента. В протоколе от 1 сентября 1791 г. мы читаем: «Один из помощников секретарей зачитал письмо, адресованное г-ну председателю от 30-го числа этого месяца г-ном Буасселем, бывшим адвокатом Парижского парламента, гражданином секции Пале-Рояль, имеющим право быть избранным, который просит включить его в список граждан кандидатов и просит собрание принять преподношение: 1. Речи против общественной кабалы. 2. Адреса полезным и истинным представителям французской нации относительно основ новой конституции. 3. Гражданского кодекса Франции или факела свободы, посвященного французской федерации»[41].

Итак, Буассель пытался выставить свою кандидатуру в Законодательное собрание, причем он выступал с совершенно определенной политической программой, изложенной в «Гражданском кодексе Франции» и в других произведениях, представленных им избирательному собранию Парижского департамента. В своем письме он специально указывал, что свою задачу как депутата видит в том, чтобы добиться необходимых мер для осуществления всеобщего счастья.

Сразу же после созыва Законодательного собрания, 11 октября 1791 г., Буассель обратился с письмом к Дипломатическому комитету, в котором разоблачал опасность контрреволюции, описывая подозрительное поведение короля, расправу реакционных офицеров с солдатами-патриотами, сосредоточение отрядов эмигрантов на границах и т.д. «Контрреволюция, — заключал он, — осуществляется в легальных формах, но ее готовятся завершить, пролив кровь добрых французов». Чтобы пресечь контрреволюцию, необходимо отменить вето и другие права, предоставленные королю.

В архиве Буасселя имеется много других черновиков, относящихся к концу 1791 — началу 1792 г., в которых он обосновывал право и обязанность второй легислатуры, т.е. Законодательного собрания, пересмотреть законодательство Учредительного собрания и установить во Франции подлинно новый строй, основанный на народном суверенитете. «Невозможно представить себе, — писал он, — более могучей и более превосходной конституции, чем конституция 24 миллионов людей, организованных в постоянное, единое и периодически обновляемое представительное собрание, состоящее из самых просвещенных, самых опытных лиц из числа свободных граждан, самых ревностных друзей человечества, непрерывно занимающихся изысканием средств, необходимых, чтобы осуществить великое дело мира и всеобщего счастья». Такова подлинная конституция, такова ее цель. Между тем Учредительное собрание объявило свое законодательство, созданный им образ правления конституционным, как будто бы эти законы должны были быть незыблемыми и не подлежащими изменению. «Это несовместимо с существующим порядком вещей, когда даже лучшие законы могут быть лишь паллиативами до того, как человеческий род возродится... Лишь тогда народы просвещенной Европы станут по-настоящему счастливыми и составят одну-единую семью». Вторая легислатура имеет поэтому право исправить, реформировать и изменить все то, что первая легислатура установила пагубного и несовместимого с благосостоянием нации. Новых представителей нации заставили принести клятву, что они не нарушат конституцию, утвержденную королем. Но ведь все легислатуры равноправны, депутаты второй легислатуры имеют такие же права, как и депутаты первой, и могут, следовательно, изменить законодательство, ею установленное[42].

Так, с осени 1791 г. Буассель развертывает кампанию за пересмотр принятой Учредительным собранием конституции. Пересмотр этот сводился, по существу, к требованию упразднения королевской власти и избирательного ценза, к ликвидации самих основ конституции 1791 г. И Буассель вновь и вновь связывал демократический образ правления с переходом к новому общественному строю, к коммунизму, к общественным порядкам, обеспечивающим всеобщее счастье.

В этом отношении характерно его новое обращение к Якобинскому клубу. Обращение это озаглавлено: «К друзьям конституции. По стоящему в порядке дня вопросу относительно эмигрантов». Вопрос об эмигрантах особенно обострился к началу ноября 1791 г. 9 ноября Законодательное собрание приняло специальный декрет, объявлявший эмигрантов, не вернувшихся до нового года во Францию, изменниками родины и предусматривавший целый ряд других направленных против них мероприятий. Вопрос об эмигрантах обсуждался и в Якобинском клубе. Именно к этому времени и относится, очевидно, выступление Буасселя. Вопрос об эмигрантах послужил, однако, для него лишь предлогом, чтобы вновь изложить перед якобинцами свою общественно-политическую программу. В своем обращении он снова подвергал резкой критике политический режим, установленный Учредительным собранием, благодаря которому Франция живет среди тревог и заговоров и находится больше, чем когда-либо, под угрозой контрреволюции. Пороки этого политического режима таковы, что если от не будут незамедлительно упразднены второй легислатурой, то Франция у скором времени будет вновь ввергнута в рабство, еще худшее, чем то, которое она сбросила. В своем ослеплении и в своих злых умыслах Учредительное собрание дошло до того, что смешало естественные и незыблемые права человека с правами граждан с целью поставить под защиту личность и владения самых заклятых врагов нации. «Да, господа, не без цели эта первая легислатура причислила к естественным и незыблемым правам человека... собственность ». Между тем собственность была установлена лишь гражданским кодексом. «Природа дала человеку лишь свойства, необходимые, чтобы обеспечивать свои физические нужды. Если бы существовал благотворный и истинный общественный договор, то он должен был бы ограничиться лишь совершенствованием этих естественных свойств социального человека в целях общего счастья, без установления собственности, которую природа отвергла, которая является бесполезной и установление которой явилось причиной всех несчастий человеческого рода». «Неоспоримой истиной является, что все члены общества образуют то, что мы называем общиной лиц (commune des personnes); поэтому неоспоримой истиной с еще большим основанием является то, что все земли Франции и их плоды, хотя и разделенные и принадлежащие гражданам-собственникам, образуют общину имуществ (commune des biens) французской нации или ее территорию, разделенную на 83 департамента». Поэтому граждане-собственники могут покидать страну, лишь получив соответствующее разрешение, и в том случае, если это не наносит никакого ущерба общине лиц и имуществ.

Вообще собственностью нельзя пользоваться в ущерб обществу. Нельзя больше терпеть заговоров и измен. В теперешних критических обстоятельствах Национальное собрание должно издать декрет, который временно запрещал бы под страхом смертной казни вывоз зерна, оружия, серебряных и золотых изделий. Оно должно также издать другой декрет о конфискации имуществ эмигрантов в пользу нации. Нужно затем очистить законодательство от всего несовместимого с правами человека и гражданина, что ставит конституцию в зависимость от короля и угрожает ввергнуть Францию в кабалу.

Мы видели, что еще в конце августа, представляя свои работы избирательному собранию Парижского департамента, Буассель указывал, что у него не осталось больше ни одного экземпляра «Катехизиса человеческого рода». Именно поэтому он и счел необходимым предпринять новое издание своего трактата. Второе издание «Катехизиса» вышло в свет в начале 1792 г.[43] Это не было простым воспроизведением текста 1789 г. Были добавлены различные новые материалы: стихотворное «Воззвание автора Катехизиса человеческого рода к своему ученику», обширное вступление (Discours preliminaire), а также различные приложения. Главное, однако, заключалось в том, что самый текст трактата был переработан и значительно расширен с добавлением новых глав. Если в первом разделе «Катехизиса» прежде было 13 глав, то теперь их стало уже 22. Некоторые главы были кардинально переработаны. Например, глава 12 первого издания «Об управлении в человеческих обществах» была заменена в новом издании главой 21 «Об управлении свободных народов, которое называют монархическим правительством, и о королевской власти». Некоторые главы (в частности глава 14 «О французской конституции и Национальном собрании», глава 15 «О законодательстве, режиме или французском правительстве», глава 16 «О политике правительства» и др.) были написаны дополнительно. В «Катехизисе» излагались теперь новые политические идеи Буасселя, сложившиеся после 1789 г. Он характеризовал королевскую власть как «самую опасную химеру, которую выдумали священники, чтобы удерживать людей в условиях продажного, человекоубийственного и антисоциального строя», и резко критиковал «заблуждения» Учредительного собрания, конституцию 1791 г. и установленный ею политический режим. «Вопрос о каждом институте, каждом законе, — писал он, — должен решаться, исходя из следующего положения: является ли этот закон хорошим или плохим для народа». Только так можно отличить друзей народа от его врагов. Исходя из этого критерия, следует признать, что исполнительная власть короля, право вето, цивильный лист «являются установлениями, с помощью которых декретировали контрреволюцию, лишив нацию ее власти и суверенитета»[44]. Франция «не является свободной: ее правительство более деспотично, чем когда-либо... ее первая легислатура... вместо того чтобы обуздать ярость врагов революции..., законодательствовала лишь для того, чтобы дать волю врагам свободы..., что угрожает Франции раздорами, конвульсиями, нескончаемыми междоусобными войнами, предвестником чего являются заговоры, избиения и беспорядки... Проверено, что восстание и анархия просвещенного народа предпочтительнее, чем плохое правление, до тех пор пока не будет существовать такое правление, при котором законы будут преследовать лишь цель поддерживать права социального человека и пресекать злоупотребления»[45].

19 февраля 1792 г. Буассель обратился с письмом на имя председателя Законодательного собрания; он просил Собрание принять преподношение второго издания «Катехизиса человеческого рода». Напомнив, что в свое время на эту работу сделал «донос» бывший епископ Клермонский, он писал: «Если просвещать народы о причинах их унижения и истребления, как и о средствах, чтобы предохранить их от этого и сделать счастливыми, является преступлением, то, признаюсь, что в настоящее время я являюсь более виновным, чем когда-либо, так как я изобличаю перед нацией в лице ее представителей, в двух адресах, приложенных к этой работе, декреты, которыми ее народ и ее сенат были проданы и выданы самым непримиримым внутренним и внешним врагам». Он просит поэтому незамедлительно доложить его работу Собранию, «чтобы спасение народа было объявлено первым из всех законов, чтобы исполнение этих пагубных декретов... было бы временно приостановлено... до того, как они будут пересмотрены и окончательно отменены Национальным Конвентом». Пока власть будет разделена, Национальное собрание вынуждено будет постоянно вести борьбу против внутренних и внешних врагов; народ готов объединиться вокруг своих представителей, но для этого нужно, чтобы те проявили твердость и мужество для завершения его освобождения от ига тиранов и обманщиков.

О судьбе своего обращения сам Буассель несколько месяцев спустя рассказывал следующее: «В этих обстоятельствах гражданин Буассель, трепеща перед бедами, которые угрожали родине изнутри и извне как неизбежное следствие пагубных декретов, доверивших охрану стада волкам, представил в начале этого года Законодательному собранию второе издание своего Катехизиса человеческого рода, прося, чтобы о нем был незамедлительно сделан доклад для спасения отечества, находившегося в опасности. Эта работа была отослана Комитету по образованию. Роковое молчание этого Комитета, а также слепота Законодательного собрания в отношении министерских измен побудили этого гражданина раздать в марте в Национальном

собрании адрес к нации, в котором излагались опасности, неминуемо угрожавшие родине, их причины и средства их предотвращения. Решено было сперва отправить этот адрес общественному обвинителю, затем он был отослан в Комитет законодательства, а последним — в Комитет двенадцати; автора же депутаты в самом Собрании... обозвали негодяем, и он был вынужден удалиться, чтобы избежать еще более скандальных посягательств».

В 1793 г. в списке произведений, представленных Буасселем Якобинскому клубу, под номером 5 действительно значится «печатный экземпляр его Адреса к нации, розданного в Законодательном собрании в то время, когда замышляли войну, чтобы вызвать контрреволюцию». В другом документе, написанном год спустя, Буассель говорит о двух адресах, представленных им весной 1792 г. «В эпоху, когда проектировали объявить войну, я роздал в Законодательном собрании два адреса, один о конституции... и другой о пагубном образе правления, установленном Учредительным собранием, за которыми следовал Крик отчаяния».

Рассказ Буасселя подтверждается следующими двумя записями в протоколах Законодательного собрания. В протоколе заседания от 19 февраля 1792 г. мы читаем: «Собрание, возобновив заседание, принимает решение упомянуть в протоколе и отослать в Комитет по народному образованию два произведения, само заглавие которых свидетельствует об их пользе и о просвещенном патриотизме их авторов». Одним из этих двух произведений был «Катехизис человеческого рода, написанный г. Буасселем» [46]. Законодательное собрание приняло, как видим, «Катехизис» вполне благосклонно как одну из многих «патриотических» книг, которые в то время столь часто преподносили национальному представительству и которые, как правило, попадали затем в Комитет по народному образованию.

Но не прошло и месяца, как разразился тот инцидент, который и описал впоследствии Буассель. 13 марта, сразу же после открытия заседания Законодательного собрания, один из секретарей зачитал ряд адресованных собранию писем. Среди них было «письмо г. Буасселя, который преподносит собранию 300 экземпляров своей другой работы, озаглавленной «Адрес к французской нации». Далее в протоколе было сказано следующее: «Собрание отсылает эту работу для рассмотрения в Комитет по законодательству»[47]. Протокол ограничивается этой краткой записью решения, принятого Законодательным собранием. Но, со слов Буасселя, мы знаем, какую бурю вызвало оглашение его письма, когда некоторые депутаты требовали даже предания его суду, обзывая его негодяем.

Чтобы понять причину столь бурного негодования «законодателей», достаточно ознакомиться с этим «Адресом» Буасселя. В каталоге Национальной библиотеки под его именем не значится никакого «Адреса к французской нации». Эту брошюру нам удалось разыскать среди анонимных брошюр[48], а также в Национальном архиве[49], в фонды которого она попала, поскольку была представлена Буасселем Законодательному собранию. Этот же «Адрес» помещен в виде приложения (с особой пагинацией) и во втором издании «Катехизиса человеческого рода». Но это был первоначальный вариант этого «Адреса» (число страниц 40 вместо 43).

«Адрес» Буасселя состоял фактически (как он сам упоминал впоследствии) из двух адресов: одного — о конституции и другого — о законодательстве. Буассель выступал в них против политического строя, установленного Учредительным собранием, а также против провозглашения собственности естественным правом человека. Он указывал, что Франция никогда не будет свободной, пока существуют эти новые цепи, выкованные вместо старых. Осуждая в самых резких выражениях Мирабо, Шапелье, Дандрэ, Ламета, Барнава и им подобных, клеймя «министерские, аристократические, фельянские интриги», он заявлял, что нация была предана и продана. Несчастный народ был мистифицирован, связан по рукам и ногам, подвергнут избиению в Ниме, Нанси, Монтабане, Авиньоне и в Париже на Марсовом поле. К сожалению, народ не сделал ни малейшего движения; если бы он затрубил в рог, то его подлые хулители не смогли бы вновь погрузить его в бездну. В настоящее время государство находится под угрозой «самой пагубной контрреволюции и самой кровавой и, быть может, нескончаемой войны». Если вспыхнет война, то положение еще более ухудшится, так как исполнительная власть будет вести ее только в своих интересах.

В 14 подробных пунктах Буассель излагал всю свою общественно-политическую программу, вновь связывая ее с конечной целью — ликвидацией противоестественных институтов, в условиях которых до сих пор жил весь человеческий род, «за исключением диких народов». Мы не станем здесь снова излагать эту программу. Отметим лишь новые интересные моменты, которые мы впервые встречаем в этом «Адресе». Настаивая, чтобы все гражданские, муниципальные, военные и финансовые должности были выборными и зависели от воли народа, Буассель теперь решительно требовал устранения «со всех общественных должностей» всех лиц, прямо или косвенно связанных со старым режимом. В то же время он обосновывал право народа отзывать депутатов, являющихся лишь подотчетными ему уполномоченными. «Было бы роковой ошибкой для свободы полагать, что народ не может произвести очистительное голосование (un scrutin epuratoire) в каждом департаменте в отношении своих депутатов в Национальном собрании, если общественное мнение и признанные патриоты выступят против них и обвинят их в нецивизме;

депутаты являются лишь служащими и уполномоченными народа, осуществляющими его законодательную власть, которых он может отзывать ad nutum. когда они становятся подозрительными». В этой связи Буассель прямо указывал, что Законодательное собрание как раз и нуждается в такой чистке и в «подкреплении», т.е. в замене части депутатов новыми, способными оправдать доверие и надежды нации. Более того. Он высказывался за прямой контроль народа над деятельностью Национального собрания, департаментских властей, муниципалитетов, всех административных и судебных органов. «Я добавлю, наконец, — писал он, — что в больших городах и местечках, где существуют патриотические или народные общества, должно быть дозволено каждому из этих обществ посылать ежедневно для наблюдения комиссаров в судебные и административные органы, чтобы быть свидетелями всех обсуждений и предавать гласности все, что произошло там хорошего или плохого..., так как ничего не должно происходить тайно ни в директориях департаментов и дистриктов, ни в муниципалитетах, ни в советах коммун, ни в судебных трибуналах..., ни на заседаниях представителей нации, ни в их комитетах: народ должен быть информирован обо всем, выслушан и удовлетворен в отношении всего; без этого нег никакой свободы, никакого равенства, никакого спокойствия, никакого единства, никакой истинной и хорошей конституции, никакого спасительного правления». Буассель подчеркивал особую роль и ответственность народа Парижа. Париж сделал революцию. Лишь Париж может быть осведомленным о происках врагов свободы и равенства, может предотвратить бедствия и принять необходимые меры для спасения революции. Париж не имел возможности проконсультироваться со всей страной, прежде чем взять Бастилию и сокрушить аристократический деспотизм; его нельзя будет поэтому осуждать, если и теперь каким бы то ни было способом он низвергнет министерский деспотизм.

К этим адресам было приложено стихотворное обращение к депутатам Законодательного собрания под названием «Крик отчаяния», в котором Буассель столь же резко критиковал режим конституционной монархии. Он призывал депутатов спасти Францию, разоблачить политику тиранов, не поддаваться слабости и не идти на поводу у правительства. Он недвусмысленно призывал к свержению монархии и угрожал Законодательному собранию восстанием народа. «Уполномоченные народа — писал он — если то, что вы делаете, наносит ущерб правам народа, сковывает его власть, то его спасение состоит в его отчаянии; не он, а вы раздуваете пламя анархии; не он, а вы губите родину; и если в своей ярости он вас сокрушит, то в этом будут повинны ваши посягательства». В особом примечании Буассель требовал, чтобы первичные собрания всех парижских секций высказались за отзыв депутатов и за приостановление действия декретов Учредительного собрания (т.е. конституции 1791 г.) «до того, как эти декреты будут окончательно и как можно скорее отменены Национальным Конвентом».

Нетрудно понять, почему подобное смелое революционное обращение было встречено в Законодательном собрании в штыки и чуть было не привело Буасселя на скамью подсудимых.

Буассель, однако, не думал сдаваться. После начала войны, которую безуспешно пытались предотвратить Робеспьер и другие левые якобинцы (среди которых, как видим, был и Буассель), обстановка во Франции еще более накалилась и политический кризис еще более усилился. 27 мая Буассель обратился с письмом на имя председателя Якобинского клуба. «Я молю вас, — писал он, — донести на меня Обществу друзей конституции, что я упрекал первую сессию Национального собрания (т.е. Учредительное собрание. — *А.И.*) в декретировании контрреволюции, которая и осуществлялась бы, не будь народных обществ, что и является причиной всей клеветы и даже войны, которую покойный император по подстрекательству австрийского комитета объявил именно якобинцам. Я молю вас также донести на меня... что я всесторонне показал в адресе, который я роздал в Национальном собрании в количестве 300 экземпляров, что единственные и истинные причины всех маневров, несчастий, волнений, расколов, измен, заговоров, как прошлых, так теперешних и будущих, как внутри, так и вне французского государства, коренятся в конституционном акте; что единственные верные средства для устранения этих пагубных причин указаны в моем адресе, причем я просил вас в своем письме, которое должно было быть зачитано в Обществе, чтобы одному из членов каждой секции столицы было предложено взять экземпляр этого адреса в секретариате, дабы зачитать и обсудить его на общих собраниях Я вас молю также, г-н председатель, донести на меня Обществу, что я посмел сказать, что все меры, которые принимали до сих пор..., были недостаточными, что обрушивались лишь на следствия и вели войну лишь против лиц, что нельзя устранить следствия, не устраняя причин, нельзя принудить аристократов превратиться в демократов. Я молю вас также донести на меня, что я осмелился сказать, что не нужно падать ниц перед конституционным актом, как рабы Магомета падают ниц перед кораном...» Достаточно того, что до сих пор повиновались и вес еще повинуются пагубным законам. Нельзя молчать ни о них, ни о наиболее эффективных и быстрых средствах, необходимых для их упразднения.

Письмо это еще раз показывает, с какой революционной страстностью Буассель выступал против монархической конституции. Он пытался, как видим, распространять свой «адрес» и через Якобинский клуб, с тем чтобы адрес этот был обсужден на общих собраниях всех парижских

секций. Буассель стремился, таким образом, прямо апеллировать к народу, призывая к низвержению монархии для спасения страны от внутренней и внешней контрреволюции.

Интересно и письмо Буасселя Дюмурье, написанное в середине июня 1792 г.[50], в дни, когда обстановка во Франции еще более обострилась, в связи с отказом короля санкционировать декреты о неприсягнувших священниках и лагере федератов. «Все санкюлоты, — писал он, — убеждены, что король использовал предоставленные ему права... лишь для того, чтобы осуществить контрреволюцию и утопить конституцию в крови санкюлотов». Указывая на сильное возмущение, вызванное «тем, что произошло теперь», он заявлял, что «совершенно не было бы удивительным, если бы в любой момент возобновились кровавые сцены 14 июля и 5—6 октября 1789 года». Многие лица говорят ему о необходимости расправиться с королем и королевой ради блага родины. Конечно, нет надобности убивать врагов, когда можно их обезоружить. К тому же виновны в первую очередь контрреволюционеры так называемого Учредительного собрания. Нужно отменить их контрреволюционные декреты. Буассель вновь требовал, таким образом, немедленной отмены конституции 1791 г., считая в противном случае неизбежным новое восстание народа. Весьма знаменательно, что в этом письме он говорил уже о санкюлотах, от имени которых в дальнейшем постоянно выступал.

В июле, после объявления отечества в опасности, Буассель еще раз обратился к Законодательному собранию с очень резким письмом. «Законодатели, вы объявили отечество в опасности, не указывая ни на причины этого, ни на виновников, ни на средства для его спасения». Причины кроются в конституционном акте, виновниками являются члены первой легислатуры, предоставившие королю такую власть, сам король, его агенты, все аристократы, священники и все деспоты Европы. «Отнимите у короля всю власть; пусть бывшие дворяне не имеют никакого влияния на государство ни изнутри, ни извне, пусть меч закона обрушится на всех предателей, пусть вся Франция вооружится против деспотов и водрузит над всеми нациями знамя свободы, равенства, братства — тогда отечество будет спасено».

Но Законодательное собрание не решалось порвать с монархией. Вскоре разразилось новое народное восстание, предсказанное Буасселем еще в июне.

VII

Народное восстание 10 августа 1792 г., низвергнувшее монархию, застало Буасселя на боевом посту. «Я был после 10 августа назначен без голосования комиссаром Коммуны», — писал он несколько недель спустя. Революционная коммуна, первоначально состоявшая из 89 комиссаров от 28 парижских секций и руководившая восстанием 10 августа, пополнилась в последующие дни новыми членами, доведя свой состав до 288 человек — по 6 представителей от каждой секции Парижа. В числе их был и Буассель, назначенный своей секцией Пале-Рояль, принявшей вскоре название секции Мельничного холма[51].[****]

Буассель вошел в состав Коммуны как один из революционных демократов, группировавшихся вокруг Робеспьера, игравших в новой Коммуне руководящую роль и противостоявших жирондистам, захватившим в свои руки Законодательное собрание и Временный исполнительный совет. С самого начала разногласий между якобинцами и жирондистами Буассель решительно и бесповоротно стал на сторону первых и принял самое активное участие в политической борьбе.

О его непосредственном участии в происходивших в эти дни событиях свидетельствует, например, следующий его рассказ. «Через несколько дней после 10 августа Робеспьер разоблачил в Парижской коммуне Комиссию двенадцати Законодательного собрания. Он предложил отправить этому Собранию адрес от имени Коммуны с указанием на опасность дальнейшего существования комиссии, которая показала себя более чем подозрительной... Это оказалось достаточным, чтобы вооружить против Робеспьера и против Парижской коммуны членов этой комиссии. В то же самое время редактор «Французского патриота» Бриссо изложил в своем листке одно постановление Коммуны так, чтобы представить перед всеми департаментами Генеральный совет Коммуны в смешном виде. Известно, что этот редактор был приглашен дать объяснения. Он ответил дерзко. Известно, что после его ответа Генеральный совет издал постановление о его приводе. Те, кому было поручено выполнить это постановление, ответили, что редактор вышел и находится в военном министерстве. Известно, что он не был в военном министерстве, а что он спрятался в Национальном собрании. Комиссары Коммуны отправились со своим эскортом в военное министерство и закрыли оттуда все выходы. Министр (Серван. — *А.И.*), которого, как говорят, Бриссо до этого посетил, тут же предложил ему написать жалобу Национальному собранию, чтение которой происходило в моем присутствии. Все стали вопить против Коммуны, а получивший слово депутат Гадэ, видя, что Собрание готово перейти к голосованию, вынул из кармана проект декрета, который отменял постановление Коммуны, даже

А. Р. ИОАННИСЯН

[****] О событиях 10 августа, воспоминания и протоколы: **http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm**. О секциях: Я.Захер, «Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация» (**http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_paris.htm**).

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

не заслушав ее. Я находился тогда рядом с превосходным патриотом, который, как и я, пожимал плечами, видя все эти уловки. Адрес Робеспьера не был принят. Вот факты, которым я был свидетелем».

В папке 4390^{A} серии F^{7} Национального архива, где хранятся различного рода протоколы и акты, относящиеся к августу 1792 г., имеется ряд документов, подписанных, в числе прочих лиц, и Буасселем. Из них мы узнаем, что Буассель участвовал в эти дни, как представитель Парижской Коммуны, в различных обысках, опечатании бумаг и допросе арестованных контрреволюционеров. Так, 14 августа он подписал протокол допроса в тюрьме Аббатства бывшего «администратора цивильного листа» Лапорта[52].

После низвержения монархии Буассель послал новое обращение на имя председателя Законодательного собрания. Описав свою деятельность с начала революции, напомнив о том, как он представил Собранию «Катехизис человеческого рода» и «Адрес к нации», встреченный столь враждебно, он требовал теперь, после дня 10 августа, спасшего Францию, рассмотрения этих обеих работ. Он указывал, что напрасно были низвергнуты трон и аксессуары тирании, если незамедлительно не будут приняты меры, чтобы закрепить столь прекрасную революцию. В ряде пунктов он формулировал следующие политические требования: чтобы единственным королем был сам французский народ, организованный в представительное собрание; чтобы национальная власть пребывала лишь в законе; чтобы слово «субординация» выражало лишь обязанность подчиняться закону, а не лицам; чтобы любой член Национального собрания, высказывающий мнение или предлагающий декрет, противный правам человека и гражданина, свободе и равенству, был в первый раз призван к порядку, а во второй раз — изобличен перед избирателями и отозван ими.

Большие упования возлагал Буассель на Национальный Конвент, который, писал он, «при теперешних обстоятельствах должен быть единодушен во мнениях относительно средств, необходимых для осуществления великого дела мира и всеобщего счастья». Среди его бумаг имеется «Обращение к избирателям», помеченное «IV годом свободы и I годом равенства». Следовательно, это обращение было написано в сентябре 1792 г. в период выборов в Конвент. Заявляя, что в «Катехизисе человеческого рода» он покачал, что «все человеческие институты, установленные обманщиками и тиранами, были противны природе и порождали лишь противоестественные результаты, как это можно видеть еще и в настоящее время», Буассель указывал, что «недостаточно освободить человеческий род от ига лжи и тирании, непрестанно бороться путем репрессивных законов против привычки к институтам, вводившим в заблуждение и губившим людей, и за установление лучшего порядка вещей, но необходимо также ввести систему национального воспитания, чтобы каждый человек, способный к этому, усвоил знание этого лучшего порядка, его применение, любовь и привычку к нему». В ожидании этого необходимо, чтобы вся Франция вооружилась для победы над тиранами и обманщиками.

Буассель не ограничился изложением перед избирателями своей коммунистической программы. Одновременно он предпринял попытку выдвинуть свою кандидатуру в депутаты Конвента. Об этом свидетельствуют два его обращения, сохранившиеся в делах Парижского избирательного собрания[53]. В одном из них, на имя председателя собрания, он сообщал, что переслал 12 экземпляров «Катехизиса человеческого рода» и 12 экземпляров своего «Адреса к французской нации» вместе с письмом к избирательному собранию (очевидно, тем самым, копия которого сохранилась в его архиве). Он просил вручить экземпляры его «Катехизиса» и «Адреса» ряду выборщиков, в том числе Робеспьеру, Колло д'Эрбуа, Петиону, Шометту, Билло-Варенну, с тем чтобы они доложили о них собранию, дабы решить, может ли он быть с пользой «призван в Конвент». В другом обращении (от 19 сентября 1792 г.) на имя председателя Буассель писал: «Я завершаю выполнение своего долга перед родиной, прося сделать доклад, который может быть сделан или вами, или гражданами Робеспьером, Петионом и другими членами избирательного собрания, обещавшими рассмотреть второе здание «Катехизиса человеческого рода», как и мой «Адрес к нации». Если гражданин Робеспьер согласится зачитать очень короткий мемуар, который я ему позавчера передал, то этого будет достаточно, чтобы дать избирательному собранию возможность решить, могу ли я или нет быть с пользой призван в Конвент».

Сразу же после открытия Конвента Буассель преподнес ему второе издание «Катехизиса человеческого рода». В одной из препроводительных бумаг он просил Конвент принять 400 экземпляров его произведения, хотя, писал он, представление этого произведения сперва Учредительному, а затем Законодательному собранию и обернулось против автора. Он указывал, однако, что «в настоящее время, когда в порядке дня — триумф демократии, необходимо, чтобы представители народа, непосредственно обязанные содействовать этому триумфу своими знаниями и своей любовью к человечеству, прониклись принципами, содержащимися в работе, цель которой разрешить важнейшую проблему цивилизации — сделать, согласно пожеланию Жан-Жака, из французов народ богов и дать пример всему земному шару». В другом обращении (или варианте первого обращения) Буассель писал, что «в настоящее время, когда на повестке дня — установление истинного социального порядка», он представляет Национальному Конвенту 400

экземпляров «Катехизиса человеческого рода» — произведения, имеющего цель разрешить великую проблему цивилизации — связать людей так, чтобы сделать их счастливыми с помощью друг друга. Поэтому необходимо, чтобы те, кто должен содействовать установлению нового порядка, ознакомились с этой работой и прониклись ее принципами.

К этому времени относится, по-видимому, и следующий проект «Резолюции» (Motion), сохранившийся среди его бумаг: «Национальное собрание и все свободные французы дали клятву быть верными нации, поддерживать свободу и равенство или умереть на своем посту. Тираны и обманщики изгнаны. Французская нация, следовательно, не может более медлить с провозглашением времени и способа своего возрождения, которое навсегда утвердит ее новый порядок вещей и ее внутренние и внешние отношения». Буассель был твердо убежден, что, наконец, настало время такого возрождения.

Осенью 1792 г. Буассель принимал активное участие в деятельности своей секции Мельничного холма и в выступлениях парижских секций. С этого времени он становится одним из активных участников всех секционных движений в Париже.

Среди его бумаг имеется текст написанного им обращения к Конвенту от имени 48 секций Парижа, посвященного сентябрьским событиям, которые являлись в то время предлогом для ожесточенных нападок жирондистов на якобинцев, Парижскую Коммуну и секции. Сентябрьские дни, говорилось в обращении, — «грустные, но бесконечно более спасительные, более справедливые, более политичные и менее ужасные дни, чем те, когда лилась кровь наших самых храбрых сограждан в Ниме, Нанси, Монтабане, Авиньоне, на Марсовом поле, в Тюильри, а также на границах для спасения родины. Неужели кровь негодяев, бесчестивших родину, продававших ее, грабивших, моривших голодом, душивших, только и достойна вашего сожаления? Неужели кровь храбрых граждан, пожертвовавших всем для родины, спасших ее, достойна лишь вашего презрения и вашего гнева?» До созыва Конвента французский народ «находился в состоянии восстания» и имел право действовать по своему усмотрению для спасения родины, объявленной в опасности. Европейские деспоты, объединившиеся против Франции, и сейчас имеют на всей территории республики, а также в Париже своих эмиссаров, чтобы разделять, разорять, морить голодом и истреблять народ, эмиссаров, которых народ должен уничтожить вместе со всеми «политическими мошенниками».

6 октября 1792 г. Буассель направил на имя председателя Конвента протест против принятого накануне Конвентом декрета о тайном голосовании на первичных собраниях секций[54]. Буассель указывал, что это постановление является покушением на суверенитет народа. Нужно предоставить собраниям возможность самим решать, как производить голосование — тайно или открыто. Следует принять во внимание, что многие избиратели не умеют писать и что при теперешних обстоятельствах тайное голосование в Париже может быть неуместным. Это выступление Буасселя против инспирированного жирондистами постановления Конвента, ущемлявшего права секций, показывает, сколь активно защищал он права революционной демократии Парижа.

В конце декабря 1792 г. или в начале января 1793 г., когда жирондисты пытались убедить Конвент поставить приговор Людовику XVI на всенародное голосование, Буассель написал проект нового обращения к Конвенту от имени парижских секций. В нем выдвигались обвинения против министра внутренних дел Ролана и осуждалось предложение его «слепых сторонников» об обращении к народу по вопросу о судьбе бывшего короля. Секции Парижа, говорилось там, заявляют, что «они возлагают на Национальный Конвент ответственность за бесчисленное зло, которое его терпимость к вероломным маневрам министра внутренних дел и к предложениям об обращении к народу по вопросу о приговоре королю уже причинила и может еще причинить государству».

Другой ареной политической деятельности Буасселя был Якобинский клуб, из которого в октябре 1792 г. были изгнаны главари жирондистов и который к тому времени превратился в политический центр революционной демократии. Он неоднократно выступал в Якобинском клубе по самым различным вопросам, принимал участие в полемике, вносил различные предложения, писал от имени клуба разные обращения. Одно из таких обращений Буасселя — открытое письмо Бюзо, осуждавшее предложение жирондистов о создании департаментской стражи для охраны Конвента, — было даже в октябре 1792 г. напечатано по постановлению Якобинского клуба[55].

В протоколах Якобинского клуба зафиксированы также следующие выступления Буасселя. 29 октября 1792 г. он в своей речи возложил вину за «теперешние раздоры» на бывших членов Учредительного и Законодательного собраний, заседающих в Конвенте, т.е. на жирондистов, и предложил отправить адрес департаментам, чтобы ознакомить их с происходящими событиями[56]. 5 декабря он предложил внести некоторые изменения в текст «Марсельезы»[57]. 4 января 1793 г. выступил с резкой речью против жирондистов, в частности, против «бесчестных» Гадэ, Верньо и Жансонне, требуя их сурового наказания[58]. 9 января вместе с Робеспьером предложил редакционные поправки к обращению, адресованному народным обществам — филиалам клуба[59]. 16 января Буассель доложил в клубе о том, что произошло на заседании Конвента[60], где, как

известно, началось в этот день поименное голосование о наказании Людовика XVI, в результате которого бывший король был приговорен к смертной казни. 25 февраля в связи с обсуждением вопроса о сентябрьских событиях Буассель выступил со следующим предложением: «Я предлагаю заявить, что самый большой упрек, который можно сделать этим дням, это то, что они остались незавершенными». Эти слова (кстати, аналогичное утверждение мы находим и в его рукописях) вызвали, как указано в протоколе, «ропот»[61].

По мере обострения борьбы с жирондистами Буассель все более резко выступал против них и в Якобинском клубе. Такой характер носило его выступление 5 апреля 1793 г. 29 апреля он предложил собрать все адреса, требующие отзыва жирондистских депутатов, отпечатать и вывесить их для всеобщего сведения. Было принято постановление поручить трем комиссарам (в том числе Буасселю) составить сводку этих адресов и петиций для оглашения в Конвенте[62].

К тому времени Буассель занимал уже в Якобинском клубе видное положение. Из обращения, написанного от имени Якобинского клуба 22 ноября 1792 г. и сохранившегося в его архиве, видно, что Буассель исполнял в те дни обязанности вице-председателя (председатели и вице-председатели клуба избирались, как известно, на короткий срок и часто менялись). Вскоре Буассель был избран архивариусом клуба или, точнее, «председателем Комитета архивов». Как видно из протокола заседания клуба от 14 декабря 1792 г., он имел на этой почве резкое столкновение с людьми из «клики Ролана» и с бывшим архивариусом Дюфурни, унесшем даже ключи от архивов[63].

Фигура нового архивариуса Якобинского клуба была уже столь заметной, его выступления против жирондистов, его непримиримая революционность и его коммунистические воззрения столь известны, что политические враги не могли, разумеется, его игнорировать. Жирондисты тем более были склонны в своей борьбе против якобинцев привлечь к нему внимание, что это давало им возможность, используя его взгляды, подкрепить обвинение якобинцев во враждебном отношении к собственности, что являлось одним из основных козырей в их политической игре. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что такой видный жирондист, как Ланжюине, говоря о Якобинском клубе, среди наиболее примечательных лиц, играющих в нем видную роль, называл «ревностного брата Буасселя, великого автора «Катехизиса человеческого рода», большого тома in octavio, выдержавшего уже второе издание, где путем вопросов и ответов доказывается всем братьям и сестрам по якобинству, что бог, собственность и брак являются тремя бичами, которые все добрые граждане должны стремиться уничтожить для того, чтобы быть действительно свободными и счастливыми»[64].

В январе 1793 г. в театре Нации (бывшем театре Французской комедии) была поставлена приобретшая печальную известность пьеса Лайа «Друг законов». Эта злобная сатира была направлена против якобинцев и революционной демократии. Пьеса эта вызвала бурные демонстрации и протесты и явилась, как известно, одной из главных причин закрытия театра Нации и ареста его труппы. В пьесе Лайа осмеивались многие якобинские деятели. Среди них мы находим и некоего Плавта (Plaude), по ходу действия вручающего одной из положительных героинь пьесы свою книгу. «Вот моя новая диссертация, — заявляет он,— как я смею надеяться, мадам, она будет иметь некоторое влияние; она должна поставить Францию, для ее же великого блага, вверх дном». Он нашел причину всех зол: их единственным источником является собственность. Далее он так излагает содержание своего трактата: «Из собственности вытекают длинными потоками пороки, мерзости и все бедствия. Без собственности нет больше воров, без нее, как можно легко заключить, нет больше наказаний. Нет больше скупых, так как имущество не могут приобретать; нет больше интриганов, так как нет погони за должностями; нет больше распутников, так как женщина, приветливая и милейшая, принадлежит всем и не принадлежит никому; нет также игроков, так как при моем методе упраздняются все фабриканты карт и игральных костей. Итак, я говорю: если зло рождается от обладания, следовательно, ничем не обладать — верное средство от зла. Стены, двери и запоры, мы все это разрушим, так как в них не будет больше надобности, как только достигнут этого. Собственность была лишь фальшивым благом, а кроме того, как только допускают богача, появляется и бедняк. В вашей республике бедняк по глупости просит у богача! Это заблуждение. В моей республике он берет у него. Все является общим: воровство больше не воровство, это справедливость. Я упраздняю добродетель, чтобы лучше покончить с пороком»[65].

Нам кажется, есть все основания полагать, что в лице этого Плавта в пьесе Лайа выведен не кто иной, как Буассель. Среди активных деятелей Якобинского клуба не было, кроме него, никого другого, кто бы открыто выступал против частной собственности и пропагандировал коммунистические идеалы. В пьесе речь идет о его книге, его «диссертации», что вполне подходит к «Катехизису человеческого рода», второе издание которого вышло незадолго до этого и который Буассель усиленно пропагандировал и распространял. Изложение содержания этой «диссертации», при всей пародийности этого злобного пасквиля, совпадает с основными идеями и рассуждениями теоретического трактата Буасселя. Об этом свидетельствует даже злостно-карикатурное «обоснование» общности женщин. Ведь Буассель в своем трактате резко осуждал

существующую систему брака, связывая ее с системой частной собственности, и требовал ее упразднения. Неудивительно, что его враги не могли не воспользоваться этим для вящей дискредитации его идей и изображения противников частной собственности как поборников общности женщин. Наконец, косвенным свидетельством верности этого предположения является и то, что сам Буассель три месяца спустя обвинял жирондистов, в первую очередь министра внутренних дел Ролана, в поощрении «контрреволюционных спектаклей», под которыми он, бесспорно, в первую очередь подразумевал наделавшего такой шум «Друга законов» Лайа.

Буассель между тем не думал скрывать свои коммунистические убеждения, а, наоборот, все более настойчиво их пропагандировал. Обсуждение стоявшего в порядке дня вопроса о политическом устройстве Французской республики дало ему для этого новый повод.

Сохранившийся в его архиве документ — вызов на заседание Комитета по конституции Якобинского клуба, назначенное на 21 февраля 1793 г. для представления клубу «плана конституции», — свидетельствует, что он был членом этого комитета, созданного Якобинским клубом в момент, когда в Конвенте готовилось обсуждение нового основного закона. Что Буассель принимал активное участие в обсуждении вопроса о новом государственном строе, видно из протокола заседания Якобинского клуба от 17 февраля 1793 г., в котором упомянуто, что в этот день Буассель выступил в клубе по вопросу о проекте конституции, представленной Конституционным комитетом Конвенту 15—16 февраля[66]. К сожалению, содержание его выступления в протоколе не приводится. Но поскольку Буассель выступил непосредственно после Кутона, говорившего специально по вопросу о Декларации прав человека и гражданина, то очевидно, что суть выступления Буасселя резюмирована в сохранившейся среди его бумаг «Декларации прав человека». В конце этого документа, им подписанного, имеется следующее примечание: «Я отмечаю, что проект Декларации Кутона является лишь видоизменением старого порядка вещей и что он освящает заинтересованность присваивать лишь себе вместо того, чтобы присваивало только государство (chose publique), а этого не должно быть; нужно, чтобы эта заинтересованность была подавлена; она может быть подавлена лишь путем воспитания в принципах социального искусства, изложенных выше». Сама декларация, состоящая из 13 статей, вновь излагала основные положения и коммунистические идеалы Буасселя. В ней провозглашалось, что «все люди рождаются с равными правами на блага природы», что «социальный человек рожден, чтобы работать для счастья себе подобных», что каждый человек должен всецело предоставлять себя в распоряжение общества, а все члены общества должны его поддерживать. «Таким путем личное счастье будет необходимым и непреложным результатом общего счастья».

10 апреля 1793 г. Конвент принял решение приступить к обсуждению проекта конституции. Это побудило Якобинский клуб вновь заняться рассмотрением конституционных вопросов. 21 апреля Робеспьер зачитал там свой проект Декларации прав человека и гражданина, который решено было опубликовать от имени клуба. На следующий день, 22 апреля, в прениях выступил Буассель.

Об этом его выступлении лишь кратко упоминается в протоколе заседания, опубликованном Оларом, но более детально — в протоколе того же заседания, опубликованном в свое время в «Парламентской истории Французской революции» Бюше и Ру, на который впервые обратил внимание реакционный автор «Истории коммунизма» Сюдр[67], а вслед за ним — Грюнберг и Жорес. Согласно этой протокольной записи, Буассель заявил следующее: «Робеспьер зачитал вам вчера Декларацию прав человека, а я вам зачитаю Декларацию прав санкюлотов. «Санкюлоты Французской республики признают, что все их права проистекают из природы и что все законы, ей противоречащие, вовсе не являются обязательными; естественные права санкюлотов заключаются в способности воспроизводить себя» (шум и взрывы смеха). Оратор продолжает: «одеваться и питаться. 1. Их естественные права состоят в пользовании благами земли, нашей общей матери, 2. в сопротивлении угнетению, 3. в неизменной решимости признавать зависимость только от природы или Верховного существа. Санкюлоты признают, что общество установлено лишь для обеспечения безопасности более слабого от более сильного. Санкюлоты признают, что лучшее правительство то, которое наиболее эффективно борется против врагов республики, и что правительство, которое надлежит установить, может быть лишь временным революционным правительством»[68].

В архиве Буасселя сохранился, однако, полный текст этой Декларации, зачитанной им 22 апреля 1793 г. на заседании Якобинского клуба. Она озаглавлена: «Декларация естественных и политических прав человека отца Жерара». Как увидим ниже, «человек отца Жерара», по терминологии Буасселя,— это санкюлот. Поэтому в своем выступлении в Якобинском клубе он и заявил, что зачитает «Декларацию прав санкюлотов». Декларация эта состоит из десяти параграфов. Приведенная выше протокольная запись кратко (и не совсем точно) излагает содержание лишь первых четырех и последних двух параграфов. В своей Декларации Буассель не только перечислял признаваемые санкюлотами естественные и политические права, но осуждал весь существующий общественный строй и провозглашал задачей временного революционного

правительства построение нового коммунистического общества. «Человек отца Жерара признает, что институты, законы и мнения, первоначально установленные обманщиками и тиранами, противоестественны, порождали и теперь порождают даже у самых просвещенных народов лишь противоестественные результаты и являются причиной всех несчастий человеческого рода. Привычка, которую люди приобрели к этим противоестественным институтам, законам и мнениям, является в настоящее время главным препятствием к установлению в течение жизни текущего поколения царства правды, свободы, равенства и братства... Человек отца Жерара признает, что в течение жизни текущего поколения наилучшей конституцией или формой правления будет та, которая наиболее успешно будет бороться против пороков, проистекающих из этой привычки к старому порядку вещей, т.е. против врагов Французской революции. Эта конституция или форма правления может быть лишь временной и революционной, до той поры, как посредством республиканского и возрождающего воспитания все люди, на то способные, не познают институты, законы и мнения, сообразные с природой, не усвоят их применение, любовь и привычку к ним, с целью стать и оставаться счастливыми с помощью друг друга». В заключении этой «Декларации» имеется следующий постскриптум, также зачитанный, несомненно, Буасселем во время его выступления в Якобинском клубе: «Эта политическая конституция или временная и революционная форма правления, эти институты, законы и мнения, знание и применение которых, любовь и привычка к которым необходимы, чтобы осуществить Счастье человеческого рода, изложены в произведении, озаглавленном Беседы отца Жерара, тираж которого еще весь находится у издателя и которое автор преподносит Обществу».

Хотя выступление Буасселя прерывалось шумом и смехом, Якобинский клуб все же принял 3 мая постановление разослать его новое произведение всем своим филиалам. Более того. За подписью председателя клуба был разослан специальный печатный циркуляр[69], извещавший все провинциальные общества, что, во избежание происков «роландистов, бриссотинцев, жирондистов», перехватывающих корреспонденцию клуба, работа Буасселя высылается автором в каждый из департаментских центров по адресу одного из членов Якобинского клуба, для того чтобы последний передал по одному экземпляру всем местным обществам.

Якобинский клуб содействовал столь широкому распространению книги Буасселя, поскольку она являлась боевым политическим памфлетом против жирондистов, крайне актуальным в момент решающей борьбы против «роландистов и бриссотинцев». Но ее основным содержанием, как правильно указывал сам Буассель в своем выступлении от 22 апреля, было изложение его общественно-политических взглядов, кратко сформулированных в зачитанной им «Декларации». К рассмотрению этого нового трактата Буасселя, в котором он в развернутой форме изложил свою общественно-политическую программу в том виде, как она окончательно сложилась у него к весне 1793 г., мы теперь и переходим.

VIII

Полное название нового произведения Буасселя гласило: «Беседы отца Жерара о политической конституции и революционном правительстве французского народа» [70]. Работу эту Буассель писал с конца 1792 г. по апрель 1793 г. Это можно установить по тексту самих бесед. В первой беседе упоминается о процессе над Людовиком XVI, как о процессе, еще не законченном; в дальнейшем говорится уже о казни бывшего короля и убийстве Мишеля Лепелетье; наконец, в конце приводятся сведения о событиях весны 1793 г., в частности, об измене Дюмурье и, наконец, на последней странице имеется дата: Париж, 6 апреля 1793.— год II Французской республики».

Книга размером в 189 страниц состоит из четырех бесед. Первая беседа посвящена вопросу; «Что такое конституция, что такое правительство»; вторая озаглавлена: «Чем является и чем должен быть Национальный Конвент»; в третьей говорится «о Французской республике и ее организации», наконец, в четвертой излагается проект новой, республиканской конституции. Беседы ведутся между отцом Жераром и рядом «граждан земледельцев». В них принимает участие и местный кюре. По ходу действия к ним присоединяется новая группа граждан земледельцев и рабочих санкюлотов (une troupe de citoyens laboureurs et de manouvriers sans-culottes) . Во время бесед отец Жерар разъясняет текущие политические события и излагает свои идеи по затронутым вопросам, с которыми его собеседники полностью соглашаются, подкрепляя их новыми аргументами. В конце зачитывается проект новой конституции, который получает полное одобрение со стороны всех присутствующих санкюлотов. Книге предпослан эпиграф: «Истина, свобода, равенство. Единство принципа, единство образования, единство действия. Единство закона, мер и весов. Жить свободными или умереть». Она заканчивается лозунгом: «Да здравствуют санкюлоты».

Подробный обзор положения Французской республики и текущих политических событий, который мы находим в этой работе, еще раз характеризует Буасселя как пламенного революционера, непреклонного якобинца, непримиримого врага жирондистов. После начала революции, отмечает он, Франция сделала значительный шаг в направлении свободы и равенства, упразднив духовенство, дворянство, парламенты, финансистов, со всеми их привилегиями, провозгласив права человека и гражданина. Но «интриганы так называемого

Учредительного собрания» разработали конституцию, согласно которой французский народ доверял защиту своих прав классу людей, наиболее заинтересованному в их уничтожении. Хотя Учредительное собрание на словах и признавало суверенитет народа, его право менять конституцию, но на деле оно поставило предел этому праву, с тем чтобы успела совершиться контрреволюция, которую оно всячески поощряло. Законодательное собрание оказалось не лучше Учредительного. Учредительное собрание продало нацию, Законодательное готовилось предать ее. Можно лишь удивляться, как нация так долго терпела, что столько негодяев, мошеннически воспользовавшись ее доверием, так безнаказанно и нагло злоупотребляли им, начиная с 14 июля 1789 г. Разве не должен был народ уже после резни в Ниме, Нанси и Монтабане и особенно после бегства Людовика XVI подняться против деспотов, аристократов, священников и всех контрреволюционеров, расправиться с ними, установить республику, поставить во главе ее неподкупных лиц, изгнать всех подозрительных, спекулянтов и монополистов, установить контроль над продовольствием и финансами, отозвать всех послов и вооружиться против европейских деспотов! Но ослепление в первое время было общим. Даже якобинцы, хотя и разоблачавшие контрреволюционные заговоры, верили в эту конституцию.

День 10 августа, когда народ Парижа вместе с федератами из департаментов ниспроверг тирана и его защитников, явился чудодейственным днем, спасшим Францию. 10 августа, а также 2—3 сентября, когда были уничтожены чудовища, заключенные в тюрьмах, Франция очистилась от скверны, угрожавшей самому ее существованию. Под непосредственным воздействием революции 10 августа Конвент упразднил монархию и декретировал единую и неделимую республику. Но теперь члены Конвента не могут прийти к соглашению относительно организации этой республики, французы еще очень далеки от единства и счастья, к которому они стремятся. Конвент, вместо того чтобы выполнять свою миссию, занят доносами и спорами; внутри Конвента существует заговор, имеющий целью накликать на Францию все беды, чтобы заставить пойти на сделку с европейскими деспотами и вновь превратить французов в рабов. Депутаты Жиронды и некоторые бывшие члены Учредительного собрания, избранные в Конвент, нападают на народ Парижа, на Парижскую Коммуну, на парижских депутатов и якобинцев. Они проектируют создать во Франции федеративные республики и даже восстановить на троне тирана; с этой целью они хотят вызвать волнения в Париже, чтобы иметь предлог перевести Конвент в другое место и избежать выступления народа Парижа против осуществления их честолюбивых и губительных замыслов. Министр внутренних дел Ролан поощряет интриганов, спекулянтов и скупщиков, чтобы сеять раздор и отчаяние, организовать голод. Он дезинформирует департаменты, рассылая различные памфлеты и препятствуя доставке туда литературы, разоблачающей все эти пагубные замыслы. Он охраняет эмигрантов и их имущества, поддерживает и оплачивает контрреволюционных писателей и контрреволюционные спектакли. Министр финансов Клавьер не принимает никаких мер против ажиотажа и для поддержания курса ассигнатов, ухудшая тем самым положение народа. Все эти Бриссо, Луве, Лантена и их друзья держат в своих руках административный аппарат, располагают всеми местами, хотят, подобно деспотам, окружить себя вооруженной силой, стремятся к расколу и голоду, развращают общественное мнение, разлагают и обескураживают армию, преследуют патриотов и покровительствуют роялистам. Они угрожают с трибун народу и самым пламенным патриотам — монтаньярам; все их мероприятия преследуют лишь цель разорить, извести голодом, подвергнуть избиению всех непоколебимых защитников свободы — санкюлотов, разжечь гражданскую войну. Они ведут войну против внешних врагов, напавших на Францию столь предательски, что никогда родина не была в большей опасности.

Все эти предатели, обосновавшиеся в Конвенте, нападают на Робеспьера, Дантона и особенно на Марата. Марат[71] действительно считает, что народ должен уничтожать всех тех, кто обманывает его доверие, если меч закона не в состоянии их настичь. Он полагает, что во время революции снисходительность и гуманность веками угнетенного народа, стремящегося к свободе и равенству, может служить на пользу лишь его врагам, что в этих условиях снисходительность и гуманность не добродетели, а опасные слабости. Он думает, что народ слишком рано вложил меч в ножны, и упрекает его за то, что он терпит в своей среде людей, еще более виновных и еще более опасных, чем те, которых он уничтожил, и что если все это будет продолжаться, станет необходимым, чтобы народ очистил до конца свое лоно от остатков нечисти. Все ораторы-санкюлоты, все якобинцы, подобно Марату, разоблачают этих предателей.

Теперешние диктаторы Конвента, навлекшие столько несчастий на Францию, должны знать, что если нет другой возможности, каждый гражданин, по примеру Брута, имеет право разделаться с ними для спасения своей страны. Народ имеет право подняться и уничтожить их, как бешеных собак, так как лучше уничтожить дьявола, пока дьявол не уничтожил нас; это то, что называется святым восстанием. Национальное представительство неприкосновенно, но никто из его членов не является неприкосновенным более, чем любой другой гражданин или любое должностное лицо. Все те, кому народ поручил ту или иную должность и кто обманывает его доверие, тем самым ставят себя вне закона, и народ имеет неоспоримое право избавиться от них в интересах общественного блага.

В настоящее время происходит борьба не на жизнь, а на смерть между так называемыми «порядочными людьми» и санкюлотами. «Порядочные люди» из любви к собственности и богатству являются сторонниками старого порядка вещей. Они считают, что народ должен быть вьючным животным, что он создан, чтобы ползать, работать и носить тяжести; они думают, что люди подобны рыбам: более крупные должны поедать мелких. Они выступают против единой и неделимой республики. Они хотят все изолировать, все разделить, все разложить, чтобы во Франции было бы столько же республик, сколько департаментов, а также независимые друг от друга дистрикты, муниципалитеты и отдельные лица, всегда воюющие друг с другом и взаимно друг друга уничтожающие. Именно поэтому они и выступают против санкюлотов, которые не хотят больше старого порядка вещей, которые считают, что настало время, чтобы, на худой конец, мелкие съели в свою очередь крупных, если последние будут продолжать стремиться их поедать, которые хотят установить единую и неделимую республику, сплотить людей, положить конец их войне друг против друга, их взаимному истреблению, создать образ правления, при котором все люди содействовали бы своим трудом и своими знаниями самосохранению и счастью всех. Именно это и является причиной всех столкновений интересов и мнений, всех махинаций и заговоров с самого начала революции. Однако волей-неволей все эти угнетатели человеческого рода и их наймиты должны будут прекратить играть роль, вызывающую негодование огромного большинства, так как санкюлоты, не желающие жертвовать своими правами, будут вынуждены, не имея другого легального средства, обрушиться на актеров пьесы, давно наскучившей народу.

Революционный народ должен, во-первых, вооружиться и быть постоянно начеку; во-вторых, разоружить и арестовать всех врагов революции; в-третьих, подавить всех заговорщиков, всех изменников, всех спекулянтов и скупщиков; в-четвертых, поставить во главе армии и администрации подлинных и хороших санкюлотов, изгнав из Конвента всех предателей. Необходимо также установить новый образ правления, ввести новую политическую конституцию, соответствующую интересам санкюлотов. Какова же должна быть эта конституция?

До настоящего времени никогда и ни у одного народа не существовало хорошей политической конституции и хорошего образа правления, так как все социальные институты и законы были противны природе. Опыт веков показал, что, как бы ни называлась та или иная форма правления, народ всегда оставался рабом, а законы служили лишь угнетению более слабых в пользу более сильных, завладевших всеми земными благами, плодами труда и промысла других людей. Собственность, основа современного общества — лишь привилегия морить голодом, убивать жаждой и холодом тех, кто не имеет собственности, если только последние не становятся рабами или наемниками собственников. Собственность — это институт, противоречащий правам природы, блага которой общи для всех людей. Столь же противоестественны институт брака и связанное с ним право наследования, деньги, возбуждающие все отрасти и питающие все пороки, религиозный культ, санкционирующий и освящающий всю царящую в обществе гнусность. Кабала собственности, брака и религии выгодна лишь тиранам и обманщикам; это самая сильная цепь рабства, главная причина всех пороков и преступлений, всех войн и всех несчастий человеческого рода. Поэтому до настоящего времени даже прогресс знаний, искусств, индустрии использовался лишь для угнетения санкюлотов.

Разделение вещей повлекло за собой разделение людей; пока вещи будут разделены, пока собственность будет иметь ценность, не будет ни мира, ни свободы, ни равенства, ни единой и неделимой республики. Чтобы все было единым, нужно, чтобы все было общим. Счастье социального человека — это физическое здоровье, душевное спокойствие, довольство и все необходимое для самой умеренной жизни. Ничто не может принадлежать человеку; он может претендовать лишь на пользование тем, что необходимо для его существования и пропитания. Люди, живущие в обществе, должны взаимно поддерживать и помогать друг другу, должны работать для счастья себе подобных. Как мать кормит и заботится о своем ребенке, так и общество должно быть организовано таким образом, чтобы оно кормило всех своих членов и заботилось о них. Никто, однако, не может претендовать, чтобы ему было обеспечено право на существование без труда, так как только труд может обеспечить ему это право.

Франция, наконец, пробудилась и сбросила иго тиранов и обманщиков. Теперь, когда французская нация приняла твердое решение избавить лица и вещи, составляющие новую республику, от всякого рода кабалы, тяготевшей над ее населением и ее территорией, она должна принять все предосторожности та самые суровые меры, чтобы приостановить и предотвратить пагубную оппозицию, порожденную приверженностью к прежним институтам и прежнему образу правления. Главная задача — организовать республику так, чтобы лица и вещи, ее составляющие, были бы правильно использованы, дабы производить все для полного удовлетворения различного рода нужд. Однако при теперешнем положении, когда еще сильна привычка к старому строю, все политические институты и законы могут быть лишь временными. Лучшим правлением будет то, которое с большим успехом будет бороться против тирании и обмана, против пагубных помех и пороков старого порядка вещей, которое очистит республику от всех чудовищ, от всех лицемеров, от всех мошенников, морящих ее голодом, разоряющих и губящих ее. Это правление должно

существовать до того времени, пока люди не приобретут любовь и привычку к новым институтам и законам, имеющим целью всеобщее счастье.

Исходя из этих общих положений, Буассель в последней части своей книги излагает проект новой конституции. Проект этот состоит из семи глав[72]. В каждой главе ряд разделов, в свою очередь состоящих из отдельных параграфов. Первые две главы — «О конституции и о политике в целом», «О конституции или человеческой ассоциации» — посвящены повторному суммарному изложению» философских и общетеоретических положений автора. Проект политической конституции в собственном смысле этого слова изложен в последующих пяти главах, озаглавленных: «О революционном правительстве», «Об организации республики», «О представительстве французского народа и его организации», «О гражданских и политических институтах», «О республиканском воспитании».

Основная идея конституционного проекта Буасселя — установление санкюлотами революционного правления. Санкюлотия Франции (la sans-culotterie de France), говорится в преамбуле главы «О революционном правительстве», принимая во внимание бесчисленные беды и испытания, выпавшие с начала революции на долю санкюлотов в результате бесконечных заговоров против суверенитета и свободы народа, равенства, братства, единства и неделимости Французской республики, принимая во внимание, что столько измен, поставивших родину в опасность, может быть подавлено и приостановлено лишь самыми устрашающими актами национальной справедливости и самыми репрессивными мерами против заговорщиков, изменников и всех подозрительных лиц, постановляет следующее. Революционный народ вооружается и организуется, чтобы противостоять всем внешним и внутренним врагам революции и свободы. Никакое оружие и никакая общественная должность, как военная, так и гражданская, не должны находиться в руках подозрительных лиц. Все покушения, насильственные действия и козни против свободы, жизни, равенства и безопасности народа должны быть наказуемы.

В этих целях все санкюлоты, способные носить оружие, вооружаются, выбирают своих офицеров и проводят еженедельные военные занятия. Санкюлоты, не способные носить оружие, но имеющие возможность служить общественному делу своими познаниями, образуют народные собрания, на которых могут присутствовать, находясь на трибунах, и защитники республики, как и все другие санкюлоты. На всей территории республики организуются подобные народные общества, состоящие из признанных и испытанных санкюлотов. Эти народные общества заменяют первичные собрания, которые упраздняются. Народные общества рассматриваются как секции санкюлотии Франции, единой и неделимой, как и сама республика. Народные общества обсуждают все доносы на тех или иных лиц, выдают в пределах своей коммуны мандаты на аресты, допрашивают обвиняемых, оправдывают их или признают виновными. Они могут привлекать к ответственности всех должностных лиц, вплоть до депутатов. Все народные общества постоянно поддерживают контакт друг с другом, особенно со своими братьями, парижскими санкюлотами, поскольку те имеют большую возможность наблюдать за деятельностью народных представителей и информировать их о средствах, необходимых для общественного блага. Народные общества (вместе с санкюлотами той же коммуны, присутствующими на трибунах) избирают всех должностных лиц, в том числе и депутатов. Департаментская администрация упраздняется. Должностные лица коммун, кантонов и дистриктов должны быть членами народных обществ. Они должны заботиться об удовлетворении местных нужд, в частности, в отношении продовольствия. Они подотчетны народным обществам, до сведения которых обязаны доводить все свои решения.

Центральная администрация находится в Париже и сосредоточена в руках Конвента — общего собрания народных уполномоченных, избираемых сроком на два года. Поскольку сам народ является носителем всей нераздельной и неотчуждаемой законодательной и исполнительной власти, то Конвент является лишь исполнителем воли большинства и рассматривается как центр всех народных обществ республики. Он состоит из 1200 членов, отобранных и назначенных народом через посредство народных обществ пропорционально числу жителей коммун. Конвент имеет не только право, но и обязанность подвергать себя чистке, удалять из своей среды недостойных членов. Депутаты Конвента могут быть также отозваны самим народом и даже привлекаться к ответственности избравшими их народными обществами.

Конвент руководит всеми отраслями администрации. В этих целях Конвент организует столько комитетов, сколько имеется главных отраслей управления. Все эти комитеты поддерживают постоянную связь с коммунами и народными обществами, информируя их о принятых ими решениях до представления этих решений на утверждение Конвента; народные общества одобряют или вносят поправки в эти постановления, и их пожелания доводятся до сведения Конвента. Комитеты комплектуются таким образом, чтобы в их состав входили те депутаты, которые лично меньше всего заинтересованы в тех делах, кои им поручены. Так, в составе комитетов по продовольствию, сельскому хозяйству и торговле должно быть возможно меньшее число собственников, фермеров и торговцев, дабы они не были судьями в собственном деле. Этот же принцип применяется при комплектовании муниципалитетов всех коммун

республики. Все министерства упраздняются, поскольку их функции полностью переходят к соответствующим комитетам. В случае если Конвент и его комитеты превысят свою власть или нанесут ущерб общественному делу, народные общества назначают комиссаров для расследования и принятия соответствующих мер.

Реорганизуется вся судебная система, которая должна быть полностью поставлена под народный контроль. Смертная казнь сохраняется, но лишь как наказание за преднамеренное убийство и государственную измену. Браки рассматриваются как частные союзы. Все формальности для развода упраздняются; регулируются только взаимные права мужа, жены и детей. Каждый может исповедовать любой религиозный культ, но лишь частным образом и за свой собственный счет. Религиозное воспитание воспрещается. Поскольку основной целью свободного республиканского народа является братство со всеми народами земного шара, упраздняется навеки право войны. Французская республика признает лишь естественное право защиты в случае нападения на ее владения. Все сношения, союзы, торговые связи преследуют цель обеспечить мир, свободу и счастье всех наций.

Задача революционного правительства — не только охранять единство и неделимость республики, принимать срочные и энергичные меры для удовлетворения всех ее нужд, но и обеспечить безостановочное движение политической машины для достижения основной цели — благосостояния и счастья французского народа. Собственность как противоестественный институт, причинивший столько бед, не может быть истинной основой общества. До того, как в результате воспитания граждане республики не преисполнятся отвращением к собственности, частные владения не будут упразднены, но будут поставлены в такие условия, чтобы не наносить ущерба свободе, равенству, республиканскому братству. Конвент и его комитеты продовольствия, сельского хозяйства и торговли во всех своих мероприятиях и всех своих планах должны руководствоваться тем правилом, что собственность не может ставить нужды республики в зависимость от воли, жадности, честолюбия, скупости собственников, что последние должны рассматриваться лишь как хранители (depositaire), и что малейшее злоупотребление тем, что отдано им на хранение, в ущерб гражданам республики, является самым тяжелым преступлением. Тем же правилом будут руководствоваться и в деле обложения; комитет по налогам Конвента должен иметь одной из своих основных целей подавление спекуляции. Частные земельные владения должны обрабатываться, а их продукция — находиться под надзором и распределяться так, чтобы в изобилии доставлять все необходимое для удовлетворения физических потребностей всей республиканской семьи. Собственники земли, а также всех предметов первой необходимости, рассматриваются как поручители, ответственные перед республикой, и должны находиться под надзором ее уполномоченных и должностных лиц. Аграрный закон, т.е. равный раздел земель, не будет осуществлен, так как он не может искоренить причину зла; необходимо лишь, чтобы все земли хорошо обрабатывались, а их продукция тщательно охранялась и распределялась, с тем чтобы ни один член республиканской семьи не страдал от голода, жажды и холода. Во всех городах учреждаются амбары, куда сдается все зерно. Всем собственникам и фермерам выдаются квитанции, которые оплачиваются казначейством республики. Собственники, пренебрегающие обработкой своих земель, не заявляющие ежегодно о количестве своей продукции или использующие ее в ущерб общественным интересам, лишаются своих земель, которые конфискуются в пользу коммун. Труд является обязательным для всех граждан республики. Организуются общественные мастерские для тех, кто не может найти работу, и дома призрения для тех, кто будет признан неспособным к труду.

На всей территории республики учреждаются также школы и мастерские, где все дети и подростки получают воспитание за счет государства. Наряду с физическим воспитанием, закаляющим тело, молодое поколение приобретает необходимые знания и обучается (с учетом личной одаренности и индивидуальных склонностей) всем видам труда. Оно получает также совершенно новое моральное воспитание, искореняющее прирожденный эгоизм и внушающее любовь и привычку к средствам, необходимым для достижения всеобщего счастья.

IX

Черновики и рукописи Буасселя, относящиеся к этому периоду, т.е. к концу 1792 г. и к первой половине 1793 г., дополняют, подкрепляют и развивают положения, изложенные в «Беседах отца Жерара».

Буассель повторно излагает в них свои коммунистические идеалы, рассматривая коммунизм как конечную цель революции и республики. В одной незаконченной рукописи он писал: «До тех пор, пока мы будем подчинены продажному, человекоубийственному и антисоциальному порядку..., мы не должны называть себя свободными, справедливыми и не можем стать счастливыми». Порядки, установленные с самого возникновения человеческого общества, читаем мы в другом черновике, извратили истинные принципы человеческих поступков, породили «заинтересованность присваивать лишь себе то, что должно присваиваться всем обществом, с тем чтобы быть распределенным согласно потребностям и роду работы каждого его члена». Черновик этот дает, кстати, возможность установить, как в этом вопросе развивалась мысль

Буасселя. Сперва он написал: «с тем, чтобы быть разделенным между всеми членами общества для удовлетворения их индивидуальных потребностей», т.е. так, как писал раньше. Затем, однако, он зачеркнул эти строки и дал новую формулировку, предусматривавшую распределение не только по потребности, но и по роду работы, «так как, — пояснял он далее, — необходимо, чтобы в обществе все работали, дабы приобрести право на существование, если только по какой-либо причине кто-нибудь не способен к работе или не достоин ее». Необходимо восстановить истинные принципы человеческих поступков и упразднить все институты, противные природе. Французский народ будет первым народом, который сумеет обеспечить свободу и равенство. Это будет зависеть от институтов, которые дадут ему его представители или которые он даст сам себе, если эти представители не захотят сделать это.

Значительное место в бумагах, обращениях, письмах Буасселя этого периода, как и в «Беседах отца Жерара», отводится страстному разоблачению жирондистов, на чем мы не станем здесь останавливаться, поскольку мы уже знакомы с политической позицией Буасселя в критические месяцы борьбы якобинцев и жирондистов. Нужно сказать, однако, что и в своих рукописях Буассель всюду рассматривает эту политическую борьбу как классовую борьбу представителей общественной верхушки, «порядочных людей» и санкюлотов и противопоставляет жирондистской республике республику санкюлотов, конечная цель которой — достижение подлинного равенства путем упразднения частной собственности и установления общности имуществ.

В обращении «К гражданам, не являющимся больше нашими братьями и друзьями», т.е. к жирондистам, Буассель в ответ на их письмо Якобинскому клубу, в котором содержалось заявление, что все французы хотят республику, писал: «Да, все французы хотят республику, но те люди, которых вы восхваляете, хотят республику для себя и своих приверженцев в ущерб большинству народа, а люди из нашего Общества (т.е. якобинцы. — *А.И.*) хотят республику для блага всех». В обращении к «братьям и друзьям республиканцам» (в ответ на какой-то адрес, полученный Якобинским клубом из провинции) Буассель подробно разъяснял позицию якобинцев и следующим образом характеризовал основные их принципы: «Наша система состоит в том, что во Франции нужна единая и неделимая республика, организованная для счастья всех и особенно санкюлотов, а не для исключительного счастья интриганов и лицемеров».

Если в такого рода обращениях, написанных от имени Якобинского клуба, Буассель, естественно, ограничивался лишь общими формулировками, то в своих личных набросках и черновиках он подробно излагал свои идеи о республике санкюлотов. В одном из таких черновиков он писал, что существуют глубокие разногласия между теми, кто выражает интересы «порядочных людей», и теми, кто защищает интересы санкюлотов. Первые являются сторонниками федеративных республик и хотят все разделить «так как, согласно их идеям и принципам, необходимо, чтобы во Франции было столько же республик, сколько домашних хозяйств и даже сколько индивидуумов»; «они считают человеческий род неспособным составить одну семью, им претит мысль о всеобщей республике». Они выступают поэтому против тех представителей санкюлотов, «которые хотят иметь во Франции лишь единую и неделимую республику, основанную на правах человека, на свободе, равенстве и истине, в которой общин надзор и администрация были бы поручены уполномоченным, избранным народом из класса санкюлотов».

Среди бумаг Буасселя этого периода особое внимание привлекает обширная рукопись, состоящая из десяти страниц большого формата. В ней рассматриваются предпосылки и общий ход Французской революции. Революцию эту Буассель изображает как борьбу между коалицией тиранов, бездельников, обманщиков и санкюлотами. Именно санкюлоты осуществили революцию и защищали ее. Подробно описывая контрреволюционную деятельность жирондистов, Буассель делает следующий общий вывод: «Вы видите, братья и друзья, что идет жестокий бой между храбрыми санкюлотами и тиранами, обманщиками, грабителями и всеми кюлотами, которые, в случае если бы они были более сильными, перерезали бы нам горло. Они уже давно безнаказанно пользуются этой привилегией; вполне справедливо, чтобы теперь настала наша очередь». Санкюлоты не тронут кюлотов, если те не будут использовать свое имущество им во вред, морить их голодом, как это они делали до настоящего времени. Если же это будет продолжаться, все кончится плохо для «порядочных людей». «Бриссотинцы, роландисты, фельяны и все кюлоты напрасно будут взывать против санкюлотов и клеветать на них; наши пики дадут ответ всем этим мерзавцам и докажут им, что, поскольку санкюлоты сделали революцию, им и принадлежит право ее отстоять и создать свою конституцию». «Эта политическая конституция или этот образ правления для поддержания свободы, равенства, естественных и неотъемлемых прав человека, единства и неделимости республики, не может не быть временным, до эпохи полного возрождения человеческого рода. Этот образ правления, говорю я, может быть установлен лишь санкюлотами, руководимыми светочем их народных обществ, так как, будучи менее испорченными старым порядком вещей и наиболее пострадавшими от него, они более годны, более способны и имеют большие права предписать его, чем все эти мерзавцы, все эти порядочные люди-кюлоты, которые столь испорчены старым порядком вещей, которые, к нашему величайшему ущербу, извлекали из

него такую пользу и которые не преминули бы, как и до настоящего времени, постыдно торговать свободой, равенством и нашими священными правами ради золота, способного властвовать лишь над такими людьми, как они, и никогда — над такими свободными людьми, как санкюлоты».

Считая, что новая конституция должна быть установлена санкюлотами, Буассель прямо называл ее конституцией санкюлотов. В черновиках «Бесед отца Жерара» предлагаемая им конституция озаглавлена: «Конституция или национальный, гражданский и политический кодекс всех санкюлотов Франции».

Среди его бумаг имеется и черновой набросок — «Естественный, гражданский и политический кодекс французского народа», состоящий из 15 параграфов и кратко излагающий ту же конституцию республики санкюлотов. Параграфы 4 и 5, посвященные вопросу о собственности, гласят: «Естественные и неотъемлемые правд человека в том виде, как они провозглашены в конституционном акте, будут приняты, за исключением изменений в некоторых статьях, как, например, той, которая включает собственность в число естественных и неотъемлемых прав человека. Права гражданина, включая собственность, будут временно приняты... но с необходимыми изменениями, поскольку эти права могут противоречить естественным и неотъемлемым нравам человека». Итак, собственность сохраняется лишь временно и притом сразу же ограничивается. Основная задача правительства республики — заботиться о совершенствовании душевных и физических способностей граждан и добиваться возможно большей продукции, какую только может дать ее территория. «С этой целью на всей территории республики должны быть школы и общественные мастерские, где все дети и молодые люди будут трудиться и воспитываться согласно основному принципу, что социальный человек рожден, чтобы работать для счастья своих ближних». Так, общественные мастерские, занимающиеся как сельским хозяйством, так и всеми другими отраслями производства, не только решают задачу всемерного повышения продукции, но и подготовляют молодое поколение к полной отмене собственности.

Видимо, Буассель намерен был в эти месяцы издавать специальный альманах для пропаганды своих идей. Среди его рукописей имеется два варианта названия этого альманаха. Первый из них: «Альманах Французской республики, единой и неделимой гражданина отца Жерара. Под эгидой социального разума французского народа, организованного в постоянное, единое и периодическое собрание, с тем чтобы трудиться лишь для счастья человеческого рода. Всем народам земли единение, мир и привет. Свобода, истина, равенство. Единство закона, единство мер, единство весов, единство принципа, единство образования, единство действия, чтобы достичь наибольшей силы, наибольшего изобилия, наибольшей общественной и индивидуальной безопасности, удобств и здоровых условий жизни». Второй вариант: «Альманах человеческого возрождения на I год единой и неделимой Французской республики», и далее тот же эпиграф. Но в этом варианте вслед за заглавием следует специальное «Извещение», которое, очевидно, должно было служить своего рода введением к альманаху. В этом «Извещении» Буассель вновь разоблачал жирондистов и указывал на роль, которую сыграл и которую должен еще сыграть народ Парижа. Одновременно он снова выдвигал как основную задачу революции необходимость упразднения старого социального порядка, подчеркивая, что «привычка, которую приобрели к этому старому порядку вещей, является единственной причиной раскола, противоречий, препятствий, несчастий, которые испытывает революционный народ, стремящийся... сбросить это иго, чтобы возродиться».

Буассель не только излагал, обосновывал и развивал свои идеи об установлении санкюлотами революционного правительства в целях упразднения старого общественного строя и постепенного перехода к коммунизму. Среди его бумаг мы находим и конкретный план захвата власти санкюлотами, а также проекты законодательных мероприятий в осуществление его политической и экономической программы. Первый из этих проектов был написан еще до установления якобинской диктатуры, остальные — в июле-августе 1793 г.

Проект о чистке Конвента и установлении революционного правительства гласил: «В обстоятельствах столь критических и столь неотложных я вижу спасение для республики и для национального представительства лишь в святом восстании против негодяев, призывавших и призывающих всех внутренних и внешних врагов с целью распустить Конвент и потопить республику в крови ее самых ревностных защитников. Я требую, чтобы было постановлено: 1. Чтобы все граждане-санкюлоты различных департаментов, находящиеся в Париже, объединились и собрались, дабы обсудить средства для чистки национального представительства и родины от заговорщиков... 2. Чтобы секции Парижа объявили себя непрерывными первичными собраниями, дабы обсудить то же и в тех же целях, 3. Чтобы граждане-санкюлоты различных департаментов, так же как и секции Парижа, назначили комиссаров, дабы сообщить друг другу результаты своих обсуждений и условиться о мерах как для поддержания спокойствия и общественной безопасности в Париже, так и для того, чтобы взять под стражу лиц, заведомо подозрительных... 4. Чтобы немедленно был учрежден Революционный семейный совет (Ie Conseil de famille revolutionnaire), составленный из лучших санкюлотов департаментов и секций Парижа, компетентный судить,

вместе и в отдельности, народных уполномоченных, министров, общественных служащих, которые будут обвинены в злоупотреблении доверием французского народа... 5. Чтобы командующему парижской национальной гвардией и всем защитникам республики, находящимся в Париже, было предложено быть наготове, дабы Национальный Конвент и Революционный семейный совет имели бы в своем распоряжении силу, необходимую... для поддержания спокойствия в Париже, 6. Чтобы Революционный семейный совет временно назначал новых членов Конвента до тех пор, пока этим не займутся департаменты...»

Другой разработанный Буасселем проект (сохранившийся в его архиве в двух незначительно отличающихся друг от друга вариантах) озаглавлен: «Проект постановления секции Мельничного холма, которое должно быть доведено до сведения других секций Парижа и защитников республики из департаментов, что

бы быть представленным их комиссарами Национальному Конвенту, дабы это постановление превратилось в общий закон». В преамбуле этого проекта говорится, что все несчастия Франции после восстания 14 июля 1789 г. проистекали оттого, что вся администрация находилась в руках самых непримиримых врагов большинства народа, заслуживающего наибольшего уважения своим трудом, своей энергией и своими добродетелями, и что поэтому в целях общественного блага народ должен принять необходимые меры. Далее следует девять статей постановления. В первых двух статьях говорится: «Будет проведено голосование в отношении всех граждан секции Мельничного холма и будут выданы карточки, дающие право на участие в собраниях и право голоса лишь не подозрительным гражданам, друзьям нового порядка вещей. В этих целях будет учрежден Комитет по представлению (Comite de presentation), который будет обсуждать и отвергать всех тех, против кого будут высказаны (одно слово неразборчиво. — *А.И.*), предварительно заслушав их однако. Не будет допускаться ни на какую должность, ни в одном из учреждений республики, никто, кроме граждан, известных как ее самые пламенные друзья и самые ревностные защитники, согласно удостоверениям, выданным, со знанием дела, на общем собрании их секции». Третья статья предусматривает арест и наказание как предателей родины всех должностных лиц, повинных в прямом или косвенном ущербе внутренней или внешней обороне республики. Четвертая — седьмая статьи посвящены вопросу о вооружении граждан. Граждане получают оружие и проходят еженедельное военное обучение. Однако это относится лишь к тем, за кем признаны гражданские права. Лица же, лишенные гражданских прав, обязаны сдать имеющееся у них оружие комиссарам секций; в случае нахождения у них оружия они немедленно арестовываются и подвергаются наказанию. Статья восьмая гласит:

«Секции преобразуются в народные общества, устанавливающие связь с Обществом якобинцев, на улице Сент-Оноре. Первичные собрания, так же как и их избиратели, упраздняются как бесполезные и даже вредные для республики, поскольку народ достаточно представлен в собраниях народных обществ, которые станут его самыми непреклонными защитниками, как только они будут очищены от всех врагов свободы и равенства». Наконец, девятая статья предусматривает право народных обществ брать на себя функции высшего народного суда, а также полномочия суверенной власти в случае, если уполномоченные народа, т.е. депутаты Конвента или другие должностные лица, окажутся подозрительными или неспособными.

Следующий «проект постановления» (сохранившийся в копии не полностью) также предусматривает лишение гражданских прав всех противников «нового порядка вещей». Секция Мельничного холма, говорится в нем, принимая во внимание, что при теперешнем положении дел особенно важно для общественного блага и безопасности, чтобы коммуна Парижа, как и все коммуны на территории государства, не находилась под влиянием духа недоброжелательства и контрреволюции, постановляет представить Конвенту петицию, требующую декрета, предписывающего каждой коммуне республики не допускать на первичные собрания секций «лиц, подозреваемых в нецивизме или в неприязненном отношении к новому порядку вещей». Каждый муниципалитет должен составить комиссию из 12 граждан, известных своей приверженностью к революции, для рассмотрения всех «доносов» и выдачи удостоверений на право участия в первичных собраниях лишь безупречным гражданам. Все подозрительные граждане должны находиться под наблюдением и быть обезоруженными.

Четвертый проект специально посвящен вопросу о преобразовании очищенных первичных собраний секций в народные общества. Дабы предотвратить влияние на государственные дела людей, враждебно относящихся к новому порядку вещей, в нем предлагалось, чтобы секции были преобразованы в народные и революционные общества и чтобы никто не был допущен в эти общества без голосования и без удостоверения, которое он обязан каждый раз предъявлять.

Два проекта посвящены вопросам экономической политики. «Проект декрета для обеспечения республики продовольствием» состоит из одиннадцати статей. Согласно этому декрету, все собственники, фермеры и другие держатели хлеба на всей территории республики объявляются его депозиторами, хранителями. Они обязаны представлять особым бюро, учреждаемым при каждом муниципалитете, точные декларации о количестве имеющегося у них зерна. Начальники этих бюро выбираются из числа членов народных обществ, доказавших свой горячий патриотизм. Декларации, представленные в бюро, пересылаются властям дистриктов и департаментов, которые, в свою очередь, представляют их Комитету продовольствия и сельского хозяйства Конвента. Любое нарушение закона о хранении зерна, произвольное распоряжение им в ущерб республике, любые попытки воспрепятствовать представлению деклараций, а также преднамеренная порча зерна караются смертной казнью. Уличённые в представлении ложных деклараций присуждаются к годичному тюремному заключению, а все их зерно конфискуется. Устанавливается такса на зерно, хлеб, а также все предметы первой необходимости. Национальный Конвент устанавливает способ распределения зерна, с тем чтобы ни одно частное лицо не могло безнаказанно нарушать его справедливое распределение соответственно нуждам различных частей республики.

В другом проекте, состоящем из пяти параграфов, предусматривается следующий порядок. Все собственники, фермеры, земледельцы могут продавать продовольствие только на рынках или ярмарках, причем лишь с письменного разрешения своего муниципалитета. Разрешения эти регистрируются муниципалитетами тех мест, где находятся рынки и ярмарки, а затем возвращаются выдавшим их муниципалитетам. Покупатели также должны иметь соответствующие разрешения от муниципалитетов с указанием их потребностей, т.е. необходимого им количества продовольствия. Непосредственно у собственников, фермеров и земледельцев имеют право делать закупки лишь «национальные агенты», снабженные соответствующими полномочиями.

* * *

Итак, весной 1793 г., накануне установления якобинской диктатуры, Буассель выступил с подробным изложением своей политической программы, с новым планом общественно-политического переустройства Франции.

Всю историю Французской революции Буассель рассматривал как классовую борьбу между «порядочными людьми» и санкюлотами. Под этим углом зрения он оценивал и обстановку, сложившуюся во Франции после провозглашения республики. Обстановка эта характеризовалась, по его мнению, борьбой не на жизнь, а на смерть между «порядочными людьми», стремившимися из любви к собственности я богатству сохранить старый порядок вещей, прежний общественный строй, и санкюлотами, стремившимися установить новые общественные порядки. С этой классовой борьбой Буассель связывал и политическую борьбу между жирондистами и якобинцами. Интересно, что он пытался увязать даже текущие политические лозунги, такие, как лозунг единой, неделимой республики, как обвинение жирондистов в федерализме, с борьбой между «порядочными людьми» и санкюлотами по вопросу об общественном устройстве Франции. Федерализм он трактовал как стремление «порядочных людей», и их политических представителей — жирондистов, все и всех разделить и изолировать, вплоть до отдельных лиц, сохранить старый общественный строй, основанный на противоречии интересов и всеобщей войне друг против друга. Лозунг же единой неделимой республики он связывал с созданием нового, коммунистического общества, так как только общественный строй, сплачивающий людей в единую семью братьев, совместно трудящихся для общего блага, строй, гарантирующий всеобщее счастье, способен обеспечить подлинное единство и неделимость республики.

Выход из сложившегося положения Буассель видел в «святом восстании» санкюлотов и в установлении ими революционного правительства. Это революционное правительство должно было быть не чем иным, как революционной диктатурой санкюлотов, которые, страдая от существующего общественного строя, одни лишь способны установить этот революционный образ правления. Восстание санкюлотов должен возглавить Революционный семейный совет, проводящий чистку Конвента и всех органов власти и временно назначающий новых депутатов Конвента. За этим должна последовать чистка первичных собраний с исключением всех подозрительных лиц; лишь прошедшие эту чистку санкюлоты, преданные революции, получают соответствующие удостоверения о гражданских правах; очищенные, таким образом, первичные собрания превращаются в народные общества. Только пользующиеся гражданскими правами санкюлоты могут и должны быть вооружены, а лишенные гражданских прав обязаны немедленно, под угрозой ареста, сдать все оружие. Народные общества выбирают всех должностных лиц, членов местных органов власти и депутатов Конвента, подотчетных им и находящихся под их непосредственным контролем. Следует при этом специально подчеркнуть, что в состав народных обществ, по плану Буасселя, входят не все санкюлоты, пользующиеся гражданскими правами. Членами народных обществ могут быть лишь признанные и испытанные санкюлоты, способные своими познаниями служить общественному делу, т.е. лишь самые передовые, закаленные и сознательные революционеры. Остальные санкюлоты могут лишь присутствовать на заседаниях

народных обществ, принимая, однако, участие в выборах должностных лиц и депутатов, т.е. используя свое избирательное право; но выбранными могут быть лишь члены народных обществ. Таким образом, народные общества, возглавляемые Якобинским клубом в Париже, являются, согласно проекту Буасселя, передовым отрядом санкюлотов, руководящим всей политической жизнью страны и контролирующим все революционные органы власти.

На таких основах должно быть построено революционное правление санкюлотов, кладущее конец господству «порядочных людей», лишающее их не только власти, но и всех гражданских прав. Необычайно интересно отметить также следующее. Буассель, конечно, хорошо знал, что в состав санкюлотов входят не только лица, лишенные собственности, но и мелкие собственники. Поэтому, говоря о Конвенте и его комитетах, руководящих всеми отраслями управления, он специально предусматривал, чтобы в состав этих комитетов, в частности, в состав комитетов по продовольствию, сельскому хозяйству и торговле, входило минимальное количество собственников, т.е. чтобы абсолютное большинство членов состояло из лиц, не обладающих собственностью. Тот же принцип он считал необходимым применить и при комплектовании всех органов местной власти. Таким образом, Буассель совершенно недвусмысленно стремился обеспечить преобладание в органах революционного правительства санкюлотов-несобственников.

Основная задача революционного правления санкюлотов — подготовить постепенный переход к новым, коммунистическим общественным порядкам. Как и раньше, Буассель и теперь прекрасно понимал невозможность немедленного установления коммунизма и немедленного упразднения частной собственности, особенно земельной собственности крестьян. Земли дворян-эмигрантов он предлагал конфисковать еще в 1791 г., но он ясно сознавал, что нельзя немедленно ликвидировать крестьянское землевладение, как и иные виды собственности. Поэтому, развивая свои прежние взгляды, он выдвигал следующую программу. Революционное правительство должно сразу же установить полный контроль над собственностью, в частности, земельной. Обязательная обработка земли под надзором республиканских властей, сдача всего урожая государству, распределение продовольствия по утвержденному Конвентом общегосударственному плану, полное подавление спекуляции — таковы должны быть ближайшие мероприятия революционного правительства. Собственники ограничиваются в своих правах, лишаются права свободно распоряжаться своей собственностью в ущерб общественным интересам. В случае нарушения революционных законов они должны подвергаться суровым наказаниям, вплоть до смертной казни, а их земли конфисковаться в пользу коммун. Одновременно революционное правительство должно ввести обязательную трудовую повинность для всех граждан республики, организовать общественные мастерские и дома призрения для нетрудоспособных. Все эти мероприятия имеют целью подорвать устои собственности, упразднить ее наиболее вредные общественные последствия и подготовить почву для ее полной ликвидации. Единое национальное воспитание молодого поколения должно создать необходимые материальные (обучение всех будущих граждан различным видам труда) и морально-идейные предпосылки для последующего перехода к коммунизму. В этой связи следует отметить, что если уже в «Гражданском кодексе Франции» национальное воспитание рассматривалось Буасселем в тесной связи со всеми политическими и экономическими мероприятиями народного государства, то теперь в его новом конституционном проекте оно в еще большей мере выступает как одно из орудий революционной диктатуры санкюлотов в деле осуществления конечной цели революции — создания коммунистического общества.

Политическая программа Буасселя, разработанная им весной 1793 г., представляет двойной интерес. В период ожесточенной борьбы между жирондистами и якобинцами он одним из первых выступил с требованием установления революционной диктатуры для успешной борьбы с внутренними и внешними врагами республики. Весной 1793 г. даже вожди якобинцев были далеки от выдвижения программы революционной диктатуры. «В отличие от конституционно-демократического строя, который был еще ранее разработан якобинцами, — справедливо пишет А.З.Манфред, — проблема революционно-демократической диктатуры ни Робеспьером, ни кем-либо из других якобинцев ранее не разрабатывалась, да и вообще не обсуждалась. У Марата, у Робеспьера в период борьбы с жирондистами порою появлялось, как бы стихийно, понимание необходимости диктаторских действий народа, но от этого было еще очень далеко до сколько-нибудь целостной системы взглядов по этим вопросам. Якобинская революционно-демократическая диктатура возникла и установилась не в результате ранее разработанного плана или теоретического обоснования ее необходимости; она была рождена и создана самой жизнью, революционным творчеством масс, и только после того, как она установилась, ее опыт был осознан, а затем теоретически обобщен якобинскими вождями и прежде всего Робеспьером»[73]. Буассель был единственным среди якобинцев, который еще в апреле 1793 г. выступил с подробно разработанным планом установления революционного правления. Многое из предложенного им предвосхищало организационные формы и практику якобинской диктатуры. Он предлагал установить революционное правительство, центром которого являлся бы якобинский Конвент с его комитетами. Он требовал вооружить народ, арестовывать и сурово наказывать всех врагов

революции, поставить во главе администрации и армии преданных революционеров для самой беспощадной борьбы с внутренними и внешними контрреволюционерами, подавить спекуляцию, ввести реквизицию зерна и государственное распределение продовольствия. Буассель имел поэтому полное право в дальнейшем утверждать: «Я дал план революционного правительства, которое установили и организовали приблизительно лишь год спустя».

Но политическая программа Буасселя не являлась простым предвосхищением якобинской диктатуры. Его проект революционного правления санкюлотов выходил далеко за пределы революционного правительства, установленного в 1793—1794 гг. якобинцами. То был план революционной диктатуры общественных низов в целях полной ликвидации существующего общественного строя, основанного на собственности и социальном неравенстве, и постепенного перехода к коммунизму. Именно поэтому план этот предусматривал такие мероприятия, которые не были и не могли быть осуществлены якобинцами: предоставление гражданских прав, в том числе и права носить оружие, лишь санкюлотам, с лишением этих прав и разоружением всех представителен общественной верхушки; ликвидацию первичных собраний и сосредоточение всей власти в руках народных обществ; избрание на все общественные должности лишь членов этих обществ; преобладание в органах революционной власти несобственников и т.п. Все это шло уже значительно дальше якобинской диктатуры и предвосхищало проекты бабувистов.

В политической программе Буасселя 1793 года содержится, неоспоримо, ряд основных положений бабувизма: об установлении революционной диктатуры общественных низов в целях построения коммунистического общества; государственный контроль над собственностью и всей экономической жизнью страны; сочетание экономических мероприятий по ограничению собственности с национальным воспитанием молодого поколения в целях последующего установления коммунистических порядков. Буассель, конечно, еще не предусматривал целый ряд конкретных мероприятий по осуществлению этап программы, разработанных в дальнейшем бабувистами, в частности, создания из конфискованной собственности врагов революции Национальной общины, существующей рядом с частными хозяйствами; он намечал лишь в общих чертах конфискацию земель собственников, нарушающих революционные законы, в пользу коммун и организацию общественных мастерских. Зато в некоторых вопросах он даже в деталях предвосхищал проекты бабувистов. Чтобы убедиться в этом, стоит только прочесть страницы, посвященные Буонаротти планам бабувистов о национальном воспитании как главном средстве «побороть тщеславие и алчность, внушить новые нравы», «как средстве возрождения», «как средстве запечатлеть во всех сердцам чувство всеобщего братства», привязать молодежь «к обычаям равенства» и приучить «видеть свое счастье лишь в счастье других», подготовить в особых воспитательных домах, располагающих соответствующими мастерскими, обученных труду и истинным моральным принципам граждан коммунистического общества. «Добьемся того, — писал Буонаротти, резюмируя взгляды Повстанческого комитета по этому вопросу, — чтобы молодые люди и солдаты привязались к обычаям равенства, и тогда самое главное будет сделано, ибо по истечении нескольких лет эти молодые люди и солдаты составят почти всю нацию»[74]. Достаточно также сравнить подготовленные Буасселем весной и летом 1793 г. проекты постановлений о захвате и организации власти, о создании Революционного семейного совета, руководящего восстанием и назначающего новых членов Конвента, о лишении гражданских прав и разоружении врагов революции и т.д. с аналогичными документами бабувистов. Буассель был первым, кто, еще до бабувистов, попытался придать форму законодательных актов своим проектам установления и организации революционной диктатуры, предназначенной обеспечить переход к новому коммунистическому общественному строю.

Общественно-политическая программа Буасселя, изложенная им в 1793 г. в «Беседах отца Жерара» и в рукописных набросках и проектах,— высшее достижение коммунистической мысли в годы Французской революции, до термидорианского переворота.

X

Народное восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. преисполнило Буасселя энтузиазмом. Он принял самое непосредственное участие в этой решающей борьбе за изгнание жирондистов из Конвента и установление якобинской диктатуры.

30 мая Буассель написал длинное обращение к «гражданам». Он указывал, что с самого начала революции депутаты-заговорщики, прикрываясь своими мандатами, избегали ответственности за свои действия. Законодательное собрание приняло даже специальный декрет, запрещающий арестовывать и судить депутатов без санкции самого собрания, «в более чем вероломных целях поставить депутатов-заговорщиков выше всех законов и обеспечить их безнаказанность». Буассель, далее, перечислял обвинения против жирондистов, которые он неоднократно формулировал и раньше, особенно подчеркивая их прямую ответственность за измену Дюмурье и за развязывание гражданской войны в Вандее. «Никогда родина не была более растерзанной и в большей опасности». Необходимо поэтому незамедлительно расправиться с виновниками общественных бедствий. Это должен сделать или народ, или его представители, или трибуналы. Но трибуналы не могут привлечь депутатов к ответственности, пока не будет отменен

упомянутый выше декрет; а он не может быть отменен, пока в Конвенте сидят и голосуют сами заговорщики. Это может и должен сделать сам Конвент, приняв соответствующие декреты в связи с обвинениями, выдвинутыми против депутатов-заговорщиков, отстранив последних не только от голосования, но даже от обсуждения этих декретов. Если, однако, Конвент не сделает этого, то пусть он опасается гнева народа. «Полумеры больше несвоевременны... народ пробудился или во всяком случае скоро пробудится; и он не заснет, пока Конвент не очистит себя от всех, кто с начала революции был разоблачен как виновник несчастий народа; в противном случае нельзя ручаться (и вы должны именно так говорить в Конвенте), что такой отказ в справедливости не приведет народ в отчаяние... большим бедам — сильные лекарства».

Это обращение Буасселя[75] (очевидно, оно было адресовано гражданам его секции Мельничного холма) свидетельствует, какое активное участие принял он в подготовке выступления парижских секций, которое произошло на следующий день, 31 мая. Это подтверждает и написанное им обращение к «гражданам-представителям», которое должно было быть представлено Конвенту от имени граждан секции Мельничного холма. «Более чем верно,— говорилось в нем,— что с начала революции внутри каждого собрания представителей народа имелся очаг контрреволюции и тот, который существует в настоящее время в Национальном Конвенте, является самым опасным из всех, так как он довершил все несчастия родины. Этот очаг мы и пришли разоблачить перед вами и требуем его полного искоренения... Мы вооружились против деспотов, аристократов и вообще всех внешних и внутренних врагов... мы вооружились сегодня против той части Конвента, которая включает виновников общественных несчастий... мы требуем обвинительного декрета против тех, кого считают виновными, и чтобы эти обвиняемые удалились из Конвента и не имели возможности ни обсуждать, ни голосовать, ни присутствовать при рассмотрении вопроса, их касающегося».

1 июня, в промежуток между двумя народными выступлениями, когда Конвент еще колебался, Буассель написал два новых обращения: одно к «гражданам», другое к депутатам Конвента. В первом из них он напоминал слова Петиона, что народом лишь пользуются, дабы совершить революцию, а после этого необходимо, чтобы народ вернулся на свое место. Действительно, с начала революции люди, использовавшие народное движение, «были гораздо менее заняты счастьем народа, чем изысканием средств, чтобы дать ему новых хозяев». Но, наконец, настало время, когда интриганы, изменники и заговорщики разоблачены народом. «Конвент обязан расправиться с ними, если он не хочет стать их соучастником и вынудить народ отделаться от него. Народ в Париже тот же, что и в других местах республики; все граждане вместе и каждый в отдельности обязаны спасти ее; их представители, являясь поручителями и ответственными за благо народа, должны первыми выполнить это обязательство; в противном случае это поручительство и эта ответственность ложится на французский народ в Париже; он не может поэтому предаваться безделью, не заслуживая порицания и не становясь виновным в отношении французского народа, населяющего все департаменты». В заключение Буассель вновь повторял, что нельзя ограничиваться полумерами, которые до сих пор приносили лишь зло.

В помеченном тем же днем обращении к депутатам Конвента Буассель, повторяя почти дословно свою аргументацию, изложенную в его обращении от 30 мая, требовал удаления из Конвента виновных депутатов, указывая, что в противном случае народ будет вынужден сам расправиться с ними.

О том, какое активное участие принял Буассель в развернувшихся событиях, можно составить себе некоторое представление и по протоколам Якобинского клуба. На заседании клуба 2 июня 1793 г. именно Буассель выступил с сообщением о том, что Конвент принял декрет об исключении 22 жирондистских депутатов, сообщение, встреченное бурными приветствиями и аплодисментами. В протоколе приводится и изложение речи Буасселя, в которой он подробно описывал развернувшиеся в тот день в Конвент? события. Буассель не только присутствовал на этом историческом заседании Конвента, но и первым сообщил о принятом декрете собравшемуся у здания Конвента народу. «Я объявил эту новость вооруженным силам и всем гражданам. Меня спросили, являюсь ли я депутатом. Я ответил, что нет, но что я якобинец»[76].

9 июня на заседании Якобинского клуба Буассель внес предложение обратиться к Комитету общественного спасения с просьбой представить Конвенту декрет, предусматривающий удаление бывших дворян со всех гражданских и военных должностей[77]. 19 июня клуб принял соответствующее решение и постановил направить в Комитет общественного спасения шесть комиссаров. Среди этих комиссаров был и Буассель[78]. Три дня спустя, 22 июня, Буассель вновь выступил в клубе по этому вопросу. Сообщив, что из его беседы с самым безупречным членом Комитета общественного спасения выяснилось, что нет сведений о людях, которые могли бы заменить увольняемых дворян, он внес предложение составить список талантливых патриотов, способных с успехом занимать военные и гражданские должности. Это предложение было встречено аплодисментами[79].

9 июня, одновременно с выступлением в Якобинском клубе, Буассель написал новое обращение к «гражданам», в котором настаивал на необходимости решительной расправы с врагами революции. Излагая ход революции, он подчеркивал, что лить народные восстания спасали ее от козней врагов. В результате политики заправил Конвента республика оказалась столь близко к краю пропасти, что народ Парижа был вынужден подняться в третий раз, чтобы ее спасти. Конвент обязан поэтому принять суровые меры против тех своих членов, которые открыто замышляли гибель государства. «Подумайте о том, что идет бой не на жизнь, а на смерть между сторонниками нового порядка вещей и его врагами. Знамя гражданской войны поднято... народ должен или сам их истребить, или согласиться, чтобы его самого истребили». «Я ненавижу кровь, — писал Буассель в заключение, — но при этой альтернативе я предпочитаю видеть, как течет кровь врагов народа, чем видеть, как течет кровь его друзей».

Месяц спустя, 9 июля 1793 г., был опубликован за государственный счет написанный Буасселем «Адрес граждан-республиканцев Парижа своим братьям в департаментах и в армии»[80]. Это было воззвание, направленное против жирондистов, как врагов народа и сообщников контрреволюционеров, в котором якобинцы провозглашались «самыми ревностными защитниками республики». День 31 мая, говорилось в этом обращении, спас революцию. Нельзя вновь закабалить народ. «Начато движение к свободе и равенству. Народ не сделает ни одного шага назад». Несомненный интерес представляет постскриптум, в котором сказано, что Комитет общественного спасения обвиняют в пособничестве жирондистам, что «некоторых членов Горы упрекают в том, что в настоящее время они слишком богаты, чтобы быть истинными друзьями народа, которого продолжают разорять и морить голодом, и, наконец, что если и после назначенного на завтра обновления состава Комитета дела не примут другой оборот, то беспорядок во всех отраслях администрации и опасности для родины останутся все теми же, а мы — по-прежнему разделенными, разоренными, голодными и истребляемыми». Этот постскриптум, написанный накануне 10 июля, когда из Комитета общественного спасения были удалены дантонисты, свидетельствует, что Буассель решительно осуждал правое крыло якобинцев и поддерживал (как это видно и из «Бесед отца Жерара») Марата и Робеспьера. Постскриптум этот свидетельствует также, что и после установления якобинской диктатуры Буассель не считал революцию закопченной и ее цели достигнутыми; положение народа продолжало, по его убеждению, оставаться весьма тяжелым; был сделан шаг в направлении подлинной свободы и равенства, но народ их еще не обрел.

«Адрес» Буасселя получил самое широкое распространение. В его архиве сохранилось, например, письмо военного министра Бушотта от 14 июля 1793 г., из которого мы узнаем, что последнему была передана тысяча экземпляров этого адреса и что он отдал распоряжение о его быстрейшем распространении в армии.

Теперь Буассель с удвоенной энергией стал распространять и «Беседы отца Жерара». Прежде всего он поспешил представить свою работу очищенному от жирондистов Конвенту. На утреннем заседании Конвента 17 июня 1793 г., в числе прочих адресов и петиций, было зачитано «письмо гражданина Буасселя, преподносящего книгу, озаглавленную «Беседы отца Жерара о политической конституции и революционном правительстве французского народа»». Конвент принял постановление упомянуть об этом в своем протоколе и переслать эту работу Комитету по народному образованию[81].

В архиве Буасселя сохранилось и другое письмо Бушотта, от 23 июля 1793 г. В письме этом мы читаем: «Я принимаю ваше предложение взять остаток издания «Бесед отца Жерара», которое Общество постановило разослать своим приверженцам за распространение которого может принести большую пользу». Итак, Бушотт, близкий, как известно, к левым якобинцам, давал согласие взять оставшиеся экземпляры «Бесед отца Жерара» (часть которых была, по постановлению Якобинского клуба, разослана всем его филиалам в департаментах) для их распространения в армии. Таким образом, не вызывает сомнения, что это программное произведение Буасселя получило значительное распространение и содействовало тем самым, в период якобинской диктатуры, пропаганде коммунистических идей.

Буассель считал теперь возможным и необходимым осуществить политическую программу, изложенную в «Беседах отца Жерара». Летом 1793 г. он составил ряд конкретных проектов, имевших целью проведение политических и экономических мероприятий, намеченных в его плане революционного правительства санкюлотов. Он разработал целую серию уже известных нам проектов постановлений, предусматривавших чистку секций и превращение их в революционные народные общества, лишение всех лиц, враждебных новому порядку вещей, гражданских прав, провозглашение всех собственников депозиторами, хранителями хлеба, подотчетными государству, государственное распределение продовольствия, введение всеобщего максимума и т.п.

Датировка этих проектов устанавливается исходя из следующих данных. В них упоминается о «третьем восстании для спасения родины», под которым Буассель подразумевал события 31 мая — 2 июня; следовательно, проекты эти были написаны уже после установления якобинской диктатуры. В то же время они были составлены от имени секции Мельничного холма, т.е. еще до 12 августа, до переименования этой секции в секцию Горы. Наконец, в них говорится о том, что все секции назначили комиссаров, которые составили совместно общий совет, чтобы заботиться о нуждах Парижа. Известно, что 28 июля секция Борепер предложила всем другим секциям направить по два комиссара в здание Епископства. 31 июля комиссары секций собрались в этом здании, где и заседали до 25 августа, когда их собрание было распущено по постановлению Конвента. Августовское секционное движение было непосредственно связано с тяжелым продовольственным положением Парижа[82]. Недаром собрание комиссаров сразу же потребовало представления отчета Продовольственной администрации. Буассель, который, как мы знаем, уже и раньше принимал самое активное участие в деятельности парижских секций, воспользовался этим новым секционным движением, чтобы добиться осуществления мероприятий, связанных с установленном революционного правления санкюлотов. Он пытался теперь осуществить выработанную им политическую и экономическую программу через свою секцию, а также через собрание комиссаров секций, т.е. используя народное санкюлотское секционное движение, одним из наиболее радикальных представителей которого он и выступал в эти дни.

Летом и осенью 1793 г. Буассель продолжал принимать самое активное участие и в работах Якобинского клуба. 2 августа он вновь выступил по вопросу о смещении бывших дворян; утверждая, что некоторые члены клуба не понимают необходимости этой меры, он доказывал ее настоятельность[83]. 25 августа Буассель сообщил об отъезде Кутона в армию Келлермана и передал Якобинскому обществу его пожелания[84]. 2 сентября (накануне народного выступления 4—5 сентября) он зачитал адрес, который должен был быть представлен Конвенту. Адрес этот требовал смещения дворян, амальгаму регулярных войск с добровольцами и создания в тылу революционной армии[85]. 18 сентября Буассель обвинил военного министра в том, что тот не проявляет достаточной активности в деле чистки штабов армии[86]. 25 сентября он выступил по поводу декрета Конвента, поручавшего Комитету по народному образованию выпускать ежедневный листок, посвященный вопросам морали. Эта идея, сказал он, в принципе хороша, но при сложившихся обстоятельствах нужно сосредоточить внимание на более важных задачах. Он прямо обвинил в этой связи правые элементы Конвента в стремлении отвлечь внимание от актуальных вопросов. «Хотят отвлечь внимание от больших мер, которые мы хотели принять и осуществление которых было бы для них пагубным»[87]. Напомним, что дело происходило накануне обсуждения закона об общем максимуме, когда в порядке дня стояли самые насущные вопросы революции, в том числе и вопрос о революционном терроре и более решительной борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией.

Между тем продовольственное положение в Париже продолжало ухудшаться. Известно, что даже закон об общем максимуме, принятый Конвентом под давлением народных масс 29 сентября, не привел непосредственно к улучшению продовольственного положения столицы. В течение всего октября, до введения хлебных карточек, резко ощущался недостаток хлеба, все более многочисленными становились скопления народа у дверей булочных, усиливались волнения. 26 октября секция Пантеона приняла решение образовать совместно с другими секциями центральную комиссию «на предмет снабжения всеми возможными способами всех парижских секций всеми продуктами и предметами первой необходимости». 27 октября делегаты 48 секций потребовали от Коммуны «принятия новых мер для успокоения тревоги населения ввиду все растущей трудности доставать хлеб»[88].

Именно к этому времени и относятся новые выступления Буасселя по продовольственному вопросу. В его архиве имеется записка к мэру Парижа Пашу, помеченная 2 сентября 1793 г., следующего содержания: «Гражданин мэр, те, кто стоит во главе Продовольственной администрации Парижа, должны быть или дураками, или негодяями, если в течение такого длительного времени, при изобилии зерна и пшеницы в результате двух последних урожаев, отравляют нас в Париже, поставляя булочникам такую плохую муку. Я заявляю вам, что, возмущенный беспорядком, который царит в этой администрации, беспорядком, который и является единственной причиной тревог и бедствий, приводящих в негодование все мыслящие существа, я разоблачу эту администрацию сегодня вечером у якобинцев». В тот день, 2 сентября, в протоколах клуба зафиксировано, как мы знаем, выступление Буасселя по вопросу о смещении дворян и организации революционной армии. Очевидно, в связи с этим последним предложением, выдвигавшимся в то время народными массами (организация революционной армии для обеспечения Парижа хлебом явилась два дня спустя одним из главных лозунгов народного движения), Буассель и коснулся продовольственного положения, но нам неизвестно содержание его выступления. 14 октября он вновь выступил в Якобинском клубе по этому вопросу с большой речью. «Я только что проходил, — сказал он,— перед воротами Сен-Дени, где увидел большое скопление народа. Я спросил о причине: мне ответили, что причиной этому были фермеры,

которых арестовали, после того как у них было найдено большое количество проросшего и почти сгнившего зерна. Наконец будут судить этих людей, которые давно уже ведут столь жестокую войну против народа. Надеюсь, что это раскроет, какими способами добились скопления у дверей булочных невероятного количества людей, не имеющих возможности получить хлеб. До сих пор Продовольственная администрация окружает тайной свои действия. Пришло время разорвать эту завесу. Я предлагаю всем секциям отправиться в Коммуну с требованием, чтобы эти администраторы отчитались во всех своих действиях». После выступления следующего оратора Буассель вновь взял слово и предложил, чтобы власти обязали всех собственников съестных припасов вывешивать на дверях список этих припасов с указанием их количества[89].

Среди бумаг Буасселя сохранился черновик коллективного обращения по продовольственному вопросу, адресованного «гражданам представителям». Оно было также написано им в эти дни, так как его содержание совпадает с выступлением Буасселя в Якобинском клубе. Если учесть, что в своем выступлении Буассель предлагал, чтобы парижские секции отправили представителей в Коммуну для обсуждения вопроса о снабжении Парижа продовольствием, то следует полагать, что указанное обращение было адресовано Коммуне. В нем выражалось изумление, что и после Неккера и Ролана, оказавших столь пагубное влияние в продовольственном вопросе, правительство не приняло мер, чтобы помешать морить народ голодом или отравлять его плохой мукой. Быть может, место этих министров заняли новые чудовища, раз Париж снова подвергся тем же бедствиям? Почему каждое утро не публикуется бюллетень, информирующий народ о количестве хлеба и муки, предназначенных для ежедневного снабжения Парижа, перечисляющий покупателей и торговцев и места продажи, а также имена служащих, доставляющих хлеб по назначению? Почему эту важнейшую отрасль администрации покрывает густая завеса, скрывающая поведение администраторов сверху до самого низа? Почему поставляют булочникам недоброкачественную муку с 8 до 9 часов вечера, чтобы они не имели времени ее осмотреть, и почему те не открывают глаза народу и Конвенту на причины всего этого беспорядка и всех этих бедствий? Разве не создается впечатление, что правительство находится в согласии со всеми теми, кто пользуется этим беспорядком и этими бедствиями, что не публикуют никакого бюллетеня и покрывают себя густой завесой, дабы избежать всякой ответственности и ради неисчислимых прибылей? Необходимо поэтому вызвать министра внутренних дел и всех начальников администрации по снабжению Парижа, допросить их и предписать публиковать ежедневно подробный бюллетень, а также выработать порядок, при котором нельзя было бы ни обманывать, ни мошенничать в деле, наиболее существенном для общественного блага.

В архиве Буасселя имеются и два других документа, посвященных тому же вопросу. Один из них — проект постановления секции Горы (бывшей секции Мельничного холма)[90] по «докладу, сделанному на предыдущем заседании одним из ее членов». Поскольку изложенное в констатационной части содержание этого доклада о причинах продовольственного кризиса полностью совпадает со взглядами Буасселя, то совершенно очевидно, что этим докладчиком был он сам. В этом нет ничего удивительного, так как осенью 1793 г. он играл уже видную роль в своей секции, прежде являвшейся одним из оплотов умеренных, но «возрожденной» 12 августа, когда якобинцам удалось взять руководство ею в свои руки. Как видно из сохранившегося в его архиве письма от 10 октября 1793 г., он был в то время членом ее революционного комитета[91]. В проекте постановления, предложенного Буасселем, говорилось, что секция Горы приглашает все другие секции Парижа послать депутацию в Генеральный совет коммуны, «чтобы разоблачить всех руководителей Продовольственной администрации и потребовать у них объяснений, с тем чтобы затем Коммуна и секции приняли меры, необходимые для общего блага».

Другой документ — новое обращение к Генеральному совету Коммуны от имени секции Горы, в котором в самых резких выражениях осуждалась бездеятельность Коммуны в продовольственном вопросе. «Мы еще не видели, — говорилось там, — чтобы на обсуждение Совета (т.е. Генерального совета коммуны. — *А.И.*) был поставлен вопрос о средствах, необходимых для предотвращения всякого рода мошенничеств со стороны администраторов продовольствия и их подчиненных, а также булочников. Нет никакого регламента на этот счет, а без такого регламента, который не давал бы им возможности вредить государству в деле, наиболее важном для общественного блага, они безнаказанно могут морить нас голодом... Да, граждане, многие полагают, что среди вас есть подкупленные люди, которые не следят так, как вы должны были бы следить, за всеми уловками, которые уже давно применяют, чтобы морить голодом или отравлять Париж... Граждане, самого существования злоупотреблений в этой области достаточно, чтобы служить в революционное время доказательством, которое вам необходимо для обнаружения и сокрушения виновных, которыми могут быть лишь те, кто стоит во главе этой администрации... Весьма удивительно, что вы терпели, чтобы в течение такого длительного времени народ был вынужден среди изобилия умирать от голода и есть плохой хлеб».

Приведенные выше документы показывают, что осенью 1793 г. Буассель в продовольственном вопросе выступал в одном ряду с левыми якобинцами Венсаном, Шометтом и другими, требовавшими суровых мер, чтобы обеспечить выполнение закона о максимуме и наладить снабжение Парижа.

Буассель высказывался в эти недели и месяцы не только по этому вопросу. Как видно уже из его выступлений в Якобинском клубе, он одновременно настойчиво боролся за чистку всех органов власти, государственных учреждений и армии от контрреволюционных элементов, за решительную расправу с врагами народа. Среди бумаг Кутона, конфискованных в момент ареста, имеется письмо Буасселя от 3 сентября 1793 г.[92] Письмо это также свидетельствует о близких личных отношениях Буасселя с руководителями якобинцев. Обращаясь «к моему дорогому Кутону» (находившемуся в то время в армии), он писал: «Следите за вашим здоровьем; сообщайте нам свои новости, пишите нам письма; я целую вас и всю вашу семью». Буассель считал большой удачей, что контрреволюционные мятежи вспыхнули в разных местах республики не одновременно, иначе им трудно было бы противостоять. Но победы, одержанные в Вандее и на юге страны, не означают, что не могут иметь места новые контрреволюционные выступления. «Это, — продолжал Буассель, — и побудило Якобинское общество принять обращение к Конвенту от имени всех народных обществ секций Парижа и всей республики, преследующее цель добиться декрета об отозвании всех дворян со всех гражданских и военных должностей, а также чтобы террор был поставлен в порядок дня и чтобы как следствие этого немедленно была организована революционная армия, подразделения которой, с приданными им трибуналами, сносили бы головы всем заговорщикам на всей территории республики и подавили бы в конце концов даже самые маленькие зародыши аристократии и фанатизма. Это обращение было зачитано вчера вечером, а сегодня утром соберутся у якобинцев, чтобы получить общее согласие и коллективно отнести это обращение в Конвент». Из протоколов Якобинского клуба мы знаем, что 2 сентября именно Буассель зачитал в клубе этот адрес. Таким образом, он был одним из инициаторов чистки административного аппарата и армии от бывших дворян — мероприятия, осуществленного в конце концов революционным правительством, хотя и с большим запозданием.

В письме к мужу своей племянницы Буассель писал: «Правосудие народа запаздывает; кто теряет время — грешит; в армии вот уже более 100 тысяч патриотов погибли из-за измен уполномоченных народа как в Конвенте, так и в различных отраслях гражданской и военной администрации; народу давно пора принять все меры, способные обеспечить его покой, и в особенности предотвратить, чтобы его продолжали истреблять, морить голодом и разорять, как это делали с начала революции».

К числу враждебных элементов, от которых Буассель призывал очистить все государственные и общественные органы, он относил отнюдь не одних дворян. В специальном обращении к Конвенту он указывал: «Все финансовые поручения, согласно вашим декретам, предоставлялись лишь под денежный залог, так что теперь финансы Республики доверены не республиканцам, а аристократам, не истинным друзьям народа, а его самым опасным врагам. Ведь это правильно, граждане законодатели, что нельзя привести почти ни одного примера, чтобы богатый человек поручился за настоящего республиканца, а не за человека, преданного старому порядку вещей, готового пожертвовать ради него своей кассой по первому сигналу контрреволюции. Мы требуем, граждане законодатели, чтобы для службы республике использовались добродетели, а не пороки, чтобы к заведованию финансами республики была призвана почтенная бедность». Буассель причислял к сторонникам старого порядка вещей и, следовательно, контрреволюции всех богатых людей и требовал передачу всех органов власти и всего управления в руки представителей неимущих слоев населения.

В первые месяцы после установления якобинской диктатуры Буассель, несомненно, еще твердо надеялся, что новое революционное правительство, пришедшее к власти в результате «третьего народного восстания», превратится, в конечном счете, в то революционное правительство санкюлотов, о котором он мечтал, что якобинская республика и явится тем истинным республиканским строем подлинного равенства и братства, который полностью ликвидирует «старый порядок вещей», основанный на частной собственности, и подготовит грядущее торжество нового коммунистического общества. Более того, он мечтал о преобразовании всего земного шара, о грядущей всемирной коммунистической республике. В черновом наброске — «Проект универсальной конституции и временного правительства Французской республики» — он провозглашал: «Земной шар и его обитатели будут рассматриваться как образующие человеческую или универсальную республику, а различные народы — как столько же секций или департаментов этой республики, образующие одну семью. Народы в отношении друг друга будут тем же, что граждане или индивидуумы свободного народа, которые коллективно и индивидуально ассоциируются и устанавливают общение не для того, чтобы себя разделять, обманывать, вводить в заблуждение, угнетать, унижать, вести войны и истреблять друг друга, а для того, чтобы объединиться, просветить себя, сделать себя счастливыми и оставаться счастливыми с помощью друг друга». Формулируя далее этот проект всемирной республики, Буассель вновь излагал в

последующих параграфах свои основные коммунистические тезисы. Человек появляется на земле совершенно нагим, ему ничего не принадлежит и не может принадлежать. Нужно путем соответствующего воспитания побороть эгоизм, свойственный человеку, и дать ему «усвоить привычку, навык и любовь к верным средствам, чтобы осуществить счастье своих ближних, которые, воспитанные подобно ему, будут все и создателями и поручителями его личного счастья».

Какими радужными надеждами был в то время преисполнен Буассель, какой он себе представлял Французскую республику и будущее человечества, видно из его письма к Давиду. «Я считаю своим долгом, гражданин Давид, — писал он знаменитому художнику, — поделиться с тобой пришедшей мне идеей о монументе, наиболее подходящем, чтобы выразить эмблему Свободы. Я хотел бы, чтобы на пьедестале установили земной шар, чтобы на этом шаре сидели четыре статуи одного облика, размещенные так, чтобы одна была обращена к северу, другая к югу, третья к востоку, четвертая к западу; я хотел бы, чтобы их увенчивали один или несколько рогов изобилия, исходящих из центра шара позади каждой из статуй; я хотел бы, чтобы вместо шара на одной из своих рук они держали бы: первая — эмблему равенства, вторая — эмблему братства, третья — гения сельского хозяйства, четвертая — гения индустрии и искусств, имея каждая копье для их защиты; я хотел бы, чтобы на каждой стороне пьедестала можно было бы прочесть следующую основную максиму истинной конституции: Социальный человек рожден для того, чтобы научиться обеспечить счастье себе подобного». Эта «максима истинной конституции» — одна из основных коммунистических формул Буасселя — еще раз показывает, что понимал он под истинным республиканским обществом равенства и братства, под истинной свободой, монумент которой он предлагал воздвигнуть.

XI

Политическая позиция Буасселя, его радикальные социальные воззрения, в значительной мере противоречившие политической линии и взглядам руководящего большинства Якобинского клуба, сыграли, несомненно, определенную, если не решающую, роль в разыгравшемся вскоре конфликте между Буасселем и его противниками. В ноябре 1793 г. Буассель внезапно был исключен из Якобинского клуба, причем ему было предъявлено обвинение в критике Революционного трибунала в связи с одним из вынесенных последним приговоров[93].

В архиве Буасселя сохранился ряд документов, относящихся к этому делу, которые дают возможность составить о нем более полное и правильное представление. Это прежде всего протокол Комитета по представлению (Comite de presentation) Якобинского клуба от 24 брюмера II года. Как явствует из этого протокола, на своем заседании 21 брюмера (11 ноября) Якобинский клуб принял постановление передать на рассмотрение этого комитета сделанный членом Якобинского общества и присяжным Революционного трибунала Реноденом донос на члена Общества и присяжного Революционного трибунала Пикара, а также на члена и архивариуса Общества Буасселя по поводу петиции, представленной ими Комитету общественного спасения с целью спасти от смерти гражданина Гондена, которого они считали патриотом и невинным. Выступая на заседании комитета, Буассель дал прежде всего отвод двум его членам — Русселю, как выступавшему на одном из заседаний Якобинского клуба против него в связи с представлением им своей работы «Катехизис человеческого рода», как человеку, выдвинутому Роланом и его сообщниками, а также «гражданину Николя», как всячески его поносившему после того как он, исходя из интересов экономии, голосовал за то, чтобы передать печатание «Журналь де ля Монтань» гражданину Фебрье, который брался печатать этот журнал почти в два раза дешевле. Между тем именно на этого Николя и ссылался Реноден в своем выступлении, как на свидетеля, будто бы слышавшего, как он, Буассель, сказал, что Революционный трибунал еще раз нанес удар равенству, что является чудовищной клеветой. Затем Буассель представил комитету свои работы с краткой их характеристикой. Но, несмотря на заявления и аргументы Буасселя, 26 ноября Якобинский клуб по докладу Комитета по представлению исключил его из своего состава, даже не выслушав.

Буассель выступил с резким протестом против этого несправедливого решения. В своем обращении к Обществу якобинцев он заявлял, что никогда не обвинял Революционный трибунал, как об этом свидетельствует и письмо «гражданина Робеспьера» Комитету по представлению, письмо, которое этот комитет обязан был представить Обществу, чего, однако, не сделал. Он никогда не высмеивал также уголовный трибунал департамента, а лишь, исходя из общественных интересов, имел однажды разговор с его председателем по поводу одного дела, на рассмотрении которого присутствовал как присяжный[94]. Он никогда не заявлял, что Революционный трибунал намерен перерезать горло бывшему герцогу Орлеанскому; его подлинное отношение к этому крупному заговорщику выражено в адресе от имени республиканцев Парижа, напечатанном за счет республики в количестве 6 тысяч экземпляров. В заключение Буассель вновь указывал на личные мотивы, которыми руководствовался «гражданин Николя», строя против него козни в связи с передачей издания «Журналь де ля Монтань» другому издателю.

В особом письме на имя председателя Якобинского клуба Буассель просил доложить Обществу следующее. В течение всей революции и даже до нее он выступал против деспотов, аристократов и всякого рода интриганов; в самые критические и бурные времена он содействовал распространению принципов общественного блага и счастья человеческого рода. Между тем Общество, не заслушав его, на основании лишь несправедливого доклада Комитета по представлению и клеветнических доносов, вызванных ненавистью и мстительностью продажных людей, руководствующихся лишь своими личными интересами, исключило его, своего архивариуса, из своего состава. Испытывая глубокое чувство боли и справедливого негодования, он протестует против нарушения Обществом своего регламента и элементарных принципов справедливости, требующих, чтобы никто не был осужден, не будучи выслушан. Он просит поэтому, чтобы принятое в отношении него решение было бы отменено и чтобы он был заслушан.

В другом обращении к председателю клуба, помеченном 16 нивоза II года (5 января 1794 г.), Буассель вновь повторял свои доводы. Говоря о своей политической деятельности, он указывал, что в «Беседах отца Жерара» он выдвинул проект революционного правительства, установлению которого государство и обязано своим опасением. Он снова ссылался на письмо Робеспьера, которое опровергало возведенную на него клевету, и требовал огласить это письмо на заседании клуба.

Среди его бумаг имеется и черновик заявления следующего содержания: «Я заявляю всем моим братьям, истинным якобинцам республики, что я вовсе не обвинял присяжных Революционного трибунала, о чем могут свидетельствовать все мои сограждане, которые слышали мои высказывания о деле, послужившем поводом для этого доноса, на одном из общих собраний моей секции Горы; это же было засвидетельствовано два дня спустя народным обществом той же секции, где председатель предложил мне дать объяснение о мотивах, побудивших меня предпринять данные шаги». Буассель, таким образом, в опровержение возведенных на него обвинений, ссылался на свою секцию и ее народное общество, вставшие на его сторону.

Все приведенные выше документы не оставляют сомнения, что исключение Буасселя из Якобинского клуба было делом рук пристрастных лиц, относившихся к нему с неприязнью. Обвинение Буасселя в дискредитации Революционного трибунала послужило явным предлогом, которым воспользовались его враги, чтобы разделаться с ним. Вся деятельность Буасселя, все его политические выступления, вся его устная и письменная пропаганда свидетельствуют, что он был суровым революционером, беспощадным к врагам революции. Что это, как и другие надуманные обвинения, было лишь предлогом для расправы с ним, видно из того, что Комитет по представлению провел в Якобинском клубе его исключение, даже не предоставив ему возможности выступить. Интересно, что среди лиц, руководивших кампанией против Буасселя, были Руссель-старший, в прошлом тесно связанный с жирондистами и не скрывавший своей враждебности принципам, изложенным в «Катехизисе человеческого рода», а также «гражданин Николя», издатель, которого Буассель лишил прибылей, передав печатание органа клуба в другую типографию на более выгодных условиях. Это был тот самый примазавшийся к якобинцам владелец крупной типографии Николя, стремившийся лишь к наживе и известный своими темными махинациями, которого еще в июне 1793 г. справедливо обвиняли в Якобинском клубе в крайне небрежном издании «Журналь де ля Монтань»[95]. И именно этот типичный представитель столь ненавистного Буасселю «класса собственников» и сыграл решающую роль в исключении его из Якобинского клуба. Наконец, клеветнический характер выдвинутых против Буасселя обвинений виден из того факта, что в его пользу свидетельствовал и сам Робеспьер, письмо которого его враги (что тоже очень характерно) постарались скрыть от членов клуба.

Как долго оставался Буассель исключенным из Якобинского клуба? Одно из его обращений датировано 5 января 1794 г., и следовательно, полтора месяца спустя после исключения, он не был еще в нем восстановлен. Среди его бумаг имеется и записка неизвестному адресату, в которой, упоминая о своем конфликте с Якобинским клубом, Буассель писал: «Я надеялся, что гражданин Робеспьер избавит меня от этого затруднения». Эти слова дают основание полагать, что вопреки его ожиданию Робеспьер ограничился лишь тем, что написал упомянутое выше письмо, не предприняв никаких других шагов в его защиту. Имя Буасселя вновь появляется в протоколах Якобинского клуба лишь после термидора. В них нет никакого упоминания о том, когда он был восстановлен в клубе. С другой стороны, среди бумаг Буасселя нет никаких обращений по вопросу о его исключении из клуба, датированных позже января 1794 г. Вполне возможно поэтому, что он был восстановлен в своих правах еще в начале этого года, но только на первых порах не выступал на заседаниях клуба.

А. Р. ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Как бы то ни было, Буассель продолжал следить за текущими событиями, принимать участие в общественно-политической жизни и высказывать свои суждения. В апреле 1794 г. он был на заседании Конвента, когда там выступил Сен-Жюст с докладом, по которому было принято постановление о создании при Комитете общественного спасения бюро общей полиции, что еще более усиливало власть этого комитета и ставило фактически под его контроль деятельность Комитета общественной безопасности. 26 жерминаля (15 апреля) Буассель обратился к Сен-Жюсту с письмом по поводу его доклада. Одобряя его в целом, Буассель делал, однако, ряд замечаний. Одно из них касалось способа обнаружения скрывающихся дворян, другое — недостаточно точного определения национального представительства. Основное возражение Буасселя заключалось в следующем: «В демократическом государстве власть не может существовать вне закона, и те, кого ты называешь властями, являются лишь общественными служащими, получающими или не получающими жалованья, которые вследствие этого могут иметь лишь обязанности, кои они должны выполнять. Если бы было иначе, существовал бы, как при старом режиме, разряд лиц, стоящих над общим классом народа (au des-sus de la classe generale du peuple), что не может согласоваться с основными принципами свободы, равенства и братства». Буассель, как видим, противопоставлял свои политические принципы, свое представление о революционном правительстве, принципам и практике якобинской республики, органы власти которой принимали все более самодовлеющий характер и все более утрачивали связь с массовыми народными организациями. Письмо Буасселя Сен-Жюсту свидетельствует уже о его явном разочаровании режимом якобинской диктатуры, которую он на первых порах пытался отожествить со своей политической мечтой о революционном правлении санкюлотов.

Буассель писал не только Сен-Жюсту. Он продолжал поддерживать связь и с Робеспьером. Среди бумаг, найденных у Робеспьера после его ареста, имеется и письмо Буасселя, помеченное 10 мессидора II года (28 июня 1794 г.)[96]. Выражая свое недовольство дебатами по докладу «о священниках», имевшими место накануне в Конвенте (он присутствовал на этом заседании), и считая недопустимым, чтобы член Конвента, не входящий в состав Комитета общественного спасения или Комитета общественной безопасности, предлагал меры, которые подобало бы предлагать этим комитетам[97], Буассель далее писал: «Я считаю своим долгом информировать тебя также, что не знаю по какому мотиву секция Горы призывает всех граждан секции подписать Конституцию, как если бы она не была уже принята коллективно и индивидуально поименной перекличкой в момент своего опубликования». Письмо заканчивалось следующим советом: «Не принимай никого, кто не был бы тебе хорошо известен, береги свое здоровье; провидение заботится о безопасности тех, чьи намерения всегда были и всегда будут чистыми».

1 мессидора секция Горы решила начать сбор подписей лиц, одобряющих Конституцию 1793 г. Это был маневр, направленный против революционной диктатуры и террора. Одновременно дебаты в Конвенте давали все больше поводов для косвенных выступлений против руководящей роли Комитета общественного спасения. Буассель, видимо, хорошо понимал все происходящее и поэтому счел необходимым обратиться к Робеспьеру с этим письмом. Он ясно чуял нависшую над Робеспьером опасность и спешил предупредить его. Но события быстро развивались, и дни революционной диктатуры были уже сочтены. Ровно через месяц Робеспьер и его соратники погибли на эшафоте.

XII

Имя Буасселя неразрывно связано с историей последних месяцев Якобинского клуба, тех трагических месяцев, когда последние монтаньяры вели неравную борьбу с силами термидорианской реакции. Краткие записи его выступлений в протоколах клуба рисуют его как одного из тех якобинских деятелей, которые до конца оставались верны своему знамени. В своих речах он подчас говорил и о «тирании Робеспьера», но в то же время страстно боролся против буржуазной реакции, за сохранение режима революционной диктатуры.

Одним из самых актуальных политических вопросов, вокруг которых сразу же после термидорианского переворота развернулась ожесточенная борьба, был вопрос о свободе печати. Неограниченной «свободы печати» громко требовали термидорианцы и все враги якобинской диктатуры, чтобы иметь возможность беспрепятственно развернуть широкую клеветническую кампанию против якобинцев и вести контрреволюционную пропаганду. В самом Якобинском клубе в течение всего августа термидорианцы, до того как они были исключены из клуба, с шумом выступали в защиту неограниченной свободы печати, одновременно нападая на режим революционной диктатуры. Это требование выдвигали Реаль, Лежандр и другие, а 18 августа Тальен выступил даже в защиту лозунга: «свобода печати или смерть». Им возражали другие члены Якобинского клуба, верные принципам революционного правительства. Они высказывались «за свободу печати для патриотов, но не для аристократов»[98]. Среди последних был и Буассель, вновь принимавший самое активное участие в работах клуба[99]. На заседании 23 августа он внес свой «Проект закона о гарантии свободы печати, о ее цели и о средствах предотвратить злоупотребление ею». Буассель имел в виду не допустить использование печати враждебными революции элементами. Каждый, указывалось в проекте, может выражать свое мнение, если

только оно не наносит ущерба общественному делу. Вредными для общественного дела должны считаться все действия и все сочинения, посягающие на естественные права человека, единство и нераздельность республики, равенство, общую и индивидуальную свободу, единое национальное представительство[100].

Пять дней спустя, на заседании 28 августа, Буассель выступил в защиту народных обществ в связи с вопросом о допуске в зал заседаний депутации Общества защитников прав человека, заседавшего в секции Кенз-Вен. Настаивая на принятии этой депутации, Буассель заявил, что «во время тирании Робеспьера народные общества Парижа были упразднены, так как злодей надеялся, что ему будет легче господствовать, если он сократит их число»[101]. Такая краткая протокольная запись не дает, конечно, возможности составить себе полное представление об этом выступлении Буасселя, но она все же свидетельствует, что если он и критиковал теперь Робеспьера, то критиковал с левых позиций, за отрыв от народных масс, на что прямо намекал еще в период якобинской диктатуры в своем письме Сен-Жюсту.

Среди бумаг Буасселя имеется довольно длинное послание — обращение «к гражданам» от 15 фруктидора (1 сентября 1794 г.). В обращении этом Буассель писал: «С начала революции я не переставал писать, печатать и публично говорить, что всякого рода коварства, измены и заговоры против нового порядка вещей вовне и внутри страны были поставлены в порядок дня всеми классами, заинтересованными в его уничтожении. Я руководствовался принципом и правилом, что народ, совершающий революцию против тиранов, обманщиков и угнетателей всех видов, мог избавиться от них лишь с помощью революционного правительства». Напомнив о своих выступлениях против Учредительного и Законодательного собраний, поощрявших контрреволюцию, Буассель далее продолжал: «Исходя из этого принципа и из этого правила, я и написал «Беседы отца Жерара», в которых показывал, что именно потому, что отклонились от них, на Францию и обрушились всякого рода бедствия, которые в конце концов погребут ее под своими развалинами, если не будут установлены самые репрессивные законы и меры против различных классов, враждебных новому порядку вещей, и против всех должностных лиц, включая и членов самого народного представительства, которые станут подозрительными. Именно с этой целью... я дал план революционного правительства, которое установили и организовали приблизительно лишь год спустя... Я не стану говорить вам о «Катехизисе человеческого рода»; замечу только, что если при воспитании отклоняться от правил и принципов, изложенных в этой работе, то передадут потомству лишь несовершенный порядок и, следовательно, осужденный на гибель».

Далее Буассель переходил к характеристике положения, сложившегося во Франции после термидора. «Чрезмерные мероприятия, последовавшие за установлением революционного правительства, побудили совершить действия, которые никогда не имели места даже у каннибалов. Из этой крайности кинулись в другую. Выпустили из тюрем всех без различия, в том числе непримиримых врагов нашей революции... Отсюда все самые что ни на есть контрреволюционные толки и новые заговоры. Народ, совершающий революцию, не должен принимать никаких полумер в отношении своих врагов. Поставьте их хотя бы в такое положение, чтобы они не могли вредить; снабдите продовольствием Париж и коммуны республики; пусть все церкви будут предназначены для хранения провианта; пусть будет такой способ снабжения, который успокоил бы народ в отношении продовольствия... пусть будет такой распорядок, чтобы продавцы не назначали больше произвольно цену на плоды земли. Организуйте свободу и гарантию прессы — без этого нет больше свободы, нет больше узды для тех, кто хотел бы господствовать и обогащаться за счет общественных интересов и свободы. Пусть для осуществления этих неотложных вещей будут приняты столь строгие меры, чтобы самый дерзкий негодяй не мог бы безнаказанно их нарушать».

Это обращение дает нам возможность судить о политической позиции Буасселя непосредственно после термидора. Уже через месяц после термидорианского переворота он ясно видел его общественно-политические последствия. Он осуждал массовое освобождение из тюрем врагов революции, указывал на активизацию контрреволюционных элементов, требовал сохранения революционного правления и решительной борьбы с врагами народа. Он требовал также реальных мер для снабжения Парижа и других городов республики продовольствием и строгого контроля за таксацией цен, поскольку после термидора максимум постепенно переставали соблюдать еще до официальной его отмены Конвентом в декабре 1794 г. Он вновь высказывался за такую свободу печати, которая предусматривала бы необходимые гарантии против ее использования врагами революции, указывая, что в противном случае не будет больше узды для тех, кто стремится господствовать и обогащаться, т.е. для термидорианцев и нуворишей.

В сентябре политическая борьба в стране, в связи с постепенным усилением буржуазной реакции, еще более обострилась. 3 сентября термидорианцы Тальен, Фрерон и Лекуантр были исключены из Якобинского клуба, превратившегося в последний оплот сторонников революционной диктатуры. 5 сентября Якобинский клуб заслушал адрес народного общества Дижона, в котором выдвигалось требование организации во всех дистриктах революционных комитетов, ареста всех подозрительных, ограничения свободы печати и других аналогичных

мероприятий; клуб постановил разослать этот адрес армиям, народным обществам и секциям, развернув тем самым широкую агитацию за сохранение революционного правительства. Борьба Якобинского клуба против термидорианской реакции затруднялась расколом сил демократии. Некоторые демократические деятели, в том числе такие, как Бабеф, группировались вокруг Электорального клуба, высказывавшегося против революционной диктатуры и требовавшего полной ликвидации системы революционного правления. Но несмотря на это, в сентябре—октябре 1794 г. многие парижские секции присылали свои депутации в Якобинский клуб с заявлением о его поддержке и присоединении к адресу народного общества Дижона. В то же время с каждым днем все яростнее становились выступления против якобинцев термидорианских деятелей, мюскаденов, всех реакционных сил.

5 сентября Буассель вновь выступил в Якобинском клубе против неограниченной свободы печати, заявив, что слово «неограниченная» не должно означать ничего иного, кроме свободы писать о злоупотреблениях и о должностных лицах, изменяющих своему долгу[102]. 15 сентября он произнес в клубе речь, в которой, касаясь все усиливавшихся нападок на якобинцев, указывал на контрреволюционную сущность всей этой травли: «Необходимо напомнить, что когда тиран Австрии опубликовал манифест против свободы французов, он объявил, что будет вести войну против якобинцев, так как он хорошо знал, что, истребив якобинцев, ему будет не трудно уничтожить свободу. Я предлагаю, чтобы те, кто требует истребления якобинцев, рассматривались как сателлиты деспотов»[103]. 30 сентября Буассель предложил, чтобы парижские секции на своих собраниях рассмотрели вопрос о том, как осведомить Конвент о плохих гражданах, проникших в новые революционные комитеты[104]. Это был уже неприкрытый выпад против термидорианцев.

Непоколебимо верный революционным принципам, Буассель играл теперь в Якобинском клубе все возрастающую роль. 6 октября он был избран его вице-председателем[105]. Являясь одним из руководителей Якобинского клуба в последний месяц его существования, Буассель продолжал активную борьбу против термидорианского режима. В его архиве сохранилось два черновика, озаглавленных «Ответ вице-председателя Общества депутации народного общества секции Кенз-Вен по поводу речи, произнесенной одним слепцом из этой секции». Народное общество секции Кенз-Вен, одной из секций рабочего Сент-Антуанского предместья, являлось оплотом якобинцев. В докладе Комитета общественной безопасности, представленном Конвенту 15 ноября, указывалось, что в этом народном обществе произносились речи против Конвента, говорилось даже о необходимости восстания в случае нарушения народных прав[106]. В ответе Буасселя этой депутации было сказано: «Общество (т.е. Якобинский клуб. — *А.И.*) разделяет ваше рвение, ваши принципы и ваше беспокойство по поводу критического положения, в котором продолжает находиться республика. В этом повинны не управляемые, которые от этого страдают, не народные общества, которых преследуют, не патриоты, которых заключают в тюрьмы — так как они не повелевают, не обладают никакой властью, не назначают ни на какие должности и не имеют в своем распоряжении финансов. Все эти средства, граждане, находятся сегодня в руках Национального Конвента; но предатели, интриганы, расточители общественного достояния использовали и сейчас используют революционное правление, чтобы уничтожить свободу и национальное представительство... Под покровом этих мероприятий молодые вертопрахи, отрекшиеся от дела народа, эгоисты, развращенные и заблудшие люди злоупотребляют теперь этим правлением, чтобы воскресить аристократию, объединиться с внутренними и внешними врагами против якобинцев, совратить общественное мнение, разрушить и парализовать народные общества — бдительных стражей священных прав народа..., разделить и уморить голодом народ, уничтожить свободу, распустить национальное представительство». Любые должностные лица должны иметь не власть, а лишь обязанности; власть должна пребывать в хороших законах, санкционированных народом. «Без этого — лишь олигархия, в тысячу раз более тираническая, чем деспотизм, который мы сразили».

12 октября Буассель выступил с отчетом о чествовании, организованном в память Руссо, в котором он принимал участие как представитель Якобинского клуба. В этой связи он выразил пожелание, чтобы это чествование «явилось счастливым предзнаменованием победы, которую народные общества достойны одержать над врагами народа и его представительства»[107].

26 октября Буассель взял слово по вопросу о народном образовании. «Задача образования, — сказал он, — сделать людей вполне демократичными». Цель общества — всеобщее счастье. Цель образования — «внушить всем членам общества желание стать счастливыми друг с помощью друга»[108]. Как видим, и в эти критические дни Буассель продолжал публично проповедовать свои идеалы.

1 ноября Буассель в последний раз поднялся на трибуну, чтобы, как сказано в протоколе, «привлечь внимание Общества к дороговизне съестных припасов»; он потребовал мер, «способных обеспечить продовольствие по цене, доступной не только богачу, но и бедняку»[109].

Это было последнее выступление Буасселя в Якобинском клубе. Девять дней спустя клуб был разгромлен мюскаденами, а затем закрыт по постановлению Конвента.

22 брюмера, в тот самый день, когда Конвент вотировал декрет о временном закрытии Якобинского клуба, Буассель был вызван в Комитет общественной безопасности. В делах Комитета сохранился протокол его допроса[110]. Буасселю был задан вопрос, был ли он в кафе Цоппи (Zoppi) и какие он там держал речи. На это он ответил: «Да, он был там вчера утром и сказал в числе прочего: Учредительное собрание декретировало контрреволюцию, предоставив самым большим врагам революции все средства, чтобы ее разгромить; Законодательное собрание было организовано, чтобы осуществить контрреволюцию, что и явилось причиной восстания 10 августа; Национальный Конвент в начале своей деятельности сделал все для раскола и контрреволюции, что явилось причиной восстания 31 мая». На вопрос, не разглагольствовал ли он также о теперешнем поведении Национального Конвента, Буассель ответил отрицательно, но при этом двусмысленно заявил, что не может судить о действиях Конвента, что, быть может, меры, принимаемые Конвентом против якобинцев, и поведут к добру, но об этом можно будет судить только по их результатам; что касается намерений, которыми руководствуется Конвент, он не может о них ничего знать, лишь всевышнему надлежит судить о них. Далее Буассель заявил, что взгляды, которых он придерживается, изложены в «Беседах отца Жерара», в «Адресе граждан-республиканцев Парижа» и в «Катехизисе человеческого рода». В ответ на вопрос, где он находился в ночь с 9 на 10 термидора, он сказал, что в 10 часов был уже в постели и не знал даже, где собралась его секция. Заметим в этой связи, что секция Горы сразу же стала на сторону Конвента, и, следовательно, Буассель в день 9 термидора не присоединился к ее выступлению против робеспьеристов.

На этот раз, видимо, все обошлось благополучно, и Буассель не был задержан. Но он не только не прекратил публично высказывать свои взгляды, а, наоборот, усилил свою агитацию и с еще большей резкостью стал выступать против термидорианцев. Свидетельством этого является брошюра, которую он написал месяца два спустя и которую, по его словам, сдал в печать в самый день своего ареста, т.е. в феврале 1795 г. Экземпляр этой брошюры, пересланный им по выходе из тюрьмы Ревбелю, сохранился, вместе с его письмом, в архиве Директории среди обращений и прошений по личным вопросам[111].

Брошюра эта, напечатанная под псевдонимом Philothee, обращена к Конвенту и носит название «Регентство Питта, разоблаченное и раскрытое в рифмованной кое-как прозе врагом системы крови, изгнанным из Якобинского клуба и избежавшим гильотины»[112]. Хотя Буассель из тактических соображений выступал под псевдонимом и говорил о себе, как о противнике террора, едва избежавшем гильотины, его брошюра была целиком направлена против термидорианского режима. Это один из самых резких политических памфлетов против термидорианского Конвента. Хотя и написанный весьма посредственными стихами («кое-как рифмованной прозой», по выражению самого автора), памфлет этот, с большим гражданским пафосом, страстно разоблачал термидорианцев.

Обстановку, сложившуюся во Франции после термидора, автор характеризует как весьма выгодную Питту и всем врагам революции; более того, как созданную по их наущению и в их интересах, как «новую систему предательства, избиений и варварства врагов родины». Разве можно винить Общество друзей равенства в пролитой во время революции крови? Ведь народ и Конвент сами упразднили в то время жалость и сострадание. В то время нужно было разоблачать врагов, продавшихся Англии и проникших даже в Конвент. И разве не якобинцы спасли Францию? «Прочтите их переписку со всей нацией, и вы увидите, что своим надзором, своими трудами, своими предписаниями они расстроили замыслы недоброжелателен, воодушевили, спасли Францию». Теперь же «новые тираны, мошенники-заправилы» через своих эмиссаров чернят якобинцев и народные общества, обзывая их убийцами. Быть может, они делают это из мести, так как Общество якобинцев выставило их вон? Разве они сами не были якобинцами? Значит, они тоже были убийцами? Теперь эти презренные люди обвиняют якобинцев в своих собственных преступлениях, называя их кровопийцами. Сами же они теперь варварски расправляются с друзьями родины; они выпустили на волю аристократов, чтобы предать им демократов. Выпущенные из тюрем враги революции уже показали свое лицо и готовят новую жестокую атаку на республику. Разве, чтобы не быть кровопийцами, нужно было нарушать права человека, дать волю негодяям, преследовать народные общества? Пусть теперешние заправилы живут себе с женами эмигрантов, которые пришлись им по вкусу. Но чтобы прикрыть свое распутство, они идут от одной подлости к другой, предавая врагам своих братьев. Да будут прокляты те, кто узурпировал власть народа, ведет войну против патриотов, изводит народ нуждой, чтобы предать государство деспотам. Продовольствие продается по бешеным ценам. Максимум отменяют в самое холодное время года, чтобы предоставить волю разбойникам и открыть дорогу всем бедам. Народ сидит на отрубях и воде. Вместо того чтобы обуздать алчность, восстановить спокойствие в Париже и справедливые цены на съестные припасы, изгнать английских шпионов, «они проповедуют, что от 15 до 20 миллионов нищих, включая всех нас, пока мы существуем, должны кормить и делать счастливыми миллион человек[113]. Ведь нужно, чтобы бездельники определяли участь трудящихся, чтобы богатый собственник имел исключительную привилегию создавать в ко-

нечном счете благосостояние или нужду, делать зло или добро себе подобному, ничего не имеющему, а самому жить, ничего не делая. Заблуждению и порокам старого режима теперь прощают публичное исповедование этого аристократического принципа. Народ, значит тебя избавили от короля не ради тебя самого; они, твои новые апостолы, хотят дать тебе миллион других. Но вы знаете, что при новом режиме земля и вода, огонь и воздух, которым дышат, не могут больше принадлежать никому, кроме природы: ее же господство единственное, которое нужно сохранить. Возделывайте ее, делитесь друг с другом ее дарами, будьте равными, живите как братья, и вы все будете удовлетворены»[114].

В то время как французские войска всюду насаждают древо свободы, Конвент допускает, чтобы Питт руководил им, дабы задушить свободу народа, чтобы Питт использовал сумасбродство, страсти и зазнайство новых султанов, визирей и их фавориток, чтобы власть была лишь орудием мести и стремилась сбить народ с пути, уморить голодом, ввергнуть в бедность, лишить всякой надежды на будущее. Конвент должен учесть, что если народ страдает и если сегодня он не сможет выйти из бездны, в которой находится, то завтра и сам Конвент не будет иметь никакой опоры. Конвент должен покончить с анархией, произволом и тиранией, восстановить свободу и права человека. Иначе он поставит себя вне закона. Тогда народ и армия сделают то, что необходимо, чтобы расстроить замыслы недоброжелательства и положить конец регентству Питта, прежде чем миллион новых королей обратит армию в бегство и поставит народ вне закона.

После стихотворного текста следует примечание в прозе. В нем говорится: «Если бы Питт правил вашими комитетами финансов, продовольствия, торговли и общественного спасения... или если бы был принят план истребить народ с помощью народа, представительство с помощью представительства, а затем армию с помощью армии, то государство не было бы больше разорено, подвергнуто большему избиению, искалечено, уморено голодом, чем сейчас. Я вижу только одно средство: воспользоваться вашим завоеванием Голландии и учредить в Париже банк по примеру Амстердамского; реквизировать всю звонкую монету республики, которая не может находиться в руках частных лиц, запереть ее и присматривать за ней так, как присматривают за пороховым погребом; отпускать ее только для сношений с заграницей до тех пор, пока вы не сможете обойтись без этого; ...полностью осуществлять Декларацию прав и Конституцию 1793 г., не считая нескольких небольших поправок; иметь революционные законы лишь для сдерживания тех, кто по привычке к порокам старого порядка вещей испытывает отвращение к равенству и хотел бы свободы только для себя; наконец, установить распорядок (police), который запрещал бы передвижение по Франции лицам, недостаточно хорошо известным и не имеющим хорошего поручительства, который обязал бы всех лиц, способных быть полезными государству, посвятить ему свою жизнь, свои таланты, свою силу и свою предприимчивость, который очистил бы государство от бездельников, профессиональных игроков, бродяг и темных личностей». В заключение автор указывал, что необходимо руководствоваться тем «принципом вечной истины», что все должностные лица, начиная с председателя Конвента и кончая самым низшим служащим, имеют лишь обязанности, а не власть.

Так, в своем новом памфлете Буассель в самых резких выражениях осуждал и клеймил термидорианцев (в частности Тальена), разоблачал их контрреволюционную политику и ее классовую основу — опору на «богатых собственников» для обеспечения их господства над «трудящимися». Он открыто призывал народ и армию к выступлению, чтобы положить конец всевластию «миллиона королей» — буржуазных собственников. Предлагая целый ряд экономических и политических мероприятий, в том числе введение в действие с некоторыми поправками Конституции 1793 г., неуклонное применение революционных законов против сторонников старого порядка вещей, реквизицию звонкой монеты, трудовую повинность на благо государства и т.д., он вновь выдвигал как конечную цель установление коммунистического равенства, провозглашая землю общей собственностью, призывая народ жить как братья и совместно пользоваться дарами природы.

19 плювиоза III года (7 февраля 1795 г.) Комитет общественной безопасности выдал ордер на арест Буасселя, а также трех других лиц — Брута (Brutus), Лефрана (Lefranc) и Бонена (Bonin), «называемого маленьким отцом Жераром»[115]. На следующий день Комитет дал особый приказ революционному комитету VIII округа Парижа осуществить эти аресты. 21 плювиоза революционный комитет округа сообщил, что он не может выполнить это распоряжение, «так как названные лица ему неизвестны»[116]. Лишь 24 плювиоза, в 10 часов утра, Буассель был арестован. В протоколе его ареста, сохранившемся в Архиве префектуры полиции, сказано, что представители секции Мельничного холма (как снова называлась теперь секция Горы) отправились вместе с ним на его квартиру (на улице Рош), «расположенную на пятом этаже в задней части дома»; там они «собрали все рукописные бумаги, которые нашли в вышеуказанном месте», сложили их «в большую белую картонку», перевязали веревкой и опечатали [117]. Это и были те рукописи Буасселя, которые попали затем вместе с прочими документами, конфискованными в период революции, в Национальный архив.

Интересно отметить, что Буассель был арестован вместе с тремя другими лицами, причем один из них имел прозвище «маленький отец Жерар». Возможно, что эти четыре ареста по одному и тому же ордеру были непосредственно связаны друг с другом и что эти люди имели какое-то отношение к Буасселю. К сожалению, в Национальном архиве, в делах Комитета общественной безопасности, не сохранилось никаких данных, в чем конкретно они обвинялись. Кстати, один из них назван в ордере Брутом, что явно было псевдонимом. В дело № 1654 Революционного трибунала имеется постановление Комитета общественной безопасности от 1 жерминаля II года об аресте ряда лиц, в том числе Бодсона и «Генока, называемого Брутом (Genoc dit Brutus)»[118]. Если теперь речь шла вновь об этом Геноке (а, очевидно, это именно так), то этот факт заслуживает, безусловно, особого внимания. Ведь этот Генок был связан с Бодсоном, арестованным в 1794 г. как эбертист, а затем ставшим одним из ближайших друзей и соратников Бабефа, активным участником бабувистского движения.

Буассель был заключен в тюрьму Форс, т.е. в ту самую тюрьму, куда вскоре был доставлен и Бабеф, арестованный 19 плювиоза (т.е. в тот самый день, когда был подписан ордер на арест Буасселя) и именно из этой тюрьмы переведенный в вантозе в тюрьму города Аррас[119]. В деле Буасселя имеется его мемуар от 24 фруктидора III года (11 сентября 1795 г.), адресованный «гражданам администраторам полиции»[120]. В этом обращении, написанном после семи месяцев тюремного заключения, Буассель перечислял свои работы, в том числе оба издания «Катехизиса человеческого рода», «Гражданский кодекс», «Беседы отца Жерара»; он указывал, что «с начала революции общался только с теми членами национального представительства, которые наиболее отличались своими талантами и своим патриотизмом, а также с комитетами, и все это лишь для наибольшего блага государства». Сообщая, что он имеет пожизненную ренту в 4500 ливров, он просил, принимая во внимание его возраст и болезненное состояние, предоставить ему возможность получать в тюрьме то, что необходимо для его существования. 28 фруктидора Комиссия административной полиции Парижа направила письмо Комитету общественной безопасности с изложением просьбы Буасселя. Через четыре дня в ответ на запрос Комитета общественной безопасности от 30 фруктидора она послала второе письмо, извещая Комитет о пересылке мемуара Буасселя, который забыли приложить к предыдущему письму.

Месяц спустя, 22 вандемьера IV года (20 октября 1795 г.), Комитет общественной безопасности принял постановление об освобождении «гражданина Буасселя»[121]. Дело происходило сразу же после роялистского восстания 13 вандемьера. Термидорианские власти перед лицом угрозы со стороны роялистов вынуждены были маневрировать и несколько ослабить репрессии против бывших якобинцев и других демократических деятелей. Недаром через четыре дня, 26 вандемьера, постановлением Комитета общественной безопасности был освобожден и Бабеф, а 4 брюмера была объявлена общая амнистия, открывшая двери тюрем для многих демократов.

По выходе из тюрьмы, 16 брюмера (7 ноября) Буассель отправил письмо Ревбелю, приложив свою брошюру «Регентство Питта»[122]. К тому времени вступила в силу Конституция III года и термидорианский Конвент уступил место Директории. Ревбель был избран одним из пяти директоров и стал первым председателем Директории. Как видно из текста письма, Буассель лично знал его уже давно, еще с эпохи Учредительного собрания. Очевидно, поэтому он и обратился именно к нему. Письму предпослана следующая «эпитафия» в стихах: «Прохожий, скажи человеческому роду, что автор его Катехизиса по выходе из тюрьмы умирает с голоду, сражаясь с роялизмом и английским макиавеллизмом, попирающими вот уже пять лет его родину и ее детей». Обращаясь к Ревбелю, Буассель писал: «Я прошу тебя вспомнить, что я сказал тебе в день, когда, выходя из Учредительного собрания, ты сообщил мне, что только что приняли декрет, предоставлявший королю право назначать министров. Вспомни также, что ты мне объявил как председатель Комитета общественной безопасности в ночь, когда я предстал перед тобой, после того как меня 27 часов продержали в караульном помещении, что меня утомило больше, чем восемь месяцев тюремного заключения, которому меня подвергли затем в тюрьме Форс». Здесь речь идет о первом вызове Буасселя в Комитет общественной безопасности в ноябре 1794 г., где его продержали свыше суток, допросили, а затем отпустили. Возможно, что этим он был обязан Ревбелю, в то время председателю комитета. Далее в своем письме Буассель просил ознакомиться с его брошюрой «Регентство Питта»; он ссылался также на все свои работы, представленные с начала революции всем трем народным представительствам, и предлагал Ревбелю самому сделать заключение, не совпадали ли предлагавшиеся им меры с теми, которые дали ход политической машине, не делал ли он все от него зависевшее, чтобы осуществить добро и предотвратить зло. В заключение он просил предоставить ему место, чтобы не дать умереть с голоду. Как видим, и после длительного тюремного заключения Буассель — больной, надломленный, нуждающийся старик (не забудем, что ему в это время было уже 68 лет) — не только не отрекался от своих убеждений, от своих общественно-политических взглядов, а, наоборот, вновь с гордостью на них ссылался.

Видимо, Ревбель обратил внимание на просьбу Буасселя и оказал ему содействие. Во всяком случае вскоре Буассель получил должность члена суда. Как видно из письма министра юстиции на его имя от 6 флореаля V года (25 апреля 1797 г.) и его письма Директории от 10 флореаля (по поводу причитающегося ему жалованья), он был до этого времени «членом гражданского трибунала департамента Сены»[123]. Документы Гражданского трибунала Сены дают возможность установить следующее. Постановлением Директории от 1 фримера IV года (22 ноября 1795 г.) Буассель, в числе прочих, был назначен одним из 48 судей Гражданского трибунала департамента. 12 фримера IV года (3 декабря 1795 г.) он приступил к отправлению своих обязанностей. В протоколах упоминается о его участии в ряде заседаний трибунала — 17 февраля, 2 апреля, 5 августа 1796 г., Буассель оставался на этой должности до апреля 1797 г., когда были проведены, согласно конституции, выборы членов трибунала, до этого назначенных непосредственно Директорией. Буассель, как и большинство судей первоначального состава, не был переизбран. Это и понятно, так как избирательное собрание департамента при выборах членов суда, как и при выборах депутатов в законодательные органы, избрало почти исключительно роялистов и реакционеров[124].

Отказался ли Буассель от дальнейшей политической деятельности? Судя по донесению центрального бюро парижской полиции от 16 апреля 1798 г., на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. В донесения этом, посвященном «расколу, происшедшему среди избирательного корпуса» в связи с очередными выборами депутатов в Совет пятисот и Совет старейших, говорилось о брошюрах (imprimes), распространяемых среди избирателей. «Другая (брошюра. — *А.И.*), — читаем мы там, — гражданина Буасселя является перечнем многочисленных сочинений этого избирателя, который не скрывает, какое бы ему доставило удовольствие привлечь своими работами внимание своих коллег и стать предметом их выбора»[125].

Известно, что выборы в апреле 1798 г. проходили под знаком значительного оживления демократического движения в стране. Республиканцы-демократы одержали на них значительную победу. Бурно проходило и парижское избирательное собрание в Оратории, в котором принимали активное участие многие бывшие бабувисты. Сторонники Директории отпечатали даже по этому поводу афишу, озаглавленную: «Попытки осуществить посредством выборов систему Бабефа, подтверждаемые небольшим алфавитным списком некоторых главнейших избирателей парижского кантона, излюбленных детей Бабефа, руководивших всем в Оратории»[126]. Именно об этом избирательном собрании и идет речь в полицейском донесении. Мы видим, что Буассель не только участвовал в нем, но и распространял среди избирателей какую-то новую брошюру, перечислявшую его работы, т.е. знакомившую с его общественно-политическими взглядами, с целью (как полагала полиция) выдвинуть свою кандидатуру в депутаты.

Жизнь и деятельность Буасселя после освобождения из тюрьмы требует еще специального изучения. Последний известный нам документ, к нему относящийся, — это его печатная петиция Наполеону на французском и латинском языках[127]. В стихотворном обращении к императору Буассель сообщал, что вот уже восемь лет как его лишили его места[128]. Далее, в петиции мы читаем: «Франсуа Буассель, бывший адвокат Парижского парламента и Верховного совета Кап-Франсэ, бывший судья гражданского трибунала департамента Сены, просит быть выслушанным о мотивах, на основании которых у него отняли его место, и быть направленным с этой целью к его превосходительству монсиньору архиканцлеру Империи». В латинском тексте Буассель называл себя при этом автором «Катехизиса человеческого рода». Так, до самой своей смерти он не отрекался от своего коммунистического трактата, оставаясь верным своим общественным идеалам.

Выступив накануне революции с теоретическим коммунистическим трактатом, Буассель в годы революции разработал конкретную политическую программу, предусматривавшую построение коммунистического общества как конечную цель революционного переустройства Франции. Программа эта была далека от идей общинного коммунизма; она предусматривала превращение Франции в единое коммунистическое государство, в единую коммунистическую республику. Не строя при этом иллюзий о возможности немедленного осуществления коммунизма, Буассель намечал постепенный переход к коммунизму, переходный период, необходимый для достижения этой цели. Программу эту, которую он все более развивал и конкретизировал, Буассель активно пропагандировал в течение всего периода революции и страстно боролся за ее осуществление.

Именно у Буасселя коммунизм стал впервые лозунгом политической борьбы. Буассель одним из первых разрешил противоречие между выдвинутыми революцией лозунгами свободы, равенства, братства, общего блага и реально существующим общественным неравенством, связав осуществление истинного равенства, достижение общего счастья, создание подлинно демократической, единой и неделимой республики с ликвидацией частной собственности и установлением общности имуществ. Задачей революции он считал упразднение всего «старого порядка вещей», основанного на частной собственности, и создание нового порядка, основанного на коллективной собственности и общем труде.

Борьбу за завершении революции, за построение нового коммунистического общества Буассель рассматривал как общественно-политическую, классовую борьбу. От исхода этой борьбы и зависела, но его убеждению, судьба революции. Лишь установление революционного правления санкюлотов, их революционной диктатуры, могло, по его мнению, обеспечить решение основного вопроса революции — ликвидацию «старого порядка вещей» и дальнеший переход к коммунизму. Тем самым Буассель выступает как один из основоположников революционно-коммунистического течения периода Французской революции, которое нашло свое наиболее яркое проявление после термидора в заговоре Бабефа.

Это революционно-коммунистическое течение в социально-экономических условиях конца XVIII в. неизбежно носило еще утопический характер. Даже революционные коммунисты эпохи Французской революции не могли еще, в силу этих условий, дойти до научного понимания законов развития общества, уяснить историческую роль пролетариата, поставить и правильно разрешить основные проблемы социальной революции. Буассель, как в дальнейшем и бабувисты, не мог еще составить себе четкого, правильного представления о классовой структуре общества. Общественная верхушка для него — это класс бездельников, крупных собственников, класс богачей и спекулянтов. Ей он противопоставлял сперва класс бедных, класс граждан, обеспечивающих себе средства существования своим трудом и промыслом, затем — санкюлотов и, наконец, трудящихся. Он, правда, видел уже неоднородность этого «самого многочисленного и полезного класса общества», различал в нем людей таланта, рабочих и земледельцев, говорил о гражданах-земледельцах и рабочих-санкюлотах, отличал санкюлотов-собственников от санкюлотов-несобственников. Но правильно осмыслить классовую дифференциацию среди санкюлотов, выделить рабочих в особый класс он, разумеется, еще не мог. Общественно-политическая, классовая борьба, имевшая место в годы революции, представлялась ему поэтому как борьба паразитарной, зажиточной верхушки общества, «порядочных людей», и народных масс, санкюлотов в целом. Он добивался поэтому установления революционного правления санкюлотов, хотя и считал необходимым обеспечить в революционных органах власти преобладание лиц, лишенных собственности. Представление Буасселя, как и бабувистов, о коммунизме носило еще те черты грубой уравнительности, о которой писал впоследствии К.Маркс. Если Бабеф считал необходимым обеспечить всем совершенно равные личные доли и «не более, чем достаток»[129], то и Буассель рассматривал как главную задачу общества обеспечить всем гражданам «все необходимое для самой умеренной жизни».

Утопический характер революционного коммунизма эпохи Французской революции не умаляет, разумеется, его огромного исторического значения. Это полностью относится и к Буасселю как одному из основоположников этого течения, сыгравшего такую большую роль и в политической жизни Франции, и в истории общественной мысли.

Изучение политической деятельности и идейного наследия Буасселя дает возможность уточнить наши представления о якобинском блоке. Известно, что якобинский блок носил неоднородный характер. Он объединял всех революционеров-демократов: радикальных буржуазных деятелей, мелкобуржуазных революционеров, плебейских идеологов. Среди последних были не только сторонники эгалитаризма, как обычно принято думать, но и лица, стоявшие уже на коммунистических позициях. Якобинцы были революционерами, связанными с народом, опиравшимися на народные массы, решавшими задачи буржуазно-демократической революции плебейскими методами. Неудивительно поэтому, что в их рядах находили себе место и плебейские идеологи, в том числе и такие, которые, отражая настроения городской и сельской бедноты, смутные социальные чаяния формировавшегося пролетариата, доходили уже до идеала республики без частной собственности и общественного неравенства. Таковым был архивариус Якобинского клуба Франсуа Буассель. В идейном отношении на самом левом фланге якобинского блока находились, следовательно, не деятели типа Эбера и Шометта, не шедшие дальше идей эгалитаризма; самую левую идейную позицию среди якобинцев занимал коммунист Буассель.

После термидора в рядах последних монтаньяров остаются наиболее радикальные, демократические деятели, часть которых переходит затем на коммунистические позиции и вливается в бабувистское движение. Знаменательно, что в последние недели существования Якобинского клуба его вице-председателем был избран именно Буассель. Буассель еще в годы революции как бы воплощал ту связь между якобинством и революционным коммунизмом, которая установилась в период Директории, после торжества буржуазной реакции, и нашла свое организационное выражение в заговоре Бабефа.

1 C.Grunberg. Eurge Boitrage znr Entwickhingsgoschichto der moderneu Sozialbmus. T.Francois Boissel. — «Zoitschrift fur die gesamte Staalsvis-sonschaft», Bd.47, 1891, S. 207—252. Имеется и на французском языке.

2 A.Lichtenberger. Le socialisme au XVIII siecle. Paris. 1895; idem. Le socialisme et ia Revolution francaise. Paris. 1899.

3 J.Jaures. Histoire socialiste de la Revolution francaise. Edition revue par A.Matliiez, t.VIII. Paris, 1924, p.99—111.

4 В.П.Волгин История социалистических идей, ч.II. М.—Л., 1928, стр.232—233; он же. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в.». М., 1958, стр.390—392. В нашей библиотеке: **http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf**.

5 В.П.Волгин. Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений, ч.I. М., 1928, стр.178—194.

6 С.С.Сафронов. Социальные воззрения Буасселя. — «Из истории общественных движений и международных отношении». Сборник статей в память акад. Е.В.Тарле. М., 1957, стр.258—272.

7 «Memoire en plainto et denonciation au roi», p.1 (Нац.библ., Ln27 2234).

8 «Discours couire les servitudes publique». MDCCLXXXVI (Нац. Gnu, г., R. 29425).

9 Ibid., p.4, 5, 8.

10 «Addition an discoins , contre les servitudes publiqucs conlonant Ie re-sullat de toules les reflexions possibles sur l'etat passe, present et future des cliosos liumaincs».

11 Нац.архив, T 1557. В дальнейшем все архивные документы, упоминаемые в тексте без сносок, взяты из личного архива Буасселя, хранящегося в Национальном архиве в серии T под номером 1557.

12 В.П.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в., стр.392.

13 «Aux Etats-generaux de France, assembles a Versailles» (Нац.библ., Lbl).

14 Его полное заглавие гласит: «Le Catechisme du genre humain, que, sous les auspices de la Nature et son veritable auteur, qui me l'ont dicte, je mets sous les yeux et la protection de la Nation Francoise et de l'Europe eclairee pour l'etablissement essentiel et indispensable du veritable ordre moral, et de l'education sociale des hommes dans la connoissance, la pratique, l'amour et l'habitude des principes et des moyens de se rendre et de se conserver heureux les uns par les autres». 1789.

15 В одной из своих рукописей 1790 г. Буассель, говоря о «Катехизисе человеческого рода», пишет: «Эта работа была напечатана до взятия Бастилии и до того, как Генеральные штаты провозгласили себя Национальным собранием». Получается, что эта книга вышла из печати еще в июне. Но тогда непонятно, зачем Буассель прождал целый месяц прежде чем начать ее распространять. Этим заявлением Буассель, очевидно, хотел лишь подчеркнуть, что основной текст книги был набран и напечатан еще до этих событий.

16 Нац.архив, DI, § 2, 1. Копии этого письма нет в его архиве; оно сохранилось только в делах Учредительного собрания.

17 См. также A.Tuetey. Repertoire general des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Revolution francaise, t. II. Paris, 18&2, № 2288.

18 Этот тираж набран другим шрифтом, он состоит из 206 страниц вместо 132, но текст его совершенно идентичен первому тиражу. Его заглавие гласит: «Le Catechisme du genre humain pour l'education sociale, suivant Ie veritable ordre moral».

19 «Extrait des minutes secretes de Vatican» (стр.1—8 дополнительной пагинации).

20 В своей рукописи Буассель приводит и текст ответного письма Талейрана от 4 ноября 1789 г., в котором тот в общих выражениях благодарил его за доброе к нему расположение и заявлял, что он с интересом ознакомился с его мыслями.

21 Из этого заявления епископа Клермонского видно, что дополнительный тираж «Катехизиса человеческого рода» с этим стихотворным памфлетом был напечатан до ноября 1789 г.

22 «Reimpression de l'ancien Moniteur», t. II. Paris, 1840, p. 134.

23 «Le Catechisme du genre humain...». Soconde edition. Revue, corrigee

23 «Le Catechisme du genre et augmentee. Paris, 1792, p.75—80.

24 Нац.архив, D IV, 50, № 1440.

25 «Adresse do l'auteur du Catechismo du genre humain aux utiles et vrais Representants de la Nation Francaise» (Нац.библ., Lb39 2245).

26 «Actes de la Commune de Paris pendant la Revolution», t.IV. Paris, 1896, p.586.

27 Интересно отметить, что Дандрэ, умеренный политический деятель типа Барнава, подобно Гупиль де Префельну и некоторым другим буржуазным конституционалистам, поддерживал связь с «Социальным кружком».

28 Его имя значится в первом печатном списке членов клуба от 21 декабря этого года («La Societe des Jacobins. Recueil des documents pour l'histoire du Club des jacobins de Paris». Par F.A.Aulard, t.I, p.XXXVIII).

29 «Le Code civique de la France ou Ie Flambeau de la liberte. Dedie a la Federation Francaise». Paris, 1790 (Нац.библ., Lb39 3572).

30 Среди бумаг Буасселя, относящихся к 1790 г., имеется несколько черновиков, посвященных вопросу об упразднении права войны, и даже составленный им проект соответствующего декрета Учредительного собрания.

31 В черновиках «Гражданского кодекса» эта мысль формулирована так: «Налоги будут установлены на все, без исключения, виды собственности, с тем чтобы поступления от этих налогов были использованы на различные нужды, обусловленные несчастным порядком вещей в человеческом обществе, до тех пор, пока этот порядок не будет полностью упразднен».

32 В одном черновике, относящемся к этому времени, Буассель говорит о городских и сельских мастерских.

33 Нац.архив, D IV, 49, № 1429. зза «Archives pdrlementaircs», t.XX, p.341.

34 Нац.архив, D IV, 50, № 1440.

35 Нац.архив, D IV, 51,

36 «La Societe des Jacobins», t.II, p.218—219. К сожалению, за 1790— 1791 гг. не сохранилось подробных и систематических протоколов заседаний Якобинского клуба. Имеются главным образом лишь отчеты, опубликованные в различных газетах.

37 «Le Catechisme du genre humain». Seconde edition..., p.236—238.

38 О политической борьбе в эти дни внутри Якобинского клуба см. Н.И.Владимирова. Якобинскии клуб в дни Вареннского кризиса летом 1791 г. — «Из истории якобинской диктатуры». Одесса, 1962. В нашей библиотеке: **http://vive-liberta.narod.ru/journal/vladm_varennes.pdf**. См. также подборку документов о Вареннском кризисе: **http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_var91.pdf**.

39 «Le Catechisme du genre humain». Seconde edition, p.36—37 (новая пагинация). Там он указывает, что распространил это «уведомление» в Учредительном собрании не 16 июля (как писал впоследствии), а 15 июля 1791 г.

40 Черновик этого письма Буасселя сохранился в его архиве. Подлинник находится в делах избирательного собрания Парижского департамента (Нац.архив, BI, 11). На подлиннике имеется пометка: «Зачитано на избирательном собрании Парижского департамента 1 сентября 1791».

41 E.Charavay. Assemblee electorate do Paris. 26 Aout 1791—12 Aout 1792. Paris, 1894, p.134.

42 Интересно отметить, что зта позиция Буасселя полностью совпадала с позицией Бабефа, который в письмах к Купе в августе—сентябре 1791 г. также настаивал на том, чтобы «вторая легислатура была настолько же учредительной, как и первая», чтобы Законодательное собрание приняло на себя и учредительные функции, дабы иметь возможность исправить ошибки своих предшественников. Он доказывал, что «депутаты, облеченные доверием народа, всегда уполномочены делать все, что они признают полезным для счастья народа», и считал незаконной потребованную от депутатов клятву но нарушать конституцию («Pages choisies de Babeuf», p.110—111, 125).

43 Его полное заглавие «Le Catechisms du genre humain, denonce par]e ci-devant Eveque de Clermont a la Seance du 5 novembre 1789 de l'Assemblee Nationale; precede d'un Discours sur les causes de la division, de l'esclavage et de la destruction des Hommes les uns par les autres et sur les moyens d'en garantir les generations futures; avec deux: Adresses tres-importantes a la Nation Francoise, l'une en faveur de sa Constitution, ou nouvelle existence politi-que qui est excellente, l'autre contre los principales institutions de son nouveau regime ou gouvernement qui sont tres mauvaises, et avcc quolques Opuscules relatifs au nouvel ordrc de chose8». Seconde edition. Revue, corrigee et aug-mentee. A Paris, 1792.

44 «Le Catechisme du genre humain...» Seconde edition, p.132.

45 Ibid., p.133—134.

46 «Archives parlementaires», t.XXXVIII, p.621.

47 «Archives parlementaires», t.XXXIX, p.621. Накануне, 12 марта, Буассель представил свой адрес и Якобинскому клубу («La Societe des jacobins», t.III, p.433).

48 «Adresse a la nation francoise» (Нац.библ., Lb39 5479).

49 Нац.архив, AD I, 68.

50 Черновик письма не имеет адресата. Но из текста следует, что адресат — бывший министр иностранных дел, только что ставший военным министром, т.е. Дюмурье, занимавший этот пост всего несколько дней — с 13 по 16 июня. О Дюмурье: **http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dmr**.

51 К сожалению, сохранилось мало материалов о Коммуне 10 августа, просуществовавшей, как известно, до 1 декабря 1792 г. Все оригиналы протоколов и другие документы погибли во время пожара в 1871 г. Турне удалось найти и опубликовать лишь неполную копию протоколов — см. «Proces-verbaux de la Commune de Paris (10 Aout 1792—1 Juin 1793) publies par M.Tourneux». Paris, 1894. См. также: P.Lacombe. La premiere Commune revolutionnaire de Paris et les Assemblees nationales, Paris, 1911.

52 Нац.архив, F7, 4390a.

53 Нац.архив, B I, 17.

54 Нац.архив, C, 237.

55 «Copie d'une lettre ecrite au citoyen Buzot depute de la Convention nationale, par Ie citoyen Boissel, membre de la Societe, lue, corrigee et iinpri-mee par son ordre, a ses seances des 9 et 10 du present mois d'octobre, l'an premier de la Republique francoise, pour etre envoyee a ses societes affillees, sur la motion du dit citoyen Buzot, afin d'une garde a fournir par chaque departement a la Convention nationale» (Нац.библ., Lb4 615).

55 «La Societe des Jacobins», t.IV, p.442. 57 Ibid., t.IV, p.550.

58 Ibid., t.IV, p.646—646.

59 Ibid., t.IV, p.668.

60 Ibid., t.IV, p.680. 61 Ibid., t.V, p.42. б2 Ibid., t.V, p.125, 168.

63 «La Societe des Jacobins», t.IV, p.578—579.

64 J.Jaures. Op.cit, p.100.

65 De la propriete decoulent a long flots
Les vices, les horreurs, messieux, tous les fleaux
Sans la propriete point de voleurs, sans elle
Point de supplice done, la suite est naturelle.
Point d'avares, les biens ne pouvant s'acquerir,
D'intriguans, les emplois n'etant plus a courir;
De libertins, la femme accorte et toute bonne
Etant a tout le monde et n'etant a personne.
Point de joueurs non plus, car sous mes precedes
Tombent tous fabriquans de cartes et de des.
Or ie dis: si le mal nait de ce qu'on possede
Done ne plus posseder en est le plus sur remede.
Murs, portes et verroux nous brisons tout cela
On n'en a plus besoin des que l'on en vient la.
Cette propriete n'etait qu'un bien postiche
Et puis le pauvre nait des qu'on permet le riche.
Dans votre republique un pauvre betement
Demande au riche! abus! dans la mienne il lui prend
Tout est commun: le vol n'est plus le vol! c'est justice.
J'aboli la vertu pour mieux tuer le vice.

66 «L'Ami des lois». Comedie en cinq actes, en vers. Par le citoyen Laya, Paris, 1793, p.27 (Нац.библ., Yf. 11195). «La Societe des Jacobins», t.V, p.30.

67 A.Sudre. Histoire du communisme. Deuxieme edition. Paris, 1849, p.269.

68 Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Revolution francaise, t.26. Paris, 1836, p.107.

69 Этот циркуляр, как и выписка из постановления Якобинского клуба от 3 мая 1793 г, имеется в архиве Буасселя.

70 «Les Entretiens du përe Gerard sur la constitution politique et le gouvernement revolutionnaire du peuple francois. Verite, liberte, egalite! Unilc de principe, unite d'mstruction, unite d'action. Unite de loi, de me<ure et de poids. Vivre libre ou mourir» (Нац.библ., Lb41 2882).

71 Более чем вероятно, что Буассель был лично знаком с Маратом, как он был знаком с Робеспьером и другими видными якобинцами. В этой связи привлекает внимание статья Марата от 5 июня 1793 г., в которой он между прочим сообщал, что 1 июня «отправился к одному гражданину, чтобы получить сведения о многочисленных аристократических вожаках секции Мельничного холма» (Жан-Поль Марат. Избранные произведения, т.III. М., 1956, стр.307). Секция Мельничного холма являлась в то время одной из опор жирондистов, которые господствовали в ней и ею руководили. Из числа якобинцев этой секции самым видным был Буассель, архивариус Якобинского клуба. Не к нему ли обратился Марат за нужными ему сведениями?

72 При перечислении глав третья глава по ошибке повторена дважды и, чаьцм образом, хотя последняя глава и обозначена как шестая, но фактически это глава седьмая.

73 А.З.Манфред. Указ.соч , стр.155.

74 См. Ф.Буонаротти. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа, т.I. М.—Л., 1948, стр.372—387, 406—408. Электронный текст в нашей библиотеке: **http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon1.pdf**.

75 Оно сохранилось в его архиве в двух почти идентичных вариантах.

76 «La Societe des Jacobins», t.V, p.224—225.

77 Ibid., t.V, p.244.

78 Ibid., t.V, p.267.

79 Ibid, t.V, p.310.

80 «Adresse des citoyens republicams de Paris a leurs freres des departc mcnts et des armees». Imprime aux frais de la Republique, le 9 juillel 1793 (Нац.библ. Lb41 3150). В конце брошюры указано: «Redigee par le citoyen Boissel, diiteur du Catechibine du Genre Humain».

81 «Archives parlementaires», t.LXVI, p.591.

82 Об этом секционном движении августа 1793 г. и отношении к нему Бабефа, занимавшего в то время пост секретаря Продовольственной администрации Парижа, см. В.М.Далин. Гракх Бабеф, стр.539 и сл. Мы полностью согласны с В.М.Далиным, что, вопреки мнению Матьеза, секционное движение августа 1793 г. отнюдь не было «маневром умеренных», а быто народным санкюлотским движением, своего рода прелюдией к сентябрьскому выступлению народных масс.

83 «La Societe des Jacobins», t.V, p.324.

84 Ibid., t.V, p.375.

85 Ibid., t.V, p.387.

86 Ibid., t.V, p.409.

87 Ibid., t.V. p.420. «Reimpression de l'ancien Moniteur», t.XVII, p.763. В «Мониторе» опубликован более подробный отчет об этом выступлении Буасселя.

88 См. А.Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, М.—Л., 1928, стр.300.

89 «La Societe des Jacobins», t.V, p.456—457.

90 Из сказанного видно, что этот документ (как и следующий) относится уже не к лету, а к осени 1793 г.

91 Письмо это адресовано: «Гражданину Буасселю, члену революционного комитета секции Горы».

92 Нац.архив T.566.

93 «La Societe des, Tacobins», t.V, p.503, 533.

94 Из бумаг Буасселя действительно видно, что он был назначен присяжным уголовного трибунала Парижа В его архиве сохранилось и два документа, относящиеся к этому делу, из которых следует, что Буассель имел резкий разговор с председателем уголовного трибунала по поводу его поведения при рассмотрении дела одного мелочного торговца, оправданного присяжными; председатель трибунала, по словам Буасселя, всячески пытался натравить аудиторию на обвиняемого, хотя предъявленное ему обвинение не имело никаких оснований.

95 См. Gerard Walter. Histoire des jacobins. Paris, 1946, p.264.

96 Нац.архив, F7 4436* Plaq, 4, док. № 192.

97 На заседании Конвента 9 мессидора в связи с обсуждением вопроса о мерах против контрреволюционных священников депутат Тюро внес предложение отстранить духовных лиц от всех общественных должностей и искточить их из первичных собраний. По требованию ряда депутатов решено было отослать это предложение на рассмотрение Комитета общественного спасения («Reimpression de l'ancien Moniteur», t.XXI, p.82).

98 О политической борьбе после термидора вокруг вопроса о свободе печати см. К.П.Добролюбский. Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции 1794—1795 гг. Одесса, 1949. Электронный текст в нашей библиотеке: **http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book**.

99 Уже 8 августа Буассель был избран в состав комиссии по чистке клуба, а 13 августа выступил с требованием, чтобы клуб занялся актуальными вопросами, стоящими в порядке дня («La Societe des Jacobins», t.VI, p.331-332).

100 Ibid., t.VI, p.365. Черновик этого проекта имеется в архиве Буасселя.

101 Ibid, t.VI, p.388.

102 Ibid., t.VI, p.419.

103 Ibid., t.VI, p.470.

104 Ibid., t.VI, p.532.

105 Ibid., t.VI, p.556.

106 См. К.П.Добролюбский. Указ.соч., стр.75.

107 «La Societe des Jacobins», t.VI, p.566.

108 Ibid,t.VI, p.611

109 Ibid , t.VI, p.623—624.

110 Нац.архив, F7 4606.

111 Нац.архив, AF III, 269.

112 «La Regence de Pitt, devoilee et denoncee en prose nmee, tant men que mal, par un ennenu du systeme de sang, chasse des jacobins et echappe a la guillotine. A la Convention Nationale».

113 Интересно отметить, что в это время Бабеф в своих статьях также говорил о миллионе зажиточных, живущих за счет труда народа. В № 35 «Трибуна народа», характеризуя две партии, борющиеся во Франции, он писал: «Одна хочет республику миллиона человек, которые всегда были врагами, властителями, вымогателями, угнетателями, кровопийцами 24 миллионов других; миллиона, который в течение веков наслаждался в безделии за счет нашего пота и наших трудов» («Pages choisies de Babeuf», p. 192). В дальнейшем Бабеф также называл эту цифру. В № 36 «Трибуна народа» он говорил о «революции богатых или почтенного миллиона» (Ibid., p.266). В следующем номере он восклицал: «Слышали ли вы это, миллион богатых негодяев, толпа бесчестных людей, грабящих 24 миллиона полезных люцей, чьи руки работают, чтобы поддерживать ваше безделье и ваше варварство?» (Ibid., p.268).

114 «Us prechent qu'un million d'hommes
Doit alimenter, rendre heureux
Quinze a vingt millions de gueux
Avec nous tous, tant que nous sommes.
Il faut bien que les faineans
Reglent le sort des travaillans;
Que le riche proprietaire
Ait le privilege exclusif
D'operer en definitif
Ou le bien-etre ou la misere,
De faire le mal ou le bien
De son semblable, qui n'a rien,
Et lui de vivre sans rien faire.
On pardonnent a l'egarement
Aux vices de l'ancien regime
De professer publiquement

Cette aristocrate maxime.
Peuple, ce n'est done par pour toi
Qu'on t'a debarrasse d'un roi:
Us veuleni, tes nouveaux apotres
Ten donner un million d'autres.
Mais dans Ie regime nouveau
Vous savez que la terre et l'eau,
Le feu, comme l'air qu'on respire,
Ne peuvent plus appartenir
Qu'a la nature: or son empire
Est Ie seui qu'on doit maintenir.
Cultivez cette bonne mere,
Communiquez-vous ses bienfaits,
Soyez egaux, vivez en freres
Et vous serez tous satisfaits».

115 Нац.архив, F7 4606, 4620.

116 Нац.архив, F7 4620.

117 Архив префектуры полиции Aa//96, № 171.

118 Нац.архив, W 27. Об этом эбертисте Геноке, призывавшем к восстанию против Конвента и высказывавшемся за новое «31 мая», см. A.Soboul. Op.cit., p.215, 719—720. 727.

119 В дальнейшем Бабеф сам писал, что был выслан в Аррас из тюрьмы Форс (V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf ot du babouvisme, t.I.

120 Нац.архив, F7 4606.

121 Там же.

122 Нац.архив, AF III, 269.

123 Нац.архив, AF III, 269.

124 «Les Tribunaux civils de Paris pendant la Revolution (1791—1800). Documents inedits, recuellis avant l'incendie du Palais de Justice de 1871». Paris 1907, t.II. Premiere partie, p.249, 253, 286, 299, 324.

125 A.Aulard. Paris pendant la reaction thermidorienne et sous Ie Directoire, t.IV. Paris, 1900, p.606. Подлинник полицейского донесения от 26 жерминаля VI года находится в Национальном архиве (Нац.архив, if BB III).

126 А.Олар. Политическая история Французской революции, стр.465.

127 «Petition a Sa Majeste l'Empereur des francais» (Нац.библ., W2235).

128 Отсюда следует заключить, что его петиция Наполеону написана в 1805 г., поскольку он лишился своего места судьи в 1797 г.

129 «Pages choisies de Babeuf», p.261.

5. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ в ПЕРИОД РЕСПУБЛИКИ и ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

После падения монархии и особенно в период якобинской диктатуры классовые противоречия между буржуазией и плебейскими массами становились все более ясными и ощутимыми для современников. Идеологи плебейства открыто говорили об этой классовой борьбе между неимущими и зажиточными и видели завершение революции в установлении подлинного социального равенства. Мы знаем, как Буассель описывал эту борьбу между санкюлотами и «порядочными людьми», как Борье и Марешаль считали революцию незавершенной, поскольку еще не ликвидировано общественное неравенство. Эти же идеи открыто высказывали и многие левые якобинцы.

В апреле 1794 г. депутат Конвента **Дегруа** опубликовал брошюру «Республиканский катехизис»[1]. Свобода завоевана, писал он, но равенства еще нет. Буржуазия вместе с аристократией борется теперь против санкюлотов. «Равенство является пока что лишь пустым словом». «Буржуазия, прикрываясь словом равенство, отказывается признавать неимущий класс, стремящийся уничтожить оставшиеся злоупотребления». «Нет, революция еще не совершена, и мы находимся лишь в ее втором периоде. Свобода установлена... но эта свобода является пока что зданием, построенным на песке, которое очень быстро рухнет, если не будет иметь своим основанием равенство; нам предстоит в известном смысле - пройти второй круг революции»[2].

Столь же характерна речь, произнесенная в брюмере II года в Рошфоре комиссаром Конвента **Лекиньо** и изданная отдельной брошюрой под названием «О счастье»[3]. Указывая, что истинное счастье заключается не в личном пользовании, а в общем счастье всех граждан, которые все должны трудиться и работать друг на друга, Лекиньо резко обрушивался на все еще существующее социальное неравенство. «Напрасно человек, обладающий в силу рождения состоянием, претендует быть избавленным от обязанности трудиться! Кто же он, этот надменный богач, который считает себя освобожденным от необходимости поступать, как подобает? Он обладатель всех богатств, которые другие накопили для него,... он сумел использовать пот и труд других; он сумел повысить цены на продовольствие, скупая его, и увеличить свое состояние за счет общественной нужды; но произвел ли он сам что-либо из этого продовольствия? сумел ли сам обработать эти поля, собственником которых он себя считает? сумел ли сам построить корабль, который отправился на конец света искать для него товары, которые он перепродает втридорога в своей стране? сумел ли выковать инструменты, с помощью которых разрабатываются рудники, доставляющие ему золото, которое он считает своим и которым чванится? Нет, граждане, он ничего этого не сделал; он к этому не способен и он впал бы в нужду и самое жестокое истощение, если бы отказались работать на него. К несчастью, народ не размышлял еще достаточно, чтобы хорошо осознать эти истины... народ еще не отважился думать о социальном равенстве... народ до сих пор никогда не отважился задуматься над тем, что богатый человек является таковым лишь благодаря труду народа; между тем очень важно, чтобы он задумался над этим и думал об этом непрерывно, так как это единственное средство уничтожить аристократию богатых, заменившую аристократию знати, и которая должна исчезнуть, как и та».

В условиях экономической разрухи, падения курса ассигнатов, ажиотажа, скупки, спекуляции продовольствием и предметами первой необходимости, обогащения городской и сельской буржуазии за счет нужды и лишений неимущих слоев населения, классовое самосознание все более проникало в самую гущу народных масс. Подтверждение этому мы находим в многочисленных петициях и обращениях, представленных Конвенту рядовыми гражданами. Так, Фротье, лейтенант национальной гвардии в Версале, в своем обращении, поступившем в Комитет земледелия Конвента 2 флореаля II года, писал: «Народ делится на два класса: класс обманщиков и класс обманутых», и описывал страдания «неимущего класса»[4]. Народное общество Шуази на Сене заявляло, что враги — это не только дворяне и священники; это также богачи — эгоисты и крупные фермеры, рабами которых являются тысячи бедных санкюлотов[5]. В анонимном обращении к Конвенту от 11 октября 1792 г. автор, человек совершенно безграмотный, писал: «Я предупреждаю вас, что машина не пойдет так, как вы хотите, пока аристократия богатства будет продолжать существовать»[6]. Некий земледелец из департамента Нор, указывая в своем письме от 28 января 1793 г., что до настоящего времени было провозглашено лишь равенство в правах, восклицал: «Это не то, что нам нужно; нам нужны подлинная свобода и подлинное равенство»[7]. В полуграмотном обращении к Конвенту «бедных рабочих (pauvres manoeuvres et ouvriers), живущих своим трудом», описывалась их «великая нужда» и обогащение за их счет «богатых». В этом обращении содержалась прямая угроза: «Большинство бедняков является защитниками родины. Богачи приобретают лишь почести и богатства, а не защищают родину всеми силами, даже ценой своей жизни, как это делают бедняки. И если вы не сжалитесь над бедняками, в очень скором времени начнется гражданская воина в городах и деревнях»[8]. Еще более резкие ноты звучат в обращении от 1 января 1793 г. некоего Бурмона, выступавшего «от имени бедного простого народа». В нем также описывалась крайняя нужда отцов семейств, зарабатывающих всего по 9 соль в день и не имеющих возможности прокормить семью, распродавших все, не имеющих больше ни мебели, ни одежды. Обращаясь к депутатам Конвента, автор писал: «Вы декретировали равенство; оно ложно, это равенство... Я хочу поставить вас в известность, что несчастные бедняки видят теперь все ясно. Мы видим, что новая конституция принесет нам не больше добра, чем старая. Крупный (le gros) будет пожирать маленького при новой конституции так же, как это было при старой. Вы все, господа богатые, занимаете правительственные места... Подумайте, господа, мы решительно боремся за нашу свободу, но если эта свобода превратит нас в рабов, какими мы были до сих пор, мы вторично изгоним богатых: сперва дворянство и духовенство, но если это положение будет продолжаться, буржуазия не замедлит последовать за ними»[9].

Такие умонастроения побуждали выдвигать не только требования установления максимума на предметы первой необходимости.

Лефевр, интересовавшийся больше чисто аграрными проблемами, опускает многие места, важные для изучения общественного мнения, в том числе и приведенное выше высказывание Фротье, в частности, конфискации излишков продовольствия и тому подобные, частично осуществленные в 1793—1794 гг. якобинской диктатурой. Они побуждали также ставить вопрос о полной ликвидации крупной собственности и богатства, об установлении подлинного социального равенства[10].

Стремление к социальному равенству и в разгар революции находило свое выражение прежде всего в уравнительных идеях, которые мы находим в многочисленных обращениях, петициях и другого рода документах, сохранившихся в архивных фондах, в частности в делах различных комитетов Конвента.

Вот несколько случайных примеров из множества других. Тот же Фротье, заявлявший о наличии в обществе двух классов — обманщиков и обманутых, предлагал, чтобы покончить с этим положением и обеспечить счастье всей нации, приостановить продажу национальных имуществ и разделить их между всеми отцами семейств. Одновременно он требовал ограничить размер земельной собственности частных лиц 50 арпанами и предоставлять неимущим семьям сельскохозяйственные орудия и семенные материалы за счет государства, с тем чтобы весь излишек сельскохозяйственной продукции сдавался в департаментские «амбары изобилия»[11]. Некий земледелец Пуарье из коммуны Морильи департамента Сены и Уазы, разоблачая крупных собственников, держащих народ «в величайшей нужде, которая только возможна», писал: «Я предлагаю, чтобы земли были разделены на возможно более мелкие участки; и для счастья народа желательно, чтобы этот раздел был произведен безотлагательно»[12]. **Бюиссон из департамента Об** также требовал «раздела больших состояний» и установления максимума земельной площади, обрабатываемой одним земледельцем[13]. **Бодье и Лан** в своей петиции Конвенту указывали, что «земля — общая мать всех людей», и предлагали поэтому ликвидировать большие фермы, ограничить размер земельных участков, чтобы каждый земледелец лично обрабатывал земельную площадь с помощью двух, максимум трех плугов. Они считали также необходимым, чтобы всеми сельскохозяйственными работами руководили особые комиссары, назначенные из числа членов муниципалитетов и народных обществ[14]. Земледелец и мировой судья **Жуанне в Арк-сюр-Тилль** в департаменте Кот-д'Ор считал крупную земельную собственность причиной всех несчастий и нищеты земледельцев; он требовал издать закон, ограничивающий размер земельного участка одного земледельца таким количеством земли, которое можно обработать одним плугом[15]. Народное общество коммун Мейналь и Ожса департамента Юры, требуя постановления, запрещающего любому гражданину арендовать больше земли, чем он может обработать сам, с тем чтобы труд бедняка не утучнял праздного богача, заявляло: «Надменное богатство и сладкое равенство не могут обитать под одной крышей»[16]. В анонимном обращении к Комитету законодательства Конвента говорилось, что нужно стремиться к «равенству состояний». «Какой законодатель не поймет, что предписание, имеющее целью отнять у слишком богатого класса имущества, незаконно им приобретенные, поможет осуществить то равенство, которое богач будет всегда считать химерой...»[17] Некий **Робер из Тулузы** обращался, как и многие другие, к Конвенту с просьбой принять декрет о раздроблении наследств, считая это мероприятие путем к уравнению собственности. «Мы в скором времени не будем больше видеть громадных владений, сосредоточенных в руках одного лица... Они не будут больше оскорблять нищету народа. Территория республики будет гораздо лучше обрабатываться, когда она будет принадлежать миллиону лиц, чем когда она принадлежит только ста тысячам... Равенство не будет больше у французов пустым звуком»[18]. В своем обращении к Конвенту один гражданин (имя — неразборчиво) выражал убеждение, что революция, которой Конвент дал уверенный и регулярный ход, «вскоре завершит нивелирование имуществ». «Речь идет не только о том, чтобы низвергнуть или ограничить слишком большие состояния, но и о том, чтобы упразднить все то, что может возбуждать и поддерживать неумеренное стремление к ним». Он предлагал в этой связи целый ряд уравнительных мероприятий, изложенных в форме законопроектов. Личный интерес, указывал он, должен быть подчинен общественному; труд должен быть всеобщим [19]. **Ж.М.Пошон** в своей «Национальной хартии», критикуя Декларацию прав, указывал, что поскольку в ней провозглашается равенство прав, то будь собственность правом человека и гражданина, из этого неизбежно вытекало бы, что «нужно осуществить раздел земель между всеми гражданами»[20]. Некий Февр в препроводительном письме к своей работе «Осуществленный Эмиль» (которая в архиве не сохранилась) призывал Конвент довести до полного совершенства начатую им работу по общественному переустройству Франции: «Разве можно быть счастливым, когда повсюду слышатся горестный вопль нужды, стенанья бедняка?»[21] Гражданин Матье из Море утверждал, что люди, являющиеся братьями, предназначены к счастью на земле, и выражал пожелание, «чтобы наша свобода была полной, реальной». «Напрасно торжественная хартия будет нам гарантировать наши права, если закон их попирает. Равенство становится пустым звуком, когда гармонию постыдно нарушают оскорбительные слова: богатые и бедные»[22].

Уравнительные идеи и требования мы находим в обращениях к Конвенту и в послетермидорианский период. Некий **Арно** в письме к членам комитета по подготовке новой конституции требовал, чтобы они исходили из указания Руссо о необходимости сближения общественных крайностей и не допускали существования «ни богатых людей, ни нищих»[23]. Де Бей-отец 27 прериаля III года писал этому комитету, что необходимо учитывать то, что произошло при продаже национальных имуществ, а также последовавший за этим ажиотаж. Поскольку богатые люди стремятся все скупить, то было бы разумно установить для состояний максимум,

сверх которого никто не мог бы обогащаться, а все приобретенное сверх нормы подлежало бы конфискации. Необходимо также запретить всем гражданам владеть более чем одним строением в коммуне. Иначе «мы снова впадем в аристократию богатства»[24]. В обращении от 4 термидора III года (подпись неразборчива) говорилось: «Опыт прошлого, всеобщий клич античности, разум, наш собственный опыт — все учит нас, что тот, кто не обладает ничем или почти ничем, не заинтересован или почти не заинтересован в сохранении государства... Но равным образом доказано, что богатство не менее опасно для свободы... Не было бы ли поэтому благоразумнее, в целях обеспечения общественной свободы, установить максимум для состояний»[25]. Мы знаем, наконец, что в декабре 1794 г. **Жирар из Кемпера** представил Конвенту свой подробно разработанный проект эгалитарного преобразования Франции.

Но требования истинного социального равенства и братства вели подчас и к коммунистическим идеям. Этому, несомненно, содействовало то обстоятельство, что после провозглашения республики и особенно в период якобинской диктатуры получили распространение и популярность некоторые идеи, представления, понятия, которые, не будучи сами по себе коммунистическими, создавали, однако, предпосылки и подготовляли почву для возникновения коммунистических идеалов.

Очень популярна была идея всеобщего обязательного труда. При республиканских порядках не должно быть праздных бездельников; все граждане обязаны работать на пользу общества — таков был широко распространенный лозунг. Это требование, связываемое обычно с призывом к простой и умеренной жизни, к упразднению роскоши, мы находим в многочисленных обращениях и петициях. Так, гражданин **Юбер Парвиен** в обращении к Конвенту писал: «Из первого божественного закона, обязующего человека жить трудом своих рук и трудиться в поте лица, следует: 1. что каждого гражданина нужно призвать и даже принудить выполнять труд, полезный для общества... тем самым вы восстановите нравы; труд ведет к умеренности — матери всех добродетелей. 2. что всякий бесполезный и вредный для общества труд должен быть запрещен»[26]. Народное общество Шуази на Сене, требуя 16 флореаля II года мобилизации всех граждан и гражданок на уборку урожая, указывало: «В обществе всякий праздный член является почти всегда низким и опасным существом. Будем подражать в этом отношении трудолюбивой пчеле, которая изгоняет из улья беззаботного и ленивого шершня»[27]. Народное общество местечка Ленто департамента Нижней Сены писало Конвенту: «Настало время уничтожить роскошь, предоставить каждому труд, соответствующий его силам, обеспечить всем простую одежду, изготовленную лишь из местных материалов; тогда... все станут республиканцами; все граждане, занятые трудом, будут сильными, крепкими, трезвыми, экономными, искусными, хорошими мужьями, верными супругами, хорошими отцами, хорошими детьми»[28]. Народное общество Аллеварда в своем письме Якобинскому клубу от 11 жерминаля II года предлагало составить в кантонах списки лиц, пригодных к труду, а также нуждающихся в помощи, исходя из того, что «в республиканском государстве не должно быть ни бездельников, ни лодырей, ни нищих, что интересы общества не допускают, чтобы терпели паразитов, желающих существовать за счет полезных и трудящихся рук, и что гуманность налагает обязательство оказывать помощь больным, старикам и сиротам»[29].

В последнем обращении речь идет уже и об обязанности общества заботиться о престарелых, больных и вообще всех нетрудоспособных. Это тоже было одним из распространенных представлений. Государство должно заботиться о всех своих членах и обеспечивать им средства существования. Под этим углом зрения критиковалась еще в предыдущие годы Декларация прав человека и гражданина. Некий Триер из Парижа представил даже записку, озаглавленную: «Весьма важное упущение в Декларации прав человека и гражданина и в гарантии этих прав, записанных в первом разделе французской конституции, или петиция в пользу всех членов общества и в особенности наименее обеспеченных». Это упущение — отсутствие упоминания о самом важном праве — праве на существование, праве «иметь все средства к существованию, необходимые для жизни»[30]. Упомянутый выше Пошон в своей «Национальной хартии» провозглашал, что при республиканском строе каждый гражданин делает все свои способности общим достоянием. «Республика в обмен обязуется гарантировать ему благосостояние, пропорциональное его вкладу». Основными правами граждан являются право на жизнь, право на свободу, право на справедливость. Право на жизнь заключается в том, что каждый гражданин находит в лоне республики «средства, необходимые для его существования»[31]. Включенное в новую якобинскую конституцию 1793 г. положение: «Общество обязано заботиться о пропитании неимущих граждан путем предоставления им работы и путем предоставления средств к существованию тем, кто не в состоянии работать» — как бы официально санкционировало эти воззрения.

Экономическая политика максимума, проводившаяся революционный правительством, заключалась, как известно, не только в установлении твердых цен, но и в целом ряде других мероприятий, включая и реквизицию продовольствия. В августе 1793 г. Конвент принял декрет об организации в дистриктах государственных зернохранилищ. Хотя декрет этот остался в значитель-

ной мере на бумаге, но самая идея подобных государственных хранилищ продовольствия, или «амбаров изобилия», выдвигавшаяся еще до декрета Конвента, получила самое широкое распространение и расширительное толкование. Создание «амбаров изобилия» рассматривалось как средство полностью покончить с частной торговлей хлебом и полностью сосредоточить распределение продовольствия в руках государства. В одном анонимном обращении к Конвенту указывалось: «Предметы первой необходимости не могут быть подчинены спекуляциям торговли и алчности торговцев. Произносите красивые речи... издавайте, сколько хотите, законы о торговле зерном, их всегда обойдет алчность торговцев, скупщиков, всевозможных монополистов. Необходимо создать амбары изобилия»[32]. Создание общественных магазинов, «амбаров изобилия», как единственное средство покончить с алчностью богачей, зажиточных земледельцев и спекулянтов, предлагалось и во многих других петициях[33]. Гражданин **Дивернуа из Анноне** в своем письме от 28 прериаля II года, развивая эти идеи, предлагал следующий план государственного распределения продовольствия: произвести учет всего зерна в республике и сосредоточить все зерно в департаментских «общих амбарах изобилия», которые, в свою очередь, будут снабжать амбары дистриктов, те — амбары кантонов, а последние — амбары коммун, распределяющих среди граждан по 4 центнера зерна ежегодно. В тот же день аналогичный проект представил и некто Ферен из Дьеппа, указывавший, что тем самым будут полностью ликвидированы рынки[34].

Из этик предложений вытекало требование национализации всех продовольственных ресурсов, превращения продовольствия в государственную собственность. Такие требования выдвигались на страницах печати и раздавались с трибуны Конвента. Так, журналист **Публикола Шоссар** предлагал в октябре 1793 г. на страницах «Антифедералиста» «объявить все урожаи национализированными», а Барер в своей известной речи от 22 октября провозглашал: «Вся продукция нашей территории составляет собственность нации», и добавлял даже, что «всякая недвижимость принадлежит государству»[35]. Такие же требования мы встречаем и в различных петициях и посланиях. 14 марта 1793 г. члены Общества друзей республики из департамента Роны и Луары потребовали от Конвента «торжественно объявить, что, начиная со дня опубликования вашего декрета, продовольствие будет рассматриваться как национальная собственность»[36]. 15 марта 1794 г. республиканское общество города Шамплитта департамента Верхней Соны в своем адресе Конвенту писало: «Законодатели! Объявите национальной собственностью все зерно и все склады, которые существуют на всем протяжении Франции, с выплатой справедливого возмещения, которое вы сочтете нужным определить». Муниципалитеты должны произвести учет потребностей своих коммун и количества имеющегося зерна. Их протоколы представляются дистриктам и департаментам, которые в свою очередь сообщают общий итог министру внутренних дел. На основании этих сведений исполнительная власть должна решать, какое количество зерна выделяется армии и какое — коммунам согласно их нуждам»[37]. 18 марта республиканцы Блуа также просили Конвент «объявить продовольствие первой необходимости национальной собственностью»[38].

Некоторые шли еще дальше и требовали не только национализации продовольствия и его равного распределения, но и совместного потребления. Получала распространение идея общих трапез как средства поддержания республиканского равенства. Тот же Парвийен, требовавший в своей петиции всеобщего обязательного труда всех граждан республики, высказывался и за общие трапезы. Он напоминал, что еще основатель христианства учредил «общий стол, чтобы вернуть людей к равенству: поистине святой стол, который священники впоследствии ниспровергли...»[39] Некий парижанин «гражданин **Юбер**» писал Конвенту: «Человек, подчиняющийся закону божественной Природы, должен работать шесть дней подряд... ни одно живое существо не может быть избавлено от труда, полезного для общества». Но на седьмой день все должны отправляться в храмы, а после садиться за общие столы. Должны подаваться лучшие яства, лучшие вина, так как эти общие трапезы должны быть национальным праздником, вознаграждением тем, кто добросовестно работал на благо общества. Недопущение к этим общим столам должно рассматриваться как самое тяжелое наказание. «Я предлагаю вам, — писал Юбер в заключение, — торжественно санкционировать закон любви к ближнему путем учреждения общих трапез, установленных Иисусом Христом и искаженных нашими священниками»[40]. Известно, что в период якобинской диктатуры в различных местах действительно предпринимались попытки организации таких праздничных совместных трапез.

Другие выступали уже с предложениями, имевшими целью распространить принцип национализации и на сферу производства. Многочисленны были требования государственного регулирования сельского хозяйства и конфискации земель у недобросовестных собственников[41]. Так, народное общество Жиэ в департаменте Об, как и многие другие, требовало превратить в принудительном порядке виноградники в пахотные поля[42]. Народное общество Динья в департаменте Нижние Альпы 23 жерминаля II года писало: «Конфискуйте, законодатели, в пользу нации земельные участки, которые собственник оставляет невозделанными или насаждения которых предназначены украшать заносчивую роскошь. Пусть пышные аллеи... не захватывают

больше то, что принадлежит сельскому хозяйству, пусть в садах надменная лилия уступит место скромному картофелю, пусть вместо бесплодных цветников будут плодородные поля»[43].

Подобные предложения подчас вели к требованию создания государственных сельскохозяйственных угодий. Весной 1794 г. парижанин **Каснев** (Casseneuve) представил Конвенту «План организации сельских домов»[44]. Он предлагал создать государственные угодья, государственные сельскохозяйственные фермы, используя с этой целью бывшие королевские дворцы вроде Версаля, Трианона, Сен-Клу, Фонтенебло, Со и бывшие королевские домены. Он считал, что подобные государственные хозяйства следует организовать не только в Парижском департаменте, но и на всей территории республики. Они должны носить как земледельческий, так и животноводческий характер, заниматься как обработкой земли, так и выращиванием коров, овец, свиней, кроликов, птицы. Каждый такой «сельский дом», включающий центральное здание и окружающие его земли, должен управляться «национальным агентом». Автор подробно высчитывал доходы и расходы подобных «домов». Кроме пастухов, привратников, возчиков, птичниц и других рабочих и работниц, в каждом «доме» должны воспитываться 200 детей обоего пола, обучающихся сельскохозяйственному труду и также принимающих участие в сельскохозяйственных работах. Продукция этих государственных ферм должна поставляться по твердым ценам в Париж и другие города, обеспечивая тем самым их снабжение продовольствием. Из своих доходов каждый «дом» выделяет определенную сумму на помощь больным; другими словами, рабочие и служащие этих государственных ферм в случае болезни содержатся за их счет. Интересно отметить, что по плану Каснева эти государственные сельскохозяйственные предприятия выполняют еще и другую функцию: они предоставляют беспроцентные кредиты неимущим земледельцам, оказывая им тем самым непосредственную помощь в ведении хозяйства. Автор предвидит возражение, что «предприятия, принадлежащие нации, всегда плохо управляются». Но он решительно отвергает это утверждение. Он, наоборот, считает, что его план, обогащающий нацию полезной собственностью, приведет к изобилию и создаст неисчислимые ресурсы.

Некто **Бургонь из Мандра** (дистрикт Туль) направил Конвенту три мемуара о «национальных доменах». Об их содержании мы узнаем из его четвертого обращения к Конвенту от 3 термидора III года. «Следует признать бесспорным принципом, — писал он, — что государственные домены по праву неотчуждаемы..., а это значит, что нация никогда не теряет своих прав на эти домены, что они всегда остаются ее собственностью. Поэтому, когда эти домены бывают проданы или отчуждены, то эта продажа и отчуждение фиктивны; вернее, эта продажа является лишь отдачей в залог. Когда такой-то заплатил 100 тысяч ливров за национальное имущество, это значит, что он является его хранителем, обеспеченным залогом в виде этого национального имущества, взамен 100 тысяч ливров, которые он одолжил правительству до того, как оно захочет их ему вернуть... Из этого вытекает, что правительство имеет право взять назад у всех частных лиц отчужденные домены..., возвратив им сумму, за которую эти земли были проданы». Они не имеют права на это жаловаться, так как «государство не должно приносить никаких жертв в пользу частных лиц и ни один гражданин не должен получать преимущества за счет всех остальных». Бургонь предлагал оставить все национальные имущества в руках государства, вернув даже те земли, которые были уже распроданы. На всех этих национальных землях хозяйство должно вести само государство. «Есть люди, которые полагают, что государство является самым плохим из всех возможных собственников, что все его имущества управляются неизбежно хуже других и что, даже бросив беглый взгляд, можно отличить национальное имущество от имущества частного лица по его плохой обработке». Но эту точку зрения нужно решительно отвергнуть. Дело обстоит как раз наоборот. Для правильного ведения хозяйства, расчистки земли, осушения болот, проведения каналов, ведения лесного хозяйства нужны власть и деньги, а государство обладает в этом отношении наибольшими возможностями. Эти национальные домены — в случае хорошего управления — могут обеспечить республике большие доходы, покрыть значительную часть государственных расходов и дать возможность освободить граждан от тяжелых налогов. Частные же земледельцы вместо налога должны сдавать государству все продовольствие, кроме необходимого им самим минимума. В заключение Бургонь, упоминая о своих трех предыдущих мемуарах, представленных Конвенту, выражал опасение, что они могли быть кем-нибудь изъяты, так как они задевают интересы очень многих лиц.

Выдвигались и предложения о том, чтобы государство взяло в свои руки не только сельское хозяйство, по и промышленность. Так, 5 октября 1793 г. конгресс народных обществ Юга, собравшийся в Марселе, обратился к другим народным обществам и республиканским властям с призывом, в котором говорилось, что, поскольку республика в опасности, то необходимо, чтобы в течение всего периода кризиса «продуктивная почва и продуктивная промышленность Франции рассматривались лишь как громадные национальные мануфактуры, используемые нацией, а собственники — лишь как уполномоченные». В Лионе якобинец Пайардель предлагал Фуше «пригласить нацию взять в свои руки... всю торговлю, все мануфактуры и работать за свои счет»[46]. Многие считали необходимым — не в качестве временной меры, а как постоянное установление —

создать национальные мастерские. Идея национальных мастерских выдвигалась с самого начала революции. Ее поддерживал даже такой выдающийся революционный деятель, как Марат. В период якобинской диктатуры и после термидора мы также встречаем проекты организации национальных мастерских, преследовавшие подчас далеко идущие цели. 22 флореаля III года молодой 24-летний военный **Жан Франсуа Равенэ**, до этого уже обращавшийся к Комитету общественного спасения, прислал новый мемуар, в котором указывал, что «учреждение национальных мастерских является верным средством обеспечить надежное существование». Для организации национальных мастерских следует использовать собственность бывшего духовенства и госпиталей, доходы от благотворительности, а также половину суммы, ассигнованной для вознаграждения защитников родины. В национальных мастерских получили бы, в частности, работу и бывшие военные. Учреждение национальных мастерских, вменение в обязанность каждому изучить какое-нибудь ремесло, бичующие законы против праздности — верный путь к возрождению общества. «Сейчас благоприятный момент для полного возрождения человеческого рода, которое должно обеспечить ему Счастье, уничтожив все злоупотребления, этому препятствующие». «Мне могут возразить, что я вижу людей не такими, как они есть, а такими, какими они должны быть, но это потому, что я вижу нацию, обученную несчастьем, быстро продвигающуюся по дороге разума, который еще больше усовершенствуется благодаря хорошей системе всеобщего воспитания»[47]. Равенэ, как видим, связывал уже планы организации национальных мастерских с всеобщим обязательным трудом, искоренением праздности, национальным воспитанием, с грядущим возрождением общества и счастьем человеческого рода.

II

Всеобщий обязательный труд, обеспечение всем гражданам средств к существованию, «амбары изобилия», национализация и равное распределение продовольствия, общие трапезы, государственные сельскохозяйственные угодья и национальные мастерские — все эти идеи и предложения, взятые в отдельности, не носили коммунистического характера. Если некоторые лица, их выдвигавшие, и связывали их, возможно, с более общими целями общественного переустройства, то большинство рядовых граждан, излагавших в своих петициях и обращениях эти требования, имели в виду именно их и ничего более. Но все эти идеи, взятые в совокупности, в соединении с широко распространенным среди плебейских масс стремлением к социальному равенству, толкали, безусловно, мысль в направлении коммунистических идеалов, содействовали формированию коммунистического мировоззрения. Распространение в широких массах этих идей создавало предпосылки для возникновения идеала коммунистического общества. Для этого необходимо было лишь связать их с требованием упразднения частной собственности, как необходимой предпосылки социального равенства, общего труда, ликвидации паразитизма, совместного производства и потребления.

Уже непосредственно после падения монархии отдельные лица представляли себе будущую счастливую республику равенства и братства как республику, основанную на «общности». Так, в Национальном архиве сохранилась изданная весной 1793 г. (предисловие помечено февралем) книжка «Взгляд на общество в целом в 1792 году»[48]. Интересно отметить, что она напечатана в типографии «Социального кружка», т.е. принадлежит к числу последних произведений, изданных под этой маркой. В книжке резко осуждается политическое и общественное неравенство, наличие во всех существовавших до этих пор государствах господ и рабов. Но человеческий род, преодолевая все преграды, идет к совершенству и счастью. «Вскоре все люди, устыдившись своего долгого детства, устыдившись своих распрей, образуют один единый индивид, объединенный самыми нерасторжимыми узами материи и разума»[49]. Автор дает обзор Французской революции, вплоть до победы народа и падения монархии. Далее в форме сновидения описывается будущее. В этом будущем обществе, представляющемся мысленному взору автора, «существует полная общность (communaute entiere) для всех существ, чья судьба совершенно одинакова... Мы видели лишь утешительные вещи, лишь полное согласие между всеми существами; народы наслаждались счастьем и почти не чувствовали жизненных невзгод. Высокие горы и большие моря разделяли общества, но все они управлялись одними и теми же законами, были пропитаны теми же чувствами, были счастливы теми же добродетелями... Ничего больше не напоминало известные нам картины в этой веселой и плодородной сельской местности... Это не были больше тощие и покрытые лохмотьями земледельцы, мрачные пастухи, сопровождающие тощие стада, обветшалые хижины, покрытые соломой; это были здоровые и довольные люди... Все были свежи и счастливы благодаря новому образу жизни и горды трудом, который его обеспечивает»[50]. Далее описываются светлые города будущего, где происходят народные празднества и торжественные церемонии и где во главе общественного правления стоят мудрые старцы.

Такого рода мечтанья были характерны для этих бурных лет, когда сотни тысяч людей, охваченных революционным энтузиазмом, самоотверженно шли на бой с внутренними и внешними врагами, уверенные, что они являются знаменосцами и созидателями подлинного равенства, братства и счастья.

Обострившаяся в разгар революции классовая борьба в деревне и движение сельской бедноты приводили уже подчас к требованию обобществления земли, ликвидации частной собственности, распределения по потребностям.

Об этом свидетельствуют, например, события, имевшие место в коммуне Эпиней (Epineil) в департаменте Шер, о которых повествуют документы, сохранившиеся в департаментском архиве[51]. В августе — сентябре 1792 г., после падения монархии и накануне выборов в Конвент, местный священник **Пти-Жан** развернул в селе агитацию за установление общности имуществ. В протоколе Генерального совета коммуны от 21 сентября 1792 г. отмечалось, что Пти-Жан «каждый день твердит им (крестьянам), что имущества станут общими, пытается убедить их самыми вкрадчивыми речами, говоря, что будет лишь один погреб, один амбар, где каждый сможет брать то, что ему необходимо». Пти-Жан беседовал с отдельными жителями о будущем обществе, излагал свои взгляды в воскресных проповедях и даже расклеил афишу. 1 сентября он направил властям дистрикта и департамента, а также Законодательному собранию обращение, в котором извещал о предстоящем избиении всех аристократов для «установления равенства» и призывал граждан «добровольно отказаться от всей своей собственности». Вокруг Пти-Жана сплотились неимущие крестьяне, в то время как богатые собственники и представители администрации во главе с мэром Жаме и муниципальным чиновником Клермоном стали его ярыми врагами. В воскресенье 23 сентября после мессы произошло открытое столкновение между властями коммуны и Пти-Жаном, отказавшимся идти к мировому судье. Вокруг его дома собрались вооруженные крестьяне, которые напали на жандармов и национальных гвардейцев, разоружили их, разгромили дом прокурора коммуны. После вечерни Пти-Жан повел крестьян во владения Клермона, бывшего, по-видимому, одним из крупнейших землевладельцев коммуны, чтобы разрушить изгороди, т.е. захватить его земли. Прибывший к 10 часам вечера отряд национальной гвардии, посланный властями дистрикта, рассеял «мятежников».

В огон связи несомненный интерес представляет также протокол собрания граждан коммуны Анвер, дистрикта Этамп, опубликованный в приложении к брошюре Доливье «Опыт о первоначальной справедливости». Собрание это, состоявшееся 21 июля 1793 г., в котором приняли участие свыше двадцати жителей деревни, одобрило сочинение Доливье, высказалось за его издание, с тем чтобы оно было представлено в Конвент и разослано всем секциям и народным обществам. Участники собрания одобрили, в частности, основное требование Доливье об обобществлении земельной собственности, признав «в высшей степени несправедливым» частное землевладение, в результате которого одни рождаются богатыми, а другие бедными[52]. Документ этот тоже свидетельствует, что идеи коллективной собственности на землю находили в разгар революции известный отклик среди деревенской бедноты.

Выражением этих чаяний являлись как сама брошюра Доливье, так и такие обращения к Конвенту, как рассмотренная выше петиция Кольмара, также предлагавшего передать землю в собственность коммун и выдвигавшего идею сельских общин.

Осуждение системы частной собственности, требование ее обобществления, передачи всей собственности (и не только земельной) в распоряжение республики мы находим в ряде обращений к Конвенту, несмотря на то, что открытое выражение этих идей, после принятого Конвентом весной 1793 г. закона о смертной казни за пропаганду «аграрного закона», было крайне затруднено.

30 мессидора II года (18 июля 1794 г.) некто **Пайен** (Payen) из Парижа, по-видимому агроном по специальности, много раз обращавшийся в Комитет земледелия Конвента с различного рода предложениями и рекомендациями, послал этому Комитету новое письмо, в котором с раздражением говорил о противодействии крестьян любым агрономическим мероприятиям. Сельское хозяйство, указывал он, заброшено, и его производительность еще далека от того, что необходимо для удовлетворения насущных нужд. Никогда нельзя будет убедить крестьян и преодолеть их старые предрассудки; напрасно будут их убеждать, что предлагаемое — в их же интересах; навыки являются для них пределом, который они никогда не переступят. В этой связи Пайан задавал вопрос: «Считаете ли вы справедливым оставлять на их прихоть богатства земли, в которых мы так нуждаемся?» и делал далее следующий вывод: «Никто не должен иметь другой собственности, кроме общего закона (personne ne doit avoir d'autre propriete que la lot generale)». Чиновник Комитета земледелия, регистрировавший письмо Пайана, сразу же обратил внимание на это заявление и так резюмировал содержание его письма: «Очень настаивает на средствах, которые необходимы против предрассудков и особенно против эгоистических притязаний земледельцев; никто, говорит он, не должен иметь другой собственности, кроме общего закона (весьма философский принцип, заслуживающий более углубленного рассмотрения)»[53].

А. Р. ИОАННИСЯН

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва: Наука. 1966

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Еще до этого, 18 жерминаля II года (7 апреля 1794 г.) гражданин **Эннон из Лилля** (Hennion de Lille), проживавший в Париже по улице Лагарп 126, обратился к Конвенту с изложением «пяти планов», представленных им до этого на рассмотрение Конвента[54]. Первые четыре плана Эниона касались финансовых реформ и национальных имуществ. Пятый же свой план Энион характеризовал как «план республиканца», достойный «истинных республиканцев» и преследующий цель превратить их в одну семью. «Этим пятым планом, — писал он, — я предполагаю, что вся собственность принадлежит республике (que toutes les Proprietes appartiennent au Corps republicain)». Все граждане должны иметь одинаковые обязанности и работать на республику; «руки республиканцев должны принадлежать республике и быть всецело ей посвящены (devoue)»; каждый республиканец должен посвятить себя интересам государства; гражданам должна выплачиваться ежедневная заработная плана в 40 соль, «взамен чего республика будет использовать их таланты и промыслы и забирать их плоды». Поскольку еще не осуществлен «закон равенства» и все пока «несоразмерно», Энион допускает, чтобы люди зажиточные и все, кто пожелает, избавляли себя от этой «республиканской повинности», выплачивая республике особый ежедневный налог в 40 соль, используемый государством для оплаты тружеников. Но конечной целью его плана является, как видим, осуществление «закона равенства», сосредоточение всей собственности в руках республики и превращение всех граждан-республиканцев в трудящихся, работающих на республику, в распоряжение которой поступает весь продукт их труда.

В делах Комитета по народному образованию Конвента имеется документ на двух страницах, без подписи и обращения, кроме слов: «Постскриптум, 23 мессидора». Таким образом, это пост скриптум к какой-то петиции, представленной Конвенту. Но постскриптум этот был почему-то зарегистрирован отдельно и направлен 8 термидора III года (26 июля 1795 г.) Комитетом петиций Комитету по народному образованию. Документ этот гласит: «Мне пришло на ум рассуждение против собственности и в защиту атеизма; я не вижу, что можно было бы возразить на это достаточно убедительно. Наш век изобилует умом, и чем больше имеют ума и просвещения и чем больше их используют, тем больше приближаются к пропасти и готовы в нее упасть. Священникам вменили в преступление то, что они допускали существование бога — несправедливого, похитителя и пристрастного, как мы сами. Это не преступление одного лишь духовенства. Это преступление всех собственников. Бог дает все одним и ничего другим. Он является, следовательно, несправедливым и похитителем, он имеет любимцев и оказывает им предпочтение, т.е. он пристрастен. Из этого следует, что мы сделали бога похожим на нас. Напрасно хотят исправить эту несправедливость, воображая, что в загробной жизни восторжествует справедливость. Но какую гарантию имеете вы относительно этой загробной жизни и кто вам сказал, что бог будет более справедливым на том свете, чем на этом? Он начинает несправедливость на этом свете, не будет ли тот свет лишь дополнением? При совместном пользовании верховное существо не является ни несправедливым, ни пристрастным; оно распределяет свои дары с замечательным равенством. Не является ли, следовательно, этот строй (etat) строем творения, строем, который бог избрал для человеческого рода, строем, единственно естественным для человека, а собственнический строй (Fetal proprietaire) не является ли строем вторжения (d'intrusion) и несправедливости. Как можно льстить себя надеждой исправить при этом строе вечные несправедливости?»[55] Так, неизвестный нам автор в своих заметках, представленных Конвенту, приходит к выводу, что общественный строй, основанный на частной собственности, является противоестественным и несправедливым и столь же порочен, как созданный по его подобию образ бога.

III

Мысль о том, что в подлинной республике, основанной на социальном равенстве, собственность также должна быть «социальной») и единственным собственником должно быть само государство, все больше овладевала умами.

Очень характерен в этом отношении пример **Дюфурни де Вилье**. Дюфурни де Вилье известен как автор опубликованного накануне революции, в апреле 1789 г., памфлета «Наказы четвертого сословия — бедных, поденщиков, немощных, неимущих и т.д.»[56], в котором он выступал от имени общественных низов, в частности наемных рабочих, требуя, чтобы общество заботилось о слабых и бедных. Дюфурни принял самое активное участие в революции. Видный деятель Якобинского клуба, он после установления якобинской диктатуры стал президентом Парижского департамента.

В своих брошюрах, опубликованных в первые годы революции, Дюфурни продолжал защищать интересы трудовых слоев населения, высказывая подчас очень интересные мысли о классовых противоречиях не только между бедными и богатыми в целом, но специально между рабочими и предпринимателями. В прочитанном 11 ноября 1789 г. на общем собрании дистрикта Матюрен докладе, в котором он призывал создавать денежные фонды для помощи неимущим и борьбы с нуждой[57], он вновь говорил о «священном сословии несчастных, бедных, рабочих, немощных и неимущих» и указывал, что «чаще всего интересы фабрикантов противоположны интересам рабочих»[58].

Среди брошюр Дюфурни этого периода особенно примечателен памфлет «Пирог королей», помеченный январем 1791 г.[59] Эпиграф этого произведения гласит: «Граждане! Вот семейный праздник. Где же доля бедного?» Указывая, что предстоит разработать новую конституцию, автор призывает принять за образец «первоначальные времена», первобытное человеческое общество. Это первобытное общество, по мнению Дюфурни, было обществом коммунистическим, основанным на коммунистических началах. Человек жил тогда в условиях золотого века. «В то время то, что он получал из рук природы, хватало на удовлетворение его нужд и не было отравлено ни жаждой обладания, ни алчным стремлением к захвату и накоплению; тогда земля и все ее плоды, в изобилии предоставленные всем, принадлежали всем; равные в правах, совместно владевшие и пользовавшиеся (communs en possessions et en jouissances), люди были долгое время истинными братьями, и человеческий род в целом представлял как бы одно большое существо, бесчисленные части которого, свободные и чувствительные, движимые интересом столь же сладостным, как и непреодолимым, постоянно стремились объединиться. Таким образом, даже тогда, когда неравенство физических сил, болезни, слабости детства, дряхлость старости превращали отдельных индивидуумов в беспомощных и страдающих, общая сила их защищала, общая привязанность их утешала, общие способности заботились об их нуждах»[60]. Признавая коммунизм первоначальным и наиболее счастливым общественным строем, Дюфурни делал, однако, из этого только тот вывод, что и в современном обществе бедные и неимущие являются «совладельцами» и имеют законное право на свою долю жизненных благ. Требуя, чтобы было торжественно провозглашено, что общество создано «лишь для того, чтобы защищать слабых против могущественных и неимущих против богатых и против нужды», он предлагал отчислять в распоряжение муниципалитетов, в пользу бедных, определенную часть доходов от торговли и промышленности, от любых операций, купчих, арендных договоров, брачных контрактов и т.д., в частности, 1/10 часть доходов от продажи национальных имуществ.

Следует отметить, что в эти годы Дюфурни, видимо, был близок к «Социальному кружку», так как одна из его петиций, представленная 10 июля 1792 г. Законодательному собранию[61], напечатана в типографии «Социального кружка».

После провозглашения республики и установления революционной диктатуры Дюфурни, активный якобинец, был вовлечен в водоворот бурной политической деятельности. Очевидно, этим объясняется, что от этого периода до нас дошли лишь две-три его брошюры. Одна из них, опубликованная в сентябре 1793 г., в бытность Дюфурни президентом Парижского департамента, представляет, однако, большой интерес. Брошюра эта, написанная в форме воззвания к гражданам республики, носит длинный заголовок: «Общественное мнение, оживись, обсуди, выскажись, просвети, образуй общую волю; продиктуй тем, кто ее формулирует, основы окончательных законов о съестных припасах, о собственности, о торговле, о скупке и о правах потребителей; подготовь повиновение закону, убедив в его очевидности; вдохни в представителей свободных людей все дерзновение великих истин, и тогда, наконец, уверенность в средствах к существованию обеспечит незыблемость свободы. Общественное мнение, как гражданин, как должностное лицо народа, я предлагаю тебе ряд принципов, я предлагаю основы декретов; многие другие придадут им форму регламентов; рассмотри их со строгостью, выскажись, усовершенствуй, прими и осуществи счастье человеческого рода»[62].

Дюфурни начинает свое обращение к «свободным людям» с напоминания, что навязанная на первых порах народу монархическая конституция подавляла его порывы к счастью. Но 10 августа ниспровергло замки тиранов, все разрушило и все создало. Теперь клятвой свободных людей является: единство, неделимость республики, братство, равенство, свобода или смерть. Теперь, наконец, созданы предпосылки для торжества истины. «Завоевавшие свободу, заговорите же, наконец, могучим языком героев, пусть истина будет вашим единственным руководителем, пусть принципы, вновь положенные в основу всех законов, будут их единственной силой, и тогда человеческий род, полностью осуществляющий свои права, будет пользоваться всем счастьем, для которого он предназначен». Основным, вечным врагом общества является эгоизм, подавляющий братскую привязанность — источник добрых нравов. Именно эгоизм использует торговлю против бедняков, возбуждает против народа гнусную жадность. «Торговля, которая должна быть покорным слугой наций, становится их хозяином и палачом; ей недостаточно, что бедняк не имеет одежды, она лишает его и работы, доводит до изнеможения, заставляет его проклинать, лишает его жизни и свободы». Общество «должно задушить жадность спекулянтов; в противном случае не может быть республики».

Далее Дюфурни излагает свои максимы: «Собственник какой-либо вещи — это тот, кто может ее использовать и злоупотреблять ею. Земля принадлежит республике. Владельцы земли, земледельцы... на самом деле не являются собственниками ни земли, ни ее плодов». Они вкладывают свой труд в обработку земли и за это должны получать от государства соответствующее вознаграждение. «Итак, земля принадлежит республике; итак, урожай тоже принадлежит всем ее членам; итак, условный владелец земли, земледелец, является лишь орудием земледелия, агентом, ответственным за плодородье почвы. Итак, земледелец является

компанионом (associe) нации, территорию которой он оплодотворяет... Он — работник (artisan), которому она выплачивает заработную плату за его работу... Нация, выплатив вознаграждение земледельцу, может лишь одна располагать урожаем». Достойно сожаления, что все эти основные принципы не включены ни в Декларацию прав, ни в Конституцию. Необходима поэтому новая Декларация, которая должна гласить: «Свободный человек, достойный природы, видящий в своих близких лишь равных и братьев, провозглашает: 1. Земля является общей собственностью (propriete commune) всех людей; 2. Территория, занимаемая людьми, объединенными в одно общество, является общей и неотчуждаемой собственностью всего общества. 3. Когда отдельные индивидуумы получили от общества в пользование часть территории, то это было лишь с обязательством с их стороны обрабатывать ее, а со стороны общества — их поддерживать. 4. Эти исключения из общего права, будучи лишь условными и не предоставляя вместе с возможностью использовать возможность злоупотреблять, отнюдь не устанавливают собственности, а являются лишь пожалованием (concessions); владельцы являются, следовательно, условными пользователями, а не настоящими собственниками. 5. Этот пользователь, который с течением времени и в результате длительного злоупотребления словами подменил собой национальный суверенитет, присвоив себе титул собственника, является лишь орудием земледелия, используемым обществом и для общества, которому общество должно выплачивать заработную плату... 9, Торговля была учреждена лишь для удобства земледельца и производителя (fabricant) и для обслуживания потребителя; таким образом, всякий спекулянт, который использует фонды съестных припасов для получения прибыли, является бесполезным, опасным и преступным посредником, истинным скупщиком, монополистом, врагом общества, узурпатором прав суверенной нации, которой одной лишь принадлежит право взимать налоги. 10. Всякий человек, не производящий своим трудом съестные припасы или не добавляющий к ним ничего своим промыслом, или не доставляющий их потребителю, является гнусным монополистом, преступным заговорщиком, если он приобретает их, чтобы их изъять или извлечь из них прибыль».

Вслед за тем Дюфурни излагает вытекающие из этих принципов «общие мероприятия», которые надлежит немедленно осуществить. Мероприятия эти сводятся к реквизиции государством всего урожая. Каждый год должен производиться учет урожая, поступающего в распоряжение республики; хлеб и мука должны продаваться потребителям по твердым ценам, устанавливаемым Конвентом. В заключение автор обращается к различным слоям населения. От «фермеров-спекулянтов», получивших выгоды от революции лишь для того, чтобы стать угнетателями бедняка, он требует неукоснительного выполнения закона о максимуме, угрожая им, в противном случае, смертной казнью. Честных «фермеров-земледельцев» он призывает выполнять свой общественный долг. «Жители деревень, поденщики, — пишет он далее, — не считайте себя зависимыми от дурных богачей и монополистов; злые исчезнут, но земля, но урожаи, но труд, но ваши добрые братья останутся... Призовите к себе на помощь патриотов городов, ваших друзей санкюлотов, они избавят вас от ига этих маленьких тиранов, легально осуществляя реквизиции... А вы, обездоленные граждане городов..., когда нация выскажется по вопросу о собственности на урожай, когда суровые законы, защищающие обездоленных, запугают всепожирающую алчность монополистов, когда, наконец, должностные лица призовут вас для их строгого выполнения, покажите себя достойными нации и самих себя...»

Непосредственная цель брошюры Дюфурни совершенно ясна. Опубликованная в сентябре 1793 г., накануне принятия «всеобщего максимума», когда продовольственный вопрос в Париже резко обострился, она ставила своей непосредственной задачей обоснование необходимости твердых цен и общей реквизиции всего урожая. Но, обосновывая эти требования, Дюфурни, уже ранее рассматривавший общую собственность как первоначальную, естественную и справедливую основу подлинно счастливого общественного строя, доказывал неправомочность частной земельной собственности и рассматривал собственников лишь как временных, условных владельцев. Он считал, что при новых, республиканских порядках земледельцы должны превратиться в тружеников, обрабатывающих землю и получающих за это от республики заработную плату, как вознаграждение за свой труд. Он желал, чтобы исчезли все сельские богачи, эти «маленькие тираны», все скупщики, спекулянты, все бесполезные посредники, наживающиеся на торговле, чтобы все граждане республики превратились в равных и братьев. А это приводило его к провозглашению всей земли собственностью республики, общей неотчуждаемой собственностью всей нации.

Подлинная республика, обеспечивающая подлинное общественное равенство, должна неизбежно иметь своей основой общественную собственность — вот тот главный вывод, к которому приходит Дюфурни и который совершенно четко сформулирован в седьмом параграфе предложенной им Декларации. «Это единство социальной собственности (unite de propriete sociale)... есть то, что создает общую вещь (la chose commune), единство интересов, общее дело (chose publique), или республику. Итак, социальный порядок, наиболее единый, наиболее сплоченный, наиболее братский, наиболее близкий к природе и счастью, существует в истинной республике».

IV

Два месяца спустя, в ноябре 1793 г., к тому же выводу пришел другой политический деятель-якобинец, **Жак Греню**.

Уроженец Женевы, изгнанный оттуда за революционную деятельность, высланный затем из Франции, Греню, адвокат по профессии, смог вернуться во Францию только после начала революции. Он сразу же принял деятельное участие в политической жизни, был избран мэром коммуны Большой Саконнекс в пограничном со Швейцарией кантоне Ферней-Вольтер, а в дальнейшем получил должность военного комиссара департамента Мон-Блан, образованною в ноябре 1792 г. из присоединенной к Франции Савойи. Во время выборов депутатов в Конвент от этого нового департамента, состоявшихся 10 февраля 1793 г., 1реню был избран заместителем депутата[63]. Левый якобинец по своим политическим убеждениям, Греню активно боролся за революцию в Женеве и присоединение своего родного города к революционной Франции. Инициатор основания в Женеве Якобинского клуба, он был в августе 1794 г. приговорен там заочно к смертной казни[64].

В 1790—1791 гг. Греню выступал как один из горячих приверженцев «Социального кружка». Он примкнул к «Всемирной федерации друзей истины» уже в ноябре 1790 г. На шестом «федеративном собрании» было заслушано следующее сообщение: «Мор из кантона Ферней-Вольтер г.Греню предлагает друзьям истины свою корреспонденцию. Он извещает нас, что для восстановления равенства и социального единства в настоящее время формируется братская лига среди уроженцев Женевы и сельских жителей из ее окрестностей»[65]. Вскоре сношения Греню с «Социальным кружком» стали весьма оживленными. «Железные уста» именовали его теперь «нашим дорогим братом Греню» [66]. 10 января 1791 г. журнал сообщал: «Г-н Греню, мэр Саконнекса, этот ревностный друг свободы, на патриотизм которого мы имели столь много поводов ссылаться, только что направил нам несколько работ, имеющих целью сокрушить аристократию в Женеве, его бывшей родине, откуда он был изгнан, как и все друзья истины. Одна из этих работ, озаглавленная «Первые предложения г.Греню», выдвигает принцип, что политическое равенство должно быть конституционной основой государства... Другая работа, более значительная, является «Призывом к нации»; эпиграфом к ней взяты первые статьи Декларации прав человека»[67]. На пятнадцатом «федеративном собрании» сам Фоше выступил с заявлением «о нескольких важных мемуарах, адресованных нам г.Греню — одним из свободных гениев, достойных содействовать основанию общины человеческого рода»[68].

В своих политических памфлетах, опубликованных в 1791 г. и представленных им «Всемирной федерации друзей истины», Греню призывал своих женевских сограждан последовать примеру Франции. Он высказывался за самую решительную ликвидацию феодальных пережитков в деревне. При этом он требовал объявить все имущества, покинутые их владельцами, общинной собственностью[69].

Дальнейшее развитие Французской революции оказало решающее влияние на все мировоззрение Греню. В период якобинской диктатуры, являясь горячим сторонником всех революционных мероприятий, в том числе экономической политики революционного правительства, он пришел уже к коммунистическому идеалу, видя в коммунизме логическое завершение системы «максимума».

Об общественных взглядах Греню этого времени свидетельствует его переписка с одним из его бывших женевских сторонников Дезона (в дальнейшем с ним порвавшим), опубликованная последним в Женеве в 1794 г.[70] Уже в своем первом письме к Дезона от 12 ноября 1793 г. Греню писал: «Я полагаю, что принципы максимума ведут нас к общности, которая, быть может, является единственным средством охраны республиканизма, так как разрушает индивидуальное честолюбие, непрестанно ведущее борьбу против равенства, и направляет все способности к всеобщему самосохранению. Вы увидите, что для осуществления максимума потребуется учредить национальные магазины, дабы принимать излишки предметов потребления и фабричных изделий, чтобы затем поровну распределять их; и тогда подойдут вплотную к общности, когда каждый будет сдавать продукт своего промысла с тем, чтобы он был распределен между всеми. Это может показаться вам чересчур философским; но подумайте, какую силу обретет республика, объединяющая в себе все индивидуальные честолюбия. Я скажу вам больше. Это будет совершенство равенства и свободы. Я не представляю себе республику иначе. Это не аграрный закон, который не сможет просуществовать больше 24 часов с того момента, как вы предоставите действовать личному честолюбию. Общность — вот великий принцип республики. Пока что сочтут за сумасшедшего того, кто это говорит. Но к этому придут и это будет поставлено в порядок дня, либо я очень заблуждаюсь. И это приведет к подлинному моральному и политическому возрождению»[71].

В дальнейших письмах, Греню, всецело одобряя революционные мероприятия якобинской диктатуры, требовал усиления борьбы против богатых, снова намекая при этом, что лишь общность может разрешить все противоречия и обеспечить счастливое будущее. Говоря об опасностях, грозящих максимуму, он указывал: «Есть только одно-единственное средство все согласовать; и это средство не было предложено»[72]. В другом месте он писал: «Негоцианты, крупные торговцы, все эти люди, которые увидели, что революция делалась не для них, более ее не желают... Закон должен изъять излишек из кармана богача, чтобы облегчить положение бедняка. Мюскадены обзывали мое мнение грабежом. Но патриоты роптали, и оказалось необходимым прийти к этому; лишь эта мера спасла республику»[73]. В настоящее время ведется война не на жизнь, а на смерть; если не станут убивать врагов, то будут убивать они. «Дело пойдет (cela ira). Французская республика достигла той степени развития, когда она извлекает пользу из опыта всех народов и своего собственного опыта; она пришла к этому путем потрясений, и эти потрясения еще не кончились... Иногда, и даже часто, предметом моих размышлений является утешительное зрелище будущего, и я переношусь в те времена, когда будет царить общественное благосостояние»[75]. «Я питаю глубокое доверие к мудрой политике комитетов и поэтому не имею замечаний относительно правительства; уверенный в его успехах, я размышляю исключительно о благосостоянии — предмет, на котором с начала революции я сосредоточил все свои помыслы»[76]. Ему очень хотелось бы развить свои идеи «о наилучшем образе правления для свободного народа». «Я живу в будущем; я вновь вижу себя там в кругу друзей, которые, как и я, дорожат свободой, и там мы в безмолвии страстей, при светоче опыта, намечаем путь к счастью для моих современников и для потомства... Все то, что я не могу высказать, ты это, несомненно, чувствуешь, понимаешь, угадываешь»[77].

Уже после термидора, в 1796 г., Греню опубликовал книгу «Опыты о ресурсах Франции или развитие некоторых отраслей промышленности и торговли»[78]. Книга эта — серия отдельных бюллетеней, озаглавленных: «Ресурсы Французской республики или успехи национальной промышленности». Многие из них написаны еще в эпоху Конвента, так как Греню именует себя в них «заместителем депутата»[79]. В этих бюллетенях Греню рассматривает конкретные проблемы развития отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Тематика этих бюллетеней, таким образом, очень ограничена и носит чисто практический характер. Но и в них проскальзывают сокровенные мысли автора, его социально-политические взгляды и общественные идеалы. Он прежде всего провозглашает труд основной обязанностью граждан республики. «Я не представляю себе республики,— пишет он,— без любви к труду и без занятия им. Потеря или плохое использование гражданином своего времени — это кража у общества. Добродетели существуют лишь бок о бок с трудом; лишь тот сон сладок и спокоен, который является отдохновением после дневной усталости; еда вкусна, когда вызвана аппетитом, возбужденным работой — в кабинете, в мастерской, с заступом»[80]. Основная общественная задача — достижение фактического равенства. «Тщетно декретировать равенство прав; его база — возможно большее приближение к фактическому равенству. Фактическое равенство существует, когда достаток и средства для удовлетворения нужд столь широко распространены, что каждый гражданин своим трудом может обеспечить их себе и своим детям... Принцип единства и неделимости республики должен еще быть увязан с мануфактурной и коммерческой системой»[81]. Как достичь этого? Как приблизиться к фактическому равенству? Проект, который излагает Греню на страницах своей книги, позволяет, по-видимому, судить о том, как он себе это представлял. Он предлагает создавать «индустриальные общества или ассоциации», объединяющие как богатых, капиталистов, так и неимущих, рабочих, которые совместно являлись бы как бы акционерами промышленных предприятий, учреждаемых этими обществами. Каждый член подобной ассоциации будет получать свою долю прибыли от производства и будет, следовательно, заинтересован в ее процветании; каждый рабочий будет знать, что работает на самого себя, и будет, следовательно, заинтересован в общем успехе. Капиталисты и негоцианты будут иметь соответствующую гарантию в отношении сырья и фондов, предоставленных предприятиям. Кроме того, каждый, скопивший даже маленькую сумму, может выгодно вложить ее в фонд ассоциации с надеждой ее удвоить. Государство должно всячески поощрять создание подобных «индустриальных обществ». На их предприятиях должны широко применяться машины. Для создания таких фабрик необходимо использовать строения монастырей и различные общественные здания[82].

Проект «индустриальных обществ, или ассоциаций», Греню, безусловно, заслуживает внимания. Построенный, как и другие проекты ассоциаций, на кооперативных идеях, он также носит, в известном смысле, «префурьеристский» характер, предусматривая объединение на паевых началах богатых и бедных, капиталистов, предоставляющих основные фонды, и рабочих, получающих свою долю дохода от совместного производства и вкладывающих в эти коллективные предприятия свои личные сбережения. Очевидно, создание подобных ассоциаций Греню и рассматривал как один из путей к достижению фактического равенства. В этом смысле, очевидно, и следует понимать его заявление, что индустрия должна избавить граждан, которых нужда

ставила в зависимость, от опасений, вызываемых могуществом богатства. Грето считал, что в подобных индустриальных обществах не будет больше этой зависимости, поскольку каждый, работая на себя, будет заинтересован в процветании всей ассоциации.

Греню, мечтавший о социальной справедливости еще в то время, когда он был приверженцем «Социального кружка», пришел к идеям коммунизма в кульминационный момент революционного кризиса, в 1793 г., под самым непосредственным воздействием сложившейся к тому времени социально-политической обстановки и экономических мероприятий революционного правительства. Его вывод о необходимости установления общности, как неизбежного следствия системы максимума, быть может, одно из наиболее эмпирических обоснований коммунизма в годы Французской революции. В коммунизме видел он теперь «великий принцип» подлинной республики, залог морального и политического возрождения. В дальнейшем Греню, по-видимому, не отказался от сложившегося у него в эти годы общественного идеала. Он продолжал видеть главную цель в установлении фактического равенства, считал необходимым согласовать «мануфактурную и коммерческую систему» с принципом единства и неделимости республики. Индустриальные ассоциации, создаваемые при поддержке государства, с использованием бывших монастырей и других общественных зданий, рассматривались им, несомненно, не как конечная цель, а лишь как средство для достижения этой цели. Характерно при этом, что для Греню на первом плане стояла «индустрия», промышленность; он противопоставлял не просто богатых и бедных, а говорил уже о капиталистах и рабочих.

Об отрицательном отношении Греню к новому капиталистическому обществу, возникшему на развалинах феодализма, свидетельствует и его последняя книга, опубликованная много лет спустя, в 1808 г.[83] Посвященная вопросу о ростовщичестве, книга эта ярко описывала пагубные следствия развития капитализма как в городе, так и в деревне. «Я задавал себе вопрос, — восклицает автор, — не пожертвовали ли мы своим достоянием, своей свободой и ставили под угрозу свое существование, дабы избавить сельские местности от злоупотреблений феодализма, лишь для того чтобы увидеть их отданными во власть ростовщичества»[84]. В этих словах Греню ясно звучит его глубокое разочарование социальными результатами Французской революции, в которой он принял столь активное участие, мечтая о светлом будущем, о грядущем обществе всеобщего равенства и благосостояния.

Уже осенью 1792 г. Конвенту был представлен развернутый план коммунистического преобразования Франции.

Под номером 239 среди дел Комитета по народному образованию Конвента хранится петиция, адресованная «республиканскому Конвенту франков» и озаглавленная «Управление республики франков административными органами» («Gestion de la republique des francs par les corps administratifs»)[85]. Петиция эта подписана Жаком де Сабаро (Jacques de Sabarot) и направлена из местечка Серрьер в департаменте Ардеш. Из приписки, сделанной рукой автора, мы узнаем, что обращение это было послано им в двух экземплярах на имя председателя Национального Конвента, с тем чтобы оно было представлено Конвенту. Обращение Сабаро попало в Комитет петиций и переписки, откуда 18 октября 1792 г. было направлено в Комитет по народному образованию, куда поступило 28 октября. Таким образом, устанавливается дата петиции Сабаро — октябрь 1792 г.

Кем был этот Жак де Сабаро? В деле Комитета по народному образованию за № 423 имеется целый ряд печатных брошюр Сабаро, представленных им несколько позже, в январе 1793 г., Конвенту[86]. Брошюры эти озаглавлены: «Взгляд на медицинское законодательство, адресованный Генеральным штатам», «Де Сабаро — французским врачам и всем соотечественникам, друзьям мира», «Извещение родине», «Рассмотрение претензий эмигрантов к французским патриотам», «Извлечение из акта о патриотических услугах, оказанных **Жаком де Сабаро**, бывшим **Сабаро де ля Верньер**». Во всех этих брошюрах содержатся достаточно подробные биографические данные, из которых выясняется следующее.

Жак Сабаро де ля Верньер родился 28 марта 1735 г. в местечке Ампюрани, на территории будущего департамента Ардеш. Получив медицинское образование, Сабаро в период Семилетней войны работал врачом во французских войсках, действовавших на территории Германии. В дальнейшем он практиковал в Ардеше, где принес много пользы, особенно в борьбе с различного рода эпидемиями. Агреже медицинской коллегии в Ниме, корреспондент Королевского медицинского общества в Париже, Сабаро был автором ряда научных трудов по медицине, которые представлял Медицинскому обществу и Академии хирургии и публиковал как в местных органах печати, так и в «Медицинском журнале».

Когда были созваны Генеральные штаты, Сабаро представил им свой проект медицинского законодательства, напечатанный в виде небольшой брошюры. Суть этого проекта сводилась к рекомендации создать в стране широкую врачебную сеть для медицинского обслуживания населения. Сабаро доказывал необходимость обеспечить врачей твердым заработком, чтобы избавить их от необходимости брать гонорар с неимущих лиц. «Разве вы не знаете, что земледелец, ремесленник могут еле-еле прокормить себя и требовать от них гонорар после

предоставления им медицинской помощи, значит быть их угнетателями». Кроме того, отсутствие врачей, особенно в сельских местностях, приводит к массовой смертности в результате различных заболеваний. Поэтому необходимо иметь врачей в каждом дистрикте. Только так можно покончить с медицинской анархией — бичом человечества.

Вскоре Сабаро опубликовал новую брошюру, в которой вновь доказывал необходимость прикрепления врачей к департаментам, дистриктам и кантонам, оплачивая их за счет нации, чтобы они могли оказывать бесплатную медицинскую помощь неимущим.

24 ноября 1791 г. Сабаро, проживавший к тому времени в коммуне Серрьер, официально отказался от своей прежней дворянской фамилии Сабаро де ля Верньер и принял имя Жака Десабаро, заявив, что не хочет иметь другого титула, кроме титула французского гражданина. Вслед за этим, видимо весной 1792 г., он опубликовал памфлет, направленный против эмигрантов. Он доказывал незаконность их притязаний, основанных на прежних привилегиях дворянства и духовенства, лежавших бременем на народе, и напоминал, что в случае победоносного возвращения во Францию эмигранты расправятся со всеми, даже с теми, кто считает их своими друзьями. Нужно принять все меры, чтобы сохранить мир с соседями. Но если это не удастся, то нужно смело напасть на врагов, сколь многочисленны они ни были бы, и с оружием в руках отстоять свободу.

После провозглашения республики, в октябре 1792 г., Сабаро отправил из Серрьера петицию Конвенту, в которой излагал свои идеи о новом общественном устройстве республиканской Франции.

Цель всякого общества, указывал Сабаро, — обеспечить счастливую жизнь. Чтобы достичь этого, необходимо искоренить две страсти, пагубные для блага общества, — праздность и алчность. Лень не хочет ничему содействовать. Алчность овладевает всем и стремится всеми повелевать. Искоренение этих двух пороков сделало бы народы счастливыми.

Монархическому режиму, которому теперь положен конец, были свойственны именно эти пороки. Тирания приносит народ в жертву себе и своим куртизанам. Однако и демократия, допускающая произвол власти, является настоящей анархией, а подобный режим — лишь замаскированным рабством. Самыми справедливыми и счастливыми народами были те, которые положили в основу своих конституций гражданское равенство, как например спартанцы, жители Перу и другие. Основатель христианства также стремился обеспечить равенство между своими последователями, сделать их братьями. В первые годы христианства существовала общность имуществ, управление которыми находилось в руках дьяконов. Ессеи еще до того придерживались этих установлений; равенство являлось для них священным принципом.

Все люди имеют одинаковое происхождение, обитают на топ же земле, греются в лучах того же солнца, имеют одинаковые физические потребности. Всякое равенство, не основанное на справедливом распределении общественных благ, всегда было бы иллюзорным; богатый продолжал бы угнетать бедного и законы не в силах были бы этому помешать.

В обществе имущество не должно иметь собственников. Земля всегда являлась родовым наследием человека — и когда он был изолированным дикарем, и когда он объединился в общество. Лишь тираны произвольно лишили его этого права. Ни один человек не может быть исключительным собственником. Земля является неотчуждаемой, и последующие поколения имеют право вновь войти во владение ею не для того, чтобы изгнать теперешних владельцев, а для того, чтобы жить вместе с ними сообща (en commun). Первоначальная собственность является естественным правом всех. Приобретенная собственность основывается лишь на условном праве. Франция, называвшаяся прежде Галлией, — общее наследие всех французов. Нация не теряет своих прав в силу давности. Равенство не может существовать без справедливости в распределении (justice distributive), а справедливость — без равенства. Пусть богач требует сколько угодно, чтобы его владения охранялись. Бедняк ему на это ответит: Ты живешь в обществе и ты хочешь быть собственником? Одно противоречит другому. Все будет улажено, если наши имущества будут поставлены под общее управление. Твой вклад будет превышать мой, но я добавлю свои таланты, и наши силы окажутся объединенными против неприятеля. Наши имущества будут составлять часть общей массы (de la masse commune), и мы будем счастливы.

Далее Сабаро рисует картину общества, в котором нет частной собственности и связанных с ней пороков. Все владения находятся под общим управлением. Нет больше трутней. Деньги превратились в бумагу; сельскохозяйственные продукты стали истинным богатством. Государственная казна распределяет доходы по муниципалитетам. Муниципалитеты, располагающие плохими землями или пострадавшие от неурожая, получают через государственную казну помощь от других муниципалитетов. Весь доход от торговли (очевидно, с зарубежными странами) поступает в государственную казну. Каждый административный орган отчитывается перед высшими органами, вплоть до Республиканской коллегии, учреждаемой Национальным Конвентом.

Поскольку изобилие является общим для всех, ни один человек не станет притеснять другого. Не будет больше стимулов для краж. В условиях социального равенства — источника счастья, регулирование (ajustement) исходит из интересов хозяйства и является единообразным. Дома строятся одинаковой высоты. Имущества, ставшие общими, принадлежат всем, и тем самым кладется конец грабежу, которому подвергаются те, кто арендует чужое имущество (rapine usufruitiere). Земли, разбитые на участки, возделываются поочередно старательными земледельцами под наблюдением выборного муниципального агронома[87].

При таких порядках все будут преданы общественному делу и будут пользоваться почетом в зависимости от результатов своего труда. Мастера (les artistes), не являясь земледельцами, получают от муниципалитетов свою долю сельскохозяйственных продуктов. Их труд также служит благу общества. Каждый в меру своих дарований способствует общественному делу и получает одинаковое вознаграждение. Люди больше не будут иметь искусственных потребностей. Часто будут устраиваться публичные трапезы, чтобы поддерживать дух братства. Особые выборные должностные лица будут осуществлять надзор за правами. Будут созданы академии для совершенствования наук и искусств, а также национальные школы — гимназии. За общественным здоровьем в городах, в деревнях, в армии будут следить просвещенные люди, которым поручено здравоохранение. Исчезнет ненависть — дочь честолюбия и зависти; исчезнут грызущие людей заботы и опасения, связанные с собственностью. На смену почетным титулам придет публичное признание гражданских добродетелей; граждан будут награждать знаками отличия в соответствии с их заслугами. Детям будут обеспечены питание и игры, молодости — разумные развлечения, старости — почет за труды и поведение, служащее примером. Религия, освященная физикой, будет служить эгидой добродетели.

К обращению Сабаро приложена брошюра в 14 страниц, без титульного листа, озаглавленная «Жак де Сабаро — всем гражданам, друзьям истины и добра» («Jacques de Sabarot a tous citoyens, amis du vrai et du bien»). На последней странице указано место издания — Анноне[88] и дата — «четвертый год свободы», т.е. 1792 год. Этой брошюры Сабаро (как и других его брошюр) нет в Национальной библиотеке. Экземпляр, приложенный к петиции Сабаро, является, по-видимому, единственным сохранившимся экземпляром[89].

В этой брошюре Сабаро излагал свои натурфилософские воззрения. Они дают возможность составить представление о той, основанной на физике, религии, о которой он упоминает в своей петиции к Конвенту и которая, по его мнению, должна стать религией будущего коммунистического общества.

Философские взгляды, излагаемые Сабаро, — пантеизм в его материалистическом понимании. Сабаро решительно отвергает существование всякого внешнего начала, создающего и приводящего в движение вселенную. Сама вселенная и является богом. Вселенная существует сама по себе, бесконечна во времени и пространстве и подвержена непрерывным изменениям. Земной шар вместе с обитающими на нем существами имеет начало и конец, но вселенная как таковая существует вечно. Подобно Сатурну древних, она непрерывно создает и вновь поглощает свои творения. Разум — не некое особое начало, а свойство самой вселенной. Душа человека является частью материи, хотя и существует отдельно от его тела. Поэтому после смерти человека она может соединяться с другими телами. Признавая, таким образом, душу бессмертной, не считая ее в то же время частицей материи, можно, по мнению Сабаро, примирить материализм со спиритуализмом.

Подлинные служители бога-вселенной — физики и философы Истинные принципы морали должны быть основаны на механизме вселенной. Разумность вселенной, царящий в ней необходимый порядок, могут быть поняты только разумными существами, которые, вернувшись к гармоничному строю (rappeles a l'ordre harmonique), откроют путем исследований первопричину всех вещей.

В январе 1793 г. Сабаро направил Конвенту новое обращение[90], к которому и были приложены другие, опубликованные им в предыдущие годы, брошюры. В своем обращении Сабаро излагал и обосновывал свои натурфилософские воззрения, поскольку, заявлял он, «социальные законы, чтобы покоиться на прочном основании, требуют познания физической структуры». На отдельном листе мы находим, кроме того, следующие строки: «Всеобщее желание родины будет выполнено, когда французский Национальный Конвент сделает наибольшее благо для большинства граждан: в последовательной системе равенства и свободы собственность должна быть равной и национальной; перуанцы и другие народы, которые (два слова неразборчивы) были счастливы».

Как философские взгляды, так и общественные воззрения Сабаро не являются оригинальными. Излагаемое им пантеистическое учение было широко распространено в XVIII в. Обосновываемые им в своем обращении к Конвенту общие коммунистические принципы — ликвидация частной собственности и общественного паразитизма, общность имуществ и всеобщий труд, общие трапезы и т.п., — несомненно почерпнуты из современной ему коммунистической литературы. Отсюда и уравнительный характер описываемого им коммунизма (вплоть до

жилых домов одинаковой высоты), столь типичный для коммунизма XVIII столетия. Из современной ему литературы заимствует Сабаро и обоснование коммунизма (общая собственность — естественное право, частная собственность — право условное, подлежащее отмене), а также ссылки на спартанцев, перуанцев, ессеев, первоначальное христианство, трактуемое в коммунистическом духе.

Но осуществление коммунистических принципов Сабаро мыслит в конкретных условиях новой республиканской Франции. Он решительно осуждает деспотизм, приветствует свержение монархии, питавшей две пагубные для общественного блага страсти — праздность и алчность. Он считает, что при республиканском строе страсти эти не должны существовать, что истинное равенство должно быть равенством социальным. Сабаро говорит в своем проекте о муниципалитетах, ведающих землями, всеми хозяйственными работами, а также распределением; об учреждаемом Конвентом высшем административном органе — Республиканской коллегии и т.д. Он обращается со своим проектом к Конвенту, призывая его установить новые коммунистические порядки, дабы провозглашенное революцией равенство не оставалось, в силу имущественных различий, иллюзорным.

Сабаро решительно осуждает угнетение бедных богатыми; он пишет даже, что богатые с помощью своих наемников всегда расправлялись с бедняками, когда те осмеливались роптать. Следует отметить и его резкий выпад против земельной аренды; плату, взимаемую за пользование землей, он прямо называет грабежом. Напомним в этой связи, что в департаменте Ардеш, где он проживал, Сабаро мог наблюдать острые классовые конфликты как в деревне, так и в городе; что город Анноне являлся со своим бумажным производством одним из крупных центров капиталистической мануфактуры. Материалы муниципального архива Серрьера свидетельствуют, что и здесь с начала революции низшие слои населения (среди которых, наряду с ремесленниками, значительную часть составляли водники, обслуживавшие судоходство по Роне) проявляли большое недовольство и «сильные эгалитарные тенденции»[91].

При всем том по своим политическим настроениям Сабаро, видимо, не примыкал к крайне левым. Об этом свидетельствуют ею слева об анархии, в которую может выродиться демократия, допускающая произвол власти. В конкретных политических условиях осени 1792 г. эта фраза могла, очевидно, означать лишь одно: что Сабаро, хотя и горячий сторонник нового республиканского строя, по своим политическим настроениям стоял ближе к жирондистам, чем к якобинцам. Он отнюдь не призывал к усилению классовой борьбы, к сокрушению и изгнанию богачей, а, наоборот, надеялся убедить их добровольно отказаться от своей собственности, передать ее в общий фонд, объединиться с бедняками и стать равноправными членами коммунистического общества.

VI

Год спустя, уже в период якобинской диктатуры, Конвенту был представлен другой, еще более детальный проект установления во Франции коммунистического строя. Проект этот, изложенный на двадцати мелко исписанных страницах большого формата, также хранится среди бумаг Комитета по народному образованию Конвента. Это дело помечено номером 1508 и носит название: «Анонимное обращение, озаглавленное Изыскание во имя счастья свободного народа» («Anonyme intitule Recherche pour le bonheur d'un peuple libre»)[92]. Как видно из соответствующих пометок, это обращение, присланное на имя Конвента, было направлено Комитетом петиций в Комитет по народному образованию 16 нивоза II года. Сам же документ датирован 7 нивоза II года, т.е. 27 декабря 1793 г.

«Изыскание во имя счастья свободного народа» написано в форме обращения к депутатам Конвента. Автор, называющий себя другом всякого благодеяния и врагом всякого зла, просит извинения за свой стиль; ведь он не имеет соответствующего образования. Однако он знает, что цель депутатов Конвента — всеобщее счастье, что они внимательно выслушивают обращения свободного народа. Поэтому он говорит то, что лежит у него на сердце, и пишет без притворства.

Металл, именуемый деньгами, превратился среди свободного народа в самую гнусную вещь на земле. Он — причина повседневных страданий народа и источник всех зол. Причина грабежей, убийств, подлых измен, зависти, ссор всегда одна — это презренный металл. Поэтому настало время, чтобы он исчез со свободной земли или, по крайней мере, потерял свое высокое звание ценности, столь уважаемое теми, кто любит рабство.

Жажда богатства, убеждение, что, будучи богатым, можно возвыситься над своими братьями, праздность и презрение к бедному — преступления, посягающие на свободу и равенство. Жажда богатства стала причиной того, что торговля превратилась ныне в чудовище, угрожающее свободе и равенству. Нет торговли без мошенничества, и очень немногие торговцы не являются мошенниками. Нет богатства без несправедливости, и мало богатых, которые не были бы в этом повинны, хотя, конечно, и среди коммерсантов и богатых имеются хорошие люди, а среди бедняков — злоумышленники.

Депутаты Конвента упразднили уже много злоупотреблений; они должны упразднить их все до последнего. Перед их мудростью трепещут все злоумышленники. Необходимо отнять у них все, что может служить им орудием для нанесения вреда своим братьям. А ведь деньги — одно из их

главных орудий. Лишив деньги ценности, депутаты Конвента лишат тех, кто любит рабство, возможности вредить свободному народу.

Автор описывает далее тяжбы, возникающие из-за земельной собственности, когда соседи судятся друг с другом, когда наследники дробят свои владения, которые затем скупает богач, жертвой чего всегда становится бедняк. Для свободного народа гибельно, что его враг с помощью денег завладевает урожаем. Горько видеть бедному земледельцу, не щадящему сил, чтобы вырастить урожай, толпу тунеядцев, единственное занятие которых потчевать себя самыми восхитительными яствами и творить зло; быть вынужденным делиться продовольствием, которое он собрал с таким трудом, с этим бездельником. Последний к тому же нередко является подлым ажиотером, который перепродает продукты, часто уже испорченные из-за фальсификации и длительного хранения. Сколь прискорбно и обидно для бедняка, который едва имеет для еды хлеб и овощи, а для питья — воду, у которого нет ни растительного масла, ни жира, чтобы сварить себе суп, ни смолы, чтобы изготовить свечи, ни дров, чтобы обогреться, видеть богача, откармливающего рожью и овощами свой скот, а иногда предпочитающего скормить ему и пшеницу, чем продавать ее по умеренной цене; более того, предпочитающего закапывать ее или выбрасывать в воду. Те, кто губит пшеницу или ее расточает, не знают, несомненно, как трудно ее выращивать, не имеют понятия, что значит быть бедным. Поэтому бедняки справедливо требуют, чтобы все, кто может работать, занимались полезным делом.

Боязнь не иметь самого необходимого и преднамеренное зло — вот причина того, что столь мало законов, которые бы точно соблюдались. Почти все жалуются на невозможность выявить правонарушителей. Законы плохо выполняются; достаточно что-либо запретить, как тотчас найдутся люди, которые будут это совершать.

Настало время, чтобы подобные преступления исчезли на земле, обитаемой свободным народом. Нельзя сомневаться, что депутаты Конвента не покинут свой пост, пока не покончат со всем этим злом. Люди ненавидят друг друга — они же могут побудить их нежно любить друг друга; люди разобщены — они же могут добиться того, чтобы те сплотились воедино; люди охвачены беспокойством — они же могут вселить в них уверенность; они должны им постоянно внушать, что все люди братья.

Чтобы достичь этого, есть только одно средство. На территории, обитаемой свободным народом, работы должны быть соразмерно распределены между всеми жителями, способными к труду. Все они должны обрабатывать землю. От сельскохозяйственных работ должны быть частично освобождены лишь те, кто занят полезным трудом в различных промыслах (arts), в школах, в типографиях, в армии и флоте, на административной и судебной работе, а также те, кто входит в состав законодательного корпуса или исполнительной власти.

Ни один человек не может не согласиться с этим предложением. Против этого может возражать лишь тот, кто любит рабство. Крупный собственник должен понять, что всего его имущества, сколь бы велико оно ни было, не может хватить, чтобы возместить тем, кому нанесли ущерб он или его родители, от коих он унаследовал свои владения; что, предоставляя ему равные права с его братьями-людьми, ему оказывают великую милость и что в случае осуществления этого предложения он будет избавлен от всех тревог и обеспечен всем необходимым для жизни. Бездельник должен понять, что человек создан для труда, что его безделье вредит ему самому. Негоцианты, торговцы должны понять, что им будет обеспечен надежный заработок, не сопряженный ни с каким риском. Не могут быть недовольны и рабочие различных профессий (ouvriers des arts). Вообще никто не станет жаловаться, кроме тех, кто любит рабство.

В момент сотворения мира земля принадлежала верховному существу, предоставившему ее в пользование первому человеку, потомками которого являются все люди. Все люди, следовательно, братья и в равной мере его наследники, и только в результате царящего зла один имеет большую долю, чем другой. Но богатство не может обеспечить вечной жизни. Все люди смертны. Дорожить богатством тем более гнусно, что человек живет только на земле, после смерти — все кончено. Люди должны поэтому хорошо прожить свою жизнь. Живя как братья, сплотившись воедино как друзья, нежно любя друг друга, они значительно продлят жизнь, в то время как всякое мнимое богатство — лишь источник тревог, ведущих к смерти.

Пусть тот, кто воспитан в изнеженности, не боится стать земледельцем; наоборот, пусть он радуется этому, ибо труд — наслаждение для всех, кто обладает силой и разумом. Не пройдет и 15 дней, как он скажет, что его спасли от самой гибельной опасности. Что может быть более опасного и гнусного, чем торговля, стремящаяся пожинать только деньги и плодящая лишь врагов? И кто может быть более счастлив, чем земледелец, жнущий, чтобы обеспечить питанием своих братьев?

А. Р. ИОАННИСЯН

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва: Наука. 1966

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Могут сказать, что невозможно равномерно распределить работу между всеми жителями, способными к труду. Но в действительности это легко сделать. Необходимо лишь произвести обмер всей территории, что может быть сделано в короткий срок. Землемеры должны определить количество возделываемой земли (безотносительно к тому, используется она под пахоту или под виноградники), лугов, лесов и т.д. После этого следует поделить землю между всеми людьми, способными к труду, так чтобы никто не был больше перегружен работой, чем другой. Исходя из того, что для обработки одного арпана возделываемой земли требуется 28 рабочих дней, необходимо установить количество рабочих дней, потребных для ухода за лесом и другими землями. На основе этого расчета нужно разделить земли на полдоли. Каждый гражданин, достигший 16 лет, должен обрабатывать две полдоли, каждая гражданка — одну. По одной полдоли должны обрабатывать и лица, занимающиеся ремеслами, занятые во флоте, на преподавательской и иной работе. Старики же и больные полностью освобождаются от труда.

Приблизительно каждые 600 человек объединяются в коммуну; каждые 12 коммун составляют кантон; 12 кантонов — дистрикт; 12 дистриктов — департамент. Таким образом, если в коммуне будет 600 человек, то в кантоне — 7200, в дистрикте — 86400, а в департаменте 1036800.

В каждой коммуне должна быть пекарня и достаточное число пекарей. Каждый житель коммуны может получать там хлеб на 10 дней. Пекарня должна всегда иметь запас муки на два месяца. Мясная лавка, обслуживаемая мясником, распределяет равно мясо между всеми членами коммуны. Сапожная мастерская с одним сапожником и учеником изготовляет достаточное количество обуви, чтобы обеспечить потребность всех жителей коммуны и тех, кто служит в армии. Имеется и мастерская по производству деревянных башмаков. Кузнец и его ученик изготовляют в кузнице все инструменты, орудия и другие предметы, необходимые коммуне. В другой кузнице подковывают животных. Полотняная мастерская выделывает полотно из пряжи, которую прядут граждане коммуны. В другой мастерской выделывают шерстяные ткани. Два портных обязаны шить одежду для граждан, служащих в армии, а также для всех обитателей коммуны. Бочарная мастерская изготовляет для нужд коммуны винные бочки. Имеется также столярная мастерская и мастерская по производству обручей. Два плотника с учеником делают перекрытия и всякую другую необходимую для коммуны работу. Каменщики строят и ремонтируют здания. В случае необходимости может быть организована также каретная мастерская. Представители каждой профессии имеют свое здание, достаточно просторное для их рода занятий, в котором они проживают со своими семьями.

В коммуне имеется лечебница (chirurgie), в которой работает врач и где изготовляются необходимые лекарства. В двух школах — для мальчиков и девочек — обучается молодое поколение. Мальчиков в школе обучают также и военному делу. В коммуне может быть и священник. Если кто-нибудь из жителей коммуны болен и некому за ним ухаживать, больного перевозят в лечебницу, где ему обеспечивается надлежащий уход. Коммуна заботится и о детях дошкольного возраста, оставшихся без родителей. Начиная с шести лет дети поступают под надзор преподавателей.

Коммуна имеет обширные амбары, находящиеся на некотором расстоянии от прочих зданий. Амбар для хлеба всегда должен содержать запас на три года. В погребах коммуны хранится вино, сидр, пиво, в особом помещении — солонина. Имеются также различные склады — для пряжи, шерсти, дров, разного рода орудий, инструментов и т.п.

Каждый житель коммуны сдает весь собранный им урожай в соответствующий амбар. По окончании сбора урожая совет муниципалитета составляет опись собранных в амбарах запасов. Копии этой описи направляются администрации дистрикта, а также исполнительной власти республики, которая на основании этих сведений производит распределение продовольствия, согласно нуждам населения. План распределения печатается и рассылается в достаточном количестве экземпляров каждой коммуне. В таком же порядке распределяются дрова и лесоматериалы. Граждане сдают коммуне свое старое белье и взамен получают новое.

Что касается животноводства, то овцы, свиньи и другие сельскохозяйственные животные пасутся на пастбищах или содержатся в других приспособленных для того местах под наблюдением сторожей, набираемых по кантонам, причем состав сторожей ежегодно наполовину обновляется. Им же передают быков и коров сверх того количества, которое необходимо для нужд коммуны. Сведения о количестве и качестве скота регулярно сообщаются исполнительной власти. Муниципалитеты должны тщательно следить, чтобы в каждой коммуне выращивалось достаточное количество скота. Ни одно лицо, имеющее в своем распоряжении скот, не может располагать им по своему усмотрению. Скот, предназначенный для убоя, сдается мясникам, а мясо распределяется согласно указанному выше порядку. Ограничено и количество домашней птицы, находящейся у отдельных лиц: две птицы мелкой породы и одна крупной. Особое внимание уделяется пчеловодству и шелководству; мед и шелк сдаются на особые склады.

В каждом кантоне имеется центральное здание для мирового суда и полиции безопасности, а также тюрьма. В распоряжении кантона находятся строители мельниц и некоторые другие категории рабочих.

В каждом дистрикте также есть центральное административное здание и тюрьма. В ведении дистрикта находится и целый ряд мастерских: канатные, оружейные, слесарные, жестяных изделий, ножевые, литейные, кожевенные, шорные, домашней утвари. В амбарах дистрикта хранятся засоленная рыба и другие продукты; но эти амбары выполняют лишь распределительные функции, т.е. в них лишь хранится продовольствие, которое распределяют затем по коммунам. В распоряжении дистриктов находятся преподаватели медицины и хирургии, готовящие врачей для коммун. Все лица, работающие в мастерских и учреждениях дистриктов, обеспечиваются помещениями, необходимыми для их профессии, где они и проживают со своими семьями.

Целый ряд производств сосредоточен в департаментах. Там имеются (с необходимым количеством рабочих) часовые мастерские, литейные и пушечные заводы, типографии. В распоряжении департаментов находятся почтовые дворы, т.е. вся почтовая связь, перевозка почты и пассажиров. К департаментским учреждениям относятся и «магазины по обмену», ведущие обмен товаров с заграницей, т.е. осуществляющие внешнеторговые операции.

Некоторые производства организуются не повсеместно, а там, где это наиболее удобно, целесообразно и выгодно. К ним относятся черепичные заводы, бумажные фабрики, пороховые и оружейные заводы и ряд других. Рабочие для них тоже набираются по коммунам, и их состав ежегодно обновляется в определенной пропорции. Имеется и необходимое количество мельниц для помола зерна.

Портовые города обеспечены достаточным числом моряков, которые набираются во всех коммунах и десятая часть которых ежегодно обновляется. Избираемые ими уполномоченные осуществляют надзор за морским транспортом и за рыбной ловлей. Улов распределяется между коммунами пропорционально населению. В портах сосредоточены и рабочие-кораблестроители, также набираемые по коммунам, причем 1/5 их состава ежегодно обновляется. Они тоже сами выбирают своих начальников — по одному на 10 рабочих.

Все лица, работающие в коммунальных мастерских, на предприятиях кантонов, дистриктов, департаментов, в портах, обязаны, как и все остальные граждане, заниматься сельскохозяйственным трудом, обрабатывая по полдоли земли, расположенной неподалеку от их жилищ.

Армия набирается из граждан в возрасте 20 лет и старше. Военные моряки набираются из числа лиц, служивших во флоте и годных к несению военной службы.

Только при этих новых общественных порядках можно обеспечить свободному народу спокойную и безопасную жизнь. Только таким путем можно сделать всех людей полезными, предписывая им долг, которому они с радостью будут повиноваться. Ведь гораздо легче превратить в труженика земли того или иного человека, воспитанного в изнеженности, чем отучить от гнусных преступлений любителя денег, пока последние будут существовать. Вместо всякого рода зла должно воцариться братство. Сколь прекрасным будет время, когда у людей будут только друзья, когда все будут радостны и избавлены от тревог. Если найдется кто-либо, кто не будет выполнять свой долг, то все остальные смогут сами его обуздать. А ведь в настоящее время, чтобы принудить граждан соблюдать порядок, необходимо множество законов, в том числе и самых гнусных.

В заключение автор указывает, что он предлагает это средство, т.е. установление новых общественных порядков, вовсе не потому, что надеется извлечь для себя какие-либо особые выгоды; наоборот, лично он будет иметь меньше благ, чем в настоящее время.

«Изыскание во имя счастья свободного народа» — очень интересный и ценный документ периода якобинской диктатуры. Мы не знаем, откуда был прислан этот проект и кто является его автором; из его слов можно заключить лишь, что сам он не был человеком неимущим[93]. Но, судя по содержанию, это обращение также было прислано из провинции. Резко критикуя общественное неравенство, богатство и праздность, автор основное внимание уделяет деревне. Он рисует яркую картину классовых противоречий в деревне в годы революции между бедными земледельцами, живущими в крайней нужде, и богачами-тунеядцами, расширяющими свои земельные владения, занимающимися спекуляцией, нарушающими законы (т.е. законы о максимуме), скупающими и перепродающими продовольствие, предпочитающими скармливать пшеницу скоту, чем продавать ее по умеренной цене. От имени деревенской бедноты автор требует упразднения строя, при котором царят деньги, где властвуют богачи, где праздные и тунеядцы пользуются всеми благами, строя, основанного, по существу, на рабстве и неприемлемого для свободного народа. Выход он видит в установлении коммунистических порядков, когда не будет частной собственности и денег, когда все будут трудиться, получая от общества все необходимое.

Описываемое в этом анонимном проекте коммунистическое хозяйство — не общинное, а единое централизованное хозяйство в масштабе всей страны. В проекте говорится об объединении граждан в коммуны, но коммуны эти не самодовлеющие, изолированные общины, а

лишь первичные административные единицы.

План коммунистического общества, излагаемый в этом проекте, носит, несомненно, оригинальный характер и не является подражанием каким-либо литературным образцам. Достаточно сравнить его с классическим коммунистическим трактатом Морелли «Кодекс природы», чтобы сразу убедиться, что он отнюдь не воспроизводит конкретную схему коммунистического общества, предусматриваемую этим образцовым законодательством. Нет и никакого иного непосредственного прообраза плана, изложенного в «Изыскании во имя счастья свободного народа».

Проект полностью воспроизводит административную структуру республиканской Франции — коммуна, кантон, дистрикт, департамент.

Хотя автор исходит прежде всего из сельских условий и считает необходимым, чтобы почти все население принимало участие, если не полностью, то хотя бы частично, в сельскохозяйственном труде, его коммунизм отнюдь не носит исключительно аграрного характера. Он подробно останавливается не только на сельском хозяйстве, но и на организации промышленного производства, детально перечисляя различные ремесленные мастерские в коммунах, мануфактуры и крупные предприятия в дистриктах и департаментских центрах. Распределение носит строго централизованный характер: все продукты сельскохозяйственного производства и промышленные изделия сдаются на общественные склады и затем распределяются среди населения по единому государственному плану.

Представленный Конвенту развернутый план коммунистического преобразования Франции, изложенный в «Изыскании во имя счастья свободного народа», свидетельствует, что в период якобинской диктатуры некоторые лица, выступавшие как защитники интересов сельской бедноты, доходили не только до идеала обобществления земли и сельских общин, а и до идеала полного коммунистического общества, с обобществлением всего производства, как сельскохозяйственного, так и промышленного, с перестройкой всех общественных отношений на новых коммунистических началах, рассматривая установление коммунизма как непосредственно практическую задачу, как истинную цель революции, как единственное средство добиться подлинного равенства и братства всех людей.

VII

Среди дел, хранящихся в Национальном архиве и относящихся уже к эпохе Директории, имеется рукопись в 20 страниц, озаглавленная «Почтенным членам, составляющим французское правительство». («Aux venerables Manbres (!) composant le Gouvernement francais»)[94]. Обращение подписано неким Лежэ из Лоня (Leger de Lognes) и помечено 28 жерминаля IV года, т.е. 17 апреля 1796 г.

Мы знаем, таким образом, имя автора и его местожительство. Коммуна Logne, или Longne, находилась недалеко от Парижа в кантоне Даммартен дистрикта Монфор, в департаменте Сены и Уазы[90]. Что касается самого Лежэ, то о нем нам удалось найти следующие сведения в департаментском архиве Сены и Уазы в Версале.

Жан-Баптист Лежэ родился 22 декабря 1750 г. в местечке Нофлет (Neauphlette), недалеко от Лоня, в семье булочника Жана Лежэ[96]. В период революции он проживал в Лоне, был женат на Мары-Катрин Руссель, а по профессии был столяром[97]. В годы якобинской диктатуры Лежэ слыл стойким революционером и принимал активное участие в политической жизни и революционные мероприятиях.

18 вантоза II года (8 марта 1794 г.) комиссар Конвента в департаменте Сены и Уазы Шарль Делакруа издал распоряжение о составе муниципальных органов. Указывая, что «трудные обстоятельства, в которых находится республика, требуют, чтобы различные установленные власти обладали наряду с ярко выраженным патриотизмом самой искренней привязанностью к принципам суровой, но беспристрастной справедливости», комиссар доводил до сведения населения, что, имея поручение Конвента пересмотреть состав местных органов департамента Сены и Уазы, в частности дистрикта Монфор, и «собрав от частных лиц достоверные сведения относительно граждан, наиболее подходящих, чтобы быть призванными на важные должности», он принял решение утвердить новый состав муниципалитетов. Из приложенного списка явствует, что этим распоряжением в состав муниципалитета Лоня был введен и Жан-Баптист Лежэ[98]. Из другого документа мы узнаем, что еще за два месяца до этого, 19 нивоза II года (9 января 1794 г.) постановлением администрации дистрикта Монфор, Лежэ, вместе с рядом других лиц, был назначен комиссаром «с тем, чтобы отправиться в различные коммуны дистрикта для сбора всех башмаков, которые только могут иметься у различных сапожников этих коммун, и доставить их дистрикту». Из этого документа мы узнаем также, что Лежэ посвятил шесть дней выполнению своей миссии в коммунах кантона Даммартен[99].

В период Директории Лежэ продолжал жить в Лоне. В 1798 г. он снова занимал должность муниципального уполномоченного (agent municipal) этой коммуны и в качестве такового подписывал различные акты[100]. Весной 1800 г. он одно время выполнял даже функции мэра[101]. Но вскоре (не забудем, что дело было уже после брюмерского переворота) Лежэ, видимо, перестал

занимать административные должности, так как уже в мессидоре VIII года он фигурирует в гражданских актах просто как «Жан-Баптист Лежэ, столяр». Лежэ прожил после этого в Лоне еще 30 лет. Оп скончался там 15 апреля 1830 г. в возрасте 79 лет[102].

Кроме этих сведений, которые мы находим в департаментском архиве Сены и Уазы, о Лежэ имеются следующие два упоминания в фондах Национального архива. В протоколе заседания Комитета земледелия и торговли Учредительного собрания от 3 ноября 1790 г. в числе зачитанных документов упоминаются: «Письмо и мемуар без подписи г-на Лежэ из Лоня, кантон Даммартен, департамент Сены и Уазы относительно недавно изобретенной машины, чтобы заменить лошадей при пахоте. Эта машина движется с помощью давления воздуха и может управляться при любом ветре. Он сконструировал эту машину в малом масштабе и просит оказать ему помощь, чтобы соорудить ее в большом»[103]. В делах Комитета по народному образованию Конвента под номером 2378 значится: «Гражданин Лежэ посылает план новых республиканских стенных часов»[104]. Само дело, к сожалению, не сохранилось, но, очевидно, речь идет о новом изобретении того же Лежэ, представленном им Конвенту.

Все эти данные дают возможность составить известное представление о личности Жана-Баптиста Лежэ. Человек из народа, столяр по профессии, он был одним из тех рядовых плебейских революционеров, которые в эпоху якобинской диктатуры, в период террора и максимума, проводили на местах мероприятия революционного правительства. Член муниципалитета своей коммуны, комиссар дистрикта по реквизициям, он слыл одним из тех людей, которые, по словам комиссара Конвента, сочетали ярко выраженный патриотизм с преданностью суровым революционным принципам. В то же время это был, очевидно, человек беспокойного, ищущего ума, увлекавшийся изобретательством и пытавшийся даже создать какую-то машину для пахоты. Деревенский житель, столяр, он не имел, естественно, широкого образования и не был даже вполне грамотным. Об этом наглядно свидетельствует его обращение к Директории, написанное с многочисленными (подчас грубыми) орфографическими ошибками.

Документ, представленный Лежэ Директории, — это план коренной реформы общества. Он предпосылает ему следующий эпиграф: «Свобода, равенство, объединение, согласие, активность, изобилие, безопасность, братство, счастье».

Обращаясь к «законодателям», автор заявляет, что кровавые и пагубные бедствия, от коих народы страдали во все времена, а также постоянный ропот и недовольство тяжелыми условиями, вынуждают его нарушить свое молчание. Обуреваемый неизменно желанием всеобщего блага и счастья, он считает долгом представить на их рассмотрение свои идеи, не описывая подробно переживаемые в настоящее время горести, которые им и так хорошо известны.

Несчастья человека, проявляющиеся в лишениях, раздорах, различного рода трудностях, существуют испокон веков; человеческий род окован цепью несчастий, быть может с первого дня своего существования. С тех пор, как люди стали людьми, на земном шаре все время льется их кровь: то ли в результате войн между суверенами, между народами, между гражданами; то ли в результате ненависти, мстительности, испорченности нравов или нужды, толкающей слепцов на убийства и грабежи для удовлетворения своих потребностей; то ли в результате правосудия, вследствие жестокой необходимости наказывать преступников. К этому следует добавить все частные распри и злодейские ухищрения, которые постоянно препятствуют всеобщему благополучию и общему счастью и погружают людей в бездну невыразимых горестей и несчастий. Поэтому настоятельно необходимо изыскать средства, чтобы положить конец этим ужасным бедствиям и обеспечить людям наивозможно сладкое существование, дабы свободный народ навсегда избавился от развращенности и не знал никаких горестей.

Основная причина горестей человека — лишения, забота каждого о своих потребностях, боязнь не иметь возможности их удовлетворить, стремление к благосостоянию, к улучшению своей участи, к увеличению своего достояния. Отсюда противоречие интересов, из которого проистекают все несчастия людей. Конечно, совершенно неизбежно, что каждый человек исходит из своих интересов и стремится обезопасить себя от нужды, но в современных условиях это и порождает противоречия между гражданами. Отсюда следует, что от бедствий, одолевающих людей, можно избавиться лишь в том случае, если будут найдены средства удовлетворять потребности каждого так, чтобы он не испытывал больше никакого беспокойства по поводу своих нужд, как в отношении самого необходимого, так и в отношении отдыха и развлечений; если обеспечить каждому человеку осуществление его прав и возможность делать добро и только добро так, чтобы никто не имел никакого интереса, никакой выгоды и никаких средств делать зло; если объединить интересы людей так, чтобы интересы одного ни в коей мере не вредили интересам других, а, наоборот, чтобы интересы каждого совпадали с интересами всех.

Потребности человека заключаются в следующем: достаточное питание, одежда, помещение, отопление, освещение, образование, занятие, возможность пользоваться отдыхом и развлечениями, получать необходимую помощь, нужные лекарства, путешествовать. Всякий человек, который разумно пользуется всем этим, не может рассматриваться как страдающий, если только не страдает от болезней, которых невозможно избежать.

Обеспечить всем гражданам возможность пользоваться всем необходимым можно лишь при наличии достаточного изобилия, достигнутого экономическим путем, на основе порядка, установленного к всеобщей выгоде. Человек может получить все необходимое из недр земли. Верховное существо, создав человека, ничего не забыло и ничем не пренебрегло, чтобы удовлетворить все его потребности. Но для достижения этого необходимо, чтобы человек помогал природе своими действиями, т.е. чтобы он сам добывал себе псе необходимое с помощью труда.

При этом нужно, чтобы люди действовали вполне свободно, т.е. чтобы ничто не препятствовало им и не причиняло бы ущерба их посевам, насаждениям, плодам и урожаю, что, однако, имеет место, когда земли чересчур раздроблены, а дороги, тропинки, овраги, рвы, изгороди, водоемы слишком многочисленны. Необходимо, не принимая ничего во внимание, возделывать все земельные участки, какие только можно обработать, улучшать почву. В этом случае можно будет получить бесчисленное количество продуктов и использовать их, чтобы обеспечить истинное счастье человека.

Но для истинного счастья человеческого рода, помимо изобилия, необходимо и другое условие — объединение интересов людей справедливыми и вечными узами. Это может быть достигнуто путем создания общего или социального учреждения (un etablisbement commun ou social). Нужно создать и организовать всеобщность народа (l'universalite du peuple) в едином и неделимом Национальном доме. Этот Национальный дом должен состоять из отдельных объединений граждан (corps de reunions populaires) по секциям или округам на всей территории Франции. Во главе Национального дома должно стоять национальное представительство, а управление сосредоточено в руках административных органов.

Создание подобного Национального дома приведет к тому, что все граждане будут составлять одно-единое общество братьев и друзей, связанных общими интересами в работе, в производстве, в потреблении и в развлечениях. Все владения, передаваемые этому дому, также должны представлять единое целое, причем все лица, вносящие свой вклад в этот общий фонд, должны получить справедливое возмещение (redevance). Каждый трудоспособный гражданин обязан работать сообразно со своими сипами и способностями. Не будет больше необходимости ни в золоте, ни в серебре.

Подобная организация общества даст возможность располагать всем к наибольшей выгоде — будь то жилища, кухни, столовые, магазины, заводы (usines), производственные мастерские (ateliers de fabrication), строительные площадки, места развлечений, школы и т.д. В то же время земельные участки будут возделываться наилучшим и наивыгоднейшим образом, сообразно своему местоположению, своим особенностям и своей продуктивности.

В условиях, когда управление (regie) будет энергичным, просвещенным, искусным, когда каждый, находясь на своем посту, будет преисполнен рвения и усердия, когда рабочие руки и инструменты будут использоваться целесообразно, когда будут приняты все необходимые меры для достижения гармонии,— окажется возможным поднять науки, искусства, земледелие, производство и мануфактуры на высшую ступень. А это создаст изобилие всего того, что необходимо человеческому роду: съестных припасов, одежды, жилищ, медикаментов, инструментов и т.п.

Таким образом, каждому французу будет обеспечено (сообразно общим интересам и изобилию продукции) удовлетворение его потребностей. Никого не будут принуждать выполнять работы более тяжелые и неприятные, чем те, которые он выполнял до настоящего времени. Все граждане, неспособные к труду, должны содержаться за счет общества. За определенное количество рабочих дней граждане получают вознаграждение в виде предметов, служащих для увеселения и развлечения. Соревнование поощряется путем особых вознаграждений, соответственно заслугам; эти вознаграждения могут состоять из различных предметов, вплоть до драгоценностей. Это могут быть также концерты, публичные празднества, приятные путешествия, почетные поручения и т.п. Лиц, допустивших злоупотребления, наказывают лишением развлечений. Этого будет достаточно, чтобы побудить людей помнить о своем долге и аккуратно выполнять — в меру своих сил — обязанности и работы, им доверенные. Поскольку каждый гражданин будет получать от Национального дома все необходимое для удовлетворения своих нужд и потребностей и не будет иметь возможности получать выгоду от расхищения или добывать что-либо на стороне, так как повсюду будет лишь общественная собственность (proprietees (!) social), никто не захочет из-за низости и плохого поведения лишиться общественных развлечений и особого вознаграждения за заслуги. Так, сами собой падут оковы и темницы, исчезнут распри, ненависть, месть, убийства, хищения и восторжествует добродетель.

Повседневный опыт показывает, что человек не может в одиночку добиться обеспеченной жизни, что самый зажиточный может оказаться низведенным до положения самого неимущего. Следовательно, истинное счастье людей может быть достигнуто лишь при взаимной поддержке и помощи. А поэтому все заинтересованы в установлении порядков, выгодных для всех.

Выгоды «социального устройства» несомненны; самая большая трудность заключается в его осуществлении. Но ведь существовали же общины и сейчас существуют большие поселения, показывающие пример. Можно также дополнительно предпринять несколько опытов и ознакомиться с их результатами. Сам он, однако, уже сейчас видит в перспективе настоящий земной рай. Возможно, конечно, что его ослепляет чрезмерная чувствительность и жгучее желание всеобщего блага, и поэтому он ошибается. Но поскольку его голова постоянно занята этими мыслями, он считает своим долгом изложить их отцам отечества, горя желанием добиться всеобщего счастья для всех французов, проживающих на любимой родине, и для всех разумных существ на земле.

К обращению Лежа приложены два плана, начертанные его рукой и с его примечаниями. Один из них — план территории в квадратное лье вокруг коммуны Лонь с существующими дорогами, изрезывающими всю местность, общей протяженностью до 20 лье, не считая тропинок. Другой план — та же местность в случае осуществления предложенной им общественной реформы. В центре находится та же коммуна Лонь. Но теперь она изображена в реконструированном виде — в форме прямоугольника, напоминающего букву «п». Вся окружающая территория разделена на несколько секций, носящих названия соответствующих окрестностей: секция Мирабель, секция Блер, секция Лафортель и т.д. Число дорог сведено к необходимому минимуму. Теперь — это прямые магистрали общей протяженностью всего от 6 до 7 лье. Лежэ указывает, что если дороги, не считая тропинок, занимают в настоящее время 120 арпанов земли, то в случае установления новых общественных порядков они будут занимать всего около 40 арпанов и, следовательно, 80 арпанов могут быть использованы дополнительно под сельскохозяйственные культуры.

Таков проект, представленный Директории одним из жителей маленькой коммуны Лонь.

В соседнем с Парижем департаменте Сены и Уазы классовая борьба в деревне в период революции приняла особенно острый характер. Фонды департаментского архива содержат многочисленные документы, свидетельствующие о крайне тяжелом положении бедноты, о непрестанных выступлениях народных масс, о захвате зерна и продовольствия на дорогах, на фермах, на рынках, в лавках и магазинах, об угрозах по адресу крупных фермеров и торговцев и нападениях на них[105]. Не удивительно, что именно в этом департаменте, невдалеке от коммуны Лонь, где жил Лежэ, в местечке Мошан, Доливье выступал уже в первые годы революции со своими радикальными социальными проектами. В самой коммуне Лонь революционная активность масс, особенно в период якобинской диктатуры, была весьма значительной. Об этом свидетельствует, например, доклад от 9 жерминаля II года Комитету общественного спасения, в котором сообщалось, что жители этой коммуны поддерживают революционные законы, что там уничтожены все символы королевской власти и суеверия, признается лишь культ разума и т.п.[106] После термидора в Лоне, как и в других окрестных коммунах, остро ощущались социально-экономические последствия этого переворота, особенно экономические трудности, вызванные инфляцией и дороговизной. 19 нивоза IV года (8 января 1796 г.) министр полиции обратился ко всем департаментам с циркуляром, предписывавшим собрать и представить сведения об общественном мнении. Циркуляр содержал целый ряд вопросов, в том числе вопрос об отношении к собственности. Материалы этого опроса, хранящиеся в Национальном архиве, представляют, вообще говоря, большой интерес для выяснения общественных настроений на местах в период бабувистского движения. В ответе властей кантона Даммартен от 7 плювиоза указывалось, что в кантоне мало уважают установленные власти, что весьма часты случаи нарушения собственности в лесах и садах, хищения домашней птицы и земледельческих орудий; в то же время отмечалось наводнение кантона нищенствующими, в большинстве пришедшими из городов, и лишенными средств к существованию, т.е. неимущими людьми, которых гнала из Парижа и других городов нужда, вызванная безудержным падением курса ассигнатов и отменой максимума[107].

Напоминание Лежэ о лишениях и раздорах, о нужде и распрях, о кровавых и гибельных бедствиях, о ропоте и возмущении тяжелыми условиями существования, свидетельствует, что именно окружавшая его действительность с ее острыми социальными противоречиями и толкнула его на поиски средств, способных обеспечить всем гражданам полное и всестороннее удовлетворение их потребностей.

Упразднение всех общественных бедствий, достижение истинной свободы, равенства, братства и счастья, подлинной социальной гармонии Лежэ связывал со всеобщим обязательным трудом и установлением общественной собственности, единственно способной обеспечить изобилие, необходимое для удовлетворения материальных и духовных потребностей всех граждан республики. Лежэ ссылался прежде всего на преимущества общественной собственности для сельского хозяйства, обосновывая это на примере своей родной коммуны Лонь. Но он отнюдь

не выступал как сторонник обобществления лишь земельной собственности. Он предусматривал обобществление «производственных мастерских» и «заводов», что дало бы возможность использовать их с наибольшей выгодой для общества, развить не только земледелие, но производство и мануфактуры.

Лежэ также не сторонник общинного коммунизма. По его представлению, все хозяйство Франции должно быть единым целым. Он предлагал создать единое для всей Франции «общее и социальное учреждение», которое называл Национальным домом, причем объединения граждан по округам должны были быть лишь подразделениями, секциями этого единого «дома».

Лежэ, очевидно, был, так или иначе, знаком с коммунистической литературой эпохи. Об этом свидетельствует, например, его упоминание (правда, в самой общей форме) об общинах, основанных на коммунистических принципах. Под этим, несомненно, подразумевались те же традиционные для XVIII в. примеры — Крит, Спарта, общины моравских братьев, овернские общины и т.д. Отнюдь не исключено, что он был знаком с легальной бабувистской литературой, в частности, с «Трибуном народа». Правда, мы не находим его имени в списке подписчиков газеты Бабефа. Известно, однако, что круг читателей этой газеты был значительно шире числа ее подписчиков.

Но Лежэ, несомненно, не бабувист по своим политическим настроениям. Установление коммунистического строя он не связывает с новой революцией. Он не выступает против Директории, а, наоборот, обращается со своими предложениями к «почтенным членам французского правительства», к «законодателям». Он ратует за коммунизм как верное средство примирения всех социальных противоречий, доказывая заинтересованность всех в установлении новых общественных порядков. Он, по-видимому, предусматривал даже выплату возмещения лицам, передающим свою собственность в общий фонд.

Конкретный проект коммунистического преобразования Франции, представленный Лежэ, также существенно отличается от некоторых основных положений бабувизма. Лежэ отнюдь не проповедует умеренный достаток, а, наоборот, всячески подчеркивает, что установление коммунизма приведет к изобилию и к значительному повышению жизненного уровня. Подобно Ретифу, он предусматривал особые вознаграждения для отдельных лип соответственно их заслугам, считая это необходимым для поощрения соревнования. Правда, Национальный дом Лежэ невольно заставляет вспомнить о Национальной общине бабувистов. Но идею Национальной общины мы встречаем лишь в секретных документах бабувистов (в проекте экономического декрета), с которыми Лежэ не мог быть знаком.

При всем том самым интересным и знаменательным в проекте Лежэ является как раз его дата — 17 апреля 1796 г. Лежэ представил свой проект в кульминационный момент заговора Бабефа, когда бабувисты готовились в Париже к захвату власти и к провозглашению революционной диктатуры в целях установления во Франции коммунистического строя. Обращение Лежэ является свидетельством (и при этом отнюдь не единственным), что в этот период коммунистические идеи разделялись и пропагандировались не одними только бабувистами и были распространены не только в Париже, а находили свой отклик и в провинции. Весьма знаменательно, что именно здесь, в маленькой коммуне Лонь, простой столяр, рядовой плебейский революционер, честно служивший делу революции, решил в эти весенние дни 1796 г. изложить неуклюжим и не совсем грамотным языком мучавшие его мысли о верных средствах обеспечить всеобщее счастье народа.

1 «Catechisme republicain. Pour servir d'instruction a l'aristocralie bourgeoise». Par Desgrouas, Depute de l'Orne a la Convention nationale. 10 germinal An II (Нац.библ., E 5491).

2 Ibid., p.3, 7-8.

3 «Du Bonheur, par Lequinio, Representant du Peuple, envoye dans le Departement de la Charente-inferieure; prouonce dans le Temple de Verite, ci-devant l'Eglise catholique de Rochetort, le deuxieme decadi de brumaire l'an second de la Republique francaise une et indivisible» (Нац.архив, F17 1007).

4 Нац.архив, F10 284. Некоторые документы из фонда F10, в том число и упомянутое обращение Фротье, приведены в сокращенном изложении в книге Жоржа Лефевра «Аграрный вопрос в эпоху террора» (М., 1936).

5 Нац.архив, F10 264.

6 Нац.архив, D XL, 24.

7 Нац.архив, D XL, 30, папка 3, док.80.

8 Нац.архив, D XL, 30, папка 3, док.28.

9 Нац.архив, D XL, 30, папка 3, док.178.

10 Насколько в годы революции среди народных масс было распространено стремление покончить с имущественным неравенством, видно из сохранившихся среди архивных документов многочисленных обращений местных властей и отдельных лиц с «опровержением» подобных «пагубных» идей. Так, в обращении к Конституционному комитету Учредительного собрания некий «инженер путей сообщения» (подпись неразборчива) еще 8 августа 1791 г. писал: «Вчера я опять услышал столь обычный теперь разговор; говорили два гражданина несостоятельного класса: разговор этот, суть которого заключалась в требовании равного раздела земель, побудил меня сформулировать прилагаемые аксиомы и замечания о правах человека». Далее автор всячески стремился доказать, что неравенство состояний отнюдь но противоречит равонсгву в правах (Нац.архив, D IV, 49, № 1429). Гражданин Картон из Лилля в своем обращении к Конвенту от 31 мая 1793 г. также доказывал, что равенство имуществ и состояний невозможно даже при демократическом правлении (Нац.архив. DXL.22). Врач мозельской армии Лялоби выступил с докладом в народном обществе Метца. Для того «чтобы покончить с опасным заблуждением», он рассматривал в нем вопрос, «как имущественное неравенство может совмещаться с равенством в правах и равенством перед законом» (Нац.архив, XXXVIII, 5). 18 вандемьера III года власти дистрикта Гонесс писали Конвенту: «Собственность должна быть священной; долой эти продиктованные безнравственностью и ленью системы, которые пытаются преуменьшить мерзость кражи и возводят ее в доктрину» (Нац.архив, F113 III, Seine ot Oise, 12).

11 Нац.архив, P10 284.

12 Нац.архив, F10 285.

13 Нац.архив, F10 212B.

14 Нац.архив, F10 235.

15 Нац.архив, F10 264.

16 Там же.

17 Нац.архив, D XXIX, 92.

18 Нац.архив, D XL, 20, N 31, д.36.

19 Нац.архив, D XXXIX, 3.

20 Нац.архив, C 232.

21 Нац.архив, F17, 1005, № 755.

22 Нац.архив, F17, 1005, № 763.

23 Нац.архив, C 232, 18313, д.12.

24 Нац.архив, C 228, Ш1"3, д.43.

Нац.архив, C 229, 1831"8, 71, д.17.

Нац.архив, D XL, 18.

26 Нац.архив, D XL, 18.

27 Нац.архив, F10 264.

28 Нац.архив, F10 320.

29 Нац.архив, F10 285.

30 Нац.архив, D IV, 49, № 1429

31 Нац.архив. C 232.

Нац.архив, C 232.

w Нац.архив, D XL, 30, папка 3, д.98.

33 См., например, обращение граждан города Мане и петицию Парнюи из Руана (Нац.архив F10 216).

34 Нац.архив F, 205, № 1687, № 1754.

35 См. А.Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, стр.318—320.

36 Нац.архив, D XL, 23.

37 Нац.архив, F10 227.

38 Там же.

39 Нац.архив, DXL, 18.

40 Там же.

41 О регламентации сельскохозяйственных культур в период якобинской диктатуры см. А.Матьез. Указ.соч., стр.333—335.

42 Нац.архив, F10 264.

43 Там же.

44 Нац.архив, F10 212.

Нац.архив, DXXXVIII, 5, № 248.

46 Цит. по Daniel Guerin. La lutte des classes sous la premiere republique. Bourgeois et «bras nus» (1793—1797). Paris, 1946, p.168, 169.

47 Нац.архив, AFIII, 274.

48 «Coup-d'oeil sur la societe en general en 1792, L'an premier de la Republique». Par J.J.H** A Paris. Chez les Directeurs de L'Imprimerie du Cercle Social, rue du Theatre-Francois. 1793. L'An II de la Republiquo (Нац.архив, AD1, 66). На этом экземпляре книги против инициалов автора имеется рукописная пометка: «Huvet, мэр Версаля в 1793 г.». Насколько достоверна эта пометка, кем и когда она сделана, сказать, разумеется, трудно.

А. Р. ИОАННИСЯН

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва: Наука. 1966

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

49 Ibid, p.88.

50 «Coup d'oeil sur la societe...», p.106—108.

51 Ed.Campagnac. Un pretre communiste. Le cure Petit-Jean. — «La Revolution francaise», t.45, 1903, Novembre, p.425—466.

52 «Essai sur la justice primitive...», p.40—43.

53 Нац.архив, F10, 2l2в.

54 Нац.архив, AFII, 401.

55 Нац.архив, D XXXVIII, 5.

56 Dufourny de Villiers. Cahiers du quatrieme ordre, celui des pauvres Journaliers, des Infirmes, des Indigens ect., Xs 1, 25 Avril 1789 (Нац.библ., Lb39, 1583).

57 «Invitation aux districts a former des Comites fraternels. Invitation aux bons Citoyens a verser dans le sein des Infortunes une partie du quart des revenus et des autres dons patriotiques. Observation sur les causes de la misere, son accroissement et ses remedes. Lues en Assemblee generale du District des Mathurins le 11 Novembre 1789» (Нац.библ., Lb40, 287).

58 Ibid., p.30.

59 «Le Gateau des rois». Paris, 5 Janvier 1791 (Нац.библ., Lb39, 9659).

60 Ibid., p.1-2.

61 «L'Homine libre aux hoinmes dignes de l'etre» (Нац.библ., Lb39 6043'.

62 «Opinion publique, ranime-toi, discute, prononce, eclaire, forme en volonte generale; dicte a ses redacteurs les bases de loix definitives sur les denrees, sur la propriete, sur le commerce, sur l'accaparement et sur les droits des consommateurs; prepare l'obeissance a la loi par l'evidence; souffle auM representans des homines libres toute l'audace des grandes verites, et alprs enfin la certitude des subsistances assurera l'immuabilite de la liberte! Opinion publique, cosnte Citoyen, comme Magistral du Peuple, J'e t'oftre une suite de principes, je t'offre des germes de decrets; assez d'autres limeront des reglemens; examine severement, prononce, epure, adopte et fais le bonheur du genre humain. L.P.Dufourny, President du Departement de Paris. Premipr Septembre 1793, l'an 2 de la Republique une et indivisible» (Нац.библ., Lb41 3272).

63 J.Guiffrey. Les Conventionnels. Liste par deparlements et par ordro alphabetique des deputes et des suppleants a la Convention nationale. Paris, 1889, p.40.

64 О политической деятельности Греню см. статью: F.Vermale. Jacques Grenus. Depute suppleant du Mont-Blanc a la Convention. — «Memoires et documents publics par la Societe savoisienne d'histoire el d'archeologie», t.LXV, p.171—206; см. также E.Chapuisat. De la Terreur a l'Annexion. Geneve et la Republique francaisc 1793—1798. Geneve—Paris, p.32—34, 36, 52—54, 57, 72, 74, 77. 95, 170—173, 182, 210; «Histoire de Geneve des origines a 1798». Genevo, 1951, p.475, 495—496, 500, 502, 507—510, 515, 521.

65 «La Bouche de fer», .№ 22, Novembre, 1790, p.339.

66 См., например, «La Bouche de fer», № 14, 3 Fevrier 1791, p.222.

67 «La Bouche de fer», № 8, 10 Janvier 1791, p.124—125.

68 «La Bouche de fer», № 11, 14 Janvier 1791, p.149.

69 «Premieres propositions de monsieur l'avocat Grenus dans la seance du Grand Conseil de la Republique de Geneve le 3 Janvier 1791 sur la politique interieure, les impots et les droits feodaux dn territoiro et sur les relations de la Republique avec la France», S.1., s.d., p.5.

70 «Correspondance de Grenus et Desonnaz on etat politique et moral dc la Republique de Geneve», t.I—III. Geneve, 1794 (Нац.библ, M. 16553— 16555).

71 Ibid., t.I, p.2—3. Эту цитату привел Вермаль в своей упомянутой статье («Memoires et documents publiees par la Societe savoisienne d'histoire et d'archeologie», t.LXV, p.189), а из статьи Вермаля заимствовал Матьез, совершенно не останавливающийся, однако, на личности Гренюсм. A.Mathiez. Le Directoire du 11 brumaire an IV au fructidor an V. Paris, 1934, p. 161).

72 «Correspondance», t.I, p.35.

73 Ibid., t.I, p.56-57.

74 «Correspondance». t.I, p.108.

75 Ibid, t.II, p.26.

76 Ibid., t.II, p.92.

77 Ibid., t.II, p.132-133.

78 Grenus. Essai sur les ressourcos de la France, ou Developpement de quelques branches de l'Industrie et de Commerce, etc.» Paris, an IV ou 1796.

79 В своих письмах к Дезона в феврале 1794 г. Греню сообщал, что он пишет записки «о продовольствии, о ресурсах и о сельском хозяйстве», которые должны последовательно публиковаться («Correspondance», t.II, p.30, 32). Вероятно здесь речь идет о записках, включенных в его книгу, опубликованную в 1796 г.

80 «Essai sur les ressources de la France», p.18.

81 Ibid., p.69, (курсив автора).

82 Ibid., p.92-98, 102.

83 J.Grenus. Premier essai sur la legislation centre l'usure, ou l'on traite de l'organisation, des effets et des ravages de l'usure dans le departement du Leman et dans la ville de Geneve. 1808.

А. Р. ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Москва: Наука. 1966
Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

84 Ibid, p.112.

85 Нац.архив, F17 1003, № 239.

86 Нац.архив, F17 1004°, № 423.

87 В тексте сказано «physicien», очевидно, в мысле «знатока природы», от греческого слова «physis».

88 Анноне находился поблизости Соррьера. Вполне понятно, почему Сабаро напечатал эту брошюру именно в Анноне, где он одно время и сам проживал.

89 В каталоге департаментского архива Ардеша под № 1824 значится брошюра Сабаро «A tous ses concitoyens amis du vrai et du bien, suivi d'un colloque entre un druide, un rabin, un pretre romain, un iman, un rainistre pour la conciliation religieuse». Annonay, an IV, in 8, 20 p. (см. «Inventaire ou catalogue sommaire des imprimes du fonds vivarois de la bibliotheque historiques des archives departementales de l'Ardeche». Largentiere, 1916). Но ото, очевидно, другая брошюра или другое издание брошюры. У нее другое заглавие; она состоит из 20, а не 14 страниц, ее размер — in 8°, а не in 16°.

90 Нац.архив, F17, 1004B, № 423.

103 «Proces-verbaux des Comites de l'agriculture et de commerce do la Constituante, de la Legislative et de la Convention», t.I. Paris, 1906, p.620.

91 J.Vallet. Serrieres sous la Revolution. — «Revue t. XXXVI, 1929, p.57—71, 123-131, 153—158, 305—318.

92 Нац.архив, F17, 1008, № 1508.

План этот является, безусловно, относительно более рсали стпчным, чем многие другие построения эпохи. Автор не описывает какое-либо абстрактное общество вне времени и пространства, какие-либо фаланстеры. Он мыслит установление коммунистических порядков в конкретных условиях Французской республики.

93 Был ли этот документ действительно анонимным? Возможно, что и нет. Последняя страница рукописи, исписанная до самого конца, как-то внезапно обрывается. Возможно, что была еще одна страница с заключительными строками и подписью автора. Но если даже она существовала, то ее утеряли еще во время пересылки рукописи из Комитета петиций в Комитет народного образования, так как здесь это обращение было зарегистрировано как анонимное.

94 Нац.архив, F113, 124, № 4263.

95 См. карту департамента Сены и Уазы в период революции в «Recherche et publication des documents relatifs a la vie economique de la Revolution. Comite departemental de Seine-et-Oise. Bulletin de 1910—1911». Versailles, 1911, p.32.

96 Департаментский архив Сены и Уазы. Registro paroissial de Neauph-Ictto.

97 Книга записей актов гражданского состояния коммуны Лонь (1792 - VIII год). Запись от 2 февраля 1793 г. — заявление «Жана-Баптиста Лежэ, столяра в Лоне» о смерти своей тещи: имеется его подпись. Запись от 13 июня 1793 г. — один из свидетелей «Жан-Баптист Лежэ, столяр». Запись от 16 августа 1793 г. — свидетельница «Мари Катрин Руссель, жена Жана-Баптиста Лежэ, столяра в Лоне».

98 Ibid., 2 L.M 27.

99 Ibid., LIIs. Registre de deliberations du district do Monfort. Протокол заседания от 4 плювиоза III года.

100 Ibidem. Книга записей гражданского состояния коммуны Лонь (1792—VIII год). Запись от 7 термидора VI года: «Передо мной Жаном- Баптистом Лежэ, муниципальным уполномоченным коммуны Лонь» и подпись: «Лежэ, уполномоченный». Далее такого рода записи встречаются неоднократно.

101 Ibidem. Запись от 22 жерминаля VIII года: «Лежэ, уполномоченныи, выполняющий функции мэра».

102 Ibidem. Etat civil de Longne. Запись от 16 апреля 1830 г.: «Acte de deces de Jean-Baptiste Leger, ancien meiuiisier, age de soixante dix-neuf ans, ne a Neauphlette decede hier a neuf heures dii soir au domicile de Jacques Lanbier, cabaretier. ».

104 Нац.архив, F17, 1009e, № 2378.

105 «Recherche et publication des documents relatits a la vie economique de la Revolution. Comite departemental de Seine-et-Oise 1er fascicule». Versailles, 1907, p.49 sqq.

106 Нац.архив, F10 III, Seine-et-Oise, 12, № 881.

107 Нац.архив, F7, 3065.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы можем теперь подвести некоторые итоги. Данные, которыми мы в настоящее время располагаем, рисуют следующую картину развития коммунистической мысли в годы Великой французской революции.

В первые годы революции не было еще достаточных предпосылок для широкого распространения идеи коммунизма. Непосредственные задачи борьбы против абсолютистско-феодального строя, неизжитые иллюзии об общих, единых интересах «третьего сословия» еще отодвигали на задний план многие общественные проблемы. Мечта о социальной справедливости, отражавшая социальные чаяния плебейства, находила свое выражение, в основном, лишь в уравнительных идеалах. Однако возникший в то время радикальный эгалитаризм во многих точках соприкасался уже с коммунистической, идеологией. Руководитель «Социального кружка» Бонвиль, выдвигавший лозунг «социального равенства», ссылался для его обоснования на первоначальную общность имуществ. Бабеф мечтал о «совершенном равенстве» и отвергал частную собственность на землю. С самого начала революции с последовательно

коммунистическими воззрениями выступали три выдающихся представителя коммунистической мысли — Ретиф де ля Бретон, Шапюи и Буассель. При этом Буассель выдвигал конкретную политическую программу коммунистического преобразования Франции. Колиньон, Марешаль, Юпей, как и авторы некоторых анонимных брошюр, также не скрывали свою приверженность к коммунистическим идеалам.

Обострение классовой борьбы между буржуазией и плебейскими массами после провозглашения республики содействовало распространению коммунистических идей, хотя и на последующих этапах революции эгалитаризм оставался еще, безусловно, основной формой выражения социальных идеалов общественных низов. Весной 1793 г. Освальд от планов уравнительного землепользования переходит к идее совместной обработки земли и высказывается за сокрушение железного ярма собственности. Марешаль публикует свой теоретический трактат с резкой критикой буржуазной революции и обоснованием общинного коммунизма. Буассель разрабатывает подробную программу установления революционного правления санкюлотов в целях построения коммунистического общества. Коммунистические идеи начинают проникать и в провинцию. Уже в октябре 1792 г. из местечка Серрьер поступает в адрес Конвента план коммунистического переустройства Франции Сабаро. Ланж, исходя из практических предложений по кооперированию населения в целях борьбы с частной торговлей и спекуляцией, все более приближается к идеям «кооперативного» социализма.

Якобинская диктатура оказала самое непосредственное воздействие на развитие коммунистической мысли. Мероприятия революционного правительства и, прежде всего, экономическая политика максимума с ее системой реквизиций и централизованного снабжения продовольствием показали на деле возможность государственного регулирования экономики. Такие распространенные в дни якобинской диктатуры идеи и представления, как обязанность всех граждан республики принимать участие в общественно полезном труде, долг государства обеспечивать всем членам общества средства к существованию, «амбары изобилия», общие трапезы и т.п., содействовали выработке коммунистического мировоззрения. Именно в период якобинской диктатуры Бабеф окончательно переходит на коммунистические позиции. Такие радикальные эгалитаристы, как Доливье, Кольмар, Борье, доходят до самой грани коммунизма, причем Доливье подробно аргументирует необходимость обобществления земли, а Борье открыто признает общность имуществ основой наилучшего общественного устройства. Буассель, продолжая свою повседневную коммунистическую агитацию, разрабатывает проекты конкретных политических и экономических мероприятий для проведения в жизнь своей программы революционной диктатуры санкюлотов. Многие, подобно Дюфурни де Вилье, приходили к убеждению, что в подлинной республике, основанной на социальном равенстве, собственность также должна быть «социальной», а Греню считал коммунизм неизбежным конечным следствием системы максимума и провозглашал общность «великим принципом республики». Рядовые граждане и в столице, и в провинции высказывали критическое отношение к частной собственности и представляли даже развернутые проекты установления во Франции коммунистического строя, вроде «Изыскания во имя счастья свободного народа».

Для коммунистических идеологов периода Французской революции, несмотря на их подчас различные политические позиции, характерны некоторые общие идейные установки. Это прежде всего отношение к Декларации прав человека и гражданина; т.е. к новым общественно-политическим идеалам, провозглашенным революцией. Коммунистические мыслители первыми сумели раскрыть ограниченный характер этой Декларации. Уже через несколько дней после ее принятия Буассель с исключительной прозорливостью указывал, что Декларация прав является лишь модификацией старого порядка вещей, основанного на общественном неравенстве. Приветствуя и одобряя Декларацию прав, как значительный шаг вперед в деле общественного прогресса, коммунистические мыслители подвергали в то же время самой резкой критике одно из ее основных положений — провозглашение собственности естественным и священным правом человека. Одновременно они подчеркивали, что выдвинутые Декларацией демократические принципы, при правильном их толковании и последовательном осуществлении, неизбежно ведут к общественному строю, основанному на социальном равенстве и социальной справедливости. Уже в 1790 г. Шапюи в своем подробном анализе Декларации прав доказывал, что ее принципы могут быть полностью реализованы — не формально, а по существу — лишь при общественном строе, основанном на коммунистическом равенстве. Такова же была позиция и других коммунистических мыслителей.

Большинство сторонников коммунизма, подобно многим представителям радикального эгалитаризма, исходя из последовательных демократических принципов, выступали за прямое народоправство. Идею прямого народоправства выдвигал тот же Шапюи, ее обосновывал Освальд, ее поддерживали Юпей и другие. Бабеф, в письмах к Купе также критиковавший Декларацию прав как непоследовательную и противоречивую, сводящую на нет провозглашаемые ею принципы свободы и равенства, предлагал, чтобы все законы утверждались народом. У Буасселя же идея народоправства, истинной демократии, сочеталась уже с представлением о

диктатуре общественных низов; он мыслил подлинно демократический, народный строй как революционное правление санкюлотов, объединенных вокруг народных обществ, осуществляющих контроль над всеми государственными органами и всей общественно-политической жизнью страны.

Некоторые коммунистические теоретики и в годы революции не принимали активного участия в политической, борьбе. Но все же именно в эпоху революции во Франции появляются на исторической арене политические деятели, защищавшие идеалы коммунизма. Характерно, что почти все они, подобно Греню, были по своим политическим убеждениям левыми якобинцами, к которым в период якобинской: диктатуры был близок (несмотря на свои анархические тенденции, побуждавшие его критически относиться ко всем политическим течениям) даже такой человек, как Сильвен Марешаль. А якобинец Буассель являлся первым политическим деятелем-коммунистом, выдвигавшим развернутую политическую программу и рассматривавшим все практические, текущие вопросы революции под углом зрения осуществления конечной цели — коммунистического преобразования Франции. В 1791 г. на выборах в Законодательное собрание и в 1792 г. на выборах в Конвент впервые в истории были сделаны попытки выдвинуть коммунистические кандидатуры, кандидатуры в депутаты с коммунистической программой. Если попытка Колиньона не носила серьезного характера, то Буассель и в 1791 г. и в 1792 г. официально представлял свою кандидатуру избирательным собраниям Парижского департамента. Наконец, именно в годы революции не только формируется мировоззрение, но и развертывается политическая деятельность Бабефа, возглавившего после термидора первое коммунистическое политическое движение.

В годы революции коммунистические идеи находили питательную среду в двух социальных источниках — в движении городского плебса и в движении сельской бедноты. Было бы неправильно связывать генезис всех коммунистических идей и проектов этих лет исключительно с городом или исключительно с деревней. Франция в то время была аграрной страной, земля была основным средством производства, основную массу трудящегося населения составляло крестьянство. Для коммунистических идеологов проблема земельной собственности была одной из самых главных проблем. Аграрные отношения служили для многих сторонников коммунизма и радикального эгалитаризма, в том числе таких, как Ретиф и Доливье, исходным пунктом в их социальной критике. Коммунистические проекты, присланные из провинции, являлись, естественно, в первую очередь отражением классовой борьбы в деревне, и их авторы выступали прежде всего как защитники интересов сельской бедноты.

Но в то же время в процессе революции на коммунистическую мысль все большее влияние оказывало движение городского плебса, в первую очередь революционная борьба парижских санкюлотов. Крупнейший представитель коммунизма этих лет Буассель совершенно открыто выступал как выразитель интересов парижских санкюлотов, которым отводил решающую роль в установлении революционной диктатуры. Начавшаяся и все более усиливавшаяся в ходе революции политическая дифференциация внутри плебейства и постепенное формирование классового самосознания предпролетариата находили уже свое отражение в коммунистической мысли. Коммунистические и близкие к ним идеологи начинали говорить о наемном труде, о тяжелом положении «рабочих» и даже выступали от их имени. Ретиф, сам рабочий по профессии, составлял проекты для облегчения участи рабочих-типографщиков и даже, по-видимому, принимал непосредственное участие в первой профессиональной рабочей организации — «Типографском клубе». Буассель различал санкюлотов-собственников и санкюлотов-несобственников, отводя этим последним руководящую роль в органах революционной диктатуры, и говорил уже о людях, живущих трудом своих рук, о «рабочих-санкюлотах». Ланж не скрывал, что выдвигал свои план прежде всего в интересах лионских трудящихся — работников шелкоткацкой промышленности. Неоднократно упоминал о наемных рабочих и Бабеф. Даже Шапюи, несмотря на фантастичность его общественных проектов, в своей социальной критике выдвигал на первый план «рабочих», «поденщиков», «слуг», видя в системе наемного труда основное орудие их порабощения. Конечно, коммунистические идеологи тех лет, в силу того, что и в реальной действительности рабочий класс еще четко не выделялся из общей плебейской массы, часто понимали термин «рабочие» весьма расширительно и не были еще способны рассматривать рабочих как особый класс. Но объективно, по мере развития революции, коммунизм все более превращался в идеологию предпролетариата.

В первые годы революции коммунистические идеологи, пытавшиеся поставить в порядок дня вопрос об установлении коммунистических порядков, невольно исходили из единственно доступного им в то время примера — примера различного рода общин, вроде овернских или гернгутерских, и общинного землевладения, примера, служившего образцом еще в дореволюционной литературе. Отсюда и их представление о коммунистическом обществе, как о сумме отдельных коммунистических общин. При этом, если некоторые, как, например, Ретиф, предусматривали относительно тесную хозяйственную связь между этими общинами, то другие, вроде Шапюи, представляли себе эти общины как совершенно самостоятельные хозяйственные

единицы, а Марешаль со своими анархическими тенденциями приходил к полному отрицанию не только государства, но даже единого общества. Кооперативные планы, хотя и отличавшиеся по своей сущности от общинно-коммунистических идей, также развивались в направлении идеала общин-фаланг. Единственное исключение в первые годы революции составлял Буассель, который всегда был далек от общинных идеалов, а тем более от фантастических проектов образцовых общин и дворцов-фаланстеров, и реалистически мыслил себе коммунистическое переустройство Франции в общегосударственном масштабе как конечный результат процесса ее революционного преобразования. Но опыт революции, особенно якобинской диктатуры, привел к победе идеи централистического коммунизма. В период якобинской диктатуры и после термидора мы уже почти не встречаем идей общинного коммунизма. Коммунистические предложения и проекты этих лет предусматривают установление коммунистических порядков в конкретных, реальных условиях Французской республики, превращение ее в коммунистическое государство с единым централизованным коммунистическим хозяйством. Характерно, что даже Ретиф, выступавший до этого с общинными идеалами, переходит теперь на позиции централистического коммунизма. Так, опыт революции придал коммунизму значительно более реалистический, практический характер.

Революция оказала большое влияние на коммунистическую мысль и в другом отношении. Даже те коммунистические мыслители, которые отнюдь не были сторонниками революционного насилия и видели в коммунизме средство для примирения классовых противоречий, рассматривали коммунизм как конечную цель общественно-политического переустройства Франции, начатого в 1789 г. Некоторые из них, под влиянием революционных событий сами в той или иной мере проникались революционными настроениями. Характерен в этом отношении пример таких лиц, как Ретиф и Шапюи. Ретиф отнюдь не политический борец, человек опасавшийся «эксцессов» и «крови», проявлял подчас, после начала революции, бунтарские настроения, призывая к насильственному ниспровержению собственности. Мечтатель Шапюи, пытавшийся доказать сильным мира сего выгоды коммунизма, по мере развития революции все больше терял надежду на методы убеждения и склонялся к мысли о необходимости народной расправы с угнетателями, выдвигая даже такие проекты, как проект генеральной ассамблеи «всех рабочих, слуг и неимущих» для установления прямого народоправства и нового коммунистического общественного строя. Другие же коммунистические теоретики видели уже в революции единственное средство для радикального переустройства общества. Марешаль считал, что подлинная революция, кладущая конец общественному неравенству, еще не совершена, и призывал ее осуществить. Буассель мыслил достижение коммунистического равенства лишь революционным путем, путем установления революционной диктатуры санкюлотов, лишения гражданских прав и разоружения всех представителей господствующих классов. Так, грандиозный революционный кризис, потрясший Францию, и грандиозная общественно-политическая борьба, развернувшаяся в стране, породили революционный коммунизм, нашедший впервые свое конкретное выражение в политической программе, разработанной Буасселем в 1793 году.

Однако до термидора все сторонники коммунизма (за исключением, быть может, Марешаля) связывали осуществление своих проектов и предложений с происходившей в то время и все более бурно развивавшейся революцией. Даже Буассель в первые месяцы якобинской диктатуры верил, что установившееся во Франции революционное правительство сможет перерасти в то революционное правление санкюлотов, о котором он мечтал. Лишь после термидора, оборвавшего поступательный ход революции, окончательно утверждается представление о необходимости новой революции для осуществления коммунизма. Но даже бабувисты рассматривали эту новую революцию как продолжение и завершение начатого Французской революцией дела общественного преобразования.

Историческая обстановка неизбежно обусловливала утопический характер коммунизма эпохи Французской революции, революции буржуазной, покончившей с феодализмом и создавшей предпосылки для расцвета Капиталистического общества. Коммунистические мыслители тех лет не могли еще в силу объективных условий познать законы общественного развития. Революция, до крайности обострившая и обнажившая классовые противоречия, дала им, правда, возможность глубже заглянуть в суть общественных явлений. Многие из них уже ясно видели происходившую вокруг классовую борьбу и даже считали ее главным фактором современного им общества. Под углом зрения противоречий между зажиточными тунеядцами и неимущими трудящимися рассматривали все общественные проблемы и Марешаль, и Шапюи, и Ретиф, и автор «Изыскания во имя счастья свободного народа», и многие другие. А Буассель рассматривал уже весь ход революции как ожесточенную борьбу, борьбу не на жизнь, а на смерть между «порядочными людьми» и санкюлотами. Но познать истинную сущность классов и классовой борьбы, а также закономерности общественного развития, доказать историческую неизбежность коммунизма они не могли. Поэтому все коммунистические мыслители, даже представители революционного коммунизма вроде Буасселя, обосновывали коммунизм чисто рационалистически, как естественный, разумный, справедливый общественный строи.

Они не могли найти и ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества. Хотя многие коммунистические идеологи интересовались уже специально рабочими и резко осуждали систему наемного труда, но они не могли еще раскрыть историческую роль рабочего класса и связать с этим классом осуществление своих коммунистических идеалов. Поэтому, даже доходя до правильного вывода о необходимости революционной диктатуры для построения коммунистического общества, они представляли себе эту диктатуру как диктатуру санкюлотов, т.е. общественных низов в целом.

Утопический характер коммунизма периода Французской революции нашел свое выражение и в самих представлениях о коммунизме и коммунистическом обществе. Коммунизму этой эпохи были присущи черты грубой уравнительности. «Самая умеренная жизнь», единообразие в одежде, в питании, в жизненных условиях — вот характерные черты «общности» в представлении коммунистических мыслителей того времени. Правда, некоторые из них, вроде Ретифа или Лежэ, выступали против этой уравнительности. Но непонимание экономических законов приводило в их построениях лишь к противоречию между системой «личных доходов» отдельных членов общества и принципом уравнительного потребления.

Условия эпохи отражались и на идеях о коммунистической организации производства. Отсутствие крупного фабричного производства и машинной техники не давало в то время возможности, подчас даже самым передовым представителям коммунистической мысли, связывать коммунизм и коллективное ведение хозяйства с крупным коллективным производством. Коммунистические идеологи предусматривали обобществление как земельной, так и иной собственности, обязательный труд, ведение совместного коллективного хозяйства, общественное производство и потребление. Но труд граждан коммунистического общества обычно представлялся им как труд индивидуальный, плоды которого являлись, однако, общественной собственностью и использовались на удовлетворение нужд всего общества. Поэтому в области сельского хозяйства предусматривалась обработка каждым членом сельской общины определенного участка земли. Так же представляли себе обычно и ремесленное производство в коммунистическом обществе, как совокупность индивидуального труда отдельных «ремесленников» и «мастеров». Это представление о коммунизме очень четко выразил после термидора Бабеф, заявляя, что для достижения полного равенства необходимо «отменить частную собственность, прочно привязать каждого человека к его таланту, и промыслу (Industrie), который он знает, обязав сдавать продукцию в натуре в общественные склады и установить просто-напросто администрацию, заведующую ее распределением[1].

Утопический характер коммунизма периода Французской революции не умаляет, однако, его большого исторического значения. Уже в годы революции происходит коренной перелом в развитии коммунистической мысли. Коммунизм становится знаменем политической борьбы, выдвигается как конкретная политическая программа, получает известное, хотя еще и ограниченное, распространение. Постепенно складываются все основные представления революционного коммунизма той эпохи — о классовой борьбе имущих и неимущих как основной движущей силе революции, о коммунистическом равенстве как главной цели революции, о необходимости революционной диктатуры общественных низов для достижения этой цели.

Контрреволюционный термидорианский переворот и разгул буржуазной реакции знаменовали новую веху в развитии коммунистических идей. Наряду с революционно-политическим движением — бабувизмом, коммунизм получает распространение и в иных формах и находит своих теоретиков и пропагандистов и среди лиц, не принадлежавших к бабувистскому лагерю. Коммунизм не сходит со сцены и после крушения заговора Бабефа. Но всестороннее изучение коммунистических идей в послетермидорианский период — задача особого исследования.

А. Р. ИОАННИСЯН

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва: Наука. 1966

[1] «Pages choisies de Babeuf», p.261—262.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009